

Повесть «Благодать Божья».
Большая проза.
Пьянков Борис.
г.Пермь. Россия

БЛАГОДАТЬ БОЖЬЯ

Господу Богу нашему, моим дорогим
дедушкам, бабушкам и родителям -
в благодарность за подаренное детство
изливаю своё сердце.

И сказал Иисус: «Пока вы не подобны малым детям, вы не войдёте в Царство Божие».

Пролог

Почему и для кого пишешь книги? Конечно, не из любви к себе, и не для себя. Для людей? И «да», и «нет». Но это не главное. Что-то глубинное понуждает тебя браться за перо.

Причём, не только радость восприятия этого удивительного мира! Нет, нечто ещё более значимое, исходящее через тебя из неведомого, бесконечно мудрого Источника...

Конечно, своим творчеством ты способен доставлять незабываемое волнение кому-то, пробуждая в нём чудесные искорки озарения, помогающие открыть и свой внутренний мир, и ты делишься с людьми искренними поисками истины, более всего желая разобраться в ней сам. В письме ты мыслишь и выражаешь своё исконное «я», тебе, почему-то, непременно требуется достичь его, нестерпимо хочется добиться этого, и ты не можешь не делиться своими поисками с кем-то ещё, ощущая близость устремлений с тем, кому также необходимо жить осознанно, понимая смысл собственного существования. Или ты вдруг постигаешь, что одному тебе осуществить подобное не под силу?

А может быть, ты просто радуешься восприятию этого удивительного бытия, когда невозможно этого не делать? Так пленительна эта жизнеутверждающая сила, так заразительна её созидательная мощь. Как мне не писать, не выстраивать поэтично свои мысли, когда что-то неудержимое внутри меня просится на бумагу, как будто ты обязан донести его до мира, несмотря ни на что, развив в себе способность и потребность совершать это, совершая с удовольствием, но и не без великого напряжения?!

Несомненно, кто-то Великий движет моей рукой, и я сам не могу не открывать свою подлинную душу, у меня хватает на это духу, посвятив созидательному труду всю жизнь, и все ответы я ищу в собственной душе, в самом себе. Только тогда открывается правда, ибо и искусство, и жизнь есть истинное всё, и если ты осознал в себе Бога, ты никогда не отойдёшь от неё, неся в себе божественное, а значит - истинно правдивое, без сомнений - радостное, как в детстве.

Работая над этой книгой, я вспоминаю какие-то забавные случаи из своих ранних лет, так, что они всё не кончаются, неожиданно всплывают в памяти, и меня поражает необъятность детства, тогда как большую часть из

него мы не помним. Все эти, неизвестно откуда возникшие истории, кажется, совсем не существующие, между тем, случились однажды с тобой. Они словно вытаскивают себя за волосы из безвозвратно ушедших лет, если тщательно сосредоточиться на детстве и постоянно думать о нём. То, что представлялось до сих пор именно утраченным - вдруг совершенно неожиданно выплывает из неведомых закоулков подсознания, и необыкновенно удивляет тем, что ты опять всё это переживаешь.

Удалившись от людей и желая достичь сосредоточенного одиночества для своих раздумий, в полной отрешённости от всего и всех, я уединяюсь в своём деревенском доме, пытаюсь возродить в памяти то, что ещё совсем недавно никак себя не проявляло. И вдруг меня озаряет: ведь то, что я вспоминаю, даже при кажущемся его обилии, ничтожно мало в сравнении с тем, что уже никогда не подлежит восстановлению, это - всего лишь редкие вспышки того, что было, и его никогда не возродить, как бы ты к этому ни стремился.

Осознав это, я вмиг воображаю, какой насыщенной, наверное, могла быть наша детская жизнь, и стоило ли Всевышним Силам блокировать человеку его восприятие младенческого возраста, наполненного не только радостью от появления на свет, но и удивлением от происходящего с ним, таким неожиданным столкновением с неизведанным миром?! Ведь все эти переживания могли бы подарить человеку недостающие знания о себе. О том, что, несомненно, помогло бы ему более чутко относиться к жизни, если бы он помнил и своё рождение, и преодолеваемые муки познания, и узнавание того, что он уже видел в Мире Душ, отправляясь на Землю для исполнения своей миссии.

Божество наделяет каждого человека частицей своей энергии, чтобы поведение его было исполнено понимания этого, и он бы поступал соответственно заложенной в себе божественности, то есть - рос душой, изменяясь к лучшему, а это, конечно, невозможно без совершения над собой душевных усилий. Ощущать в себе Бога - это значит постоянно работать над собой, ничего не прося у Него, и тогда благословение придёт к вам заслуженно, и вы будете готовы принять его.

Разве не должен человек взрастать в постоянно изменяющейся Вселенной, развивая своё сознание и душу? А во имя этого ему необходимо знать как можно больше о себе и мире, не боясь преодолевать самые недостижимые рубежи.

Если люди готовы что-то по-настоящему ценить в своей жизни, то это должен быть твой собственный рост, и он невозможен без приобретения тех божественных качеств, что свойственны самому Существованию. На этом пути человеку никак не обойтись без присущей детству невинности, чистоты и стремления к постижению. Именно в детстве мы очарованы земной жизнью, с не меньшим интересом заглядываясь в беспредельные небеса, и эти бесконечные вселенские дали, благодаря присутствию в нас

божественного сознания, оказываются, как ни странно, не менее важными для нашей души, нежели пребывание на Земле.

Но сколько в нас заложено информации не только о детстве из этой жизни, но и из предыдущих воплощений! Вот что необыкновенно поразило меня однажды, и со всем этим знанием о себе мы должны непременно познакомиться и справиться, используя в развитии собственной души.

И вот, я возвращаюсь мысленно в своё детство... Меня, конечно, по-прежнему привлекает его чистота и невинность, когда воображение твоё, кажется, не иссякает, и всё в жизни представляется таким достижимым. Но даже если так, стоит ли оглядываться, возвращая себя к тому, чего уже никогда не будет?!

Детство было - и этого достаточно для жизни, которая продолжается. В ней возможна и чистота, и достижение желаемого, и воплощение любой мечты, потому как ты уже способен руководить своими поступками и мыслями. И всё-таки, ты пытаешься вернуть себя в детство, которое, как не крути, не вернёшь. Что движет тобой в этом устремлении? Зачем тебе это нужно?!

Наверное, ты просто сохранил в душе ребёнка, его чистоту, и тебе хочется, не переставая, ощущать себя им, переживая осознание, что ты был всегда, так будет длиться вечно, и ты сможешь даже сейчас стать кем угодно, исполнив любую не сбывшуюся мечту, если того по-настоящему пожелаешь...

Подходя к жизненному краю, становишься более чуток, будто боясь упустить какую-то важную деталь, без неё, ты знаешь, тебе почему-то не обойтись. И вот, тихонечко, каждый миг вслушиваешься, всматриваешься и в свои ощущения, и в протекающую мимо жизнь, и всё пытаешься угадать это самое важное, от него, ты чувствуешь, зависит твоё оставшееся существование, и обязательно при этом обратишься к детству, когда точно также вслушивался, всматривался, но не за тем, чтобы ухватить недостающее, а для наполнения себя необъятным счастьем... Вот бы и сейчас так!

В детстве мы всё видим как будто другими глазами... Вернее, божественное в нас проявлено наиболее полно, оно не пропускает мимо себя ни единой мелочи, потому как всё в жизни важно и взаимосвязано между собой, одно без другого если и может существовать, то недолго. И оттого нам хочется обнять весь мир, открыв для него свою маленькую, но единую с ним душу, и мы трепетно вглядываемся и вслушиваемся в окружающую нас жизнь, желая только познавать и радоваться. Бог в нас определяет всё, и потому Он наиболее чуток к чистоте малышей, в каждом из них начиная неповторимый путь, не нарушая божественный ход событий. Если душа остаётся чиста, то перед человеком открывается весь мир, наполненный здоровьем и счастьем.

Думая о своём детстве, я чувствую, что дошёл до края, нечего, вроде бы, о нём больше говорить. Всё пережито, рассказано, пора, кажется, отправляться мыслями в большую взрослую жизнь, что ещё не завершилась. Но и она уже почти пройдена, а сколько всего было - не перечесть.

И моря, и леса, и труд на земле, и воспитание себя, и то, чего уж никогда не вспомнить - так давно это было. Но нет-нет, да вернёшься в мыслях к солнечному детству, возрадуешься чему-то в самой глубине сердца, и захочется опять потопать в ботиках по лужам, пососать хрустальную сладкую сосульку, обхватить ладошками золотую пчёлку в чашечке цветка, зажмуриться от счастья перед неведомой жизнью, и весело засмеяться. В душе твоей только вера в то, что жизнь эта будет непременно прекрасной, а все люди будут к тебе ласковы, как и ты к ним, и не коснётся тебя ни глупость, ни злоба, ни чьё-либо отчуждение.

С такой сердечной надеждой ты и обращаешься к жизни, и представляется она тебе неиссякаемой на добро: кто его, кажется, может ограничить? Только ты сам, если перестанешь верить в своё счастливое предназначение, и потому оставайся в душе ребёнком, носи в себе эту чистоту вечно, несмотря ни на какие препятствия, и будет тебе всегда радость. Ведь жизнь без вымыслов и сказок куда прекрасней, и хоть она коротка и быстро проходит, а достойные дела человека века живут.

Какая силища неведомая захватывает нас в детстве, тревожит, словно обещает что-то открыть душе, с необозримой любовью ласково внушая:

- Отправляйся в дорогу, спрашивай, вглядывайся, узнавай как можно больше, чутко прислушивайся, и снова иди. Не бойся ничего, отыскивай чудеса повсюду, где дышит в полную грудь радость и надежда, и люби, люби всем сердцем, даже когда пошатнётся твоя вера в чистоту мира, ибо нет ничего чище и благословенней его божественности, присущей и тебе.

Закон, по которому человек должен выстраивать свою жизнь, один: хочешь ходить среди этой красоты, созданной Богом, сам будь достоин её. Оцени и полюби эту благодать Божью, стань богатым душой для Господа и людей, Бог с тобой!

Первая часть. Благодать Божья

Невиданный мир

Мои первые впечатления детства выплывают как будто из снов, в которых я лежу в своей кроватке, у распахнутого окна, и вижу бескрайнее небо.

Стоит весна, это хорошо угадывается по лёгкому цветочному аромату, тихонечко вливающемуся в комнату, и сразу представляется, что его источает именно небо, всей своей необъятностью мягко наваливаясь на наш дом и сад. Раннее детство сразу подействовало на меня своими чудными явлениями и событиями так же сильно, как воздействует на возрождение к жизни всей природы наша незабываемая весна.

Помнится, когда сирень уже развернула свои пушистые султаны, ближе к вечеру вдруг услышал я в саду раскатистую трель, в миг заполнившую своим необычным звучанием всю комнатку. А по саду будто рассыпали какие-то весёлые драгоценные горошины, так они восторженно защёлкали в кустах и траве, что произвело на меня неизгладимое впечатление...

- Это - соловушко, - тихо проговорила бабушка, заботливо склонившись надо мной, отчего сердце необыкновенно взволновалось, и я уже не мог сомкнуть глаз. Невидимая птичка, подлетев к самому дому, так ловко выводила свою залиvistую песенку, что мне непременно захотелось увидеть её, и в душе моей с тех пор тоже зазвучала чудесная мелодия, разливая по всему телу тихую радость.

Рядом с моей кроваткой замерло что-то большое и чёрное, с раскрытой яркой пастью и золотистой гривой: это уже была лошадка. Если до лошадки дотронуться - она начинает покачиваться, в завораживающем воображение оскале демонстрируя ослепительно большие зубы, выпяченную сильную грудь колесом и беспокойно горящий карий глаз. Лошадку-качалку с алым седлом и серебристыми стремянами подарила мне бабушка.

Поначалу лошадка, скорее, пугала, чем доставляла восторг, и я, помнится, зачарованно вглядывался в её ослабевшую пасть, долгое время не в силах оторваться. Эта лошадиная пасть, с резающимися в неё удилами, незаметно навевала какие-то беспокойные, но не удручающие видения, в которых всё постепенно успокаивалось и дарило уже не тревожные, а сладкие переживания.

Эти видения захватывали чем-то неизъяснимо притягательным, чего ещё не встречалось в моей жизни, они поражали своей необъяснимой тайной, и уносили в неведомые дали. Да и что ещё могло встречаться в раннем детстве кроме изредка покачивающейся деревянной лошадки, склонённого надо мной доброго лица бабушки и цветочного аромата, вливающегося через

распахнутое окно в спальню? Бескрайняя лазурь неба, первые запахи и редкие звуки, доносящиеся из сада через распахнутое окно, - всё, что составляло моё младенческое восприятие этого невиданного мира.

В дополнение ко всему перечисленному, с репродукции на стене, что располагалась прямо над моей кроватью, на меня взирал застывший в позе ожидания поклёвки рыбак. Полностью захваченный этим ожиданием, рыбак даже присел, опершись ладонями на колени, и иногда казалось, что всё его внимание устремлено не на поплавок, а на меня. Приковывала именно его напряжённая поза, но об этом не хотелось думать долго, притягивало к себе всё то, что находилось за окном: прямо под ним раскинул пахучие ветви густой куст смородины...

Однажды мне удалось дотронуться до них, сидя на руках у бабушки, когда мама нас фотографировала. Куст был большой, раскидистый, заметный даже из моей кровати, стоящей у самого окна, и, конечно, я попытался разглядеть его, сорвав ягоду. Смородина сразу почему-то понравилась, это было первое растение, с которым я познакомился, но когда я увидел огромные георгины под окном комнатки, где жили родители, то полюбил и их тоже.

Георгины были так восхитительны, что затмили своей красотой куст смородины. Бархатно-пурпурные, даже - немножко надменные, они захватили воображение сразу, как только я разглядел их роскошные диковинные головки. Казалось, эти цветы пришли из какого-то иного мира, такими неведомыми и прекрасными гостями представлялись они в нашем огороде, отчего всё время думалось, что георгины в любой момент могут исчезнуть, и никого это не удивит. Встанешь однажды поутру, а георгинов нет, будто их и не было.

В этих первых впечатлениях детства не покидало ощущение, что всё в нём хорошо знакомо: и кажущиеся сказочными георгины под окнами, и пышный куст чёрной смородины, и пузатая бочка с водой под раскидистой сиренью, и приземистые, с разлапистыми ветвями яблони, и заросли вишни вдоль кирпичного забора со свисающими бордовыми гроздьями мясистых ягод, и узкая тропинка к дому, утопающая в зелени... Всё это составляло единое целое, которое было удивительно уютно, и не верилось, что оно может когда-нибудь закончиться. В детстве было заключено нечто такое, чего невозможно было нигде найти, и даже не хотелось в нём ничего постигать, до того всё переживаемое оказывалось хорошо и просто.

Только в раннем детстве, каждодневно, рождалось это особое ощущение, которое я потом уже никогда не испытывал, каким-то чудом улавливая мысли деревьев и пчёл, цветов и потаённых теней, взмывающих в бездонное небо восторженных птиц. Вокруг угадывалась только красота, и я впитывал её всеми возможными способами, не боясь перенасытиться. Да этого и не могло произойти, поскольку был я мал и невинен, абсолютно чист сознанием, наслаждаясь неподражаемой солнечной порой. Что это было за удивительное время!

Ещё из первых впечатлений невозможно было не думать об... умывальнике. Он очень походил на «Мойдодыра» из книжки Корнея Ивановича Чуковского, с перекинутым через плечо полотенцем, тазиком на голове и зубной щёткой, когда наступал на неряшливого мальчика. Рассерженный от того, что мальчик не моется, грозный «Мойдодыр» очень напоминал наш умывальник, что находился в небольшой нише за печкой, куда жутковато было даже заглядывать: всё казалось, будто умывальник оживёт и тоже надвинется на тебя всей своей железной фигурой. Он даже виделся мне во сне, и, пожалуй, это было самое тревожное видение в детстве, правда, не способное затмить всю остальную радость.

Особую причастность к моей тогдашней жизни в бабушкином доме вызывала и печка. Кажущаяся огромной, занимающей половину кухни, она, между тем, не подавляла. Хотелось обследовать её, не спеша, обходя со всех сторон, но что меня более всего привлекало в ней, так это то, чем она была побелена.

В моём молодом организме, по-видимому, не хватало каких-то минеральных веществ, и, отколупывая по кусочку, я вскоре объел почти всю печку, что, естественно, не вызывало восторга у бабушки. Она не прочь была надавать любимому внуку по заднему месту, потому как ей надоела нескончаемая побелка, но что можно было поделать: мне требовалось развиваться и расти!

Чуть позже, когда мне исполнилось уже года четыре, я любил забираться на полати, что располагались сбоку от печки, и наблюдал сверху, как бабушка что-нибудь стряпает: чаще всего это были картофельные шаньги. Дух от них сладко кружил голову, и не было никакой возможности сдерживать аппетит: ничего более вкусного в жизни я больше не пробовал. Ведь шаньги выпекались бабушкой в настоящей русской печке, которую я тоже с удовольствием «объедал».

Ещё на полатях хорошо было предаваться всему таинственному, что они дарили вместе с печкой. Печное тепло и сокровенный сумрак придавали переживаемым чувствам ещё больше уюта: не зря зимой русская печка обогревала жизнь вместо солнца. Бабушка моя - Александра Панфиловна, была из большой крестьянской семьи, включающей восемь детей, и печь для неё смолodu была мать родная: она дарила необходимую на потребу снедь, питала домашних недостающей надеждой и теплом, на ней сладостно было загадывать о предстоящих добрых событиях.

Хорошо было лежать на печи даже летом, а у бабушки были работающие женские руки, и хлеб из них выходил под стать самому солнышку - запечённый и пахучий, хранящий в себе здоровый земной дух. Благословен был бабушкин дом с печью и её доброй стряпнёй.

Одним из самых ярких впечатлений детства было, конечно, лето. В детстве, и именно - летом, понимаешь, что оно - чудо. Ты с ним как будто оказываешься наедине, и всё его ослепительно жаркое лицо обращено к тебе: ничего кроме восторженного удивления ты в нём не испытываешь.

Радостные ощущения при этом сменяют одно другое: лето увидело тебя - и узнало, ты это почувствовал во всех уголках своей души, и под его взором становилось так восхитительно свободно жить!

Безмятежное летнее раздолье раскинулось повсюду, преисполненное только торжеством жизни! Ни глубокой мысли, ни раздумий, - одна безбрежная радость и благо, описать которое всё равно невозможно. Сердце тёплым комочком радостно толкается в груди, а лету не нужны никакие слова: оно жарит без остановки своим божественным светом, словно обнимая собой всё живое, обласкивая и лелея.

Вроде бы, и обыкновенно воздействие лета на младенческую душу, но как оно чарующе и проникновенно, и если можно отнести подобное отношение к ребёнку, то лето было на удивление умиротворяющим! Независимо от возраста всегда с пониманием встречаешь летнюю восторженность, и невольно благодаришь всем сердцем эту чудесную пору.

Тогда, в детстве, совершенно ясно и просто воспринималось: переполненное жизнью лето - и есть единственно важная истина, и истина эта богаче и многообразнее всего, что можно выразить словами. Вместе с тем я чувствовал, как богатство запахов и красок делает меня сильнее, даже - взрослее, и что в этой чудодейственной поре заключено всё.

Надо только увидеть лето, встретить его всей своей душой, и оно наполнит тебя живительным светом до краёв. Лето - есть, и это удивительная и сказочная правда: оно проникает в душу и наводит в ней жизнеутверждающий порядок!

Повсюду в нём - солнце, солнце, и ещё раз солнце. Детство, исполненное его восхитительного света, необыкновенной мягкости воздуха и тепла, щедро разливающегося повсюду, воспринималось именно солнечным, пронизанным этой золотистой благодатью насквозь.

Всю солнечность детства я воспринимал незамедлительно и бесповоротно, как единственное его состояние, - об осени, зиме и весне даже не думалось. Все эти времена года просто переставали существовать, когда над землёй всплывало ослепительное лето, заполненное солнечными зайчиками и цветами. Всё в нём было зелено и душисто, и так много густых потаённых мест, пронизанных таинственной прохладой, что не хотелось их покидать.

Деревья переплелись ветвями, будто обнялись, нашептывая еле шелестящими листьями свои сокровенные загадки. Божественный воздух пронизан безмятежным покоем, уносящим на своих волнах к волшебному истоку жизни. Детство в эту благодатную пору становится летом, а лето - переполненным радостью детством!

Вот и цвета детства несравнимы ни с чем. Чудесные солнечные блики, вдобавок к ним - белоснежные ромашки, на которые присаживались золотистые пчёлы, и синее небо. Там, в этом ослепительном небе, угадывались ответы на любые вопросы, да их, собственно, и не возникало, что подразумевало чистоту восприятия.

Счастье существования переполняло маленькую душу, ибо весь мир природы представлял собой сгусток чудесного волеизъявления Господа - непревзойдённо прекрасный и радостный, ни с чем иным несравнимый праздник. Творец сначала увидел его, а затем воплотил увиденное в непередаваемо прекрасное Божественное Существование. В детстве мы тоже имеем способность «видеть», ни на секунду не теряя взаимосвязи с окружающим удивительным пространством, и пытаемся его для чего-то воссоздать в своих играх.

Интересно, что в зрелом возрасте летнюю пору я вообще никак не воспринимал. Вероятно, причиной подобного отношения к чудесному времени года было моё увлечение морем, в котором лето, тем более, на севере и Дальнем Востоке, вообще отсутствовало, и за долгие годы работы в тех местах у меня сложилось о нём именно такое представление. Лето как будто исчезло из моей жизни, перестало существовать, и я жил только осенью, зимой и весной, которая, почти сразу, перетекала в осень. Привыкнув к подобному положению вещей, я даже забыл - каким переживалось лето в моём детстве.

Детство... В нём действительно каждое утро вставало над землёй солнце, озаряя вновь пришедший день ласковой паутинкой принизывающего света, воздух был душен от аромата цветов. Тревожный рой шмелей, бархатистым облаком повиснув над их раскрывшимися пышными головками, звонко гудел в разлитой синеве непрекращающейся музыкой сладкого, томительного зноя. Вездесущие стрекозы прозрачно-клейкими зеркальцами почти невидимых крылышек рассеивали золотистую паутинку мельчайших солнечных зайчиков. Бабочки бесшумно порхали, присаживаясь на траву, как будто становясь на цыпочки и складывая крылья листиком: были среди них чёрно-красные, похожие на цветок крапивницы, всем хорошо знакомые, и пританцовывающие на одном месте кокетливые лимонницы — изящные, легче воздуха...

Жарко и радостно пекло солнце, в ослепительно синем небе стояли белые пушистые облака, запах цветов, с каждым днём набирая душистость, не терял своей свежести, легко дурманил голову и мог сравниться лишь только с любовью к женщине. Но до этого было ещё далеко: лето - самое прекрасное, что могло быть в пору детства, щедро дарило свою ласку, утопая в которой - ничего другого не желалось, и была твёрдая вера: жизнь, тепло и солнечный свет - нескончаемы. Всё это, голоса птиц, распевающих среди листвы или в небесной вышине, и ещё множество сочинённых самим собой историй, игр и связанных с ними переживаний, было неотъемлемым свойством этой чудесной жизни, порождающей полную, безоблачную радость.

Ароматная прохлада деревянного дома в жаркий полдень, стакан молока с душистой малиной и куском пахучего белого хлеба, как ничто другое выражали для меня раскалённую сухость знойного летнего дня, выплывающего из такого близкого и уже навсегда ушедшего прошлого.

Детство хранило о себе незабываемую память во множестве самых разнообразных звуков, вкусов и дуновений, чем-то очень схожих между собой.

Запах нагретого на солнце резинового шланга у старой раздутой бочки с водой под раскидистым кустом сирени запомнился ничуть не хуже, чем вяжущая рот терпким ароматом созревающая черёмуха, - её не терпелось попробовать. И ещё - кисловато-режущий, до слёз в глазах, привкус упругих, зеленоватых ягод крыжовника, и тающая во рту мякоть припеченной на солнце виктории, пополам с хрустящим на зубах песком с грядки. Все вкусы и запахи, овеянные единым солнечным объятием, сплелись в неразделимое и радостное ощущение: причиной тому была жаркая пора, самая лучшая и непревзойдённая по чистоте, не перестающая быть сказочной.

Всюду в детстве была своя радость! Вот и чердак олицетворял собой совершенно особый мир, где и пахло по-иному, нигде таких запахов не было слышно. Пахло крепко – печной копотью и потаённым пыльным мраком, скрывающим неотступно беспокоящую тайну: что там?!

Сколько раз в детстве лазил я на чердак, в надежде раскопать это невиданное, что, несомненно, находилось там, но пока оно почему-то не показывалось. И всё же я был уверен, что непременно это нечто неуловимое и такое притягательное отыщу. Казалось, оно тоже только и ждёт этого, но до поры не показывает себя, наверное, ожидая, когда я, немножко, подрасту.

Это было одно из самых увлекательных занятий - забираться на чердак и из его распахнутого маленького окошка смотреть вдаль, над домами, утопающими в садах, так что сердце замирало от сладостной тоски по тому неизведанному, что таилось за ними. А путь на любимое в доме место начинался в сенцах, где напротив двери располагался большой деревянный ларь с откидывающейся вверх тяжёлой крышкой, в котором бабушка хранила муку, набирая её в берестяной туесок истёртой от времени деревянной лопаткой, приговаривая: «Не суйся, Борька, где не спрашивают, но и позади не оставайся».

Мука имела свой незабываемый запах - сладковатый, мягко свербящий в ноздрах, в моём воображении представляющийся румяной корочкой на только что испечённом каравае. Ларь этот воспринимался тоже каким-то волшебным, будто из сказки, называемый бабушкой «сусеком», в котором обязательно нужно было поскрести, чтобы потом месить квашню. Часто бабушка ещё сказывала: «Не то хлеб, что в поле, а то хлеб, что в сусеке», и больше всего опасалась обнаружить в ларе только то, что мыши нанесли.

Так вот, прямо за этим ларем, в тёмном уголке, на чердак вела узенькая, почти отвесная лесенка. По ней я с затаенным духом пробирался вверх, стараясь, чтобы бабушка меня не услышала, потому как она всегда сердилась, если я где-нибудь прятался от неё. Но было радостно сознавать, что там, в укромном полумраке, обязательно откроется очередная замечательная тайна. Ничто не могло сдержать моего устремления оказаться в этом потаённом уголке дома, где я забывал обо всём на свете.

На чердаке всегда было тепло и душно, чердачная пыль сразу проникала в нос и горло, но, поперхнувшись, запах остывшего печного дыма, оставшегося ещё с весны, тотчас приводил в себя, а всё тело охватывала удивительная приподнятость. Синее небо, солнечный простор – всё это осталось где-то там, за стеной, а здесь стоял таинственный сумрак, и его хотелось как можно скорее разгадать.

Ах, какое было бы счастье отыскать в этом чудесном ворохе старых вещей нечто сказочное! Но на что мне это было, откуда взялось моё странное желание обладать чем-то таким, отчего можно забыть обо всём? Ведь на свете, тем более – в детстве, существовало огромное количество бесценных вещей!

Густой запах нагретого под крышей таинственного пространства, вперемешку с печной копотью, неизменно уносил в то чудесное, что было неизведанно. Ты будто попадал в какую-то иную реальность, существующую только на чердаках таких старых деревянных домов: именно там ощущался жилой, сокровенный покой, где, между тем, никто не живёт.

Я сидел, с замиранием духа прижавшись к какой-то запылённой балке, и пристально вглядывался в чердачный сумрак. Во мне не возникало мысли – для чего всё это? Я только чувствовал: мне это необходимо просто потому, что оно само по себе необыкновенно хорошо.

Со всем этим таинственным миром хотелось что-то сделать, но только было непонятно: зачем? И, тем не менее, испытывать это переживание было сладостно, и душевное томление от непонятного чувства захватывало целиком. Выходило так, что на чердаке всё необычайно пленяло.

Чердак был полон всякого драгоценного хлама... Пожелтевшие стопки старых журналов, газет, ящики из-под комода с латунными витиеватыми ручками и поломанные игрушки. Фигурные флакончики, закручиваемые разноцветными крышечками, керосиновая лампа, потускневшие от времени рамки и волшебным притаившееся повсюду пёстрое тряпье. А ещё – разнообразной формы пузатые сундуки, закованные в почерневшие полосы жести, и на всём этом лежала какая-то загадочная, почти сказочная пыль.

Все эти вещи почему-то соединялись с мечтами о дальних странствиях, хотя остались в этом мире после бабушки и дедушки, которые его ещё и не покидали. Их прошлое представлялось мне моим будущим, оно только немножко преобразится, и станет совершенно новым, таким притягательным и интересным, что его непременно захочется достичь.

Чему, казалось бы, тут можно восхититься взрослому человеку? Но только не мальчишке в четыре-пять лет! Для него чердак, от кровли до наката, – незабываемый простор для фантазии, где можно всё обустроить на собственный лад, почти ничего при этом не меняя. Достаточно было одного воображения, благодаря чему чердак наполнялся самыми невообразимыми впечатлениями.

От неожиданности и избытка впечатлений, в миг захватывающих всё моё существо, когда я оказывался наверху, что-то во мне замирало, и какое-

то время, растерянный, я не в силах был двинуться с места. Сердце гулко ударилось в груди, в висках неутомонно барабанили чёткие молоточки, а в носу щекотало от едкой пыли. Было до одурения хорошо ощущать себя причастным к этой загадочной темноте и возможности приобщения ко всем своим бесконечным мечтам.

Не терпелось поскорее начать эту увлекательную игру по открытию неведомых тайн, позабыв о солнце в саду, спелой виктории и вишне. Его рассеянные лучи тонкими золотистыми струйками с любопытством вливались в маленькое запылённое окошко чердака, роились в застоявшейся укромной духоте, и, приютившись где-нибудь в уголке, как будто их изрядно мог утомить ослепительный свет снаружи, неслышно замирали.

Из этого притаившегося в укромных уголках чердака солнышка можно было строить что угодно: любые фантазии при этом становились вполне осуществимыми, и пронизанные всеобъемлющим жизненным благом, они были необыкновенно любимы. Верилось, что солнце может обернуться любым радостным событием, без него невозможно было представить лето. Куда ты - туда и солнце, без него детства не существовало.

Впервые растворив скрипучие створки маленького чердачного окна, я удивился, когда заметил по ту сторону сада то, о чём раньше совсем и не предполагал. Повсюду, в нескончаемых чужих садах, утопали незнакомые дома с зелёными, синими и красными крышами, и были они какими-то не такими, как у бабушки: строгими, замкнутыми в своей неведомой жизни, не родными.

Одинокая, вся заросшая дикими цветами, крапивой и сухими кустами малинника полуразрушенная стена из красного кирпича, разделяя картофельные гряды бабушки и соседей, терялась в дальних неведомых дворах. Вдалеке, торжественно посверкивая громоздкими колоннами, высилось что-то непостижимое, с тянущимися высоко вверх густыми дымными хвостами. Неужели там кто-то живёт?!

Людей нигде не было видно. Там, за горизонтом, определённо присутствовало что-то очень важное, и оно не давало покоя. Должно быть, там находится какая-то удивительная и неведомая страна, подумалось мне тогда, и к ней сразу потянулась душа. Потянулась робко, но с неуклонной детской верой в чистоту этого мира, полного захватывающих откровений и загадок. Загадки эти неутомонно клубились в разгорячённом детском воображении, привлекали к себе моё восхищённое внимание, и порой окрыляли неуловимой догадкой.

Хорошо знакомой была лавка старьевщика, что располагалась в моём представлении чуть ли не на краю света, и куда запрещали самостоятельно убегать. Хозяином её был надменный и хитрый татарин, похожий на обезьяну в овчинной безрукавке, натянутой на лохматый засаленный халат, и в порыжевшей от времени шапке. От больших коричневых ушей его, торчавших из-под шапки, не в силах было оторвать взгляд, а татарин,

осклабившись, закидывал голову к задней стене, сверкая потным подбородком, и заходил в противном хлюпающем смехе.

Звуки эти зачаровывали, но не пугали. Всегда согнувшийся над прилавком, в слащавом прищуре слепив и без того узкие глаза, он никогда не поворачивался к детям своей толстой, круглой спиной. Угадывая любое их желание, тут же вынимал откуда-то бесчисленные безделицы, способные затмить своей сиюминутной надобностью до жара, до помутнения, так, что сразу в слёзы.

Из потаённых сумерек его дощатого сарайчика выплывали самые настоящие неслыханности или то, что только во снах мечталось иметь у себя. Обладать ими хотелось непременно прямо сейчас, чтобы они оставались у тебя навсегда, до самого конца: книжки-раскладушки с вклеенными и расправляющимися подобно цветку картинками, красочно разрисованные свистульки в форме оленей и петушков, от пронзительной музыки которых замирало всё внутри, заманчиво пахнущие тальком разноцветные каучуковые шарики, подвешенные на почти невидимых резинках. Были среди них яркосиние, словно сошедшие с неба, а ещё - как солнце, ослепительно жёлтые, весёлые. Они так завораживающе подпрыгивали в воздухе, но никуда не улетали.

За все эти сокровища требовалось отдать ворох ненужного тряпья или макулатуры, которой у старших, почему-то, никогда не находилось. Маленькое сердце не способно было вместить всей боли от причинённой обиды: такая, кажется, безделица, а стоит! Слёзы наворачивались на глаза, затуманивая белый свет, клятва в нелюбви к взрослым не выходила из головы, а в ушах густым сиропом стоял захлёбывающийся хохот хитрого старьевщика. Душа не вмещала досады, она представлялась совершенно разбитой под жарким солнцем и, казалось, не будет уж ничего, что вернёт радость.

- Мальчик, мой! Ты слышишь меня? Не реветь! Я прошу тебя. Да, что же это за наказание?! Господи, сию же минуту прекрати выть или я... Ах! - вкрадчиво приговаривает бабушка.- Хоть надорвусь, да упрусь. Капризами, касатик, хлеба не добудешь!

Слёзы терзали душу, не давали дышать, и проглоченные - жгли всё изнутри, а уговоры бабушки казались холодными, неживыми: они ещё более задевали, одолевая сердце пустым внушением, что, сколько бы ты ни плакал, дела это не изменит. Слова и близкий человек переставали существовать: крик обиженной души растворялся в сосредоточенном «благоразумии» бабушки, и это было нестерпимо.

Но её «вынужденная» и серьёзная сдержанность, всё же, брала верх, слёзы, от заключённого в них переживания, рано или поздно высыхали, неестественная для детства слабость и пустота, какое-то время не покидая тела, в конце концов, исчезали, и мир вновь приобретал свои краски. Зла и настоящей горечи в ту волшебную пору просто не существовало - их незначительная темнота была бессильна в сравнении с окружающей

солнечной синевой, в которой быстро забывалось любое горе, и дышалось вновь облегчённо и сладко.

Воздух был такой преображённый, прозрачный и чистый, как по утрам в саду, что его, кажется, можно было пить ненасытными, пахнущими свежестью глотками, утоляя душевную жажду, а сонный отвар временной обиды не мог затмить разлитой повсюду радости.

- Ну, вот, - по-стариковски терпеливо уговаривая, беззлобно продолжает наставлять бабушка. - Упрямылась нитка за иглой, да протащилась.

Тёплая улица, вольно разлёгшаяся под солнцем, томно охорашивалась и зазывно смеялась, прерывая укромный говорок притаившихся дворов, ровно приглашая их неистовствовать вместе. Она убеждала твёрдо и требовательно - весь день-деньской не утихать и грусти не поддаваться, а пронзительно щебетать, не переставая удивляться и открывать вокруг ещё невиданное. Улица, наполненная тысячами чудес, чудно сглаживала самую горькую печаль, и радость светлыми брызгами выплёскивалась повсюду через край.

Бабушка снова была необычайно ласкова, и с шутливой укоризной что-то говоря мне, крепко держала за руку. Лица людей приветливо улыбались, изливая только доброту, как и солнце, и снова хотелось баловаться и во что-то увлекательное играть.

Печаль уходила в положенную ей даль, и уже другое, то, что хлопало высокими, резными дверьми, и вздымалось крутизной источенных временем шероховатых стен, захватывало полностью обострившееся внимание. Окна здания выгибались бутылочным стеклом, громко и пугающе неожиданно вспархивали откуда-то сверху неустанные голуби, лепные балконы, охваченные чугунной, застывшей вязью, натужно гнездились с теневой стороны того, что часто в разговорах взрослых упоминалось, как «речное училище». Фасад учреждения всегда был таким серьёзным и чопорным, что в его величественной тени невозможно было позволить себе какую-либо непристойную шалость: баловство здесь казалось недопустимым и тотчас наказуемым.

С опаской взглядывая на строгий лик здания, и повисая на спасительной бабушкиной руке, я с затаенным духом миновал прохладу старых стен, и ещё долго оглядывался, но постепенно успокаивался. Люди мимо здания проходили свободно, солнце по-прежнему весело скатывалось с крыш, день, ласково переливаясь, успокоено сверкал и стлался над благоухающей землёй.

Бывало, из наотмашь распахнутых дверей неожиданно высыпали форменные, с поблескивающими пуговицами тужурки, и, задорно стуча каблуками по разогретому асфальту, спешили туда, где было неизвестно как, но куда невыразимо тягостно тянуло. В моём разгорячённом представлении это были непременно моряки, которых я, правда, видел только в книжках, на картинках, но ведь у них такие сверкающие пуговицы и чёрное колючее

сукно, как-то я ухитрился-таки до него дотронуться, что не оставалось никаких сомнений: где-то рядом - море.

Я стоял, упиваясь сознанием близости чего-то поражающе неизведанного, невообразимого, не в силах фантазировать дальше, а только чувствовал неслышно звучащую в себе музыку этой непередаваемо прекрасной жизни. Было известно, что где-то поблизости есть река Кама, и она протекает там, одного взмаха рукой было недостаточно, чтобы выразить всю её необъятность, а вот море... И тотчас успокоено уяснялось, что об этом ещё рано думать: не пришло время.

Между тем, жизнь улицы шла своим чередом. Она была полна широты и поэзии. В прохладной и сокровенной тени двухэтажного дома неугомонно возились воробьи, густые кусты акаций, живой изгородью делящие улицу на две части, душисто и едко пахли прибитой росой рыжей пылью. Из распахнутого настежь окна, прямо над головой, неслась и тут же утопала в разлитом жаре полдня безмятежная трель соседской канарейки. Тонким серебром на подоконнике поблескивала её изящная западня, и лёгкий воздух полоскал горлышко изголодавшейся по свободе птицы.

Безучастные ко всему происходящему, как будто окостенев от зноя и старости, сидели у ворот домов, опершись на сухие корявые палочки, сморщенные старики и старухи. Старики, сладко и притуплено жмурясь от солнца, со смаком попыхивали козыми ножками, и, изредка сплёвывая, опять задрёмывали на заботливо выставленных кем-то в тенёк скамеечках. Старухи же, подслеповато прищурившись, бойко вертели костлявыми птичьими головками в пёстрых платочках, въедливо всматриваясь в любое мало-мальски значительное происшествие жадно раскинувшейся улицы, и, беззвучно шамкая заострившимися волосатыми подбородками, о чём-то тихонечко переговаривались.

От дворов густо несло наготовленной на разные лады стряпнёй, спорящейся заразной кутерьмой скрытого от глаз существования, которое всегда была немного наигранным, но по-доброму искренним, увлекающим чем-то неизъяснимым и радостным. Эта околоточная часть приречного городка, располагающая доморощенным, но милым устройством жизни, была очень колоритна и раскатиста. Подобно знающему себе цену дворовому петуху-воеводе, она, наливаясь жаром всех своих достоинств, одаривала прохожих разудалым «кукареканьем», никого не оставляя равнодушным. Славно было всегда гулять по этой улице, жарко и радостно, особенно вот в такие синие, безоблачные дни.

Восприятие улицы, наверное, зависело от возраста и самых разнообразных ощущений, которые у каждого были свои, а потому всё увиденное произвольно сливалось в один общий жизнеутверждающий настрой, схожий с головокружительным потоком разомлевшего летнего полдня. Чуть дальше, где шли чужие и плохо знакомые переулки, с улицей делалось что-то неладное: чтобы, должно быть, окончательно запутать, она начинала петлять, и вдруг - неожиданно расступалась, разбегаясь во все

стороны, и тогда можно было с ещё большей радостью впитывать всю синеву выгнувшегося над ней необъятного небесного купола. Здесь, в самом её весёлом месте, жёлто-белым сверкающим памятником высилась церковь...

С виду она всегда была будто мертва, вернее - неприступна, и как-то забывалось о её существовании. Но в отдельные дни надо всей округой нежданно разносился переливчатый перезвон её невидимых колоколов: он таял и опять возникал, томительно-печальным отдалённым гулом напоминая о далёкой и неизвестной потусторонней жизни, которая казалась странной, ненужной, но удивительно притягательной.

Жизнь улицы не особо привлекала, но вот пение колоколов будило воображение, удерживая в каком-то непонятном оцепенении от льющейся в воздухе музыки... Мысли в такие минуты текли вяло, тягуче, а не затихающие паузы между перезвонами занимали своими тончайшими, на разные лады, отголосками: то удалялись, то вновь приближались. Это напоминало праздничную атмосферу театра, в котором также чудесно и ненавязчиво музыканты настраивали свои инструменты, и звук их мягко растекался в свете неясно горящих ламп над бордовым бархатом партера.

Театр... Всё, что было связано с ним, необыкновенно завораживало и окрыляло. В неполные четыре года я уже познакомился с тем, что стояло за этим текуче-уютным словом - «театр»: оно напоминало мохнатую бабушкину накидку, тяжело свисающую с изогнутой ручки кресла-качалки. Слово сразу понравилось, стало любимым: оно как будто раскрывало радушные объятия, приглашая безоговорочно принять все свои волшебные ритуалы, странности и тайны. Мир этот был тотчас принят и сделан своим.

Театр с первых минут вызвал доверие и вошёл в мою жизнь вместе с радостью, что возникла в сердце после того, как я погрузился в атмосферу театрального действия. Я как-то сразу понял, что «театр» - это место для чудесных представлений и зрелищ, где можно чуть ли не участвовать во всём, что происходит на сцене.

Само детство было сравнимо с посещением театра, когда я впервые услышал, как эти невидимые музыканты тихонечко настраивают свои неведомые инструменты в не менее загадочной оркестровой яме. Душа моя с восхищением замирала от торжественной обстановки нарядного театрального зала с медленно потухающей люстрой и звуками завораживающей музыки, сменяемыми восторгом от раскрывающегося занавеса. В этой музыке, что представлялась волшебной, присутствовала неминуемая победа добра, утверждение счастливой и радостной воли!

Сердце сжималось от пребывания в этом сказочном пространстве, наполнилось предстоящими необыкновенными событиями, самыми восторженными откровениями, и жизнь воспринималась не иначе, как чудо. Счастье для меня было неотделимо от детства, а детство - от удивительной значимости этой незабываемо чудесной поры постижения.

Всё увиденное в театре, потом не раз представлялось, отрывочно переливаясь в поражающих воображение ярких воспоминаниях. С ними

хорошо и покойно засыпалось, что-то сладкое снилось, и долго не могло забыться, как под красочно разрисованным лепным потолком тихо и ненавязчиво льёт свой таинственный свет громоздящаяся тёплым ворохом камней волшебная люстра. Тяжёлые бархатные кулисы опущены и за ними угадывается ещё невидимая сказка...

Миловидные молчаливые женщины шелестят в проходах вечерними диковинными платьями, мужчины чинно склоняются над ними, и слышится шорох лоснящихся и отбрасывающих неясный блеск концертных программ. Ими торгуют при входе в зал седые миниатюрные старушки, какие-то воздушные и молчаливо неприступные, в кружевных белых воротничках на строгих тёмно-синих платьях, украшенных недорогими, но значительными в своей скромности брошами. По словам матери – бывшие балерины, и ещё её голос, доверительно вкрадчиво и ровно кому-то:

- Вы представить себе не можете: «Руслана и Людмилу» полностью прослушал, и даже не пикнул! Как-никак - четыре действия, и не каждый взрослый выдержит, а ему три с половиной! Что и говорить. Да, да... Дальше?! Вы думаете?

Всё было так: долгие дни этого невиданного мира, сливаясь в сплошной праздничный поток, вмещали в себя столько, что не верилось в их удивительную нескончаемость. Казалось, что ещё может случиться прекрасного после всего, чем был наполнен каждый минувший день?

События огромными для детства глыбами вставали передо мной, но всё равно, даже к вечеру, не чувствовалось какой-либо физической и душевной усталости. Это было странно, и вместе с тем - удивительно хорошо и приятно.

Радостная сладость бытия

Дни шли, но ход их не ощущался. В ту далёкую пору они все слились воедино и не очень различались между собой: в них только ещё более прибавлялось прелестных картин и событий, необычайно чистых душевных состояний. Должно быть, в этом был заключён какой-то смысл, и ощутил я его с особой глубиной только тогда, когда они исчерпали себя, уже во взрослом возрасте.

Но до этого было слишком далеко. Дом, в котором мы тогда жили с родителями и бабушкой, и всё, связанное с ним, было более чем достаточным и чудесным откровением, чтобы его жизни хватило на целое детство.

Мне до сих пор хочется вернуться в этот дом, восприняв его таким же, как в те дни - освещённым ласковым солнцем, утопающим в благоухании трепетной листвы и звонком щебете разноголосых птиц. А ещё - мудрым и родным, где было в меру света и прохлады, внимания и доброй оживлённости, свободным ото лжи и страха, достойным собственной счастливой судьбы.

Дом был действительно хорош: крепкий, в два этажа, с обращёнными к двум сторонам света окнами, с затейливыми переходами из одной его части в другую, с множеством комнат, коридоров, чуланчиком и прочими уютными неожиданностями. Он стоял в ряду последних из домов по нашей старой, чистой и ухоженной улице.

Улица не была обсажена серебристыми тополями, клёнами или вездесущим диким шиповником, но зато часто сменяющие друг друга дворы сливались в один сплошной цветущий мир садов. Их светло-зелёная сочная гущина поражала свежестью и широтой. Чистота надвигающейся отовсюду зелени подступала вплотную к дому уютным и тесным кольцом, и он становился от этого ещё более опрятным, неизъяснимо красивым и таинственным.

Окна и двери, занавешенные марлевыми, еле приметно надувающимися от лёгкого ветерка занавесками, по целым дням были распахнуты настежь. Из комнат нельзя было видеть всю пышную зрелость кустов и дружно теснящихся грядок, узкие дорожки между ними и увитые плющом выцветшие заборы, но они угадывались по неясно исходящему из сада аромату.

Пчёлы, шмели и мушки безуспешно бились в этой незримой паутине, стремясь к комнатной прохладе, объятый томительными сумерками притаившегося в жаркий полдень дома. В этом неудержимом порыве они были порой очень настойчивы, но, всё же, убедившись в бесполезности попыток, отлетали в глубину сада, и, как будто забывшись, старательно зарывались в цветы на самом припёке.

Мать не терпела их надоедливое присутствие, и потому окна с раннего утра тщательно занавешивались. Она также не могла переносить жары, и подолгу просиживала одна в тишине, невидимая никому, но примечающая всё.

Неусыпное внимание матери порой непонятно раздражало, но недовольство было, как правило, мимолётно: оно, тут же, исчезало, когда появлялась бабушка. В комнатах гулял лёгкий прохладный ветерок, успокоено и приглушённо тикали часы, сердце легко и приятно щемило от беззаботности, какой-то невыразимой веры в то, что эта счастливая жизнь никогда не кончится.

В саду росли старые яблони. Яблоки, набравшись соку к концу лета, незаметно отваливались, и как будто переставали существовать. Но на самом деле их нужно было отыскивать в траве и складывать в берестяной короб, чтобы затем, поставив его в тёмные сени на подоконник, ждать - когда они дойдут. Так делала бабушка.

Я любил помогать ей, когда она обирала спелую тёмно-бордовую вишню с тонких гибких кустов. Скорее, наверное, быть рядом, и, отдалённо осознавая свою детскую беспомощность, приятно тяготиться ей, в то же время радуясь: как бы ты ни был мал - тебя не оставят, ты нужен в этой своей малости.

Начиная, обычно, под вечер, заканчивали сбор ягод уже в сумерках... Уставшие нести на себе созревшие плоды, ветви свободно вздыхали и волновались в тёплом недвижимом воздухе, собственноручно освобождаясь от перезрелых ароматных даров.

Тёмные жирные пятна от ягод на растрескавшейся земле дышали зрелой томительной сытостью, и весь этот густой дух, вместе с еле приметным сизым дымком уходящего летнего дня, нахлынув с неожиданной силой, дурманящей волной медленно заплывал и тянулся в широко растворённые двустворчатые двери. А затем - кверху, прямо над крутой скрипучей лестницей, мимо таинственно затаившегося чулана, в гостиную... Голова кружилась от этого ягодного изобилия, и всё вокруг ласково плыло и колыхалось, подступая к самому сердцу, отчего оно приятно замирало.

Ещё в углу сада располагался старый деревянный сарай, что вызывал очень своеобразные чувства... Казалось, что он постоянно погружён в какие-то раздумья, а как только замечал, что кто-нибудь направляется к нему или просто проявляет внимание, тотчас преображался, будто желая о чём-то поговорить. Не знаю - ощущал ли подобное кто-то из домашних, но при моём появлении сарай, действительно, словно оживал, как-то по-своему, незаметно, приветствуя меня.

Сарай был высокий, с верхним настилом, где под самой крышей раскладывали и сушили скошенную траву. Внизу, в закутах, бабушка держала птицу и поросёнка с козой, а под осень лесозаготовители привозили дрова, и складировали их внизу, под широкий навес.

Широкая, отполированная временем дверь сарая никогда не запиралась на щеколду, в него можно было забегать когда угодно, желая вдруг поменять солнечный мир сада на потаённый сумрак загадочного сарая. Когда я отворял его скрипучую дверь и входил вовнутрь, то он ровно замирал, взирая на меня откуда-то сверху, так что в нём начинало угадываться нечто пугающее, проникающее в тебя отовсюду. Сарай словно чего-то ожидал от того, кто нарушал его покой, войдя под его полог, и долго вглядывался в него.

Сарай неотступно притягивал меня своими деревянными таинственными сводами: вроде бы, ничего особенного, но что-то завораживало в его укромных сумерках. Нравилось осторожно отворять скрипучую дверь, и, оглядевшись, присесть тихонечко в уголке, будто тоже чего-то выжидая.

Выбрав какой-нибудь щербатый чурбачок, я невольно вслушивался в притаившуюся тишину сарая, и постепенно всякая боязнь исчезала. Начиная казаться, будто бы эта тишина сообщает что-то такое, чего не мог дать вольно раскинувшийся под солнцем сад. Особенно приятно было находиться в сарае летним погожим днём.

Солнечные лучи, проникая сквозь узкие щели, лениво струились в роящемся воздухе, также безвольно замирая в нём, их можно было коснуться рукой, и от всей этой затаенности старого сарая ещё больше тянуло во что-то неизведанное, и непременно – дальше, что верилось – может стать близким и

достижимым. Как это происходило на любимом чердаке. Что же это за сила тянула распрощаться с радостным и солнечным миром, где всё было таким захватывающим и дорогим, и устремиться к обыкновенному тёмному сараю?

В нём можно было забраться под самую крышу, на соломенную перину сеновала, где становилось даже немножко страшно, и это удивительным образом расширяло стенки сарая, и он сразу становился объёмнее, интересней. Но сначала нужно было вскарабкаться туда по шаткой деревянной лестнице, и это оказывалось невероятно пленительным занятием.

Забравшись же на ворох воздушного душистого сена, ты будто повисал между землёй и небом, до того привольно становилось жить. Все солнечные звуки и запахи, оставшиеся за стеной дровяника, здесь как будто исчезали, и воцарялась такая благословенная пустынная тишина, что начинало звенеть в ушах. Вот она-то и настораживала твоё маленькое восприимчивое сердце...

Но сладко было переживать это ощущение, так что сердце замирало в неопишимо прекрасной истоме: билось учащённо, с тайным восторгом, что в любой момент можно опять побежать к солнцу, вмиг почувствовав всю красоту этого чудесного мира. И действительно, насытившись этой потаённой тишиной, я также тихонько покидал сарай, словно оставив там частицу себя, но и во мне, после посещения дровяника, тоже появлялось нечто, и оно необъяснимым образом помогало, я это чувствовал, хотя и не понимая - в чём?

Спать в доме обычно укладывались рано. Собственно, вся жизнь была - сплошной сладостный сон. Я, конечно, не мог видеть и помнить всего того, что окружало в те далёкие, бесконечно текущие дни, но уже тогда чувствовал в себе непреодолимое желание, чтобы поскорее наступило долгожданное утро, когда можно с радостью проснуться. А потом, покинув дом, побежать между густых кустов смородины и крыжовника в глубину сада, где с таким же упоением можно было бы упасть лицом в росистую траву, только чтобы не окружала эта комната, её тишина и молчаливые стены, где лишь окно выводило тебя в этот удивительно манящий, пронизанный светом мир.

Правда, такое желание приходило лишь в одиночестве, когда все оставляли меня, куда-то исчезая, и окружающий мир наполнялся тихими, ненавязчивыми звуками и неопределёнными догадками. Они свободно бродили в голове, вроде бы, никак не тревожа моё маленькое сердце, но, не в силах отыскать выхода, произвольно вынуждали переживать какие-то неясные видения, и, измучив ими, погружали, наконец, в сладкую истому крепкого сна.

И было два мира: тот, где светло - таял, когда багровое солнце садилось за бабушкиным садом, и погружал меня в другой, где всё было непонятно, темно, но покойно. Была удивительная тишина в этом далёком и глубоком мире, называемом сном, куда не проникал ни один звук.

У того, что снилось, не было названия, зато оно имело цвет и расплывчатые очертания, изредка вздрагивало, ворочалось и даже пело, то и дело, изменяя свои контуры или вовсе исчезая, и никогда не запоминалось,

отбрасывая неясные тени на всё, что происходило днём. Я не понимал этих неизведанных перевоплощений, быть может, только чувствовал их, временами неожиданно ударяясь в плач, потому как не в силах был совладать с этой тёмной тайной загадочных сновидений, которая входила в меня ночами, время от времени тревожила и не отпускала.

Иногда эта темнота приходила и днём, в обычный жаркий полдень, когда солнце начинало клониться к западу, и, заглянув в растворённое окошко, скользило тёплым лучом по подушке. Только отойдя от тихого дневного сна, я открывал глаза, и, увидев что-то чёрное, большое, тут же в ужасе переворачивался к стене, замирая от страха.

Трудно было найти ему объяснение, и я не сразу понимал, что это уже знакомая мне качалка, подаренная бабушкой. Мягкие тени от ветвей старой сирени, покачиваясь неслышно, ложились на лёгкие занавески и стены, тёплая рука бабушки дотрагивалась моего разгорячённого лба, и её мягкий голос опять, как и в случае с чудесной садовой птичкой, вкрадчиво произносил:

- Это - лошадка. Ничего в ней страшного нет. Ведь ты её уже хорошо знаешь? Посмотри...

Я ничего не понимал, но верил бабушке, поворачивался к ней и, слегка успокоившись, убеждался: да, действительно, что-то большое и чёрное, с красной гривой и золотистым седлом, ноздри страстно раздуты, а тоненькая уздечка безжалостно впивается в уголки рта. Ещё до конца не проснувшись, осторожно дотрагивался до литой, прохладно-глянцевой шеи, и всё это большое «существо» начинало мерно покачиваться, вздымая мощную грудь. Я опять готов был заплакать, закричать, но бабушка была рядом, близость её дышала теплом и заботой, и я не отдёргивал руки, а лишь удовлетворённо сглатывал успевшие высохнуть слёзы.

Оказывается, я вовсе не боялся того, что называется «лошадкой», и уже давно убедился в её безопасности. Вновь открывшаяся сущность того, что неожиданно напугало, быстро успокаивала своей простотой и незамысловатой причастностью к тому миру вещей, что окружали меня, и сразу забывалось о коне-качалке. Занятная игрушка уже больше не занимала так остро моего воображения.

Интересовало другое: что поделать с этой тягостной тайной, непонятной и жуткой, какой она совсем недавно предстала в черноте взнузданного красавца-коня?! Как быть, если ты настолько мал, что ещё не в состоянии задавать вопросы и многое понимать? И я мучился своим бессилием, живя рядом с этой темнотой, приходящей не только ночами, в надежде всё же разгадать её для себя и найти успокоительное объяснение тому, что иногда с тобой происходит.

Нипочём нельзя было определить того, что творилось тогда в моей душе, и это тёмное, неизведанное заключалось для меня ещё и в старухе-еврейке, живущей неподалёку: она часто попадалась нам с бабушкой во время прогулок в неизменном чёрном платье и платке. Эта старуха, в отличие

от других бабушкиных подружек, никогда не дотрагивалась до меня при наших встречах. Но, наклонив своё морщинистое, с горбатым носом, лицо, она вопросительно взглядывала в глаза, отчего казалось, будто теперь этот чёрный мир, что существует помимо светлого, будет преследовать меня всегда, и он находится где-то рядом.

Подолгу я никогда не думал о нём, ну только, когда сталкивался с этой темнотой, и тогда и ночная тишина, и страшный взор черноты, светящийся в глазах старухи, повергали в неприятное забытие, но лишь ненадолго. Зато как облегчённо и сладко становилось при расставании со всем непонятным, что бесследно и быстро ускользало в тайниках моей души, потому как в ту пору над землёй, чаще всего, стояло яркое солнце, его было так много, и сердце, уже ничем не отягощённое, не донимала пустая безответная тревога. Его трогало повсюду угадываемое дуновение неизвестно кем дарованного радостного чувства, вернее даже - его младенческие отголоски, озарявшие собой совершенно безоблачное чудесное детство.

Отец с матерью в той, ранней жизни, кажется, почти не присутствовали: я помнил только ласковые руки бабушки. Руки её были подобны какому-то волшебству: большей частью скрыты, почти невидимы, и появлялись, всегда, как чудесное откровение.

Родители же были внимательны друг к другу, в их отношениях царило спокойствие, радость. Казалось, что они забывают надолго о моём существовании, оставляя совершенно одного, наедине с собой, но я не ощущал их отсутствия, это происходило безболезненно и ровно. Я чувствовал вместе с родителями радость, поселившуюся в соседней комнате, особенно - по утрам, когда они, подолгу не вставая, перешёптывались и тихо смеялись, а в окно светило солнце - крупное, тёплое, родное.

По вечерам я лежал в своей кроватке, и, не в силах ещё понять, сколько же будет длиться этот сон, безучастно глядел на ровный алый закат. И говорить не мог, не в состоянии был даже оторвать голову от подушки, а тем более - встать: земля держала уже крепко, а я ещё был слаб. Но только что это был за сон или видение, когда где-то в собственной сокровенной глубине многое уже угадывалось, казалось известным, хотя его никак нельзя было выразить, и, конечно, осознать?

Это было как будто узнавание по какой-то причине утраченного себя, на поиски которого неотступно гнали силы, обитавшие в моей душе. Так близко к детству я больше никогда не приближался, никогда не бывал так чуток к непередаваемо острому переживанию его, к чистоте этого состояния. Я пока был не в силах удержать своего неловкого знания или пойти ещё дальше в своих молчаливо метущихся внутренних исканиях: только лежал, и, склонив глаза вбок, упивался неизвестно отчего рождающейся в душе лёгкой грустью, - такой знакомой, покойной и родной.

Устав от вида надоевшей стены, достаточно было отвести от неё взгляд, а посмотрев в окно - бессознательно и тихо поразиться тому, до чего необыкновенно и ново выглядит каждый раз небо. По вечерам оно всегда

было безмерно покойное, значительное, меня лишь оттенки, живо отображающие настроение мира. Соответственно этому изменялось и моё душевное состояние, когда только и оставалось, что беззвучно разговаривать наедине с тишиной.

Лёжа в своей кроватке, будучи ещё крохотным ребёнком, я спокойно изучал светлыми глазами огромное небо, уже тогда чувствуя родство с ним. Был, кажется, серьёзен, никогда не капризничал, подспудно понимая, что осваивать мир можно уже с раннего детства. И мир, несомненно, откликался мне настолько, насколько его можно было почувствовать в год с небольшим. Оказывается, это получалось и в таком возрасте, и общение с небом выходило как-то непринуждённо, привычно.

Я почти ничего не помню из того, что происходило со мной в год-полтора, но вот эта неизбывная тяга к небесам чётко запечатлелась, нисколько не удивляя. И ещё, помнится, меня ничто не тревожило в этом распростёршемся в вышине небе, только тихонько завораживало, дарило успокоение. Как-то довольно просто открывалось, что мне хочется туда...

И в то же время я чувствовал, что и здесь, на ещё неведомой мне пока в этой жизни планете, существует своя внутренняя тишина и красота, когда ты, вглядываясь в небеса, ощущаешь в ней и собственное присутствие. Оно где-то глубоко в тебе, но если ты пожелаешь, то это присутствие выйдет наружу, ты его непременно почувствуешь.

Чувствовать своё присутствие в этом мире тоже очень приятно, ты понимаешь, что какая-то внутренняя истина существует, и она полезна и здесь, на земле. Важно её в себе увидеть.

Хорошо вглядываться в свою внутреннюю тишину именно в детстве, потому как всё к этому в нём располагает: тебе комфортно оставаться наедине с собой, не чувствуя одиночества, потому как твоё сознание близко всему божественному, ты переживаешь ощущение живого умиротворения и благодати.

Сладость Бытия в детстве ни с чем несравнима, и когда ты чувствуешь его в себе, лёжа в той же кроватке, у распахнутого в сад окна, оно всё более углубляется, а твой внутренний простор расширяется. Ты ничего не делаешь, просто впитываешь жизнь, и всё самое тихое и незаметное, но очень значительное, до краёв заполняет тебя.

Это – радостная сладость Бытия, и в детстве твоё сердце к нему необыкновенно чутко. Ты лежишь, смотришь в небо, и впитываешь жизнь, а всё Сущее радуется вместе с тобой.

Какие-то обстоятельства, без моей воли, оказывается, уже определяли только что начавшуюся жизнь, будили первозданное восприятие. Неведомым образом это неизведанное «что-то» осуществляло своё необъяснимое воздействие. Первые ощущения детства складывались из пугающего очарования от сказочности этого волшебного мира, отчего в сердце закрадывался безмолвный восторг.

Солнечные алые полосы ложились на обои и были недвижимы. С них, наверное, и зародилось моё сознание, редкие вспышки которого озаряли общую полнейшую беспамятность того времени. Лишь бесхитростное природное чутьё - нечто неведомое, безошибочно угадывало во мне веянье грядущих перемен и событий. В этом изредка открывающемся « что-то » воплощалось какое-то потрясающее знание действительности, уже предугаданное в неизъяснимом душевном чувстве. Выходило, что оно жило во мне подспудным грузом всегда, независимо от разума.

То проваливаясь в неизведанные глубины этого дивного сна, в приятной истоме охватывающего моё маленькое тело, то выплывая и неторопливо скользя по невидимому течению жизни, которая жила во мне и что-то обещала, я не испытывал страха, а только - восхитительную дрожь от внутреннего, неописуемо восхитительного полёта. Тишина этого упоительного мира, влетая в распахнутое окно, витала над моей кроватью, не оставляя одного даже в самые жуткие минуты.

То, что поселилось во мне тогда, осталось навсегда, но никогда больше не приходило так раскрепощено и свободно, так завораживающе таинственно и многообещающе. Оно сильно и открыто повергало в свои бездонные глубины и убаюкивало. Темноты я уже почти не помнил: ласково излучая своё неугасимое тепло, солнце раннего детства приятно обволакивало моё сознание и, бережно проводя неведомой тропой, вновь озаряло своим благодатным светом.

Вместе с распахнутым в сад окном открывалась и таинственная дверца, скрывающая многоликую загадку, ключ от которой был почему-то утерян. А может быть, ещё и не обрётён... Но детство неудержимо влекло меня к себе, потому что именно в нём был заключён секрет бессмертия при жизни: в том светлом, большом, полном самых невероятных событий саду, в котором ярко пылало солнце, радостно пели птицы, всё получалось и казалось доступным, если только захотеть.

Всё это было давным-давно... С тех пор, кажется, прошла целая вечность - вечность остановившегося времени: затихшего и притаившегося, быть может, безучастного ко всему происходящему. Порой верилось, что оно взорвётся необыкновенным прояснением или открытием, и мир опять перейдёт в свою молодость, только более освещённую сознанием.

Но разве может быть что-либо более светлое в сравнении с тем безвременьем, что уже было когда-то, там, в свете долгого солнечного дня с неистощимым запасом душевной чистоты и радостным ощущением собственных неиссякаемых возможностей?!

Вспоминая те времена, я часто думаю: что же случилось с нами теперь, где затерялось наше детство? И однажды ответил: оно - с нами, всегда, не могло детство никуда исчезнуть или пропасть, пока мы брели по этой бескончаемо длинной дороге жизни, всё дальше и дальше уходя от него,

чтобы через долгий путь вернуться опять с пониманием собственных сил и возможностей быть мудрым, но не утеревшим свою детскую невинность.

С возрастом у человека притупляется свежесть восприятия, вернее - совершенно пропадает, и, как это ни странно, но именно в детстве мы обретаем всё то, чем пользуемся в течение всей жизни. Чем больше в нём присутствовало впечатлений, тем богаче будет ваша жизнь: она напрямую зависит от того - как вы провели своё детство. В детстве ты всегда безупречен, обеспечивая себе только радость бытия, а обиды, если они временами случаются, быстро улечиваются, будто их и не было.

Любое маленькое открытие возвышает тебя в собственных глазах, и ты вновь переживаешь неописуемый восторг, отчего на душе - всегда радужное чувство удовлетворения. У ребёнка с ранних лет присутствует в жизни инстинкт самоутверждения: так он её усваивает, выдумывая и изобретая, тем самым - отказываясь от ошибок, вернее, не воспринимая их всерьёз. Всё детство заполнено неутомимой познавательной деятельностью, и ребёнок ценит её больше всего: его привлекает сам процесс постижения окружающего мира, а ещё более поражает маленького человека его безмерная красота.

Ребёнка совершенно пленяет разлитая повсюду всеобъемлющая радость, в которую наряжены птицы, деревья и воздух, земля и солнце, всё в этом прекрасном мире, и в детстве мне тоже захотелось стать таким же прекрасным, и я тотчас решил быть им всегда, чтобы радость этого сладостного бытия никогда не прекращалась.

Привилегия детства

Чувствовать себя необыкновенно счастливым, причём, каждый день, привилегия детства, когда незамутнённое сознание дарит одни радостные ощущения. Можно находиться в комнате одному, сидя на полу разглядывать занимательные картинки в какой-нибудь красивой книжке, и не чувствовать себя при этом одиноким.

В тебе изначально живёт нечто жизнеутверждающее, волшебное по своей сути, как солнечный свет, и кажется - нет никаких причин печалиться. Ты даже не подозреваешь о каком-либо угнетённом состоянии духа, в твоём существе ничего подобного просто нет, и радуется любая мелочь, представляющаяся чудесной.

Обыкновенный шкаф красного дерева, с резными дверцами и толстыми стёклами, в которых отражается вся комната, воспринимается тобой как нечто превосходное. Несмотря на свою массивность, даже - некую тяжёловесность, шкаф, между тем, будто подвешен в воздухе, лёгок и, кажется, будто он вот-вот полетит.

С улыбкой не позволяешь ему это делать, переключая своё внимание на двор, радостный свет за окном, бездонное синее небо, и позолоченные

купола церковки, что несколько сдержанно, но также радостно отливают добрым расположением ко всему, что их окружает. Это благостное настроение и добрый дух проистекают из их солнечной позолоты.

Там, во дворе тепло, сухо, и хочется оказаться рядом с этими поблескивающими золотом куполами, голубеющим небом, чтобы отжаться и их доброму настроению, и полететь, как во сне, над зеленеющей по всему двору травой, светлыми деревянными домами и раздольно раскинувшейся под солнцем улицей. По улице горделиво расхаживают яркие петухи, иногда - озабоченно перебегают, и опять становятся важными.

Людей не видно, но от этого не становится пусто, а наоборот - очень покойно и весело, и ты возвращаешь своё внимание на шкаф, где на застеклённых полках покоятся тиснёные увесистые тома, какие-то маленькие фигурные бутылочки, камни, разноцветные карандаши, и ещё много всего непонятного, но очень притягательного.

Раскрыв дверцу, сразу ощутишь чуть пряный, околдовывающий всё твоё существо запах чего-то старинного и необычного: будто огромная неведомая жизнь предстанет перед твоим взором. И счастливо станет только от того, что можно прикоснуться ко всем этим вещам, ты обладаешь ими, и возможно это обладание будет происходить вечно.

Ты берёшь в руки все эти вещицы, рассматриваешь, и перекладываешь в другое место, туда, где взять их будет легче. Что-то, особенно дорогое, можно даже спрятать, чтобы тебя переполняло приятное чувство обладания ими. Теперь можно перейти к чему-то другому, не менее увлекательному, ведь притягивающих твоё внимание предметов в доме так много, их и не перечесать!

Приятно просто осмотреться, ни на чём особо не останавливая своё внимание, и нечаянно взгляд твой упадёт на бабушкину кровать... Невольно удивишься её размерам, величье которых ты, вроде бы, раньше и не замечал, и вдруг эта кровать поразит тебя! Зачем маленькой сухой бабушке такая большая кровать?

Посередине она будто надувается, и если представить кровать живой, то эту самую серёдку воспримешь как её грудь или живот, а пухлая подушка обернётся головой. Даже замрёшь от неожиданности увиденного, что живёт рядом с тобой, но ты ничего этого раньше не замечал. У кровати ещё имеются точёные из дерева набалдашники, отполированные до блеска, и если в них заглянуть, то, как и в застеклённом шкафу, увидишь внутреннюю обстановку комнаты и собственные расплывшиеся щёки, уши и лоб. Занятно!

Сладко находиться в детстве, никуда не спеша, когда день представляется бесконечным, полным замечательной неизвестности... Что-то будет дальше?!

Взгляд с интересом скользит по комнате, не пропуская ничего, и всё окружающее, уже не раз виденное, всё-таки поражает. Взять хотя бы мамино пианино, как и шкаф, привлекающее своими обширными формами, будто

пытающееся захватить большую часть комнатного пространства. Это желание неведомого существа угадывалось уже в изогнутых, но крепких ножках пианино в форме чьих-то лап, словно впившихся в пол: они поддерживали всё его чёрное тело, настороженно замершее у стены.

В пианино скрывалась какая-то не дающая покоя тайна, которую хотелось разгадать. Для этого нужно было подойти к нему поближе, и, поднатужившись, приподнять массивную, выгнутую по краю крышку.

При этом всегда невольно нажмёшь на какую-нибудь клавишу, и из утробы чёрного существа раздавались не слышанные ранее звуки. Они будто призывали куда-то идти, может быть, даже - стремиться, и повисали в воздухе надолго, так что становилось немножко жутковато: не рассердит ли это кого-нибудь из взрослых?!

Постепенно звуки утихали, и был слышен только мерный бой старинных часов: мягко, по-кошачьи, он утопал в складках портьеры и ковры. Приятно было провести рукой по гладким костяным клавишам, напоминающим зубы неведомых животных, живущих давно-давно. Откуда бы им тут взяться?!

По-соседству с белыми клавишами притаились длинненькие чёрные, тоже гладкие, но как-то по-другому. Они почему-то представлялись не такими важными, и до них хотелось дотронуться лишь мельком, скорее, из уважения к могущественному и загадочному пианино.

Что-то находится там, внутри, чьё это таинственное обиталище? Ведь в нём может быть какой-нибудь хозяин, и чем он в своём укромном жилище занят?! Всё это совершенно необъяснимо, пока туда не заглянешь, но как подобное совершить?

У пианино сверху есть ещё одна крышка, я это знал потому, что однажды видел, как её открывают: к маме пришёл давний знакомый, смешной маленький дядечка, и принес с собой чемоданчик. Тут же, в коридоре, про него было услышано - «это настройщик, он подлечит пианино, и оно опять весело заиграет!»

Дядечка посмотрел на меня поверх очков радостными глазками, на секунду зажмурился, и что-то напевая себе под нос, принялся рыться в своём чемоданчике, который сразу представился мне волшебным. И, правда, вскоре он извлёк из него чудесный молоточек, приподнявшись на цыпочках, растворил верх пианино, и загадочно произнёс: «Тэкс-тэкс-тэкс... И что у нас тут, моржовая твоя голова, за аллегория? Только и всего?!»

Мне вдруг тоже стало очень весело, и я тихонечко рассмеялся. Дядечка опять серьёзно, но не сердито взглянул на меня, глазки его заискрились, и, повернувшись к растворённому инструменту, он воодушевлённо заявил: «Соблаговолите, сударь, подчиниться, коли иначе - понимать не можете!».

Мне снова сделалось смешно, хотя я и не понимал, к кому обращается этот забавный человек. И ещё я тогда понял - какой занятный инструмент это пианино, с не менее загадочным названием - «ф-о-р-т-е-п-ь-я-н-о»!

А вот на что я, в первую очередь, обратил внимание в самом раннем детстве? Была ли это, действительно, лошадка-качалка возле моей кровати, простирающееся в бесконечность небо за окном, золотой мохнатый шмель, озабоченно усаживающийся на подоконник, солнечные лучи, ласково укладывающиеся возле подушки, что ещё?! Пытаешься вспомнить нечто необычное: ведь именно оно попадает на глаза раньше другого, безотчётно притягивает, и отчего-то волнует...

Может быть, это большой плюшевый мишка, подаренный бабушкой, ей же сшитое из разноцветных кусочков ткани маленькое уютное одеяло, тёплые заботливые руки кого-то из взрослых? Нет, ничего не получается: ты и светел душой, как это может быть только в детстве, и искреннее желание как можно глубже проникнуть в суть пока неразрешимого тобой вопроса тоже присутствует, но чего-то всё время не достаёт. Не хватает какой-то очень важной малости, потому как откуда в младенчестве взяться чему-то большому?!

Невольно начинаешь, конечно, придумывать, так легче проникнуть в тайники собственного сознания, но верно ли это? Не лучше ли вспомнить что-то одно, честно, пусть это будет даже незначительная вещица или самое обыкновенное откровение: зато - правдивое. Какое-то впервые пережитое настроение, а потому - и открытие, осветившее твоё сознание предвкушением истины, присутствующей в детстве повсюду. Её только нужно почувствовать и обозначить в душе.

Но как?! Чтобы не отчаиваться от ощущения невозможности это сделать, ни в коем случае не хитря, а лишь оставаясь честным по отношению к проистекающему вокруг Существованию, что не властвует над тобой в детстве, и только помогает прочувствовать до конца эту чудесную жизнь! Вероятно, ради этого я и любил оставаться один, выбирая для общения с Существованием гостиную, самую большую комнату, когда она была пуста.

Я входил в неё, садился на пол, и, как замороженный, озираясь, не теряя при этом внимания, отчего, должно быть, окружающие меня предметы начинали со мной откровенничать, раскрывая свою душу. В тихом пребывании с самим собой и ими это оказывалось возможным: нужно было только не шуметь, вообще ничего не делать, а сидеть спокойно, прислушиваясь к мыслям шкафа с книгами, таинственного пианино, даже – ковра.

Затаив дыхание, сидишь на нём, и начинает казаться, будто он ждёт от тебя чего-то неизвестного. Может быть - беззаботных проказ, и тогда ковёр тоже заиграет вместе с тобой, и развеселится. Вздумается тебе полистать увлекательную книгу, ощущая его мягкое присутствие, и он - тут как тут, уютно примостится под боком. А то приляжешь на него, неизвестно от чего утомившись, желая немножко отдохнуть, и всё гостеприимство ковра в твоём расположении - тёплый ворс его так и ластится к тебе, мягко убаюкивает.

Вся суть ковра в мгновение предстанет перед тобой притягательной и заманчивой, как волшебная восточная сказка, и ты сразу вообразишь себя в ней, теща воображение мечтою, что когда-нибудь на самом деле побываешь в дальних странах, путешествуя по всему миру, может быть, на ковресамолёте? Существует ли где-нибудь твоя страна, даже если ты её пока не видишь?!

Вот и круглый стол посреди комнаты незаметно начинает обозначать в себе скрытую жизнь, спрятанную под тяжёлой цветастой скатертью с бахромой. В нём видится уже восточный шатёр, обещающий благословенный отдых после изнурительного путешествия, наверняка – по бескрайней пустыне, в зыбучих песках, где бесстрашные путешественники странствуют на неустойчивых верблюдах.

И тотчас возникает желание забраться вовнутрь, в это потаённое пространство: что-то ведь должно быть там?! Несомненно - чудесное, не страшное, хотя - как на всё посмотреть... Не выразить словами - как хочется обнаружить в «шатре» ещё невиданное, чьё имя - тайна!

Тайна в детстве, даже не выходя из комнаты, существует повсюду. Да и ты, маленький, пребываешь в полном неведении относительно каждого, сокровенно рождающегося дня. Каким он будет, и что принесёт неизведанного?

Радость и сила жизни переполняли сердце, которое тоже таило в себе невысказанные тайны. Ах, как чудесна эта скрытая от глаз, полная загадок жизнь, и её, конечно, хотелось разгадать.

Но отчего жизнь сразу ничего не рассказывает, а затаенно молчит? Чтобы ты сам до всего дошёл, так интересней?! Не иначе, что именно так, ведь не зря она такая загадочная и притягивающая, но если постараться - обязательно раскроешь любую тайну, и за ней ещё, и ещё. Нескончаемо, наверное, это увлекательное познание, никогда не надоест, и если будешь неутомим и радостен, до всего дойдёшь.

Как месяц за облаками таится в жизни всё чудесное, подобно ребёнку, играя. Кто чего не знает - то не беда, а радость: сладко открывать кем-то бережно хранимое. Но отчего и кем оно так тщательно схоронено?

Должно быть, великим сказочником, как никто понимающим толк и в игре, и в тайне. Не мудрено, если существует и непознаваемая тайна! Провидение зачем-то позаботилось об этом.

Тайна, наверное, основа всей жизни, к ней с нескрываемым воодушевлением устремляются и взрослые, и дети, хотя и не каждая будет раскрыта. Тайные пути Божьего промысла человеку неведомы, ибо сама душа его - тайник. Над ней сладко священнодействовать в любом возрасте, пока ещё до небесных тайн доберёшься! А чудо, должно быть, затем и существует, что его чудесным образом можно открывать, особенно - в детстве, наполненном самыми разнообразными чудесами.

Разве не чудо - бабушкино зеркало?! Необычайно дивная и загадочная вещь. Правда, бабушка не особенно часто за ним и сидела, скорее, это была

память, доставшаяся от её бабушки и прабабушки, с богатым набором костяных расчёсок, вееров, бонбоньерок и фигурных флакончиков, - удивительными и для того времени редкостями. Все они, почему-то, необыкновенно завораживали, с ними были связаны неясные видения из той далёкой и неведомой старинной жизни.

В этой представляемой жизни, как в зеркале, отражались твои собственные мысли, пусть ещё сбивчивые, но чудные. Ведь дети, как и чудачки, не глядят на то, что-де люди скажут, особенно - взрослые, а делают, что чтут полезным по своему разумению, и таковым для них оказывается любимое дело, самое, казалось бы, незначительное. Вот и детство, подобно зеркалу, потаённо хранит в себе то, что и скрыто, и необъяснимо, но доставляет невыразимую радость!

Зеркало бабушки было обрамлено в продолговатую рамку из тёмного орехового дерева, столик же под ним, с крохотным выдвижным ящичком, поддерживали четыре изогнутые ножки. В этом ящичке и прятались гребни, душистые платочки, даже свечи.

Зеркало, вроде бы, само по себе - простое, ничего в нём нет кроме отражения кровати напротив, и ещё - коврика, притаившегося возле неё, но от того, что все предметы, находящиеся перед зеркалом, оказываются внутри него - сразу возникает непонятное чувство: как такое может быть? И ещё не покидало ощущение: то, что попадает в зеркало, - будто бы становится чище.

«На то зеркальце - чтобы в него глядеться, - говорила бабушка, - но если перед ним есть примесь, худоба одолеет». И я почему-то боялся смотреться в чистое зеркало, как будто после твоего внимания к нему - оно оживало, приобретая неизведанный тебе ранее лик, полный разных туманных диковин, что изумляли до глубины души.

Однажды, оставшись дома один, я увидел себя в этом зеркале, и с удивлением обнаружил там какого-то неизвестного мне мальчика в тёмно-синей курточке с маленьким матросским гюйсом и коротеньких шортах. Не раз, конечно, я уже видел себя в этом зеркале бабушки, совершенно не обращая на это внимания, воспринимая, как нечто привычное, но вот сейчас, в этот миг, что-то изменилось...

Наверное, я просто вырос, и зеркало тотчас сообщило мне об этой перемене, что вызвало сначала удивление, а затем - какую-то скрытую признательность зеркалу за его ненавязчивое присутствие в моей жизни. Я действительно почувствовал, что зеркало - живое, и оно очень внимательно относится ко всему, что находится с ним рядом. Мало того, зеркало оказалось мне другом, и помогло взглянуть на себя по-новому. Неужели я взрослою?!

Всё это зеркальное таинство по-настоящему очаровывало, и я как-то заглянул за него, но увидел лишь чёрную доску, что, впрочем, ничего не объясняло. Никакой тайны там не содержалось. Когда же я ещё раз осмотрел обратную сторону зеркала, то опять не обнаружил ничего желаемого: что-то тут было не так.

Зато бабушкино зеркало было очень светлое, так что в комнате от него становилось ещё светлее. В нём, несомненно, открывалось нечто чудесное и новое, но постичь его тайну я был не в силах.

Правда, само познание неизведанного, переживание непередаваемых ощущений - совершенно околдовывало меня, хотя я, конечно, ещё не помышлял при этом о познании величия Божия, Его чудной благодати. Познать бы окружающее тебя пространство, уместяющееся в комнате и на дворе, чтобы укрепиться в собственной силе!

Помогали в этом - пасмурные дни за окном, когда не разрешали гулять, и оттого сердце посещала лёгкая печаль, впрочем, не влияющая на общее доброе настроение. Скучный свет таился по углам комнаты, за тёмно-бордовыми плотными шторами, но если их раздвинуть - открывались высокие и какие-то оголённые окна, которым, кажется, была не страшна непогода.

Они ровно тянулись в небо, туда, где было больше света, и ты невольно тоже тянулся вместе с ними, забравшись на подоконник. На нём можно было даже стоять, прижавшись лбом к запотевшему стеклу, бабушка куда-то уходила надолго, и я отдавался своим неясным думам, наблюдая, как перебегает под окнами редкий прохожий.

Всё пространство комнаты было заполнено сонной теплотой, в углу мерно отбивали свой ход часы, будто кто-то неведомый крался за спиной и никак не мог тебя достигнуть. И вот, усевшись на ковёр, я принимался рассматривать какую-нибудь книгу.

Медленно, с трудом разбирая буквы, пытался читать, но незаметно внимание перемещалось на картинки, а однотонный ход часов усыплял. Когда же придёт бабушка?! Часто почему-то попадалась в руки книжка какого-то английского писателя про детей сирот, перебивающихся в лондонских трущобах.

Плохо одетые – эти бедные маленькие дети вызывали горькое чувство. Но, тем не менее, они не унывали, жили между собой дружно, и мне нравилось представлять, будто я обитаю в этих трущобах вместе с ними, и эти дети приняли меня в свою компанию. Порой я отдавался игре своего воображения настолько искренне, что и себя ощущал в этих лохмотьях, плохо питался, с трудом добывая каждый пенс, прозябая от холода в сырых каменных подвалах.

Чем так привлекала меня эта книга - я не в силах был объяснить, а чёрно-белые иллюстрации в книжке только подливали масла в огонь: хотелось безотчётно страдать с этими мальчишками, разделяя с ними их незавидную судьбу. Сейчас я думаю, что меня подспудно мучила безопасность и комфорт, в котором я тогда находился, и именно поэтому, наверное, невольно проникался неустроенным образом жизни бедных детей, думал о них и переживал.

Книжка эта была одной из любимых. И вот что странно: представляя себя её героем, я, кажется, становился сильнее, переживая за мальчишек, ставших для меня родными.

Постепенно все видения, кажется, обретали реальность, и, погружаясь в неведомую для меня жизнь, я забывался на неопределённое время, до прихода бабушки, а книжка выскальзывала из рук на пол, раскрытая на самой интересной странице. Кто-то как будто склонялся в такие минуты надо мной, это ненавязчиво ощущалось, и я улетал в своём туманном лондонском сновидении навстречу настоящей неведомой жизни.

Вскоре дома появлялась бабушка, бережно дотрагивалась моей головы, и шёпотом произносила: «Заснул, родной? Ну, спи, спи, я сейчас что-нибудь приготовлю». И я уже оказывался на диване, укрытый одеялом, и мои неясные видения продолжались...

Почему же Божественное Существование так благоволит ребёнку? Не задумывались?!

Цель любой человеческой жизни - стать счастливой, и для этого следует хорошо потрудиться, живя по правде, прощая и любя. И разве не вспомнишь тут детство: правда отношений, прощение и любовь в эту пору находятся у нас в крови.

Разве могли мы подолгу сердиться на человека, даже - близкого, или не помочь, когда рушится песочный замок, так искусно возведённый твоим маленьким товарищем? Вообще, длительное время быть не в духе?!

Нет, не могли, обычно прощая любые обиды сразу, безоговорочно, даже - обнимаясь в порыве чистых чувств. Но если и отмечали какого-либо человека как ненадёжного, то вскоре, опять же, забывали о его странном поведении, когда требовалось честно отречься ото лжи или сказать правду, которую почему-то говорить всегда не хочется, но в детстве мы были открыты, и всё это происходило само собой, без каких-либо осложнений, прямо и просто. Такое оно, детство.

Если посмотреть на играющих детей, то в мгновение осознаешь - как они любят игру, возможность каждое мгновение созидать, и как они солидарны в ней. Только «дурной» ребёнок, не прошедший по пути к своей душе ни шагу, может побежать к матери, жалуясь на «обидчика» в игре, и от неё зависит вместе с ребёнком совершить первые шаги к счастью, радости и всепрощению. Как мама себя поведёт - такое и будущее ожидает маленького человека, теряющегося, но пытливого, потому как не избавиться ему от божественного огонька, уже присутствующего в его жизни, вернее, судьбы, которая обязана стать счастливой.

Дело не в том, что какой-то ребёнок может всё-таки ошибиться, пусть уже пройдя до этого немалый отрезок космической дороги, а во врождённой необходимости идти по ней несмотря ни на что, не теряя способности прощать, обнимая, любить, не требуя ничего взамен, и оставаться правдивым. Готовы вы к этому сейчас, в свои сорок, пятьдесят или семьдесят восемь? Вряд ли...

Вам именно потребуется отправить себя в детство, конечно, только мысленно, где вы, как вам сейчас видится, запросто решали бы сегодняшние проблемы, вообще, любые, потому что были счастливы. Но ведь счастье всегда с нами, вы об этом забыли?!

Счастье и для малыша и для взрослого человека одинаково. Счастье первого - в отдаче и сопереживании с окружающим миром, счастье второго - оставаться всегда правдивым, не скрываясь за собственным страхом, что ничего у тебя не получится.

Следует помнить, что спокойно производя духовные усилия навстречу чему-то чудесному в жизни, несущественное в ней рано или поздно отпадёт. Это чудесное всегда живо, оно присутствует повсюду, и хочется пожелать справедливой жизни для всех, чтобы, забыв о себе, тебе хотелось бы дарить радость другим, как это делает влюблённый в жизнь ребёнок, и Существование непременно отвечает ему своею заботой.

С такою же заботою бабушка поила меня вечером чаем, а потом рассказывала сказку. Обычно она спала со мной, крепко прижав к себе, и когда дома становилось тихо, и свет от уличного фонаря затаивался на глазуревых изразцах печи, зеркало начинало странно поблескивать, и в нём возникали неясные тени. Они двигались в его глубине, вернее, копошились, и становилось немножко жутковато, так что не спасало даже присутствие бабушки.

Помню, как хотелось разбудить её, но я не решался нарушить сон любимого человека, и до сих пор чувствую всю эту таинственную обстановку ночной комнаты, и в тоже время - нежелание зажечь свет. Без него во всём присутствовало нечто притягательное, какой-то потаённый уют, недостижимый при дневном свете, и я погружался в ночные сновидения, которые уже ни казались такими пугающими. Наоборот, они успокаивали, так что, пробудившись под утро, в душе, как и за окном, воцарялся солнечный покой и умиротворение.

В комнате сладко пахло стирной, а ещё на спинке кровати благоухали свежие полотенца. И я сразу понимал, что день выдастся широкий и радостный, с восторженным солнцем и лёгким задорным морозцем, с красотой разноцветных домов вдоль улицы, тоже представляющейся весёлой. С каким счастьем сжималось разгорячённое сном сердце, как оно пело от переживания разлитого по всему дому света. Не померкнуть никогда радости детства!

А солнце, между тем, наполняло радостным блеском всю комнату, прихожую, с улыбкою забиралось под кровать. Что случилось с ночной загадочной неопределённостью, куда она подевалась? Повсюду - только солнце, весело роящиеся в воздухе золотые пылинки: сколько во всём этом солнечном присутствии силы!

Вот и самому опять пришла пора умываться, прыгать, радоваться вплоть до самого вечера, когда из углов выползают таинственные тени, и дыхание перехватывает от предвкушения очередной сказки, а бабушка,

притягивая твою голову к своей груди, ласково произносит: «Спал бы так, голубёнок, ничего худого не зная. Спи сладко, Господь милостивый добра тебе пришлёт!»

И тотчас же на абажур набрасывается накидка, зеркало начинает поблескивать своими пробудившимися ночными устремлениями, сладко и незаметно утекает время: кажется, совершенно ненужное, чужое. На чердаке, еле слышно, копошатся голуби, а то чудесное, живое, что присутствовало днём, опять куда-то исчезает.

Может быть, прячется в чулане или под лестницей? Не разгадать никогда, наверное, эту тайну.

За окном медленно тает нежно-вишнёвый закат, над ним невольно задержались чуть розовеющие с одного боку пухлые тучки, а ещё выше вспыхивают зеленеющие зёрнышки первых звёзд, про которые бабушка говорит, что это - души людей. Значит, и мне быть когда-нибудь там, далеко, думаешь ты, в небе?

Нет, ты не веришь в эти слова, получается слишком легко и просто, но разве так бывает? Если правда, то всё это чудесное звёздное таинство ничего не объясняет здесь, на земле.

Вот бы самому полететь прямо сейчас туда, и всё хорошенько разглядеть? В этой привилегии – вся прелесть детства!

Собственное существо

Вспоминая детство, часто приходит мысль, что вспоминаешь то, чего никогда не было, и ты начинаешь придумывать какие-то случаи, основанием для их появления, действительно, случалось нечто подобное, и вот это «домысливание» своего детства становится приятным. Так, пожалуй, и на самом деле могло бы быть, думается тебе, но по какой-либо причине почему-то не происходило, что, собственно, не очень и разочаровывало.

Важно то, что нечто прекрасное, лёгкое и многообещающее всё-таки в твоей жизни было, именно - в детстве, и оно послужило рождению чего-то светлого и доброго в будущем, а утвердившись в этом заключении - и теперешнее своё существование ты вдруг начинаешь считать достойным, преисполненным радости и света. С чего бы, кажется, быть печали? Важнее тех дел, которые пребывали в твоём детстве, быть не могло, в этом ты был совершенно уверен, и так, как привлекало тебя в то время собственное существо, не привлекало ничто.

Взять хотя бы своё тело... Взглянешь на себя, бывало, в зеркало - и поразишься: рот и нос - один, глаз с ушами - по два, а вихров на голове три!

Бабушка обнаружила их однажды, прижимая меня к себе и перебирая мои волосы, после чего воскликнула:

- Да тебя, милый, корова трижды зализала!

- Это как?

- На счастье, значит. Шибко она любит таких медвежат.

- А отчего на голове вихры? - спрашиваю я.
- Природа образует такой круговорот.
- У всех?
- Больше - у малышей, да ещё у телят.
- Для чего?
- Вот рука моя тебя по головке гладит, так и за вихор тянет. Для ласки, родной. А коли ослушаешься, могу за него и надрать!
- Этак я не согласен.
- Кому ж приятно, но коли за дело - терпи.
- Выходит, лучше эти вихры не иметь. Да ещё три!
- На то - воля Божья, и если Господь пожелал, так тому и быть. Вихрун ты мой!
- Во лбу я вижу, а другие?
- На маковке, и в затылке, голубь.
- Я у тебя завитой!
- Ты у меня - вихор-вихорьевич, богатый во всём. Завьёшь любое горе ремешком!
- Ба, а маковка - это макушка?
- Самая вершинка. Эх, было времечко, целовали и меня в темечко, а ныне в уста, да и то ради Христа!

Но забавнее всего было то, что вихор во лбу казался мне совершенно не к месту: торчит посреди головы, вроде ему тесно. Вот и сама голова - всё в ней не просто: и лоб там есть, и темя-маковка, и затылок, а ещё виски с волосами, у девчонок - целые косицы, и всё это смотрит, говорит, думает, слышит. Подумаешь умом, головушка кругом, но не одной головой свет стоит!

Что же ещё в собственном теле не давало мне покоя? Один мудрец однажды произнёс: «Когда сапог впору, забываешь о ноге». И действительно, если во всём ты в себе разобрался, и оно тебя не беспокоит, то принимаешь существующее таким, каково оно есть.

Но разве возможно подобное отнести к своему детству, пока ты занят исследованием себя? А узнать обо всём страсть как хочется, ведь это так естественно в ранние годы: познавать мир, начиная это познание с собственного тела, потому как оно ближе всего.

Вы помните - как относились в детстве к своему телу? Как трогали его? Тело человека, тем более, ребёнка, завораживает его необыкновенно.

С каким вкрадчивым интересом он начинает знакомиться с ним, и здесь не обойтись без счастья: счастья наслаждения своей здоровой, неведомой плотью, которая, конечно, к чему-то предназначена, и всё об этом очень хочется узнать. От этого и трогаешь самые нежные места на своём теле, именно узнавая их: иначе, как познать потом бесконечную Вселенную?!

Ребёнок ведёт себя очень правильно, что заботится, вроде бы, только о себе, а на самом деле - обо всей Вселенной! Ему пока не хватает с ней связи, и он дотрагивается в себе самых проникновенных точек, потому как именно

они преисполнены энергии, и ребёнок, интуитивно, тянется к ним, пытается разобраться.

Само Существование заложило в нём эту потребность постижения. Для чего - ребёнок ещё не в силах ответить на этот вопрос, но заложенная в нём возможность дотянуться до правды уже присутствует, а значит - и правда есть, и её постижение можно выбрать как один из путей отношения к таинственному Существованию.

Все воспоминания детства, игры и присущие только ему причуды имеют сокровенную важность. Мудрецы заверяют, что к семи годам ребёнок постигает практически все основные знания, которые послужат в дальнейшем для приобретения им последующих открытий. Природа и родители подготовили в нём эту возможность, чего сам ребёнок никогда бы в себе не сформировал. В нём создано внутреннее прибежище, из которого он может осознанно начать путь своего созидательного продвижения по жизни.

Так о чём же говорит нам наше тело, именно - в детстве, когда мы обращаем к нему своё внимание?! Ребёнок играет с половыми органами, не догадываясь - для чего они предназначены. Ему просто интересно воспринимать их как часть себя, постигая тело как единое целое, а половые органы - самая чувствительная часть тела, и ему очень приятно трогать их, это его забавляет.

И здесь от родителей требуется тактичное отношение к своему сыну или дочке, ни в коем случае не запрещая им играть с собой, и уж, конечно, никоим образом не наказывая. Не пугайте ребёнка, а заботливо объясните наличие этого органа у человека, его надобность. Ребёнку нравится играть с собой, так поддержите его в этом увлекательном занятии: только не обижайте!

Ребёнок с удовольствием сосёт палец, и точно так же он может забавляться с гениталиями, разницы никакой, и какая бы то ни была предвзятость со стороны взрослых здесь просто недопустима. Сосредотачивая своё внимание на каком-либо органе, ребёнок продлевает в себе энергию, подсознательно запуская её циркуляцию во всём теле, и сам он не может этого не чувствовать. Ему именно нравится ощущать в себе бурлящую жизнь, так он порождает в себе радость. Непозволительно эту радость нарушить в ребёнке глупым запретом, создавая в нём чувство вины.

Ребёнок не должен ограничивать себя в игре, и родителям следует оберегать свободу своего ребёнка, свободу волеизъявлений маленького человека, вызывая в нём уважение к себе, к своему телу. Ребёнок не должен прекращать жить интересно, и исследуя себя, он вправе быть счастливым, испытывая непрекращающуюся радость. Очень легко закрепостить ребёнка, он не в состоянии защитить себя, и учитывая это, взрослым надлежит не ограничивать волю ребёнка, чтобы он испытывал удовольствие от жизни.

Всё, чем располагает ребёнок в детстве - это его тело, и в нём не может быть чего-либо недостойного. Если ребёнок принимает себя целиком, в нём никогда не иссякнет энергия, она будет только развиваться, и помогает

ребёнку в этом изучение себя. Со всем неизведанным ребёнок справится сам, ему только нужно для этого время, и когда оно придёт, ребёнок рано или поздно осознает собственную цельность и единство с Существованием.

Позвольте ребёнку самому пройти путь познания, самым естественным образом, наедине с собой, и пусть он познает своё мальчишеское тело, а через это тело научится любить весь мир. Ребёнку нужно просто не мешать быть собой, стать тем, кем его задумало Существование, помогая развивать его возможности.

Пусть ребёнок будет занят собой, делает то, что хочет, потому как ему больше всего по душе, когда его оставляют в покое: в этом покое в ребёнке зарождается потребность роста, стремление к истине, и благодаря исследованию себя в нём появляется тяга к приключениям. Не мешайте ребёнку, просто поддерживайте его.

Не секрет, что ребёнок очень подвижен, его переполняет внутренняя энергия: взрослый человек ни за что не повторит всех движений, на какие способен в течение дня малыш, его мышцы просто не вынесут подобного напряжения. Но как ребёнок ощущает в себе эту энергию, в каком месте тела она проявляется?

Часто можно видеть, как малыши, увлечённо играя, указательным пальчиком почёсывают себе лоб, место между бровей, не отдавая себе в этом отчёта. Когда ребёнку не совсем ясно - как решить какую-нибудь задачу, какая-то неясная точка внутри него не даёт ему покоя, и он прикасается к ней то и дело: эта точка - третий глаз, центр, который называли так индуисты. У ребёнка энергия, которой он переполнен, ударяет именно в этом месте, и он понимает, что нечто в его жизни непременно должно быть исполнено.

Третий глаз напоминает ребёнку, что он перенасыщен жизнью, она бьёт в нём через край, будто повелевая к чему-то стремиться. В нём живёт механизм, порождающий идеи, которые сыплются из ребёнка как из рога изобилия, им необходим выход, немедленное воплощение, и энергия непременно должна быть высвобождена.

Я в детстве частенько почёсывал лоб, даже не замечая в себе этой особенности, а обратила на неё внимание бабушка, и я сразу почувствовал, будто из меня исходит счастье. Кажется, я готов был воскликнуть: «Мне нравится быть один на один с Вселенной, я люблю жизнь!»

В ребёнке третий глаз остаётся постоянно открытым, кажется, он никогда не закрывается, не то, что у взрослых. Он означает, что именно в ребёнке присутствует внутреннее зрение, и ребёнок не «спит», как взрослые, он готов видеть истину во всём.

Взрослому приходится искать внутри себя точку постижения, а в ребёнке она есть: он постоянно в поиске выражения своей энергии, лучик постижения в нём не затухает. В третьем глазе у ребёнка сосредоточено само божество.

Странно было бы говорить о наличии у ребёнка силы воли, и, тем не менее, она тоже сосредоточена у него в районе третьего глаза, и с этой силой

он появляется на свет. Рождаясь, он уже несёт в себе подобное качество, и это говорит о том, что к семи годам ребёнок в состоянии определить для себя в жизни верное направление: ему только нужно довериться, попытаться понять, и тогда назначение его жизни для него откроется.

При ощущении в себе этого назначения - ребёнка пронизывает радость от собственного существования, он чувствует, что очень многое ему подвластно, и если он не угадывает в себе подобной свободы, то жизнь его не складывается. Пока он, конечно, не может быть хозяином самому себе, в нём отсутствует сила, благодаря которой человек управляет своей жизнью, но ребёнок не может не чувствовать присутствие или отсутствие в себе свободной воли: это становится очевидным даже для взрослого, порой не имеющего такого волевого центра, в отличие от ребёнка. Мудрые родители, обладающие силой духа, стремятся пробудить у него этот центр, во всём поддерживая своего малыша.

Почёсывает ребёнок частенько свой лоб, значит, сосредотачивает внимание на собственной жизни, что принесёт ему в будущем значительные плоды. Ребёнок в свои годы обладает чрезвычайной чувствительностью, и как будто постоянно думает об этом, занимаясь своей игрой. Пожалуй, этот участок тела у ребёнка самый чуткий, и ребёнок не может этого не ощущать, с радостью переживая свою цельность.

Ребёнок, в отличие от взрослых, всё время слушает своё тело, это самое родное, что у него есть, и он очень внимателен к нему. Детей нужно предоставлять самим себе, они на удивление точны в своих потребностях, и никогда не будут делать то, что им невыгодно или неинтересно.

В детях живёт глубокое понимание жизни, каким бы это не выглядело странным, природа их тела мудра, что, к сожалению, пропадает с возрастом, вернее, затаивается, уже больше себя никак не проявляя. У детей нужно учиться тому, как они позволяют своему телу вести себя тем или иным образом, как они живут чувствами, как радуются каждому мгновению.

Очень часто детей привлекает в своём теле ещё и живот, то место в нём, где расположен пупок, центр жизни: ребёнок не зря всегда дышит животом. Живот матери был для ребёнка его домом девять месяцев, и когда ему обрезают пуповину, связывающую его с матерью, его какое-то время необходимо держать у неё на животе, так он не сразу сталкивается с незнакомым миром, что, скорее, жесток по отношению к нему, нежели оберегает и принимает как мать. Оттого ребёнок впоследствии всё время поглаживает свой живот, будто устанавливая связь с родным домом, вспоминая, как ему было покойно и хорошо.

Ребёнок искренне заинтересован во всём, что его окружает, и, конечно, в собственном теле. Ему постоянно хочется то одного, то другого, ему нравится ко всему прикасаться, пробовать на вкус, его руки тянутся к любому предмету, они уже давно отправились в увлекательное путешествие по этому миру, и ребёнок просто следует за ними. Он счастлив тому, что имеет, для него это уже непередаваемый праздник, и эта чудесная

невинность ребёнка необычайно трогательна, и от взрослых зависит предоставить ребёнку возможность быть свободным исследователем и себя, и окружающего мира.

Вероятнее всего, душа не даётся человеку от рождения, сама жизнь - лишь возможность обрести душу, благодаря присутствующему в человеке божественному сознанию, и если она всё-таки обретается им, и передаётся из одного воплощения в другое, то мудрецы определили для неё место нахождения в теле в нескольких сантиметрах ниже пупка, где она прикрепляется чем-то вроде серебряного шнура... Причём, он не материален, но светится, как серебряный, и ребёнок, если он уже обладает такой духовной субстанцией, не может не чувствовать её, время от времени поглаживая живот и улыбаясь. Это для него - приятное развлечение.

Само тело подсказывает ребёнку быть к нему внимательным, потому что оно имеет в своём развитии долгую историю: оно - мудро, и сообщает маленькому человеку, как следует с ним обращаться, как вести себя, что для него самое ценное в жизни. Если каждый взрослый вспомнит себя в детстве, то непременно отметит, какое удовольствие ему доставляло кружение, раскинув руки, совершенно позабыв себя при этом. И ничего, если придётся при этом кружении споткнуться и упасть, это совсем не страшно, главное - твоё тело, находясь в кружении, будто возвращается к своим истокам, и переживание этого возвращения непередаваемо.

Кружась, всё быстрее и быстрее, ты словно растворяешься в пространстве, обретая в себе нечто утерянное, такое чудесное и до самозабвения радостное, что не описать словами. Постепенно тебе начинает казаться, что тело уже движется само, и ты как будто наблюдаешь за ним откуда-то сверху, и это обстоятельство тебя ничуть не смущает. Незабываемо ощущение полёта, переживаемое при кружении, и этот бесценный опыт приходит именно в детстве, благодаря общению с вашим телом.

Я даже подозреваю, что в теле ребёнка, но далеко не в каждом, звучит собственная музыка... Откуда она появилась, кто и когда её зародил? А может быть, эта музыка возникла однажды вместе с внутренним движением энергии, к которому, явно, предрасположено тело. Взять, хотя бы, то же кружение...

Вероятно, какими-то великими магами, давным-давно, было достигнуто понимание, что с помощью и внутренней музыки, и танца возможно достичь в себе божественного начала. Иначе, как объяснить его наличие в организме, а музыка эта, несомненно, присутствует, и я помню, как не раз угадывал в себе какое-то волшебное звучание, будучи ещё совсем маленьким.

Музыка зачаровывала и звала за собой, пробуждая в душе необыкновенный прилив чувственности. Может быть, поэтому меня и тянуло в детстве постоянно двигаться, танцуя? И всё это существовало только для одного: поддержания в человеке с ранних лет гармонии.

Огромное счастье - доверять себе в детстве, не бояться этого, слушаясь своих чувств. В этом простом заключении - суть счастья, и если тебе не помешали в детстве проявлять свою чувствительность, у тебя есть все шансы быть по-настоящему живым, настоящим. Только не потеряв своего счастья, можно обрести и развить сознание, а это - благословенная дорога, когда не упускаешь все мелочи жизни, и значит - не упускаешь её смысл.

Всё, чем мы обладали в детстве, было вполне достаточно для переживания радостной благодарности к Существованию. Ведь вы не просили у Него больше того, что имели, и то, что было вам дано - всего этого вполне хватало. Оставалось только быть благодарным, делясь своим счастьем с окружающим миром, и в этом заключалась непередаваемая прелесть детства. Вспомните - кто вы есть, и в вашей душе не останется ни одного тёмного уголка.

А ещё в нашем теле существуют определённые зоны запаха, они связаны с чувствами, и когда ребёнок занят постижением себя и окружающего пространства, зоны эти, как цветы, раскрываются, отчего, наверное, от ребёнка никогда не исходит неприятный запах. Нет, ребёнка можно легко распознать как раз по издаваемому им аромату: он источает этот особенный милый дух, присущий только ему, потому как ничего иного он распространять вокруг себя не может. Только свежесть, наподобие какого-то чудесного и неведомого благовония, запах чистоты и света, нечто, относящееся именно к детству, к этой благодатной поре, возносящей ребёнка к его внутреннему небу, готового начать своё главное путешествие в жизни: запустить собственное сознание.

Будьте как ребёнок: немедленно, каждую секунду, отдавайте ту радость, что переполняет ваше сердце, и даже ту нежность, которую вы получаете от друзей и близких, представляя её уже своей. Не удерживайте эту радость в сердце ни на секунду, незамедлительно делитесь ей, потому что вы не можете этого не делать: в этой вашей радости нуждаются абсолютно все. Знайте, что отворяя двери собственной души, вы позволяете перетечь всему лучшему, что в вас есть - к другим, и этим увеличиваете в мире любовь.

Нет ничего дороже настоящего!

Для большинства людей настоящее оказывается несуществующим, оно - лишь переход от прошлого к будущему. Но у детей иное восприятие действительности, они всегда живут моментом, в котором пребывают, а потом - в следующем, вновь пришедшем. Настоящее для них - единственное существование, причём, они этого не осознают, но глубоко чувствуют.

Истинно в их жизни то, что происходит сейчас, тогда как прошлого или будущего просто нет. Дети - необыкновенно чувствительные существа, и то, о чём они мечтают - мгновенно воплощается у них в жизнь, ибо настоящее и

есть жизнь, а жизнь никогда не может быть достигнута через неверие в свои силы, как это обычно происходит у взрослых.

Дети искренне верят во всё, чему отдают свою энергию, и при этом души их не захламливаются чем-то ненужным. Они отражают только настоящее, а оно для них всегда прекрасно, и дети проживают его с удовольствием.

Жить по-новому присуще только детству и юности, и происходит это, наверное, потому, что дети переполнены жаждой постижения, и они не хотят повторяться, подсознательно угадывая в себе природу, устремлённую к постоянному перерождению, то есть - росту. Благодаря этому энергия их не иссякает.

Всё в ребёнке говорит о возможности в любой момент расцвести в нём чему-то прекрасному. Каждое его действие, казалось бы, в самой непритязательной игре, будто увековечивает маленького человека в том, что когда-нибудь обернётся в его жизни чем-то необыкновенно значительным.

Пока ещё ребёнок - хозяин, и он с удовольствием отдаёт себе распоряжения, которые тут же самым тщательным образом исполняет. И потому он ощущает себя счастливым: ребёнок чувствует, что всё зависит от него самого.

Детство - это пространство, не заполненное ничем лишним: вот в чём его прелесть, и оттого - как и чем ребёнок это пространство насытит, будет зависеть качество его будущей энергии. А вот если взрослый человек, уже проживший жизнь, чувствует себя неудовлетворённым, он начинает испытывать потребность сознательно отправиться к тому, что делал бессознательно, неминуемо попадая в детство. Ведь когда вы вспоминаете своё детство и живёте им, вам кажется, что вы, оставаясь в настоящем, здесь и сейчас, вновь становитесь ребёнком.

Для этого, вам, оказывается, достаточно просто закрыть глаза и погрузиться в давно позабытую прекрасную глубину, до самого конца, ни на что не отвлекаясь. Но осуществить такое погружение не просто, потому как мешают отрывочные, пусть и яркие, воспоминания, которые сами по себе бессознательны, а потому бесполезны. Вашему беспокойному уму удобнее воспринимать только их.

Так как же добиться правды и очутиться в детстве?! Наверное, только слушая своё сердце.

Природа человека такова, что он склонен запоминать из детства только хорошее, отчасти по этой причине мы помним себя лишь с трёх-четырёх летнего возраста, подобным образом устроен наш мозг, и если спросить любого взрослого - какая пора жизни ему более всего по душе, то он, не задумываясь, ответит: детство! Всё худое в нём отбрасывается, а счастливое - помнится, потому, как человеку не хочется смотреть на что-либо уродливое.

При этом многие дети не желают быть детьми, они стремятся поскорее стать взрослыми, чтобы не подчиняться требованиям старших, самим определяя собственную жизнь. Их привлекает, в первую очередь, могущество взрослых, те возможности, которыми взрослые обладают. У

детей же они отсутствуют, и оттого ребёнок чувствует себя беспомощным, и эта беспомощность его будто бы больше всего и не удовлетворяет. Ребёнок чувствует, что он зависим: то, чего бы ему хотелось - родители не разрешают, а всё, что можно - на самом деле неинтересно.

Меня, к примеру, отец всё время насильно потчевал тёртой морковкой, в которую, по его убеждению, были вложены самые лучшие в мире витамины, доводя этими кормлениями до слёз. Мама же заставляла каждый день выпивать по столовой ложке рыбьего жира/!/, отчего мне и вовсе становилось дурно, и я, конечно, проклинал всё на свете, наверное, и детство, но подобного рода переживания вскоре забывались, они не были в эту пору определяющими, и помнится, моё восприятие больше посещала радость, нежели какая-то неустроенность.

Слушая сердце, и проживая детство заново, я сейчас понимаю, что смотреть на мир глазами ребёнка по-настоящему увлекательно, если родители помогают тебе быть открытым и чутким, тогда ты не прерываешь связи с собственным Источником. Так уж выходит, что детство - самая лучшая пора в нашей жизни, может быть, оно и есть истинный рай, и если это верно, то мы не зря все стремимся туда, где в этой жизни нам уже не бывать.

Сколько помню себя в детстве - мне никогда не хотелось поскорее стать взрослым, а нравилось оставаться тем, кто я есть. Меня устраивало это замечательное ощущение вседозволенности и свободы, веры в то, что я смогу сделать в жизни всё, что захочу, а одним из самых ярких переживаний детства была уверенность, что ты был всегда.

Детство прекрасно как раз именно тем ощущением, что ты не мечтаешь о взрослой жизни, и у тебя также не появляется желание родиться в другом месте и времени: всё, что окружает - необычайно радует и окрыляет. Ты принимаешь каждый день, будто зная, что он дан не случайно, при этом понимая: нет ничего дороже настоящего, в этом - мудрость жизни, когда позволяешь этому настоящему просто быть.

Уже тогда, в раннем детстве, я, видимо, обладал внутренним взглядом, воспринимая себя очень осознанно, и именно поэтому мне не хотелось покидать детство. Я даже не помышлял о подобном, поскольку наслаждался всем, что меня окружает, и был счастлив.

Естественно, у кого-то может возникнуть вопрос: как такое возможно? Для этого необходимо очень содержательно прожить предыдущую жизнь, переживая в ней не меньшее наслаждение, когда внутри тебя всегда горит радостный огонёк постижения. А он во мне разгорался, по-видимому, неоднократно, при каждом новом появлении на белый свет.

Что чувствует ребёнок, когда рождается? Прорываясь сквозь тёмный тоннель к новой жизни, с криком - и никак иначе, вряд ли он испытывает блаженство. Это - его первое соприкосновение с неведомым для него миром, и ребёнок проходит через родовый канал в огромное пространство, как будто подготавливаясь для встречи с ним, прочувствовав на себе первую боль -

вытяжение и сжатие, когда хочешь - не хочешь, а приходится плакать, даже кричать!

Может быть, ребёнку и не больно, так он просто выражает своё столкновение с чем-то ещё неведомым, даже пугающим, чего он никогда, наверное, не переживал, и оттого, видимо, взывает громогласно и требовательно о своём появлении в неизвестном пространстве именно криком, призывая освободить его от связывающих оков, чтобы вновь обрести утраченное блаженство. Ребёнок рождается, но никто не знает: что с ним, на самом деле, в эти минуты происходит?!

Да только разве обойтись без такого пугающего появления в этом чудесном мире, где ребёнку предстоит вновь обрести свежесть восприятия, и сделать её внутренним свойством?! Человек должен пройти все ступени по лестнице, ведущей в небо, максимально преумножив собственную энергию, которая когда-нибудь наполнит чьи-то жизни до краёв, озарив землю благодным светом, и без детства, насыщенного чудесными событиями, эту задачу ему не преодолеть.

Так станьте вновь ребёнком, чтобы с первых шагов, но уже более обогащённым, вновь начать проходить эту замечательную долговечность, именуемую жизнью. Ведь ребёнок убеждён: мир создан именно для него, и в этом он прав!

То, что всё устроено не просто так - он угадывает очень рано, совершенно точно подмечая, когда эта гармония нарушается, а подметив - несмотря ни на что отстаивает своё право быть счастливым, интуитивно угадывая гармоничную взаимосвязь со всем, что его окружает. Нет ничего его дороже!

Солнечное счастье

Детство - наилучшая пора, когда человек может быть ближе всего к своему существу, а внутреннее переживание собственной природной сущности оказывается на деле божественным свойством. Ребёнок и есть божество, но он должен уметь выразить это свойство, для чего ему необходимо как можно больше и чаще разговаривать.

Ещё с детства я заметил за собой такую особенность: мне нравилось рассказывать всякие истории. Конечно, опыта у меня почти никакого не было, но даже из тех, казалось бы, незначительных случаев, что приключались со мною в детстве, я умудрялся изобретать нечто увлекательное.

А понял я это по реакции бабушек, которые внимательно слушали мои маленькие истории, никогда не обрывали, но я не сразу разобрался в этом, присущем моему характеру, свойстве. Истории были самые незамысловатые, в общем-то, ерундовые, и всё же бабушки меня слушали...

Здесь нужно заметить, что в жизни у меня оказалось сразу несколько бабушек, и постепенно, по мере моего взросления, они как будто слились для

меня в одну, самую любимую из всех взрослых людей, что окружали меня в детстве. Баба Саша - мама моей мамы, баба Нина - мама папы, а ещё - её старшая сестра - баба Женя, и младшая - баба Лёля. Все они относились ко мне с большой любовью, ибо так выходило, что я у них оказался первым внуком, а первому, как известно, и вся честь.

Бабушке Саше я как-то поведал, что в самом дальнем углу сада закопал арбузные семечки, твёрдо веря в то, что там обязательно вырастут арбузы, причём, на дереве. Рассказал, что поливаю их очень тщательно, и бабушка меня от этого устремления не отговаривала, только улыбаясь.

- Семечки свои полью - и вырастет чудесное арбузное дерево! - восторженно говорил я ей, не переставая каждое утро таскать в угол сада ведро воды, а то и два. - Буду потом с дерева арбузы срывать, и тебя, бабушка, угощать. Здорово это я придумал?!

- Посадим с тобой, милый, семена, так по урожаю тужить не станем, - с лукавинкой подзадоривает меня бабушка. - Всякое семя знает своё время!

Я же, ещё старательнее принимаюсь за поливку: а вдруг и на самом деле арбузы произрастут?! Забота, как известно, беспокойные хлопоты, но зато когда только маленькое семечко сажают - до больших плодов доживают. Да и как обойтись без доброго бабушкиного слова?!

- Не то забота, что много работы, - ласково замечала она, - а то забота, как её нет!

Там же, в углу сада, где было посажено «арбузное дерево», у меня хранились закопанные в землю денежки, и в тайну свою я не посвящал даже бабушку. Я только рассказывал ей, что обнаружил в саду клад, в нём полно разных ценностей! Придёт время, и я покажу свои сокровища, но пока этого делать не стоит, я лишь охраняю их, время от времени проводывая это немыслимое богатство.

На самом деле, возле старой яблони у меня была припрятана в ямке под стеклом горсточка медных монеток. Когда я приходил туда, то подолгу любовался этими нехитрыми сбережениями, представляя, что когда-нибудь приобрету на них в лавке старьевщика всё, что мне заблагорассудится: и книжки-раскладушки, и каучуковые шары на резинках, и водяной пистолет, и глиняные свистульки. Клад будто согревал мне душу своим сокровенным нахождением в самом дальнем углу сада.

Одно наслаждение было сознавать, что у тебя есть своя настоящая тайна, а не просто зарытое в землю богатство, сберегаемое на какое-то особое дело. Кто клад хранит, убеждённо думал я, того непременно Бог наградит.

Сам сад располагал к таинственному восприятию жизни, когда уже с самого утра неудержимо разыгрывалось воображение, и на всё ты начинал смотреть с ожиданием чего-нибудь необыкновенного, того, что ещё не случилось в твоей жизни, но непременно приключится. Нечто диковинное, я это знал твёрдо, ожидает меня тотчас после пробуждения, нужно только умыться, наскоро позавтракать, и выйти в сад, чтобы перед тобой

распахнулось окно в удивительный мир, в котором ты, кажется, ещё ничего не видывал, до того он был хорош.

Солнечный восход, ещё со вчерашнего раннего утра подробно подсмотренный тобой, сегодня уже производит совершенно иное впечатление, и воспринимается как нечто необычайное, тотчас вызывая вопрос: отчего солнышко так скоро перебирается за день по небу с одной стороны земли на другую? Кто ему в этом помогает?

А запах?! Он в это утро какой-то по-особенному свежий, с чудесной душистой сыростью, приятно дурманящей голову, так что на глазах выступают счастливые слёзы.

Такой запах рождается только в бабушкином саду, его не спутаешь ни с каким другим. Невозможно равнодушно смотреть на открывающуюся взору картину летнего утра, что с каждым мигом всё более расцветает, становится краше.

Листья на деревьях и цветы беспрестанно меняют свой цвет: то темнеют от подступившей вдруг мягкой тени, то светлеют, переливаясь, будто играют. Или пробежит по травам неизвестно откуда взявшийся ветерок, пригнёт их на миг к пахучей земле, и эта лёгкая, еле уловимая рябь неожиданно породит в душе какую-то радостную проворность и приподнятость, желание бежать, прыгать и лететь.

Не устремляться куда-то, в неведомые восторженные дали, невозможно, и надеешься ты в этом устремлении только на себя. Что-то принесёт этот волшебный летний день?!

При всей заботе ко мне бабушки, я, тем не менее, отводил значительную долю неусыпного внимания к себе постоянно движущемуся в саду воздушному пространству. Будто только для меня оно таинственно роилось, очаровывало, словно это даже и не воздух вовсе, а какое-то еле угадываемое существо, живое и очень трепетное, что почему-то ненавязчиво и искренне оказывает мне своё неослабевающее попечение.

Бабушке я рассказал, что существо это давало о себе знать лишь изредка, на короткий миг, коего, впрочем, было достаточно для того, чтобы его усмотреть. При этом, оно никак не тревожило, не выглядело надоедливым или пугающим, а представлялось, как нечто родное, что именно призвано заботиться и оберегать, ничего иного в своих действиях не выказывая.

Мне становилось так, будто я его давно знаю, даже – люблю, и когда оно появлялось – я начинал улыбаться ему, пытаюсь дотянуться ручками, и это трогательное «что-то» - тоже как будто улыбалось, так, что я чувствовал его ровное дыхание, понимая, как оно бережно меня обнимает, будто околдовывая.

Чудное действие этого обворожительного воздушного существа не мешало, а помогало мне жить, отчего я был покоен, зная: заботливое воздушное пространство питает моё маленькое сердце своей безбрежной любовью. А бабушка верила этому моему счастливому слиянию с

воздушным существом, тому, что оно относится ко мне, как и она, с любовью.

В детстве моём было полно всяких чудесных историй, как целый сад из самых необыкновенных ярких цветов. Но я, помнится, не любовался этими цветами, тщательно разглядывая каждый цветок в отдельности, они сами собой входили в меня, даже не спрашивая моего разрешения, а я просто наслаждался этой цветной солнечной жизнью, утопая в её ароматах.

Бывало, с затаенным духом разглядываешь старую яблоню, бабушкину накидку, что покоится на кресле-качалке, или яркого петуха, гордо расхаживающего по двору, и долго не можешь на всё это наглядеться. С таким же интересом потом переводишь своё внимание на кошку Бусю, огромного налима в тазу, выловленного папой на неведомую для меня жерлицу или потаённую гладь пруда, где деревенские мальчишки выуживают юрких пескарей, и душа твоя полнится восхищением от всего увиденного.

И вот, ты всё смотришь и смотришь, не в силах насладиться тем, что раскрывает перед тобой этот неизведанный счастливый мир. Даже когда наступает ласковый вечер, с высыпавшими по небу разноцветными зёрнышками звёзд, ты с блаженным умилением предвкушаешь следующий, не менее яркий солнечный день, и не оставляешь попыток открыть для себя что-то такое, чего ещё не случилось в твоей жизни.

Разве забудешь, как в детстве, каждый день, неудержимо врывается в твою жизнь солнечное счастье, оно – во всех вещах, что окружают тебя, и в них будто находишься ты сам – маленький вихрастый мальчишка шести лет, очень счастливый и солнечный, как никто ощущающий единение со всем Сущим.

А то, бывало, застанет меня бабушка на чердаке, где она обычно запрещала появляться, но наказывать не спешит, потому, как очень любит. Расстраивать бабушку мне не хочется, и я, тут же придумываю ради неё для себя испытание за свой «проступок», в котором, собственно, не особо и раскаиваюсь, лишь бы только умиловить любимого человека. Забираюсь на высоченный шкаф, под которым стоял диван, и, зажмурившись, лечу с него вниз. Всё тут зависело от «серьёзности» содеянного...

Случалось, что по несколько раз за день решался на свои головокружительные «полёты», и пока лечу - представляю, будто «очищаюсь», а когда оказываюсь на диване, от «проступка», вроде бы, как ничего и не остаётся, и я чувствую себя перед самим собой полностью прощённым. Бабушка, опять же, только посмеивается, наблюдая за моими причудами, а меня необыкновенно привлекал такой «полёт», хоть и продолжался он две секунды, но после всего этого я был очень собой доволен.

Про себя представлялось: как ловко я всё придумал - один прыжок, и ты не испытываешь перед бабушкой никакой вины, будто её и не было, и можно снова изобретать что-нибудь новое, прежде неизвестное. В этом,

наверное, и есть суть настоящей жизни, которая всегда должна быть интересной! Попасть в какую-нибудь увлекательную историю или необычное происшествие оказывалось для меня совершенно необходимым, иначе - в чём смысл твоего существования?!

Так все свои действия я и сопровождал разного рода фантазиями, которые день ото дня становились всё более изобретательными, что, по моему мнению, не могло не тешить мою любимую бабушку. Я даже не предполагал, что умение сочинять истории или какие-либо занимательные жизненные ситуации очень пригодится мне в последующей жизни и окажет неоценимую помощь в творчестве. Возможность учиться передавать свои чувства и мысли меня необыкновенно завлекала, мне всё более нравилась эта забава, хотя в детстве я и не осознавал, как полезна подобная привычка: истории, что я придумывал, будто оттачивали во мне какое-то важное свойство.

«Выдумывать» представлялось для меня самым интересным занятием, и желание поделиться своими придумками, а вернее - небылицами, порой просто переполняло. Правда, конечно, хороша, но и ловкая выдумка, хоть она и на тараканьих ножках ходит, не несёт ничего худого, если обустроить её с пользой для жизни, никого не обижая.

В основе жизни лежит скрытое стремление к познанию того, что ещё неизвестно, и для ребёнка она начинается именно с постижения окружающей действительности. Разве могло это семя быть заложено кем-то кроме Бога? Конечно, нет, и вся эта бесконечная игра задумана только Им, а жизнь от этого приобретала удивительный смысл!

Ребёнок не может этого не чувствовать, и хоть бессознательно, но с удовольствием принимает эту предложенную Всевышним счастливую солнечную игру. И я с удовольствием в неё играл, придумывая, как и наш Господь, всё новые и новые истории.

Покупайте поридонки!

Бабушка Саша была очень простой женщиной, даже можно сказать - примитивной до детской невинности. В их крестьянской семье было восемь детей, она - седьмая по счёту. Бабушка была неграмотная, не умела ни читать, ни писать, и всё, чего она в жизни освоила, так это возможность честно трудиться.

Не было у неё никакой профессии, и всю жизнь бабушка занималась огородничеством, а ещё держала скот и птицу. Она ничего не знала о большом мире, никогда не обучалась в школе, но ей выпало счастье заниматься домашним хозяйством, которое она вела очень исправно.

После того, как в огороде всё созревало, мы с бабушкой выставляли у ворот нашего дома низкие стульчики, бабушка выносила ведёрки с помидорами, огурцами и клубникой, и мы предлагали их прохожим. Очень мне нравилось помогать бабушке вести торговлю.

Поначалу это занятие так захватило всё моё внимание, что я даже кланялся каждому, проходящему мимо человеку, с удовольствием поглядывая на ярко освещённую солнцем живую улицу, и мечтал о том времени, когда мы с бабушкой разбогатеём. Бабушка тоже всегда улыбалась прохожим, вселяя в меня этим добрым обхождением надежду, что мечты мои непременно осуществляются.

- Господь с нами, Борюха, - весело обращалась она ко мне. - На-ко, вот, погрызи, покамест, - и протягивала морковку, заботливо протерев её уголком передника. – Торговать - не покупать.

Чинно, даже - со сдержанной признательностью, как, по моему мнению, и подобало вести себя истинным торговцам, я принимал ядрёный плод, тотчас засовывая его в карман рубашки: торговля, полагал я, не терпит отвлечённости.

- После погрызу, - серьёзно замечал я, преданно взглядывая на бабушку.

- Ну-ну, - с улыбкой роняла она.

- Чай, расторгнемся сегодня? - с деловитым благоговением произносил я.

- На торгу два дурака, - вздыхает бабушка. – Один дёшево даёт, другой дорого просит.

- А мы с тобой, бабушка, кто?

- Инна, мы с тобой, милый, тут сидеть зря будем! – вздыхает бабушка.

- Не ветром торгуем. Хоть копеечку, да выторгуем. Но, правда, то бывает, что торговать поедешь, а свою цену дома позабудешь. Пора бы нам козла нашего на торг вести!

Этого козла, как и меня, звали Борькой, и был он невероятно упрямым, даже – злобным. Мне не раз приходилось спасаться от его огромных рогов, и бабушке приходилось всеми подсобными средствами защищать своего внука. «Козёл, - говорила бабушка, - бесовская родня, его страхом не огородишь. Ни шерсти с него, ни молока!»

Сидя с бабушкой у ворот, не нужно было то и дело оглядываться по сторонам, ожидая появления дворника Филимона с метлой в руках. Приятно было слушать её простые и добрые речи, от них в сердце рождалось счастливое убеждение, что впереди ожидает только радость. Радостно было чувствовать себя с ней ребёнком.

Хорошо было сидеть так, поглядывая вокруг, не нужно никакого базара, до которого идти, сначала спускаясь с горы, по длинной деревянной лестнице, потом - песчаной улочкой, мимо старых приземистых домиков с разноцветными крышами, и опять - вверх, до самой базарной площади, можно умориться! А возле ворот родного дома даже копеечку выторговать не стыдно, всё нам тут с бабушкой знакомо, и не должно пойти в убыток, хотя бабушка никогда дорого за свой товар не просила. Я же, как мог, старался оказывать ей помощь.

- Поридонки... Покупайте поридонки! - радостно возвещал я на всю улицу, и какая-нибудь добрая хозяйюшка непременно останавливалась рядом, и покупала плоды наших общих с бабушкой стараний. Доброй продажей свет стоит!

Бабушка поглаживала меня по голове, и мы тихонечко беседовали обо всём, что занимало мой интерес. Мимо проходили разные люди, некоторые задерживались возле нас, выспрашивая цену, и бабушка заворачивала им в кулёчки клубнику, а я ловко подавал ей новые, заранее нарезанные кусочки бумаги. Дело наше торговое ладилось.

- Притомился, поди? - бывало, спрашивала бабушка.

- Не моги! - тут же бодро отвечивал я.

- Ну что сделаешь? Торговать - не воровать. Потерпи!

- Мы с тобой - торговые люди, - с важным видом человека, который хорошо поработал и теперь желает отдохнуть, выговариваю я. - Уставать нам не с руки!

Бабушка только улыбается, ворошит мои вихры.

- Государь ты мой, я - твоя помощница!

После бабушкиных слов, я старался вести себя ещё более степенно, а она, подзадоривая, подпустит:

- Афеня счёт знает!

Я только прыскаю в ответ: весело нам вдвоём с бабушкой!

- Справно у нас, купчик мой голубчик, сегодня товар двинулся: щеголять тебе в сафьяновых сапожках! - в удовлетворении потом восклицала бабушка. - Не оскудела родная землячка.

- Каких сапожках, ба?

- Это я к слову, родной, так говорится, когда выгоду от продажи имеешь. И хоть наши с тобой барыши - одни медные гроши, зато за свой грош везде будешь хорош. Лишняя денежка, Борюха, и за тебя сегодня помолится.

И бабушка покупала мне баночку монпансье, до которого я был большой охотник!

Чечевица

Да, чудесен был бабушкин сад, но удивительная птица и на самом деле жила в нём. Однажды я увидел её, и она мне очень понравилась. Только о ней я теперь и думал, и до того к этой птице в мыслях привязался, что даже захотелось стать ей.

Спросите, отчего такое случилось, и я отвечу: это была загадочная птица, не похожая на тех, что обитали в нашем саду и летом, и осенью, и даже зимой.

А ещё я вдруг увидел в ней то, чего в других птицах не было - она говорила человеческим голосом! Меня сразу поразила её необыкновенная

песенка, вернее даже - позывка, что она подавала неизвестно кому, какому-то «Вите»: «Витю - видел, Витю - видел, Витю - видел?», так что я с тех пор стал внимательно наблюдать за этой птицей, когда она появлялась в нашем огороде.

Даже название птицы околдовывало: «че-че-ви-ца-а». Как будто какое-то волшебное существо из неизвестной всем сказки прилетело в наш сад и озарило его своим нежным малиновым светом, а когда из клювика птицы разносились чудесные мелодии, то просто замирало в груди сердце.

Больше всего завораживало это её беспокойное обращение, словно неведомый человечек заботливо спрашивает у такого же невидимого и загадочного друга о каком-то «Вите», будто ему без него ни за что не обойтись: «Витю видел?» Что за удивительная птица!

В звуках её песни я слышал именно неподдельное удивление, будто бы птица эта искренне недоумевает отчего-то, и неутомимо пытается разгадать неразрешимую для всех загадку, впрочем, не обременительную для неё, а скорее - радостную. Она просто живёт этим незатейливым устремлением, никому особо не докучая, и при этом чудным образом его распевает, так что можно было её песенкой заслушаться. Трепетно, с присущей только чечевице проникновенной нежностью, выводила она свои трогательные нотки, так что хотелось внимать им бесконечно.

Любезна была чечевица моему детскому сердцу не только необычным голосом и яркой раскраской, а именно нежностью какой-то необыкновенной, и своей птичьей тайной, что хотелось разгадать: откуда взялась в нашем саду такая ласковая красавица, какую загадку с собой принесла? Уж больно по душе она мне пришлась, и возмечтал я о её неведомой жизни: непохожая она была на иных птиц, вроде как не их племени, а всё же птица.

Запоёт, бывало, как будто ни с того ни с сего, и сердце радостно встрепенётся: посетило нас с бабушкой какое-то божественное явление, чистая благодать... Присядешь тихонько на корточки, под яблонькой, и слушаешь, как она тоненько заводит свою птичью просьбу, словно пронзая воздух трогательными нитями волшебной мелодии: «Уить, уить, уить, Витю видел?!» И ты, как в сказочном сне, забываешь обо всём, веря, что птица, действительно, кого-то ищет, а найти никак не может, и хочется помочь ей в этом.

Чувствуешь, что около тебя, в родном бабушкином саду, притаилась какая-то восхитительная и в то же время простая жизнь, принесённая этой птицей. И она знает о твоём существовании, неясно двигается от дерева к дереву как сон, и ласково становится на душе от её еле уловимого присутствия, а земля под ногами будто оживает, такая близкая, родная.

Слышишь, как земля дышит, хочется и её тайну разгадать, зреющую в самой глубине, и ты питаешься её родимым теплом, видишь, как благотворно она распахивает свои объятия навстречу всему живому, и всё это ты переживаешь благодаря маленькой птице.

Так, окрылившая мою трепетную душу, птица чечевица стала мне тоже родной. Разве не чудо?!

Слушая чечевицу, я будто забываю обо всех своих играх, и как будто уже не она, а сердце моё распекает солнечную радость. Радость эта струится над землёй, как и её песня, и кажется, что скоро всё под солнцем растает, и потечёт цветочным густым потоком к небесам, украшая не только землю, но и воздух, и небо. Что за волшебство, и это ли - не праздник?!

И вдруг почувал я тогда, в свои пять лет, как важно то, что ты сам видишь: не то, как смотрят на тебя люди, а как ты отличаешь во всём свет, и этим светом вокруг светишь, угадывая в окружающей жизни только добро. Вериться тогда начинает, что всё в жизни сможешь устроить, до всего дойти.

И тогда все мои мечтания – тоже как дети: вольны и прекрасны душой, ничего не опасаются, смело заглядывая за горизонт своей только начавшейся жизни, все они подобны божественному светлому лику. Хочется и тем из них побыть, и этим, а в того и вовсе можно влюбиться, голову за ним потеряв, и ведь так и надобно - с любовью отдавшись делу своей жизни, позабыть в сердце все страхи, незаметно поднимая себя на высоту божества. От всего этого более ясной становится душа, как земля после первой весенней грозы.

А чечевица ровно из воздуха слова своей чистой песенки ловит, и всё поёт, не прерываясь, поёт, поёт. Так же чисто и на душе становится, покойно, хоть ты и маленький ещё, а всё же утверждается в тебе благодаря птице нечто очень цельное, без чего прожить никак невозможно. Что же это, если не правда, угодная не только Богу, но и людям?!

И правда эта такова: каждый человек должен подняться над собой, внимательно осмотрев свою жизнь, чтобы двигаться дальше, к Господнему престолу, воплощая все мечты о добре и справедливости, как это делает маленькая птица, взмывая со своей чистой песенкой в блаженные небеса, и воцаряется повсюду всеми желаемое благо.

Кем только не мечтал я быть в детстве. Видел себя и путешественником, и футбольным судьёй, и объездчиком лошадей, и цирковым гонщиком на мотоцикле, и во всяком представляемом образе воображал себя как будто на своём месте, самым собой. Только никак не мог определить - к чему более всего лежит моя душа, именно к этому ли делу я приспособлен?

Не хотел я лишь быть звездой в холодном небе. Звёзды казались мне слишком далёкими и недосыгаемыми, там, наверное, было бы скучно без цветов и бабочек, солнца и деревенского пруда с карасями, бабушки и нашего сада с незабываемой птицей чечевицей, разговаривающей человеческим голосом.

Мир воспринимался мною как чудесное существование, где можно было жить и себе, и другим на радость. Понимать в ту пору я, конечно, многого не мог, истинное разумение только в зрелые годы становится доступным для человека, когда к нему мудрость приходит, и он начинает

Бога любить. Так сохраняйте детство в своей душе, ибо в нём - божественная истина.

Даже сейчас слышу я бабушкины наставительные слова, будто она в то самое время, как я вернулся из сада, почувствовала меня:

- Будь сильным и никого не бойся, смотри прямо вдаль, мечтай и осуществляй свои мечты. Но при этом бескорыстно поклоняйся Богу, хотя и нечего тебе просить у Него: только благодари за подаренную возможность жить, познавая себя и окружающий мир, радуйся всему и люби.

Не Богово это дело помогать во всём людям, сами они о своей жизни разуместь должны, на то им существование и дадено, и жизнь - это радостная отдача всего себя только Богу, не забывая эту священную истину, чтобы лишнее горе в сердце не нести. Близок ты Богу - и уже в этом великое счастье, тихий радостный праздник души, возносящейся за облака, где обитают небесные птицы. Лети с ними к Богу, и да пребудет в твоей душе божественный свет.

Рай земной

Когда бабушке исполнилось десять лет - умерла её мама, а потом и отец. Из восьми детей пятеро тоже вскоре ушли по болезни, и осталась только младшая сестра Саламанида и совсем маленький Филипп. Вся ответственность легла на плечи бабушки.

Как-то она вспомнила, что в детстве любила коника Орлика. Коник этот достался её отцу в награду от хозяина, которого он спас от лихого случая на охоте, и для бабушки Орлик стал настоящей отдушиной в их нелёгкой жизни. Полюбилась она и Орлику, отчего бабушка ходила за ним с большой любовью, почитая его за верного друга.

Но счастье - не конь, на него хомута не оденешь, и заезжие цыгане однажды угнали за собой молодого и неопытного Орлика, после чего бабушка сильно упала духом. Да к тому же, в скором времени, ушёл из жизни её отец.

В общем, бабушка так и не познала счастья детства, которым обычно наслаждаются дети. Можно сказать, что у неё этого детства и вовсе не было, и она рано стала взрослой, так и не успев побыть ребёнком. Всю свою любовь она отдавала мне.

Может быть, именно по этой причине она и называла меня часто «Володей», именем своего сына, погибшего на войне, и происходило это ещё и потому, что в похоронке, которая ей пришла с фронта, было указано: «Пропал без вести». Но бабушка его всё время ждала, много лет, и даже когда было совершенно понятно, что дядя Володя погиб, нет никакой надежды на его возвращение, бабушка всё равно верила, что он - жив.

Когда я подрос и учился в школе, бабушка уже жила с нами, и, возвращаясь с занятий, я всегда заставал её на кухне. Бабушка была почти слепая и глухая, отчего отводила платок за ухо, которым ещё немножко

слышала, смотрела на меня подслеповатыми глазами, и тихонечко приговаривала, протянув ко мне руки: «Володенька, подойди ко мне... Обниму тебя».

Я не понимал ничего, но чувствовал сердцем, что так мне и надлежит поступать, как просит бабушка, и становилось тяжело на душе, отчего я не находил себе места. А она опять: «Володенька... Родной мой». И потом, сжав мои руки, оговаривалась, расстроившись до слёз: «Прости меня, Боренька, я его всё время жду».

Поскольку я был всегда рядом, то напоминал бабушке её сына, и она часто путалась, но было даже приятно её отношение ко мне как к сыну, хотя и как внук я не испытывал недостатка во внимании. Мне нужно было просто оставаться тем, кем я и являлся для бабушки, ничего не изменяя в наших отношениях и не обговаривая, а бабушка, наверное, была мне за это признательна.

Как-то подспудно я тоже ждал встречи со своим дядей, очень любил его, ни разу не увидев, и до такой степени проникся возможностью этого нереального события, что часто представлял его себе, как наяву. У нас в семье осталась только одна фотография Володи, где ему было семнадцать лет, перед самым уходом на фронт, и бабушка бережно её хранила, заворачивая в платочек.

Дядя погиб в самые первые дни войны, так в жизни ничего не узнав и не попробовав, но всегда честно отвечал за свои поступки и всё время вступался за мою маму, которая была на пять лет его моложе. А ещё он мечтал стать художником, у бабушки в тумбочке остался альбом с его рисунками.

На них дядя Володя изображал морские корабли, устремляющиеся форштевнем вперёд, и когда я разглядывал эти рисунки, то они своим победоносным видом почему-то смущали моё сердце. Как будто я уже чувствовал тогда, что в будущем свяжу свою судьбу с морем.

С бабушкой же, будучи ещё маленьким, я наслаждался покоем детства. С ней не нужно было ни о чём тревожиться, преодолевая преграды, обычно возникающие между детьми и взрослыми. Я был счастлив, находясь в том состоянии, которого все мы, в тайне, желаем в детстве: очутиться в центре жизни, когда она не желает относиться к тебе плохо, а одаривает самыми чудесными вещами. Например, свободой, а ведь свобода - это твоя сущность, твоё истинное состояние, когда ты испытываешь только любовь ко всему миру, отдавая себя без остатка, и бабушка, как могла, поддерживала её во мне.

Любовь... Чувства, что мне в детские годы не добавляют любви, я никогда не испытывал. Тем более, что и сам я проявлял большое переживание преданности к своей бабушке, хотя любовь переполняла моё сердце не только к ней, но и ко всему живому, что меня окружало.

А бабушка моя, как я уже говорил, всегда была вольною крестьянкой, и хоть нигде за всю жизнь не работала, но от труда не бегала: огородничество, скот и торговля на рынке было её судьбой. Только и видать в саду её сгорбленную спину.

Бывало, спросишь:

- Бабушка, трудиться надо, чтобы в рай попасть?

- Нет, голубь, слаще рая, чем на земле. Только здесь настоящая любовь начинается. Так наш Господь заповедал!

И верно: любовь - это когда страшно интересно всё, что делает твой любимый человек. В детстве им была моя бабушка, и ты чувствуешь движения его души, переживаешь вместе с ним одно восторженное чувство, и желаешь только, чтобы всё у твоего любимого человека было хорошо. Ты сам до конца готов отдать себя для этого, и, конечно, тебе не приходит в голову просить за твоё душевное устремление какое-либо вознаграждение.

Главная радость для тебя - душевный покой любимой бабушки, ради неё ты не боишься пожертвовать всем, только бы она была здорова, и ни о чём другом не помышляешь. «Матушка родная, Богородица, - тихонечко шепчешь ты про себя. - Возлюби мою любимую бабушку, как и я Тебя!».

Любовь... Она даёт возможность быть собой, дополняет тебя и помогает стать цельным. Присутствие любимого человека делает тебя более сильным, а любовь дарит обладание главным секретом Бытия, когда ты, чувствуя в себе Бога, осознанно распаиваешь Ему навстречу свои объятия. Ты счастлив и свободен, сердце твоё поёт: и всё это ты переживаешь благодаря присутствию в своей жизни родимой бабушки.

- Бабушка, расскажи про рай, - и я прижимаюсь к ней, уткнувшись в тёплые колени.

- Чего ж тебе, праведная душенька, хорошего сказать? Чистое ты моё творение и радость! Всё наше житие - рай земной, но не всем в раю быть, только, кого Бог помилует.

Ныне, вот, доброе утро выдалось, и от этого уже на душе счастье. Прохладной водичкой умоешься - и беги в сад. Когда личико чистое, пригожее, и душа сразу к Богу обращается, а я тебя скоро к завтраку позову, буду райскими пирогами угощать.

И ты бежишь на двор, неся в сердце радость, и про себя нащёптываешь:

- Царица Небесная, храни мою бабушку!

А в саду - большое солнце, как царь, сладко пахнет ягодой и летним раздольем, так что даже теряешься: куда себя направить? Хочется кинуться и туда, и сюда, но в голове радостно вертится: скоро позовёт бабушка, надо быть неподалёку.

И тут, возле ворот в ограду, хорошо: под бревенчатыми стенами, в тени, таятся бархатистые лопушки, нежные незабудки и жёлтенькие глазки чистотела. С доброй ленцой, привольно разливается по всей земле лето, и даже дышать становится трудно от радости, отчего сразу подумаешь: никогда не исчезнет из твоей жизни счастье! Будет уходить ненадолго, и

опять возвращаться, но, ни за что, не описать всё это никакими словами, можно только переживать в самом сердце детства.

Бабушка же, накрывая на стол, тоже тихонечко наговаривает:

- Как хорошо, родной, Господь жизнь устроил. У Него завсегда и во всём праздник, и всякая душа этому празднику рада, отчего на сердце - одна радость.

И, правда, как в перину пуховую погружаешься в это благодное настроение, конца ему не видно. Всегда бы быть так вместе с бабушкой, купаясь в её ласке, и никогда не поддаваться грусти, а лучше - вовсе её не знать. Так бы и шло.

В комнатке нашей светло, солнышко забралось во все её уголки, зацепилось в небе прямо над домом, и весело мне смотреть на бабушку, как она стоит у печки в своём стареньком малиновом халате, в кружевном передничке, и лицо её тоже светится, кажется, отражая солнце.

- Свят-свят, Господи наш чудный, - шепчу я сбивчиво, наверное, невпопад божественным молитвам. - Сделай так, чтобы бабушка не болела. Спаси её и помилуй!

И бабушка, вот чудо, с тех пор никогда особо не болела, и вихры мне не надирала, хоть и божилась, что когда-нибудь это сделает.

- Ну, Господь с тобой, Боренька, сверчок мой милый, - задумчиво произносит обычно она, когда я чего-либо напроказничаю. – Непорядок это.

Ласковое слово слаще мягкого пирога, отчего и свет в душе от бабушкиного присутствия становится как в летнем саду, поутру, что льётся и от яблонь, и от солнца с лазоревого неба. Всё вокруг ясно и привольно, потому как бабушка рядом, и опять я думаю: «Бог наш Великий творит чудеса, и да пребудет по всей земле любовь - благодать Господня, рай земной!».

Внутреннее небо

Если сравнить ребёнка с взрослыми людьми, которые, то и дело, выпадают из крайности в крайность, не в силах умерить свой беспокойный ум, то ребёнок как раз всегда достигает душевного равновесия, и получается это у него легко. Причём, создаётся впечатление, будто бы простота эта не вынужденная, что совершается будто бы по природе жизненного устройства, а ребёнок именно выбирает отношение к жизни, и оно более мудрое, чем у взрослых. Этому способствует душевная чистота ребёнка, к тому же, по-видимому, подкрепляемая положительным опытом из его предыдущих воплощений, если они были.

Ребёнку удобнее, пусть и бессознательно, принять уравновешенное поведение, и ещё не отягощённый новым земным опытом, он с удовольствием это делает, побуждая близких людей и самим светиться. Ребёнок - это чудесный ангел, пока не выросший в святого, и от его очаровательного взгляда на жизнь и взрослые начинают относиться друг к

другу сострадательнее, а к себе - глубже. Им тоже хочется стать ребёнком, совершая единственно правильный выбор, и в их сердце опять рождается желание созидать.

Конечно, без помощи взрослых ребёнку не обрести целостности, но его сердце так быстро наполняется светом, что взрослому впору подивиться, но и помнить: помогая ребёнку в росте, а значит - открывая ему какую-то важную информацию, необходимо, чтобы ребёнок желал тянуться к божественному началу, помимо знаний пробуждая в себе внутреннюю глубину. Чем своевременнее взрослый человек поможет в этом ребёнку, тем скорее тот потянется к небу здоровым деревцем.

Ни одна из крайностей не должна в своём развитии опережать другую, и как ни в детстве удобнее всего начинать эту созидательную работу! Тогда ребёнок сохранит себя для будущей жизни в полном смысле этого слова: и тело и душа его будут едины. А взрослый человек, помогая ребёнку наполнить его сердце недостающим светом знания, становится светлее и сам.

Что может быть прекраснее для творчества, чем чистый ребёнок, и сотворить в этом совместном созидании взрослого и маленького человека красоту - непередаваемое счастье. Тогда в мире появляется нечто новое, и оно приходит благодаря детству, из которого выходит ребёнок, и с которым соприкасается взрослый человек: эта любовь способна изменить многих, и благодаря этому появляется возможность рождения чего-то по-настоящему божественного. Но никто не стоит к Богу так близко, как ребёнок.

Моей одинокой бабушке не хватало в жизни радости, и я ей её давал, а она ни в чём мне не отказывала, когда я любил оставаться один, придумывая для себя какую-нибудь игру, в которую никого не посвящал, но если она мне нравилась, то позже придумывал для бабушки очередную историю. Бабушка слушала меня очень внимательно, никогда не перебивала, и иногда, что для меня тоже было очень приятно, начинала вдруг улыбаться, или даже смеялась, вспоминая какую-то свою историю, и я чувствовал, как она мне дорога, так что мы нередко обнимались и сидели так долго на бабушкиной кровати с большими деревянными набалдашниками.

Завести друзей у меня не выходило, потому, как в ближайших дворах мальчишек не было, и я водил дружбу с бабушкой, которая оказывала на меня огромное влияние, хотя чаще молчала. За всю жизнь потом у меня не было более преданного человека, чем баба Саша, и теперь я с любовью вспоминаю наше с ней общение, и думаю, что это был подарок судьбы.

То, что играть было не с кем, обычно не очень расстраивало. Иногда мне просто нравилось сидеть на крыльце нашего дома, выходящего в сад, и рассматривать всё, что происходило вокруг. В мире, кажется, не было ничего, кроме большого куста сирени, густых зарослей вишни, протянувшихся вдоль обкрошившегося кирпичного забора, пахучей чёрной смородины и собачьей будки, что располагалась возле самого крыльца.

В этой будке обитал ирландский сеттер по кличке Джой, которого отец привёз из Германии. Пёс был непутёвый, хоть и охотничий, бывший хозяин

его порядком распустил, и собака жила у нас только потому, что её некуда было деть.

Однажды случился какой-то праздник, пришли гости, и бабушка наварила целый тазик пельменей, высыпала их на широкое блюдо и выставила на крыльцо чуть остынуть, чуть ли не под нос Джою, и он, конечно, не упустил такую возможность и поел все пельмени, после чего папа продал пса соседскому милиционеру.

Бабушка, понимая, что мне нравится оставаться одному, не докучала излишним вниманием, она вообще меня никак не тревожила, и я никогда не слышал от неё пустых замечаний или, того хуже, окриков: «Ну что, дружок, пригорюнился? Чирик, ты чего тут расселся? Борька, кишка тараканья, опять чердак облюбовал?» Словом, бабушка, кажется, полюбила моё одиночество, и ей не приходилось одёргивать меня, как это обычно выходит у взрослых в общении с детьми, всем известными возгласами: «Не бегай! Не шуми!»

При этом нельзя было сказать, что я не озорничал. Как-то я забрался в бабушкин комод и обнаружил там дедушкин орден. Совершенно не задумываясь - что это может повлечь за собой, спрятал его в карман и унёс домой, где мы жили с родителями, а на следующее утро прикрутил орден к рубашке и появился с ним в садике, чему был очень горд.

Ребята даже не поняли значимость этой награды, и каким образом она оказалась у меня, но, тем не менее, орден после тихого часа исчез, а на рубашке зияла лишь дырочка. Воспитательница после всего этого только развела руками...

Я не знал - как появлюсь бабушке на глаза, думал - сгорю со стыда, и хуже того - бабушка отдерёт меня, как сидорову козу, но бабушка ничего не сказала, только потрепала по голове, прихватив на мгновение за вихор, и внимательно посмотрела мне в лицо. Я ведь от неё полностью зависел, она могла сделать со мной что угодно, но бабушка мне эту зависимость не навязывала.

Только позже я понял - как достойно она себя повела, несмотря на всю горечь, что переживала из-за моего поступка, потому что любила меня, понимая: внук её - не жалкий плут, а просто - озорник. Я очень хорошо запомнил этот случай, и испытываю в душе стыд до сих пор, а бабушку вспоминаю с огромной любовью.

Бабушке выпала нелёгкая жизнь: она не обладала какими-либо особыми знаниями, всегда сохраняя спокойное безмолвие. Даже когда было совсем худо, лишних слов от неё никто не слышал, а между тем она каждодневно совершала невидимый подвиг во имя обретения и сохранения собственного «я».

Очень просто убить себя, взять - и умереть душой, когда у тебя не складывается жизнь, но попробуйте этого не делать, и вы, быть может, постигните суть жизни, её чистоту, присущую чаще всего именно детству, и ещё - старости, обрётшей мудрость. Бабушка всегда относилась к каждой мелочи достойно, ибо знала, что только она ценна, благодаря чему и я

начинал замечать, как важны были эти мелочи в детстве, и как важно не забывать эту простую и замечательную истину во взрослом возрасте.

Тогда, в детстве, благодаря этим мелочам слагалась целостность моей жизни, которая была чудесна: тут тебе и открытие мира, и собственные проделки, и любовь бабушки, и красота природы, и все загадки, заполняющие собой каждый день. Только неукоснительно планомерное движение к цели чуждо ребёнку: не может он добираться до неё длительное время!

Бывает, увлечшись чем-то одним, что, кажется, завладело им надолго, ребёнок уже через несколько минут забывает о нём, отдавая всё своё внимание чему-то иному. Ему несвойственно сосредотачиваться на одном, пусть и очень увлекательном занятии: мысль ребёнка не подвержена какому-либо влиянию, проявляет она себя абсолютно свободно, и если он обнаружит в поле своей деятельности новый интерес, то тут же обратит внимание к нему, не переставая, то и дело, импровизировать.

Так, легко отвлекаясь в сторону, малыш выделяет для себя более важные вещи, не переставая допекать бабушку, и в то же время - помогать ей, не переставая прыгать, смеяться и петь, просить рассказать ему сказку, через минуту засыпая. При всём, переживаемом за день напряжении, ребёнок никогда не воспринимает себя каким-то искателем: он просто играет. Не играть ребёнок не может!

В игре ребёнок очень быстро овладевает недостающими для него знаниями, до него доходит это исподволь, и чтобы чувствовать себя в жизни ещё более уверенно, он не перестаёт обращаться с вопросами к взрослым, проявляя нешуточную пытливость. Насущная потребность всё узнать, и как можно скорее, составляет его главную суть.

Даже если ребёнок не получает ответа или неудовлетворён им - он обязательно придумает своё объяснение, каким бы несуразным оно не представлялось. Ни один взрослый человек не сравнится с ребёнком в объяснении окружающего мира. Почему? Потому что он живёт и думает по инерции, не веря в собственные силы, так и не узнав себя. Ребёнок же не устает играть и раздумывать, переживая только радость.

Ребёнок не зря склонен к постоянному отысканию ответов: в этом проявляется заложенная в нём природой тяга к постижению. Нельзя при этом не удивляться тому, как ребёнок легко постигает несметное богатство окружающего мира, всё примечает, а его вера в волшебство переживаемой действительности неиссякаема.

Скажем, вы когда-нибудь видели человека, которого любит море? Сам-то я проработал в нём много лет, разумеется, будучи уже взрослым. Так вот, знаете, что такого человека отличает? Простота и сила спокойствия в глазах, немногословность, отсутствие какой-либо гадости в душе: не настоящим этот человек быть не может. И ещё - таких людей мгновенно чувствуют и любят дети...

Дети, вообще, самый разборчивый народ. Исключение составляют, пожалуй, лишь истинные мудрецы: они, как никто, разбираются в людях, и не могут не почувствовать в жизни правду, которую не спутаешь ни с чем. Тем более, если ты - маленький ребёнок, очень чутко угадывающий и море, и людей, и всю жизнь.

Мир создан для счастья - вот главное и самое верное убеждение детей. Страдания же создают взрослые, потому как они перестают жить в единстве с собой. Взрослые неподвижны в своём существовании, а дети проявляют гибкость, будто догадываясь, что мир - это сплошной поток, в котором не существует ничего плохого или хорошего: одно может переходить в другое, и это другое однажды может обернуться совершенно противоположным состоянием.

Поэтому ребёнок и исследует любую проблему, в основе своей природы угадывая, что важно не разделение, а единение. Он самым естественным образом учится понимать окружающий мир и во всём разбираться, пусть только ему присущими способами, но они - искренни. Будет очень хорошо, если ребёнок перенесёт это постижение и постоянное принятие решений во взрослую жизнь, не теряя интереса к её тайне.

В слове «тайна» для ребёнка - всё! Даже в своём малом возрасте он уже понимает, что при всём богатстве жизни - её ни за что сразу не предугадать.

Можно узнавать жизнь бесконечно, но всегда останется что-то, что ещё предстоит разгадывать, и это постижение никогда не прекратится. К тайне жизни, вообще, возможно прикоснуться лишь ненадолго, к её незначительной части, которая сама по себе очень значительна, и переживание этого постижения дарит необыкновенную радость.

Конечно, ребёнок не осознаёт, что вся тайна, её целостность, могут так и остаться недостижимыми, и он с полной самоотдачей отдаётся своей увлекательной игре в многообразную «тайну», в которой для него - весь белый свет. Ребёнок принимает жизнь целиком, во всей её прекрасной таинственности, и верит, что она будет длиться вечно, и его ждут удивительные открытия.

Не знает границ и восприимчивость детей: с ней они рождаются, словно оголённые душой перед миром, отчего становится за них страшно. До какой степени дети открыты, и как трепетны в этом своём откровении!

Трогательной восприимчивости в них, кажется, на век, дарят они её всему миру безоглядно, и ты вспоминаешь, как нелегка, оказывается, жизнь даже для взрослого человека, основанная на чувствах: она действительно достаточно тяжела.

Может, поэтому мы и пытаемся увещевать ребёнка, охваченного возбуждением от жизни, чтобы он держал себя в руках, не выражал так явно свои чувства, и ребёнок рано или поздно замыкается в себе, словно задумываясь о чём-то, начиная незаметно подавлять чувственное отношение к миру. Нет ничего хуже, когда маленький человек подменяет трепетную

восприимчивость сдержанным терпением, и когда замечаешь в нём подобные перемены, становится горько.

Восприимчивость - это углублённое восприятие жизни, и если подавлять её - переживания становятся острее, ты лишаешься покоя. Так и ребёнок: нарушишь в нём чистоту восприятия, и восприимчивость его притупляется, а сам он теряет в себе какую-то важную силу, своё внутреннее небо.

Те мелочи, которые делали его счастливым, будут постепенно исчезать, и переживать всё, что творится внутри его существа, он уже не сможет. Вывод: восприимчивость следует углублять, и хорошо не мешать этому в ребёнке с раннего детства, как это выходило у моей родной бабушки.

Старый бабушкин дом

Старый бабушкин дом... Вот бы побывать в нём сейчас, хотя бы одним глазком ещё раз рассмотреть всё его внутреннее обустройство, залезть на полати над печкой, полежать там, наслаждаясь духом бабушкиных шанег, украдкой подглядывая сверху, как она их стряпает и ловко отправляет на старых противнях в печной жар, а отведав доброй стряпни, посидеть некоторое время молча за столом, наблюдая, как за окном снуют в ветвях вишни юркие овсянки и щеглы.

Но заведев на полке буфета желтоватую бутылочку рыбьего жира - быстрее отправляешься гулять. Один вид этой стылой, недружелюбно замершей за стеклом жидкости вызывал в душе трепет, и, как назло, бабушка всегда оставляла рыбий жир на самом видном месте, как напоминание, что в любой момент ей вздумается попотчевать меня им ради моего же блага. Лучше было поскорее миновать кухню, очутившись в прохладных, даже летом, сенях, затем - коротенькая скрипучая лесенка, и вот - ты на дворе!

Правда, выйдя из дому, сразу и не сообразишь - чем предстоит тебе заняться в это утро? Может быть, вернувшись украдкой, чтобы не услышала бабушка, забраться по узенькой лестнице на любимый чердак, где тепло и уютно, и тоже сладко пахнет истопленной печкой, а окутанные укромной тенью предметы представляются живыми, только на какое-то время притихшими, будто слышали тебя и притаились?

С замиранием духа прокрадываешься между ними, а старый комод, ворох газет и сундук исподтишка наблюдают за тобой, не упуская ни единой мелочи в твоём настроении, словно потом хотят всё рассказать о тебе бабушке. И ты невольно остерегаешься их потаённого присутствия, то и дело взглядываешь на притаившийся комод, таинственный сундук и покосившийся трёхногий венский стул, что один из всех обитателей чердака, вроде бы, не настроен против твоего нахождения здесь. Роящаяся вокруг старинная пыль по-хозяйски покрывает собой всё чердачное пространство.

- Уф-ф, - не в силах сдержать гулко-го сердцебиения, тихонечко выдыхаешь ты, с любопытством осматривая своё укромное убежище. Солнечный свет, маленькими квадратиками пробивающийся через уединённое окошко, тайком улёгся на запылённом полу, будто ему и дела нет до игры и веселья. Но тем и хорош чердак, что скрытен, загадочен и непредсказуем.

Как он поведёт себя в этот раз - неизвестно, чего преподнесёт? И оттого манит он к себе необыкновенно, так что хочется всегда изучать его спрятанное ото всех содержимое, открывая для себя что-то неслезанное, но такое притягивающее.

Да и как не таить чердаку свои тайны, на то он и создан, и бабушка, конечно, понимает моё устремление всё знать, когда я забираюсь тайком от неё сюда, хотя, бывало, и поругает. Это чудо что за чердак в старом бабушкином доме, и как чудесно было скрываться в нём и мечтать о чём-нибудь хорошем, что обязательно, ты знал это точно, сбудется!

Детство чудесно тем, что в нём тебе являются совершенно новые, неведомые ранее предметы. Они располагаются повсюду - и в саду, и на чердаке, и в чулане, и на улице. Изумляют, казалось бы, самые обыденные вещи, что представляются, конечно, необыкновенными.

Вот, широкая старинная лавка, с завидной основательностью утвердившаяся в углу, под образами. Её коротенькие крепкие ножки ловко разъехались во все стороны, и замерли так, кажется, навечно, выявляя в лавке непростой, своенравный характер. Всегда было немножко боязливо подходить к ней вплотную, стараясь держаться на расстоянии, но без неё в доме, наверное, было бы скучно.

Или - железная увесистая полоска, разрубленная сверху натрое, что я обнаружил в деревянной нише, за печкой. Бабушка объяснила: «Это - светец, он предназначался для ущемления в нём лучины, освещающей дом, когда ещё не было электричества».

Светец втыкали в деревянную палку, устанавливая там, где требовалось добавить свету. Теперь светец был не нужен, в доме всегда было светло, а я нет-нет, да взглядывал на старинную железную вилку, что освещала неведомую мне жизнь, и хотелось всматриваться в это стародавнее время, представляя в нём бабушку, когда она была ещё молодая. Как чуден, наверное, был тот таинственный свет, которого бабушке не хватало!

Существование печи, вообще, дарило множество чудесных вещей, и в доме невозможно было обойтись без кочерги, пузатых чугунков и рогатого ухвата. Литые чугунные горшки годились для варки и всяких других нужд, бабушка называла их «чугунчиками», и они чудо как были хороши. В их крутых боках таилась какая-то обаятельная и уютная сила, отчего наша «картошка в мундире» в таких горшочках выходила особенно вкусной.

Ухват же служил прихватывать чугунки своими металлическими рожками, обнимая ими их округлые бока и ловко выводя из жара печи.

«Ухват и с пылу хватает!» - восклицала порой бабушка, орудуя на кухне, и потом довольно добавляла: «С ухватом баба - хоть на медведя!»

Не обойтись было и без кривой кочерги, регулируя ею жар в печи, и растаскивая угли в её горячей утробе. В притаившейся в углу кочерге мне виделся однобокий железный костыль, что позабыл у нас в избе какой-то сказочный ведун. Эта его клюка вызывала в моей душе массу переживаний, неминуемо присущих раннему детству.

«А ну, как вернётся страшный старик, когда бабушки не будет дома?» - думалось часто, и я с опаской переходил в другую часть комнаты, подальше от печи, мысленно не упуская кочергу из виду. Нужно было привыкнуть, чтобы не страшиться кочерги, что тоже не боялась огня, и была в печи хозяйкой.

«Всякой вещи время» - говорила бабушка, и детство было наилучшей порой для существования в нашем доме самых непредсказуемых предметов! По словам бабушки, всякая неодушевлённая особь на деле оборачивалась существом с чувствами, которые можно было переживать вместе с ней, на свой особый лад, каждой уделяя особое внимание.

Не одеть уздичу на какую-либо вещицу для бабушки не представлялось невозможным, этой заботой жил деревенский дом. Но и то правда, что эти появляющиеся в моей жизни один за другим предметы просто изумляли своей непостижимостью, вернее сказать - загадкой, что, несомненно, очаровывала, и как было согласовать свободу моей мальчишеской воли с неразгаданной тайной окружающих вещей - я не знал.

Одно надёжно усвоилось: основная причина жизненного движения - тайна, и её сладко было разгадывать и хранить в окружающих тебя простых вещах. Тем более, что всякая тайна рано или поздно выявится!

В детстве, общаясь с всякими домашними предметами и разного рода потаёнными пространствами, что находились в бабушкином доме, а помимо печки, ухвата, кочерги и чугушков, ими оказывались ещё ворота, дровяник, сени, чулан и чердак, мне казалось, что все они, преподнося себя человеку такими, какие есть, в то же время не выказывали о себе всей правды... Все эти предметы и пространства что-то знали о ней, но почему-то скрывали. Было в них что-то такое, в чём они не желали себя до конца раскрывать, и нужно было очень постараться, чтобы эту тайну разузнать.

Я даже поклялся себе, что непременно разгадаю её: ведь далеко не сразу зацепится мысль человека за всякое существо, обитающее в доме, что кому-либо да чем-либо служит. И вот, до сих пор, разузнаю, не потеряв интереса разглядывать и разбирать скрытую ото всех суть, так как точно знаю: в том, что нас окружает, в любой вещи, заложено нечто особенное, и оно таинственно и прекрасно. Тем более – в детстве!

Не могу никак забыть огромные ворота, открывающие вход во двор бабушкиного дома, поражающие именно своей массивностью, что не поддавалась объяснению. Зачем нужны были такие большущие ворота, куда легко могла бы заехать лошадь с повозкою, тогда как на деле, прямо за

воротами, начиналась узенькая тропка, увитая зарослями сирени, черёмухи и вишни?

Тропка укромно тянулась прохладной тенистой аллеей к самому дому, и идти по ней было так приятно, что втайне, с удовольствием, думалось о том, как бы она и вовсе никогда не кончалась. Ты бы брёл по ней в ожидании встречи с родной бабушкой, и ещё чего-то такого, чего в твоей жизни раньше не бывало.

Выцветшие от дождей и солнца, ворота завораживали своим гладким видом. Время и непогода отполировали их до такой степени, до какой могут довести любой материал только все времена года, каждое – по своему, и от этого они приобрели какой-то неопределённый - светловато-коричневый, с чёрными подпалинами окрас.

Издали ворота не бросались в глаза, но вблизи приобретали какую-то свежесть и новизну, даже - уют, после чего хотелось скорее отпереть высокую, как ворота, калитку с кованым кольцом. Для этого сначала требовалось нажать на него, повернуть, и, налёгши на могучую дверь плечом, отворить её со скрипом, отчего-то приводящим душу в трогательный восторг!

Резкий взвизгивающий звук отворяющейся двери напоминал скрип немазанных колёс или полозьев по снегу, но, тем не менее, был необыкновенно приятен слуху. Порой я даже повисал на двери, ухватившись за старую скобу, что служила ручкой, дожидаясь, пока дверь полностью не раскроется и скрип прекратится.

Не зря бабушка говорила, что скрипучее дерево – живуче. Вот и ворота наши мне всегда представлялись живыми. Их ворочают, постоянно растворяя и запирая, а они будто говорят: милости просим - мимо нас щей хлебать! Мол, только хозяевам и добрым гостям рады, тогда мы - настежь, остальным же - запор, от ворот поворот!

Бабушкины ворота были с обвершкою, то есть - крытые, с козырьком на обе стороны, да ещё с прикалитком, и бабушка обо всём этом хозяйском обустройстве говорила так: «Ворота, что борода у моего деда, ум же - с прикалиток!» Вот на этом самом прикалитке и было приспособлено кованое кольцо, с помощью которого можно было попасть за ворота, в сад, где тотчас перед тобой открывалось какое-то иное пространство, не похожее на то, что оставалось на улице.

Не забыть, вовек, того удовольствия, в миг охватывающего всё твоё существо, с каким оказывался ты у порога дома любимой бабушки. И не пройти уже никогда по той родимой тропинке, укромно утопающей в густых зелёных зарослях, где всегда хотелось ненадолго задержаться, в нетерпении ожидая радостной встречи с бабушкой. Не увидеться с домом, что притаился в самом уголке сада, и с печкой, хотя бы она даже была не натоплена, и, конечно, с воротами, будто отворяющими тебе вход в таинственный, ещё неразгаданный мир.

А ещё вспоминаются сени... Там всегда было темно и прохладно, дверь в чулан - на массивной деревянной щеколде, на бревенчатой стене - керосиновая лампа, в углу - старый ларь, обитый клеёнкой, двери в дом закрываются так плотно, что изнутри неслышно ни звука. В этой темноте и прохладе тоже переживалось нечто таинственное, и прежде, чем отворить дверь, всегда хотелось постоять какое-то время, прислушиваясь к этой укромной тишине сеней, к тому, что происходит в тёмном чулане, и загадочном деревянном ларе. Вроде бы, и пусто, а всё равно кто-то есть, затаился тихонько и ждёт: что ты предпримешь?

Сени, их бабушка называла ещё клетью или холодной горенкой, ведущей в дом, будто приветствуют входящих в него, а двери по сеням ходят и так и сяк, да только в избу - никак, и невольно, действительно, хочется задержаться в сенцах, прочувствовав их загадочную темноту. Темнота сеней при этом не озадачивает своей загадочностью, а наоборот - возбуждает в душе затаенный трепет, желание взглядываться в неё, с целью что-нибудь, да рассмотреть.

Правда, задерживаться надолго в сенцах желания не испытываешь, и насладившись их проникновенной тишиной, уже думаешь о тёплой уютной кухне, печи и полатах. Каким-то тихим пристанищем были эти сени, существующие именно за тем, чтобы замереть в них на короткое время, осмотреться, и уж после того ступить в дом.

После прохладных и, вроде бы, неприятных сеней ещё скорее стремишься оказаться в доме, на уютной бабушкиной кухне. Но и там мысли о занимающих внимание сенях не покидают, будто затаиваясь в тебе самом, и ты исподволь весь день думаешь о них. Даже когда лежишь вечером с бабушкой в её постели, слушая сказку, то нет-нет, да вспоминаешь загадочную темноту и прохладу сеней, живущих по соседству.

Где-то совсем рядом в доме находится таинственное пространство, вроде бы, ничем особенным непримечательное, но как оно притягательно. Это неприметное пространство не зря осеняет своим присутствием прохладную часть жилого дома, без этой прихожей не обойтись, так как с морозу сразу в тёплое помещение не ступишь, нужен мост, прежде чем окажешься в тепле.

Оно, это покойное место, неопределённо простирается в своём плохо различимом таинстве, и, кажется, что простор сеней не имеет границ. О нём почему-то хочется думать, хотя там особо не повернёшься, и оттого, насытившись этим обособленным пространством, ум устремляется к простору избы. Там есть, где развернуться!

В доме - тепло, на столике - лампа с зелёным абажуром, в одном месте стекло чуточку надтреснуто. От неё исходит ласковый уютный свет, сладко пахнет бабушкиной стряпнёй и подогретым молоком. Напротив кровати - комод с выцветшими изогнутыми ручками, на стене - портрет рыбака, склонившегося над удочками в ожидании поклёвки.

Под кроватью кто-то тихонечко шуршит, но от этого ещё более заманчиво течёт сказка. А там, в завораживающих твоё внимание сенях, наверное, происходит что-то удивительное, чего никак не хочется пропустить, и ты убеждаешь себя, что в следующий раз, когда бабушка уснёт, не побоишься-таки и заглянешь в таинственные сенцы, разгадав их секрет, всегда скрывающийся в темноте.

Детство воспринимается ярким обычно оттого, что запоминается из него самое солнечное, и именно по этой причине вся младенческая пора представляется только радостной, без присутствия в ней чего-либо тёмного. Но даже и это тёмное запоминается, ибо объявляет себя необычным, чем-то невиданным, будто даже не существующим, и ты сохраняешь в своём сердце тёплое отношение ко всему, что окружает тебя в детстве, потому что по-иному у тебя просто не получается.

Тебе, конечно, дороги все твои близкие, родной дом, в заботливом уюте которого ты постоянно находишься, дороже его, кажется, ничего не существует, чудесный бабушкин сад, и всё же необыкновенно притягивает и эта жизненная темнота: в ней ты тоже и видишь, и чувствуешь, и боишься, и преодолеваешь страх. Ты как будто несёшь его и в себе, и принимаешь, как свет, доверяя жизни.

Но что это была за темнота? В чём заключала она свой секрет? Не важно, касалось ли это чулана, чердака или сеней, постоянно пребывающих в потёмках, - я не знал.

Впрочем, как не знаю и сейчас, так же остро чувствуя иногда её завораживающее присутствие, втайне мысленно переживая, и также трепетно неся в своей душе. В темноте, ты как будто угадывал это: всегда стоит свой свет. Свет и тепло старого бабушкиного дома, дороже которого ничего не было.

Свет любви

Зимой над бабушкиным домиком неизменно появлялась Большая Медведица, и среди множества звёзд в этом необозримом ночном пространстве, была самой заметной. Всегда непроизвольно подымешь голову к небу, будто желая услышать от неё какое-то долгожданное откровение, адресованное именно тебе, а небо подмигивает яркими звёздочками, что, кажется, только и ждут оделить любознательного человека чудесными знаниями.

От присутствия в морозном небе Большой Медведицы на душе становится необыкновенно хорошо, и весело искрящиеся звёзды удивительно завораживают, хотя ничего и не обещают. Не покидает ощущение, будто Большая Медведица знает, для чего я смотрю на неё, живя своей неведомой звёздной жизнью.

Полярная звезда, самая главная в этом созвездии, сверкает из глубины неба какой-то особой красотой, как драгоценный камень, что, кажется,

становится всё ярче и ярче. Она подобна твёрдому свету, щедро излучаемому из сокровищниц Вселенной именно для людей, чтобы они любовались этим живительным светом и тянулись к нему, обновляя свою душу для осознанного пребывания в своём теле.

Приятно сознавать, какое большое место занимают в твоём маленьком сердце далёкие от тебя звёзды, и ты, не отрываясь, вглядываешься в их мерцающую красоту, а звёзды блещут ярко, будто приоткрывая всем неоценимые богатства. Из своих сказочных пределов они посылают на окутанную снежной пеленой землю богатые дары для тех, кто не устаёт вглядываться в звёздное небо.

- Сколько же, бабушка, звёздочек на небе?! - восхищённо восклицаю я, сидя у окна.

- Небо - терем Божий со звёздами вместо окон. Из этих окон смотрят на белый свет ангелы Господни, и нет им числа. У каждой живой души на земле - свой звёздный ангел-хранитель, и потому издавна повелось поверье, что звёзд на небе столько, сколько людей на земле.

- И все разные?

- Как и люди... Нарождаются на небе одна за одной, отличаясь по блеску, величине и окраске. Согласно характеру, звёзды получают себе и имя.

- А те, что держатся кучкой?

- Самые дружные звёзды образуют между собою созвездия, поражая нас своей красотой. Звёзды управляют нами, а звёздами - сам Бог.

- Кто такие ангелы?

- Родится человек, и Бог посылает ангела стеречь его от бед. Откроет тогда ангел своё окошечко, сядет, да и смотрит с небесной высоты на подопечного ему сына земли. Всё, что совершает человек, ангел в книжечку особенную записывает, только успевает страницы перелистывать: людям же внизу чудится, будто звёзды переливаются.

Умер человек - и захлопывается окно невидимыми ставнями, а звезда падает на землю, и кто увидит такую звезду, да успеет загадать своё пожелание, то всё непременно сбудется.

- Как же её угадаешь?

- Самая родная звезда всегда стоит у человека над головой, нужно только обратить к ней внимание, и звезда поприветствует человека.

- Обрадуется?!

- Вспыхнет яркой свечечкой.

- Значит, есть на небе и моя звезда?

- У каждого - своя, и всем она указывает путь в бесконечных земных странствиях.

- Нужно только её разглядеть?

- Кто добр сердцем и смотрит на звёзды, тот не пропустит хранительницу своей судьбы, и тогда звёзды доверчиво протягивают людям свой свет, зажигаясь зелёными, жёлтыми и оранжевыми огоньками. Бывает,

звезда уже погасла, а свет от неё до сих пор остаётся в пространстве: мы видим его, и нам кажется, что звезда жива.

- А её уже нет?!

- Только свет от неё живёт, и каждый вечер звёздочка ласково приветствует нас своим тихим мерцанием, и оберегает сон.

- Бабушка, мне очень хочется увидеть эту звёздочку!

- Где-то там, в небесной вышине, сияет и твоя звезда, вечная спутница и подруга.

- Как и ты?

- Верно, родной. Она никогда не бросает тебя и охраняет на твоём пути, но надеяться стоит только на самого себя.

- Почему звёзды светят?

И бабушка, не задумываясь, проговорила:

- Радуются за нас, когда мы тоже светим другим.

- Как же они об этом узнают?

- Звёзды всё про людей ведают, и всегда примечают тех, кто живёт с открытым сердцем.

- Им хорошо видать свысока?!

- Для звёзд не существует преград, они излучают только любовь.

- И нас с тобой любят?

- Никого без внимания не оставят, родной. Звёздное небо повсюду, и доступно всякому, но каждая звёздочка светит по-своему.

- А мне как светит?

- Весело.

- Как белое пятнышко во лбу нашей Зорьки?

- Да, дорогой.

- И солнце за нас радуется и любит?

- Божьей волей свет небесный стоит: и для звёзд, и для солнышка, и для всех людей.

- Значит, и про меня звёздочка знает?

- И про тебя, и про меня, и даже про деда нашего: семь лет костей ему не глотать. Звезда подсказывает, что в каждом из нас живёт духовное сердце, и оно должно быть обращено ко всему миру. Божественной звёздочкой живёт оно в тебе, милый.

- Почему - божественной?

- Потому что Бог наш всемилостивый на небе живёт, и всем, кто смотрится в небо, наказывает душою быть щедрым, оттого им отказу от Него и не бывает. А ты у меня - даровой!

- Как это, бабушка?

- С божьей милостью в сердце, на всю добрую жизнь. Не думай, голубь, как бы взять, думай, как отдать. И солнце, и звёзды отдают нам свой свет. Дари и ты себя, помогай тебе Бог!

А Медведица, между тем, сияет в бездонных небесах, и все её звёздочки представляются чудесными фонариками, подвешенными на

невидимых нитях. В морозную ночь, кажется, зажигаются все звёзды Вселенной.

Небо высоко и торжественно, и сколько бы ни заглядывался на него, - везде звёзды. Яркие, крупные, есть просто ослепительные, иные - поменьше, что, то и дело, вспыхивают и на время куда-то исчезают. Все они будто подыгрывают друг другу, устраивая в восторженной вышине волшебную кутерьму, и всё это головокружительное движение не прекращается до самого рассвета. Звёзды и меня приглашают в свой сказочный хоровод, и разве можно оставаться к ним равнодушным и не смотреть на полное звёзд небо?!

Звёзды горят в нём многоцветными камнями, а ночь радостно внимает их очаровательному блеску. Один за другим вспыхивают бесчисленные изумруды, сапфиры и рубины иных миров, и хочется отправиться к ним, не теряя времени, какими бы недостижимыми они ни казались, потому что все звёзды представляются мне живыми.

И ничего, что я пока ещё маленький: мне нравится обращать свой взор к звёздам, как бы бесконечно далеко они не находились, и когда я вырасту, то обязательно отправлюсь к ним в гости, ничто меня не удержит, и непременно их достигну. Ведь звёзды существуют для того, чтобы мы обратили к ним свою душу, и когда это произойдёт, они, наверное, замрут от счастья в своей волшебной вышине, а затем - возрадуются. В восторге от соприкосновения со звёздным миром душа человека рано или поздно преодолеет любую беду и, наконец, тоже обретёт недостающее ей внутреннее свечение.

Большая радость - иметь любимых бабушек!

Все мои бабушки, кажется, посвятили свои оставшиеся жизни именно тому, чтобы сохранить во мне невинное восприятие протекающей вокруг действительности, за что я им необыкновенно благодарен, а более всего - судьбе. Человек никогда не может быть зрелым, если притворяется кем-то другим, и бабушки никогда не притворялись, оставаясь теми, кем они были. Словно и сами пребывали в детстве, где все и всегда остаются собой, для чего они и пришли в эту жизнь, и взять её в собственные руки именно в детстве представляется делом обыденным.

Вот когда мы в полной мере наслаждаемся своей жизненной энергией, не соглашаясь с глупостью, чем-то неинтересным. А как ещё можно иначе познать вечность?! От родителей, бабушек и дедушек требуется только не разрушить ребёнка, не обрезать его свободу, не извратить в нём самое чистое, помня: ребёнок - дар Божий, Его благодать, и он должен следовать своему внутреннему голосу, а потому - недопустимо лишать ребёнка его собственной жизни.

Ребёнок может даже в детстве почувствовать - кто он и кем хочет быть. До такой степени тесно связан он с Божественным Существованием. И вот именно в эту пору, когда ребёнок совершенно чист и способен слышать в

себе божественное начало, его зачастую лишают этой возможности. Великое искусство - относиться к ребёнку так, как он того стоит, не подавляя в нём Бога.

И так, бабушки мои меня не подавляли, и мало того - предоставляли полную свободу, называя всё своими именами. Как я уже упоминал, баба Саша - по маме, баба Нина - по папе, к тому же у бабы Нины было две сестры: баба Женя, будучи преподавателем русского языка и литературы, она очень активно принимала участие в моём воспитании, и баба Лёля, подарившая мне однажды огромного плюшевого медведя.

Все бабушки были добрые, работающие, но личная жизнь у них не сложилась, за исключением самой младшей - бабы Лёли. Она рано и очень удачно вышла замуж, после чего сразу уехала в Москву.

Если подыскать черту, наиболее присущую каждой из бабушек, то бабу Нину можно охарактеризовать как «добрая проницательность», бабу Женю - «безмятежное таинство», бабу Сашу - «океан спокойствия», а баба Лёля олицетворяла собой завидную лёгкость и удачливость. Нужно ещё отметить, что они удивительным образом понимали маленького человека, и умели с ним говорить.

Большая роскошь – иметь любимых бабушек. Благодаря бабушкам детство моё напоминало чудную горку из разноцветных пасхальных яиц, превращая и всю жизнь в сплошной праздник. Это было неопишимо счастливое время, созданное Богом, и бабушки его оберегали, а я с радостью проживал, потому как ребёнку – что ни день, то праздник, и если замечаешь в нём красоту, то счастье само приходит. Но вот что странно: никто лучше ребёнка не ведает, что счастье – в нас, а не вокруг, да около, и выходило всегда так, будто только бабушки это понимают.

Я обожал их всех, потому что они были настоящими, и именно бабушки ненавязчиво и просто помогли мне стать тем, кем я сейчас являюсь. По крайней мере, они заложили в меня зерно вдумчивого добра и нежной силы.

У каждой из них был богатый жизненный опыт, хотя ничего необычного в их жизни, в общем-то, не случалось. Бабушки просто любили жизнь, какой бы непостижимой она перед ними не представала в самые тяжёлые периоды, особенно - в военные и послевоенные годы. Благодаря этой любви они открывали в сердце понимание, что ненужно с жизнью сражаться, а лучше всего - проявлять смирение, то есть - умение принимать неприятную для себя ситуацию, никого не осуждая и не переставая дарить любовь людям.

Необходимо было обнаружить в себе эту внутреннюю силу, из которой не выходит никакой борьбы, а только осознание в себе Бога, что всё происходящее в жизни нужно принимать, как данное свыше, каким бы неприятным оно, на первый взгляд, не выглядело. И тогда не возникает желания участвовать в жалких пересудах и отчаянном соперничестве с другими, такими же израненными жизнью людьми, когда хочется доказать

кому-то, что ты его сильнее, при этом достойно переживая собственное жизненное неустройство, не допуская при этом какого-либо упадничества духом.

Ведь сила жизни - в добром отношении к любому человеку, своей семье, может быть - многодетной. И ещё - к собственной судьбе, когда необходимо найти мужество выбрать единственно верный путь, никому не досаждая и не жалуясь.

Я никогда не видел, чтобы бабушки плакали. Может быть, только украдкой, когда никто этого не видел, но не при мне. Да и круг их общения был достаточно ограничен: к ним лишь приезжали мои родители, изредка заходили в гости такие же, как и они, соседские старушки, но большую часть времени бабушки проводили со мной или занимаясь хозяйством. Вероятно, поэтому не позволял себе плакать и я: бабушки не слышали от меня каких-либо жалоб, а ведь известно, как сладко обычно плачет маленький ребёнок!

Поранится он случайно в своей увлекательной игре, или коснётся его сердца несправедливость взрослого, и отдаётся ребёнок самозабвенному плачу, нисколько себя не сдерживая. Плач, как ничто, очищает маленького человека от страхов и обид, высвобождая появившуюся в душе неудовлетворённость. Хорошо, когда она не накапливается в душе ребёнка, и он от неё быстро освобождается.

Ребёнок сердцем угадывает, что чувствам нужно помочь выйти наружу, не прятать их в себе, избавляясь от любого беспокойства сразу, это так естественно, и он не перестаёт радоваться жизни, не утрачивая восприимчивость. И радость, и печаль переполняют ребёнка одинаково, но добрый малыш не копит их в себе, тотчас избавляясь, каждый день, вновь, становясь чистым, и в этом помогает ему именно плач, убажывающий душу.

Конечно, слёзы иногда наворачивались у меня на глазах, мелких причин тому в раннюю пору детства было предостаточно, хотя ни одна из них не затрагивала моё сердце надолго, а вскоре и вовсе забываясь. Я был простодушен и не поддавался каким-либо сковывающим меня наваждениям, присущим и детству, а потому печаль в моей жизни просто отсутствовала, и ничто меня не обременяло. Я ещё не умел ни читать, ни писать, и всё своё время посвящал бабушкам и играм, которые придумывал сам.

Каждый день ребёнок создаёт себя, а значит - новые миры, ту дорогу, которой он пойдёт по жизни дальше. И потому дети не думают, что жизнь бессмысленна или тяжела, их поведение ориентировано на естественное созидание. Они живут ради того, что существует в жизни, сейчас, и единственное, чем заняты дети - это сама жизнь, загадочная и неповторимая, какой больше не будет.

Может быть, будут иные существования, но именно такого уже никогда не случится, и дети это интуитивно понимают. Чем дети в отличие от взрослых обладают, так это искусством жить, они принимают жизнь всем сердцем, не игнорируя ни единого мига, и значит, есть надежда, что не упустят её, обязательно познав когда-нибудь истину.

Дети живут всем сердцем, правильно, и верят, что существование в любой момент может превратиться в сплошное благо, в лестницу, ведущую в небо, в самую глубину Божественного Существования. Так примите жизнь, как её принимают дети, овладейте искусством жить!

Мои бабушки, кажется, в полной мере овладели её секретами, ничем особенным их не выявляя, но я всегда чувствовал: в них заключено что-то очень хорошее, такое понятное для меня и дорогое, чего почему-то не замечают другие. Благодаря родным бабушкам я воспринимал окружающий меня мир во всём его богатом единстве, без каких-либо разделений на плохое и хорошее, принимая и то, и другое. В этом была заключена моя главная радость.

Как-то исподволь и очень ненавязчиво до меня доходило, что все переживания, если они всё-таки и случались со мной, необычайно важны для моей последующей жизни. Пока я познаю лишь маленькое её семечко, из которого может вырасти большое и красивое дерево.

Баба Нина - папина мама, всю жизнь проработала на городском телеграфе, освоила известные для того времени аппараты «Бодо» и «Клопфер», носила пиджаки с подкладными плечами, и курила папиросы. Она была строга со всеми, но со мной будто отходила душой, становясь самой собой – мягкой и заботливой, в то же время, оставаясь пронизательной. Невозможно было её обмануть, да я и не пробовал этого делать, потому что с бабушкой мы чувствовали себя настоящими друзьями.

Если бы мне в ту пору привелось выбирать себе Учителя, исключая, конечно, бабушку Сашу или бабу Женю, я бы, не задумываясь, остановил свой выбор на бабе Нине, которая уже в тридцать три года осталась одна: её муж и мой дедушка Михаил Фёдорович ушёл к другой женщине. Моему папе было тогда восемь лет.

Когда я подросток, папа рассказал мне, что чуть позже, года через два после того, как бабушка с дедушкой расстались, ей было сделано предложение одним порядочным человеком, папе уже было лет десять-одиннадцать, и он воспротивился, а бабушка послушала его и прожила остаток своей жизни одиноко. Папа потом всю жизнь об этом очень сожалел.

В годы войны, да и после неё, всем приходилось несладко, и бабушка, будучи квалифицированным телеграфистом, за банку тушёнки стирала чужое бельё и мыла полы. По природе своей она была очень трудолюбива, а в редкие часы отдыха любила стряпать.

В доме была русская печь, и вместе со своей мамой, моей прабабушкой Ольгой Филипповной, а также с сестрой - бабой Женей, они дружно принимались за выпечку пирожков с малиной и черёмухой, могли приготовить окорок, мороженое, закоптить рыбу. Баба Женя, тоже одинокая, жила последние годы с бабой Ниной, они были очень дружны, и когда мы собирались все вместе, то весело проводили время. Бабушки так сильно меня любили, что были мне роднее матери.

Если мне нужно было в чём-либо разобраться или поделиться чем угодно, то я, в первую очередь, шёл к бабушкам, потому что они умели понимать людей, независимо от их возраста. К тому же, обе бабушки были моими защитницами: ни в ком из взрослых я не ощущал такой дружественной поддержки, как от них. Однажды бабушки спасли меня от нападения старого бородатого козла и настырных гусей со змееподобными шеями.

Пока у бабушек хватало сил, они держали поросёнка, иногда коз, но почти всегда кур и гусей. Бабушки любили в погожую летнюю пору, когда уже солнышко катилось к закату, посидеть на лавочке возле дома, прямо напротив крылечка с навесом от дождя.

Дом был двухэтажный - низ каменный, верх - деревянный, и на первом этаже, со своей семьёй, располагался брат бабушек, мой двоюродный дедушка, Иван Иванович, а на втором - баба Нина и баба Женя. Бабушки сидели на лавочке, всегда обнявшись, слегка улыбаясь, и чаще всего молчали, лишь изредка окликая меня, когда я начинал озорничать. А мне было приятно их присутствие, потому как я чувствовал: рядом с бабушками можно решиться в свои три-четыре года на что угодно.

Может быть, поэтому я и осмелился как-то раз подразнить гусей, замахнувшись на них прутиком. Гуси замерли, на секунду, а потом иступлённо загоготали и, вытянув свои длинные шеи, бросились на меня и стали бить крыльями.

Сначала показалось, будто это какие-то жуткие змеи хотят дотянуться до меня и ужалить, так что уже не спастись, но когда я ощутил на груди и руках болезненные шипки и удары, то, что было сил, закричал. От взмахов гусиных крыльев в лицо мне летели песок, пыль и перья, и в диком испуге я упал на землю, спасая глаза. В памяти ещё запечатлелось, как быстро оказались поблизости бабушки, лица их были страшно напуганы.

Примерно в это же время бабушки держали козла Борьку и козу Машку. Машка была спокойная и послушная, давала вкусное молоко, а Борька всё время что-нибудь выкидывал. Мог, ни с того ни с сего, напасть на человека, даже хорошо ему знакомого, и так оно и вышло со мной, когда я вышел во двор и принялся собирать возле забора вишню.

Борька стоял, как вкопанный, у дровяника, пристально вглядываясь в мои передвижения, и эта его напряжённая поза, кажется, ничего хорошего не предвещала. И тут он вдруг кинулся ко мне, остановившись в шаге, и потом медленно и очень воинственно надвинулся, чуть ли не касаясь своей бородой моего лица.

Стало ещё страшнее, чем когда на меня напали гуси. Они гоготали, били крыльями, двигались постоянно, а козёл упёрся в мою грудную клетку рогами, и настороженно застыл, не произнося ни звука. При этом он медленно прижимал меня к забору, так что становилось трудно дышать - у меня перехватило дух.

В этот момент на крыльцо выскочила бабушка Нина, да как огреет козла по спине веником! Борька резко отскочил, замотав головой, и опять замер в двух шагах, недобро поглядывая на нас с бабушкой. С тех пор я обходил этого козла стороной, стараясь не показываться ему на глаза, а вскоре Борьку убрали.

Но более всего запомнился красочный петух, важно расхаживающий по нашему двору, по прозвищу Генерал. В его оперении, кажется, присутствовали все цвета: и перламутрово-зелёный, и малиновый, и белый, и густая синева, а ярко-красный гребень и вовсе приводил в полное восхищение этой необыкновенной птицей, и как-то я приблизился к петуху вплотную, чтобы лучше его разглядеть.

Петух настороженно замер, сердито покосив на меня горящий боевым огнём коричневый глаз, но это его поведение почему-то нисколько меня не смутило, и я, чуть склоняясь, протянул к нему руки. Очень хотелось дотронуться до его красивого гребешка, но петух, ни с того, ни с сего, клюнул меня в нос, так что на глазах тотчас выступили слёзы. А я ведь только подошёл к нему поздороваться, зачем же драться?! До вечера я никак не мог успокоиться.

В таких потрясениях, особенно - в раннем детстве, есть своя поэзия, и хорошо дойти в них до самых глубин своего детского понимания жизни. Тогда в тебе зарождается совершенно новое свойство, может быть - качество, и оно постепенно, это кажется невероятным, преобразуется в какую-то уверенность, вернее даже - счастье: счастье постижения такого чудесного и многообразного мира, благодаря чему ты становишься немножко сильнее. И когда придёт время всё в жизни утратить, и тебя не станет, ты бы хотел оставить только свою любовь к тому, что с удовольствием познавал себя и мир, начиная это делать с раннего детства.

Обычно я придумывал себе игры сам, мне не хотелось тревожить бабушек: они всегда были чем-то заняты, но когда у них появлялось немножко времени - мы проводили его вместе. Чаще всего собирались за столом, стоящим посреди просторной комнаты, ничего лишнего в ней не было. В углу - кровать бабы Нины, возле высоких продолговатых окон, прямо на полу, фикусы в горшках, а у стены, свободной от окон, старинный комод с латунными ручками, и зеркало на нём.

Бабушки выставляли на стол свои шкатулки, садились по обе стороны от меня, и с загадочным видом начинали вынимать из них разные «драгоценности» - бусы, кольца, камешки и броши, какие-то красочные пузырьки и стеклянные фигурки, пуговицы, замочки и монетки, флакончики из-под духов, открытки. Всё это богатство, чувствовалось, им очень нужно, и они иногда как будто делились им со мной, а мне было интересно перебирать разноцветные камешки, раскладывая их по порядку, и представлять, что они - живые.

Про каждый предмет бабушки рассказывали какую-нибудь историю, и, наверное, благодаря именно этому у меня развивалось воображение. А ещё я

учился видеть и наблюдать окружающую жизнь, чего бы это ни касалось, что впоследствии мне очень пригодилось.

Но в чём действительно должны быть непреклонны взрослые в отношении детей, так это научить ребёнка любить. И чем больше он будет любить в своей жизни, тем он станет богаче.

Ребёнку нужно просто чаще говорить, что любовь - это радость, и он рождается, чтобы любить весь мир. В этом - его сила и счастье, и только такая жизнь по-настоящему прекрасна. Если же ты не любишь - жизнь оборачивается разочарованием.

И тут важны не отношения с людьми, а твоё состояние, когда ты не можешь не отдавать: тогда любовь в тебе никогда не прекращается. Дети понимают это очень быстро, и важно поддерживать в них такое отношение к миру всегда.

Обе бабушки поддерживали во мне очень важное качество - щедрость, и, отдавая, они объясняли на своём примере, как это радостно - делиться с людьми чем бы то ни было, копя в сердце только любовь. Самое ценное, что захватывало всё моё внимание, они дарили мне. Я всегда мог взять любой предмет и поиграть с ним: бабушки ничего для меня не жалели.

Показывая какую-нибудь занятную вещицу, они просили рассказать о ней, как я её воспринимаю, и если она мне нравилась, просили объяснить - почему? Бабушки очень любили меня, и старались воспитать в моём сердце неистребимую потребность к счастью и радости.

С самого раннего детства мир делился для меня надвое: на то, что я видел в нём и всей душой воспринимал, восторгаясь каждым переживаемым моментом, и нечто огромное, пока необъяснимое, что таило в себе и могло подарить неизведанное будущее. Почему-то именно с раннего детства верилось: мир этот во всём своём многообразии существует только для тебя. Ты можешь распорядиться в нём всем по собственному разумению, и он обязательно должен принести много радости, великодушно откликнувшись на любое твоё желание, а главным желанием становилось стремление отдавать себя миру, не переставая с огромным интересом его изучать.

Сейчас, с высоты моих лет и пройденного пути, мне хочется заглянуть в этот мир детства, и ещё раз прожить его точно с такой же радостью. К тому же обогащённой своим непосредственно пережитым опытом, не забывая, что родился я с верой не в какой-то иной, недостижимый для меня мир, а именно в этот, с непоколебимой уверенностью в то, что лучше его нигде нет, и не будет.

У бабушек было много статуэток, в основном - животные, птицы, фигурки божков и танцовщиц, разные чудесные персонажи - герои из сказок. Бабушки заботливо расставляли их на комод, и мне всегда нравилось разглядывать эти статуэтки, то и дело, меняя местами, будто бы от этого зависело их будущее. Иногда я с ними играл, разговаривая о чём-то, бабушки в этом занятии мне не мешали, и я, к своему удовольствию, был предоставлен самому себе. Статуэтки воспринимались живыми, уже тогда я

чувствовал во всём жизнь, и меня не смущало, что они выполнены из фаянса и фарфора.

Среди статуэток выделялись два бульдога с разинутыми пастьми, так, что из них вываливались алые языки: один сидел, повернув голову направо, а другой - налево, и вместе они дополняли друг друга. Бульдоги были обращены своими брыластыми мордочками к входной двери, и однажды в комнату к бабушкам ворвался их брат - дедушка Ваня, сильно подвыпивший, и устроил пальбу из пистолета по статуэткам, отстрелив у одного бульдога ухо.

Пистолет у него был наградной, ещё с войны, дедушка вернулся с неё в звании майора: он командовал батальоном, имел ранения и награды. По рассказам бабушек - дедушка был добрый, не скупой, но много пил, а пьяный становился невероятно задиристым, что было для всех очень неприятно. Папе моему, когда он учился в пятом классе, дедушка Ваня подарил берданку 28 калибра.

Иван Иванович хоть и приходился мне двоюродным дедом, но будто не замечал моего присутствия: не помню, чтобы он хотя бы раз просто обратился ко мне. Вёл себя всегда так, словно меня не существует. Правда, это не особо трогало, потому, как бабушки с избытком дарили своё тепло.

Помнится, я как-то заинтересовался: почему у бульдога одно ухо? На что бабушки только улыбнулись, отвлекая моё внимание очередной историей.

Однажды утром я увидел, что дверь в комнатку бабушки Жени открыта, и она сидит на постели, расчёсывая волнистые волосы. Комнатка была крохотная: кровать, изразцовая печь и туалетный столик с зеркальцем, вот и вся обстановка.

Зайдя к бабушке, я присел рядышком, а она обняла и прижала к себе, потрепав по голове, и тут я увидел у неё на плече...дырку! Бабушка улыбнулась мне, лицо её было красиво и покойно. В нём угадывалось что-то величественное, на миг даже показалось - неземное.

И она рассказала, как в детстве, с мальчишками, забралась в чей-то сад, за яблоками, и сторож выпалил по ним из ружья: одна дробишка угодила бабушке в плечо. Врач вовремя извлёк дробишку, но след от неё так и не зарубцевался.

Было странно видеть в теле человека дырку, и когда я заглянул в неё - меня поразила темнота, а главное - наличие полого пространства в плече бабушки. Но её это обстоятельство ничуть не занимало.

Я же не в силах был оторваться от увиденного, смотрел во все глаза на бабушку, и очень ей гордился. Впоследствии, когда я вёл себя исправно, бабушка позволяла мне взглянуть мельком на дырочку, отчего я чувствовал себя счастливым.

Шапито

Что важнее всего в детской жизни? Никто этого не знает, кроме самого ребёнка, очарованного всем, что происходит с ним в детстве. И точно так меня однажды очаровало слово «шапито», произнесённое бабушкой.

Оказалось, «шапито» - это большая, обычно брезентовая палатка, вернее - шатёр, что предназначен для цирковых выступлений. А также - передвижной цирк, дающий представление в таком шатре-палатке. Представление, предполагающее сценки из жизни клоунов, собачек и обезьянок, говорящих попугаев, и ещё неведомо какое замечательное событие, подразумевающее необыкновенный восторг и наслаждение, что вовсе завораживало моё воображение. И стал я думать только о цирке, о возможности всё это увлекательное действие увидеть.

Бабушка с заговорщицким выражением лица поведала мне, что этот «шапито» скоро приезжает в город, он будет располагаться неподалёку от нашего дома, возле театра Оперы и Балета, и мы обязательно отправимся посмотреть на бродячих актёров и животных, которые во всём им подчиняются. Я и вообразить себе не мог - что включает в себя понятие «цирк», но был убеждён, что это, несомненно, волшебное зрелище. Так оно и получилось.

Самые умные из зверей выступают в этом цирке, думал я. Не то, что наш козёл Борька! Цирковые козлы, наверное, не бросаются на людей, и выполняют разные команды дрессировщика: встают на задние ножки, подпрыгивают по его приказанию, могут, наверное, даже закружиться в танце. Бабушка сказала, что за все эти фокусы они получают от дрессировщика сахар.

Часто мы с бабушкой Ниной гуляли, бродили по аллеям, взявшись за руки, и радовались происходящим вокруг нас событиям. Хлюпают ли под ногами лужи, падают ли с деревьев жёлтые листья или запляшут в воздухе пахучие снежинки, - всё нас устраивало. Каждую весну молодеют деревья - и нам с бабушкой радостно, припекает на небе разомлевшее июльское солнышко - мы тоже становимся ещё более расположенными к счастью.

Но более всего завладевало мной открытое пространство у реки, на высокой горке. Не находилось названия тому, что возникало там, неожиданно, и оно не было похоже на всё оставленное у дома, на улице.

Река жила какой-то своей сокровенной жизнью, и эта потаённая речная жизнь занимала моё сердце необыкновенно. Стоя с бабушкой у реки, на высоком берегу, я, кажется, даже вырос и сам становился выше, выходя из своего надоевшего младенчества, хотя было мне года четыре. «Это - Кама», - коротко объяснила бабушка, и всё в душе сразу успокоилось, и будто встало на место.

Перед Оперным театром раскинулся большой сад из вековых лип, что уносились в высоту чёрными стволами с развесистыми ветвями, а снизу выглядели оголёнными. И сад казался голым, в каком-то неясном весеннем

или осеннем полумраке, но воздух был насыщен ароматами, резко ударяющими внос, отчего на глазах выступали слёзы, и деревья с кустами начинали представляться нереальными, размытыми. А потом глухая аллея вдруг расступилась, и на театральной площади я увидел, действительно, волшебный шатёр, он вырастал словно из сказки, и было в нём что-то торжественное.

Площадь была широкая, ничего замысловатого, и цирковой шатёр, вроде как, пришёлся на ней к месту, заполнив собой никому не нужное до этого пространство. Было радостно ступать по гладкому булыжнику, предвкушая неведомое цирковое действие.

Когда мы с бабушкой вошли в распахнутые полы шатра, то нас окутал таинственный запах опилок, пока невидимого звериного царства, и ещё чего-то неуловимого, но очень притягательного, чуть ли не заманивающего целиком, с неподлежащей сомнению верой, что ничего более увлекательного ты ещё в жизни не видел.

И действительно, как-то неожиданно, до дрожи в душе, застучали вдруг невидимые барабаны, звякнули тарелки, и под сводами шатра громко зазвучала восторженная музыка, что на какое-то время меня просто ошеломила. А на арене, покрытой бордовым ковром, начался настоящий кавардак!

Из раскрывшегося занавеса повыскакивали на сцену радостные человечки в разноцветных одеждах, подпрыгнули все разом, и - закувыркались. Сразу всем от этих их прыжков стало весело, а человечки не унимаются: один - взбирается по отвесно стоящему шесту, другой - жонглирует апельсинами, третий - вертится вокруг них колесом, чего-то смешное выкрикивает, дурашливо приставая к зрителям.

Мы с бабушкой сидим и тоже радуемся: этакая невидаль приехала в наш город, и захотелось жить только происходящим, именно - сейчас. Ведь ребёнок, ещё не имея никакого представления об окружающей жизни, прекрасно справляется со своим пребыванием в настоящем, которое полностью его устраивает. Всё, что происходит в его жизни - хорошо так, как есть, это единственно возможное для него существование, где он переживает только радость.

Никакого недовольства, может быть - лишь на короткий период, что вскоре совершенно забывается, а главное - внутреннее понимание, что жизнь именно такая, и предназначена она для счастливого постижения окружающего мира. Ребёнок постоянно ощущает покой и внутри себя, и снаружи, он каждую секунду медитирует, даже не подозревая об этом, и, разумеется, что бы ни происходило в его жизни, он только наслаждается всем увиденным и празднует её. Это взрослые люди постоянно чувствуют какую-то неудовлетворенность, ребёнок же излучает благодарность Божественному Существованию, у него всегда всё хорошо.

А на арене продолжают чудеса! Раскрашенные клоуны принялись совершать акробатические номера - кувыркаются прямо в опилках, кто-то

ходит на руках, болтая в воздухе большущими ботинками, другие клоуны сразу же все со смеху покатались: вот-вот лопнут! Словом, праздничная суматоха, а в суматоху, известное дело, всё навыворот идёт: ты от неё, а она перед тобой!

Вот один клоун взялся лупить другого по щекам, а тому - хоть бы что. Но не смешно, что клоун клоуна бьёт, а смешно, что один из них плачет!

Зрителям же до самого сердца забавы клоунов доходят: ничего не поделаешь, смешное, да потешное - их планида. Весели народ пуще!

Но более всего уморительно то, что клоуны свою потеху не таят: и людей веселят, и чертей тешат, и даже, наверное, Бога радуют. Публика же - в восторге: один улыбается, другой смеётся, третий в голос хохочет, а всё вместе - сушая кутерьма. Но не любо - не смейся!

И тут занавес раздвигается, и на конях выкатываются лихие наездницы: лошадки под ними вальсируют, привстают на задних ногах и кружатся в танце. Их мускулистые тела перехвачены разноцветными лентами, головы украшены золотистыми бубенцами, ладные же наездницы, стоя в коротких сапожках на потных крупах лошадок, размахивают руками, выкрикивая бодрое - «алле!»

За лошадками появляются весёлые эквилибристы, раскатываются по арене на одном велосипедном колесе, клоуны же вторят им, скачут верхом на больших красочных мячах. Здорово!

И вот появляется силач, затянутый в яркое трико, в руках его засверкали ножи, взлетающие чуть ли не под самый купол шатра - не чудо ли?! В следующий миг на его плечах оказывается мальчишка, на нём - ещё один, поменьше, а на последнем - девчонка, совсем маленькая, и вдруг пирамида эта рассыпается - и все акробаты закувыркались по ковру и исчезли за занавеской. Зрители - снова в восторге, кричат: «Браво! Бис!»

Во втором отделении на арену вывалился морской лев, и давай накручивать на носу резиновый мячик: дрессировщица ему за это даёт живую рыбу. Вроде бы и неповоротливый зверь, а ловко передвигается по ковру, изогнувшись в толстой блестящей талии.

А потом появился факир, разрезающий пилой свою помощницу: девушка пряталась в ящике, и факир расчленил её у всех на глазах пополам, но она через мгновение объявлялась целой и невредимой. Чудеса, да и только!

Ещё этот факир проткнул себе щёку вязальной спицей, как у бабушки, затем - губы, и даже не поморщился. Чего только ни увидишь в цирковом представлении!

Цирк произвёл на меня такое сильное впечатление, что позабылась и река Кама, и домашние животные, и дырочка в плече бабы Жени, и рассказы обеих бабушек про диковинную старинную жизнь, в которой они помнили себя молодыми, и у них тоже были свои дедушки и бабушки. Существование этих родных для меня людей, кого-то из них я даже не видел, как свою прабабушку Ольгу Филипповну и прадедушку Ивана Дмитриевича, открыло

для меня тоненькую судьбоносную жилку, разбуженную именно в раннем детстве, в четырёхлетнем возрасте. Во мне, быть может - благодаря незабываемому цирковому представлению, вдруг пробудилось сознание, и главное - пробудился я сам!

Царствие небесное

Свою прабабушку - Ольгу Филипповну, я не помню, она умерла ещё за несколько лет до моего рождения. Она происходила из простой крестьянской семьи и всю жизнь была домохозяйкой. В её семье было двенадцать детей, но в живых остались лишь четверо: баба Женя, баба Нина, дедушка Ваня и их младшая сестрёнка - баба Оля. Её я тоже не помню, хотя она очень любила меня, и когда мне исполнилось два года - подарила большого плюшевого медведя.

Этот медведь был мне вместо друга, или братика. Если судить по росту, то это я приводился ему за сына: медведь был больше меня в два раза. Уж не знаю - где баба Оля отыскала такого огромного медведя. Медведя этого я кормил тем, что давали за обедом и мне, а когда я себя хорошо вёл, и бабушка покупала мороженое, перепадал кусочек и мишке.

И Ольга Филипповна, и все её дети, были очень красивы. Прабабушка не была набожной, но изредка молилась, а когда к ней приходили подружки, то они пили чай, раскладывали пасьянс и пели песни.

Ольга Филипповна отличалась сильным характером, и это отчасти выражалось в её склонности к охоте: с мужем и моим прадедушкой Иваном Дмитриевичем, они частенько отъезжали на охоту. В ту пору леса подступали к самому городу, и были богаты на тетеревиные и вальдшнепиные выводки, а за рекой, во время весеннего половодья, можно было славно поохотиться на утицу.

Прабабушка имела лёгкое 20-калибернооружьефирмы «Манлихер», и ловко подстреливала из него зайцев. А ещё они с дедушкой держали гончих и легавых собак. Для них Ольга Филипповна шила кожаные башмачки, чтобы они не стирали лапы, и эти башмачки до сих пор хранились в пыльном чулане.

Бабушка зачем-то сберегала в чулане и старые зажигалки прадедушки, ещё со времён первой мировой войны. Изготовленные из обыкновенных ружейных гильз, с шестерёнками-колёсиками, выбивающими синие искры, они покоились в железной коробке из-под китайского чая. А в углу, за дверью, свисала со стены кривая чёрная сабля с жёлтой рукоятью и эфесом...

Поглядывая изредка на эту саблю, я силился представить себе, как прадедушка рубит ею своих врагов, но у меня ничего не получалось. Сабля казалась мне какой-то безжизненной. Виделось только, что прадедушка пошёл на войну, но почему-то не захотел брать с собой саблю, и она так и осталась дома. Бабушка не разрешала мне до неё даже дотрагиваться, и я смотрел на саблю снизу вверх с большим почтением.

По рассказам бабушки, прадедушка даже какое-то время дневал в чулане, когда на улице было слишком жарко, уединяясь там от знойной духоты, только в укромной прохладе чулана находя для себя спасение. В иное время года он и не вспоминал про это помещение.

Чулан как будто не существовал в жизни дома, но, всё же, присутствовал, и вызывал во мне завораживающее дух переживание неизъяснимой таинственности и трепета. Само слово «чулан» вынуждало относиться к нему с уважением, даже - с затаенной любовью.

Семья Ольги Филипповны была достаточно состоятельной. Её муж - Иван Дмитриевич рано начал работать, был «мальчиком» в услужении, затем - приказчиком, и в конечном итоге дошёл до управляющего на одном из предприятий торгового дома миллионера Ижболдина, за что получил в пользование магазин и два дома по улице Ирбитской, ныне - Матросова.

При большевиках магазин и один дом были отняты новой властью, и всё семейство расположилось во втором доме. На первом этаже - дедушка Ваня со своей женой и сыном, а на втором - все остальные.

Прадедушка прожил недолго, умер в 1918 году после того, как заболел дизентерией, Ольге Филипповне же привелось даже посидеть в тюрьме по чьему-то доносу. Большевики требовали отдать золото, которого было совсем немного - сущие пустяки, но, тем не менее, прабабушку арестовали.

В камере Ольга Филипповна была поварихой, так как очень вкусно готовила, вскоре её отпустили. Она намного пережила своего мужа, могла бы пожить и ещё больше, но будучи в бане, поскользнувшись, упала и сильно разбилась, получив очень неприятное сотрясение.

Однажды я спросил у бабушки:

- Расскажи мне про мою прабабушку!

- Про Ольгу Филипповну?

- Да, про твою маму.

- Царство ей Небесное! Прозвища, помню, всем давала. Меня называла «пигалицей».

- Это кто?

- Птица такая... Белобрюхий, на коротких ножках куличок, что живёт на болоте и докучает всем своей однотонной песенкой - «пиги-пиги, пиги-пиги, пиги-пиги». «Пигалицей» обычно называют худощавого человека, а я с детства была тощей, да к тому же - писклявой девицей. Маму всегда сердило, когда я принималась, по её словам, «пигалить», то есть - надоедать, клянчить чего-нибудь, одним словом - кукситься. Очень ей это не нравилось.

- А прабабушка была добрая?

- Мы росли под её чутким присмотром, потому как дедушка рано ушёл из жизни, тяжело заболев ещё во время первой мировой войны, и всё своё внимание бабушка сосредоточила на нас, детях. Но хоть Ольга Филипповна слыла строгой, её отличал справедливый нрав.

Особенно она любила твоего папу, серьёзно занимаясь его воспитанием. Ведь отца у Юрки тоже не было, мой муж и твой дедушка -

Михаил Фёдорович, ушёл от нас, когда Юре было всего лишь восемь лет. Если у мальчишки в таком возрасте нет отца, для него очень важно иметь в жизни человека не сердитого, вызывающего чувство страха, а именно строгого, очень взыскательного, но не жестокого, умеющего прощать вину. Таким человеком и была Ольга Филипповна.

- А папа часто оказывался виноватым в детстве?

- Это неверно говорится, что строгий закон виноватых творит: виноватые сами себя таковыми определяют.

- Как это, бабушка?

- Не надо становиться виноватым, серьёзно принимая наложенную на тебя кем-либо вину, чаще - самим собой. Правда, побыть виноватым, и именно в детские годы, выходит иногда очень полезным. Так однажды случилось с твоим папой, когда он был ещё маленьким, и учился в третьем или четвёртом классе.

В окружении его в детстве было много шпаны, хулиганья в ту пору хватало, случались и воришки. И вот, связался Юрка однажды с такой компанией, стал прогуливать школу, затем украли у какого-то дядьки лодку, перекрасили её, чтобы тайком ездить на рыбалку. Да ко всему прочему взялся обманывать нас с бабушкой, мало того - вином стал баловаться. Не раз приходилось Ольге Филипповне скручивать вдвое полотенце, да хорошенько поучать им внука, конечно, любя.

Как-то он выпил два стакана браги и сильно захмелел. Отворяет калитку ворот на наш двор и нос в нос сталкивается с Ольгой Филипповной. На ногах стоит неуверенно, и чтобы скрыть своё незавидное состояние - решает схитрить: взялся, значит, за обе ручки калитки и повис, как бы катаясь. Словом, бабушка поняла, что Юрка пьян, и спрашивает:

- Сколько ты выпил?

- Стакан, - отвечает он.

- Ну, если один стакан, то страшного ничего не произойдёт, вытошнит и всё. А если ты выпил два стакана, то это очень плохо кончится.

Видимо, струсив, папа твой сознался, что выпил два стакана.

Ещё был такой случай... У Ольги Филипповны хранилась шкатулка с золотыми вещами: там были карманные часы Павла Буре с крышкой и на цепочке, золотые кольца, серьги, крестик и ещё что-то: кажется, несколько монеток николаевской чеканки. И вот, однажды, Юрий взял эту шкатулку с золотыми вещами, завернул её в рукав зимнего пальто, которое ещё шилось бабушкой, всё это засунул в валенок и затолкал в голландскую печь.

Пришло время топить печку, а поленья почему-то в ней не умещаются. Вынули валенок, и проказы папы обнаружились, но он, ни в чём, не сознаваясь, заявляет: «Не троньте, это мои дела». Каков удалец! Бабушка тогда очень расстроилась, но наказания не последовало, хотя папу и стыдили. В доме не доставало мужской руки.

Баба Нина - мама моего папы, была замужем за Михаилом Фёдоровичем недолго, по профессии он был бухгалтер. К работе Михаил

Фёдорович, по рассказам отца, относился безупречно, но с бабушкой у них жизнь не задалась, и когда моему папе исполнилось восемь лет - дедушка завёл другую семью. А тут ещё в скором времени ушла из жизни Ольга Филипповна...

Человек, который способен отпереть своё сознание, может считать себя свободным, и это, конечно, часто случается даже в детстве. Если быть честным, пока - произвольно, что, впрочем, не теряет своей прелести и суровой правды жизни.

Порой такое откровение происходит совершенно ошеломляюще для тебя, потому что открывает твою связь с Богом, хотя о Его существовании ты ещё даже не подозреваешь. Вернее, не помышляешь, ибо душа твоя преисполнена захватывающими дух впечатлениями от окружающей тебя жизни, или совсем невесёлыми событиями, которые переживал когда-то мой папа.

Как всё это происходит? А подобно грому, разразившемуся посреди ясного неба, и предшествует этому событию, как правило, что-либо из ряда вон выходящее, как, скажем, уход отца из семьи, или смерть прабабушки.

Поначалу это событие поражает твоё воображение своей обыденностью и неспособностью принять его, как абсолютно естественную данность, после чего тебе уже невозможно представить, каким несмышлёным и маленьким ты был совсем недавно, играясь с машинками в родном дворике.

В одно мгновение вся жизнь, воспринимаемая тобой как нечто лёгкое и простое, исключительно приятное, вдруг отворяет в себе неразрешимую сложность. Но с этой неразрешимостью в неё входит и нечто дорогое, отчего ты всматриваешься во всё происходящее уже более тщательно, без обычной ребяческой восторженности, а с глубоким интересом. Ты начинаешь угадывать в нём и своё присутствие, непременно с затеплившимся огоньком сознания, без которого уже не помышляешь собственного существования, только в самом начале жизненного пути узнав о потере родного человека.

Ах, как бы хотелось, всё в жизни понимая и зная, оставаться невинным и чистым в принятии этого чудесного и многообразного мира. Тем более, что в детстве ни мой папа, ни я и не предполагали, что все люди умирают, и само понятие «смерть» для нас не существовало.

И дедушка, и все мои бабушки, я был уверен, будут жить вечно, как, впрочем, и я, и от осознания этого вся окружающая действительность представлялась ещё более чудесной, ничего устрашающего я в ней не видел. То есть, никакого повода для ухода из этого прекрасного существования я не находил, а потому ничего и не боялся, и был весел.

Оказавшись однажды с бабушкой Ниной на кладбище, на могилке моей прабабушки Ольги Филипповне, я и тогда, понимая, что прабабушку не вернуть, воспринял смерть, как переход в другое место, где прабабушке вовсе даже и не плохо. Просто так вышло, что она, на какое-то время,

очутилась там. Иначе, зачем бабушке нужно было приносить для неё шаньги и яички? И вот именно эта забота моей бабушки о своей матери, а не неизведанная смерть, необыкновенно тронула меня.

Бабушка не забавлялась горем, и не выглядела несчастной, как обычно ведут себя люди, когда приходят на кладбище помянуть своих близких. Когда мы с ней уселись на лавочку у могилки её мамы, бабушка тихо произнесла:

- Рождение и смерть всегда идут рука об руку, так зачем понапрасну мучить себя. Прабабушка твоя, Ольга Филипповна, была жизнелюбивой, хоть и выпало на её долю немало бед. Не боялась оказаться пред Богом.

Она вздохнула.

- Господи, господи... Поздоровайся с прабабушкой-то, никогда уж не увидишь её, голубчик, но она, в этот самый миг, смотрит на тебя.

- Где же она? – обернувшись, спрашиваю я тихонько.

- Ты её не видишь, а она всё примечает с неба. Как Пресвятая Матерь Божия, заступница.

Я робко взглядываю вверх, но ничего не вижу. Только пушистые белые облака неспешно проплывают над нами, и лёгкие тени от них так же неторопливо крадутся над землёй, будто нашёптывая что-то по просьбе прабабушки, но её самой я не замечая.

Бабушка только утвердительно качает мне головой.

- А ей плакать не хочется?

- Экой ты, Господи, - улыбается бабушка, ласково погладив меня по голове. – Ну, а если и так, то только от радости, что ты провести её пришёл.

Примостившись рядом с бабушкой на лавочке, я смотрю на заросшую шёлковой травкой могилку прабабушки, и представляю, как она радуется нам с бабушкой. Мы принесли ей гостинцы – шанежки с яичками, и бабушка разворачивает на коленях маленький узелок.

- Мы сейчас сами поедим немножко, - шёпотом говорит она мне, - и матушке оставим.

Бабушка так вкрадчиво это произнесла, что мне даже показалось, будто прабабушка нас сейчас действительно слышит, и это ещё более сблизило меня с ней. И вдруг меня поразила простая мысль, я смотрю с волнением на бабушку, и тихонько произношу:

- Когда ты, бабушка, умрёшь, тебя тоже в землю зароют?

- А как же! Зароют. Ничего тут, мой миленький, не поделаешь.

Она тесно прижала меня к себе, и поцеловала.

- Ты гляди, какой день-то сегодня выдался – на загляденье! – радостно восклицает бабушка. – Господь с нами!

И немного погодя:

- На смерть, что на солнце, во все глаза не взглянешь, от неё не посторонишься. Правда, и то оказывается верным, что человек рождается на смерть, а умирает на будущую жизнь. Больше всего людей страшит их кончина, тогда как самая сокровенная суть человека бессмертна. Вот и наша

Ольга Филипповна умерла своей жизнью – спокойно, без страданий, чтобы Господь ей новое рождение дал.

- И прабабушка к нам вернётся?

- Кончина - только конец плотской жизни, разлучение души с телом, но душа не умирает, она – жива. А те, кто живут на погосте, никого не зовут в гости. Оттого над покойниками и нечего попусту голосить. Прости меня, Господи, - бабушка перекрестилась, утерев уголком платочка слезинку.

- Где же, бабушка, живёт душа? Расскажи.

- Там, где пребывают души всех умерших, Боренька. Это – особенно праведное место, и находится оно в окружении ангелов. Но если не жил по-божески – на небо не влезешь.

- А прабабушка наша влезла?

- Кабы не её ангельская душа – не до царствия небесного!

- И мы с тобой там будем?

- Такое наше доброе житьё, милый, что умирать и не хочется! Прабабушка твоя до девяноста четырёх лет жила, и нам с тобой жить с радостью наказала.

Бабушка опять крепко прижала меня к себе.

- Не тужи, голубчик, если жива душа: она всего дороже! А жив ты – жива и я, надежда ты моя. Господь с нами, всем нам на доброе здоровье!

- Бабушка, а ты царствие небесное видела?

- Видать не случилось, но знаю, что оно есть.

- Как же ты знаешь, если видеть не приходилось?

- Не верить бабушке нельзя. Слава Пресвятой Богородице, что нас ежечасно наставляет. И царские ворота отворит, когда время приспее, и мир честной провозгласит на веки веков!

Бабушка серьёзно посмотрела на меня, а потом задумчиво прибавила:

- Богородица всегда умудрит божественную грамоту освоить, каждого осенит своей пресветлой радостью.

- И прабабушку нашу, Ольгу Филипповну?

- Матушку-то и подавно! Ведь она ради Христа жила, доброй души смиренная работница. Двенадцать детей родила, а нас только четверо у неё осталось. Богородица, конечно, видела её труды, и зато не забывала.

- Двенадцать?! – не веря бабушкиным словам, оторопело спрашиваю я.

- Как есть – дюжина! Не сразу сосчитаешь.

Бабушка засмеялась тихонечко своими светлыми глазами, и лёгкая грусть слетела с моей души.

- Помянем добрым словом, матушку мою и прабабушку твою, Ольгу Филипповну. Ей там, в царствии небесном, должно быть, неплохо. Она всегда своим сердечным словом Господа одаривала, и Пресвятая Мать Богородица её жалеет, и без внимания не оставит.

- Царствие небесное, - шепчу я. – Где оно, бабушка?

- Царствие небесное, Боренька, в нас. В душе каждого человека. Оно и во мне, и в тебе, и даже в дворнике Филимоне.

- И в прабабушке?

- И в ней. Везде, где только есть душа, что тянется к Господу, с любовью.

- И небо, значит, в нас?!

- И небо, и воля поступать так, как мы посчитаем на нашем жизненном пути. Когда человек полюбит в себе Бога, а вместе с Ним – красоту этого дивного мира, всю благословенную радость, исходящую с небес, то и обретёт в душе царствие благодати. Господь в его сердце воцарится, если он будет честным, трудолюбивым и любящим.

- Как ты у меня, милая бабушка!

- Трудно удержаться в такой любви, миленький мой дружок, но надо стараться. Царствие небесное проявится в тебе, только если ты порадеешь душой. Нужно самому создать в себе божественные небеса, ибо все мы под Богом милостивым ходим, и не должны умолять Его своим сиротством, а прельщать душевным богатством. Понимаешь ты – о чём я говорю?

- Понимаю, бабушка. Без Бога в душе света на земле не будет, и сады не расцветут.

- То-то. Да не царствует в нас грех, а только благочестие с милосердием. Как бы всем нам на том стоять, то и царствия небесного не надо: душа жива своей благодатью. Благодать же, дарованная Господом, есть высшее знамение!

Бабушка принялась тихонько читать молитву про себя, чуть шевеля губами, и я понимал, что милая моя бабушка желает сейчас всему живому свету благоденствия. И тоже с любовью взглядывал на подрастающую травку, юрких воробышек, весело перелетающих над могилками, бегущие по небу тучные облака, и, уверовав, что всё у нас будет хорошо, начал представлять себе царствие небесное...

Виделось мне светлое-пресветлое пространство, пронизанное чистыми лучами солнца. Как это бывает, когда за окном, на крышах, начинает ослепительно искриться снег, а в воздухе весело щебечут чудесные птицы, отчего отовсюду слышится пронзительный серебряный звон.

Музыка эта льётся нескончаемой тёплой волной, мягко поднимает тебя от земли, и ты сливаешься со всем этим радостным пространством, а оно чудесно разрастается, будто кто струны волшебные в твоей душе умело перебирает. Каждый звук в нём – особенный, чуткий и звонкий, нет ничего его краше. Все цвета и звуки просачиваются в грудь, вызывая только покойную радость и желание жить в любви со всем живым вокруг. Так мне казалось.

Царствие небесное, думал я, это – тихое, благословенное место, где душа обретает уверенность в своих силах, а сердца касается удивительная радость. Прабабушка не нуждается там ни в чём, это только моей бабушке захотелось угостить свою маму, и та от этого приношения, конечно, обрадуется! Не смущала и мысль о том, что прабабушка что-то очень надолго задержалась в неведомом для меня мире, бабушка же её угощает,

даже улыбается при этом, и значит – мама её не хворает, всё там прабабушку устраивает.

Ещё совсем маленький, я тогда, опять-таки, вдруг подумал: что же это, всё-таки, за мир такой, куда многие уходят, но подолгу не возвращаются? Может быть, и я когда-нибудь там окажусь, и потом всё равно воскресну, чтобы вновь радоваться, и быть переполненным этой самой чудесной жизнью. И захотелось ещё больше проникнуться тем счастьем, что изливал на меня каждый день вместе с солнцем, цветами и пчёлами, нескончаемой голубизной неба, тёплым летним дождём, и с моей любимой бабушкой.

И ещё я в свои шесть лет понял, что если смерть и существует, то она моей прабабушке – сестра родная. Смерть, по моему убеждению, никак не сочеталась с мучительной болью и страданием. Там, в этом неведомом для всех мире, думалось мне, прабабушка счастлива, как и здесь, ибо, по словам бабушки, она никого в этой жизни не гневилась, честно работала, и смерть ей дана как благо, она для неё ласкова и добра, а значит – богоугодна.

В детстве, как и в любви, не существует времени, и возникает безвременье: нет прошлого, не существует будущего, одно лишь настоящее. Потом, в более зрелом возрасте, мы стремимся в это безвременье, желаем ощутить его вновь. Почему? Потому что божественное проникает в нас лишь тогда, когда растворяется время: нет эгоизма, нет зависти, нет страха.

Одно наслаждение существованием и радость, а жива она лишь в безвременье. Взрослый человек всегда сталкивается с тем, от чего сильнее всего пытается себя уберечь, потому как думает лишь о том, чего не хочет, ребёнок же радуется тому, что у него есть, ничего больше не желая.

Детство - это полное блаженство, благодать Божья. Конечно, не переставая зависеть от своих родителей, бабушек и дедушек, мы, вроде бы, не свободны, но как упоительно это ощущение, когда ты сам выбираешь - что тебе сегодня делать, во что играть, куда двигаться в своих мечтах! Свобода переполняет твоё сердце, ничто тебя в жизни не ранит, и если даже кто-то или что-то потревожит его, то лишь на мгновение, а потом - опять солнце, радость, порхающие повсюду бабочки и источающие аромат цветы.

Аромат самого детства чудесен до головокружения, но главное - тебе не приходится кого-то в чём-либо обвинять, бороться с ним, ненавидеть. Всё происходящее в детстве до такой степени соразмерно с окружающей природой, что хочется только дарить себя миру, живя не двойной, а одной неповторимой жизнью, находясь в согласии со всеми людьми, животными, птицами и растениями. Как это прекрасно - быть ребёнком!

Да, детство чудесно, ну ведь так?! И каждый стремится вернуться туда, но и не расти нельзя, и потому нам всем приходится столкнуться с взрослой жизнью, где мы должны проявить свои наилучшие свойства, непременно развив их. Не совершив этого труда - нам суждено погрязнуть в эгоизме и

нескончаемой борьбе за «место под солнцем». Но стоят ли чего-либо подобные усилия? Конечно, нет.

Прекрасная тень детства ступает за каждым из нас по пятам неспроста, и нам необходимо осознать это. Нет ничего худого ни в детстве, ни в счастливых воспоминаниях о нём, поскольку всё это - часть Великого Целого, и этого не стоит забывать, тем более, что человек должен в жизни расти, неминуемо преодолевая при этом страдания, которые невозможны без обретения знания, и особенно - при достижении осознанности. Осознавшему себя человеку приходится труднее всего, и всё-таки не пройти этот путь нельзя, если желаешь однажды стать ближе к Богу, ощутив Его благодать.

Детство притягивает всех нас отчасти ещё и потому, что в нём мы избежали борьбы, за нас думала природа. Но быть частью природы не означает, что ты не можешь и не должен становиться творцом, а для этого нужно приложить огромные душевные усилия. Именно из-за них многие отказываются от подобных устремлений, но вспомните своё детство: оно не зря было вам дано.

Господь заложил в детстве для всех нас потребность к постижению и развитию, и если вы остановились только на прекрасных воспоминаниях о нём, то совершили по отношению к себе непростительное предательство. Возвращайтесь в Царствие Небесное, но уже не невежественным, пусть и чистым малышом, а повзрослевшим и мудрым сыном Своего Великого Отца!

Парение во сне и наяву

Человек, похоже, и не ведает, что уже давно умеет летать, к нему это знание приходит лишь изредка, чаще - во снах, и он никак не разберёт: с чего ему начать, чтобы отдаться радостному полёту, как к этому умению подступиться? Не возникает подобной озабоченности только в детстве, и именно - во сне, где у тебя получается всё легко, и нет никакой боязни перед жизнью.

Душа ребёнка распахнута настежь, и летит он свободно и радостно, как это можно себе представить. Ты разбегаешься, с полной уверенностью, что тотчас взлетишь, как только оттолкнёшься от земли, и так оно и происходит.

Теперь невесомый воздух оказывается тебе опорой, и это не представляется чем-то нереальным: наоборот, всё происходящее воспринимается абсолютно естественно, как будто иначе и быть не может. И ты летишь, зная, что в любой момент можешь приостановить полёт, но тебе этого не хочется: расправив руки, как крылья, ты наслаждаешься парением, можно даже не шевелить ими, и это парение - вся твоя суть.

В детстве, когда я жил у бабушки Нины, мне часто снились сны, причём, они повторялись. Дом бабушки был двухэтажный: низ каменный, верх - деревянный. Вход располагался под аккуратным навесом от дождя и снега, а наружная дверь изнутри запиралась на большой крюк и щеколду.

Наверх вела крутая скрипучая лестница, мимо загадочного чулана, где хранилась разная старинная утварь, давно ни к чему не пригодная. Бабушка почему-то не разрешала заходить туда, но однажды мне всё-таки пришлось в этом чулане побывать...

Я тогда в чём-то провинился перед бабушкой, и она не нашла ничего лучше, чем запереть меня в этом тёмном чулане. А может быть, у неё было просто плохое настроение, и она решила раз и навсегда проучить меня, хотя в маленьком возрасте я был достаточно послушным, и обычно играл сам с собой, никому не доставляя беспокойства. Так вот, бабушка посадила меня в тёмный чулан, и наказала не выходить, пока она этого не позволит.

Чулан в старых деревянных домах - это кладовая, вроде продуктовой клетки, место, где хранится всякая рухлядь, порой - просто никому не нужный закуток. Но у нас это было некое особенное жизненное пространство, что, казалось, неслучайно находится в доме.

И действительно, чего такого таинственного и чудесного в нём было заключено? Если только не забывать про безудержное детское воображение: без него никак не обойтись в мальчишеских фантазиях и придумках. Чулан есть, а объяснить его существование в старом доме не представляется возможным. Но ведь для чего-то это непонятное помещение было предназначено?!

В детстве, когда сидишь в таком чулане за какую-либо провинность, воображение живо рисует тебе бог весть какие причудливые картины, и, может быть, именно по этой причине наш чулан воспринимался мною как некое чудо. Без него невозможно было представить себе детства: чулан был создан, кажется, только во имя этой сказочной поры, чтобы ребёнку было, где предаваться мечтам или пугающему забвению от его загадочной тишины и тёмных углов.

Сначала было очень страшно... На запылённых полках громоздились старинные короба и ящики, по стенам угадывались еле различимые железяки, какие-то мрачные плащи и накидки, в самом углу таинственно замер пузатый сундук, перехваченный металлическими поржавевшими лентами.

Но чего стоила одна охотничья плеть прадедушки, устрашающе свисающая с огромного старинного гвоздя, прямо передо мной! Она была толстая и длинная, и, кажется, скрывала в себе нечто неотвратимо надвигающееся на меня, чего невозможно было избежать, будто выговаривая сверху: «Мал грех, да велика причина!»

Всё бы хорошо, да вот, случилась она в твоей жизни, и бабушка, конечно, её разглядела. За что ты и проводишь в темноте чулана дорогое твоему сердцу время, когда можно было бы играть на солнце, а ты вынужден сидеть здесь, переживая свой незатейливый проступок - какое-нибудь озорство. Всего-то и вина, что попался, но чего в детстве не попустишь, когда оно в радость проживается, и причудам в нём нет конца!

Так вот, страх мой даже не был связан с темнотой чулана, с неизведанной ещё для меня охотой или заливистым лаем гончих собак и воем затравленного зверя: жутко выглядела сама плеть, её удручающее молчаливое присутствие, устрашающе замершее надо мной. Не плеть, а кнут из перевитых кожаных ремней!

Неужели мой прадедущка - Иван Дмитриевич, со всех сил стегал им собак и своего коня? Даже если просто хлопать таким страшным охотничьим кнутом, выставляя зверя в поле, и то это представлялось жутким! Ото всех этих мыслей мне становилось не по себе: я крепился, крепился, да как порскну!

Бабушка услышала и, наконец, вызволила меня на свет божий, молча прижимая мою голову к себе. Но, видимо, что-то пугающее всё-таки запало тогда в мою душу, отчего ночами стали приходить неясные видения.

Какой-то неведомый человек, без лица и в тёмных просторных одеждах, надвигался на меня во сне душным, обволакивающим всё моё тело облаком, не давая дышать, и я просыпался. Но незнакомец никуда не исчезал, а вновь пробирался в мои сны, налегая всей своей тяжёлой темнотой: не попадайся ему в ночной час! Правда, только ночью душа в темнице, а днём мальчишеский дух опять на воле: не одолеть его околдовывающему сонному забытью.

Другой сон, связанный с крутой скрипучей лестницей, расположенной с нашим загадочным чуланом, был таков... Ночь, бабушка спит, и я вдруг слышу, как внизу кто-то хлопает дверью. Меня это очень беспокоит, и я спускаюсь по крутой деревянной лестнице, спешу закрыть дверь на крюк, но, как правило, не успеваю.

Злоумышленники тянут дверь на себя, я пытаюсь им противостоять, и когда борьба оказывается невозможной - в жутком испуге просыпаюсь. Потом ещё долго прихожу в себя, но бабушку не бужу, боясь её побеспокоить.

Сны в детстве, если и сбывались, то только хорошие. Они всегда были в руку, с уверенной надеждой на добрый исход. И хоть странным и необъяснимым порой случался иной сон, да милостив был Бог. «Снам верить, - говорила бабушка, - так и дела не делать». И это было применимо именно к детству, когда в сердце живёт одна радость.

Иногда во сне приходил врач, в белом халате, доставал из чемоданчика шприц и говорил мне: «Прощайся, Боря, с родственниками, сейчас сделаю тебе укол, и ты умрёшь». Всё во мне цепенело от ужаса: не пугал белый халат, ничего не выражающее лицо доктора и огромный шприц в его руках, - заволакивала лишь возможность умереть. Это никак не укладывалось в моём понимании: ведь жизнь только начиналась!

Во дворе у бабушки располагался длинный сарай, разделённый на несколько отделений: в одном держали поросёнка или козу, в двух других - дрова, и ещё был погреб с ямой. В эту яму весной сваливали весь снег со

двора, с крыши сарая, и поливали водой: такой холодильник действовал почти всё лето.

Бабушка обычно делала хлебный квас, разливала его в толстые литровые бутылки, и ставила на лёд. Квас от этого становился ядрёным, при открытии пробок стрелял как шампанское, и дымил газами, что меня всегда необыкновенно веселило. «Не всё с припасом, - говорила иной раз бабушка, - поживём и с квасом, а порой приходится и с водой!»

Во сне я шёл в погреб, сверху он был закрыт досками, которые оказывались сгнившими, или были уложены ненадёжно, и ломались, после чего я летел в бездну. Полёт в никуда околдовывал больше всего, он составлял суть сновидения, я это угадывал своим маленьким пониманием, а бездна, между тем, не кончалась, длилась, кажется, бесконечно, и даже не помню - чем завершалось это падение, в результате которого я проваливался во что-то неизведанное...

Иногда этот погреб оказывался затопленным, и во сне я вылавливал там диковинных рыб, которых и в руки-то брать было страшно. Рыбы возникали как будто ниоткуда, вглядывались в меня человеческими выпуклыми глазами то вопросительно, то осуждающе, а иногда насмешливо, чуть ли не хохотали.

Я оторопело брал их в руки, пытаюсь разобрать - что такое важное они мне сообщают, не в силах избавиться от этого навязчивого рыбьего присутствия. Будто бы даже это были вовсе и не рыбы, а какие-то таинственные существа, пришедшие из той самой бездны, куда мне приходилось не раз проваливаться.

Но чаще всего приходил сон именно про полёты над улицей, где мы с бабушкой проживали. Этот сон был всегда радостным.

Обычно я выходил из ворот дома, какое-то время стоял, будто задумавшись, а потом, почему-то, обращался лицом к церкви. Во снах этих всегда светило солнце, и я поначалу только шёл медленно по самой середине улицы, никуда не торопясь, сердце моё уже переполняло предощущение полёта, а затем во мне что-то будто переворачивалось, побуждая к бегу.

Бежать приходилось совсем немного, после чего я легко взлетал вверх, планируя на высоте в несколько метров. Лететь было тоже легко, и я просто сиял от счастья, а вскоре и вовсе обо всём забывал.

Возможность свободно парить представлялась обычным делом, хотя и очень восторженным, и незаметно я обнаруживал в себе какой-то скрытый механизм, что позволял чудесным образом взлетать в самую вышину или снижаться к земле.

Механизм был на удивление прост, и заключался в незаметном изменении желания либо продолжить полёт, либо приземлиться. Нужно было сосредоточиться на одной точке в организме, правда, потом, после пробуждения, никак не удавалось запомнить её, но в полёте эта точка оказывалась совершенно доступной, что-то вроде переключателя, приводимого в действие без всякого напряжения, мгновенно.

Пролетая над дорогой, окружённой домами и садами, душа пела, и в то же время всё происходящее воспринималось совершенно естественно, как нечто обычное: ведь способность летать - это наше общее достояние, присущее каждому человеку с самого рождения, как неотъемлемая данность, составляющая основу возможностей, которыми мы все обладаем. Поэтому и полёт, хотя бы на незначительное расстояние, несёт в себе только восторг, переживание полузабытой родной стихии, возвращающей тебя к собственной природе. Вот отчего все эти парения во сне и наяву воспринимаются с такой любовью и пониманием, они необыкновенно ценны своей сокровенностью, и, наверное, несравнимы с какой-либо иной земной радостью.

И хоть говорят, что без крыльев не летать, это - не про человека. Ведь плыть по воздуху, в безбрежном океане небес, значит, испытывать истинное наслаждение.

Летит время и птица, пуля и стрела, мяч и облако, - почему бы не лететь человеку? Хотя бы - во снах, в безвозвратно исчезнувшем где-то детстве, когда благодать Божья была для тебя особенно дорога и близка.

Без игры - не было бы жизни

Помню бабушку Нину, с круглыми очками на носу и книгой в руке: она сидит в своей излюбленной позе - закинув ногу на ногу и чуть откинувшись в кресле, спокойно глядя перед собой. В её взгляде - вдумчивость и простота женщины, мудро и с пользой прожившей свою жизнь.

На голове - как-то по-особенному повязанный белый платок, создающий впечатление причудливого колпака, отчего лицо бабушки приобретает некую значительность, хотя и очень благодушную, тёмные глаза излучают глубокое удовлетворение, несмотря на испытания, что выпали на её долю. Бабушка покойна и добра, хотя и не стремится казаться таковой: глядя на неё - и сам начинаешь думать о жизни с радостью, и на душе у тебя тоже покойно и хорошо.

Большую часть своего времени, когда не было никакой работы по дому или в огороде, бабушка проводила за чтением, даже испортила себе им зрение. Без очков она всегда щурилась, становясь от этого ещё добрее, и тогда лучики морщинок в уголках её глаз ласково разбегались по всему лицу.

Бабушка в такие мгновения молчаливо склонялась надо мной, передавая мне свою солнечность, и невозможно было сдержать в себе яркого радостного света, переполняющего всё моё существо. Той праздничной солнечности, что была в бабушке, я потом не встречал ни у одного человека.

Как теперь вижу я её хрупкую фигуру в ярком тёплом халате, напоминающем мне малиновое варенье. Из-под платка чуть выбиваются седые до белизны волосы, одна рука покоится на ручке кресла, в другой - книга.

Подле, на маленьком столике, будто позабытый всеми, притаился веер с длиннохвостыми райскими птицами, простенький носовой платок и крохотные наручные часики. А ещё - миниатюрные щипчики, подушечка с иголками и шкатулка. Вещей, вроде бы, много, но все они находятся на своём месте, не создавая какого-либо беспорядка, и по одному этому можно заключить, как добропорядочна и честна моя бабушка, и как мне приятно ощущать себя рядом с ней.

Бывало, я бегаю по комнате, или принимаюсь за какую-нибудь игру, мельком взглядывая на любимую бабушку, а она спокойно сидит в своём кресле, тихонечко улыбаясь про себя, и во всей её лёгкой фигуре ощущается некая естественная величавость, отчего и меня начинает переполнять доброта и радость. Мне не хочется отвлекать бабушку от её занятия, но иной раз я решаюсь подбежать к ней, на секунду прижавшись к коленям, и вновь обращаюсь к играм, ещё более насыщенный счастьем.

Бабушка тогда посмотрит на меня поверх очков с каким-то особенным выражением, и с лёгкой грустью улыбнётся. Это было чудесное взаимопонимание, ничто его не нарушало кроме мерного боя часов, и мне опять хотелось прильнуть к бабушке, радостно угадывая мягкие удары её натруженного сердца.

Иногда наши отношения становились такими трепетными и чуткими, что казалось само собой разумеющимся: бабушка вот-вот сгребёт меня в охапку и горячо расцелует. Но нет, она была сдержанна в проявлении своей ласки, хотя и чувствовалось, что она очень растрогана.

Ласково прижмёт мою голову к своей груди, прошепчет нежное - «медвежонок мой», и всё... Бабушка была необыкновенно добра в своей неброской, но невероятно трогательной любви.

Более всего мне почему-то памятен вечер, а не день или утро, когда мы с бабушкой, не зажигая света, сидим на её кровати и слушаем тишину. Вечер тоже тихий, тёмно-синий, тихонечко прокрадывается к нам в комнату, и мы его с радостью встречаем, будто играя с ним.

Бабушка на минуту отойдёт к печке, задвинет заслонку, и мы опять вместе. Сидим себе тихо, нежно обнявшись, и никого нам не надо.

Бабушка в такие моменты не смотрела, а будто светила своими необыкновенными, покойными глазами, и у меня на сердце тоже становилось покойно и хорошо. Мне казалось, что я понимаю всё, когда она рядом, так это было очевидно. Точно так же и бабушка чувствовала всё, о чём думал и переживал я.

Особенно это было ощутимо, когда мы лежали, обнявшись, на её большой кровати с деревянными набалдашниками, не чуя под собой ничего, словно летели на волшебном ковре-самолёте, уносящем нас в неведомые миры, где бы нам с ней хотелось побывать. А потом мы засыпали, уносясь в эти неизведанные дали, чувствуя себя счастливыми.

С бабушкой - не то, что дома: родители частенько ставили меня в угол, порой - совершенно напрасно, наверное, только для того, чтобы от меня

отвязаться. Но бабушка подобного никогда себе не позволяла, она искренне любила меня, всяческим образом оберегая, но не баловала.

Даже если я совершу какой-нибудь малый проступок, в ожидании наказания оглянусь на бабушку, она сделает вид, что ничего не заметила, попросит принести какой-нибудь предмет, и когда я подойду к ней - ласково обнимет. Что это была за чудесная бабушка, я даже не могу выразить словами!

На улице идёт дождь, или задувает ветер, а нам с бабушкой хорошо вдвоём, радостно. Возьмётся бабушка вязать мне варежки или носочки, а я сижу подле, и перебираю разноцветные пуговицы: вот, как незатейливо проводили мы время!

Надоест мне возиться с пуговицами, я брошу свою увлекательную затею, и сажусь на подоконник. Прямо передо мной открывается вид на дорогу, под окнами - потрескавшийся от времени тротуар, весь в выбоинах, всё мне там знакомо, а за дорогой - церковь, к ней тянется кленовая аллея...

Если идти по ней, то обязательно повстречается какой-нибудь нищий. Бабушка всегда давала ему копеечку, молилась тут же, а нищий тоже принимался кланяться ей, отчего и я - возьму, да и поклонюсь этому несчастному человеку, и потом озираюсь: чего он станет делать? Нищий человек никогда не взглядывал нам вслед, сидел, не двигаясь, низко опустив голову, а бабушка всю дорогу до церкви шла и крестилась.

Когда бы мы с бабушкой не подходили к церкви, завсегда возле неё можно было встретить одинокую фигурку попа в долгополой рясе. Как-то так выходило, что попик именно в этот час заходил в маленький флигелёк возле церкви, либо выходил из него, всякий раз пугая меня своим строгим выражением лица. Но бабушка приветливо здоровалась с ним, на что святой отец, также почтительно, раскланивался, лишь мельком взглядывая на меня.

Этого было вполне достаточно, чтобы я тотчас прятался за длинное бабушкино платье, а попа уже и след простыл. Немножко досадно было от своей трусости, но я ничего не мог с собой поделать: священник представлялся мне каким-то чёртом. Ну, что тут было со мной поделать!

В церкви всё обстояло ещё более строго. Суровые лики святых наводили на меня не то, что страх, а непреклонное поклонение им, отчего бабушка принималась неистово креститься, шепча про себя слова молитвы, я же не знал - что мне делать, и только исподтишка взглядывал на бабушку, ничуть её не узнавая. В ней словно что-то менялось, выказывая не присущие ей черты, и от этого мне становилось неловко.

Жёлтенькие свечки тревожно потрескивали в укромных лампадках, отчего лики на иконах, казалось, вздрагивают, неожиданно подмигивая мне, и я начинал часто моргать глазами, пока на них не выступали слёзы. И как это бабушка ходит сюда каждый день, и ничего не боится?!

Песнопения, когда мы с бабушкой оказывались в эти часы в церкви, невероятным образом усыпляли меня, навевая какие-то неясные видения из

того, что происходило со мной, вероятно, в другом месте, и в другое время. Может быть, в какой-то прошлой жизни?!

Виделся мне не православный, а индийский храм, чёткое осознание этого почему-то не вызывало никаких сомнений, и будто я - маленький мальчик, шести-семи лет, в чалме и белых тоненьких трусиках, иду сквозь джунгли, неизвестно - откуда. И вдруг передо мной открывается укромная поляна, даже, скорее, потаённое пространство, где так же потаённо, и в то же время просто, возникает этот самый храм. Он сложен из серо-голубых валунов, очень древних, мне так сразу показалось, и из всего этого видения наплывало на меня в церкви какое-то ясное откровение, что я и есть этот индийский мальчик, медленно выхожу к скрытому в джунглях храму, и становлюсь перед ним на колени.

А в самом храме, на небольшом возвышении, восседает прекрасная женщина-богиня, я это вмиг понял, и будто бы - она ожидает в этом храме именно меня: не произнося ни слова, глядится в мою душу ненавязчиво, но пристально. Чего она хотела обо мне узнать, и для чего я вынужден был прийти к ней, было непонятно, но чувствовалось, что богиня заинтересована в моей судьбе, никак это желание не выражая.

Было невероятно сокровенно находиться там, в глубине джунглей, и в храме, который, кажется, никому, кроме меня, не был известен. Я был просто очарован присутствием в своём видении этой красавицы-богини, и даже позабыл про то, что мы с бабушкой находимся в нашей церкви.

Пока бабушка молилась Богу, какая-то непреодолимая сила притягивала моё внимание и к безжизненным лицам святых на иконах, так что невозможно было отвести от них взгляд. А они тоже строго вглядывались в меня, и хотелось поскорее очутиться на улице, не вспоминая о преисполненных страданием священных ликах.

Вне стен церкви меня тотчас охватывало неопишемое счастье, и я прижимался к бабушке, стараясь позабыть и про попа, и про суровые лица святых. Думалось только о том, чтобы вернуться домой и окунуться в свои игры, содержащие в себе одни добрые переживания и радость, пить чай с вишнёвым вареньем и слушать бабушку про её детство, которое, конечно, иногда тоже было чудесным.

Так неожиданно возникают воспоминания из детства, когда пытаешься восстановить в памяти образы близких тебе людей, и если пристально вглядываться в безвозвратно ушедшие годы, то начинаешь воображать и милую бабушку Нину, и молодую маму, и любимые предметы, всё детство окружающие тебя.

Чаще всего мне вспоминается именно бабушка, её изящные, заботливые руки, ласкающие меня по голове, весёлые узоры морщинок, бегущие от уголков глаз к седым вискам, и добрые тёмные глаза, всегда с проникновенным участием смотрящие на меня. А ещё - её скромная заношенная кофточка с маленьким воротничком, но всегда аккуратная и

опрятная. Бабушка вдруг склонится, бывало, надо мной, заглянет в меня своими добрыми глазами, и поцелует в голову, отчего мне тоже захочется прижаться к ней и поцеловать.

И тут, другая бабушка, её сестра - баба Женя, когда мы уже оказываемся дома, потянется ко мне тёплыми полными руками, и тоже обнимет, пока бабушка Нина разливает по большим китайским чашкам чай из пузатого самовара. Чай при этом, бывало, перельётся через края чашки в блюдечко, но мы этого не замечаем.

На моей чашке китаец в соломенной шляпе тащит на спине вязанку хвороста, согнувшись под тяжёлой ношей, а на бабушкиной - из бамбуковых зарослей стремительно вылетает свечою вверх разноцветный фазан. Представляя себе - как бы это выглядело на самом деле, чай мне кажется, благодаря рисункам, ещё вкуснее, и я уже совершенно забываю про прогулку в церковь.

Бабушка Женя смотрит на меня, молча, через стол, зачерпывая маленькой серебряной ложечкой варенье, и чему-то улыбается. От обеих бабушек исходит доброта, и всё вокруг становится ещё прекрасней, ласковые улыбки не сходят с их лиц, и мне самому становится необыкновенно весело, хотя ничего особенного, вроде бы, и не происходит.

Обладая добрым нравом, бабушки, тем не менее, никогда не пели, и не музицировали, хотя их брат, и мой двоюродный дедушка Иван Иванович, играл на семи инструментах. Причём, научился этому искусству сам, без чьей-либо помощи. Частенько, тёплыми летними вечерами, он усаживался с аккордеоном перед распахнутым на улицу окном, привлекая внимание прохожих своей виртуозной игрой.

Но зато бабушки брали своей добротой, часто на их лицах можно было видеть улыбки, которые прибавляли им прелести, и ещё они были красивы какой-то дородной внутренней красотой, что отражалась в их глубоких глазах, густых бровях, в линии носа и тонких скулах. Большей частью они молчали, но это их молчание очень выгодно выражало их душевные качества, чего нельзя было сказать об их брате, который был большой балагур и любил выпить.

После чаепития бабушки непременно опять целовали меня в лоб и велили ступать на двор, а сами принимались переделывать что-нибудь по хозяйству, и я в добром расположении духа отправлялся на улицу. Там я частенько встречал Толю, сына Ивана Ивановича, мальчика, старше меня года на четыре, и мы всегда придумывали с ним игру, в которой он обычно верховодил, никоим образом не обижая меня, и даже - заботясь. Толя являлся обладателем велосипеда, подаренного ему недавно папой, и нередко он предлагал покатать меня, чего я с нетерпением всегда ожидал.

Усаживаясь боком на жёсткую раму, я, что было сил, вцеплялся в руль, и мы отправлялись в поездку по всему нашему околотку. На ухабах велосипед нещадно подбрасывало, так что мне становилось больно, и я чуть было не соскальзывал под колёса, но, всё же, терпел, не показывая виду, а

если и вскрикивал от неприятных ощущений, то очень совестился проявляемой слабости.

Но Толя, будто бы, ничего не замечал, и так мы катались долго, пока я вконец не отбивал себе зад. Толя был очень добрый мальчик, поступая всегда благоразумно, чего нельзя было сказать о соседских мальчишках, которые не умели никогда интересно играть, были крайне неприятны и постоянно, по любому поводу, задирались. Но я находился под защитой своего старшего товарища.

Мне казалось, что эти мальчишки были только способны бить баклуши, то есть - бездельничать, да и в школе они, по всей видимости, не успевали ни по одному предмету. Все их увлечения сводились к игре в «чику», это была игра на деньги, когда на земле, на ровном месте, прочерчивалась линия, и на этой линии, в центре, стопкой, устанавливались медные и серебряные монеты.

В нескольких шагах проводилась другая черта, отсюда игроки по очереди бросали свои биты, в качестве которых использовались тяжёлые медные монеты царской чеканки: у старых людей, в каждой семье, такие монеты водились ещё в достатке. Если при этом бита попадала в столбик монет, весь кон выигрывал тот, кто её метает, а суть игры заключалась в следующем.

Все монеты выстраивались таким образом, чтобы решка, то есть - лицевая сторона монеты, у каждой из них находилась снизу, и ударом биты следовало перевернуть денежку решкой вверх. Первый удар полагался тому, чья бита при бросках оказывалась самой близкой к кону, но за чертой. Игрок, чья бита до черты кона не долетала, из игры выбывал.

Ударять по стопке монет битой нужно было плашмя, таким ударом нередко удавалось сразу перевернуть несколько монет, а следующие удары производились ребром биты. Играющий мог раз за разом пробивать до тех пор, пока монеты удачно переворачивались кверху решкой. В противном случае очередь бить переходила к следующему.

В такую игру, не скрою, приходилось играть и нам с Толей, но поскольку в «чику» нередко вступали и взрослые, значительно старше нас по возрасту ребята, то бабушки запрещали участвовать в этих игрищах, и нам ничего не оставалось, как только наблюдать за игрой.

Напротив бабушкиного дома, в небольшом флигеле, жила семья Хайдуковых: муж, жена, и их сын Игорь и дочь Алёнка. Семья была очень дружной, и я скоро сошёлся с этими детьми. Помнится, они всей семьёй ходили стирать бельё на Каму.

Под хлебозаводом всегда стояли плоты, с которых отец Игоря ловил в проводку лещей, а мама полоскала бельё. Мы с Игорем и Алёнкой всегда сопровождали их, несли рыболовные снасти, а отец Игоря на коромысле переносил корзины с бельём.

В свободное время мы любили играть в «прятки». Для этого лучше подходил соседний, примыкающий к Речному училищу двор, где к нам

присоединялись и другие дети. Двор этот был просторнее, в нём находилось больше дровяников и прочих закутков, в которых можно было спрятаться. Игра эта ещё называлась «палочки-выручалочки».

Посреди двора укладывали доску длиной полтора-два метра, под неё помещали полено. На одном конце доски располагалось несколько палочек, в зависимости от числа играющих, а кому первому «водить» - определяли всем знакомой считалкой: «вышел немец из тумана, вынул ножик из кармана», или так - «акатэ-бекатэ-чукотэ-гек, анфуль-панфуль-бока-пек, икс-пикс-пуля-фрюкс, наур-маур-финкель-люкс». Тот, кто считает, мог варьировать, хитрить, и это иногда приводило к нешуточным спорам.

И так, «ведущего» определили, все попрятались, и задача «считающего» заключалась в том, чтобы обнаружить спрятавшегося, назвать его по имени и быстрее него добежать до доски, что есть силы, топнув по ней. За спиной у «ведущего» любой из тех, кто спрятался, мог подскочить к доске и топнуть. И снова «ведущему» приходилось собирать палочки, и это могло продолжаться без конца. Порой тебя так могли замучить, что выручал только зов бабушки, призывающий к обеду.

Когда мы с Игорем были ещё совсем маленькие, и нам не разрешалось ходить одним на Каму, мы устраивали для себя такую игру: выкладывали в густой траве, представляя, что это - вода, доски в форме лодки, и управляли ей, преодолевая «штормовые волны», ощущая себя при этом отчаянными мореходами. Причём, верили в происходящее с нами до такой степени, что совершенно искренне переживали все «приключения», будто всё это происходило с нами на самом деле, и ещё долго потом делились впечатлениями, не сомневаясь: когда-нибудь так и будет, морская стихия непременно примет нас в свои объятия, и мы выдержим все испытания достойно.

Играли мы и в охотников, готовясь к «выезду в лес» в точности, как это делают взрослые. С величайшей тщательностью снаряжали «патроны», используя для этого стрелянные отцовские гильзы. Собирали «охотничьи» сумки, укладывая в них «консервы», «хлеб» и «спички» - ими служили обычные деревянные кубики. Ну и, конечно, чистили деревянные ружья, взглядывая через предполагаемые стволы на свет, во всём подражая моему отцу.

Не забывали захватить с собой и «плащ-накидки» - старые бабушкины платки. На ноги натягивали сапожки, воображая, будто это - настоящие охотничьи ботфорты.

Ещё непременно полагалось, чтобы на боку висел «ягдташ» под «дичь», для чего вход шли авоськи с кухни. И вот, в полной экипировке, «охотники» выступали поутру в бабушкин сад, называемый, конечно, «лесом».

Вся эта игра представлялась необычайно увлекательным приключением, захватывающей наши души с полной самоотдачей, и если бабушка вдруг утром нас не будила, мы на протяжении всего дня не

переставали твердить ей об этом, затаивая в сердце нешуточную обиду. Бабушка божилась, что на следующее утро обязательно нас разбудит, иначе мы не принесём с охоты тетеревов и зайцев, и семья останется без обеда. Разумеется, после подобных заявлений в доме никому не хотелось лишать себя желанной добычи!

Сад, воображаемый «лесом», принимал нас в объятия со всеми своими тайнами. Мы бегали в нём по узеньким дорожкам, прятались в кустах, скрадывая неуловимых «животных», с замиранием сердца ожидая, что среди деревьев покажется «зверь», скорее всего, это будет «красавец-олень», и ты метким выстрелом подобьёшь его, уже предвкушая восхищение твоей добычей всех домашних.

А то вдруг захочется подкрасться к забору, заглянув между досок в чужой огород, где, к своему удивлению, обнаружишь прелестную девочку, дочь соседей, с затаенным духом наблюдая, как она в цветнике играет с куклами. Девочка тогда представится юной красавицей-принцессой, и ты, позабыв об охоте, примешься воображать себя её спасителем, будто бы ей угрожает смертельная опасность, и ты, конечно, проявишь чудеса храбрости, избавляя её от невесть откуда объявившихся врагов.

А день выдастся жаркий, с причудливыми тучками на небе, и, подняв к нему взор, непременно начнёшь думать уже об этом бескрайнем чудесном пространстве, ощущая на лице лёгкий ветерок счастья. Что за радость была обнаружить в соседском саду эту прекрасную девочку!

Невесомые тучки в лазоревом небе тоже доставляли необыкновенное волнение, и ты вдруг вновь ощущал в себе азарт охоты, и, сжимая в руках деревянное ружьецо, осторожно раздвигал высокие травы: что-то ждёт тебя там, какие удивительные загадки? В глубине сердца ты всегда оставался за себя спокойным: разве можно было сомневаться в собственной храбрости и твёрдости характера? Нет, несомненно, удача окажется на твоей стороне, чего бы это ни стоило, и отец обязательно возьмёт меня с собой на охоту.

Однажды отец всё-таки взял меня на рыбалку: обе бабушки заболели, а мама куда-то уехала, и я впервые оказался в настоящем лесу, на речке. Возле реки раскинулось необозримое ржаное поле - жёлтое, густое от созревающих колосьев. Оно сразу представилось каким-то таинственным морем, за которым виделось только такое же необозримое синее небо, яркое солнце и неизведанные страны, до которых, кажется, невозможно было добраться.

Рыба не ловилась, и я отпрашиваясь у отца прогуляться неподалёку от этого поля, оно почему-то неизъяснимо манило меня к себе. Когда я подошёл к нему почти вплотную, захотелось вдруг ринуться с головой в гущу спелых колосьев, воображая, будто это, действительно, море, и я утопаю в его бескрайних жёлтых водах, но не тону, волны выносят меня к солнечному свету, отчего и вся жизнь сразу начинала восприниматься радостной и светлой.

Не помню - поймали ли мы рыбу, но на всю жизнь отложилось в памяти это жёлтое море ржи, и новая игра, неожиданно пришедшая на ум.

Спелые колкие колосья, что забирались за ворох рубахи, почему-то вызывали восторг, обещая полную замечательных событий судьбу.

Запомнились ещё разбросанные по окраинам поля васильки, сухая, раскалённая от жара дорога, так что, глядя на неё, хотелось пить, и то, как задорно скакала по этой дороге, загнув голову, гнедая красивая лошадка, а за ней - словно облитый топлёным молоком жеребёнок...

Хорошо было жить, переполненным неясными ожиданиями и тем, что тебя окружало: жужжанием золотисто-фиолетовых стрекоз, неожиданно останавливающихся в воздухе, утробным посвистом куропаток в поле, запахом скошенной травы и цветов, палящим надо всем этим летним раздольем солнцем, что благоухало ароматом надрезанной сахарной дыни... Всё торжество восхитительной жизни жило вокруг и во мне, и я слышал, видел и чувствовал, как это возможно только в детстве, и ничего иного не желал.

Что я ещё помню относительно охоты, а именно - желания идти на какого-либо зверя или птицу, выслеживая их, и затем - добывая, то не могу не упомянуть о том - почему мне ещё нравилось в детстве представлять себя охотником, мечтая стать им, когда вырасту. Меня не привлекала смерть, я даже не задумывался о ней, но вот подготовка к охоте, и всё, что было связано с нахождением в лесу, вернее - общение с природой, невероятным образом занимало.

Только позже, уже в зрелом возрасте, понял я всю губительность причиняемой зверю боли, когда, не осознавая до конца совершаемого, ты обрываешь жизнь живого существа по какому-то собственному, навешанному романтикой путешествий умозаключению. Но в детстве я был просто очарован охотничьей страстью, которая затмевала собой любые другие увлечения.

По всей видимости, моё детское воображение было полностью захвачено именно выслеживанием зверя, изучением повадок, и, конечно, восхищением его грациозностью и красотой. Но ещё более привлекала заключённая в животном тайна, которую непременно хотелось разгадать.

Обаяние любого зверя и птицы было так велико, что повергало в неописуемый восторг: ничто не могло сравниться с неподражаемой силой волка, его мощью и нестигаемостью, сказочной изворотливостью лисицы, только с виду неуклюжим и угрюмым, но умудрённым дремучим лесным опытом медведем, чудесными в своей неведомой потаённости боровыми птицами. А охотничья амуниция, безудержные до добычи гончие, дух вековой чащи, скрывающей уйму удивительных секретов? Масла в огонь подливали и книги об охоте из домашней библиотеки деда, что доставляли несравнимое ни с чем наслаждение.

Считалось необычайной радостью встречать с охоты отца, когда он прямо посреди кухни вываливал на пол из ягдташа упитанных вальдшнепов с завернутыми под крыло длинноносыми головками и нежными на ощупь бурыми перышками. Да и не упомянуть всего того, что приносило истинное

восхищение и охотой, и лесом, и возможностью жить полной приключений жизнью!

Помню, как появлялся в комнате совершенно особый, просто завораживающий запах холодного хлеба - он возникал из охотничьей котомки отца, возвратившегося из леса. «А я тебе гостинец привёз, - таинственно произносил он, склоняясь надо мной, и заботливо протягивал кусочек ссохшегося, с прилипшими к нему иголочками хвои чёрного хлеба. - Это тебе от зайчика!»

Я не в силах был поверить своему счастью, осторожно принимая этот лесной дар. Необыкновенно вкусным казался тот хлеб, вкус его невозможно было сравнить даже с бабушкиными шаньгами и тортом.

В переполненной восторгом детской душе никак не укладывалось: какой-то неведомый и очень добрый заяц, из самой настоящей лесной чащи, передаёт мне привет. Быть может, ему самому не достаёт этого кусочка, наверное, у него есть и маленькие зайчата, а он всё-таки делится со мной. Но более всего поражало то, что этот заяц знает про моё существование, и думает обо мне!

Играя в охотника с деревянным ружьём, я, конечно, понимал, что как бы красочно ты не воображал охоту, отправляясь в бабушкин сад, далеко в этой игре не уедешь, да и подбить из палки, пусть и завидно выточенной, птицу или зверька никак не удастся. Но мне очень не хотелось поступать благоразумно!

И потом: ведь это была игра, и если только рассуждать трезво, то тогда вообще никакого интереса не будет. Выходило - нужно не бояться фантазировать, коли не желаешь только дома сидеть, умирая со скуки, строить шалаши, представляя, что это - индейские вигвамы, скакать на стульях, будто они - строптивые дикие мустанги, не желающие поддаваться дрессировке, и ты берёшься подчинить их своей воле.

Какие только приключения не приходят в голову ребёнку, если он живой и весёлый, а потому - чем же ещё заняться, как не игрой, которая ему за обычай? Не зря, даже взрослыми, было однажды сказано: то не игра, что взаправду пошла!

К слову заметить, без игры - не было бы жизни! Именно игровое отношение к ней - залог твоего собственного душевного здоровья, поскольку если ты игрив с окружающей действительностью, она обязательно отвечает тебе добром.

Ведь это добро непременно складывается из попустительства Бога быть всем нам не серьёзными, а неунывающими, когда в любой жизненной ситуации, что складывается, казалось бы, не в твою пользу, ты имеешь возможность улыбнуться, не принимая всё слишком близко к сердцу. И вот, что удивительно: сердце, только после подобного желания улыбнуться и пошутить, всегда неожиданно возрадуется.

Силы, сотворившие жизнь, несомненно, предполагали её радостное проживание, иначе бы в мире не было столько волшебных цветов, наш слух

не ублажало бы чудесное пение многочисленных птиц, не журчали бы по земле хрустальные ручьи и не лились водопады, не бушевала величественная музыка океана. Божественное Существование играет, устраивая эту игру и для нас, оно подобно неугомонному ребёнку, что очаровывает своим восторженным восприятием жизни всех, кто его окружает. Переполненное радостью, не устающее и не теряющее интереса к творчеству, это Божественное Существование никогда в нём и не повторяется, воспринимая каждого человека как ещё одну попытку создания чего-то неповторимого, надеясь, что это новое не будет мучиться, а решит однажды стать счастливым.

Игра необычайно нужна людям, без неё они скоро угаснут душой, и свидетельством этому, быть может, одно из самых важных божественных качеств Божественного Существования - отсутствие уныния, когда мы принимаем мир таким, какой он есть. Игра – неотъемлемая способность нашей души, предполагающей прощать любого человека, и как бы это ни было тяжело или легко, лучше будет, если мы не потеряем при этом определённой доли игривости, то есть - чистоты восприятия жизни.

И так, пребывайте в игре. В этом нет ничего особенного, каждый может делать это, но если вы этого не делаете, то напрягаетесь, а напряжение лишает вас здоровья, укорачивая жизнь. Игра не гонится за счастьем, и не выступает против печали и боли, она - естественна, и следует лишь принять подобное отношение к жизни, после чего вы становитесь пробуждены.

Теперь ваш ум освобождён от ненужных мыслей, и вы понимаете: ничто не пусто, всё имеет своё сознание, и в этом понимании вам помогла игра, вернувшая вас к самому себе. Игра - это цветение, и где, как ни в детстве, она распускается во всей своей красе, превращаясь в чудесный цветок.

Благодать божья

Взрослые никак не могут понять, что связывать свои действия только с результатом - бесполезно, если вы будете следовать этому убеждению, то он никогда не случится. Им кажется такое положение вещей очень странным, потому что они просто забыли в себе ребёнка. Ведь всё самое замечательное в жизни - неуловимо, если попытаться схватить его, у тебя ничего не выйдет, а вот когда ты предоставишь всего себя процессу, уподобляясь ребёнку, пребывающему в игре, то непременно почувствуешь себя счастливым, наслаждаясь непередаваемым ощущением блаженства.

В вас рождается очень тонкое, даже изысканное переживание радости, и те, кто будут смотреть на вас или слушать, тоже возжелают подобного состояния. Ведь счастье является следствием тотальной отдачи тому, чему вы предаётесь, и если вы не станете желать одного счастья и наслаждения, а просто будете поглощены игрой, как ребёнок, то в результате и приходит ощущение удивительного блаженства.

Отправной точкой глубокого удовлетворения жизнью окажется именно игра, не думанье о том прекрасном, что может принести она, а лишь радостное пребывание в ней. Раскрепостите свой дух, пусть ваше восприятие станет само по себе восторженным, только оно будет способно перечеркнуть все обременительные догмы, и потому - сконцентрируйтесь на игре, на каком-то увлекательном делании, и делание это придумывайте в течение всей вашей жизни: живите интересно! Чем в большей степени вы насытите свою жизнь захватывающим увлечением, тем большее пространство для счастья вы в себе откроете. Играйте!

Почему ребёнку так нравится играть, всё его существо захвачено этим стремлением? Ведь не только из-за того, что он чист в неведении относительно жизненного устройства?! Но принимается ребёнок за то единственное, что ему прямо сейчас приходит на ум: за игру.

Взрослые играют в карты, а воображение ребёнка готово охватить весь мир. Любой, самый незамысловатый предмет способен вызвать в нём неопишемую радость, на которую никто, кроме ребёнка, и не пожелает обратить внимания. Это только старый человек хочет спать, а молодой - играть. Ребёнок не устаёт играть, ибо в этом - его суть, он всегда молод, не в силах долгое время находиться без движения, и потому всегда ищет, чем бы себя занять.

Да и весёлость, наверное, состояние духа, присущее, в первую очередь, ребёнку, хотя он ещё мал и ничего о жизни не ведаёт. Не будь он весел - разве быть ему ребёнком?!

У ребёнка, как не крути, от природы весёлый нрав и желание играть, а их, известное дело, не купишь. Всё это в ребёнке заложено именно от рождения, ему жить каждую минуту хочется, и ничего ребёнку не остаётся, как радоваться.

Радость ребёнка в том, что он постоянно пребывает в любви ко всему, что его окружает: рад он и за людей, что находятся рядом, и за любое время года, и за самого себя, что он просто есть, и вообще, похоже, радёшенек за всех. И ничего, что радость порой выражается у ребёнка бестолково, но откуда взяться большому толку в невеликом человеке?

Была бы бабушка или мама, да любимая игрушка, а всё остальное само приложится. Оттого ребёнка легко обрадовать, впрочем, так же, как и напугать. Но к чему, спрашивается, угнетать чистую детскую душу, расположенную лишь к любви и доверию?!

Веселье, говорят, лучше богатства, и хоть за ним, бывает, и горесть ходит по пятам, и то правда, что терять ребёнку нечего. Всё, самое дорогое, находится при нём, а главное, позабыв обо всём, он имеет возможность отдаться игре, за которой видно - чего этот ребёнок стоит. Ведь какова игра, таков и выигрыш!

Люди не зря привыкли узнавать друг друга в игре, да в дороге, и как не разглядеть в охваченном какой-то занятной игрой ребёнке маленького творца, когда он выявляет и сообразительность, и удаль. Хоть зима на дворе,

и повсюду лежат жгучие сугробы, но разве это остановит нашего, ничего не боящегося, героя? Только глаза весело сверкают, зарделся на щеках здоровый румянец и улыбка не сходит с губ - малыш безоглядно отдаётся своей игре с зимой и снегом. Разве им не восхититься?!

Хочется ребёнку потешить себя даже в суровую долгую зиму, но когда ребёнок резвится, он ещё кого-нибудь кроме себя потешает. Может быть, этот совершенно посторонний человек позабыл за своими нескончаемыми заботами обыкновенную радость, но резвящийся в снегу малыш ему про неё напомнил. То-то человеку отрада!

А открыл её для него маленький, ни в чём не унывающий человечек! И вспомнит он, наблюдая за детской утехой, и свои внутренние праздники, воспрянет духом, и улыбнётся, задумавшись: чего же ему на самом деле не доставало? Может быть, вот этой непосредственной возможности находить, видеть и радоваться?!

Вдруг вспомнятся ему из своего детства сражения между мальчишками, двор на двор, к которым мы все тогда серьёзно готовились. Вытачивали деревянные мечи, чтобы они, по возможности, ничем не отличались от боевых орудий русских богатырей, с заострёнными краями на обе стороны, с особенной тщательностью выделялись рукоятки, как правило, с витиеватой резьбой, чтобы меч удобнее было держать во время сражения в руке.

А ещё непременно доспехом считался щит, служивший защитой от «вражеских» ударов. Нет у тебя щита - считай, ты погиб. Особым шиком было украсить щит металлическими бляхами, или, на худой конец, раскрасить его какими-нибудь гербами, у каждого двора был свой, обычно, в форме старинного креста, короны или грозного льва, стоящего на задних лапах. Разумеется, для устрашения противника.

Перед началом боя сражающиеся стороны выстраивались в ряд, напротив друг друга, демонстрируя свои боевые доспехи, а главари выходили на центр, самым серьёзным образом обговаривая условия битвы, после чего ряды сближались, и тут уж - кто на что мастер. Напускная степенность, что поначалу всё-таки присутствовала в нас, в мгновение куда-то улетучивалась, и её сменяли удары мечей по щитам, разного рода дикие возгласы и хохот, что невероятно смущало жителей близлежащих домов.

С испуганными лицами они выглядывали из окон, и много было просто любопытствующих, которых всё происходящее необыкновенно забавляло. Мы же отдавались бою бесповоротно, набивая себе неминуемые синяки и шишки, без коих никак невозможно было обойтись: иначе, что это за сражение? Всё должно было происходить по правде, отчего наша битва ещё более разгоралась.

Позорным оказывалось быть сбитым с ног, и лежать, закопавшись разбитым носом в песок. Подобное означало, что ты повержен, а этого нельзя было допустить, и разве не воспитывался в нас тогда боевой дух, отчаянный настрой на всю жизнь, не укреплялась вера в себя?!

Если ты оставался на ногах, но меч твой был сломан и щит разбит, в ход шли кулаки. Доходило до того, что швырялись друг в друга обломками доспехов, что совсем недавно вызывали гордость, кто-то выл и оглушительно хохотал, повсюду раздавались взвизгивания от полученных ран: бой вступал в свою завершающуюся фазу, когда никто не хотел сдаваться, а силы, всё же, иссякали...

Никто из сражающихся мальчишек не помнил - сколь долго продолжалась битва. Время тогда, кажется, останавливалось, и, вспоминая сейчас те далёкие детские баталии, я трезво отдаю себе отчёт: до какой степени мы были искренни в выражении своих устремлений, желая оставаться сильными и смелыми. Во дворах презиралась трусость, и каждый мальчишка, благодаря таким испытаниям, всё равно стремился преодолеть свой страх и победить в себе нерешительность, становясь в ряды смельчаков.

Когда всё прекращалось, и ты преодолевал в себе боязнь, синяки и ссадины только укрепляли веру в то, что всё в жизни преодолимо, и не так уж страшно, если у тебя под глазом красуется синяк. Ты, хоть и маленький, но - воин: что-то важное утвердилось в тебе уже никогда не исчезающей уверенностью, что и следующее испытание, каким бы оно не было тяжёлым, ты обязательно осилишь, найдёшь в себе силы для этого.

К тому же, между «враждующими» сторонами никогда не возникало озлобленности, все эмоции и напряжение выходили в бою, и вскоре мы уже обнимались, со смехом вспоминая, как кто-то здорово поддал другому, а тот - сделал то-то и это, отчего всем становилось весело, и мы расходились в полном удовлетворении от совершённого геройства. Преодолевать в себе страх оказывалось делом совершенно незатейливым и лёгким, нужно только войти в этот страх, принять его, и на поверку выходило, что напрягает более всего неизвестность, её ожидание, а когда всё случается - это даже интересно, порой - необыкновенно захватывающе, и тебе уже хотелось переживать новое приключение, пусть и самое незамысловатое.

В обычных детских переделках мы незаметно становились мужчинами, и может быть именно благодаря этому многие из нас, потом, геройски проявляли себя на настоящей войне или в тяжёлой работе на севере и в море. Нас всех воспитало наше детство, благодать Божья, и мы необыкновенно признательны ему и за синяки с ссадинами, и за слёзы радости от маленькой победы над собой, и за преодоление в себе боли, и за непоколебимое мальчишеское братство, которое могут подарить только детские годы, если они прожиты честно, с непререкаемым присутствием всех возможных мечтаний, с верой в то, что они обязательно осуществятся.

Да, в детстве нам жилось неплохо, не то, что моему отцу или бабушке... Мы, маленькими ребятишками, по 12-16 часов за станком не стояли, и войны не ведали. Наши молодые матери не обстирывали чужих людей, целыми днями не мыли полы за банку тушёнки. Мы были счастливы от всего, что с нами происходило, несмотря на крохотные беды, которые тоже представлялись нам чудесными.

Мне очень нравилась моя уличная жизнь с моими товарищами, она порождала в душе желание быть верным им, ощущая их доброжелательность, и вместе мы чувствовали себя силой. Конечно, нам сложно было всё это объяснить и выразить, но незабываемые ощущения переполняли наши сердца, и нам хотелось быть бесстрашными, жить интересно и совершать друг для друга только хорошие поступки. Эта преданность к своим приятелям была сродни любви к бабушке, и это было лучшее, что несло с собой детство.

Дети наслаждаются любой увлекательной игрой, если она даже сопряжена с риском: они вовлекаются в процесс, в котором не присутствует ум, а только само переживание происходящего. Это могут быть прыжки с высоты...

Вспомните, как вы в детстве бесстрашно летали с крыш домов или гаражей в снежные сугробы, и удовлетворение от падения перебарывало страх. Душа в такие моменты замирала от счастья, отчего полёт этот хотелось повторять нескончаемое количество раз, прекращая его, лишь изрядно обессилев от своих головокружительных прыжков. В этих полётах ребёнок непроизвольно, даже не подозревая, становится ближе к самому себе, к своему внутреннему центру, и от того переживает неопишемую радость.

Не забыть пухлый чистый снег детства, мягко устилающий крыши дворовых сараев. Залезешь на такую крышу, утопая по колено в наметённой за ночь снеговой шапке, и ровно станет легче дышать: воздух тонкий, звонкий, и слова в нём разносятся так же звонко и весело.

Прежде, чем сигануть с высоты в сугроб, осторожно подберёшься поближе к краю, откуда свисают белыми застывшими языками снежные надувы, и если не рассчитаешь и оступишься, то тотчас ухнешь, вместе с грудой пушистого снега, вниз, в облаке искрящихся на солнце снежных хлопьев...

А нужно остановиться у самой кромки, подчистить валенком площадку для прыжка, и, собравшись с духом, лететь с замершим сердцем в необъятный сугроб, представляя его таким же необъятным морем, где не страшно и утонуть. И пока летишь в морозном воздухе чудесные и головокружительные мгновения, то и подумать ни о чём не успеешь.

Только бы бухнуться в снежное воздушное море, не боясь, что невидимые морозные иголки вопьются в лоб и щёки, на глазах тотчас выступят стеклянные слёзы, и всё твоё существо, ещё переживая отчаянный полёт, будто вращается в снег. Как это восхитительно - лететь с крыши в жгучий сугроб, ничего не страшась, и чувствовать себя самым счастливым человеком!

Детям очень нравится быть самими собой, они не желают делать то, что им не нравится, и они получают огромное удовлетворение от своего честного отношения к жизни, очень искреннего и неповторимого, иначе они просто перестанут быть детьми. А вот родители при этом не позволяют детям

наслаждаться игрой, стремясь постоянно контролировать их действия, совершенно позабыв себя в детстве, и это очень плохо.

Детей не следует останавливать, запрещать им играть даже в рискованные игры, и наоборот - побуждать их к раскрепощённому поведению, не забывая ненавязчиво поддерживать, помогая открывать мир. В захватывающей игре дети непроизвольно начинают осознавать связь тела со своей глубинной сутью, и это их необыкновенно воодушевляет.

С самого раннего детства тело ребёнка просит соединения с его душой, ребёнок чувствует это подспудно, и всеми силами желает такого слияния, особенно - в игре. Если бы ребёнок смог, он бы, наверное, затеял игру ещё в утробе матери, что иногда у него, видимо, получается, когда мать ощущает в животе его толчки ножкой. Ребёнок пробует, таким образом, жизнь на вкус, несмотря на то, что внимание его ещё рассеяно. И всё же, с младенчества, ребёнок уже стремится к своей природной сути, и игра ему в этом помогает.

Не сказать, что в детстве меня принимали за большого шалуна, но если что-нибудь не на шутку занимало мой интерес, то покой в доме надолго был нарушен. Особо не знал я удержу в танце, причём, не в присутствии близких людей, а когда в гости приходили знакомые.

Гости ещё не успевали толком переступить порог, радостно приветствуя в прихожей родителей, тогда как я уже прохаживался между ними вприсядку, привнося в обстановку весёлую суматоху, на что пришедшие к нам друзья и знакомые всегда реагировали с недоумённой улыбкой. Весело разоблачаясь и одобрительно поглядывая на мои плясовые выкрутасы, они с пониманием обменивались взглядами с папой и мамой, впрочем, не успевая разглядеть всех моих передвижений.

Что за чёрт вселялся в мою сущность в такие минуты - самому мне было неизвестно, но останавливаться я был не намерен, пуще того выплясывая в ногах пришедших, и, наверное, выглядел при этом вполне трогательно, поскольку даже родители не догадывались унять вспыхнувшее во мне буйство. Все в такие мгновения невольно притихали, и лишь с одобрительными улыбками любовались, чего я ещё выкину в следующий момент, будто позабыв - зачем они пожаловали в наш дом.

Я же, ещё более разошедшись, ровно наслаждался производимым впечатлением, без усталости приплясывая уже в гостиной. Гости послушно перемещались вслед за моими ловкими передвижениями, опять не переставая улыбаться, и кто-нибудь из них, обязательно с нескрываемым удивлением, недоумённо, но обрадовано восклицал: «Ай, да разудалая голова. Такой молодец, что глядеть любо!»

То была, должно быть, забавная комедия, и я на самом деле имел в детстве весёлый нрав, а друзьям родителей посчастливилось застать мою отчаянную отвагу: ведь удалой долго не думает, оттого к нему, как известно, Бог и пристаёт.

Что это была за блажь? Из каких тайников души она возникала? Я не знал. Но весёлого нрава даже в детстве не купишь, и после подобной

вспышки энергии, будто спохватившись, я убежал в комнату бабушки, прижимаясь к её коленям, и замирал так надолго.

А она тихонько перебирала мне волосы, наговаривая какие-то ласковые слова, отчего моё взбудораженное игрой сердце скоро успокаивалось. Я порывисто бросался целовать бабушку, крепко обвив руками её шею, и не в силах был выразить своей преданности, на которую способен, наверное, только ребёнок.

Очень важно в детстве глядеть на любой предмет или явление с любовью. Это чистое благословение, что она в детстве в сердце ребёнка уже есть!

Ключ ко всем будущим загадкам, о чём ребёнок, конечно, пока не догадывается: смотреть на всё в жизни именно с любовью. Любовь к жизни у ребёнка проявляется во всём...

Кажется, сколько в детстве того, что может привести тебя в восторг! А тем не менее, из всего виденного на земле в свои пять-шесть лет, я, кажется, не испытывал ещё такой радости, когда держал в руках круглую жестяную баночку из-под фруктового монпансье, которую бабушка преподнесла мне однажды на праздник.

Баночка понравилась даже больше, чем разноцветные леденцы, и я, помнится, пересыпал сладости в вазочку, а пахучую баночку прибрал подальше, складывая в неё потом пуговицы и камушки, нет-нет, да заглядывая тайком туда. Отчего так дорога была мне эта баночка, не ведаю и до сих пор, но всегда с удовольствием вспоминаю её округлость и запах, какую-то необъяснимую сокровенность, что она заключала в себе.

Это была великая радость! С блаженным чувством благодарности обычно прикасался я к заветной баночке, и ночью, лёжа в своей кровати, замирал от счастья, что возле неё, в застеклённом шкафу, спрятана эта чудесная баночка.

Радостно было всегда открывать её, будто я там что-то новое обнаружу, чего раньше не было, но вдруг появилось. Что-нибудь необычное, хотя, откуда бы ему взяться?!

Но всё равно хотелось верить, что в баночке меня поджидает сюрприз, и я даже не спешил снять с неё крышку, оттягивая удовольствие. Ясное дело – мальчишество, зато как приятно было переживать ожидание чуда. Ничего не поделаешь, так уж я устроен.

Баночка эта до сих пор стоит у меня перед глазами: на ней – огненная жар-птица, прилетевшая со звёздного неба к Ивану в сказке «Конёк-горбунок». Бабушка часто рассказывала мне эту сказку, знала её наизусть, и, глядя на баночку, я представлял, что жар-птица прилетит однажды и ко мне.

Хорошо было обладать такой замечательной баночкой: вот бы мне её сейчас! Можно даже без леденцов...

Радостное устремление к любви, к познанию этой чудесной жизни заложено в ребёнке с рождения, и это удивительно, а главное, ребёнок забывает себя в этом чувстве, он себя даже не помнит, когда делится им с

окружающим миром, и мир отдаёт ему всего себя. Но откуда появляется в сердце маленького человека это благословенное устремление?!

Конечно, из самого важного качества Вселенной - из её божественности. Недаром ребёнок не желает только что-то получить, что сравнимо со страстью, но она не присуща детству. Ему хочется именно познавать, отдавая себя, и это есть любовь.

Вот стоит зима, скоро проходит короткий зимний день, но для ребёнка он тянется, кажется, вечность, и при этом никогда не надоедает: в нём всегда присутствует необычайная радость. Да и как может наскучить крепкий, чуть ли не на ощупь трескучий мороз, от которого в груди всё замирает, ресницы от искристого инея быстро тяжелеют, а изо рта вырывается душистый парок.

Если по улице, навстречу тебе, вперевалочку двигаются такие же, как ты, прохожие, укутанные в шубы и шали, над ней образуется густое облако, и оно представляется живым. Свет от фонарей, попадая в него, тоже клубится живыми разноцветными огоньками, а надо всем этим переливающимся сказочным облаком, в морозной напружиненной вышине, весело переваливаются с боку на бок синие, зелёные и красные звёздочки, и ты ясно слышишь, как они озабоченно переговариваются между собой.

Одна из них обязательно обозначит себя игривее других, то и дело прячется, перебегает, а затем так неожиданно вспыхнет рассыпным, игривым пламенем, что и у тебя, невольно, сердце перевернётся от радости. Даже оказавшись дома, и уже улёгшись в постель, ты никак не можешь успокоиться, и всё выглядываешь в окошко искрящиеся звёздочки, что рассыпались по всему небу. Звёздочки тихо и пристально глядят с высоты, кажется, всё о тебе знают, и что-то как будто хотят рассказать, о чём-то предупредить...

Стараешься разглядеть хотя бы одну, пусть и не самую весёлую, но подмигивающую именно тебе. А когда увидишь её, свою звёздочку, снова тянет на задорно подбравшуюся в себе от мороза улицу, со скрипучим снегом и захватывающим дух серебристым сиянием, где в бесконечно бархатном небе ещё пуще загораются другие звёздочки, и каждая светит по-своему... Разве тут уснёшь?!

И вот – приходит долгожданная весна, и где, как ни в деревне, и только в детстве, когда повсюду над землёй струится её животворящее благо, мальчишка может, к своей неопишуемой радости, обнаружить однажды уютное птичье гнёздышко, и приметить, как оно чудесно пахнет? Вокруг хоть и проистекают ослепительные потоки восторженной синевы, плывут по небу чистые снежные облака и лопаются на тополях душистые клейкие почки, а воздух ещё пронизан настораживающим стылым дыханием, что поднимается от сырой земли.

Нет-нет, да задувает свежий промозглый ветерок, но в замеченном тобой за баней гнезде, в зарослях старого крыжовника, уже тепло, оно не вызывает ощущения безжизненности и пустоты: в нём махонькие птицы скоро примутся насиживать аккуратные зелёные или голубенькие яички.

Пока же они заняты строительством, разыскивая сухие травинки у земли, и их краткого присутствия у гнезда достаточно, чтобы сообщить ему свою трогательную заботу и теплоту.

Вчера я случайно натолкнулся на него, когда искал залетевший туда мячик. Гнёздышко сразу показалось мне живым, и я осторожно дотронулся до его аккуратно сплетённого шероховатого бока. Удивительное это дело – найти в детстве настоящее птичье гнездо!

А ещё больше хочется узнать: кто в нём поселится? Что это будет за пернатый гость, наперекор всем невздам перелетевший море или даже океан?!

Заглядываю в углубление гнезда – и нахожу его очень уютным. Ко дну его, между сухими травинками, прилепилось розоватое пёрышко.

Оно чуть вздрагивало на ветру, и от моего прикосновения к нему само гнездо будто бы вздрогнуло и как-то подобралось в себе. Судя по пёрышку, как сказала бабушка, гнездо когда-то принадлежало зяблику или горихвостке.

Я бы и сам такое уютное местечко никому не уступил. В нём только нужно сменить старую подстилку, пустив её по ветру, и выстелить свежими соломинками. Впереди у только что прилетевших птичек радостные труды и тревоги. Начало новой жизни!

И вот пахнёт на тебя теплом от такого маленького птичьего домика, и ты поразишься трогательной теплоте крохотной души птички, что, только приведя гнёздышко в порядок, всем сердцем встретит, наконец, свою весну, и ты тоже обрадуешься её медовому духу, жёлтеньким звёздочкам мать-и-мачехи и белоснежным стрелочкам подснежника. Сколько уже оказывается повсюду солнца, ярких запахов, красок и пения птиц, благословляющих всех нести в себе тепло навстречу распускающейся чудесной жизни, а где тепло, тут тебе и добро!

А случался ли в вашем детстве хотя бы один шалаш, в котором страстно хотелось пожить, непременно убежав перед этим из дому? Причём, конечно, покинув его навсегда, даже не вспоминая о нём, а наслаждаясь захватывающим дух одиночеством, посреди девственного леса, где всё таинственно и занято? Когда воображению вашему нет предела, и вам вдруг открывается такое сознание, что вы – настоящий путешественник.

Не просто какой-то человек, что совершает пустяковую прогулку, но именно чувствует жизнь во всех её проявлениях, и готов на самые невероятные подвиги. Порой, может быть, даже какие-то страшные события, что необыкновенно пленяют своей суровой неизбывностью, и всё же – вы принимаете их! Не случалось?

Переживали вы когда-нибудь такое завораживающее дух устремление, поглощающее все ваши мысли? Так, чтобы в глубине души сразу понималось: вы испытываете кровное родство с тем неизведанным, что вам предстоит разгадать, и это есть всё то, среди чего вы, должно быть, уже долгое время когда-то находились?

При этом вас переполняет страстное желание пережить подобное состояние вновь, убедившись в том, что оно никуда не уходило, а лишь притаилось в какой-то скрытой ото всех обители, и ждёт вашего равнодушного прикосновения. Нужно всего лишь решиться отправиться в путешествие!

А в шалаше сладко пахнет сухими травами и хвоей. Солнечные лучи, что слабо пробиваются сквозь поредевшие ветви, тоже, кажется, издают какой-то пряный аромат, так что его очень приятно вдыхать, уносясь в мечтах куда-то вперёд, где сияют жарким ароматом потаённые земляничные поляны, а за ними трепещут листвою могучие дубы и сосны.

И вдруг твоему внутреннему взору открывается одинокий лесной пруд, берега которого посещают только дикие звери и птицы, и ты представляешь, как, присев на корточки, жадно пьёшь горстями холодную лесную воду, с удовольствием отдуваясь и вытирая рукавом губы. В светлой бездонности этой воды отображается спокойное летнее небо, верхушки деревьев лениво склоняются над ней, словно вглядываясь в неведомую глубину, и за этими думами ты невольно закрываешь глаза и задрёмываешь.

Только в таком шалаше, сооружённом деревенскими мужиками в пору сенокоса, тебя убаюкивает лёгкий сон, уносящий куда-то, за желтеющий полевой простор, откуда веет удивительным теплом и светом, и счастье уходящих летних дней вдруг сладостно охватывает сердце. Верхушки солнечных деревьев запляшут в вышине, закружат над твоей головой, и ты неожиданно вознесёшься в небо маленьким пушистым облачком, что мягко поплывёт над землёй, покрытой радостными бликами, и вскоре исчезнет.

А с ним, наверное, унесутся куда-то и неясные думы о твоём неуловимом счастье, что так приятно было переживать в укромном лесном шалаше, на исходе лета, которое тоже вскоре не приметной тенью заструится в воздухе, в груди затаится еле уловимая печаль, и сердце затрепещет от необъяснимой радости. Где-то там, за далёкими лесами и полями, лежит твоё непонятное счастье, что, верится, тебе не миновать!

В детстве, даже осенью, никогда не подумаешь, что солнце может стать старым, и ему не будет дела до земли. Не повесишь нос, когда заметишь однажды поутру, что пожухла трава, тронутая инеем. А будешь со сладким томлением вспоминать, как слюдяные стрекозы, тревожа сердце, совсем недавно носились над деревенским прудом, разлёгшееся повсюду роскошное лето, кажется, не имело границ, и душа пела, бежала, летела от счастья в выцветшее от жары небо, готовая наслаждаться этой жизнью вечно.

И даже когда мороз скуёт землю, в домах начнут топить печи и кошку Мусю невозможно будет согнать с полатей, и тогда буйные мечты неудержимо перенесут тебя в раздольное пшеничное поле, со зрелыми золотыми колосьями, к воображаемой тобой чудесной жар-птице. Именно о ней почему-то были твои думы, и втайне хотелось застать её там, и подсмотреть – что она будет делать, когда прилетит звёздной ночью на землю?

Много ли таких дней запомнишь из детства, когда тебе семь лет, а ты сидишь на дребезжащем возу, с дедом, и подкошенная вместе с цветами высохшая трава свисает с телеги, пахнет мёдом, и лошадка всхрапывает невпопад, отчего под сердцем струится неисповедимое счастье?!

И вот тогда, на возу, почувствовал я всю красоту и прелесть этого вечернего звёздного неба, какое-то глубокое удовлетворение от того, что дедушка взял меня с собой за сеном... И я, как большой, помогал ему весь день, а теперь мы вдвоём едем под сияющими звёздами, и я с тайным восторгом чувствую, какая чудесная жизнь ожидает меня.

Что за дивный лунный вечер всплывает из моей памяти, неизъяснимо прекрасный и тёплый, и весь этот выгнувшийся над нами небосвод, кажется, обнимает нас с дедом, он ласков и заботлив, отчего начинает казаться, что неведомые звёздные миры приглашают нас в гости, и мы, вероятно, будем там когда-нибудь. Уж так, непременно, всё сложится, и хорошо бы было, думалось тогда, заснуть на ворохе душистого сена, прямо под этими звёздами, очень счастливо спать так всю ночь, чувствуя сквозь сон трепетный лунный свет и сладко переживая в сердце красоту деревенской летней ночи.

И ты радостно улыбнёшься тому, как хорошо было жить под усыпанным созвездиями широким июльским небосклоном, привольно простирающимся над твоей головой в сказочную бесконечность, и опять почувствуешь в сердце благодарность кому-то, кто всё это волшебство так чудесно устроил. Тогда, возвращаясь вечером с дедом после сенокоса, и сидя на поскрипывающем и покачивающемся возу, я представлял себя, своё маленькое существование, в звёздной колыбели детства, с восторгом вглядываясь в неведомые миры, куда уносили меня невидимые крылья, и не противился этому трепетному, еле ощутимому устремлению.

У ребёнка нет инструментов для счастья, он - сам счастье, и значит - готов дарить себя птицам, небу, цветам и солнцу, любому, оказавшемуся рядом с ним человеку просто потому, что любовь переполняет его сердце. Ребёнок даже не помышляет чем-либо обладать: видя что-либо прекрасное - он стремится порадоваться вместе с ним, пытаясь сделать ещё более прекрасным.

В любви ребёнка, в отличие от взрослого, всегда важен не он сам, а кто-то или что-то, для взрослого же важно желание, ради него он готов пожертвовать чем угодно. Но ребёнок отрекается от себя во имя другого. Пусть это неосознанное устремление, зато в ребёнке присутствует переживание самоотречения, причём, с улыбкой.

Ребёнок смотрит с любовью на всё, и это всё становится особенным, совершенно незаменимым. Кажется, ребёнок абсолютно беспомощен - маленький, ничего ещё не знающий о жизни, бескорыстно отдающий себя, но именно в этом его сила: он полон прекрасного божественного содержания!

Любовь уже живёт в ребёнке махоньким огоньком, и ему радостно это в себе переживать, хотя ещё и не осознавая пребывающего в душе неизведанного состояния. Всё в нём располагает его младенческую сущность к любви, к склонности отдавать, делиться самым дорогим, и это предпочтение к отдаче отличает его предрасположенность к неминуемому душевному росту, как к чему-то давно задуманному Всевышними Силами.

И мало - не мало, как говорится, коли столько и есть, но в ребёнке имеется именно столько, чтобы возникла потребность к подарку для кого-то, совершенно безоглядно, не преследуя какую-либо выгоду. И неважно при этом - что ты отдаёшь и кому, значительна только радость, переживаемая при отдаче.

Как говорится, мал ребёнок, а мудрые пути взрослым кажется, и эти божественные слова относятся именно к детству. За все невинные души, что в невинности пребывают, Бог заступник, а дети Его - благодать Божья.

Истинная чистота

В раннем детстве я ещё, конечно, не понимал - как приятно преподносить кому-либо подарки, пусть они даже самые незамысловатые. Мысль о том, что их обязательно нужно кому-то дарить - пришла ко мне как-то сама собой, правда, не без влияния бабушки, когда она однажды связала мне на день рождения тёплое кашне, варежки и носочки.

Подарок был очень кстати, поскольку на дворе стояла слякотная осень, и, отправляясь на прогулку, и одевая связанные бабушкой вещи, я чувствовал себя совершенно защищённым. До чего же замечательная у меня бабушка!

С удовольствием шлёпая в ботиках по лужам, я вдруг подумал о тех людях, что никогда не получают подарков, и мне стало их жалко. Ведь если любить и жалеть людей, размышлял я, они все будут хорошими! И надо обязательно дарить им какие-нибудь подарки, хотя бы иногда. У тех, кто никому ничего не дарит, наверное, всегда очень тяжело на душе, и у них от этого часто бывает плохое настроение.

Я тотчас решил стать добрым человеком, преподнеся бабушке какой-нибудь приятный сюрприз. Чтобы у неё не было мрачно на сердце, и она не умирала раньше времени, и жила долго и не болела. И я насобирал большой букет красивых кленовых листьев, и подарил его своей любимой бабушке, после чего почувствовал себя добрым и счастливым, и на душе у меня было очень радостно.

Божьей волею дарованное малышам восхищение созданной Им жизнью предполагает точно такое же восхищение маленького человека собственной возможностью творить и дарить, а значит - любить, с присущей только ребёнку радостью отдавая своё сердце всему миру. Кажется, он никого не избирает для выражения своего восторга, и просто танцует.

Посмотрите за трёхлетним малышом - сколько в нём понимания нашей обыкновенной взрослой жизни, когда он в своём детстве уже

проживает и стремление заботиться, и любить, и отдавать себя, необыкновенно радуясь при этом.

Касаясь чистоты ребёнка, не могу почему-то не думать о невесомости. Незвестный для нас механизм - левитация, кажется, наиболее близок именно малышам.

Одна женщина в Боливии приподнималась над землёй на четыре фута, но когда кто-то из наблюдателей мешал её медитации - она падала. Вспоминая свои сны, в том числе - из детства, я очень хорошо помню, как понимал в полёте его механизм, он представлялся мне очень простым: нужно было только что-то сделать внутри себя, с лёгкостью повернуть.

Но после пробуждения этот секрет пропадал. Сдаётся, что без душевной чистоты им ни за что не овладеешь. То есть - без обретения своей природной сути, обладание которой более всего ощущается именно в детстве, ты не полетишь.

Но что означает эта чистота, и подразумевает ли она невинность? Невинность не разделяет всё на «плохое» и «хорошее», восприятие ребёнка - неосознанное, в нём нет беспокойного ума. А вот взрослый человек должен именно осознать это благостное состояние, когда ты всё принимаешь таким, какое оно есть, выйдя за рамки непонимания собственной сути, что само по себе - большая редкость.

Чистота ребёнка всегда останется неприкосновенной, пока он не столкнётся с миром эмоций и умственных переживаний: для него ещё не существует знания о чём-либо, он во всём чист. А вот для взрослого человека, однажды потерявшего свою чистоту, огромная сложность обрести её вновь, опять став подобным ребёнку, с присущей ему невинностью. Качество это, пожалуй, отличает ещё мудрецов, их чистоту прозорливого взгляда на жизнь, обрётших осознанность и преодолевших разрушительность невежества.

Каждый ребёнок невинен, он не знает о жизни ничего, но если продолжать оставаться в подобном неведении - это не принесёт человеку ничего. Такая невинность не имеет права на существование, продолжение её бессмысленно, и только преодолев пребывание в знаниях, будучи долгое время обременённым ими, что оказывается совершенно необходимым, вы сможете вернуться к истинной чистоте.

Через это понимание нужно пройти, оно является неминуемой частью жизненного пути, только тогда возможно будет взглянуть и на себя и на мир чистыми глазами. Так войдите в Царство Божие, станьте подобным чистым младенцам, но с умудрённостью великих Учителей, и тогда темнота и свет сольются для вас воедино: вы сможете быть зрелым.

Многие люди превозносят в своих воспоминаниях детство, отмечая - какое оно было чудесное, но часто ощущают неудовлетворённость зрелыми годами, чего я не могу сказать о себе. Мне совершенно не хочется отвергать ни один день из моей жизни, тем более - из детских лет, и я вспоминаю всю

свою жизнь с огромным удовольствием, как неповторимый дар Господа, который, несомненно, заслуживаю и принимаю.

Отвергнуть оказывается так легко, но вот получить и быть благодарным, превознося божественное благословение, не просто, зато - неимоверно радостно и достойно. Примите уже то, что у вас есть, это - не мало, не требуйте у Мироздания большего, и вы переживёте незабываемые минуты, дни и годы. Нет ничего выше дарованной вам Небом жизни, а потому - не жалуйтесь на судьбу, не выпрашивайте у неё очередного подаяния, сами отдавайте, как ребёнок, и тогда возрадуется ваш Бог!

В детском возрасте мы все стремимся идти наружу, для того, чтобы познать мир, выражая себя с помощью чувств, и только в зрелости обращаемся внутрь. Человеку необходимо прожить целую жизнь, чтобы понять это. Человеческая сущность является таинственным механизмом: пока-то с ней человек разберётся...

Бывает, Мироздание проведёт его через несколько существований, а ему всё невдомёк! В его жизни должно произойти нечто по-настоящему необычайное, может быть даже - из ряда вон выходящее, чтобы человек, наконец, задумался: чего ему, действительно, не хватает, и в чём заключена суть истинной реальности, вернее - его собственной судьбы?!

И как тут не вспомнить про детство! Но, к сожалению, мы все забываем в себе ребёнка, и потом никогда не вспоминаем его, а между тем - он в нас, и ждёт внимания. Мы же очень скоро удаляемся от него, иногда просто бежим без оглядки, но почему? Что мешает нам с ним никогда не расставаться?!

Суть этого необратимого процесса заложена в нас уже с самого рождения, когда центр нашего реального восприятия жизни сосредоточен изначально в пупке, ребёнок живёт через него – это видно по его дыханию, идущему через живот. Ребёнок спит и дышит животом, он находится в согласии с Вселенной, и никакие другие органы он в своей начальной жизнедеятельности не использует: ни голова, ни сердце в жизни малыша не принимают главенствующего участия.

Но постепенно, по мере взросления и обучения, он начинает перемещаться от своего центра, и это не может не сказаться на утере непосредственности в восприятии им жизни. Ребёнок создаёт другой центр - чувственный, идущий из сердца, когда он учится принимать и отдавать любовь, реагировать на несправедливость, проникаясь состраданием к другим, даже незнакомым ему людям.

А затем в жизни человека появляется потребность осознания своих корней - открывается умственный центр, и он начинает исследовать свою взаимосвязь с Вселенной. Не просто при этом удержать связь с самим собой, и именно утеря собственной природной сущности и оказывается причиной того, что мы однажды забываем в себе ребёнка.

Но как достичь в себе ребёнка, уже, будучи взрослым человеком? Для начала нужно хотя бы представить себе это, не подходя к своей сокровенной

сути случайно, в силу удачно сложившейся ситуации, а именно сосредотачиваясь на центре рождения, на раннем детстве.

Коснитесь осторожно в своих воспоминаниях ранних лет, не привлекая какую-либо умственную деятельность: думать о переживаниях бесполезно. Ведь наше детство - это область божественной проникновенности, и проникнуть в него возможно только перенеся себя в центр собственного рождения, в ранние годы, причём, спуститься к детству необходимо сознанию, но не мыслям.

Просто пытаться вспоминать своё младенчество - не выход, к своей изначальной сути человеку необходимо подойти осознанно, и для этого нужно быть готовым. Обыкновенные думы о детстве ничего не принесут.

Испытать блаженство суждено тому, кто осознал себя, сознание - это не размышления, и очарование его - в достижении единых корней со своей истинной природой. Привлекательность созвучия с собственной природой заключена в том, что ты идёшь вглубь, ты переживаешь истинную жизнь, ты - есть!

Хорошо, конечно, вспоминать детство, думать о нём, но, только не отождествляя себя с ним, то есть - не страдая по безвозвратно ушедшим годам, а принимая их как чудесный сон. Каким бы он прекрасным ни был, не стоит забывать, что детство не повторится, но всё прекрасное из него вы сохранили в себе. Просто насладитесь когда-то пережитым праздником, ни в коем случае не сосредотачиваясь на нём.

Детство - уже не реальность, и нет причин угнетать себя за то, что его не вернуть, и это было лучшее время в вашей жизни. Прекрасной должна была стать вся ваша последующая жизнь, если вы были к ней внимательны, и детство тут не причём. Порадовав вас, оно исполнило своё назначение, и потому лучше поблагодарить Существование за эти чудесные годы, когда вы только начинали познавать мир, пребывая в божественной благодати.

Чем на самом деле является для вас детство? Жизнь предоставила вам удивительное пространство, и хорошо, если вам посчастливилось заполнить его неопишуемой радостью и открытиями. Для этого оно и предназначено, потому как если детство оказалось для вас лишь сновидением, то в последующие годы реальность вряд ли порадует ваше восприятие.

В детстве человек обнажён, и хорошо, если страх не коснётся его сердца, а Мироздание точно так же, свободно, откроет ему Себя для будущей жизни. И человек ещё более воспрянет от переполняющей его энергии, и будет умножать её в течение всей жизни.

Вспоминайте с радостью своё детство, но не пытайтесь мысленно вернуть его. Ваше детство и всё самое лучшее в нём было, принесло вам огромное удовлетворение, но не вовлекайте себя в него, не стремитесь его мысленно возвратить. Единственное, что от вас требуется - оставаться внимательным ко всему, что с вами когда-то происходило, осознайте это, но не отождествляйте себя с детскими годами, какими бы чудесными они не представлялись.

Смотрите на своё детство так, как будто это был кто-то другой, не вы, но всё происходящее там оказывается для вас очень дорогим. Вы просто имеете сейчас возможность видеть то, что когда-то составляло вашу жизнь и возвращаетесь в памяти к событиям того времени.

Не начинайте переживать всё заново, только - смотрите, шаг за шагом, сохраняя спокойствие, и неожиданно вы обретёте в сердце умиротворение, чего вам, собственно, и не доставало. Детство было и ушло, а вы растёте и развиваетесь, вы - уже другой, но благодарны своему детству, тому, что воспринимали мир маленьким ребёнком, и имеете такой чудесный опыт.

Как это ни странно звучит, но утвердившееся в вас однажды детство должно быть отпущено: на это способен лишь тот, кто цельно прожил свою жизнь. Цельному человеку не зачем цепляться за что-либо, в том числе - за детство, потому что он осознаёт каждый свой шаг, а проживая его достойно - с благодарностью отпускает, как уже ненужную ношу. Поклонитесь детству, улыбнитесь ему, той истинной чистоте, что вы сохранили в сердце, и идите по дороге жизни дальше.

Волшебный сад

В детстве не нужно стараться оставаться самим собой, потому как ты такой, какой есть. И волноваться ни о чём не стоит: близкие во всём тебе помогут, они тебя любят так, как, наверное, могут любить ребёнка взрослые только в детстве, особенно - бабушки. Никто вокруг не удивляется - почему бабушки так преданы своим внукам, они им ни в чём не могут отказать. Точно так же повезло и мне: если бы не бабушки, вряд ли бы моё детство стало таким прекрасным.

Мне всегда было радостно ощущать их присутствие, причём – всех: и бабы Жени, и бабы Нины, и бабы Саши, и бабы Оли. Так уж получилось, что их у меня оказалось много! Только бабушки и мои игры приносили мне истинное удовлетворение, и ещё, быть может, детский садик...

Само слово «сад», при организации взрослыми того места, где можно было бы следить за безопасным нахождением малышей, оторванных на время от родительского крова, предполагает, наверное, возможность именно «садить» их в нём, то есть - поселять. А значит - и ухаживать, между тем, чему-либо обучая.

Да и выражение «садись!», обращённое в этом случае к ребёнку, впавшему в шалость, предполагает просьбу: «уймись» или «угомонись», если тот не выказывает должного послушания. Так и повелось: всякое устройство, предназначенное для содержания в нём маленьких деток, именовать «садиком». Взрослые в нём проявляют о малышах заботу, таким образом, оказываясь «садоводами».

Ходил я в такой садик, конечно, не по собственному желанию, но противиться взрослым не было сил, потому как они работали, оставить меня - не с кем, ведь нужно было дать отдохнуть и бабушкам, и приходилось

соглашаться с взрослыми, посещая детский сад. Но когда я там оказывался, то чаще всего забывал о своих волнениях. Интересовало меня лишь одно - желание постигать жизнь, хотя бы с высоты своего маленького понимания, и я хотел разобраться: почему люди такие, какими они в жизни являются, и отчего, вообще, всё выглядит именно так, а не иначе?!

В детстве только успеваешь жить, не боишься смерти, о ней даже и не думаешь, и всё твоё существо обращено к жизни, которую ты и не превозносишь, но отдаёшься ей полностью. Каждое утро приносило только радость, и я с удовольствием отдавался своему счастью жить и чувствовать себя необыкновенно богатым.

Обычно я вставал раньше всех, солнце даже ещё не показывалось из-за домов, ставил на плиту чайник, для чего забирался на табуретку, но почему-то не завтракал, выходил на улицу, и когда шёл по дорожке к садику, всегда оглядывался и смотрел: стоит ли на балконе мама? Но там никого не было, и постепенно я перестал озираться. Не было случая, чтобы я заходил на территорию сада через ворота, а всегда перебирался через забор, где это было мне удобно.

В садике тоже ещё никого не было, кроме нянечки, и я сидел за столом, рассматривая принесённую с собой книжку. Я уже упоминал, что с детства любил разговаривать сам с собой и рассказывать кому-либо придуманные мной или прочитанные бабушкой истории, и с нетерпением дожидался, когда придёт кто-нибудь из ребят, конечно, мальчишек, потому как девчонки не интересовались моими рассказами.

Правда, одной девочке нравилось проводить со мной время, она всегда внимательно слушала меня, никогда не перебивала, и, наверное, вела себя так потому, что никто с ней не дружил. Девочка эта страдала сильным косоглазием, кое-кто из нашей группы подсмеивался над ней из-за такого недуга, но мне она казалась даже милой, и я защищал её, если бедняжку обижали. Вероятно, мне было просто приятно, что девочка не избегает моего внимания, и я был благодарен ей за проявляемое терпение.

Девочку звали Ларисой. Папа её был - известный в городе настройщик пианино, а сама Лариса, уже в пять лет, умела играть на фортепиано, чем тоже очаровала моё сердце. Мне никак не верилось, что маленький человек способен на такое, и я искренне восхищался своей подружкой, и никому не давал её в обиду.

Так вот, когда кто-нибудь из мальчишек приходил в группу, я тотчас принимался пересказывать ему содержание книги, демонстрируя находящиеся в ней иллюстрации. Читать толком я ещё не научился, зато очень умело передавал услышанное недавно от папы или бабушки, прибавляя своё видение происходящего в книге, и надо сказать, это всегда производило впечатление на моих слушателей, что меня, несомненно, вдохновляло.

Вообще, утренние часы были в моём детстве самые плодотворные и радостные, утром больше всего хотелось мечтать, и именно в утреннюю пору

верилось, что мечты эти осуществимы. Ничто не могло поколебать моего убеждения, что и утро, и детство, и вся жизнь существуют для радости.

И действительно, жизнь - это бесконечный процесс радостного воспроизведения всего живого, и в подобном устремлении она, вероятно, пытается достичь наилучших результатов, реализовав себя максимально, и разве не в детстве мы стремимся к тому же, конечно, бессознательно, и важно и в зрелом возрасте достичь осознанности, не утерев невинности, присущей маленькому человеку. Наша глубинная суть желает создать ещё более чудесную жизнь, и именно детство почитает только цветение, которое не прекращается, становясь всё более великим и чудодейственным.

Цветная жизнь - это, в первую очередь, детство, и именно цветение составляет его непревзойдённую по красочности суть. Летом, кажется, и лицо цветёт, и глаза, и улыбки, и душа наполняется необыкновенным цветом: как было бы хорошо цвести всеми чувствами и цветками! А цветы - повсюду, каких только не рождает лето, и, выходя всей группой на прогулку, к расположенным возле садика деревянным домикам, корабликам и красочным клумбам, хотелось только одного: наслаждаться детством, выпивая его до капли.

Стоишь, смотришь на обилие бабочек и цветов, и вспоминается лужайка в саду у бабушки, и как она, прижав меня к себе и тихонько раскачиваясь, ласково рассказывает: «Один говорит - побежали, побежали, и это означает?» «Водичка!» - отвечаю я. «Другой говорит - постоим, постоим, и это уже?» «Бережок!» «А третий - пошатаемся, пошатаемся?» «Травушка-муравушка!» - весело восклицаю я.

И правда, очень приветливо шелестит она сейчас на ветерке, такая шелковистая и нежная на ощупь, что хочется, то и дело, дотрагиваться до неё рукой, радостно ощущая - какая она живая. Слышно даже, как трава растёт!

Все дети примечают цветы, а они любят на солнце любоваться, просто глаз с него не сводят. Куда солнце, туда и цветы глядят. Вечером глазки закрывают, а на утро опять свои головки к небу устремляют: светило бы солнышко! Травы и цветы, благодаря его ласковому теплу и свету, наливаются мёдом.

Солнечное тепло лета и детства несло в жизнь перемены, которые оказывались волшебными. Казалось, само солнце напоено ароматом цветущих трав. Букет лета был золотист от многочисленных купавок и лютиков, на которые, то и дело, присаживались пчёлы.

Мне почему-то доставляло удовольствие ловить пчёл в ладошки, осторожно подводя их к цветку, а потом быстро захлопывать. Не помню случая, чтобы пчёлы укусили меня. Я их отпускал, немножко подержав в кулаке и поднеся к уху, и это вызывало завистливый восторг у моих приятелей, но сами они не решались поймать пчелу руками.

В детстве я не боялся ни пчёл, ни пауков, ни змей с лягушками, брал их в руки, не опасаясь появления на них бородавок, в неотвратимости чего на

полном серьёзе заверяли взрослые, и отчего-то это приносило мне радость. Будто я открыт всему миру, не боюсь любых его проявлений, и мир, по этой причине, принимает и меня в свои объятия.

Лягушки со змеями более, чем другие живые существа привлекали моё внимание, наверное, потому, что выглядели устрашающими, словом, неприятными, отчего все ребята их остерегались. Мне же интересно было познавать окружающее пространство, а лягушки, при всей их скользкой непривлекательности, просто завораживали тем, что одним своим видом всех от себя именно отталкивали. Хотелось приблизить их к себе, и разглядеть.

Но лягушки так ловко прячутся в траве, что доискаться их невозможно. Даже увлечённые своим кваканьем, они улавливают шаги человека издалека, тут же замолкают, и как сквозь землю проваливаются. Завидев в траве маленькую лягушку, в душе просыпается нечто неопределённое, сбивчивое, что невозможно объяснить, и сразу появляется желание поймать её, схватив такими же маленькими ладошками.

Правда, лягушку оказывается не так уж легко поймать: крохотная, с малюсенькими лапками, она способна подпрыгнуть на полметра, и при этом совершает свои прыжки неожиданно, будто мгновенно распрямившаяся пружинка взвилась в воздух и снова исчезла, только её и видели! Да только остановиться уже невозможно: опустившись на коленки, как и лягушка, прыгаешь за ней в росистой траве, и никак не можешь ухватить: маленькая симпатичная лягушка оказывается проворнее тебя. Пока ты не поймаешь лягушку, представляется тебе, окружающее лето как будто не настоящее, а радость твоя не полная.

Но забывается от счастья душа, когда всё-таки удаётся накрыть неуловимую лягушку! Затаив дыхание, стоишь со сжатыми руками, не в силах ни о чём подумать.

Оказавшись в ладошках, лягушка тоже замирает, будто её там и нет, и ты даже засомневаешься в своей удаче, и, подождав немножко, приоткроешь осторожно ладони. Лягушке того и надо: она ловко выскальзывает из твоих рук, на секунду блеснув на солнце своей цветастой шкуркой, и вот уже её и след простыл!

Что это за удивительное существо - лягушка, думаешь ты. И ещё ловишь себя на мысли, что совершенно позабыл обо всём, пока охотился за своей лягушкой. Но разве может быть иначе, когда вокруг разлеглось жаркое лето, повсюду в воздухе жужжат шмели, стрекочут кузнечики и порхают бабочки?! Жизнь без лягушек, несомненно, была бы однообразна и скучна.

Скажите, всё это ерунда?! Нет, подобное, вроде бы, совсем обычное дело не так-то часто случается в этом мире. Ну, если только в детстве!

Иногда, с лёгким треском, вдруг возникали в напоённом солнцем воздухе разноцветные стрекозы, присаживаясь даже на наши выцветшие за лето головы, и мы старались их не трогать. А стрекозы посидят, выставив свои перламутровые глазищи, и вновь упорхнут в разлившееся над землёй

летнее довольство. Их слюдяные крылышки были всегда напряжены и, в тоже время, необычайно воздушны.

Всех нас необыкновенно очаровывали эти красавицы-непоседы: они будто наблюдали за нами своими огромными глазами, и, удостоверившись в чём-то важном для себя, молниеносно исчезали. Так природа постоянно вглядывалась в нас, детей, и это её внимание тоже было необыкновенно приятно и радостно.

В воздухе, над детской площадкой, проносятся в воздухе с громкими криками ласточки, и кажется, будто лето никогда не кончится. Вокруг размеренно выются чопорные шмели, сосредоточенно присаживаются на цветочные головки. Двигается невидимой поступью роскошный летний день...

Самое яркое и любимое в детстве - солнце, оно господствует своей силой надо всей летней землёй. Очень пылкое и трепетное, ещё не успевшее истратить себя, оно всходит с начала дня на востоке и ласково переливается в своей высшей точке, наполняя благостным светом сердца детей. Источая радостный сок повсюду, солнце, между тем, ненавязчиво.

Вместе с ослепительностью солнца празднуют свою мимолётную жизнь многочисленные травы: лёгкий ветерок покачивает верхушки синеньких колокольчиков, бьют из земли жёлтые фонтанчики сурепки, одуванчики нескончаемым золотым полком противостоят небу, будто забирая часть его солнечной сини.

Особенно быстро и весело разрастается по садовым клумбам любимая всеми ромашка. Её покачивается на крепкой стрелочке жёлтое око в белых ресничках - глядит на мир открыто и удивлённо. Сразу понятно, что ромашка солнцу, как и дети, радуется, каждое мгновение ловит его ласковые лучи и всем улыбается. Нет краше и обаятельнее такого солнечного цветка, бескорыстно распространяющего вокруг доступную для всех благодать!

А разве забудешь полянку с кузнечиками, полную чарующих звуков? Воздух жарок и ароматен, и ненавязчивое стрекотание невидимых насекомых будто вязнет в нём, но не прекращается, становясь ещё более вкрадчивым, необыкновенно притягивая к себе. Воздух впитывает и кузнечиков, и стрекоз, и пчёл со шмелями, и солнечную синеву, и когда медленно идёшь по колену в траве, а потом на какое-то время замираешь, разведя руки, то приходит ощущение, что вот-вот поднимешься над этой цветущей поляной и полетишь.

Помню - мне пять лет. Я стою посреди цветочной поляны, солнце ласково пылает над моей головой, а упругие сочные травы тянут свои головки в бездонное синее небо.

По нему привольно плывут пушистые белые облака. Эту томительную красоту наполняет стрекотание кузнечиков и затаенное поскрипывание коростелей. Повсюду - раздольно воцарившийся летний покой.

И вот, в раскалённый воздух с треском взмывает какой-то переливающийся перламутром крепкий жучок, неожиданно ударяется прямо

мне в руки, и в них же замирает, сложив крылышки. Теперь его можно рассмотреть: откуда он взялся, и почему подлетел ко мне? Где у него домик, есть ли детки, и чем он занят в своей неведомой жизни, раскинувшейся повсюду?! Тёмно-синие, с отливом, крылышки на ощупь гладкие, прохладные, а тоненькие усики, кажется, чутко угадывают всё, что происходит вокруг.

Жучок замирает на моей ладошке, будто пытаюсь разобрать - где он очутился? По всему видать, у жучка - хорошее настроение, да и с чего ему грустить: над землёй плывёт разомлевшее лето, травы источают густой цветочный дух, а в полях, за рекой, колосятся золотые хлеба. Жук, вроде бы, и не думает улетать, затаился в глубине ладошки, и я вместе с ним забываюсь посреди этих цветущих трав, прижав ладошки к груди. И так мы стоим с ним, не шелохнувшись, словно вглядываемся друг в друга, и мне почему-то совсем не хочется, чтобы жук улетал.

Но как изящно взмывает он опять в разогретый воздух, выводя меня из этого чудесного забвения, крылышки его раскрываются, поблескивая на солнышке, и жук, на секунду задержавшись, стремительно и радостно жужжа, уносится в вышину, тотчас слившись с небесной синевой, будто забирая с собой частицу меня. И сердца отчего-то касается лёгкая печаль, но в то же время подступает радостное облегчение, что уже не покидает до самого вечера, когда утомлённое солнце с удовольствием укладывается в вишнёвые облака, будто с облегчением вздыхая, и ты теряешься в счастливых мыслях обо всём, что принёс тебе этот чудесный июльский день.

Ещё завораживали лилово-огненные молнии. Выходить в грозу на улицу воспитатели запрещали, потому что в небе холодным золотом мерцали над землёй страшные зигзаги, вскоре с него срывались сильными струями безудержные ливни, и эти ливни совершенно очаровывали.

Раскаты грома, кажется, сотрясали всё здание садика, и мы, дети, прижимались лбами к запотевшим стёклам на окнах, и во все глаза наблюдали, как проносится первый порыв ветра, безжалостно сгибая верхушки деревьев, а затем, словно сорвавшись с цепи, с неба устремляются безудержные потоки воды. Но продолжается это недолго, грозная туча незаметно уходит за горизонт, и снова льются на землю ласковые солнечные лучи.

Цветами лета оказывались и многочисленные бабочки, неумоимо порхающие над полянками, даже - в городе. Я ещё, конечно, не знал, что бабочки могут называться лимонницами и капустницами, боярышницами и крапивницами, голубянками и павлиньим глазом, воспринимая их красочное разнообразие как единую для всех летнюю радость, и ловил их, как и многие мальчишки, сачком. Впрочем, тут же выпускал, вдоволь налюбовавшись, а бабочки целыми днями порхали на своих неощутимых, хрупких крылышках, выполняя какую-то необходимую для себя, невидимую человеку работу. Даже некоторые взрослые думают, что бабочки - лишь украшение лета, но живые цветки природы призваны ею к умиротворению жизни.

Глядя, как бабочка присаживается на солнечную ромашку, я тоже не думал в детстве о скрытой от глаз человека силе природы, о её невидимой созидательной работе, что порождала и солнце, и этих самых бабочек, и небесную синеву. Я только наслаждался прелестными насекомыми, никому не досаждающими и раскрывающими истинную красоту жизни. Ничто в детстве не приносило такого покоя и блаженства, как летнее солнце и бабочки!

В детстве чаще, чем во всей последующей жизни замечаешь, как бегут по небу облака. Летом их, кажется, становится заметно больше. Можно упасть в траву, раскинув руки, и лететь вместе с ними куда угодно над замершей в красках землёй.

Но облака как будто не торопятся и, расположившись в небе удобнее, тихо наблюдают за происходящими внизу переменами. Ведь лето - единственное время года, когда им не надо никуда спешить и, остановившись в синеве, они великодушно прикрывают землю от неугомонного солнца, бросая на неё воздушную тень и прохладу.

Детство - это такое время в нашей жизни, где всё преисполнено удивительной радости и покоя, и этот покой и радость хочется нести в себе вечно. Детство - волшебный сад, засаженный дивными мечтами, тут же приносящими плоды. Там существуют увитые плющом тенистые аллеи для прогулок, открытые солнцу лужайки для игр и потаённые дикие уголки с бросающимся в голову ароматом невиданных цветов, уносящим к ещё неизведанным приключениям, которых ты, конечно, когда-нибудь достигнешь.

Сад принимает в объятия любого ребёнка, без сопротивления, спокойно, насыщая красотой и силой любого времени года, особенно - летом. Он окружает его со всех сторон, и ребёнок живёт сладкой верой, что всё всегда будет хорошо. Такой сад можно, пожалуй, употребить и под словом «рай».

Райские чудеса в нём создают удивительное умиротворение. Сад совмещает в себе всё, что существовало в первозданной природе и что способно дарить непрестанную радость и утешение. Выше - только божественные небеса, в самом же детстве - неисчерпаемые дары Всевышнего Существования.

Сколько счастья в нём от ощущения нескончаемой молодости, сколько восторга! Чудесное изящество такого сада можно сравнить лишь с прелестью раскрывающегося на день цветка.

А какой чудный был бабушкин сад! Весь он отливал какой-то волшебной зеленью, что даже светила на солнце, и, утопая в ней взглядом, сердце тихо и счастливо билось в груди ласковой птицей. Её страшно не хотелось вспугнуть, отчего я пробирался сквозь густую зелень осторожно, ступая как можно тише, и птица эта, тоже не решаясь вспугнуть чудесную тишину, в какие-то мгновения радостно замирала, боясь даже ворохнуться.

Мало того, я начинал угадывать эту птицу воочию, о чём, по секрету, потом рассказывал бабушке. В какие-то редкие дни, особенно – поутру, весь сад бабушки представлялся этой загадочной птицей, как будто вздрагивал, и, расправив зелёные крылья, готов был лететь вверх, в небо, растворившись ароматным облачком.

Если бы представилась такая возможность улететь с этой птицей, я бы, наверное, не задумываясь, отправился с ней в полёт, чтобы плыть по воздуху, и тоже чувствовать себя птицей. И ещё – не уставать от полёта, присаживаясь там, где пожелаешь, и вновь устремляться в бесконечность воздушного пространства, в конце концов – возвращаясь в родимый сад, к любимой бабушке, чтобы рассказать ей о том, как ты летал в поднебесье.

Какою сказочной воспринималась эта пора, возможность быть в ней и чувствовать себя счастливым. Ясно было одно: Господь не побрезговал ради бабушки волшебным садом, и одарил её им, а за одно – и меня!

В какие-то редкие дни, поутру, сад бабушки как будто вздрагивал, и, расправив зелёные крылья, готов был лететь вверх, в небо, растворившись в нём ароматным облачком. Но почему-то, всё-таки, не улетал, щедро, но ненавязчиво украшая землю.

В детстве я, конечно, не знал ни гор, ни полей, ни лесов, ни морей, и всё знание о жизни мне дарил именно бабушкин сад. Он был, можно сказать, моим неразлучным товарищем.

Причём, особой красоты в нём, на самом деле, вроде бы не наблюдалось: разросшиеся кусты смородины, крыжовника и вишни, старая раскидистая сирень, с полдюжины крепких приземистых яблонь, да небольшие цветники под окнами с ноготками, георгинами и флоксами. Ничего, в общем-то, примечательного, исключая, впрочем, таинственную тень в самом дальнем углу сада, но и это нехитрое жизненное пространство доставляло мне истинное удовольствие.

Особую радость переживал я оттого, что через этот сад представлял себе величие всего божественного мира, и эта воображаемая безграничность ложилась на мою детскую душу неизгладимым впечатлением. В нём угадывались и поля, и горы, и леса с морями, и было мне так, будто я уже не раз побывал там, отчего воображение ещё более ширилось, и я не мог нарадоваться нашим чудесным садом, беспрестанно рассказывая бабушке о его неслыханных чудесах, что я там увидел.

А она слушала с любопытством, устремив на меня полный восхищения взгляд, и тоже, наверное, начинала верить в волшебство своего обыкновенного огорода, наделяя его самыми необыкновенными свойствами.

Всё самое восхитительное в жизни может войти в тебя именно в детстве. Вместе с бабушкой, такой непостижимой, и в тоже время – простой и любимой. Бабушка Саша всегда удивляла меня своей любовью к деревьям, кустам, ко всему зелёному, что произрастало у неё в огороде. Даже – к лопухам.

Казалось бы, только в детстве, и именно - ребёнку, можно было обратить внимание на то, с какой неохотой выползает из сердцевины цветка пчела, а потом долго разглядывать и сам цветок, но бабушка с большим удивлением это проделывала. Сядет тихонечко на чурбачок, и наблюдает какую-нибудь травинку, осторожно дотронется до неё, и что-то прошепчет про себя.

В такие моменты, если я замечал её за подобным занятием, хотелось подойти к ней и послушать, что она говорит, но я почему-то никогда не мешал бабушке, после чего мне и самому было радостно с трепетом относиться ко всему живому, не только к травам.

Уже как-то неловко было сломить какую-либо веточку, даже порубать палкой крапиву в углу сада, и я подходил к этим колючим зарослям, присаживался, и, так же, как бабушка, тихонечко наблюдал за тем, что в них происходит. Разглядывая разноцветных жучков, пугаясь от неожиданных прыжков ловких кузнечиков и радуясь открывшемуся простому чуду, я постигал этот волшебный мир, может быть, только благодаря моей любимой бабушке.

Соседским мальчишкам, что без устали обдирали растущую вдоль забора малину и вишню, бабушка всегда беззлобно, но строго замечала:

- Вы пошто ветви ломите, черти!

И мальчишкам отчего-то сразу становилось стыдно, и они прекращали «ломить» кусты с ягодами. Они всегда на удивление быстро смущались при появлении бабушки, тогда как дворника Филимона в грош не ставили, ещё более рьяно совершая свои налёты. Для мальчишек было большой забавой подзадоривать Филимона, что частенько их задирали, но бабушке они никогда не прекословили, остерегаясь её строгих замечаний.

Постепенно я тоже стал с уважением относиться к травам и цветам, кустам смородины и вишни, к коренастым яблоням, живущим, как мне казалось, какой-то потаённой жизнью. Её даже не хотелось разгадывать, а просто, временами, заходить под эти приземистые, таинственные деревья, стоять там и мечтать о чём-то таком же воздушном и невесомом, как летнее синее небо. Такое близкое, оно всё же казалось недостижимым, но дорогим.

Больше всего моя душа желала именно этого самого сада, в котором в конце лета, на Яблочный Спас, яблоки начинали отваливаться от ветвей, почти неслышно падая в траву, и лежали там, будто в ожидании, что их кто-то отыщет и поднимет. Бабушка всегда угадывала этот момент, брала меня за руку, и мы отправлялись за ними под яблони.

Радостно было обнаруживать их румяные, налившиеся соком бока, брать в руки и складывать бабушке в подол, отчего она тихо улыбалась и гладила меня по голове.

- Пришёл Спас, яблочко припас, - ласково приговаривала она. - Такое же наливное, как ты у меня, родной. Попадётся яблочко с червоточинкой - ты его не откатывай, оно самое полезное: кто его поднял, тот - воевода.

Бабушка выращивала яблоки всю жизнь. Не то, чтобы она заботилась о них больше, чем о других деревьях, но всегда старалась сберечь. Это чувствовалось в её отношении к ним, когда она складывала их в берестяной короб и выставляла в чулане, на окне, доходить.

Яблоки нежно источали аромат уходящего лета, и вспоминалось самое знойное июльское время, когда сад был полон густой зелёной листвы, живо трепещущей на лёгком ветерке, и всегда что-то обещающей. Этим ветерком, знойной листвой и ещё будущими плодами пахло от бабушкиных рук. Она несла в себе все запахи сада и распространяла их вокруг себя бережно, неторопливо, так что запахи трав и цветов сливались в единое головокружительное благовоние, и никогда этой взаимосвязи с ней не теряли.

Душа в детстве бесстрашно раскрыта для восприятия впечатлений удивительной жизни: и шум ветерка, и дождь, что ласково играет с шелковистой листвой, и пение птиц, и все звуки, что создают какое-то особое ощущение пространства, оказываются необычайно трогательными и проникающими в самое сердце, они тоже создают своим присутствием детство. Детство - сказка, в которую попадаешь в самом начале жизни, принимая её навсегда, как самую дорогую и единственную.

Идёшь в восхищении по саду-детству, и нет ему конца и края. Он несёт тебя на своих благоухающих волнах, слегка укачивает и всё что-то обещает и обещает. Безгранично его пространство, которое нет желания преодолевать - лишь не спеша в нём продвигаться. При этом чувствуешь себя будто в ином времени.

А потом вдруг понимаешь, что дело даже в другом: времени вообще не существует. Просто - ты идёшь, всё идёшь, и никак никуда не можешь дойти. Мимо проплывают цветочные поляны, пахучие заросли и пряность трав, но тебе не хочется достичь чего-то определённого: ты в плену детства, и плен этот сладостен.

Может быть, нет ничего лучше на свете, чем идти по такому восхитительному саду, позабыв обо всём. На каждом шагу - открытия, познавая которые, будто паришь. То медленно взмывая вверх, то неслышно опускаясь вниз, испытываешь непередаваемую нежность к саду и слитность с ним. Таким чудесным может быть лишь детство, думаешь ты, и ничто иное.

Обычно я любил с нетерпеливым желанием бежать в угол бабушкиного сада, к спелым вишням, и рвать подпечённые солнцем мягкие ягоды. А то выдернешь за пахучий хвост крупную морковку, встряхнёшь её и куснёшь прямо вместе с песком ядрёную сочную плоть. Всюду здесь была своя сладость, и переживание одних счастливых часов, кажется, не прекращалось.

Это было для меня самое глухое и потаённое из всех, таких же потаённых мест на свете, где я мог оставаться один, в то же время не чувствуя себя одиноким. Какая благословенная радость снисходила тогда на меня в этом заросшем бурьяном углу, чего я только не открывал для себя здесь, украдкой наблюдая за жизнью тенистых трав и чудесных насекомых.

Казалось, сидел бы в этой укромной травяной тиши целую вечность, чего-то разглядывая и о чём-то мечтая.

Однажды я забрался в самую гущу крапивы, что в обилии произрастала в самом заросшем углу, за бабушкиной баней, и из этих зарослей вдруг выпорхнула такая славная птичка, которой я ещё не видывал. По-видимому, не заметив меня, птичка уселась на самый край крыши, и я хорошо её разглядел.

Тю-тю-тюнь, тю-тю-тю, тю-тюнь! – тоненько и нежно прозвенела в воздухе её коротенькая песенка.

Головка, горлышко и брюшко у птички были белоснежные, кажется, совсем не подходящие воцарившемуся летнему жару, через глаза на затылок у неё проходила лазоревая полоска, а спина и серенькие крылья заметно отливали голубовато-сизым оттенком. Ещё поперёк крыла птички выделялись светлые пятнышки, буроватый хвостик переливался синью, тогда как пара наружных пёрышек, как и грудка с головкой, были белыми.

И тут, из этих самых зарослей крапивы, свечой вверх, выпрыгнула наша кошка, и саданула лапой по воздуху, пытаясь зацепить чудесную птичку. Но, к моей радости, промахнулась, и птичка, со свойственной всем крохотным птицам ловкостью, проворно юркнула в укутанные листвой ветви старой яблони, ухватившись за одну из них, повисла спиной вниз, и уже через мгновение исчезла, будто её и не было. Я даже не успел до конца восхититься.

Образ этой чудесной птички никак не вязался со жгучей крапивой, заполонившей собой весь угол сада. Ей, скорее, подходили ветви чёрной, белой или красной смородины, с гроздьями ярких блестящих ягод, а эта дивная птица отличалась нежностью оперения, какой-то неизвестной мне ещё ласковостью, и я с такой же нежностью потом вспоминал о ней, не зная даже, как эту птичку-невеличку зовут.

Какая славная птичка живёт в нашем садике, думалось мне, что и в сказке, наверное, не отыщешь, и стал он мне представляться какой-то божьей светлицей, где милой птичке и хлеб, и просторный дом, и желанная воля. Чудо, а не птица, и как потом оказалось, прозвана она была меж людей таким же чудесным прозвищем - «лазоревка», то есть - птица трогательного небесного цвета, призванная Богом, как и милое дитя, только очаровывать сердце своим нежным обликом. И ещё - вольная, как счастье: где захотела, там и села!

Вот и сам сад у бабушки в какие-то редкие дни, особенно – поутру, как будто вздрагивал от радости, становясь волшебным, и, расправив зелёные крылья, как эта самая славная птичка, готов был лететь вверх, в жаркое небо, растворившись в нём ароматным облачком. Но почему-то, всё-таки, не улетал, щедро, но ненавязчиво украшая и без того прекрасную летнюю землю.

Но лето, между тем, незаметно протекало, и приходила осень, а за ней - зима. Большую часть времени дети проводили тогда в садике, за занятиями рисованием, музыкой и танцами. Единственное, что мне нравилось изображать на своих рисунках - это корабли и море, правда, они не всегда получались, как и уроки пения, на которых кто-нибудь из ребят обязательно выбивался из общего хора, и приходилось начинать всё сначала. А вот танцы неожиданно открыли во мне то, о чём я и не подозревал.

Если даже сейчас задать мне такой вопрос - кто я, то не сразу придёт в голову верный ответ, и, конечно, тогда, в детстве, я не знал о себе ничего. Единственное, в чём я был уверен, и что мне больше всего нравилось, это - играть в придуманные мною игры, или пересказывать услышанные от кого-нибудь истории, привнося в рассказ нечто от себя, и потому удивительно было открыть в себе что-то новое.

Помнится, в садике готовились к какому-то празднику, из детишек подбирались те, что умели декламировать стихи, петь, нашёлся даже малыш-иллюзионист, вызволяющий из шляпы ... котёнка, все были очень удивлены - как ему такое удалось, и ещё одна девочка, как прекрасная куколка из чудесной детской книжки, показывала акробатические трюки. Кто-то из воспитателей соорудил занавес для кукольного представления и маленькую театральную сцену, всем выступление артистов очень понравилось, тем более, что артистами оказались ребяташки из нашей группы, и завершать праздник должны были танцоры, в украинских красочных костюмах, и в этот ансамбль включили и меня.

Честно признаться, одолевали сомнения насчёт собственных танцевальных способностей, ведь никто и никогда не преподавал мне даже маломальскую ритмику. Но, к своему удивлению, я в тот день так здорово отплясал гопака, что поверг всех в неописуемый восторг. Не знаю - откуда во мне что взялось, но я вдруг как-то сразу угадал - чего от меня требуется, и, не боясь опростоволоситься перед ребяташками и их родителями, с настроением пустился в танец, ощущая во всём теле неописуемую лёгкость.

В расписной белой рубашке, шёлковых шароварах и подпоясанный алым кушаком, на ногах - ещё более яркие сапожки, что моя мама выпросила у своей подружки - костюмера из Театра оперы и балета, я, по-видимому, тотчас вошёл в уготованную для себя роль. Как-то так получилось, что во мне пробудилась явная предрасположенность к танцу, можно даже сказать - талант, о котором я и не ведал.

Словно крылья у меня тогда раскрылись за спиной, а душа воспарила в небеса, и я вдруг ощутил такую непередаваемую приподнятость, что действительно захотелось танцевать. Весь мир, кажется, радовался вместе со мной, и в своём раскованном, подаренном от природы танце я открывал в себе что-то очень важное, чего ещё никогда не переживал.

Обладая достаточно бурным воображением и музыкальным слухом, мне не сложно было подстроиться под весёлый ритм танца. Стало вдруг радостно от того, что я могу так легко чувствовать своё тело, и мало того -

оно благодарно отзывается на моё приподнятое настроение, и тоже начинает плясать, выделявая самые невообразимые кренделя. Если уж медведь в цирке танцует, то человеку и подавно плясать заказано, тем более, если ты - живой пятилетний малыш, пребывающий в полном восторге от протекающего вокруг существования!

Что это было за счастье - двигаться в такт зажигательной мелодии, чуть ли не летая над землёй, а главное - самому, прямо по ходу танца, выдумывать всякие замысловатые пируэты, на которые бы ни за что не решился, находясь в спокойном расположении духа. В танце дух твой совершенно преображался, но больше всего очаровало то, что в глубине тебя, оказывается, живёт какой-то другой, неведомый человек, и уж он-то, только заслышав проникнутую неудержимым весельем музыку, не упустит возможности пройтись меж людей таким удальцом, завлекая и их пуститься в безудержный пляс. Никогда мне ещё не приходилось выступать на всеобщее обозрение, а тут готов из самого себя выйти: душа и скачет, и пляшет, и песенки поёт! Но разве возможно сплясать без радости?!

Наша воспитательница, Мария Фёдоровна, не преминула вскоре сообщить моей маме о поразившем её факте, она была очень удивлена, скорее даже - обрадована случившимся, и в порыве чувств поведала ей, что способности мои нужно непременно развивать, иначе несомненный талант сына может быть загублен. Мама же, с присущей ей тягой к прекрасному, поскольку всю жизнь преподавала музыку, ко всему прочему - и в нашем детском саду, решила обратиться к ещё одной своей подруге, с просьбой посмотреть наличие у меня склонностей к танцу.

Теперь мне уже предстояло продемонстрировать своё умение в хореографическом училище, и к восторгу обеих таковые способности у меня были обнаружены! Мало того, между подругами было тотчас же принято твёрдое решение непременно приобщить меня к миру классического танца, и, таким образом, судьба моя была почти решена, если бы ... не вмешался дедушка.

Выслушав мою маму, которую он очень любил, дед категорично заявил, что жизнь свою его внук должен определять сам, и он никому не позволит осуществлять в ней важные шаги за меня, когда я ещё не способен к самостоятельному принятию ответственных решений. Дед мой не знал бед, имея в жизни свой непоколебимый обет: от того, наверное, и внук его не узнал мук.

И всё же, радостно было ощущать, что в тебе заложено нечто неведомое, о чём ты даже не подозреваешь, и оно вдруг однажды, неизвестно почему, проявляется. А проявляется, видимо, именно по причине того, что необходимо пробовать себя во всём, жизнь так многообразна, и это многообразие содержится и в тебе. Если ты обратишь всю свою сущность к миру, как к волшебному саду, наблюдая, что трогает твоё сердце больше всего, то обязательно тебе откроется сокровище, великая радость никогда не минует твою жизнь, и ты постигнешь её смысл.

И тогда я, помнится, решил, что ни за что не успокоюсь, пока не отыщу ответы на всё неизведанное в этом чудесном мире, чего бы мне это ни стоило. Ведь жизнь полна поразительных сокровищ, и нужно просто быть к ней очень внимательным.

Под сенью нашего детства

Детство - великое сокровище, но нельзя не упомянуть и такое чудо, как новогодний праздник с жарко дышащей хвоей ёлкой, украшенной гирляндами разноцветных лампочек и игрушками, с Дедом Морозом и Снегурочкой, с повизгивающими на морозе вёрткими салазками и стремительными коньками, с искрящейся от радости зимней сказкой. Совсем недавно появившись на свет, ты всё время словно рождаешься заново: именно в детстве каждый день происходят огромные перемены!

И при этом каждый день ты становишься новым, тебе уже никогда не быть прежним, а радость существования заключена в том, что жизнь то и дело дарит волшебные ключики к её тайнам. Если ты по-настоящему любишь эту жизнь, то она открывает перед тобой путь ко всем секретам, и тогда ты - настоящий царь, обладающий и радостью, и любовью, и свободой, готовый парить в небесах. Что ещё может подарить тебе этот чудесный мир, и разве можно желать чего-то большего?!

Ёлка... Не раз уж я писал об этом новогоднем чуде, и как оно близко именно детству, и вот когда вспоминаю о нём, об этом зимнем волшебстве, то всегда думаю о детстве, а уж потом о новогодней ёлке, что растёт себе спокойно в лесу, усыпанная серебристым воздушным снегом, и даже не помышляет, как через каких-нибудь пять-шесть часов окажется в городской квартире, наполнив её скрытой от людей тайной. В чём она?

Дети хорошо представляют себе эту сказочную тайну! Для них она не только в конфетах и мандаринах, подвешенных на веточках загадочного дерева. И не в разноцветных лампочках, попеременно подмигивающих им зелёными, синими и жёлтыми огоньками, кажущимися на ёлочке какими-то особенными. Даже - не в подарках, разложенных взрослыми накануне праздника, у её подножия, а в том, что чудесное дерево, растущее в лесу, вот прямо сейчас находится у них дома.

Быть может, совсем недавно, вокруг этой ёлки водили под луной свои хороводы милые зайцы! Ёлка радуется детей своим ароматом, тотчас уносящим их в таинственный ночной лес, и тогда уже живое воображение детей переносит зайцев под украшенную ёлку, в уютную городскую квартиру. И дети, конечно, искренне верят в происходящие в жизни сказочные перемены, ещё больше любят зиму, и с нетерпением заглядывают в замороженные окна, ожидая прихода Деда Мороза.

Казалось бы, всем давно известное, и потому чаще всего неприметное в обычное время, даже - наскучившее, к тому же - с такими колючими иголками дерево, под Новый год вдруг обретает в своём лице скрытое до

сего мига обаяние, начиная излучать его повсюду. И тогда гостиная наполняется чудесами, превращая самые обычные предметы - в неподражаемо прекрасные, и даже старый потёртый шкаф с бабушкиным фарфоровым сервизом начинает, как будто, приплясывать, залихватски подбоченившись, исподтишка подмигивает тебе, а часы в углу вторят ему более оживлённым, не наскучившим, как обычно, звучанием.

Да и вся комната принимается от радости ходить ходуном: люстра на потолке, чуть покачиваясь, отбрасывает на стены весёлые отблески, тяжёлые бордовые портьеры на окнах стараются не отставать от всеобщего праздничного оживления и принимаются еле заметно колыхаться, будто форточка от ветра отворилась, и они от этого сразу воспрянули, пробудившись. Во всей домашней обстановке, действительно, воцаряется настоящий праздник, и всё это - из-за присутствия маленькой пахучей ёлочки. Не чудо ли?!

Кажется, каждый год ожидают дети новогоднюю ёлку, хорошо известную им и любимую, но потом, когда новогодний праздник минует, надолго забывают о ней. А как придёт опять зима, и они увидят ёлку, занесённую в комнату с мороза, колкую и холодную, вроде бы, совсем не живую, то вновь вдруг открывают для себя, как она им желанна. Дети с радостью узнают свою старую знакомую!

Пока они пускали в весеннем ручейке свои хрупкие кораблики, летом, в гостях у бабушки, ловили в деревенском пруду юрких пескарей, а осенью собирали в парке золотые букеты красивых кленовых листьев, ёлочка росла где-то в потаённой лесной чаще, и никто о ней не вспоминал... И вот, теперь, ёлка вновь заглянула к ним в гости, и дети застыли в очарованном оцепенении. Как они могли забыть про эту лесную красавицу, что так же, как и в прошлом году, вмиг захватила их сердце?

Драгоценное дерево вновь с ними, готово спокойно и щедро дарить свою лесную душу, не прося ничего взамен. И это несмотря на то, что вскоре оно окажется уже никому ненужным, почти осыпавшимся, очутившись в сугробе, под дворовым забором. Но пока этого не произошло, ёлка любима детьми, они понимают её сокровенную тайну, и лелеют каждый день нахождения возле неё.

Жизнь так устроена, что всё в ней нужно понимать, в том числе - и разукрашенное под Новый год лесное дерево! Оно, вы не поверите, ждёт этого, иначе, зачем вы привезли его в свой дом? Но, к сожалению, только детям суждено разгадать его хвойную ароматную суть.

Весёлый новогодний праздник без ёлки, без этого замечательного пахучего торжества, не праздник, и кому это лучше знать, как ни детям. Они принимают ёлку всей душой сразу после того, как её переносят через порог дома, внимательно наблюдают, как ёлку устанавливают в углу комнаты на заранее приготовленную папой деревянную крестовину, и потом, вместе с родителями, наряжают её, развешивая на пахучих ветвях разноцветные бусы, золотые орехи и фонарики. Ёлка все эти украшения великодушно принимает,

будто берёт на память, неся в себе и тихонько переживая, а дети каждый праздничный день радуются её присутствию, ощущая даже ночью, когда волшебное дерево неслышно обнимает их своим душистым облаком, будто убаюкивая, и они, улыбаясь, счастливо засыпают в его чудесном еловом раю.

Когда комната притихает в ночной предновогодней темноте, и, еле ощутимо покручивая шарами, укромно дышит в углу невидимая, но сильно угадываемая ёлка, к тебе вдруг приходят забытые детские образы. И тогда сладкая печаль околдовывает твоё сердце, и на душу ложится удивительная примирённость с ушедшими годами и уже никогда невозвратимым детством, со всем, что приносит с собой наша сказочная зима.

Из далёкого далека вдруг вспоминаются девочка и мальчик, что решили убежать из дому и жить совсем одни, в глухом конце старого парка. Девочке было интересно всё, что говорил и делал этот мальчик, и она сразу согласилась, когда он предложил ей бежать с ним. У неё не было оснований не доверять ему, потому как мальчик никогда никого не задирает, не ябедничал и не жаловался, да к тому же был большим выдумщиком. Из всех мальчишек ей нравилось играть только с ним.

- Спорим, нас здесь никто не найдёт и будут думать, что мы похищены, - заявил он тогда торжественно ей, с восхищением оглядывая их будущее жилище – снежный дом в глубине заброшенного парка.

- А бабушка? Она будет волноваться, наверное? – заметила осторожно девочка. – И папа тоже... Мы даже не попрощались с родителями.

- Не думаю, чтобы наша затея пришлась им по вкусу, - уже «спускаясь на землю», серьёзно подытожил мальчишка. – А как было бы хорошо пожить здесь неделю-другую!

- Да, пожалуй, - робко отвечала девочка. – Только чем бы тут занимались всё это время?

- Скучать бы нам не пришлось, - убеждённо загорался опять малыш. – Нет на свете ничего лучше вот такой жизни на собственный лад: ни родителей тебе, ни их поучений.

Этот мальчишка был неисправим, и он очень желал чего-то необыкновенного. При этом он так славно улыбался, а глаза его излучали неудержимые огоньки.

- Мне интересно будет всё это увидеть, - соглашалась она. – Жаль только, что сейчас не лето, а то бы можно было бегать босиком, наблюдать, как растут деревья и распускается зелень. Летом тепло и нет простуды.

- Не беда, что сейчас зима, - говорил мальчишка. – На деревья приятно смотреть в любую погоду, даже когда они укутаны снегом. Он всегда такой светлый, и от него можно больше увидеть вокруг. Скажешь, нет?

Девочка радостно кивала ему в ответ.

- Значит, останемся здесь? – Глаза его опять лучились весёлой небесной синевой.

- Если и вправду тебе этого хочется.

- Подожди, и тебе захочется, как только узнаешь своё счастье! – смешно беспокоился мальчишка. – Никакой тебе суеты и заботы, незачем подниматься рано поутру и идти в садик, валяйся до обеда, сколько душе влезет, руки не надо мыть и никто не одёргивает тебя за столом, так что не поговоришь никогда. Смело делай то, что вздумается, чем не жизнь! И ещё вокруг такая белая зима...

Девочке и в самом деле эта жизнь начинала представляться необычной. Зима и снежный дом в конце парка не казались ей уже холодными и неуютными. Лето, наполненное свежим воздухом и светом, улетело куда-то далеко-далеко, а перед ними расстилались только снежные, туманные дали.

- Смотри, что покажу, - неожиданно тронул её за рукав мальчик, и протянул на ладони что-то гладкое и прозрачное.

- Ледяшка-а, - разочарованно заметила она.

- Леденец это! – с сожалеющей укоризной торжествующе воскликнул он. – Сладкий. Хочешь кусочек?

Девочка отрицательно помотала головой.

- Может, ты их любишь, только сама не знаешь, - сказал мальчик, облизывая порядочный кусок.

- Я люблю бисквиты, и ещё - фигурный мармелад... Грецкие орехи вот тоже очень вкусные. Да много всего, - немного подумав, мечтательно улыбнулась она. - Сразу не перечить.

- Смотри, не забудь что-нибудь самое вкусное.

- Ой, снег пошёл, снег пошёл! - радостно закричала она, увидев, как в воздухе закружились пушистые охапки снежного конфетти.

И действительно, на улице валил мягкий снежок, пахло яблоками, и было тепло. А в их ледяном домике с совершенно гладкими стенами и маленьким круглым окошком было неуютно и холодно. Девочке не хотелось покидать родителей навсегда: вот если бы ненадолго... Ей вдруг стало грустно.

- Я хочу есть, - немного погодя сообщила она.

- Пей компот, - произнёс многозначительно мальчишка, придвинув к ней большую синюю ледышку.

- Это ... не компот, - опустив голову, проговорила она.

- А что же это такое?!

- Всё равно, я не хочу такой компот.

- Тогда ешь печенье. – И он сунул в её руку застывшую яблоневую хворостинку.

Плотно сжав губы, девочка трогательно посмотрела на мальчика. Она изо всех сил старалась не расплакаться, но слёзы уже навернулись у неё на глаза.

- Когда ты будешь есть, тогда и я, - еле слышно проговорила она.

Мальчишка пожал плечами.

- Что же, мы больше уже никогда не вернёмся домой? - чуть сдерживая себя, тихо спросила она.

- Конечно, нет. Мы будем...

Но, взглянув на свою подружку, мальчик понял, что случится через минуту, если они тотчас не отправятся домой. Достав платок, он помог утереть ей слёзы и высморкаться.

- Тебе здесь совсем не нравится?

Девочка только всхлипнула.

- А хотелось тебе хоть раз уехать или уйти далеко-далеко?

- Куда?!

- Ну-у, куда-нибудь, - опять заволновался он. - В неведомые края, в чужеземные страны...

- Не знаю...

Мальчик ничего не сказал. Постояв немного, он взял свою подружку за руку, и они побрели по узкой, вытоптанной в глубоком снегу дорожке, а укутанные снегом деревья молчаливо сомкнули свои мохнатые ветви над их головами.

Изредка улыбаясь друг другу, они ещё долго бродили по высоченным сугробам, вытаптывая следы неведомых животных, и ему всё время приходилось завязывать ей длинный красный шарфик, который постоянно развязывался под воротничком её потёртой шубки.

Румяные и свежие, как сказочные гномы с рождественской ёлки, прибежали они домой.

- А ну, пострелята, живо раздеваться, - встречая их у порога, ласково приговаривала бабушка. - Ух ты, снегурочка, насквозь промокла. Где ж это вас носило?

- Он хотел, чтобы мы совсем-совсем убежали и жили без вас.

Бабушка присела на табуретку, и, положив руки с маленьким шарфиком на колени, посмотрела с интересом на мальчика.

- И что же было дальше?

- Нечего сейчас об этом, - пробормотал он.

- Я нисколько сначала не боялась, - расстёгивая крючки на шубке, продолжала девочка. - Было так интересно, и домой ни чуточку не хотелось. Но потом мне стало страшно, и я заплакала.

- Ты не заплакала, - сказал мальчик.

- Ещё чуть-чуть, и я бы разревелась, наверное. А он взял меня за руку и сказал: «Покажи свою солнечную сторону, а грустную спрячь». Я всё равно знала, что мы когда-нибудь вернёмся. Правда?!

Мальчик, молча, кивнул.

Бабушка посмотрела на него, а потом тихо сказала:

- Послушай, малыш. Обещай мне одну вещь.

- Какую, ба?

- Когда ты вырастешь, и будешь уже большим и самостоятельным, ты никогда не обманешь никого. То есть, я хотела сказать ... женщину, которая будет с тобой.

- Обещаю.

- Фу, я готова, - стащив, наконец, мокрый ботик, пыхтя, проговорила девочка.

- Ну, вот и хорошо, - сказала бабушка. - Поухаживай-ка пока за дамой, мой дорогой, а я пойду, и кое-что приготовлю для вас.

Когда им надоело швыряться подушками, они ещё играли в такую игру, когда нужно постараться загнать в лунки сразу несколько шаров, а потом, удобно устроившись на старом мягком диване, разглядывали отцовские книжки из большого картонного ящика в кладовке. Особенно - толстую, с занятными рисунками и приятно пахнущую пожелтевшей бумагой книгу про одного кита, который был совсем белый, а звали этого кита- Моби Дик. Это уж потом мальчик прочитал, а тогда они только картинками любовались.

Прижавшись лбами к холодному стеклу, они долго глядели сквозь намёрзшие на нём узоры во двор, на перелетающих птиц, пока не начинало холодать в висках кровь. Звуки с улицы, словно крохотные хрустальные молоточки, еле доносились до слуха, и таяли в снеговом обрамлении зимы. Через тёмно-синие гладкие проталины, что оставались ото лба, носа и щёк, в комнату втекал ласковый зимний свет. Отпечатки же маленьких воздетых ладоней быстро утончались по бокам и леденели.

Там, за окном, морозная душа зимы неслышно витала в своих неудержимых и таинственных мечтах, восторженно вспыхивая искрящимися блёстками. И снег был увлечён только собой: кажется, он не замечал, как делает живыми деревья, улицы, дома... Печальный и задумчивый, опускался он с небес, и обнимал всех своей белой любовью.

Мальчику очень хотелось поцеловать эту девочку, но он никак не мог собраться с духом. А когда решился, то услышал рядом голос бабушки: «Ишь, пострел, везде успел! От горшка два вершка, а без проказ не оставишь и на час! - И уже улыбаясь: - Яблоко моей яблони». В своём старом потёртом фартуке, толстая и уютная, она сгребла их в охапку большими тёплыми руками, принесла в чистую кухню, и дала по куску сочного яблочного пирога. В меркнувшем свете зимнего дня они слушали её очередную историю.

Вечером, когда весь дом спал, мальчик лежал в своей кровати и глядел, как переливаются в темноте ёлочные игрушки. Тонкие прозрачные шары, словно диковинные южные плоды, тихо покачиваясь на ветвях, манили своей свежестью и сказочностью форм. Густота елового облака дурманила и обволакивала с ног до головы. В нём можно было парить, как в заветной мечте.

Игрушки загадочно посверкивали, отчего начинало казаться, что стеклянная скрипка издаёт мелодичное звучание без скрипача, а тускло-оранжевое окошко одинокого лесного домика мигает в мягкой синеве сгущающихся зимних сумерек, отчего в душе воцарялся покой. Его дарили обыкновенные ёлочные игрушки, что в темноте становились волшебными.

Уже засыпая, мальчик решил, что обязательно подарит завтра девочке своего любимца - тряпичного медведя с плюшевыми лапами и ушами. Ему хотелось, чтобы медведь был первым, кого она увидит в резком зимнем свете рождественского утра, обрамлённого пухом белоснежного инея, густо настывшего на окнах. Как и все, облаканный щедрым благословением зимы, мальчик верил в то, что когда-нибудь можно будет изъездить страну сказок взад и вперёд...

Зима из далёкого детства, несмотря на свой холод, до сих пор не перестаёт будить твоё воображение. В ней так же, как и летом, и весной, хочется мечтать, переживая все радости жизни. Зима лишь затаилась и по-прежнему ждёт внимательного прикосновения к себе детей, что всегда были самыми желанными её гостями.

Только в детстве просыпаешься утром от счастья, и весь предновогодний день оказывается заколдованным царством, в котором непередаваемо хорошо и радостно быть, и хочется, чтобы он никогда не кончался. Счастью не мешают даже морозы, что к Рождеству становятся ещё крепче, отчего деревья за окном изредка постреливают, даже - трещат, но в доме тепло, в углу гостиной ярко сияет нарядная ёлка, и предощущение скорого праздника непередаваемо чудесно. Скоро ли и на самом деле настанет вечер?

От незнания - чем бы заняться, ходишь из одной комнаты в другую, подолгу смотришь в замороженные оконные стёкла, но там ничего не видно, и уже не в силах куда-либо себя деть - заглядываешь на кухню, где бабушка стряпает пироги, выставляя их потом «доходить» на своей кровати, в спальней, укрывая накрахмаленными полотенцами. Вот-вот должны прийти гости, а пока в доме только слышен размеренный бой часов, вечер же, кажется, не торопится наступать, и сиреневые сумерки будто замерли над заснеженной землёй, не желая превращаться в долгожданную новогоднюю темноту, что принесёт много радости и подарки.

«Ах, как всё хорошо вокруг устроено, - тихонечко произносишь ты про себя. - И всё стало бы ещё прекрасней, если бы мне сегодня преподнесли футбольный мяч и лыжи!» И тут в прихожей раздаётся звонок, и мы с сестрёнкой устремляемся в коридор, где в растворённую дверь, вместе с клубами морозного пара, вваливается ... Дед Мороз! Как такое возможно?!

Поначалу немножко оробев, мы оба замираем, не в силах поверить в происходящее, но Дед Мороз как будто нас не замечает. На нём - долгополая красная шуба с белоснежными отворотами, подпоясанная золотым кушаком,

такая же красная, вся в серебристых блёстках шапка, а за спиной, перекинутый через плечо, виднеется внушительных размеров мешок, весь усыпанный искромётными снежинками. Видно, как Деду Морозу нелегко удерживать этот сказочный мешок на себе, он даже немножко согнулся под его тяжестью.

Мы, конечно, сразу догадываемся - что в нём находится, только виду не подаём, потому что опешили на время от происходящего. Уж больно неожиданно появился этот волшебный старик, про которого, в течение всего года, и думать забудешь. А он возьмёт и объявится вот так, неизвестно откуда, да ещё с подарками, и постепенно ты всё-таки придёшь в себя, и обрадуешься. В морозных узорах, за окнами, наконец-то, затеплился долгожданный праздничный свет, и на небе, в восторге от всего этого торжества, заиграли разноцветные звёзды!

Новый год опять пожаловал в гости к детям, и вместе с ним - чудесное настроение и незабываемые игры! Мы с сестрой приготовили для гостей свой подарок - театральное представление, но это - потом, сейчас всё наше внимание устремлено к сказочному Деду Морозу, которого можно даже потрогать.

Он склонился над нами с ласковой улыбкой, и я осторожно коснулся рукой его колючей белой бороды. «Неужели она настоящая?» - промелькнуло в голове. А Дед Мороз вкрадчиво спрашивает: «Это здесь проживают мальчик Боря и девочка Лёля?»

Какое-то очаровывающее оцепенение нападает на нас с сестрёнкой, и мы слова не можем произнести. Бабушка, почтительно обращаясь к дорогому гостю, будто предупреждая его следующий вопрос, очень учтиво произносит: «Весь год, дорогой дедушка, ребятки старались, вели себя исправно». И дедушка, в мгновение становящийся для нас, действительно, дорогим и желанным, снимает свой волшебный мешок с плеча, варежки на его руках тоже алые, отороченные белым мехом, и вынимает кудрявую красавицу-куклу, альбом с коробкой цветных карандашей, и ... футбольный мяч! А ещё - маленькие снегурки, загадочный калейдоскоп и пластилин. Как тут не удивиться и не воскликнуть от несказанной радости: уф!

Чудо новогоднего праздника несравнимо ни с чем. Это, конечно, можно почувствовать только в детстве, тем более, когда над тобой склоняется с праздничным приношением сам Дед Мороз, и воображаемая, до сей поры, сказка оборачивается восхитительной былью. Правда, быль эта тоже сказочная, даже - волшебная, но всего этого, разумеется, не осознаёшь в пять-шесть лет, зато очень остро чувствуешь и переживаешь.

Только какая-то безудержная внутренняя чистота, присущая детству, поможет тебе, наверное, сохранить всё это счастливое переживание до зрелого возраста. Вот бы так случилось!

Да только в детстве об этом не помышляешь: ведь скоро новогодняя ёлка зажжёт все свои чудесные огни, и на верхушке её торжественно возгорится главная праздничная звезда! Произойдёт, наконец, что-то

удивительное, то, без чего не случается ни Новый год, ни Рождество, и всё это чудесное таинство ещё будет жить с тобой долго, может быть, до самой весны...

А Дед Мороз улыбается нам с сестрёнкой сквозь седые усы, глаза его искрятся каким-то внутренним здоровым светом, и мы просим его, чтобы он погостил ещё немножко, и посмотрел нашу кукольную постановку. К всеобщей радости - Дедушка Мороз соглашается!

Как потом выяснилось - «Дедом Морозом» оказался наш папа. Он переоделся у соседей в праздничный наряд, и потом уже появился у нас с мешком подарков. Но это никоим образом не утеряло произведённого им впечатления. Наоборот, мы с Лёлей гордились папой, способного перевоплотиться в сказочного старика, и когда он им стал - мы верили, что так оно и есть, и забывали, что Дед Мороз - это папа, воспринимая его за хозяина далёкой северной страны вечных ветров и льда, где, между тем, живёт добро. Добро с радостью и в нашем доме: скоро - Новый год!

Никакой детский праздник не длится так пышно и радостно, как новогодний. Пышно, быть может, не совсем верное слово, но иначе ничего не приходит на ум. Ощущение того, что за окном ветер и мороз, а ты можешь погреться у праздничного огня, ни с чем несравнимо.

Уютно и хорошо бывает душе в эти незабываемые новогодние дни, когда, кажется, с небес само божество. Как самый ценный подарок зимы осеняет оно людей, и между ними появляется любовь. Зима более, чем какое-либо другое время года, располагает к этому: так у неё заведено.

Новогодний праздник - самый любимый у детей, и его невозможно представить без сказки. Попадая в неё, ты начинаешь верить в происходящее, замирая от счастья.

Уже тогда, в детстве, ты умел чувствовать окружающую тебя жизнь, и безошибочно угадывал в ней всё доброе. Сказки были ближе всего твоему восприятию, с ними тебе было легче познать самого себя. Иногда казалось, что взрослые этого не понимают, может быть, только догадываются...

Одна бабушка никогда не вызывала сомнений - она всегда находилась рядом, и несла такую же радость, что и зима. Не раз слышанные сказки в её устах становились ещё более необыкновенными, как название самой любимой - «Конёк-горбунок». Так славно и сладко никто из взрослых его не произносил, и звёздный мир, к которому бесстрашно взлетала маленькая лошадка, казался ещё лучезарней и родней. Про себя твёрдо верилось, что этот мир недоступен для страха и жалких обид.

Поздним вечером хорошо было ощущать бабушкино присутствие, когда она ложилась рядом с тобой и вкрадчивым шёпотом отворяла дверцу в неведомую тайну. Всё увиденное за день тогда отступало, в душе воцарялись удивительный покой и тихая радость. Как будто сказочная луна заглядывала

к тебе в окно, и вместе с тобой чему-то улыбалась. В новогодние дни даже она выглядела праздничной, и это было очень приятно.

С утра в доме обычно начиналась радостная суэта. Перед долгожданным торжеством настроение у всех было приподнятое, праздничное. Бабушка чистила столовое серебро и открывала свои старинные сундуки, откуда вытекал запах нафталина. Он приятно щекотал воображение, и как будто напоминал о чём-то знакомом, отчего ещё больше хотелось любить бабушку.

Иногда бабушка давала заглянуть внутрь сундука, и темнота неведомого дна становилась ещё более привлекательной. Пересматривая кое-какие вещи, бабушка раскладывала их на диване, и после долгого лежания они казались совсем новыми. Она почти никогда ничего из них не надевала, только разглядывала, а потом опять аккуратно складывала и запирала до будущего года.

После полудня по всему дому начинало жарко пахнуть ванилью и куличами. Сытный дух от них также приятно бередил воображение, пробуждая желанный аппетит. К вечеру на бабушкиной постели уже лежали, отдыхая под чистыми полотенцами, душистые пироги и печенье.

Играя во что-то своё, конечно, незаменимое и очень важное, можно было без конца сладостно утопать в этом предпраздничном ощущении, и с трепетом ожидать, когда все усядутся за стол. Сердечное простодушие детства тогда приобретало ещё более очарованный лик, но его скрывали под диковинные костюмы и маски. Наряжая ими себя, ты будто бы избавлялся от чар, что насылала в эти дни нечистая сила. Всю неделю после Рождества рыскала она по улицам, терзая и увлекая с собой встречаемых людей, а маски отпугивали её.

Так говорили взрослые, но от этого почему-то не было страшно, и радовала больше всего сказочность происходящего. Маски лисички или волка, когда ты надевал их на себя, сладко пахли картоном, и сразу вынуждали быть каким-то другим, быть может - таинственным зверем, пришедшим из заснеженного леса на новогодний праздник, и всё окружающее тогда, действительно, становилось похожим на добрую сказку.

От этого разукрашенные в пух и прах ребятишки выглядели загадочно, не замечая, с каким умиротворением взирает на них свысока синяя крона ёлки. Скрытый в пушистых ветках ствол источал вокруг благолепный ладан, с мягким удовольствием позвякивали золотые шишки... Прославление же той звезды, что была водружена на самой её вершине, предполагало особое настроение духа, и нужно было ещё дожить до него.

Новогодняя ель в углу комнаты дарила необъяснимо радостное ощущение, что в её хвое можно затеряться. Ёлка притягивала к себе исходящим от неё ароматом, выглядела необыкновенно приподнятой, будто там, в лесу, она всё время оставалась в тени, и лишь здесь, в доме людей, наконец, обрела свою истинную жизнь, радостно засветившись бенгальскими огнями, и, поразив на миг воображение, будто успокаивалась.

Было видно, как ей приятно находиться среди детей, на их празднике, и всё это новогоднее торжество представлялось незабываемым.

А за окном сияла тихая луна, и сердце вновь сладко замирало от предощущения этой таинственной морозной темноты. Крадущийся свет неслышно резал рождественский снег на праздничные ломти, украдкой повизгивали где-то санки.

Вот пробежал запоздалый прохожий, и весёлый смех рассыпался из-за угла, а потом опять всё стихло. Только побелевшее лицо зимы заглядывает к тебе в дом и, кажется, ждёт чего-то. Оно совсем близко, и от него хочется на время убежать в тёплую глубину дома, в комнату бабушки.

Накануне празднования Нового года, как всегда, появлялись близкие знакомые и родственники, которые приносили с собой наряды и подарки, и гостили долго – до следующего вечера. А если не пригласишь гостей – нечего и самому куда-либо ходить: ожидай Новый год дома.

Люстра под потолком освещает всю комнату ласковым тёплым светом, ей вторят мигающие на ёлке огоньки, а мы с сестрёнкой сооружаем театральный занавес из составленных в ряд венских стульев. На их спинки навешивается «занавес» - бабушкино цветастое одеяло, а в гостиной, что служит нам «залом для представления», расставлены кресла и табуретки. Мама принесла из детского сада, где она преподавала музыку, несколько кукол - героев русских сказок, которых нужно было одевать на руку и разговаривать за них сказочными голосами, и мы решаем устроить для взрослых спектакль.

Взрослые, обычно, играют в карты, кошка - с мышкой, солнышко - лучами, а дети - в куклы, и в их руках они становятся живыми... Вот и у нас с Лёлей Емеля из сказки «По щучьему велению» выходил совсем не ленивым, а весёлым и находчивым удалцом, и сказка представала в нашем воображении в совершенно ином свете. У детей, известное дело, затейливый ум.

Для гостей заблаговременно приготовлены входные билеты, у входа в гостиную их продаёт сестрёнка, а я слежу за тем, чтобы каждый из зрителей занимал указанное в них место, и если кто-то усаживается не на своё - строго ему замечаяю: «Будьте так любезны, пересядьте, пожалуйста!» Гости послушно следуют моей просьбе, все проникнуты торжественной обстановкой подступающего праздника, и в благостном настроении замирают на местах в ожидании, когда раскроется занавес. И тут мама усаживается за пианино, наигрывая какую-то весёлую новогоднюю песенку...

А воздух в комнате густеет от запаха хвои, пирогов с конфетами, и мандарин. Потрясённые воцарившейся умиротворённой атмосферой, в душе мы, дети, трепещем от переживаемого новогоднего чуда, с волнением начиная представление. Всякая душа празднику рада, а уж у ребёнка, да ещё под Новый год, тем более, и потому с самым дорогим событием сказочной

зимы жить необыкновенно хорошо, и на сердце становится покойно и счастливо.

Мы с младшей сестрёнкой любили украшать ёлку, с нетерпением ожидая того волшебного вечера, когда папа заносил её в дом. С растопыренными колючими ветвями, до головокружения пахучая и, казалось, какая-то необъятная, она еле пролезала в дверь, а мы зачарованно стояли в сторонке, с восторгом наблюдая, как он не спеша устанавливает, кажется, совсем не подходящее для городской квартиры дерево, но такое желанное, родное. Всегда хотелось потрогать её прохладные с мороза ветви, словно здороваясь с ёлочкой.

И вот, ёлка водружена, мы осторожно подходим к ней и замираем, не в силах вымолвить ни слова, а ёлка потихоньку оживает в незнакомой для себя обстановке, и будто улыбается нам сверху, куда ещё предстоит поместить рубиновую красавицу-звезду. Это, конечно, должны осуществить взрослые, мы же, малыши, с нескрываемым чувством восхищения принимаемся украшать ёлку, осторожно вынимая из картонной коробки сказочные игрушки... Чего тут только не было!

Из Германии папа привёз много ёлочных игрушек, так искусно изготовленных, что не верилось, будто припорошенный снегом домик с оранжевыми окошками - стеклянный, а скрипка со смычком и струнами - ненастоящая. Совершенно искренне верилось - фантастически раскрашенный фазан, с длинным колким хвостом, вот-вот взлетит свечой над ухоженной ёлкой, а разноцветные колокольчики сами зазвонят на всевозможные мелодичные лады, наполнив комнату волшебным звучанием...

Были ещё лимоны с апельсинами - такие аппетитные, что их тотчас хотелось съесть, а огромные бархатистые шары с изображением диких плодов неотступно притягивали к себе заключённой в их глубине волшебной тайной. Сказочные гномы в шубках и колпачках, усыпанные искрящимися снежинками, выглядели до того живыми, что чудилось, будто они бредут гуськом по зимнему лесу, уводя тебя в его глубину, где живут неведомой жизнью звери и птицы, на которых никто не охотится, и многим из них ты - добрый друг.

Все игрушки, появляясь на праздничной ёлке раз в год, на две недели, словно ожидали, чтобы их внимательно разглядели и обрадовались такому чудесному присутствию в одном месте зайчиков и факиров, рыбок и гусей, ослепительных плодов и хрустальных сосулек. После чего игрушки, хотя бы ненадолго, чувствовали себя нужными, чтобы потом, завёрнутыми в бумагу, опять погрузиться в воздушный сон, на какой способны только невесомые, хрупкие существа, изредка пробуждаясь и тихонечко переговариваясь между собой в картонной коробке...

Новогодние игрушки, как цветы на лугу: чтобы составить чудесный букет, нужно с чувством развесить их на ёлке, выбирая для каждой свою

веточку, подходящую только ей, и тогда ёлочка оживёт, обретя в себе неповторимое внутреннее содержание. На такой ёлке все игрушки представлялись живыми, их постоянно хотелось рассматривать, дотрагиваться до них, а они медленно прокручивались, переливаясь светящимися от огней боками, будто радуясь вместе с детьми и Новому году, и зиме, и возможности подарить радость другим.

Мы с сестрой даже придумали для них сказочную игру, для чего нужно было хорошо запомнить расположение на ёлке игрушек, и когда один отворачивался - другой закрывал ладонями любую, на выбор, а кто отвернулся, повернувшись, должен был отгадать - что это за игрушка. Побеждал тот, кому удавалось это чаще, после чего игрушки на ёлке перевешивали. Такая незамысловатая игра приносила удовольствие, ты проникался предновогодним настроением, и ёлка, кажется, радовалась вместе с детьми тому, что принимает участие в этом чудесном, самом любимом для них празднике.

Хорошо быть ребёнком и слушать вечерней порой, возле новогодней ёлки, величественное безмолвие зимы. Ты будто купаешься в потоках любви, которую тебе великодушно дарует сказочная зимняя жизнь. И разве можно просить в детстве нечто большее и лучшее, поскольку хватает и того, что есть!

И действительно: первые пять-семь лет - самые важные в жизни ребёнка, и как хорошо в детстве окунуться с головой именно в этот праздник, потому как таких благоприятных возможностей для счастья уже никогда не будет. Только в эти годы ты учишься летать, обретая крылья, для чего не нужна ничья помощь, потому как всё божественное уже даровано тебе: оно живёт в твоём сердце вместе с волшебницей-зимой, чудесными детскими играми и новогодней ёлкой.

Издавна повелось на Руси, что под Новый год в доме без ёлки – не праздник. Древние люди верили, что в ели живёт дух леса - хранитель зверей, птиц и растений. Воздавая почёт этому дереву, украшая его, люди старались умиловить лесной дух. Ещё они видели в ели символ неувядающей жизни, вечной молодости и силы: изба елова - и сердце здорово!

«Ёлка чище метлы дом подметёт!» - говорили в народе. И верно, аромат засахаренных «карапузиков», жареного миндаля и кекса, смешанный с запахом большой смолистой ели, украшенной гирляндами разноцветных лампочек и игрушек, кружил голову лучше любой, самой увлекательной игры. Шоколадные конфеты в форме сапожков, щелкунчики, гномы в серебристой фольге и прочие сказочные персонажи лишь дополняли это торжество, в котором волшебный дух зимы перемешивался с головокружительными запахами, что нёс с собой новогодний праздник, и увлекал тебя, вместе с еловым облаком, к восторженно взвизгивающему с морозной вышины зимнему небосводу.

Наши детские мечты часто вспыхивали на нём праздничными яркими звёздочками, радостно сверкали, и, кажется, излучали тепло. Словно начищенные снегом, они гостеприимно зазывали следовать за собой, как будто там, в необозримой вышине, находился большой радостный дом для крохотных земных созданий, никогда не устающих фантазировать. Свет от этих звёзд наполнял всю комнату волшебной тишиной.

В самом дальнем от окна углу мерный бой часов никак не нарушал эту умиротворённую тишину. Гостиная была завешана гранатовыми порттьерами, а пол был покрыт красным ковром, и этот цвет вносил в комнату ещё больше уюта. В комнате было так тепло, а за окнами так морозно, что очутиться на далёкой звезде представлялось делом поистине неподходящим. И всё же ты, не переставая, вглядывался в ночное небо, куда уносило тебя ещё не обременённое ничем чистое воображение.

Несмотря на холод, ты чувствовал себя там, как дома. Удивительная бездонность морозной ночи охватывала с головы до ног и убаюкивала неземным покоем. Сверкание заснеженных крыш внизу удивляло своей доступностью, а блеск звёзд не ослеплял, а только радовал. Закутавшись в одеяло, хотелось лететь между ними маленьким земным гостем, и не чувствовать себя там незнакомцем.

Тем временем ночные тени мягко скользили вдоль стены, теряясь в потаённых складках порттьера. Детской забавой казались их новогодние ухищрения, когда они затевали только им понятную игру. Тени таили в себе много замечательных вещей и чудесных предположений, возникающих в эти предпраздничные дни, и никогда не иссякали.

В каждом углу копошилась своя, чутьстораживающая тайна, которую даже не хотелось разгадывать. Достаточно было того, что она живёт рядом с тобой, и почти ощутима. Нужно лишь не испугаться и обратить к ней своё внимание: тайна наверняка окажется милым сказочным откровением.

За окошком светит яркий месяц, чуть вздрагивают от холода оранжевые огоньки фонарей. Под ёлкой, словно белый снег, вата лохматая, и в темноте кажется, будто по ней зайцы хоровод водят. Утро всегда приносит под сказочное дерево Деда Мороза со Снегурочкой, а вместе с ним - шишки золотые, отсвечивающие густым янтарём леденцы и мандарины, похожие на китайские фонарики: волшебный сон и явь, что приходят только зимой, в пору детства.

Прилетая на упряжке, увлекаемой четырьмя парами белоснежных коней, Дед Мороз по дороге заберётся вдруг к кому-нибудь в сани - не спасают даже рукавицы и меховые шубы! Развеселившись от собственной удалости, он забирается всем под полушубки, пробираясь до костей даже самых удалых молодцов, больно щиплет за бока молодых девушек, а ребяташек хватается за нос и уши. Дерёт так, что прямо за душу берёт!

Разукрашенные озорником Морозом, и переполненные восторгом от его игры, дети вбегают возбуждённо в дом, а ёлка тут и обдаст своим душистым теплом! Все снежной изморосью, словно сахарной пудрой,

усыпаны, радостно зардевшиеся здоровым румянцем щёки пылают здоровьем, и дети сами становятся похожими на сказочного Деда Мороза, заражая своим весёлым видом родных и близких, и тогда каждого тянет поскорее на улице оказаться, добрую силу зимы на себе испытать.

Но праздничная ёлка уже никого из дому не пускает: верховодит весь вечер своей невидимой хвойной рукой. Каждый за приятными заботами её как будто не замечает, и всё же с затаенной радостью ощущает живое присутствие дорогого для себя дерева. Трудно не почувствовать излучаемый ёлкой восторг, и кажется, что только волшебному яблочку на ней не расти, да в Новый год и это сбывается. Так всякий думает про себя, надеясь, в скором времени, обрести своё счастье.

А Дед Мороз, пролетая в своей упряжке над человеческим жильём, заглядывает в окошки, и стёкла их тогда покрываются ледяными узорами. Облако ослепительных снежинок тянется за ним по небу нежнейшим шлейфом, оно будто соткано из сверкающих звёзд. Дед Мороз кажется таинственным и недостижимым, и всё же - он свой, дороже его для ребёнка никого не отыскать.

Глаза Деда Мороза сияют холодным блеском и теплотой, от него веет неудержимым порывом и покоем. Он сдержанно улыбается про себя, и кому-то машет рукой. Маленькие дети иногда угадывают сквозь замороженные стёкла окон его лучистый взгляд, и восторженно рассказывают об этом взрослым, подтягивая их за рукава к окнам.

Но взрослые им не верят, и только ласково усмеваются, поглаживая по голове: они уже забыли, что и сами когда-то с нетерпением ждали Деда Мороза под Новый год. И как желали получить от него волшебные подарки, и тоже радовались зиме...

А дети ничего не боялись, и были только тихо очарованы невидимым присутствием Деда Мороза. И ещё они знали, что Дед Мороз обязательно придёт, чтобы порадовать их самым настоящим зимним праздником: с новогодней ёлкой, запахом снега и мандаринов, бесконечными зимними играми. Славный и добрый Дед Мороз всё долгое зимнее время без устали листал перед ними необыкновенную книжку со сказочными картинками.

Но при этом не всегда доверял взрослым, и был с ними холоден, часто подвергая испытаниям. Крался, то и дело, по пятам, передразнивая походку, пугал своим заунывным воем. Дед Мороз отлично умел выставлять напоказ странности и недостатки взрослых, которые они приобрели за свою жизнь, пока успели разувериться в ней. К детям же он благоволил своим величавым почтением и лаской, укрепляя в их маленьких сердцах веру в великую сказку зимы - её непрекращающееся волшебство.

Днём Дед Мороз приглашал детей поиграть на свежавыпавшем снегу, когда он красиво сверкал и искрился на солнце. На нём для всех хватало места, и так приятно пахло свежими яблоками, что трудно было не выбежать на улицу. Там, повсюду, обнажённые деревья и кусты были припорошены искрящимся пушистым снегом, а вместо плодов с них свисали сосульки...

Каждого из малышей, закутанного в шерстяные куртки и шарфы, Дед Мороз наделял крепким поцелуем, от которого розовели здоровьем щёки. С раскрасневшимися задорными лицами барахтались дети целый день в наваленных им за ночь сугробах, и не было предела их веселью!

Верные Деду Морозу снежинки без усталости затевали в воздухе неудержимый пляс, подбрасывая на радость ребятишкам больше снега, чтобы те могли на лыжах ходить и на санках кататься, снежные крепости возводить. Сам владыка подбавлял мороза, чтобы по замёрзшим речкам и прудам пели всю зиму, не переставая, звонкие коньки, весело летели друг в друга снежки.

Весь седой, Дед Мороз становился таким же молодым, и при этом напевал свою искрящуюся зимнюю песенку: «Я - Мороз Красный Нос! Выше ёлок и берёз, я добрее всех, веселее всех. Борода моя седа и в снегу ресницы, если я пришёл сюда, будем веселиться. Я на речку ходил, речку я остановил, я в лесу блуждал, снегом ёлки укрывал. Метели выюжные и ветры вам шлют сердечные приветы. Привет вам от берёз и елей, что на морозе поседели. А ещё - от всех лесных птиц и зверей!»

Благодаря Деду Морозу в зимний холод всякий становился молод, но именно для детей с его ласковой улыбки начинался лучший в жизни праздник. В огромном, кованном из серебра и золота сундуке, что хранился в его ледяных хорах, весь год копились подарки, один другого краше. Когда год заканчивался, Дед Мороз перекладывал подарки в свой волшебный мешок, и приносил ребятам.

Истари существует в народе поверье, по которому Деду Морозу приписывают его сказочное доброхотство. Объезжая однажды дома в сопровождении своих верных слуг, он будто бы случайно выронил несколько драгоценных камней. Они провалились в печную трубу, и попали в детский чулок, сушившийся у огня. С этого случая повелось вывешивать в праздничную ночь у печки чулки с носочками, и оставлять на подоконнике башмачки, чтобы найти в них под утро подарок.

Но главным его подарком был Новый год. Светят в бархатном небе чистые звёзды, а самая большая, по повелению Деда Мороза, медленно опускается на верхушку ёлки. Красногрудые снегири витают над его головой, беспрестанно перепархивают с плеча на плечо, и неожиданно превращаются в яркие пунцовые шары, весело крутящиеся на ветвях. Раздольно и неописуемо прекрасно устроена Дедом Морозом удивительная сказка зимы!

Дети же не в силах сдержать своей радости: их желания должны вот-вот сбыться. Какие подарки принесёт им Дед Мороз и откуда, будут ли они чудесны, как наступившая рождественская пора, или окажутся уже когда-то виденными? Нет, конечно, этого не должно случиться, и дети знают, что всё будет так, как они мечтали.

Однажды, в облаке морозных грёз и искрящихся дуновений, войдёт к ним в дом этот волшебный старик, и озарит всех добрым, радостным светом.

Под ёлкой, непременно, окажется и лошадь-качалка в алых яблоках и с золотой уздой, и тёмно-синяя матроска с белоснежным гюйсом, и бескозырка с шелковыми ленточками... Ещё воображение живо рисовало маленькое ружьё, свисающую на боку саблю и коробку с красками. До умопомрачения сладко было представлять, что там может находиться кожаный футбольный мяч, коньки и лыжи.

Никто лучше Деда Мороза не мог слепить любимое развлечение малышей - волнистые горки. Санки сначала спустятся, поднимутся и вновь ухнутя вниз: высота первой горки гораздо круче второй. А если дедушка смастерит горку, похожую на хобот слона, кататься будет ещё веселей!

Забрался на самую вершину, а потом летишь, сломя голову, вниз. Обхватив друг друга руками, можно съехать всем вместе, шумною гурьбой! Сказочные горки леденеют за ночь, и под утро вновь ждут ребят.

Ещё у Деда Мороза хранились волшебные часы, у которых вместо стрелок – хрустальные сосульки. В новогоднюю ночь они издавали мелодичный звон и тикали мягко, неслышно. Весной становилось теплее, и они таяли, а детям оставалась на память их чудесная зимняя песенка.

Если бы взрослые поверили, что Дед Мороз незаметно растворяется среди людей! Прислушиваясь к разговорам и узнавая, что кому нужно, он исполняет их маленькие желания. Нужно только очень сильно ждать его прихода, и надеяться. Особенно по ночам, когда нет рядом никого, кто бы успокоил твоё взбудораженное пришедшей зимой маленькое сердце.

Во сне Дед Мороз всегда представлялся добрым: это можно было определить по его взгляду. Даже не верилось, что он весь соткан из леденящего холода. Деду Морозу хотелось рассказать всё самое дорогое, что ты накопил в душе за целый год, а он только довольно улыбался в ответ. Но при этом тебе начинало казаться, что на самом деле ты ещё ничего толком не видел, и совсем мало знаешь.

Ты был необыкновенно доволен и счастлив от того, что Дед Мороз просто посетил тебя, и ты думал, что лучше этого ничего и быть не может. И ещё ты желал попросить у Деда Мороза маленького конька, желая улететь на нём в неведомые края. Конечно, не насовсем, а только чтобы убедиться, какой замечательной может быть наша зима, когда ты ненадолго оставил её, но всегда можешь вернуться в радушные объятия дорогой и любимой бабушки.

Ни с чем не сравнить тот искренний порыв, с каким мы в детстве пытаемся сотворить из зимы чудо. И даже не представляем, что оно уже рядом с нами: снисходит неслышно с высоких небес, устилая собой замершую землю. Создавая из снега сказочные существа, мы даже не замечаем, какие они холодные, согревая своим теплом.

Воплощением радостной мечты были для нас все снеговики и снегурочки, слепленные из первого, самого желанного снега. Казалось, что

они сами вырастают под нашими руками, а мы лишь забавляемся неведомо откуда родившимся в себе искусством. Тогда, в детстве, это нисколько не удивляло, а только радовало.

Весёлый гомон ребячьих голосов, доносящихся с улицы, должно быть, помогал и взрослым с большим удовольствием воспринимать зимнюю жизнь. Им отчего-то становилось легко на душе, и они обретали в душе доброе настроение. Вот для чего нужен был чистый снег, только что упавший с неба, и сама зима, наполняющая этой чистотой наши души.

И дети, и взрослые достойны были иметь в лице чудесного снега настоящего друга. Забавляющийся с людьми и ублажающий их души, снег старался никого не разочаровать. Он не переставал обновляться в себе, как бы ни развеивал его временами холодный безудержный ветер.

Долгожданную снежную бабу не уставали лепить и играть с ней всю зиму. А впрочем, хватало и других снежных забав, чтобы зима вызывала умиление, и долго не надоедала.

Всю свою жизнь зима проводила с такими маленькими созданиями, как дети. Иногда она сама была похожа на ребёнка, готовая добродушно рассмеяться и тут же заплакать, а через минуту, забыв обо всём, нестись, сломя голову, с ледяной горки, и кричать что-то необъяснимое, смешное и радостное. В зиме было достаточно и детской простоты, и веры в свою чистую хрустальную судьбу.

Перевалянные в снегу с головы до ног, дети не обращали внимания на протесты родителей, чьи взволнованные голоса умоляли их не резвиться так долго на холодном ветру. Им было до безумия хорошо в обнимку с зимой, и дети не желали ничего знать, пока она их не отпускала. Зима шаловливо увлекала малышей туда, где снег был всего глубже, а значит - теплей.

Если кто-то из детей оступался и падал в снег лицом, он сам становился похож на снежную бабу. Сладкое оцепенение сразу охватывало его лицо, руки и глаза, а в груди всё замирало от ощущения немислимого полёта в какую-то завораживающую на миг студёную бездну.

Зима, тем временем, наблюдала: заискрится ли малыш весёлой звёздочкой или же это ледяное прикосновение застигнет его врасплох? Она многое знала про каждого ребёнка, но никак этого не выказывала. Зима ждала, как маленький человек примет её тепло.

Когда бедный носик, ухо или щёчка на глазах белели и казались совершенно отмороженными, зима замирала от нетерпения. Ей очень хотелось видеть на лицах малышей улыбку, чувствуя их непрекращающееся веселье. А ещё больше зима желала испытать любовь детей к себе.

Но, несмотря на холод, они никогда её не боялись, и всегда знали, что всё будет в порядке. И тогда ледяной холод зимы преображался в самое доброжелательное расположение к ребёнку, и она, преисполненная лучших намерений, брала его за руку, и отводила к родному дому.

Слегка поникнув, малыш неохотно ступал за ней, а вокруг яснил морозный звёздный вечер. Насквозь промокшие варежки только приятно

горячили руки, и смёрзшиеся ресницы переливались искрящимися огоньками.

Сердце у малыша гулко ударялось в груди от того, что зима была похожа на маму, и всё время находилась рядом. Она была заботливой и доброй, укрепляя ребёнка в чём-то важном, что могло ему когда-нибудь пригодиться.

Хорошо было ощущать внимание зимы на себе, и жить всем, что она несла с собой. Зима излучала какой-то особенный свет, которым не обладало никакое другое время года. Иногда она сверкала какой-то большой невиданной звездой, что каждый год зажигалась на небе. А порой это был морозный блеск одной единственной льдинки, освещённой солнцем или луной. Не замечать ничего необыкновенного в богатом убранстве зимы - значило не чувствовать её тепла.

Проводив по домам малышей, зима тотчас приходила в себя, словно избавляясь от временного забвения. Обращаясь в лютую непогоду, она засыпала белой крупой дорогу под окнами, злою выюгой билась в каждую дверь, уносясь на крыльях метели в мерцающие небеса. Поднимая туманное облако снежной пыли, зима уже не оставляла за собой ни единого доброго следа, и тогда меркли звёзды и лунный свет, а у теплящейся жизни напрочь перехватывало дыхание.

Но для детей она всё равно оставалась самой близкой и дорогой. Они засыпали в своих тёплых кроватках под любовное завывание выюги, и с удовольствием вспоминали, как великодушно вела себя с ними матушка-зима.

Прекрасные книжки детства

От бабушки всё время исходила любовь, особенно, когда она рассказывала мне перед сном сказки. Мы укладывались с ней на широкую кровать с начищенными набалдашниками, оба в белоснежных ночных рубашках, и я сразу просто утопал в воздушной перине, будто в русской народной сказке. Бабушка знала их множество, но чаще всего вспоминала одну, про медведя, потому что мне нравилось слушать именно её.

Даже не знаю - чем завораживала моё воображение эта сказка: может быть, тем, что она, при всей своей простоте, не походила на другие народные истории. Была она какая-то необычная в своей непредсказуемости, а главное - в ней не присутствовала вычурная напевность, обычно присущая многим народным сказаниям, когда действительность, хоть она и выглядела сказочной, будто приглажена.

Сказка называлась «Медведь», была она, действительно, очень простая, коротенькая, и в ней рассказывалось, как жили-были старик да старуха, и детей у них не было. Старуха однажды послала старика в лес по дрова...

Старик идёт, а навстречу ему медведь. И вот, медведь рассказывает: «Старик, давай бороться!» Старик взял, да и отсёк медведю топором лапу, ушёл с ней домой и отдал старухе: «Вари, старуха, медвежью лапу».

Старуха сейчас взяла, содрала кожу, села на неё и начала щипать шерсть, а лапу поставила в печь вариться. Медведь ревел, ревел, и надумался - сделал себе липовую лапу. Ничего не стоило ему и приладить эту деревянную ногу на место своей отрубленной стариком лапы, правдивость чего не вызывала у меня никаких сомнений: ведь это была сказка, незаметно перетекающая в сказочную быль!

Невероятность подобного становилась возможной в сказочном изложении, где обыденная реальность сочеталась с самым причудливым вымыслом, и воспринималась уже совершенно естественно, в порядке вещей. Нет ничего хуже, если у ребёнка отбирают сказку, когда он докучает взрослому просьбою её рассказать, и такому взрослому ничего не стоит заметить досаждающему ему малышу: «Жил-был царь Тофута - и сказка вся тут!» Лишь бы, значит, отвязаться от ребёнка, но бабушка никогда не позволяла себе так поступать, ибо давно известно: дети до сказок, что мухи до браги. Кажется, она и сама получала удовольствие от сказочного изложения, так и не преодолев в душе своего внутреннего ребёнка.

Сказка о медведе нравилась мне, наверное, именно из-за неправдоподобности происходящего, в то же время - приключаящегося в этой истории. Представлялось вполне допустимым, что зверь, как ни в чём не бывало, мог изобрести себе костыль: на то она и сказка! Но, тем не менее, искренне верилось, что медведь этот какой-то необыкновенный, и обладает способностями, не присущими даже человеку.

И вот, идёт медведь к старику со старухой на деревяшке и приговаривает:

«Скрипи, нога,
Скрипи, липовая!
И вода-то спит,
И земля-то спит,
И по сёлам спят,
По деревням спят;
Одна баба не спит,
На моей коже сидит,
Мою шёрстку прядёт,
Моё мясо варит,
Мою кожу сушит...»

Бабушка произносила эту присказку нараспев, каким-то не своим голосом, отчего я подтягивал одеяло под самые глаза и лежал, не дыша, ощущая скрип липовой ноги где-то посреди комнаты, в темноте, а потом скрип приближался к самой кровати. Казалось, медведь и до нас с бабушкой доберётся, а в те поры старик со старухой тоже испугались не на шутку:

старик спрятался на полати под корыто, старуха - на печь под чёрные рубахи...

Помнится, я отчётливо представлял себе их избёнку, всю её нехитрую обстановку, печурку, крохотные оконца, и двор с зелёной лужайкой, берёзками и покосившейся оградой. К домику ведёт тропка: медведь бредёт по ней, неловко переваливаясь, уже он у самого крыльца, и вот, входит в избу. Старик со страху закричал под корытом, а старуха закашляла. Медведь нашёл их, взял да и съел.

Эту нехитрую сказку бабушка рассказывала мне обычно весь вечер, ничуть не меньше, она, должно быть, добавляла в повествование что-то своё, чего в сказке вовсе и не было. Старуха в ней поставила медвежью лапу в печь вариться, а бабушка очень достоверно упоминала о том, что старик со старухой жарили из лапы котлеты, их запах и привлёк медведя, и именно это обстоятельство его особенно и разозлило.

Запах котлет, кажется, будоражил и моё воображение, и я постоянно представлял себе - какие они, наверное, сочные и вкусные. Вкуснее даже тех, что готовит в печи бабушка.

Сказка о медведе, у которого старик оттапал топором целую лапу, просто околдовывала мой дух, и за этой историей я забывал обо всём, но только не про «конька-горбунка». Вот уж когда бабушкой начинала сказываться настоящая сказка!

Сказка эта была любимой, в самом названии её - «Конёк-горбунок»!/, угадывалась некая обаятельная тайна, чудесная недосказанность, которая, верилось, обязательно будет разгадана. Да и бабушка произносила название этой сказки как-то по-особенному, нараспев, подчёркнуто выразительно, что просто зачаровывало. «Ко-нёк, гор-бу-нок!» - чуть ли не торжественно провозглашала бабушка, и передо мной будто раскрывались сказочные небеса, существующие на самом деле.

Прижавшись к бабушке, я уже замирал от ожидаемого счастья, сердечко учащённо билось в моей груди, так что начинало представляться, словно я сам - этот маленький конёк, и вольно взлетаю над крышей бабушкиного дома в небо, легко оказываясь среди сияющих звёзд.

От одного названия сказки хотелось петь, быть таким же, как и конёк-горбунок, - неустрашимым, сказочным образом обретая способность к волшебству. С затаенно сладостным волнением представлялось, как я возвращаюсь из своего звёздного путешествия на землю, в родной дом, к бабушке. Ничто не мешало быть таким счастливым, что всё замирало в душе, переполняя неопишуемой радостью, а потом вновь успокаивало размеренным обаянием простой русской речи:

«За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба - на земле,
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына:

Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.
Братья сеяли пшеницу...»
И ещё:
«В долгом времени иль вскоре
Приключилось им горе:
Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу шевелить...»

Тут из сказки выступала царственно белоснежная кобылица, что принесла Ивану двух златогривых коней и маленькую лошадку - конька-горбунка. Игрушечка-конёк сразу пришёлся мне по душе, потому как был всегда бодр и весел, очень чудный, и я представлял себе - какой этот конёк удалой и ладный, хоть и с горбами.

И ещё мне нравилось, что конёк был верный, помогая Ивану одолеть любую беду: по приказу царя отловить ему жар-птицу, доставить ко двору красавицу Царь-девицу, добыть со дна океана её перстень. Всё было по плечу чудесному коньку, и даже горб его воспринимался как нечто очень даже притягательное, ничем тебя не отталкивая, и хотелось усесться на него и лететь к своим мечтам.

Бабушка знала эту сказку наизусть, читала её мне на память с таким воодушевлением, как будто и сама желала отправиться вместе с нами в небесное путешествие, и я был только рад такому замечательному обстоятельству, в которое, конечно, верил.

Порой бабушка останавливалась в своём повествовании, поясняя мне какие-то непонятные вещи, а затем вновь принималась за сказку. В такие моменты не было для меня ничего лучше, чем просто парить в этом воображаемом сказочном мире, принимая его как действительно существующий, ибо в детстве ты желаешь даже того, чего не в силах, на самом деле, получить, но ничто тебя не останавливает в своих мечтах.

Величайшая радость - просто быть, воспринимая неясные, но прекрасные мечты как нечто сбывшееся, или то, что обязательно, рано или поздно, произойдёт. Ничто не могло остановить мои неуёмные и прекрасные фантазии, все они, кажется, воплощались в торжествующую реальность.

В чём мне особенно хотелось разобраться, так это – как устроен мир, включая пчелу, цветок, полёт птицы и блеск воды, шум величавой листвы, синеву бескрайнего неба, аромат впитывающей дождевую влагу земли? Почему всё в нём происходит именно так, а не иначе, и как постичь это околдовывающее многообразие вещей, запахов и красок, повергающее в неописуемый восторг? Что, вообще, есть окружающая тебя жизнь, зачем в ней появился ты, и как бы обо всём этом разузнать?!

Для этого, наверное, в нашем доме и хранилось много книг: так думалось, взирая на высокие книжные шкафы, словно, в задумчивости, замершие вдоль стен. Дотрагиваясь до тиснёных корешков книг,

притаившихся за застеклёнными дверцами, становилось даже не по себе. Их неприступный и строгий вид вынуждал серьёзно над чем-то задумываться, тогда как переживать всё это, наверное, было ещё не время.

Но избавиться от подобного желания было очень не просто, с чем приходилось обращаться к взрослым: чаще всего с просьбой что-нибудь почитать. В их добром отношении к тебе неразрешимая ситуация незаметно исчезала, всё же оставляя в детском восприятии еле приметную лазейку для необъяснимого, но сладкого беспокойства. Оно возникало после того, как в комнате, пожелав тебе спокойной ночи, выключали свет.

В темноте массивные шкафы неотвратимо надвигались на кровать, таинственно поблескивая потёртыми корешками книг, и, неловко сгрудившись у моего изголовья, чуть ли не покачивались, усыпляя. Кажется, они даже еле слышно вздыхали.

Я никогда от этого не плакал, не звал на помощь родителей, а замерев под одеялом - во все глаза вглядывался в роящуюся передо мной темноту, будто ожидая появления чего-то очень притягательного и светлого.

И это светлое появлялось на следующий день в лице бабушки, когда она иногда приезжала к нам, в основном - чтобы побыть со мной. И я, конечно, умолял её почитать книжку, и чаще всего это была «Повесть о настоящем человеке».

Сам я ещё читать не умел, мне тогда было лет пять, и это желание вызывало удивление у взрослых: родители не могли допустить, что я понимаю смысл такой серьёзной, по их мнению, книги, но только - не бабушка. Она, как раз, поддерживала необычный для моего возраста выбор, и с удовольствием читала мне любимую книгу с ещё большим выражением, чем сказки: с неспешной расстановкой слов, и очень вкрадчиво.

А книга эта была огромна по размерам, какое-то юбилейное издание, подаренное отцу друзьями, с вклеенными иллюстрациями, нарисованные простым карандашом, и они сильно помогали мне в восприятии происходящих в ней событий, связанных с подвигом лётчика. Книжка была очень тяжёлая, даже бабушке было неловко её поднимать, и мы вместе с ней осторожно укладывали её себе на колени. Бабушка тесно прижимала меня к себе, и так мы замирали.

Благодаря одним картинкам, которые мы с интересом рассматривали, становилась понятной суть книги, и даже если бы бабушка не читала мне её, можно было легко догадаться обо всём, что она в себе содержит. Правда, на слух содержание книги воспринималось ещё более увлекательно, и я представлял себя тем самым лётчиком, подбитым в бою над зимним лесом, не сомневаясь, что тоже смогу быть когда-нибудь настоящим.

Детство сулило так много всего, чего невозможно было высказать, и о чём можно было только мечтать и надеяться, что верилось - рано или поздно оно обязательно сбудется. Если в детстве вы не испытали благоговейное чувство восторга перед открывающейся жизнью, то и в более зрелом возрасте вас не охватит переживание этого непередаваемо прекрасного

единства всего сущего! А я именно переживал своё единство с тем, что происходило на страницах книги, воспринимая её сюжет как собственную жизнь.

Уже в самом начале книги очаровала застывшая тишина зимнего леса, нарушенная падением самолёта. И сразу стали близки и замершие в снегу ели, и стон раненого человека, пробирающегося сквозь дремучие заросли, и страшный рык зверя, которого пробудила война. Чувство голода, с которым лётчику приходилось мужественно справляться, выкапывая из-под сугробов замёрзшую клюкву, я переживал и сам.

Стылый привкус ягоды тоже ощущался на губах, и руки, кажется, сводило от мороза, а ведь раненному человеку предстояло ползти более двух недель, ночуя в неприютном, диком лесу! Переживая вместе с лётчиком все эти невзгоды, я невольно прижимался к бабушке, и только просил её, чтобы она читала и не останавливалась.

С бабушкой, на старом уютном диване, было тепло, а вот в холодном лесу - страшно и одиноко, но я всё равно продолжал в нём свой воображаемый путь, неся в сердце непоколебимую веру в то, что любые трудности в жизни преодолею и обязательно спасусь. По-иному, почему-то, не представлялось, даже не зная - чем завершится это повествование.

То, что жизнь - небесный дар, не подлежит никакому сомнению и обсуждению, и детство в ней - особенная пора, пока она не ограничена ничем, что бы могло ей помешать. Хотя эта свобода детства никем и не воспринимается всерьёз, это замечательное обстоятельство наделяет его небывалыми возможностями, когда можно делать всё, что заблагорассудится, и никто тебя в этом свободном устремлении не остановит. Ты полностью предоставлен себе и миру, который, кажется, радуется вместе с тобой, несмотря ни на что!

Мы радовались вместе с бабушкой тому, что раненого лётчика - Алексея Маресьева, выбрали в лесу деревенские ребята, и с помощью взрослых отнесли его в землянку, накормив бульоном из последней курицы в деревне. Жители, сами голодая, пожертвовали ею ради истощённого человека, и я хорошо помню, каким вкусным представлялся мне этот бульон, так что я даже попросил бабушку тоже сварить мне курицу, не переставая ощущать всё то, чем жил мой герой.

Даже все люди, окружающие его, были мне очень близки и понятны. Что это за прекрасная книга, думал я, и, к тому же, такая доходчивая и простая.

Потом, когда Алексея перевезли в военный госпиталь и отняли ступни, я сильно переживал вместе с ним, что он не сможет летать, и опять глубоко прочувствовал за него ту заботу, которую оказывали ему его товарищи по палате. Рисунки к книге так ясно рисовали мне этих людей, тоже находящихся в госпитале в результате ранения, что я будто бы даже подружился с ними, зная всё о каждом. Но больше, конечно, думал об Алексее...

Как же дальше сложится его судьба, что он предпримет, чтобы выйти из этой ситуации победителем?! И когда он решил бороться, тренируя тело и дух, я чувствовал себя безмерно счастливым! Помнится, я так проникся прочитанным, что воображал, будто и у меня не стало ног, и я лежу рядом с бабушкой, бездыханный, но живой.

На одном из рисунков Алексей был изображён во время своей тренировки: лёжа на спине, он ухватился руками за боковые поручни койки, пытаюсь подтянуться, и по его напряжённому, мужественному лицу становилось ясно - как это мучительно больно. Соседи по палате, несомненно, поддерживали своего товарища, но ещё сильнее переживал за Алексея я, причём, так сильно, что однажды мне даже приснился сон.

Неясный зимний день клонится к вечеру. Безжизненно раскинувшееся заснеженное поле усеяно мелким кустарником и редкими озябшими берёзками. Дует неровный настырный ветер. Солнце еле просматривается из-за мутной плёнки, затянувшей небо.

На этом поле, среди торчащих из-под снега деревцев и промёрзших веточек, стоит самолёт старого образца, на каких летали давным-давно. Тревожное ощущение вызывают вся обстановка угасающего недоброго дня и острая необходимость куда-то срочно лететь, что-то изменять, очень важное и безотлагательное, отчего, быть может, зависят жизни многих людей.

Одинокая фигура лётчика в кожаной куртке, поскрипывающих сапогах и шлеме, увязая в снегу, борется с ветром. Губы плотно сжаты, за очками угадываются узкие чёрные глаза. Потом я вижу его в тесной кабине самолёта, где он пытается завести машину, почему-то яростно нажимая на педаль!/, но не в силах этого сделать: обе ноги у него отняты по щиколотку. Он до мозга костей пронизан ощущением этой всеобщей тревоги, но не в состоянии что-либо поделать - мотор не заводится...

Были ли у этого лётчика крылья? Взлетит ли он вопреки всему, что удерживает его на земле? Может быть, это было напоминание о том, что для каждого в жизни есть свой предел, или, наоборот, отсутствие такового, благодаря чему человек способен преодолеть подрезанную завидной судьбой действительность?!

Во сне мне нестерпимо хотелось помочь этому лётчику, подняться с ним в воздух, и насладиться полётом. Кажется, только позже пришло осознание, что этот лётчик - я сам.

Конечно, не каждый день случалось такое счастье, что мы с бабушкой оказывались вместе, но когда это происходило, часто читали ещё одну нашу любимую книгу - «Маленький оборвыш»!

Сумрачны были и образы в книге, и подвальные своды, где обитали беспризорные дети. Даже от книжных строк веяло промозглым холодом, и, тем не менее, книга захватывала и не отпускала.

Хотелось, чтобы история маленького оборвыша никогда не кончалась, читать книгу я готов был бесконечно, вернее - слушать, как читает её

бабушка, и мне очень живо представлялась неприкаянная жизнь несчастных детей, так что я воспринимал их как своих друзей.

Мечталось даже оказаться среди них, чтобы беспризорные дети приняли меня в свою компанию, и я бы переживал вместе с ними все перипетии их нелёгкого существования, не желая вернуться обратно, к благополучной жизни с бабушкой. До такой степени захватила меня книга английского писателя Джеймса Гринвуда, о котором я тогда ничего не знал.

Какая-то неведомая сила почти неощутимо околдовала меня, и эта необъяснимая зачарованность была порой несравнимо лучше того, что я переживал в проистекающей мимо обыденности. Хотя, о какой обыденности в детские годы может идти речь?

Скорее, в этом было повинно обаяние слога английского писателя, сумевшего тронуть самые тонкие струнки моей незрелой, но уже очень восприимчивой души. Словом, эта невыразимая сила полностью овладела мною, и я даже не заметил, как с удовольствием отдался на волю своих детских мечтаний.

За окном осенний вечер, ветер с дождиком норовят пересилить друг друга в своей ненастной возне, но эта неустроенность природы не передаётся нам с бабушкой, потому что мы вместе, лежим в обнимку на большой бабушкиной кровати с набалдашниками, и бабушка читает мне книжку «Маленький оборвыш».

Порывистые завывания непогоды за окном кажутся безликими, они не колеблют устоявшейся тёплой тишины дома, где размеренно, с расстановкой, потрескивает в углу печка. На стене, напротив, мерно вспыхивают умиротворённые от жара отблески, и я с затаенным духом погружаюсь в историю про маленького мальчика, такого же, как и я, оказавшегося по воле судьбы в одиночестве.

Джимми, так звали маленького оборвыша, походил чем-то на меня... Я этого в детстве, конечно, не осознавал, но чувствовал, и, по-видимому, угадывая в себе его черты, тянулся к этому тронувшему меня повествованию, пробуждающему в душе нечто неведомое, то, без чего я, оказывается, не мог обойтись.

По всей видимости, мне, как и Джимми, не хватало ласки от родителей, в полной мере её восполняла бабушка, и, тем не менее, в глубине души, я тосковал по тому трепетному и надёжному, что, по моему ощущению, непременно должно было присутствовать в жизни.

И всё же, оно отсутствовало, и я всё своё детство трогательно тянулся к бабушке, а она заменяла мне мать. Своей душевной теплотой, такими же тёплыми руками и певучим голосом она будто растапливала в моей душе неизвестно откуда взявшийся холод, и милость её была несравнима ни с чем, что тогда окружало меня в жизни. Маленький оборвыш Джимми, и моя любимая бабушка представляли для меня самых близких людей.

Как завораживающе бабушка умела рассказывать сказки, точно с такой же вдумчивостью, проникновенно, она читала мне про маленького оборвыша, и

я тотчас погружался в то время, где Джимми с товарищами пытались выжить в неприютных английских трущобах. Бывало, завернувшись с головой в одеяло подле бабушки, и живо представляя себе отрешённое существование малышей в холодных каменных подземельях, я тихонько начинал плакать, вернее, слёзы непроизвольно текли у меня по щекам, и я ещё ближе прижимался к бабушке, думая: «Это она для меня всё делает, и я никогда не убегу от неё, как Джимми от своих родителей, потому что очень люблю её, и бабушка меня любит, и нет на свете ничего лучше бабушкиных тёплых рук и её грудного певучего голоса».

В такие минуты воображение моё не знало границ, и я легко представлял себя на страницах книги, вместе с беспризорными детьми, воспринимая их своими товарищами. Я, конечно, не спал в охапке соломы, где сновали громадные крысы, или под холодной кирпичной стеной, освещаемой маленьким огарком свечи, на сыром полу, не раздеваясь по несколько недель кряду, в обнимку с другими беспризорными мальчишками. С горечью не думал о том, что у меня нет своего дома, а ждёт неизвестность и голод, побои и слёзы... И всё же я был с ними, переживал их беды и заботы, отсутствие родных, но между тем не чувствовал себя несчастным.

В этих трущобах было, вроде бы, беспросветно, но я не мог не ощущать в глубине себя необъяснимое тепло. Там было холодно, промозгло, а только одиночество почти не посещало меня, ну, если только ненадолго, и я всё равно нёс в душе клочок синего неба, с неистребимым интересом познавая окружающую жизнь.

Мне нравилось, что эти беспризорные мальчишки честны, хотя иногда и воруют, да чего не сделаешь, коли не ешь целыми днями, и ночью у тебя под головой вместо подушки опять окажется сырая солома. Хотелось так же, как и они, разыскивать себе хоть какую-то работу, чтобы прокормиться, нимало не огорчаясь своим несчастьем, словом, не теряя духа, перепродавать наворованные яблоки или луковицы, чтобы купить себе хлеба, может быть даже унцию сливового варенья, не стремясь при этом быть благочестивым мальчиком.

Меня привлекала воля этих отчаянных мальчишек, их беспризорное братство, и ещё я думал о том, что добывать себе хлеб, даже нечестным путём, весело, только вот убегать от бабушки я не думал, но не потому, что чего-то боялся. Просто я старался быть солидарен со своими новоиспечёнными приятелями, и мне нравилась их незатейливая вольная жизнь.

Сейчас я думаю: почему мне понравилась тогда, в детстве, эта непростая для восприятия ребёнка книга? Что обнаружил я в ней для себя, чем привлекла она меня, рассказывающая, казалось бы, о не совсем увлекательных для мальчишки событиях, временами и вовсе нечто противоположное желанию познавать мир и радоваться ему, как это происходит в детстве? Отчего так поразило меня это горькое повествование о

незавидной судьбе маленького мальчика, такого же, как и я, и ведь эта книга очень понравилась и бабушке!

Вероятнее всего, случаяющуюся на страницах книги несправедливость в отношении детей, я невольно переносил на свои взаимоотношения с отцом. С самого детства я носил в душе какое-то необъяснимое ощущение разьединённости с ним, как будто это был совсем другой человек, не мой отец. Или мой отец был тем человеком, которого я не понимал, он был далёк от меня, и это чувство разьединённости всегда преследовало меня, не давало покоя, так что, оказываясь рядом с отцом - я невольно тушевался.

Не зная, отчего подобное происходит, я, тотчас, замыкался, даже не предполагая - как мне надлежит себя вести. А если решался что-либо произнести, то отец обычно отвечал молчанием, и становилось ещё тяжелее. Каким же нужно было быть ребёнком, сыном, чтобы удовлетворить моего отца?! Я не знал.

Даже когда отец покупал мне что-нибудь в магазине, или дарил, что бывало очень редко, то и тогда он сохранял непроницаемое молчание, никак не выдавая свои чувства. Но вот, что однажды я заметил: отец никогда не вёл себя со мной подобным образом, если кто-нибудь оказывался рядом, неважно - был ли это родной нам человек, или просто знакомый. Отца будто кто-то подменял, он становился общительнее, разговорчивее, и меня всегда поражала эта перемена, я не мог её объяснить, и от этого становилось ещё хуже.

Конечно, будучи маленьким мальчиком, я скоро забывал об этой внутренней обособленности отца, о том, что он всегда находится, как будто, не со мной. Но только стоило отцу появиться рядом, когда мы оставались с ним одни, и неприятное чувство, что я ему не угоден, вновь возникало. Что же это было такое?!

Отец никогда не прижимал меня к себе, не гладил по голове, никак ни ободрял, когда мне этого не хватало, а просто пребывал в моей жизни, что называется - «выявляя отцовские чувства». Будто его принудили к тому, не спросив, и он вынужден был согласиться с этой «ношей», с радостью, если бы это было возможно, отказавшись от неё. Так мне, по крайней мере, казалось.

Замыкаясь в себе, я переживал тяжёлое ощущение горечи, перенося причину её появления на себя, собственное неверное поведение, отчего опять же становилось порой невыносимо. Но что я мог поделать?! И вот всё своё отдохновение и усладу в общении я находил у бабушки.

Может быть, именно поэтому мне и пришлась по душе книжка «Маленький оборвыш», где её герой переживал подобное чувство невнимания со стороны взрослых, и когда я услышал эту историю от бабушки, тотчас принял её всей душой. Мне самому стало нравиться это отторгнутое всеми положение Джимми, я представлял себя другом маленького оборвыша, переносясь мысленно в английские трущобы, и до

такой степени свыкся с этой воображаемой картиной, что свободно жил ей в действительности.

Даже когда мы с бабушкой вечером прогуливались возле её дома, я воспринимал всю нашу улицу с её аккуратными домиками, оранжевыми окошечками и старыми фонарями, как какую-то английскую «стрит». Что мне могло в этом помешать?

Так, порой пробавляясь со своими приятелями одними капустными огрызками, пытались мы выжить, не гнушаясь и тёмным промыслом, и когда нам удавалось раздобыть пару пенсов на чашку горячего кофе, то жизнь казалась мне прекрасной. Я очень живо представлял себе наше существование, когда приходилось браться за всё, что попадёт под руку, даже зарабатывать «лаяньем», звонким голосом предлагая к продаже цветы или землянику, за что разносчики товаров платили по несколько пенсов.

Вообще, я сразу заметил, что мне очень нравилось в этой книге произношение названия английских денег - пенсы и шиллинги, и я с удовольствием повторял за бабушкой - «пенс», «шиллинг» или «фунт», будто держа их в руках. Эти слова совершенно завораживали меня, хотя всё наше существование с оборвышем было, в сущности, довольно однообразно. Развлекали в этой полуголодной жизни, в худой одежде и со сном на голых досках приключения, находчивость и смекалка, присущие беспризорным мальчишкам, когда ты мал, и, кажется, ещё ни на что не способен, но, тем не менее, тебе удаётся выходить сухим из воды.

Когда Джим заболел горячкой, я болел вместе с ним; оказавшись обманном путём в работном доме, его должны были отправить на тяжёлые морские работы, и он бежал, чему я был необыкновенно рад; а однажды он угодил в руки полицейским, и я переживал за товарища не меньше его самого. Всё, что происходило с Джимом, до глубины души трогало и меня, и нисколько не смущало, что у него не было ни угла, ни куска хлеба, ни одежды, ни родных людей, что любили бы его.

Наоборот, моё сердце невероятно трогали испытания, выпавшие на долю этого мальчика, и я вспомнил, как ему пришлось продать старьёвщику свои башмаки вместе с чулками и платье, чтобы купить поесть, но старьёвщик обманул его, оставив без денег. Этот маленький оборвыш почему-то очень нравился мне, и мне даже хотелось походить на него!

Запомнилось, как Джим в отчаянии украл ананас, желая кому-нибудь продать его, но это ему не удалось, и тогда он съел ананас сам, отчего у него сильно разболелся живот. Кажется, живот от этого разболелся и у меня, и бабушка даже начала беспокоиться, поглядывая на то, как я изображаю на лице гримасу. Правда, вскоре «боль» прошла.

Трудно рассказать, сколько всего приключилось с Джимом, но я не оставлял его в своих раздумьях, и готов был заплакать от того, что не могу ему помочь. И ещё мне становилось горько при мысли, что всю свою энергию Джим тратит на добывание пищи, как-то он даже решился петть на улице, собирая за это медные монетки, и он не имеет возможности учиться,

чтобы развивать способности. Ведь он был удивительно сообразительный и находчивый мальчик, а главное - честный!

В конце концов, Джим поступил в обучение к трубочисту, и это тоже невероятным образом привлекло меня к нему, скорее даже - обеспокоило: ведь ученики у трубочиста жили очень недолго, ходили грязные и оборванные, порой пропадая в узкой трубе. Хозяин их не кормил, чтобы они были худенькими, и не застревали в ней. Для меня это дело - чистка труб, представлялось чем-то невиданным, и я, конечно, очень переживал за Джима. Маленький оборвыш должен был стать маленьким трубочистом!

Новые испытания, теперь уже подёрнутые сажей, свалились на голову Джиму, ему приходилось чистить по ночам церковные трубы, что было запрещено, потому как это должен был делать священник, а он поручал это дело дьячку, дьячок - сторожу, и уж сторож нанимал втайне трубочиста. Церковную сажу нельзя было никуда использовать, это преследовалось по закону, и хозяин принуждал Джима зарывать её у себя в огороде.

Мы с бабушкой очень сочувствовали Джиму в его секрете, но это занятие, как оказалось, нисколько не пугало его. Напротив, опасность предприятия придавала определённую прелесть и новизну в незавидном существовании Джима, и мы с бабушкой тоже неизвестно чему радовались.

Но радость наша была коротка: оказалось, что в мешках хозяин вывозил по ночам с церковного кладбища останки мертвецов/!/, Джим узнал об этом, взрезав ножичком один из мешков, после чего хозяин со своим помощником устроили за Джимом погоню. Если бы не двое лесничих с собаками, попавшихся ему навстречу, Джиму было не миновать беды. Лесничие скрутили злодеев, и мальчик был освобождён: но как сильно он был взволнован, да и мы с бабушкой, не на шутку, были напуганы!

Потом бабушка пояснила мне, что в древние времена в Англии существовала таинственная профессия похитителей гробов, которые тайком пробирались тёмными ночами на кладбище, выкапывали из могил недавно погребённых покойников и продавали их за большие деньги различным медицинским учреждениям. Этим делом и занимался хозяин Джима, и как я после всего восхищался выдержкой своего приятеля, его бесстрашным жизнелюбием, с каким он потом удрал и от судьи, и от полицейских, решивших отправить его обратно к жестокому отцу и злой мачехе. И всё-таки, я очень жалел Джима, мне хотелось как-то помочь ему, просто быть его другом.

Бабушка видела, как нравится мне эта книга, её главный герой, и любила почитать её перед сном. Тем более, что события в ней развивались самым неожиданным образом, и из простого оборвыша Джим вскорости превратился в...карманного вора, к чему мы с бабушкой отнеслись понимающе, хоть и не приветствовали его выбор.

Но, по-видимому, ничего иного Джиму не оставалось, он был брошен жизнью на волю судьбы, и мы никак не могли его поддержать. Никто, даже

конёк-горбунок не трогал меня так, как этот маленький оборвыш, и я думал о нём каждый день.

Вскоре Джим встретил своего старого приятеля, с кем они обитали раньше в сырых лондонских трущобах, и вдруг выяснилось, что товарищ его сделался честным, стал говорить и поступать как честный мальчик, бросил заниматься всякими глупостями и поступил на фабрику, познакомившись там с добрыми людьми. Товарищ заверил Джима, что хоть сейчас и живёт не богато, обитая в рабочей казарме, но зато - ни от кого не прячется, получая за свой труд заслуженную плату, и он готов помочь и Джиму. И Джима обуял стыд, что он ворует, Джим готов был провалиться сквозь землю, и он тут же пообещал себе, что не вернётся к воровскому ремеслу, отчего мы с бабушкой опять обрадовались за него.

Так, постепенно, жизнь маленького оборвыша стала мне близкой и родной, я и не заметил, как это произошло: до такой степени мысли маленького оборвыша слились с моими помыслами. Кажется, я даже все поступки Джима стал воспринимать как свои. Словом, я полюбил и книжку, и этого несчастного мальчика, и часто представлял - как бы повёл себя, окажись на его месте.

Благодаря книжке английского писателя, я в свои пять-шесть лет вдруг осознал, как нужно ценить простую жизнь, и как важно, что ты не одинок, за тебя есть, кому заступиться, и ты сам можешь оказать поддержку тому, кто в этом нуждается. А помог мне в этом разобраться маленький английский мальчишка, жизнь ему чаще всего не улыбалась, но он никогда не унывал и не отчаивался, оставаясь преданным жизни мальчуганом.

- Мал твой маленький оборвыш, - сказала как-то бабушка, - а мудрые пути кажет. За это его Бог бережёт!

Все эти полюбившиеся с раннего детства прекрасные книги и бабушкины истории, даже если она их рассказывала уже не по разу, мне очень нравились. Слушаешь её, и словно на лодочке плывёшь, до того она хорошо укачивает, да убаюкивает, и на душе покойно-покойно становится.

Бывало, сказывала она про что-нибудь пугающее или печальное, но всё равно выходило у неё это очень сердечно. Рукой уголок платочка ухватит, утрёт аккуратно губы, и - дальше с ней плывём.

Простые слова её повествования имели какой-то особенный смысл и содержание, а может быть - мне так казалось. Но за ними определённо скрывалось что-то большое и неведомое, о чём пока рано говорить, но кому-то из взрослых оно уже было известно. В глубине души всегда присутствовала уверенность, что рано или поздно я это неведомое разгадаю, и непременно открою нечто своё, чего ещё никто не знает, ну, если только немножко догадывается.

Частенько, рассказывая или читая, бабушка, закрыв глаза, чему-то про себя улыбалась, морщинки на щеках у неё от этого разглаживались, а брови

еле заметно вздрагивали. Занятно было наблюдать за ней, бабушкины рассказы вместе с её лицом меня завораживали, и тогда я тоже прикрывал глаза, полностью отдаваясь очередной истории, и незаметно засыпал, погружаясь в неподражаемую бабушкину доброту. Где-то ты теперь, бабушка моя сердечная?!

Всевышнее благословение

Бабушка, обычно, охотно разъясняла мне разные вещи: ведь сколь ребёнок не выпрашивает - ему всё мало, а бабушка имела большое терпение. Дети - великие мастера задавать бесчисленные вопросы, они, кажется, только для этого и созданы.

Выходим с бабушкой на утреннюю прогулку, а я, увидев, что на дорожку червяк выполз, тут же к ней с вопросом:

- Смотри, бабушка, червяк совсем голый, ему не холодно?

- Без пальто и сапог, поди, всякому не сладко!

Ребёнок никогда не позволит взрослому просто так погулять, огорошивая его тысячами вопросов. Вопросы возникают на каждом шагу, многообразие их нескончаемо, как и сама жизнь.

Вот, небо над головой раскинулось необъятным покрывалом, и оттого сразу вопрос:

- Почему небо синее?

И действительно, почему? Не всякий взрослый ответит. А для ребёнка вся окружающая жизнь превращается в сплошной вопрос: то, что от увиденного запечатлевается у него в голове, неминуемо вытекает в неутолимый интерес.

Рядом происходит несущественная для взрослого человека мелочь, но она полностью захватывает собой ребёнка: зачем это случается, и отчего именно здесь? Можно без него обойтись, и если можно, то к чему оно? Спрашивание - суть любого ребёнка, пока он только видит, но не готов постигать.

Вот, дворник Филимон, как всегда под хмельком, отрешённо метёт своей дремучей метлой пожухлые листья, и я уже к бабушке с вопросом:

- Филимон - плохой?

- Да пошто мне знать, милый, дуй его в гору! Одно и есть - злыдень. Рожа бесстыжая!

- Бабушка! – умоляю я.

- Ну, хорошо. Кто здесь плохой человек, а кто - хороший, разве разберёшь?!

- Но ведь ты - хорошая, Филимон же этот только задаётся!

- Оно может и так. Плохой человек невнимателен к другим. Он использует их, не проявляя к ним никакого уважения.

- Отчего это?

- Пуп земли наш Филимон, не иначе. Всё существует только для него, остальных он не замечает.

- Значит, плохой человек думает только о себе?

- Выходит, никто ему не нужен.

- А кто тогда хороший?!

- Хороший человек уважает другого так же, как самого себя. «Возлюби ближнего своего, как самого себя», - вот как сказано в священном писании!

- Что такое «писание»?

- Я тебе потом это объясню.

- Мы с тобой любим друг друга, и потому - хорошие.

Бабушка тихонько засмеялась.

- Все хорошие люди внимательны к другим, и проявляют к ним уважение.

- Не считают себя пупом земли?

- Мир один, а людей в нём много, и всякий достоин доброго отношения.

- И Филимон?

- Если бы существовали только хорошие люди, все дети и взрослые были бы свободны и добры. Нашему Филимону когда-то просто не повезло. И относиться к нему нужно тоже по-доброму.

- А чего он всё время своей метлой дерётся, она - колючая!

- Это оттого, милый мой, что на душе у него плохо, вот и нужно ему помочь.

- Филимон станет лучше?

- Пусть и ему будет немножко хорошо. Ведь он, родненький мой, подкидыш. Его поздней осенью нашли у чужих ворот, почти закоченевшего, так-то вот.

- А зачем его, бабушка, подкинули?

- Мать его, видать, в бедности прозябала, да, поди, ещё одна: то и решила от него избавиться. Эх, касатик, как порой бывает людям тяжело, а Бог ему жизнь зачем-то сохранил, не взял в ангелы. И не знаешь иной раз - что бы с иродом сделала, а в иное - жалко станет. Ведь сирота!

Страшно интересно мне было с бабушкой, беседы с ней держали в напряжении, и от всего этого в груди воцарялась тихая отрада. Что есть у меня такая чудесная бабушка, всем бабушкам голова, от которой - одна радость. И даже если я чего-нибудь напроказничаю - она и накажет только добрым словом, да и то, с еле уловимой грустью. Как бы сожалела, что допустила даже одно это слово. Доброты бабушка была необыкновенной, и часто приговаривала:

- От добра худа, Боренька, не бывает, за него злом не платят.

- А Филимон, бабушка, так говорит: добро, попадётся ты мне! Это он про что?

- Поговорка такая меж людей водится, когда у них добра на сердце не хватает. Не обращай внимание. Добро-то, настоящее, собьёт с него дурь. Когда хоть час в добре побудешь, всё горе забудешь.

- Бабушка, откуда добро берётся?

- Худого не делаешь, вот тебе и добро!

- Так-то легко!

- Но по-настоящему худое выходит тому, кто добра не делает никому. Век бы жила в добре! В ком добра нет, в том и правды мало.

- Добро с правдой - одно и то же?

- То правда, что старость с добром не приходит. Эх, перетряхнуть бы годки! Да чего уж, чуть жива.

А иной раз, будто засветится отчего-то её лицо.

- Господи, - нежно улыбаясь, ласково проговорит она. - Как жизнь-то хороша!

- Бабушка, - говорю я, - жизнь случается сама? Кто её придумал?

- Да, мой милый, всё самое прекрасное происходит в ней само, а для того, чтобы заработать себе на хлеб - нужно что-то делать: работать, хотя бы, как это выходит у нашего Филимона. Человек мал, а вот то, что совершается помимо него, по-настоящему существенно.

- Кто же делает жизнь сущей ... сущейственной?

- Господь наш, это Его подарок, всевышнее благословение для всех нас, находящихся здесь, кажется, безо всякой причины. Господь создал всю эту жизнь и нас по неведомому для людей провидению.

- Когда я вырасту, то во всём разберусь?

- Жизнь сама по себе прекрасна, без вмешательства нашей воли, но ты - дитё господне, и потому должен делать в жизни только то, что считаешь необходимым.

- Что нравится?

- К чему сердце твоё лежит, голубь. О чём оно заботится!

- Почему люди обижают друг друга?

- Радость ты моя... Господь подарил нам жизнь для любви, на всеобщее благо, и если любишь - никого обижать не станешь.

- А если тебя обижают?

- Прими и это с любовью, и обида перестанет быть обидой. Рассердиться легко, а ты подумай о том, что, может быть, у этого человека беда случилась, ему плохо, и прости его. Не держи никогда в сердце ничего плохого, и обижаться не придётся.

- Как у тебя всё ловко.

- Человек, который тебя обижает, словно проверить хочет: поддашься ты или нет. А ты - не поддавайся! Улыбнись при этом про себя.

- Будто мне всё нипочём!

- Верно, родной. В тесноте люди живут, а в обиде гибнут.

- А чего ж тогда Сёмка соседский меня задирает? Разве у него беда?!

- Это всё шалости ваши, ребячьи, весёлое дело! Рано вам в серьёзные дела торкаться, займитесь лучше игрою.

Но меня возбуждало любопытство, и всё, что находилось вокруг, хотелось понять, иначе, я догадывался об этом, и пропасть легко. Не то, что бабушка, она, казалось, всё видит насквозь. Вот бы и мне так!

Всё окружающее меня необыкновенно волновало, я не знал жизни кроме той, что присутствовала рядом, но и её было в достатке, чтобы и восхититься, и озадачиться. Отчего, скажем, получилось небо, солнце и звёзды, что так ярко сияли над крышей бабушкиного дома зимою? А луна? Я её часто путал с уличной лампой, раскачивающейся в непогодливый вечер над деревьями. Откуда она появилась? Всё это не просто так...

- Бабушка, а отчего тараканы у нас за печкой живут?

- Кто ж его знает, милый. Коли Господь их создал, пусть себе живут, Христа ради.

- Если их Господь придумал, тогда на что они?!

- Вот и я не пойму: ползают туда-сюда, щебечут, не разберёшь - на кой нам эта напасть дадена?! Но Богородица умудрит, так осилим Господне предзнаменование.

- Бабушка, а Господь нас посещает?

- Сдаётся мне, что у каждого - Он свой. К кому из православных, порой, и заглянет, а для кого-то - хоть по миру иди, даже мизинцем не пошевелинёт. Не то, чтоб улыбнуться.

- Отчего так?

- Да, ведь у Бога, голубчик ты мой, всё хорошо - и на небе, и на земле. Люди сами всё портят, изводя друг друга. Но Господь всех их видит.

- И нас с тобой?

- Всё Он, родимый, про всех знает, и всем воздаёт по делам. Возлюби тебя, Господь!

- А ты Бога видела?

- Не доводилось, касатик. Не сподобилась я на такое светлое событие. А вот нежить анафемскую наблюдала...

- Расскажи!

- Однажды ввечеру в баню сунулась бельё прополоскать, уж луна на небо взобралась. Стираю, значит, и слышу, будто кто по крыше, у самой трубы, перескочил и затих. Ох, ты, батюшки, так и разума лишишься сей час!

Выглянула во двор, а верхом на крыше сидит михрютка нечесаный, что и после бани, наверное, чешется, шайкой кипятка его сполосни! Рожица лохматая, проказливая, и на меня фыркает.

Я его святым крещением осеняю: «Господи, спаси и помилуй всех нас!» А он нюхает воздух, будто ластится к чему-то, и всё время ёрзает. «Милостивый Господь, - думаю, - дай мне разума, за что эту такую напасть насылаешь?!»

- Михрютка - это чёртик?

- Особая порода домовых, злой дух, что поселяется в бане. Оттого его «банником» и прозвали. Жаркий пар михрютку, на время, выживает, вот он на крышу и взбирается, ехидничает. А как я его только трижды перекрестила - вмиг отлип от меня, банный лист.

Ну, думаю, задала себе, старуха, баню. Если б не окрестила нежить эту окаянную пестом, отдала бы от страха душу. С нами крёстная сила!

Как-то я спросил:

- Почему крыжовник весь утыкан иголками?

Бабушка посмотрела на меня поверх очков, и говорит:

- Да-а, это не иголки с ёлки, они на крыжовнике к себе не шибко подпускают. И маленькие, да больно острые: пока ягоды оберёшь - выколют всю душу! Но в природе так уж заведено: нелёгкими бывают поклоны её щедрым дарам.

- А вишня? Её свободно можно рвать!

- Природа, конечно, и попускает не мало: с лёгкой своей руки, она и осчастливить может. Велико её богатство!

Но всё равно многое представлялось непонятным, и оттого очень не хотелось оставаться глупым. Нелегко объяснить взрослым - как важно становиться всё умнее и умнее. Их, кажется, уже давно не интересуют все эти вопросы. Жалко...

- Откуда я взялся? – задал я однажды вопрос бабушке.

- Известное дело - откуда все дети берутся.

- А где это место?

- Мать твоя в себе тебя родила, как есть.

- ???

- Кому не приходилось рожать, тому завсегда всё странным видится!

- Бабушка, так как же я мог там, то есть - в маме, появиться?

- В чём мать родила, так и объявился: голый младенец!

- Совсем голенький?!

- Голенький – ох, а за голенького - Бог!

- Из ... живота?!

- Именно из него.

- Разве он такой большой?

- А так ей захотелось, что хоть подай!

- Тебе тоже захотелось, когда мама появилась?

- И мне, милый! И начала твоя мама жить у меня в животе, как и ты - в её.

- И потом я оттуда вышел?

Мой несозревший разум не готов был осилить все эти сведения, поскольку детский опыт оказывался крошечным, а потому услышанное принималось на веру. Какая же роль во всей этой истории принадлежит дедушке и папе? Попробуй, разберись: как ты сюда попал?!

Когда рядом бабушка, жизнь бывает так хороша, что совсем не хочется приниматься за то, что не приносит радости, словом, неинтересно и не доставляет удовлетворения.

- Как много ты знаешь! – бывало, замечу я бабушке. – Как тебе удалось всё это постичь?

- Какой ты забавный, голубь, - ласково ответит бабушка. – Ведь это не мои фантазии, а чудесная жизнь!

- Тогда скажи, что тебе в ней больше всего нравится?

- Глазки твои ненаглядные, носик, и вихор. Тербила бы тебя за него весь день!

- Разве это может нравиться? Ты придумай что-нибудь важное.

- Ну, если совсем серьёзно, то прижимать тебя к груди люблю. Ах, если б ты знал, милый, как я тебя люблю!

- Больше всех?

- Одинаково. Как и твою маму, и папу, и свою сестру бабу Женю, но тебя, глупый мой сверчок, пожалуй, пуще других. Счастье, что мы друг у друга есть!

А я про себя думаю: действительно, какое счастье быть рядом с бабушкой, лежать на её старой кровати, прижавшись к ней, и слушать, как она выводит из какой-нибудь занимательной книжки удивительных героев, каким захочется стать и тебе. И ты уже представляешь, что совершаешь замечательный подвиг, конечно, ради своей любимой бабушки, во имя всевышнего благословения, и от этого жизнь становится ещё более прекрасной!

Зоосад

Помню, как мы с бабушкой собираемся в зоосад... Уже давно мне было обещано там побывать, но всякий раз, как только представлялась возможность отправиться туда, выходила какая-нибудь досадная мелочь, позволяющая отказаться от заранее запланированного предприятия. Всё это ожидание невероятно докучало, несмотря на то, что забав было предостаточно, и всё же я порой терял терпение от необязательности взрослых: разве они не понимают всей моей озабоченности по поводу обещанного однажды похода к белому медведю, но не исполненного?

Это ужасно несправедливо: испытывать ожидание безропотно переносящего доверие к взрослым маленького человека, имея, к тому же, нескончаемые возражения! Оставаться таким, как прежде, когда уже невозможно откладывать очевидное свидание с настоящим жирафом и слоном, доверяя призывам взрослых ещё немножко подождать, я уже был не в силах. Дело не терпело хоть как-либо разрешиться!

И вот, наконец-то, мы в сборах. Шапка на уши натянута, шаровары в ботинки всунуты, - становится жарко...

- Сделайте божескую милость, голубчик, заправьте кашне как следует! - уещевает бабушка, и без того укутывая мою шею в длинный шарф, связанный ею накануне. Таким же долгим кушаком она туго-натуго подпоясывает моё старенькое пальтишко. - Ей-богу, нет приятней чувства теплоты, а ветер холодает!

- Бабушка, разве я неженка? Авось не замёрзну! - в нетерпении восклицаю я, а про себя думаю: скорей бы всё это кончалось.

Улица, действительно, встречает нас прохладой, но в том приятном состоянии, когда на самом деле ещё не холодно, хотя стоит глубокая осень, и, набегавшись досыта, обычно возвращаешься домой румяный и разгорячённый. Бабушка усаживает тебя за чайный стол на твой высокий стульчик, и потчует своими шаньгами и пирожками, а ты сидишь, болтая ногами, и слушаешь, как за окном переговариваются маленькие птицы.

Радостно от того, что дома тепло, сладко пахнет стряпнёй, и рядом - бабушка. Её вкрадчивый голос, как и этот дурманящий запах, будто повисает над столом, бабушка приветливо улыбается, и вся эта обыденная обстановка невероятно трогает сердце.

Кажется, я даже засыпаю, одурманенный охватившей меня теплотой, пристально вглядываюсь в бабушкино лицо, и оно вдруг расплывается, удаляется, и всё исчезает. Откуда-то издалека чуть доносится её родимый, убаюкивающий голос: «Засыпай, медвежонок, я тебя укрою». После чего туманные грёзы заволакивают твоё воображение, сладкий сон смыкает веки, и в следующее мгновение ты уже ничего не слышишь. Только ласковая рука бабушки чуть дотрагивается лба, и по этому, еле ощущаемому прикосновению, ты угадываешь - как глубока и безмерна её любовь.

А на улице тонкий ледок приятно хрустит под ботиками, по нему протягиваются хрустальные паутинки, и вдоль них, будто ожившие паучки, разбегаются незамёрзшие воздушные пузырьки. Надавишь ногой на такой пузырёк - и он спрячется от тебя под другой льдинкой, но больше уже его не пугаешь, и думаешь о том, что встретишь в зоологическом саду.

Сад зверей! Должно быть, там полно диких животных, и даже обитает слон... Неужели мы его сегодня с бабушкой увидим?!

У входа в зоосад - длинная очередь-змея, как пожарная кишка: так тут заведено. Хочешь попасть в гости к зверям - за всё нужно заплатить: и за носорога, и за косуль, и за льва с тигром, и за удава, и даже - за обезьян! За весь сад, который, непременно, должен быть чудесным. Хорошо, что платить нужно только бабушке, с малышкой ни металлические, ни бумажные деньги не берут.

Не успеваем мы с бабушкой переступить порог этого чудесного зоосада, как на тебе: прямо перед нами, я сразу его увидел, возвышается ... верблюд! Вернее, сначала мы разглядели два его плюшевых горба, мало ему одного.

Подождали поближе, а у него ещё и коленки горбатые, губа же - как у дядьки Кузьмы, что каждую весну привозит бабушке дрова, правда,

немножко больше. Губа у него – не дура, противная, одним словом: ей он по пустыне всякие колючки подбирает, долго пережёвывает, и затем – выплёвывает. Так и научился, наверное, плевать!

Рядом с нами, у вольера с верблюдом, мама с маленькой девочкой на руках стояла, и девочка эта угостила верблюда плюшкой. Тот и глазом не повёл, плюшку своей противной губой прихватил – и тотчас слопал, а потом вдруг задрал голову, гаркнул что-то, и как плюнет маме под ноги! Все туфли забрызгал: одно слово – неблагоприятное африканское животное. Вот и подавай таким угощение: был бы хоть маленький верблюжонок.

Маленький серый ослик, зажмурив глаза, вроде, дремлет, а от мух, знай, хвостом отмахивается. Но меня больше всего привлекают мягкие уши ослика, и его пушистые ресницы. Из-за них не видно – спит ли ослик на самом деле, или притворяется.

Два других его товарища прижались друг к другу, и, видимо, от нечего делать – чешутся боками, успевая при этом щипать листья и какую-то травку. Лошадь Пржевальского, по соседству, отрешённо вылизывает старую корягу, будто та обмазана чем-то вкусным. Скука зверям взаперти!

Немного защемило сердце, когда увидел, как серый волчок мечется по клетке. Это его однообразное движение наводило на мысль, что он вот-вот выскочит на волю: будет тогда дело! Отчего-то я стал представлять себя свободным волком, и у меня это скоро получилось: всё-таки, какая счастливая пора – детство, всё в нём сбывается, стоит только захотеть.

Про волков мне дедушка рассказывал, какие они умные, а непутёвыми выглядят только в сказках. Больше всего остерегаются мужчин, меньше – женщин, и почти не боятся детишек, которых часто утаскивают, закинув на спину. В это не очень верилось, и когда бабушка читала мне лесную книжку, я был зачарован волками, их посверкивающими из воображаемой чащи аметистовыми глазами.

Даже, несмотря на то, что волки, то и дело, таскают овечек, всё им мало, хотелось воображать себя именно этим хищным зверем, переживая его нелёгкую судьбу. Ну, зачем держать красивых волков в клетке, разве им в лесу места мало?!

Не то, чтобы я считал себя юным натуралистом – защитником природы, но звероловов почему-то сразу невзлюбил: как же этот зоологический сад может быть чудесным, ежели он совсем не сад, а настоящее заточение для несчастных птиц и животных! За что, скажите на милость, им такое наказание?! Взять бы, да и выпустить всех этих зверей на волю: пусть будут свободными!

Хотя, как бы я тогда увидел белую медведицу? На Северный полюс так просто не отправишься, я ещё маленький, кто меня туда пустит? А тут – стоишь в двух шагах от её купальни, и любишься, как она бродит из угла в угол, вздыхая, видимо, про море вспоминает. Ведь белая медведица – морской зверь, это и на фантике конфетном разглядеть можно, где она всегда

изображена среди снега, льдов и океанского простора. В зоопарке белой медведице невесело, лучше бы льду ей принесли!

Редко увидишь, чтобы она сидела и не вздыхала: так бывает, только когда у неё медвежата появляются. Интересно: едят ли они мороженое? Белым медведям у нас жарко!

Медведица с медвежатами всегда ведёт себя очень вежливо: если они шалят, она поддерживает их лапой, а когда они засыпают - закрывает малышкой собой, задрёмывая вместе с ними. Потом неожиданно вылезет из своей пещерки, отряхнётся, и как плюхнется в воду: детвора в восторге!

Тёплая шуба у белых медведей хоть и намокает, но всё равно греет. Где же они её на холодном севере сушат? И какой у них там дом? Хоть бы одним глазком взглянуть: неужели он - ледяной?!

Наши бурые мишки всю зиму проводят в уютной берлоге, лапу сосут. Вот и в клетке они всегда сонные: ни муравейника тебе разрыть, ни корешков выкопать, ни медку своровать. Спи себе весь день, в зоопарке медвежье дело не хитрое, и оттого топтыгин больше всего любит покой.

За решёткой он выглядит сущим недотёпой, когда понуро мотается из угла в угол и трогательно покачивает лобастой головой. Потопчется-потопчется, и опять затихнет, укромно свернувшись, только круглые уши на макушке торчат: никому неведомо - что у него на уме.

Спит медведь и видит, наверное, жаркое лето, как он улей разоряет, добираясь до желанного мёда, так что даже липкая слюна в уголки пасти западает. Или привидится ему, что он сладкие яблоки с аппетитом уплетает, сидя, как человек, на усыпанной ими траве. Наслаждается мишка вольным летним довольством, тёплый ветерок мягко ворошит его густую шкуру. Приятно ему, хотя бы во сне, опять в лесу оказаться, ягодками и медком полакомиться. Так бы и жил не тужил, медведушко, на воле!

Слон - самый большой зверь, и почему мы с бабушкой не пошли сразу к нему? Не помню, как рядом оказались: я даже испугаться не успел. Какой громадный! Когда-нибудь ведь и он был маленьким.

У слона два хвоста, а во рту - клыки! Бабушка объясняет: спереди - хобот, хвостик позади. И вдруг он этим хоботом ловко из бочки воду зачерпнул, и - бух себе на спину! Аж затрубил от удовольствия, так что мурашки по телу побежали. Вот проказник!

Слон - добрый, я об этом сразу догадался, когда увидел его глаза. Смотрит ими безропотно со своего великого роста, не мигает, и как будто сказать что-то хочет, только не умеет. Слоник, милый, плохо тебе здесь, наверное, живётся. Расскажи!

Такой великан, а ест только зелень и фрукты. Срывает их хоботом с деревьев. Рук-то у него нет! Не то, что у обезьян: те, знай, только хватать успевают, что ни подвернётся. Смотри, не прозевай: могут и банан из рук выхватить, и яблоко, если зазевался. С ними держи ухо востро!

Обезьяны - самое неблагонадёжное в животном мире племя! Вот уж кого совсем не жалко: им самое место в зоопарке! Мордочки у них, хотя и симпатичные, но хитрые, можно даже сказать - хитроумные.

Чего обезьяна придумала - ни за что не отгадаешь: должно быть, её немцы изобрели. Черти лукавые, одним словом, точнее не скажешь. К тому же, необычайно пронырливы: пролезут везде, где их меньше всего ждёшь. Заморские гости, чего с них взять!

Хитрить, да вводить других умышленно в заблуждение - у обезьян привычное дело. Такого наплетут, что не развести концов! Очень правильно, что их определили за решётку, иначе - кричи караул!

Мальчик с булкой подошёл к самой клетке, и только немножко отвернулся, а булки и след простыл. Хитрецы, не приведи Господи! Из обезьяны даже плохого человека не получится.

Не то, что тигр: я его уже издали заприметил, и поразился яркой красоте и силе. Большая полосатая кошка без устали наматывает в клетке круги, мощь свою ему девать некуда, а глаза спокойные, умные.

Мельком лишь взглянет, и будто всё о тебе знает: и как зовут, и что ты кашу поутру не доел, и про клад с монетками, который втайне от бабушки в углу сада закопал, и даже о существовании пьяницы Филимона - нашего дворника, кажется, догадывается. Вот кого не мешало бы в клетку посадить!

По всему видно - тигр очень разумный зверь, все его боятся, а ударом своей лапы может, наверное, и медведя завалить. Но сейчас он отдыхает, вон какой кусище мяса проглотил!

А тут - будто гром по зоопарку прокатился, так, что все посетители на секунду опешили: это лев издал свой рык. Вот кто, действительно, всех сильней и страшней, одна грива чего стоит! Звери-то, конечно, к громогласному рыканию льва привычные, но и они на время притаились. А ну как кого-нибудь да поймает? Не удержать такую силищу даже в клетке!

Правда, наш лев оказался стареньким: кожа вся в складках, хвост какой-то обвислый, лев не хлещет им себе по бокам, да и взгляд отрешённый. Надоело ему, наверное, людей своим грозным видом потешать, вот он весь и осунулся: не грызёт уже засовы и пол, не мечтает о своей африканской пустыне. Но чтобы помнили - кто на самом деле царь зверей, он иногда даёт о себе знать страшным рыком, и все, окружающие его звери и люди, уважительно притихают.

Юркие белки очаровали нас с бабушкой своей сказочной красотой. Будто маленькие человечки резвятся они на обустроенных для них в вольере ёлочках, глазки-бусинки так и горят неизбывной радостью, пушистые кисточки на ушках вздрагивают от возбуждения. «Бабушка, - в восторге восклицаю я, - вот бы нам домой такую весёлую попрыгунью!» Бабушка только ласково улыбается.

Да, с белочками скучно не бывает, они, кому хочешь, поднимут настроение. Совершая ловкие прыжки, они демонстрируют всем игривость своего характера: белочки никогда не унывают, и даже когда выпрашивают

угощение - выходит это у них очень доброжелательно. Орешки с конфетками у них не переводятся, а им всё мало: забавные зверьки готовы стать ручными, лишь бы заполучить семечку или кусочек печенья.

Часами бы стоял и глядел на этих чудесных проказниц, как они смело дотрагиваются лапками твоей ладошки и стремглав удирают в укрытие: прячут, наверное, своё богатство. После их прикосновения на душе становится ещё более радостно: до чего же милый зверёк - белочка, думаешь ты: шубка мягкая, пушистая, хвостик шёлковый, и такая ласковая!

Совсем по-другому ведёт себя хомяк. Сидит себе за стеклом, в ворохе соломки, лапками зёрнышки из неё вытаскивает и тотчас в рот отправляет: челюсти у него находятся в непрерывном движении, хомячок всё время чего-нибудь ест.

Он, как будто, должен быть постоянно занят, ему некогда отвлекаться, и он только успевает набивать щёки. Вроде бы, достаточно однообразная, даже - скучная у него жизнь, но хомяку, наверное, так не кажется.

Для кого-то хомяк - толстый, вредный и жадный зверёк, а по мне - так очень симпатичный, когда набивает щёки семечками или зерном. Розоватый носик так и ходит по его мордочке ходуном, придавая зверьку ещё большее обаяние, и хочется потрогать рукой его надутые щёки, что, скорее всего, не помешает ему продолжать жевать. Не то забота, что много работы, а то забота, как её нет! Бабушке хомячок тоже понравился: не какой-нибудь там ленивый лежебока, труженик!

Ещё хомяк - мастер оборудовать себе гнездо: как только надоест ему где-нибудь сидеть, так он тотчас отыскивает новое место, тщательно обустраивает всё в нём, и сидит какое-то время, пока его опять куда-нибудь не потянет. В норке у него, должно быть, всё с любовью разложено, чтобы ничего не мешало ему есть... Ест, а сам, наверное, думает про то, чем бы ещё поживиться.

А то примется хомячок умываться, даже про зёрнышки свои забудет. Умывается очень тщательно, видно, что старается, потом оглядит себя, и, оставшись довольным, вновь берётся за еду. Больно сердит до неё хомяк: чем больше ест, тем больше ему надобно!

У вольера с зайцами - не протолкнуться: все хотят увидеть, как они грызут сладкую морковку! Малышам всегда зайцы по душе, смотреть на них - не насмотреться.

Один зайчишка, самый маленький, так устал морковку грызть, что заснул, вывернув заднюю лапку назад, и до того у него это мило вышло, что все с таким же умилением разглядывали его очаровательную позу, и улыбались. Разве можно оставаться равнодушным к этим чудесным зверькам, для которых на воле под каждым кусточком и стол и дом?

Зайцы всю ночь жируют на осинках - объедают сочную кору, а под утро, где их рассвет застанет, там и спать ложатся. Нет более непритворного и обаятельного зверька, чем заяц.

Особенно любят зайцы на солнышке погреться, и когда оно припекает - поднимаются на задние лапки, передними опершись о заградительную решётку. В эту пору они кажутся такими доступными, что никак не можешь к их открытости привыкнуть: зайцы похожи на живые игрушки, что, чудесным образом, оказались под рукой.

В зоопарке их так и хочется погладить, потрепать за уши. И почему-то верится, что заяц не испугается, не отбежит, а только замрёт от удовольствия, и будет сидеть, не шелохнувшись, так что почувствуешь, как ударяется в груди его взбудораженное этим прикосновением маленькое упругое сердце.

Лисичка выбежала к нам навстречу из своего «лубяного домика» как из сказки. Показалось даже, что она улыбается, оскалив зубки. Позабылось, что мы с бабушкой сейчас в зоопарке, такой неожиданно живой представилась лисица: она просто заворожила своим огненным хвостом и укромными повадками, бесшумно рыская по клетке. И опять подумалось: зверь - в неволе, как ему, наверное, нелегко совладать со своей несвободой!

Только коготки лисы чуть слышно цокают по камешкам, и вдруг она как вскочит на задние лапы, сложив передние на груди, ощерится на мгновение, и снова бросает себя в это бесконечное движение в замкнутом пространстве. Хотя я и маленький, а прочувствовал за неё желание выскочить отсюда: вот бы - обратно, в русскую сказку, где ей жилось гораздо привольней. Лисонька, конечно, та ещё прыга, зато - какой чудный зверь: именно сказочный!

Лукавство её - обаятельно, одна шуба оранжевая чего стоит: брюхо лазоревое, а хребет бобром! Вострые же ушки на макушке у лисички такие чуткие, что сразу понятно: своего она никогда не упустит. Не зверь, а золото!

Ещё кого видели? Дикообраза! Как бы его не превозносили, но никуда этот зверь не годится: весь - сплошные колючки. Ходит туда-сюда, и всё время этими колючками постукивает. Ни поиграть с ним, ни погладить!

То ли дело - кенгуру! На животе у неё - котомка, куда она своего детёныша засовывает: больше, чем у бабушки! Может и арбуз туда положить, если потребуется, или - бананов целую связку, чтобы детишкам своим отнести. Зачем кенгуру в клетку сажают: она же в Австралии живёт!

Птиц в зоопарке - не перечсть! Все такие настоящие, живые, и, вроде бы, доступные: понять их оказывается очень легко, когда они - в клетке. Но вот попробуй, научись так летать, представляя себя птицей хотя бы и здесь, рядом с ними?! И сразу понималось: не суждено тебе парить в небесах, как птице, и от этого становилось немножко грустно.

Остановились с бабушкой напротив сов: вот уж кто среди них самый замечательный, так это - воробьиный сычик! Махонький, нахохленный, но очень хороший. Я как только его увидел - сразу почему-то обрадовался: как будто в лесу дремучем оказался.

Это потом, когда я вырасту, воробьиный сычик придёт в мою ночную, глухариную жизнь провозвестником необозримого лесного счастья, а тогда, в зоопарке, он представился мне насупленным, милым существом, которому

бы только выказывать кому-то свою неразделённую обиду, не видя ничего, кроме своего загнутого носа.

Вся суть сычика - одно заунывное ду-ду-ду, ду-ду-ду, ду-ду-ду, которое не передать словами: кажется, будто в ствол дедушкиного ружья задувает ветер, и всё не прекращается, дует и дует. Так и сам я часто делаю, когда мне отчего-то становится грустно. Маленький сычик невольно вошёл в мою жизнь добрым предзнаменованием, так я думаю сейчас, потому что если ты дудишь от души - жизнь тебе обязательно улыбнётся.

Хоть и в зоопарке мы с бабушкой побывали, не в самом лесу, а всё равно - как в стране чудес: кого тут только не встретили. Даже - крокодила! На наших зверей он вовсе не похож, уж больно медлителен, даже - важен, да и куда ему спешить, если он всё время в воде сидит?

Без воды крокодилу никак не обойтись: погрузится по самую макушку, как кочка замшелая над поверхностью воды торчит, и глазками своими жабьими тихонечко поводит: кого бы ухватить?!

Но хватать в зоопарке некого, здесь - не настоящая природа, и всей воды отвели крокодилу маленькую ванную, в которой ему совсем не сладко. Африка крокодилу, наверное, снится, буйволы и гиппопотамы, и от того проливает он свою крокодилью слезу. Теперь я знаю, что она у крокодила только в зоопарке появляется, в родной Африке ему хорошо!

Вот такая штука замечательная - этот зоопарк! Вроде бы, со всего свету зверей собрали, чтобы ребятишки смогли на них поглазеть, и такое зрелище ребятам, конечно, в радость. Но правда в том, что мамаша-лиса хочет кормить своего сына-лисёнка в лесной норе, и хомячку приятнее всего глядеть на звёзды, как на вкусные зёрнышки, рассыпанные по небу, не за стеклом, а в своём соломенном домике, на любимой лесной опушке. Нравится животным оставаться самими собой, и я тут ничем не могу им помочь!

Правда жизни

Уже с самого детства стал я частенько задумываться – как мне жить? Видел, что и многие взрослые люди про это ничего не знают: живут, как придётся, или – кто к чему привык. А мне так жить не хотелось, и я не отступал от своих мыслей о жизненном смысле, не переставая, думал о нём, веря, что добьюсь не дающей покоя разгадки, и, действительно, однажды добился. А вы как думаете: где тут собака зарыта?!

Всё дело – в правде, в желании жить только по ней, чего бы с тобой не случилось, и если не свернёшь с этой дороги – достигнешь в себе Бога, чего Он терпеливо ждёт, отпуская каждому только те испытания, что человек способен вынести.

Ну, а коли не выдержишь, лишишься в сердце терпения, то уж не добьёшься той самой правды, способной принести и тебе, и людям истинное счастье. Пеняй теперь только на себя, никого не виня, ибо правда со счастьем

рука об руку ходят, судьба свою радость никак не может миновать, и жизнь должна продолжаться не по тяжкой необходимости, а по великому жизнеутверждающему благу, с любовью и правдой.

Правда жизни - выше всего, важнее любых жизненных впечатлений, потому, как только с ней ты обретаешь возможность иметь душу: так говорила моя бабушка. Вот и бабушкин дом был наполнен правдой добрых отношений и к жизни, и к людям, которые в нём бывали, и этой правдой хотелось непременно делиться, потому что её было много. Все в ней принимали участие - и взрослые, и дети, не существовало какого-либо разделения в любви, но вот что странно: из этого дома уходили мужчины.

Ушёл по неизвестной причине от бабушки Саши дедушка Боря, от бабы Нины - дедушка Миша, а от бабы Жени - её муж, Иван Васильевич, правда, по болезни. У бабы Саши погиб на войне сын и мой дядя - Володя, у бабы Жени война тоже отняла двух сыновей - Николая и Леонида, и, тем не менее, это обстоятельство никак не повлияло на жизнеспособность дома, более того - даже укрепило его и в любви, и в правде.

Никто из женщин и оставшихся мужчин не испытывал желания как-то выделиться в нём, удержать нечто именно за собой: все находились в дружбе, что не бросается в глаза, и заботе друг к другу, если бы только не пьянство моего двоюродного деда - Ивана Ивановича. Впрочем, и он, когда не был подвержен затуманивающему воздействию вина, оставался ко всей родне очень внимательным и добрым, обращая это внимание и на детей: мы его не боялись, больше - жалея.

Так, незаметно для чужих глаз, дом наш существовал своей правдивой и доброй жизнью, где правили всем бабушки сёстры - Нина и Женя, как было и при их матери, моей прабабушке - Ольге Филипповне.

Она тоже рано потеряла своего мужа и моего прадедушку - Ивана Дмитриевича Шабалина, ушедшего из жизни по болезни сразу после окончания первой мировой войны, как только он с неё вернулся. Ольга Филипповна пережила Ивана Дмитриевича почти на сорок лет. Выходило, что именно женщины всегда вели этот дом, спокойно приняв всю заботу о нём на свои плечи, и никогда и никто не слышал от них какой-либо жалобы или осуждений. Некому было судить бабушек кроме Бога, да только и Он был на их стороне!

Правда в нашем доме жила не какой-то своей, особенной жизнью, а очень даже просто, потому как в простых сердцах и Бог почивает. Вроде бы, и не броско в глаза, и не шибко богато, зато - всегда в достатке, верно и исправно.

Дом вести, говорят, не лапти плести, но у бабушек всё обустройство его выходило без каких-либо затей, свободно и со вкусом. Всякий дом хозяином держится, и в нашем всем заправляли добрые и мудрые женщины, мои любимые бабушки, что жили по такой, казалось бы, обыденной правде, что была близка и родна для всех.

Без правды жить легче, да помирать тяжело: бабушки же от правды никогда не отставали, чем и были дороги моему сердцу, ибо кто правдой живёт - всегда добро наживёт, а добро - к Богу приводит.

Однажды я спросил у бабушки:

- А что такое - правда?

- Правда - это, милоч, блаженство. И от того на душе всегда покойно, кто её достиг.

- Тот, кто правду любит - самый сильный?

- Можно сказать и так. В правде только сильный и может быть.

- А как стать сильным?

- Это само, голубь мой, приходит. Ты, главное, не бойся ничего.

- Даже дворника Филимона?

- Этого-то, басурманина, чего остерегаться?!

- А бабушку-чернявку, с соседского двора? Все её боятся!

- Пресвятая мать божия, возврати разум людям! Да добрее её по всему нашему околотку не отыскать!

- Я знаю - чего не надо бояться.

- Сказывай.

- Утопнуть, когда с мальчишками на реку идёшь.

- И это тоже. Но самое важное дело - себя не бойся показать: какой ты есть.

- А если я этого не знаю?

- Не важно - имеешь или не имеешь в себе добро, ты, главное, сердце своё слушай. Всё, что в тебе есть - такова и честь.

- Как это?!

- Ну, вот, положим, не умеешь ты чего-то делать, скажем - плавать, а признаться в этом духу не хватает. Боишься, что та же ребятня примется на тебя перед всеми зубоскалить, но ты перебори в себе слабость. Всем открыто заяви: мол, так и так, не привёл, Господь, столкнуться ещё с таким чудом, растолкуйте.

- Так ведь засмеют!

- Полно, родненький, Бог с тобой! Примутся наперегонки своё умение демонстрировать. Такова природа человеческая, водится меж людей грех: про себя молвить - сладко, а о других - горько!

- И сразу станешь сильным?

- Тяготение к силе, голубь, не должно стать целью. Не стремись к ней, а просто будь собой, живи, как чувствуешь, и в тебе рано или поздно проснутся неведомые жизненные силы. Они проявятся незаметно, ты это почувствуешь, как только в них возникнет потребность, и тебе ничего и никому не нужно будет объяснять. Все и без того поймут, что в твоей душе родилась сила воли над самим собой.

- Ба, а ты - сильная?

- Моя сила в том, чтоб тебя любила.

- Какая же это сила?

- Вот, взяла себе, родной, такую силу! Во власти её только и нахожусь, - улыбнулась она.

- А во мне сила есть?

- Как в комаришке, - засмеялась бабушка. - Да только не в силе Бог, милый, а в правде. Но верно то, что если хочешь драться - надо с силой собраться.

- А что же, всё-таки, есть правда, бабушка?

- Правда, миленький мой, это большие дни жизни для человека. В течение их он растёт, становится чище, проявляя внимание ко всему, что его окружает. Помни: при «есть» - грош всегда медный, а при «нет» - серебряный. Недаром говорят, что покой пьёт воду, беспокой же - мёд.

Быть чутким к миру очень не просто, принимая боль чужого как свою, но без этого не обойтись. Радуйся жизни, свет мой, всё к тебе придёт, я это сердцем чую.

- А Филимоша говорит, что нет правды на свете.

- Тьфу, на него, Господи прости! Сами небеса возвещают её: чтобы человек задумался о своей жизни, жил по правде. Так и ты, кровушка моя, живи по ней.

Бабушка обняла мою голову, и отчего-то заплакала. А потом прошептала на ушко:

- Сердце моё...

- Бабушка, чего ты?

- Миленький. Что ни говори, а дура я старая: знаю, что палат каменных с правды не наживёшь. Туго тебе придётся, я это вижу, оттого и плачу. Но иного пути нет. А ты счастливым когда-нибудь станешь, потому, как правда в тебе есть.

- Я и сейчас, бабушка, счастливый.

- Золотце моё.

Бабушка опять заплакала.

- Ну, будет, - встряхнулась она. - Пойдём чай с малиновым вареньем пить!

Хоть я и был маленький, но чувствовал, что в бабушкиных словах много правды, и она во всём права. Трудно ей было объяснить мне - что такое правда, но она всегда оставалась честна со мной, и за это я её любил.

По правде сказать, я и сам, в свои пять-шесть лет, чувствовал, что без правды жить легче, да только потом будет тяжело, как говорила бабушка. И только через много лет, став взрослым, понял: над правдой не мудруй, а живи по ней, чего бы тебе это ни стоило, и тогда однажды причалишь к своему счастливому берегу. Правда тебя сама отыщет: всё минует, она одна останется.

И ещё: не ищи правды в других, коли, её в твоём сердце нет, а сделай так, чтобы она стала тебе сестрой. Всё в этой жизни мимолётно - и любовь, и красота, и сама жизнь. И в этом непостоянстве мира - его правда, которая

окружает нас со всех сторон. Правда - это то, что пребывает всегда, она была и будет, всё остальное - временно, а потому - неправдиво.

Пройди честно через живой опыт своей жизни - и будешь правдивым, а значит - станешь мудрым. Никакого другого пути нет.

Правду, как и мудрость, невозможно занять у других, её необходимо пережить самому, достигнув через собственное бытие, ничего не боясь, и тогда к вам придёт и любовь, и красота, и счастье. Так любите, танцуйте, живите: радуйтесь тому, что вы есть!

Божественный зов

А действительно - боялся ли я чего-либо в детстве? Пожалуй, что нет. Может быть, только остерегался, или что-либо было противно моему бодрому нраву, но чтобы испытывать страх с боязнью: такого со мной не бывало.

С детства я как-то сразу усвоил, что безрассудно сердиться на непогоду, все неудобства, что преподносит природа, не зависят от человеческой воли, и что грешно проявлять недовольство и роптать на слякоть во дворе, дождь, снег или пронизывающий ветер, поскольку все эти напасти посылает нам Бог. И оттого люди должны принимать всё происходящее с ними спокойно, в полном радушии к природе, какие бы сюрпризы она не уготовила, не страшась её.

Доброе расположение ко всякой неурядице с погодой, взятое за обычай с малых лет, впредь уже никогда не позволяло ей испытывать моё терпение. Какое бы неустройство не уготавливали мне мороз и холод, ливень и зной, ураганный ветер и шторм, я не боялся ничего, и всегда сохранял в душе уравновешенность и покой, а судьба хранила меня на каждом шагу.

Да и способно ли пасмурное небо или лютая метелица нарушить настроение не испорченной неверием в собственные силы молодой и неустрашимой душе? Ведь в детстве за счастье – даже дождь и ненастье!

Случались, конечно, отдельные истории, когда дух мой начисто был подвержен пугающей неизвестности от происходящего, но такие случаи возникали, как правило, неожиданно, оказывались кратковременными, и какого-то настоящего ужаса и потерянности от него не вызывали. С ними вполне можно было сладить, по истечении определённого срока случаи эти не представлялись неразрешимыми, и воспринимались уже без какого-либо страха, даже - весело.

Боязни, напрочь сковывающей всё моё существо, я никогда не испытывал, и такого рода препятствия казались совершенно не стоящими внимания. Что это были за истории?!

Я не боялся ни темноты, ни воды, ни постоянно подвыпившего дворника Филимона, ни соседских задиристых мальчишек, ни змеек на болоте, ни деревенского погоста, мимо которого мы с бабушкой часто

проходили. Даже наш козёл Борька с его огромными загнутыми рогами не вызывал у меня дикого испуга, хотя я его всё время сторонился.

Но вот по поводу кого я действительно привередничал, порой доводя бабушку до невольного раздражения, самозабвенно впадая при этом в необъяснимую крайность, так это из-за старухи-чернявки, проживающей с нами по соседству.

Желая укротить во мне подобную капризную странность, бабушке впоследствии приходилось даже с сожалением сообщать о ней моей матери, чтобы она обратила внимание на эту сторону моего характера, способную, по её мнению, стать в будущем помехою для моего существования. Но какой жуткой черноты достигал взгляд этой старухи, что представлялась мне не иначе, как бабой-ягой!

Чернота эта была не похожей на обычное чёрное, и даже, скорее, не пугала, а завораживала. Из-за этой темноты ничего вокруг невозможно было видеть, и я полностью оказывался повержен беспредельной глубиной глаз старухи, лицо которой, кажется, ничего не выражало. Околдовывали только её глаза!

Они снились мне. Причём, постоянно, но я не боялся их во сне. Чернота, как ни странно, не пугала, а скорее вызывала какое-то недоумение: старуха пристально всматривается в меня, а я, между тем, остаюсь живой и радостный.

И вот ещё что: чернота старухи была необыкновенной. Поравнявшись с нами и поприветствовав бабушку, старуха неожиданно склонялась надо мной, и, ничего не говоря, долго всматривалась в мои глаза, отчего всё во мне будто переворачивалось и немело, и я старался спрятаться за бабушкину юбку, обхватив её сзади руками. Старуха ещё какое-то время наблюдала за мной, ничего не произнося, и в такие минуты самое интересное и значительное в моей жизни меркло, поглощённое этой необъяснимой чернотой.

Поражало ещё и то, что бабушка всегда была любезна с этой старой женщиной, словно не замечая её пристального внимания к своему внуку. Чёрные же глаза старухи будто горели неизведанным жутким огнём, олицетворяя для меня ночь.

Но черниться моё сердце не желало, и я всеми силами стремился не поддаваться воле старухи-чернявки. Бабушка же только умудряла: «Не всё чернит, что чёрно!». Да и то верно: на всякую беду страху не напасёшься, и если чернота страшит, то Бог милует.

Правда, случалось такое, что напроказишь в детстве, и весь дрожишь, ожидая, как к тебе кто-нибудь из взрослых подходит, уже, наверное, желая наказать. А более всего я остерегался отца, и вот - он остановится рядом: такой грозный, будто уж весь мир завоевал, и всё про всех знает, смотрит серьёзно, нахмурившись, так, что ты готов сквозь землю от стыда провалиться, словно это Бог пришёл тебя покарать.

И так тебе отчего-то обидно становится, что тотчас пронзает простая мысль: да ведь ты - ребёнок, шалить и быть непослушным - милое для тебя дело. И ты, переживая все эти чувства, что взрослые не понимают всей твоей простой правды, вдруг неожиданно отыскиваешь в себе смелость, уже не боишься отца, и смотришь в его насупленное лицо ясно и открыто.

Тревожное состояние души не было присуще мне в детстве, так я был устроен. Не существовало тогда в жизни такого, чтобы страх вдруг обуял меня - и я бы растерялся. И хоть говорят, что в ком есть страх, в том есть и Бог, а не тряслись у меня в детстве поджилки. Скорее, в доме нашем был хорош строгий порядок и доброе послушание, исходящее от бабушек, и я безропотно следовал только ему, ибо любил их.

Им, не поддающимся ни единому страху, я беспрекословно верил, и во всём подражал. Быть в страхе, значило по их понятию, находиться в полной покорности, а бабушки были вольны в своём поведении, какое передавали и мне. Иная вера - со страхом живёт, иная - с любовью, между бабушек же всегда царило принятие жизни такой, какая она есть.

«Не страшись, да не хвались, - говорила бабушка, - вот и окажешься у царских дверей!» А то ещё так: «Сколько не страшись: придёт смерть и без твоих гроз». У нас, мол, беда с подушками живёт, и верилось мне, что так оно и есть.

Человек, который способен отпереть своё сознание и не спасовать перед жизнью, может считать себя свободным, то есть - угодным Богу, и бабушка моя всегда жила богоугодно, ей всегда было присуще жизнелюбие. Помню бабушкины натруженные руки, они всё время пахли ягодами, каким-то чудесным вареньем, какого она даже не готовила. Запах этот не прекращался никогда, какую бы грязную работу бабушка не исполняла.

От всего её тела, не только от рук, исходило ласковое благовоние, которого я ни от кого не чувствовал, и эта благодать изливалась из бабушки как милосердие, содержащее сладкий ягодный дух, особую душистость, что обычно в изобилии присутствовала в доме по праздникам. Бабушка же пребывала в нём всегда.

Помню, как мы гуляем с бабушкой, взявшись за руки, то ли это было воскресенье или какой-то праздник, и вдруг, как гром среди ясного неба, раздаётся колокольный звон! Он неудержимо ширится, кажется, разливается по всему городу, и так от этого и страшно, и радостно становится на душе, что остановимся с ней, замерев, и она тихонько промолвит:

- Божий глас, Боренька... Вести хорошие, не переставая, слушала бы.
- Даже на небе слышно? - осторожно спрашиваю я.
- Порой так свято звонница льётся, милый, что и до самых блаженных мест доносится!
- Не то, что колокольчик над нашим крыльцом, - робко замечаю я.
- Тот-то лишь позванивает, - утирая губы уголочком платка, шепчет бабушка.
- А если во все колокола ударить? - вдруг озаряет меня.

- То будет красный звон. Он, что небесные гусли.

Вот бы посмотреть хоть одним глазком на того звонца, что этими колоколами распоряжается, думаю я, и ещё пуще прижимаюсь от внутреннего восторга к бабушке.

Колокол же разносит свою чистую песню по всей округе, и уже чудится мне, что это не звонарь на вершинке церкви качает, словно зыбку, могучий колокол, а он сам, изнутри себя, переливается своей неудержимой свободой, доносясь до всякого сердца. И моё сердечко тоже, вместе со всеми, радуется, заливаясь маленьким колокольчиком, отчего и весь мир наполняется неопишуемым счастьем.

И тут вдруг бабушка, перекрещиваясь, тихонечко молвит:

- Приходит счастье повсюду, будто весна, благовестит во славу Господню!

Хочешь проверить - кто ты есть на самом деле? Вступи в жизнь с открытым сердцем, как в детстве, ничего не боясь, и она ответит тебе тем же, так что все сомнения на свой счёт сразу пропадут: ты есть тот, кто хранит в себе возможность идти единственной, неповторимой и нескончаемо прекрасной дорогой к самому себе.

Не позволяй себе кого-либо бояться, хорошо усвоить это именно с детства. В этом нет никакого смысла. Ведь ты - часть бесконечно могущественной Вселенной, и если есть в твоей душе тайна, то эта тайна - её уникальный путь к Богу.

В детстве ты не то, чтобы отмечен какой-то особой печатью, но обладаешь порою такой большой проникновенностью, что сердце замирает от счастья. Если же не почувствовал в себе свой огонёк сознания, заложенный Богом, то и не объяснит тебе этого никто. Но если услышал в душе божественный зов, так уж и не потребуется никаких объяснений, потянешься к нему с самого детства, поверив в божественное присутствие в своей жизни, и воспрянешь духом, достигнув в себе внутреннего равновесия.

Самая любимая и родная

Так уж выходило, что в детстве для меня незаменимой оказывалась только бабушка. И это при всём том, что и папа, и мама обо мне, конечно, заботились, но так проникновенно в мою душу суждено было войти на всю жизнь именно ей: какое милое, родное лицо, какие добрые, натруженные руки, какая честность и спокойствие, несмотря на нелёгкую жизнь. Неповторимые черты, простые движения и незамысловатые привычки.

А голос?! Такой был только у бабушки, и именно его я ожидал по вечерам, в предвкушении очередной сказки, только этого сказочного голоса мне не хватало, чтобы в полной мере ощутить себя счастливым. Лишь ей одной мне хотелось рассказывать уже собой придуманные истории, говорить обо всём на свете лишь с ней, делаясь самым сокровенным, чем, несомненно,

уже обладает ребёнок, ластиться к её родным рукам и коленям после того, как не видел бабушку несколько дней. И даже убежав ненадолго во двор, погулять, в сердце своём стремиться только к её теплу, представляя себя уже там, возле неё.

Милая, любимая бабушка, как можно было по тебе не стосковаться! Что-то невидимое сплавило нас с ней в одно целое, и мы, порой, не говоря ни слова, понимали друг друга как никто. Такая моя преданность бабушке придавала веру в то, что и без того прекрасная жизнь, на самом деле, ещё прекрасней!

Зимний день медленно крадётся за окнами, присмирившими в плетении морозных кружев, настенные часы однообразно отбивают приход печальных сумерек, время в преддверии новогоднего праздника скудно и коротко, оно томительно несмотря на домашний уют и ожидания прихода взрослых. Где же бабушка?

Но вот отрывисто хлопает во дворе калитка, в сенцах со скрипом гулко поскрипывают валенки, и дверь в прихожую растворяется: на пороге внезапно появляется бабушка! В меховой шали, заиндевевшей от мороза, старенькая беличья шубка уже распахнута, глаза сияют радостными искорками, и ещё от неё так сладко пахнет морозной свежестью.

- Уйди, уйди, милый, я - холодная! - весело восклицает она.

Но я кидаюсь ей на шею, прижимаясь к прохладному душистому меху, и сразу ощущаю на щеках добрые тёплые губы, согревающие до самого сердца.

- Бабушка, - шепчу я с восторгом. - Какая ты у меня хорошая, ни на кого не похожая, самая любимая и родная!

Богатство бабушки, каким она обладала, кажется, не имело границ. И хоть говорят, что богатство тщеславию сродни, но у моей бабушки богатство было с умом, а значит - волшебное. Она в своей жизни только на себя и Бога надеялась, и оттого богатой ей жить было не трудно, а радостно, ибо богатством её всегда оказывалась любовь.

Нет в детстве более чудесного чувства, чем любовь, восхищение тем, что просто прекрасно, и в этой своей прекрасной простоте - необъяснимо! Как прекрасны были в детстве книги, что читала мне бабушка. Они уводили мысли в неизведанную даль, ты жил ими, и книги эти захватывали так, что невозможно было уснуть. Вроде бы, не раз услышанная от бабушки история всё равно вынуждала волноваться, и ты забывал, что она не нова, но, тем не менее, опять оказывается для тебя неотразимо увлекательной.

«Не уходи, - говоришь ты бабушке, - почитай ещё», и бабушка остаётся, пока сладкий сон не уносит тебя к твоим героям, в те самые неизведанные дали, а бабушка не перестаёт с таким же интересом рассказывать удивительную историю, убаюкивая своим голосом, любовью и теплом. Так в детстве побывал я, благодаря бабушке и прочитанным ей книгам, во многих дальних краях, не покидая родного дома, милее которого не отыскать.

Необыкновенно тепло становится на душе, когда думаю я о милой бабушке, и тогда милыми становятся все времена года, наша улица, где мы с ней гуляли, утро и вечер, каждый божий день, и даже неизъяснимо далёкие и загадочные светила в ночном небе, что я верю, когда-нибудь достигну.

Под тёплым дыханием бабушки, как под дыханием мягкой летней ночи, засыпалось так же легко и мягко, приятно думая и о прошедшем дне, и о грядущем, с неременной верою, что всё всегда будет радостно и хорошо.

А каким волшебным воображалось обыкновенное бабушкино одеяло, сшитое из разных кусочков ткани! Будто многоцветное облачко задержалось в нашей маленькой комнатке, что представлялось уже целым миром, и его хотелось бесстрашно постигать вместе с любимой бабушкой.

«Не стремись выделиться перед другими, - наставляла меня бабушка, - чтобы они как-то отметили тебя. Важнее всего – научиться видеть, слушать и самому говорить на языке всех живых существ, принимая в душе каждого – будь это растение или человек. Выбор всегда за тобой.

Полюби через себя весь мир, прими его, и стань тем, кем тебе хочется быть. Не ленись отыскивать правду, она – повсюду, и если ты проявишь к ней внимание, Божественное Существование не оставит без внимания и тебя самого. Будь настоящим!»

С тех давних лет моего детства до сих пор звучат в памяти бабушкины слова:

- Что бы я делала, Боренька, без своего дорогого сундучка!

И я, действительно, воспринимал его каким-то волшебным.

Бабушка же загадочно шурилась, и тихонько наговаривала:

- Все мои наряды, ладиколоны и мыльца в нём.

А я представлял, сколько же там, помимо этого бабушкиного богатства, ещё разных таинственных вещичек! Мне всегда хотелось заглянуть в сундучок, но бабушка не позволяла.

Только по праздникам бабушка раскрывала его, доставая душистые пузырьки и платочки, раскладывала их бережно на кровати, садилась рядом, сложив руки на коленях, и, молча, разглядывала. Иногда какой-нибудь из пузырьков она брала в руки, и, осторожно поднеся к лицу, вдыхала, чуть улыбаясь, а затем пузырёк вновь исчезал в потаённой темноте сундучка. Бабушка при этом слегка вздыхала, что-то нашёптывая, и опять улыбалась.

- Что за чудо, - еле слышно произносила она.

Потом из сундучка извлекалась на свет гребёночка для украшения женской причёски, не простая - черепаховая, и бабушка, покойно закинув голову, степенно проводила ей по седым волосам. Будто на душе у неё покойно-покойно, и она вспоминает что-то очень хорошее, чего забыть никак нельзя, и думается об этом хорошем тоже хорошо, приятно. Ничто, кажется, не беспокоило её тогда, в такие минуты, и в её душе, наверное, наступало отдохновение, а все заботы и опасения отходили, уступая место добрым раздумьям.

Гребёночка же с перламутровыми зубьями вся переливалась в муаровых разводах, как на настоящем черепашьем панцире, и бабушка, не спеша расчесав волосы, как-то незаметно помещала её на затылке, после чего я всегда заходил ей за спину, разглядывал гребешок, и тихонечко прикасался к нему пальцами. Гребень этот казался мне диковинным, а на ощупь был всегда тёплым, даже - ласковым.

- Не гребень голову гладит, а время, - тихонечко замечала бабушка, и прижимала мою голову к своей груди.

Хранилось у неё в сундучке и зеркальце. Только бабушка в него не гляделась, а поглаживала резную деревянную оправку натруженной рукой, после чего заворачивала в платочек, и тоже убирала на дно своего дорогого сундучка, при этом будто молодея.

- Бабушка, - с волнением восклицал я, - какая ты красивая!

Бабушка же, улыбнувшись, сообщала как неведомую новость:

- Вот и я замечаю: внук у меня - совсем жених! Сударик ты мой родимый.

Оба мы друг другу очень нравились, и даже зеркальце, кажется, радовалось вместе с нами. Ни от чего в такие дни ни шло столько радости, как от бабушкиного сундучка.

- Бабушка, - переполненный чувством, обращаюсь я к ней. - Твой сундучок нам с тобой - как праздник!

- Господь с нами, родной, - в сердцах молвила она. - Он, кажется, и в нашем с тобой сундучке обитает. Как открою его, будто именинница!

Но всё равно грустно покачивала головой. И, тем не менее, то были счастливые дни, когда мы с бабушкой как-то по-особенному дивились этому сундучку, называя его «нашим», всегда раскрывая его с предощущением внутреннего восторга, будто в душе расцветает цветок, и пахнет ненавязчиво и ласково, так сокровенно, пока мы сундучок не закроем.

А потом я и месяц, и два, и три с затаенным духом жду: когда же бабушка его открывать вздумает, и из сундука опять начнут истекать хранимые ей божественные чудеса? На то, наверное, воля Божья.

Я и сейчас, будучи уже взрослым человеком, подошедшим к своему краю, нет-нет да помолюсь, желая хотя бы ещё разок побывать в этой сказке, что называется детством. И если Бог даст, то непременно задуманное свершится: волшебный бабушкин сундучок отворится, и, как и прежде, мы с ней вновь обнимемся, сидя возле него, и поблагодарим Господа за то, что принёс нам благословенную любовь.

Разве проникнешь земным разумом в пути Господни?! Но как радостно идти по ним, неся в душе любовную крепость и милосердие, ощущая рядом присутствие родной бабушки, что освещала меня всегда своим внутренним теплом, проистекающим даже из её обыкновенного кованого сундучка.

А то вспоминается, как живёшь в нетерпеливом ожидании: скоро бабушкины именины, и ты не знаешь - что ей подарить? Разве, что какую-

нибудь книжку? Но она и так всё знает, «Конька-горбунка» наизусть рассказывает! Нет, бабушку книжкой не удивишь.

Может быть, шкатулочку у маменьки попросить, что у неё и так, без дела на трюмо покоится? Но бабушке и про неё ведомо, у неё самой таких целых две! Бывает, мы с этими шкатулками с ней в «магазин» играем, и ей лишняя будет неинтересна. Бабушка такому подарку не обрадуется.

Или, скажем, рыбку золотую в баночке рано поутру перед её кроватью, на тумбочку, поставить... Бабушка проснётся - и удивится, а потом обрадуется. Поймёт, конечно, что это я ей рыбку чудесную подарил. Правда, без помощи родителей мне в этом деле не обойтись, а значит - и подарок не настоящий, не мною приготовленный, и мне становится грустно.

Надо, наверное, что-то своими руками сделать, но легко сказать - просто ли придумать, если ты ей уже и открытку новогоднюю рисовал, и журавлика по весне клеил, а печь торты и хворост, как бабушка, я ещё не умею. Не покупать же крендель в кондитерской лавке!

Я смотрю в окно на серое небо, заснеженную землю и голые яблоньки в саду, и ничего не могу придумать. В голову лезет всё то, что хорошо бабушке известно, это не будет для неё неожиданным и незабываемым подарком. Что же делать?

По весне папа подарил мне деревянный кораблик, и я запускал его по лужам, кораблик всем очень понравился, но даренное дарить нехорошо, среди добрых людей это не принято, и как тут быть, если ты - ни на что не способен? Хорош гусь, нечего сказать, а ведь бабушка мне и на именины, и на день рождения, и на Новый год гору подарков подарила, и ни разу не повторилась!

Взрослым, конечно, легче, чем детям гостинцы на разные праздники преподносить, они могут больше, чем малыши, и всё же мне становится стыдно: неужели я ничем не порадую свою любимую бабушку?! Ведь дарование и любовь – способность, данная Богом, ибо Он всех любящих любит.

Коли бы мне привелось одаривать своего дружка, соседского Сёмку, то я, не задумываясь, вручил бы ему армейскую дедушкину зажигалку, с колёсиком, выбивающим искры, изготовленную им из пулемётной гильзы. Но ведь бабушку такой чепухой не увлечь, тем более, что у нас подобного барахла - целый чулан! Бабушке приятно будет получить что-нибудь полезное для хозяйства и простое, скорее даже - милое, чтобы она улыбалась при виде этого подарка и не забывала о нём никогда. Но что это такое?!

А если взять, да и всыпать в день бабушкиных именин, с самого утра, ей в ладошку свои камушки, что я насобирав в прошлом году у моря? Камушки такие лёгкие и чистые, будто живые, я их так и называю: «живые камушки». Когда камушки сгребашь в горсть, они тихонечко стучаются друг о дружку, словно переговариваются меж собой, отчего на душе почему-то становится легко и светло, ровно наступил какой-то, никому кроме них неизвестный чудесный праздник.

Но ты о нём знаешь, и почему бы не подарить этот праздник бабушке?! Так ведь она тоже о существовании этих камушков догадывается.

Хороший ласковый разговор с бабушкой может быть ей подарком? Конечно, может, у нас с ней так по-праздничному всё общение и заведено: дарим друг другу радость. Да только именины - дело особенное, душевное, тут что-то иное должно присутствовать, они каждый день случаться не могут. На то они и именины, приобщение твоё к чудотворному Мирозданию: когда ты с именем ангела своего на свет божий появился!

Господи, думаю я, и отчего мне не приходит на ум что-то, действительно, настоящее?! Я отпираю шкаф, достаю из него коробочку из-под монпансье, наполненную стёклышками, пуговками и монетками, перебираю своё богатство, и опять на сердце становится горько.

Дух мой замирает в тревожном ожидании: откроется ли мне, наконец, не дающая покоя истина, и, не помня себя от счастья, побегу я в объятия любимой бабушки с дорогим для неё подарком, от всей своей маленькой души?!

А бабушка растрогается, и промолвит:

- Радость ты моя, родненький голубчик. За что мне такое вознаграждение!

И я:

- За то, что ты хорошая: лучше всех! Так бы тебя, бабушка, Бог любил, как ты меня любишь.

И мы с ней, конечно, обнимемся, и крепко поцелуемся, словно благословив друг друга на нескончаемую любовь. Вот каким счастьем нас Господь вознаграждает! Ведь если радовать родного человека - так радовать по-настоящему, верно?

Нежная, приятно пахнувшая теплота изливалась от бабушки, от чего мне всегда счастливо было находиться с ней рядом, спать на одной постели, в обнимку, плавно погружаясь в сладкое забытие. И так - во всём.

Одного я не любил: во время жестокой простуды дышать над варёной картошкой, и это лечение самым тщательным образом уготовливала мне бабушка, не обращая внимания на мои молитвы, что моченьки терпеть уже нет никакой. Наварит картошки в чугушке, накроет старой шалью, плотно подоткнув её под самый горшок, чтобы не миновал меня жгучий пар, и наставительно молвит:

- Вдыхай во всю силу, Боренька, да не ртом, а носом забирай жар, я всё слышу!

Я соплю изо всех сил, стараясь забирать горячий воздух краями, но эти уловки не минуют бабушкиного внимания, и она поддаёт мне слегка ладонью в темя, приговаривая:

- Отче наш, ижи если на небеси, воля твоя, царствие твое, пожалей внука родимого моего, ради Христа!

От этих слов со свистом втягиваю я обжигающий картофельный дух, не в силах сдерживать изливающиеся слёзы вперемешку с соплями, неуклюже сглатываю эту солёную смесь, пытаюсь оставаться честным к бабушкиному врачеванию, уже не чувствую ни щёк, ни ушей, ни лба, сам превращаясь в одну большущую картофелину, а бабушка, не отступая, увещевает:

- Крепись, милый, не приноравливайся в себе к слабой повадке, а то придётся терпеть до лета!

И я не потакаю в себе слабине, не послабляю обману, хотя очень хочется раскрыться, но стыдно не вынести бабушкиного испытания во имя собственного здоровья. Ведь она старается ради меня, и я мужественно терплю, не крикнув.

А разомлевшие мысли плавно струятся из головы наружу, подальше от разгорячённого чугунка, бабушка же сидит где-то рядом, молчком, и я чувствую, как ей хочется приостановить мои страдания, но она тоже не попускает в себе слабину, любя меня.

- Спешить нечего, потерпи, голубь, - тихо произносит она, и я угадываю по её грудному голосу, какая у неё в сердце живёт забота. Кажется, вот-вот прижмёт мою голову к сердцу, но перемогается в своей любви, не подавая виду.

- Бог терпел, и нам велел, - ласково добавляет она. — Терпя - в люди выходят. Картошечка-то - самый аппетит!

И я терплю, терплю от того, кого больше всех люблю, а в висках гулко выстукивают неутомонные молоточки, и едкий пот заливает глаза. Это спешит вырваться из меня на свободу хвора горячка, мы с бабушкой её выгоняем, того и гляди горшок с картошкой надсядет. Но всякому терпению мера!

- Господи, - еле слышно шепчет совсем рядом бабушка, - пожалей моего малого голубёнка. Дай ему радость и на этом и на том свете, пошли в светлое местечко.

В детстве нам не надо дорожить тем, что у нас есть, потому что его много, и оно всегда рядом: как бабушкина любовь.

Чистили мы как-то с отцом крышу и дровяник от снега, в старом бабушкином доме, и стояла весна. День выдался пасмурный, влажный, то и дело над садом улаживался какой-то беспутный тягостный ветер, замирал ненадолго, а потом, будто проснувшись, взмывал в вышину, и начинал без удержу носиться, не находя нигде покою.

Снег весь сжался, как высохшая соль, в грязных подтёках, порядком уже оплывший, и прихватывать его деревянной лопаточкой было не просто. В душе от всего этого весеннего неустройства тоже возникала какая-то неизъяснимая тягость.

Бревенчатые стены дома будто разбухли от влаги, потемнели, голые деревья стояли сырые, и пахли резко, расплывчато, отчего на глазах

выступали едкие слёзы. Всё вокруг было серое, насыщенное пробуждающимися запахами, звуки же вязли в разлившейся повсюду сырости, как мушка в мёде, и, не в силах выбраться, тонули.

Тяжело дышать, тяжело думать, и вот - увесистый ком снега неожиданно свалился с крыши, и будто что-то пробудилось в душе. Ведь идёт весна, хотя порой кажется, что больше - крадётся, но всё равно её уже не миновать. Скоро растормошит всех томительное и такое восхитительное течение жизни!

С сорвавшимся снежным комом деревья ожили, отчего-то разволновавшись - замахали ветвями, но тяжёлые сиреневые облака обхватили их верхушки, и будто успокоили. Взглянув на небо, я вдруг увидел, как в облаках замелькали весёлые чёрные точки.

Они кружились над домом, медленно взлетая ввысь, так что их невозможно было разглядеть, и приходилось долго стоять, задрав голову, пока не начинало рябить в глазах. Несомненно, это были какие-то птицы, не существующие в зимнюю пору, но откуда они взялись в этом сыром неприятном воздухе, где толкаются меж собой лишь одни тёмные тучи?

- Грачи, - с каким-то облегчением, тихо произносит отец. - Возвращаются к своим разоренным гнёздам.

- А почему их раньше не было видно?

- Герасим-грачевник их пригнал. Весна!

И в самом деле, как я мог раньше не заметить, что весна зиму почти поборола, тёплый ветер давно подъедает обессиливающие снега, а под забором в саду оголились дымящиеся жирные пятна. В воздухе пахнет талым духом, витающим даже в доме, дверь в сенях неожиданно разбухла, её нелегко сразу открыть, и уже к обеду неудержимо тянет ко сну.

А грачи шумно играют в вышине, оглашая своим неумолчным граем всю округу, так что перехватывает дыхание от их волнующих возгласов и пируэтов.

- Любить тяжело, коли любовь захватит тебя к вешним водам, - неожиданно замечает за обеденным столом бабушка. - А не любить - тяжелее того.

И я чувствую, как учащённо бьётся в груди сердце, деревья за окном тревожно шумят, и льётся с крыш тёплая капель: точно что-то должно произойти, а что - не понять.

Всё вокруг перестаёт быть понятным, сам себе ты начинаешь казаться незнакомым, другим, и, тем не менее, обуреваемый любопытством, тянешься к посвистывающему над домом ветру, к мокрым деревьям и беспокойным грачам, что неустанно кувыркаются в высоком небе, будто призывая совсем забыть о зиме.

И ты, переживая в душе неопишуемую радость от наступления всесокрушающей весны, желаешь только одного - чтобы над землёй чаще вставало солнце, и бабушка не болела. Господи, велика твоя милость!

И опять, из далёкого детства, слышу я бабушкин голос: «Ты отчего закручинился, милый голубь, когда вокруг так много радостного?» И сразу становится легко на душе, как в светлый весенний праздник Пасхи, и я начинаю прыгать от радости.

И, действительно, чего печалиться, если рядом бабушка, наступает весна, и повсюду - великая чудесная тайна совершающегося чуда, её страшно хочется раскрыть, что само по себе так захватывающе интересно, и я принимаюсь изучать окружающую жизнь.

Тайна эта необыкновенно притягательна, даже - священна, что-то во всём этом таинстве скрывается? Наверное, Сам неведомый Бог, бабушка часто произносит Его благословенные слова, что принадлежат Ему одному. В том мире, говорит она, живём не мы, а наши души, и всякий, рано или поздно, предстанет пред небесами, и очень важно, как ты поступаешь и чем живёшь здесь, на земле, помни об этом. И я помню, я вообще очень послушный, и верю всему, о чём рассказывает бабушка.

В русскую сказку про то, что у бабки с дедом горох дорос до неба, я в детстве тоже верил. Бабушка рассказывала её мне с такой задушевной простотой, будто горох на самом деле и у нас под печкой пророс из обронённой ей когда-то горошины.

- Наш с тобою горох, Борюха, будет не так уж плох, - замечала с улыбкой бабушка. – Уродится на славу!

Я с восторгом глядел на бабушку, и явственно представлял себе, как завиваются его стебельки и листочки по нашему шкафу и стенкам, пронизывая своими зелёными щупальцами потолок, вылезают на чердак, вскоре преодолевая и крышу, а там уж и до неба недалеко.

Где-то в глубине себя, несмотря на возраст, отчётливо понималось, что на самом деле дорасти до неба горох, конечно, не сможет, но сказочная сила в нём, видимо, была такая необыкновенная, что я в нашей с бабушкой комнате этот волшебный горох очень хорошо видел. Горох заполнял собой всё домашнее пространство, и я был поражён его жизненной мощью, не ведающей преград, сам бы хотел вот так же неудержимо струиться туда, куда захочу, чтобы набрать для любимой бабушки вкусных и сочных горошин.

Мне было приятно верить в сказки, верить в то, что я обязательно доберусь по этому гороху выше самых высоких небес, и буду всё лезть, лезть, пока не попаду к Богу. А потом – ещё дальше, в бесконечную космическую необозримость, что до сих пор воображается мне прекрасной. И всё – ради моей любимой бабушки: не зря она, ещё в детстве, заповедовала мне иконку, Богоматерь Казанскую.

Иконка стояла у неё в божнице, в красном углу, спокон веков. Вся чёрная от времени, кажется, даже закопчённая свечным тревожным пламенем, но тронутая нескончаемым вниманием бабушки.

Кто только не предлагал ей уступить эту иконку! Однажды даже один попик прельстился на бабушкину Богородицу, да вовремя одумался.

Известное дело: позаришься на чужое – своё погубишь. Всем бабушка отказывала.

«Наперёд икону целуй, а там – отца и мать. На церквушку только её уступлю, - говорила бабушка, - ведь это – Милосердие Господне, нежели им сторгуешь? Вот разве что Бореньке завещаю, внучку своему, ангельской душеньке».

А Богородица, хоть и неясная ликом от времени, толком не разглядеть, была заботливо ухожена и бабушкой, и теми, кто ей владел долгие годы. Оклад на ней был почищен, лампадки по бокам на шелковой тесьме, и подставки под них, хоть и старого литья, а как новенькие, с херувинчиками. Сама иконка – на золотом подбое, в серебряных крестиках, и от всего этого заботливого и ненадоедливого бабушкиного надзора Матушка Богородица будто даже светилась, взирая покойно и блаженно, так что на сердце становилось так же покойно и благостно, хорошо.

Вроде бы, иконка и не богатая, а дороже – не отыскать. Исстари несёт в себе божественное настроение, таких уж сейчас не отливают, да и не пишут: ни за что нигде не встретишь.

Тихо сияет тёплым золотом, смотрит на всех ласково, как может только Пресвятая Богородица, несущая радость и божественную любовь, завещанная мне родимой бабушкой. И кажется порой, что это моя милая бабушка с радостью опять взирает на меня, и на душе становится так же хорошо и празднично, как в детстве.

Но разве задумаешься в детстве – что такое душа? И, тем не менее, люди в эту чудесную пору отличаются тобой, ребёнком, именно по характеру, а он, видимо, и есть отражение человеческого существа.

Есть души неприметные, тихие, смекаешь ты, наподобие робкого утреннего ветерка, чуть тронувшего ещё не пробудившуюся листву. Встречаются души невзрачные, плоские, как будто бы они и не существуют. А то представляются - благообразные, до того почтительные, что не сразу и разберёшь – кто за ней прячется. Ну, и восторженные попадают, большие, как воздушный шар или облако, и всё норовят охватить собой весь мир и лететь куда-либо, чтобы не было скучно. Но случаются и такие, что не уловишь умом: уж больно мудрёные...

У моей бабушки душа была как звёздочка, что ласково сверкает в бархатном небе, трепетно дрожа, и будто бы тихонечко напевает задушевную мелодию, ласково переливаясь серебряным колокольчиком, незаметно возносясь ещё выше, в неведомую вселенскую глубину. Туда всегда хотелось вознестись и мне, насладившись там вместе с бабушкой одной, всеохватной для всех радостью.

Бывало, на дворе – загадочный бархатный вечер, зазывно мерцают в вышине звёзды, и бабушка, незаметно устроившись в кресле-качалке, вяжет мне носочки. А я сижу у окошка, облокотившись на подоконник, и высматриваю сквозь эту волшебную темноту свой свет, ту весёлую

звёздочку, что поведёт меня по жизни, становясь то золотой, то оранжевой, а может быть – синенькой или зелёной, но обязательно близкой и родной.

Иногда даже, кажется, что протянешь руку – и достанешь её, твою хранительницу, царицу небесную, и захочется обнять эту звёздочку, как бабушку, ласково прижавшись к ней, и сделается на сердце так, будто это счастье никогда не кончится.

Хорошо, трепетно может молчать звёздное небо, покойны и сладостны сны под бархатным пологом этой бесконечно прекрасной страны. «Спи, дружок мой, крепко. Господь – с тобой, Он тебя милует», - еле слышно шепчет надо мной бабушка, и я погружаюсь в густой, как перина, сон, и улыбаюсь. Что-то уготовит мне ясное утро?!

Правда, с Богом я пока ни разу, если честно, ни встречался, и непременно думаю увидеться. Но не за тем, чтобы поблагодарить за Его чудесные дары или попросить прощения, я ещё ничего худого не совершал, а лишь познакомиться и хорошенько разузнать у Него обо всём, чего даже бабушка не ведаёт.

Ведь столько всего вокруг интересного, что просто дух захватывает, и разве тут разобраться самому? Но я, всё же, попытаюсь, потому, как один чудесный день сменяет другой, и потом ещё, много-много раз, а я ничего обо всём этом богатстве и не знаю.

Не дай боли волю!

Каждый день в детстве приносил нечто новое, что и восхищало и заставляло думать, а иногда - тревожило, даже пугало. Так, неподалёку от бабушкиного дома, через улицу, располагалась больница, высокий дом странного строения из красного кирпича, в нём - лечили детей.

Когда меня в эту больницу увозили, бабушка, выйдя на порог и прикрыв губы уголком платочка, тихо проговорила: «Пресвятая царица небесная, помоги моему внуку одолеть злую немощь. Разнемогся так, что, ни о чём, и думать не смей! Если никто не сможет, так ты, матушка, окажи своё вспоможение!»

А как-то я услышал от нянечки печальные вести о том, что тут часто отдают Богу душу совсем маленькие. И вот, совсем недавно, не минула и неделя, как задохнулся от какой-то внутренней болезни один такой бедный мальчуган.

- Уж очень слабенький был, - участливо заметила она. И потом добавила: - Отчего-то всё более лишаются жизни мальчишки. Ещё толком не родился, а помер!

Мне стало страшно, умирать, прямо скажем, не хотелось: я ещё и не жил толком! Неужели тут и по правде умирают дети, совсем маленькие люди, что ещё не извели в полной мере радости жизни?

В это не хотелось верить, да я и не думал о смерти, но проходя однажды по коридору мимо палаты с растворённой дверью, я вдруг увидел

сидящего на тумбочке кудрявого мальчика в ночной рубашке, без трусиков, так что видно было - какие у него огромные яички...

Мальчик сидел, завалившись к стенке, глазки его превратились в серые щелочки, лицо у него было опухшее и какое-то безжизненное, и я тогда подумал, что он, наверное, уже не жилец. Уж больно неестественно и отрешённо выглядела его фигурка. Не покидало ощущение, что никому до него нет дела.

Когда всего не хватает - и немножко много, - так часто говорила моя бабушка. Хорошо, если бы кто-то этого бедного мальчика проведаль. Когда же и ко мне кто-нибудь придёт?

Я начинаю думать о бабушке. Пока я думаю о ней, всё худое, неустроенное, как в этой больнице, уходит от меня, и на душе становится веселее, словно не было совсем недавно ничего горького, и не обнаружили у меня гнойный холецистит, а было всё приятное и доброе. Порой даже слёзы выступают на глазах, так дорога моему сердцу родимая бабушка. Никто меня не волнует больше, чем она.

В больничной палате мне не с кем поговорить, и я всё больше сижу у окна, один, стараясь думать о том, кому ещё хуже, представляя себе того самого мальчика, умершего от неизвестной мне болезни. Наверное, ему было не сладко уходить из жизни в свои пять или шесть лет, у него тоже была мама, которая любила его.

Выйдя на лестничную клетку, я стал ожидать, когда придёт моя мама или бабушка, поглядывая в окно на дворника, равнодушно подметающего опавшие листья. Молчать в такие минуты было приятно.

Рыжие листья медленно кружились в прозрачном воздухе, вся земля возле больницы была усыпана ими, а вверх устремляли свои голые чёрные ветви безжизненные липы, похожие на покосившиеся памятники.

- Я давно здесь хвораю, - словно хвастаясь, объявил мне неизвестно откуда появившийся мальчик в стоптанных башмачках и помятой пижаме.

- Давно-о? - с опаской протянул я.

- Очень долго! - вздохнув, прибавил он. - Меня Васюткой зовут. Ты уже кишку глотал?

- Нет. А страшно?

- Сестра насильно заставляет, так что горло потом долго дерёт. Будет и тебе дело!

- Что ещё за кишка?!

- Толстая, из резины, с металлическим наконечником.

Его маленькие серьёзные глаза вспыхнули на мгновение каким-то внутренним болезненным испугом, как будто он остерегался всего белого света.

- Задохнуться можно, - тихо добавил он.

- Я не дамся, - тут же заявил я.

- Не послушают, - оглянувшись, прошептал мальчик. - Без этого живот не поправить.

- Васька-васёнок ты, худой поросёнок, - вдруг заявил я.

- Ты смотри, не задирайся, - глазки у мальчика на мгновение ожили, заблестели, а потом опять потухли. - Я живой человек.

- Ага... Жив-жив, а чуть дышишь.

Васютка только потупился.

Робкое почему-то проявляется в людях, прежде всего, оно неприятно даже в малышах, и от всего этого мне захотелось уйти. Плохо, когда человек, даже пусть он - маленький, не ведает и не желает знать, куда его ведут, что ему подсовывают, и многие люди этим только и пользуются, особенно - взрослые. Стало жалко мальчишку, но верно и то, что насильно и себя пожалеешь.

Мне стало неловко, и я пошёл в свою палату. Вот оно как! И мне, наверное, придётся тут также долго хворать, глотая какую-то кишку, без этого, видать, не обойтись.

В палате я улёгся на скрипучую койку, повернувшись к стене, и стал вспоминать, как мы с бабушкой совсем недавно гуляли в парке, собирая красочный букет из опавших листьев. Хорошо, когда она рядом, и представляя, что бабушка обнимает меня своей тёплой рукой, нежно прижимая к себе, я заснул.

Рано утром меня разбудил приглушённый колокольный звон, возвещающий Рождество Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и незабвенной девы Марии. Об этом мне потом бабушка рассказала, и Рождество это всегда празднуется как день всемирной радости, чем я, как раз, похвастаться не мог. Больному, как говорится, и киселя в рот не вольёшь!

Жизнь в больнице текла однообразно, без каких-либо впечатлений, и каждый день не приносил ничего нового. Моё воображение поражали лишь тополя-великаны за окном: три рослых богатыря, выше здания больницы, кажется, упирались своими верхушками в серое низкое небо. Но и это ничуть не занимало, хотя у их основания стволы невозможно было обхватить и трём взрослым. Ребятишек и вовсе бы пришлось выстраивать в вереницу, чтобы они, взявшись за руки, смогли обойти могучее дерево.

Так хотелось поскорее оказаться на улице, и дотронуться до его щербатого ствола, может быть даже - прижаться к нему щекой, обняв руками, чтобы замереть от ощущения слитности с чем-то большим и надёжным, способным спасти и защитить. Помолчать сейчас наедине с величественным деревом было бы, наверное, тоже приятно.

Что-то такое же величественное, как и эти тополя, выступало и в моих спутанных снах, где я хоть и был маленьким, но всё равно воспринимал себя большим, растущим человеком, которому, складывалось такое впечатление, всё нипочём. Так, наверное, мне хотелось думать.

Был я, конечно, всего лишь пяти лет от роду, но в этой тягостной больничной обстановке, оторвавшей меня от самых близких людей, находясь в вынужденном уединении, я вдруг почувствовал себя другим. Может быть,

новым, тем, кто действительно ничего не боится, как будто что-то незнакомое для меня самого я увидел в собственном существе, и тотчас его принял. Принял себя таким, каким я, наверное, и являлся на самом деле, отчего вдруг почувствовал, что скоро непременно выздоровею.

Но требовалось время, чтобы преодолеть эту пустоту больничной палаты, высоких коридоров с облупленными стенами, обшарканные лестничные клетки. Само это вынужденное уединение, в столь малом возрасте, ровно закаляло. Может быть, для этого оно и было мне дано?

В этой больнице я смутно почувствовал, что приобщился к чему-то, чего пока не мог для себя распознать, но о чём уже не забуду никогда. Мне открылась какая-то неведомая правда, без которой, я вдруг понял, не прожить так, как тебе хочется, то есть - по правде. Правда, полагал я уже в свои пять лет, оказывалась неотъемлемой частью жизни, и она не всегда оказывается сладкой.

Худенький мальчик стал приходить ко мне в палату.

- Тебя как зовут? - спросил он.

- Хочется поскорее ускользнуть из этой больницы, вот что!

- Никто тебя не отпустит.

- Придёт бабушка, и заберёт меня.

Мальчик испуганно смотрел на меня глубоко запавшими глазами. Волосы торчали у него на голове, как иголки у ёжика.

- А кишку эту глотать больно?

- Ещё как, страх. Здесь все её боятся вначале. И ты забоишься.

- Вот тебе, видел?! - я показал ему кулак.

- Теперь увидишь, - тихонечко произнёс он. - погоди немножко!

И он ушёл. А я присел на краешек жёсткой кровати, и думал только о том, что обязательно убегу ото всей этой захудалой больничной жизни с её бездушными медсёстрами, страшными коридорами и несчастным мальчиком, попытавшимся подавить моё спокойствие своим страхом.

Но на следующий день какая-то шумливая нянька разбудила меня окриком:

- Просыпайся, герой. На процедуру пора.

А я опять подумал о том, что меня здесь точно хотят уморить, и я чуть было не заплакал. Высокая крупная женщина, вся в белом, на носу - большущие очки, повела меня за руку по гулкому холодному коридору. Я не чувствовал ни ног, ни рук, всё моё тело онемело, когда мы подошли к дверям кабинета, половинка её была открыта, и я увидел на столе, под лампой, какие-то металлические инструменты, склянки, так что захотелось спрятаться.

- Проходи, ложись сюда, - строго заявила женщина, а в голове моей вертелась только одна мысль: «Нет. Не удастся мне ускользнуть отсюда!»

- По какому закону? - вдруг выдавил я из себя.

- А бояться нечего, - уже более мягко проговорила она. - Не трись! Понял?

Что-то дружеское на сей раз уловил я в её голосе, женщина подвела меня к койке и слегка подтолкнула рукой.

Я на минуту закрыл глаза, улёгся тихонечко, и вдруг почувствовал, как в меня входит нечто несуразное, чужое, пахнущее стылой резиной, так что погрузился в неведомое забытие. Не помню - как долго оно продолжалось. Что-то коричневое и горькое вытекало из меня в железный тазик, и я опять позабыл обо всём, а когда открыл глаза, то увидел напротив мальчика, сидящего на стуле.

- Ну что, не забоялся? - робко спросил он.

- Ты - кто?

- Я Васютка, из шестой палаты. Говорил я тебе.

- А я думал, что сон вижу.

В палате играло солнце, заполняя светом все, даже самые потаённые её уголки, и я улыбнулся, вспоминая, как бабушка, провожая меня в больницу, назидательно наставляла:

- Сила Господня в немощи совершается... Слава тебе, Богородица!

Несмотря на то, что поместили меня в инфекционное отделение, бабушке всё-таки удалось договориться с кем-то из медперсонала, чтобы ей разрешили повидаться со мной.

- Пропаду я здесь, бабушка, - сердечно взывал я к ней.

- Не пропадёшь, миленький мой, хоть мне тебя и жалко. Всех жалко, кого лишают свободы, - и слёзы выступили у неё на глазах.

- Бабушка...

Она прижала меня к себе, утирая платком глаза.

- Спасибо Авдотье, допустила до тебя. А то бы - ни-ни! Но не трусь.

Бабушка всхлипнула.

- Ну, развели мы с тобой кисель... Вот, коли проявишь волю, то всё выдюжишь! - она поцеловала меня в щёку тёплыми губами, и я вдруг почувствовал себя рядом с ней взрослым, будто уже вовсе не мальчик, и проживаю на свете много лет, зная, что приключится завтра, через неделю, и по прошествии многих дней. Но в душе всё равно закипало смутное отчаяние от осознания того, что бабушка скоро уйдёт, а я останусь один.

- Скажи мне, бабушка, что-нибудь... Скажи!

- Коли, родимый мой, судьбиной так назначено, ты потерпи. Христос тебе порукой!

От её дружеского размеренного говора на душе становится тепло и легко.

- Эх, милый... Мы, люди, часто думаем всё больше о себе, а Господь - обо всех нас, - с печалью произносит бабушка. - Вот и мы с тобой будем думать друг о друге, и даже - о незнакомых нам людях, что тоже о ком-то думают и молятся за всех!

Меня волнуют её слова, всеми силами я стараюсь понять их, по-всякому перекладывая их в своём уме, меняя местами, но окончательного

смысла всего, сказанного бабушкой, до меня не доходит. О чём же она всё время рассказывает мне? Должно быть, о чём-то важном.

- Хорошо ведь нам живётся с тобой? - обнимая меня за плечи, тихонечко приговаривает бабушка. - Видишь ты это?

- Вижу, бабушка, - с удовольствием вторю я ей. - Люблю тебя.

- И я тебя люблю, голубь. Никто не затмит нашей с тобой дружбы. И ничего, что кто-то обзовёт тебя любимым бабушкиным внуком! Ох, везде можно жить, Борюха, и в этакой лечебнице тоже.

- Я тебе во всём помогать буду, бабушка!

- Мы с тобой заживём! Будем гулять, покупать всякие сладости, пить с ними чай.

- Из самовара?

-Из него, пузатого, с малиновым вареньем, а по вечерам - с чудесными сказками.

Всё, о чём говорит бабушка, внушает доверие, и я с удовольствием представляю жизнь, которая ожидает нас с ней. А про себя думаю, что ничего страшного со мной в больнице не приключится.

- Самое важное дело, родной, чувствовать себя нужным для людей, чтобы им хорошо было с тобой, даже когда, вроде бы, и не из-за чего, просто так. Вот как я чувствую, что нужна тебе.

- А ты - мне! - с радостью замечаю я.

- Мы с тобой - как бережок и реченька, - улыбается бабушка. - Любо поглядеть.

После этих слов бабушки мне хочется обнять её, и в собственных думах я убеждаю себя, что обязательно найду в жизни что-нибудь очень хорошее, и буду жить так, как говорит бабушка, чтобы открывать для себя ещё более добрую жизнь, никогда не теряя к ней интереса. С бабушкой хотелось говорить обо всём, что беспокоит или чего не понимаешь, и не было для меня более ласкового, умного и откровенного человека, чем она.

Напоследок, прижимая меня к груди, она ласково проговорила:

- Всё, сердечко моё, надобно самому о жизни разузнать, иначе - ничему не научишься. Ступай с Богом!

Сидя на подоконнике, и прижавшись ладонями и лбом к стеклу, я смотрю, как бабушка, сгорбившись, тихонечко пересекает больничный двор. И вдруг она обернулась, увидав меня в окне - взмахнула руками, и, как будто удивляясь чему-то, воскликнула:

- Не дай, родной, боли волю, не подкладывайся под неё: всякую болячку нечего к себе прикладывать! Хворушка ты мой, поправляйся скорее, а то мои молитвы старческие, видать, до Господа не доходят. Тебе самому, милый, с Богом надобно говорить.

Мы идём с бабушкой в баню!

По субботам мы с бабушкой ходили в городские бани. Уже навек пропало старинное здание, в котором они тогда располагались. Но я хорошо помню, как мы спускались по длинной деревянной лестнице, устроенной в несколько проёмов, под гору, и шли по песочной улице, где всё пространство как будто расступалось в преддверии какой-то более завораживающей, ещё совсем неизвестной мне жизни, и оттого идти по песку было хоть и неудобно, но радостно.

На такую улицу выйдешь - больше увидишь, не сравнить с теснотой наших приречных переулков, где некуда деться, тут же - везде поместишься. В лицо ударяет простором и незнакомыми запахами, а там, где мы живём, на горе, жизнь тянется укромной вереницей зеленеющих огородов с домиками-скворечнями, стаями ворон и галок, серыми заборами, скрывающими за собой тихо обустраиваемую незаметную жизнь.

Здесь же, в городе, появляется необъятное раздолье: куда не взглянешь - всякий раз открывается нечто новое, что, в первую очередь, привлекает детское восприятие. Нет ни укромных избушек с дровяниками и кучами навоза, ни домашней птицы, что вольно разгуливает по заросшим свежей травкой покойным улочкам, а встаёт, как солнце, светлый город. Только, что колокольным звоном в нём не встречают, хотя неподалёку от нашего с бабушкой дома высится важная колокольня, выше городских домов!

Из-за деревьев уже видны их разноцветные крыши, и в этой распахнувшейся передо мной широте я ощущаю только праздник. Вот и пахнет тут как-то солнечно, открыто, и это огромное пространство, кажется, закрывает собой весь мир. Город всегда приветствует тёплым ветерком, поток неизведанного городского воздуха вливается в меня неудержимым потоком, и я забываю, что идём мы с бабушкой в баню!

Втягивая носом струйки неизведанных запахов и перемен, я, кажется, пьянею от этого открытого для всех места, существующего, наверное, только для свободных поступков и мыслей, отчего смотрю на всё тоже светло, с нескрываемой радостью, и большие окна высоких домов улыбаются мне навстречу играющими в воздухе весёлыми лучами, подмигивают, кажется, даже приободряют. Я гляжу на раскинувшуюся впереди широкую улицу, и тоже улыбаюсь. Улыбается и бабушка, поглядывая на меня.

А повсюду - шум колёс и звон надвигающихся трамваев, пешеходы спешат куда-то, не обращая внимания друг на друга, и всё это движение никак не может уместиться в моей душе. Но хорошо бывать здесь уже только из-за того, что на каждом углу торгуют мороженым, то и дело слышатся зазывные выкрики - «мо-ро-жен-но-о-о-е, мо-ро-жен-но-о-о-е!», и я с умилением смотрю на бабушку. Чудесный день, светлое настроение, а простору вдоволь на все четыре стороны!

От радости я и забыл, что у меня в кармане - глиняный петушок-свистулька, и, вынув его, с волнением прилаживаюсь, чтобы вышло чистое

звучание, но поначалу ничего не выходит. Держа в одной руке петушка, а другой уцепившись за бабушкину юбку, я продолжаю насвистывать, дую, что было мочи, пока не получается стройная мелодия, почти как у птицы. Я никак не овладею свистом сквозь пальцы, как это делает соседский Сёмка, и потому ношу с собой этого глиняного свистуна.

Не всякая птица свищет, иная - чирикает, сова и вовсе только пыхтит да щёлкает, но я обязательно научусь, а пока - только насвистываю на глиняной дудочке свои напевы, и мне это очень нравится. Бабушка, поглядывая на меня, вкрадчиво говорит: «Не всё бичом да хлыстом, иной раз можно и свистом!»

А вокруг весело перепархивают вездесущие воробьи, щеглы и гаички. Эх, как было бы хорошо, только ненадолго, тоже стать птицей, склёвывать по деревьям вкусные почки, пить водицу из поблескивающих луж, радоваться солнцу.

Но если честно, то не хочется, даже на время, терять свободу, своё чудесное детство. Ведь что-то праздничное всегда присутствует в нём, и во всём, что окружает, то, чего не почувствуешь, наверное, не будучи человеком, хотя ты и шестилетний мальчишка.

Но вот и бани. Там, я уже знаю, горячая вода, пар и колючая мочалка, что дерёт до слёз. И ещё - много голых людей, а всё-таки, некая нерешительность присутствует: как будет в этот раз?

Я - маленький, и потому, конечно, не смущаюсь своего тела и того, что вокруг - обнажённые женщины. Они для меня, как и бабушка, просто хорошие люди, пришедшие, как и мы с ней, смыть с себя всё ненужное, и стать чистым.

Да, баня и гладит, и ладит, и правит, как без неё? Коли бы не баня - все бы мы пропали, - говорит бабушка. И она ведёт меня каждую субботу в баню, намывая как к празднику, переодевая во всё чистое: баня все болячки смоем, а шайка сполоснёт. Задаёт бабушка внуку баню во имя его здорового тела и духа!

Но что в бане интересно более всего, так это само её обустройство: всё здесь в уютном пару и тепле, ты будто в сказке, правда, пока ещё, конечно, без каменной печи с булыжником и парильни, где обхаживают себя взрослые дубовыми и берёзовыми вениками. Вокруг стен - каменные лавки с изогнутыми ножками-лапами, на них моются, в стенах - краны с горячей и холодной водою, на лавках - перевёрнутые шайки для мытья и оката. Мохнатые колючие мочала мы с бабушкой приносим с собой.

При всякой порядочной бане имеется предбанник, где все раздеваются, отдыхают и запивают её квасом. Бабушка тоже берёт ядрёную настойку на чайном грибе, что ударяет в нос и голову до слёз. Хорош квасок, что шибает в носок!

Но мне больше всего нравится пускать мыльные пузыри, пока они не лезут в глаза и уши. Не зря общую комнату или зал, где не парятся, а только

моются, прозвали в бане «мыльной». Есть в бане и «мыльщик» - служитель, который моет людей, если его попросишь.

Правда, бабушка сама намыливает мне голову, усердно взмывая воду беленьким мыльцем, так что дышать трудно: настоящая баня, хоть и без сильного жара, да шёлкового веничка, но, кажется, на малиновом пару! Для всех тут найдётся место, и всем баня несёт чистоту и свет.

Пена в тазу волшебным образом вздувается, будто сахарная вата, выпирает, и я окунаю в неё руки как в облако, что кладу тихонько на голову и плечи, радостно переживая её приятную воздушность, какая возможна только в бане. И тут же бабушка окачивает меня тёплой чистой водой, тоже как будто волшебной.

- Дай тебе Бог здоровья, миленький, - приговаривает она, - живи долго и счастливо.

Я робко замечаю:

- Все грехи, бабушка, отмоем.

Бабушка улыбается и утешает весело:

- Великий ты мой разумник, какие ж у тебя грехи?

- Всё равно, - не унимаюсь я.

Может быть, от этого бабушка ещё сильнее взбивает пену, ласково натирает мне уши, пошучивая:

- Ну, банщик, много грехов смыл?

Чего тут скажешь: священна баня, всякому она пригодится, ибо не только тело, но и душу отмывает. Ведь только один Господь без греха.

С бабушкой мне всегда весело, хотя бы это была и баня. Обычно она что-нибудь рассказывает, или просто приговаривает, пока мы идём до бани, и когда бабушка стаскивает с меня пальтишко и рубашку со штанишками, отчего всё представляется смешным, то даже не хочется отвечать ей от нежности, и я только улыбаюсь, притворяясь, что не слышу, что она говорит.

Особенно весело нам становится, когда бабушка принимается стягивать длинные чулочки и расстёгивать липучки на моих ботиках, тогда она тоже начинает улыбаться, и я обнимаю её за голову.

- Не стыдно тебе, - как будто бы строго замечает она, - что бабушка ходит за таким большим внуком. Ты ведь у меня не девочка, а мальчишка!

Но мне совсем не стыдно, потому, что я знаю, что бабушка шутит. Ей, наоборот, нравится «ходить» за мной, и я, смеясь, отвечаю:

- А купи мне сапожки, и тогда я буду у тебя самостоятельным!

Она опять только улыбается, а потом тихонечко добавляет:

- Я тебе ещё и валеночки куплю, такие же беленькие, как зимушка, и будешь ты у меня настоящий мужичок!

И вот, после всей этой занятой процедуры, мы, наконец, в банном зале, и он повергает меня своим гамом, шумными потоками отовсюду льющейся воды, в сыром воздухе повисает грохот шаек, и всё это - в беспросветном жарком пару!

Задорно намыливается мыло, будто норовит воскликнуть: как быть - если не станешь мыть? И бабушка, что было сил, намыливает мне спинку, а я только покряхтываю: ничего, что в бане душно, ибо каких только ротозеев на свете нет, а и те после бани не чешутся. Банька всех моет, она мать родная!

С замиранием сердца слушаю я и наблюдаю, как то и дело хлопает на пружинке наружная дверь, там и тут слышатся весёлые возгласы и довольное фырканье голых тёток: кто кого перемылит! Охваченный всем этим безудержным возбуждением, я понимаю, что тут происходит что-то интересное. Помни день субботний - иди в баню!

А бабушка уже занимает свободную лавку, отыскивает брошенные кем-то тазики, и, ополоснув их, принимается набирать горячую воду. Вода плещется из кранов беспрестанно, один тазик только успевает сменять другой, и во всём этом водном извержении идёт кругом голова. Да это только с непривычки!

Лавка, хоть и каменная, но тёплая от повисшего в воздухе жара, а если обдать её водой из тазика, то и вовсе станет горячей. Когда бабушка склоняется надо мной, ловко намыливая голову, я слышу, как от неё приятно пахнет домашним печеньем. Мыло же, между тем, забирается в уши, стекает на глаза, так что, почему-то, страшно хочется открыть их и посмотреть - что творится вокруг? Да разве решишься!

Глаза начинает неудержимо щипать, и я скорее промываю их от мыла, стараясь, всё-таки, рассмотреть хоть что-нибудь, а бабушка:

- Ну, ещё раз намыливаю и смою, жмурься!

Но въедливое мыло делает своё дело, глаза режет, будто надышался луку, и голова идёт кругом. Что же это со мной, куда я теперь без глаз?!

А бабушка уже взбивает в тазу пену мочалкой, опускает мне на спину, и давай наглаживать, до щекотки, так что становится даже приятно. Вокруг летят прозрачные пузырьки – синие, жёлтые, зелёные, лопаются, и опять плывут мимо, весёлые, не надоедающие шары.

Они выются повсюду, как будто кто-то, невидимый, выпустил их на свободу, и шарики от счастья не знают - куда лететь. Бабушка сквозь эти прозрачные мыльные создания тоже становится волшебной, будто это и бабушка, но совсем иная: пузырьки делают её ещё более красивой. Как чудесно!

Сердце в восторге замирает от того, как бабушка проходит с мочалкой по всем моим суставчикам, так что я, как взрослый, с удовольствием охаю, и от растекающейся по всему телу сладостной расслабленности, хочется задремать прямо тут же, на лавке, ошпаренной кипятком.

И бабушка, и баня ублажали, и было приятно чувствовать, как шепчется на теле пена, и всё оно пышет чистотой. А мочалка-то липовая, отодранная дедушкой от свежего душистого деревца, почти невесомая на руке. И вот уже бабушка окачивает меня тёплой искрящейся водичкой, что кажется не простой, а чудодейственной, и это не может забыться, ибо баня во здравие человеку дана, как благословение Господне.

- Всякая хвороба - в подполье, а тебе, милоч, здоровье! - весело восклицает бабушка, обрушивая на меня очередной тазик ласковой водички, и я жмурюсь от удовольствия, ни о чём другом, кроме чистоты, не думая, и на душе становится легко-легко, а во всём теле - одна свежесть.

- Извольте, милостивый сударь, мылиться, жару не бояться, и с лёгким паром оставаться! - знай, приговаривает бабушка, и я хорошо чувствую эту её заботу, что до сих пор не может забыться. И хоть ничего в зале не видно от густого пару, я замечаю, как покрасневшееся лицо бабушки улыбается, всё у неё выходит как-то особенно, не похоже на моющихся вокруг женщин, что сосредоточены только на своих телах, тогда как бабушка отдаёт всю себя мне.

Почему я так хорошо всё это помню? Почти постоянно находясь вместе, мы просто любили друг друга, а любовь никогда не забывается, сколько бы лет тебе не было.

Бабушка умеет мыть! Мочалка у неё хоть и жёсткая, а имеет особую ласковость, что пробирает до слёз. Когда меня моет отец, он больно царапает голову ногтями, а спину натирает так, что, кажется, останусь без кожи, да потом ещё как окатит кипятком, и всё время молчит. Неуютно мне с ним, и безо всякой охоты отправляюсь я с отцом в баню.

Бабушка же совсем иное дело: так радостно было отдаться колючей мочалке в добрых бабушкиных руках, что елозила ей по моей голове и плечам со старанием, присущим любящей бабушке. А потом, после тщательного намыливания и растирания, она окатывала меня горячей водицей, так что я млел от ощущения нескончаемого счастья.

Счастье это было повсюду, и главное - во мне, в этих чудесных детских годах, когда бабушка, несмотря на свой возраст, была молода и задорна, наверное, только ради меня. «И ничего, что зубов у неё своих нет», - думал я. Каждый вечер бабушка вынимала изо рта целую челюсть!/, осторожно опуская её в стакан с водой, что придавало ей в моих глазах ещё большую добрую тайну. Поглаживая меня по голове, бабушка, прежде чем нам идти в баню, всегда ласково спрашивала:

- Как быть? Станем тебя, милый, мыть!

Я не мог представить себя без неё, без моей главной женщины, ведущей меня по жизни так незаметно, но трогательно и честно. Устроит мне бабушка баню, намылит шею, а я и рад.

- С гуся вода, с Бореньки вся худоба! - ласково приговаривала бабушка. - Без баньки - всё равно как телу без души! Мойся, батюшка, намывайся всем нам и свету на славу, ибо чистый человек пред Богом невинен.

В парильню бабушка никогда не ходила, по её словам там стоял жуткий жар, чего её больное сердце вынести никак не могло, но как я узнал позже - он, этот жар, в бане самый главный гвоздь. Я ещё не ведал - остерегаюсь ли этого жара, но почему-то в глубине души надеялся, что сдюжу, то есть - выдержу его. Если бы бабушка решилась отправиться туда и взяла меня с собой, то я бы, наверное, не забоялся. Так мне казалось.

Ещё не хватало, если бы соседский Сёмка узнал мою слабинку, и непременно стал дразнить: «Борька - плакса, гуталин, проглотил горелый блин!», чего я, конечно, допустить не мог, вот ей богу, и уж ответил бы ему: «Шагай - не бойся, только в баню иди помойся!»

Очень счастливый отправлялся я всегда в баню, как будто это могло что-то совершенно точно изменить в моей жизни. Правда, она и без того была прекрасна: ведь я шёл с бабушкой, по нашей любимой улице, купаться, пить после бани очень вкусный гриб или квас, и есть эскимо! Мороженым не сможешь угощаться каждый день, только когда мы с бабушкой отправляемся в городские бани, и вот оно, обёрнутое в серебристую фольгу эскимо, в моих руках! Долгожданная сладость, вкусней её, кажется, ничего нет.

Бабушка - живая душа, её никогда не нужно было просить о чём-либо, она сама угадывала глубоко желаемое мной, и всё это её отношение представлялось таким естественным, что не ощущалось даже с родителями. Когда бабушка рядом, всё равно как на солнышко поглядишь: счастливое и светлое время, в котором душа сладостно тоскует и ждёт чего-то.

А город был приветлив, весел и широк, он всей душой был распахнут к нам, и невозможно было его тоже не любить. Хорошо было чувствовать себя после бани чистым и лёгким, будто воспарившим над домами, не ощущая своего тела. И, действительно, мыться в бане - значило заново родиться, хоть ты ещё и был маленький.

Радостно любить себя и весь мир, просто идя рядом с бабушкой, взяв её за руку. Какой чудесной была жизнь, и такое чудесное настроение всегда возникало после омывающей тебя чистой бани, такой доступной и простой, без которой никак не обойтись. Каждый бы день ходил с бабушкой в баню, хотя там пар коромыслом, можно топор вешать, как говорил дедушка, но с паром вся худоба уходит, так, что в баню идти - пару не бояться, и тогда душа с телом, кажется, легко и почти неощутимо поднимаются в небеса.

И вот, я весёлый, чистый, одеваю отглаженную бабушкой рубашку, штанишки с ляпочками и новые ботиночки, и мы выходим, взявшись за руки, на воздух.

- Что, солнышко любимое, радостно тебе? - будто обливает светом бабушка.

И действительно, повсюду светло и благостно, и как тут не радоваться?!

После бани я всегда был одет бабушкой по-праздничному. «Голубок мой», - улыбаясь, одними губами тихо произносит она. Милая, родная бабушка, - с благодарностью думаю про неё и я.

А вольное солнце, словно, тоже омытое в чудесных банных чертогах, поднимается весело над городом, освещая его великий простор. О нашем с бабушкой укромном домике, скрытом в зелени огородов и садов, даже на мгновение забывалось. Занимало вот это вольное городское пространство, отчего захватывало дух.

Сладко пахло и городом, и мороженым, и умытым солнцем, и всё благодаря родимой бане, так что всей окружающей жизни хотелось воскликнуть: с лёгким паром, с чудесным настроением!

В первый класс!

Как это чудесно - проснуться с новой мыслью, что сегодня тебя будут провожать в школу, в первый класс. Мечта об этом полностью захватывает всю твою душу. Взрослые намечают осуществить эти проводы прямо в детском саду, ты - выпускник старшей группы, но после того, как будут вручены подарки, уже не детсадовская мелюзга, а ученик первого класса!

Открывающиеся по этому поводу неизведанные радости начинаются с самого утра, когда бабушка готовит для тебя новый вельветовый костюмчик, блестящие ботиночки и белоснежную сорочку: все дети должны появиться в детском саду в той одежде, в какой завтра отправятся в школу. Иметь собственные книжки, цветные карандаши и краски с кисточками, пенал, - твоя прямая и радостная обязанность, всё это должны преподнести тебе сегодня.

А ещё ты станешь обладателем пахнущего кожей и будущими познавательными уроками ранца, что так приятно поскрипывает и щёлкает блестящими замочками! В него будут сложены и пенал, и краски с карандашами, и букварь, по которому ты вскоре выучишься читать, начнёшь вырисовывать красивые буквы и цифры, почувствуешь себя взрослым. Разве это не удивительно!

Только открыв глаза, ты уже предвкушаешь, каким восторженным выдастся этот день! Сердце твоё бьётся радостно, оно говорит тебе, что лучшего счастья, чем отправиться в школу, не отыскать.

Конечно, в школу берут, когда исполняется семь лет, и, наверное, ничего страшного нет в том, если твой день рождения приходится на октябрь: тебе не хватает всего каких-то полтора месяца! Никто и не обратит внимания на такую малость... Ах, как хорошо, прямо с утра, облачиться в тёмно-коричневый новенький костюмчик и сверкающие на солнце ботиночки!

Но прежде, чем выйти на улицу, нужно помчаться в гостиную, полюбоваться на себя в большое бабушкино зеркало, блестящими от волнения глазами вглядываясь в своё отображение. Нет, непременно день выдастся прекрасным!

Поскорей бы уже оказаться на этом торжественном празднике, навсегда прощаясь с наскучившим детским садом. Радость со смешанным нетерпением переполняет всего тебя, кажется, точно так же волнуется и бабушка. И вот мы, взявшись с ней за руки, идём на долгожданное торжество по усыпанной кленовыми листьями дорожке!

По пути в садик, ты, то и дело, приплясываешь и звонко вскрикиваешь, так что воробьи весёлыми стайками бросаются в стороны, голуби же

возбуждённо воркуют, кособоко перебегая под ногами, и бабушка, совсем не сердито, а ласково замечает:

- Перестань, голубь, будет.

Ты же только радостно подпрыгиваешь и изо всей силы ударяешь обеими ногами в асфальт:

- Не перестану!

- Полно, родной, - улыбается бабушка. - У меня для тебя сегодня тоже есть подарок.

На мгновение ты забываешь о предстоящем празднике, он уже не кажется тебе таким замечательным, и ты пронзительно вглядываешься в лицо бабушки, но она будто не замечает тебя.

- Потом, - успокоено заверяет она. - Вот как вручат тетрадки с учебниками, будет тебе отрада, а моя услада - в тебе, милый. В один день и по две радости, оказывается, живут!

В садике тебя сразу окружают такие же нарядные дети: девочки - в белых передничках, мальчики - в костюмчиках, радостней этого дня, кажется, и не бывало. Все малыши невероятно довольны тем, что им предстоит: мудрёному знанию учиться страсть как хочется!

Не передать, как билось сердце в предвкушении того, о чём мечталось всё последнее время. То же самое, наверное, переживали и остальные ребята: они были такие восторженные и милые, всем хотелось скорее получить долгожданные подарки, чтобы, наконец, отправиться с ними в школу, аккуратно разложить на партах сладко пахнущие типографской краской книжки, отточенные карандаши, жадно ловя каждое слово своего первого в жизни учителя.

Как чудесно, наверное, узнавать неизведанное, тянуться к тому, что так увлекательно и завораживает открывающейся новой жизнью. Какой она может быть захватывающей, стоит только отворить двери школы!

С нетерпением ожидал я того момента, когда свет знаний откроется и для меня. Надежды мои представлялись безоблачными, в этом не оставалось никаких сомнений, и разве мог я предположить, что самое радостное событие детства будет омрачено участливым обращением нашей воспитательницы к тем малышам, кому ещё не исполнилось семь лет: им предстоит сесть за парты только на будущий год!

От этой пронзившей сердце неожиданности я замер, в голове помутилось, и лёгкие, кажется, сдавило от недостатка воздуха, так что откуда-то из глубины всего моего существа уже готовы были вырваться нестерпимые рыдания. Но когда я взглянул на свою соседку - близорукую девочку Ларису, то сознание моё несколько прояснилось. У неё день рождения приходился даже на сентябрь, а её всё равно не взяли, и хотя мы крепились, но выглядели из всей группы, должно быть, самой сиротливой парочкой, трогательно притихнув в уголке.

Невозможно было выразить всех наших переживаний! Это был совершенно неожиданный удар для маленьких детских сердец, могли ли мы

удовлетвориться таким невыносимым выбором взрослых, попытавшихся загладить свою вину лишь двумя коробочками пластилина?!

Переболевали мы своё горе отчаянно, понутив головы, и я только сжал рукой ладошку подруги по несчастью, словно пытаюсь вернуться к заветной мечте, что так завораживающе пленяла нас весь этот день. Как было найти слова, чтобы успокоить наши растревоженные души?! Совсем недавно теплящаяся в них надежда иметь собственный ранец с красочными книжками, пеналом и тетрадками в мгновение разрушилась, и это представлялось непереносимым, особенно - в детстве.

Сердце подсказывало мне, что у всех на глазах совершается великая несправедливость: нас с Ларисой незаслуженно лишают счастья! Но тут надо мной склонилась бабушка, она никогда не баловала меня, и твёрдо произнесла:

- Ну, хорошо ли это, милый мой, что ты этак разнюнился?! Подумаешь - ранец не вручили, а я его тебе на будущий год сама подарю, со всеми принадлежностями!

- Ты только сейчас так говоришь.

- И сейчас, и потом скажу. Раз решено, значит, так и надо сделать. А пока мы с тобой будем учиться грамоте, чтобы ты от товарищей своих не отставал.

- Правда?

- Отче наш, иже еси на небеси, не иначе!

- И как читать покажешь?

- Непременно покажу. Вот завтра и начнём, если пожелаешь.

- Поскорее бы завтра, бабушка!

- Мы с тобой придумаем отличную игру: я буду твоей дорогой учительницей, а ты - моим любимым учеником.

Сердце бабушки, в угоду мне, неудержимо рвалось в детство, глаза её, поверх очков, светились весёлыми огоньками, и я понял, что никто, кроме меня самого, не утолит моей душевной боли. Благо, у меня ещё есть любимая бабушка, и я решил ни в коем случае не сдаваться.

Да и слёз уже не хватало ни у меня, ни у моей подруги, - так глубоко мы отдались своему детскому горю, с которым не сравнится, наверное, ни одно горе взрослого человека. К тому же, бабушка в этот день преподнесла мне чудесный перочинный ножик с пятью лезвиями, и всё опять вернулось к нашей обыденной жизни, что представлялась, конечно, по-прежнему необыкновенной, и, слава Богу!

Таинство воды

В детстве мне всегда казалось, вернее, верилось, что в воде со мной ничего не случится. Я не боялся воды, и не думал о ней плохо, а всегда ждал с ней встречи. Вода околдовывала меня, как волшебная музыка.

Помнится, меня никто не учил плавать, и, будучи шестилетним мальчишкой, я увязался за старшими на речку, хотя до этого ни разу не приходилось даже пробовать проплыть самому, без посторонней помощи, исключая купание с резиновым кругом на море, в Анапе, когда мне было пять лет. Видя, как пацаны, на несколько лет старше меня, бесстрашно сигают с крутого бережка в воду, я тоже разбежался и прыгнул. Прыгнул - и пошёл ко дну, но в какой-то момент остановился, взмахнул руками и легко устремился к поверхности, где сияло солнце, слышался смех ребят, и вместе с этим смехом в меня вдруг мгновенно вошла непоколебимая уверенность, что я никогда не утону, а вода - моя родная стихия.

Почти каждое лето мы с семьёй отдыхали в деревне у бабушки, и я всё время пропадал на деревенском пруду. Вода в нём резко пахла рыхлыми лопухами, кувшинками и прибрежным камышом. У самого берега она тихонько вздрагивала от изредка набегавшей мелкой волны, и кожа от прохладного ветерка с воды сразу становилась твёрдой и шершавой. На самом же деле, вода была очень тёплой, и когда мы с мальчишками со всего разбегу валились в неё, поднимая прозрачные фонтаны искрящихся брызг, она обволакивала тело густой блаженной истомой, и выходить на берег не хотелось.

У меня была непреодолимая тяга к воде, и эту любовь я выпивал в такие летние тёплые дни до самой последней капли. Заплывая всё дальше и дальше, я нырял в зелёную мутноватую глубину, каждый раз пытаюсь ухватить со дна горсть песка или слизкого ила. Когда мне этого не удавалось, я не спеша всплывал на поверхность, и чувствовал себя разочарованным.

В случае же удачи, когда ил неожиданно обжигал руку скользким холодящим прикосновением, я рвался, что было сил, из пронизывающей до костей темноты подводных источников к тёплому свету. После всего этого, обычно, было очень приятно лежать на спине, подставив лицо ласковому солнцу, слегка покачиваясь на мелких волнах, и ощущать под собой толщу неведомой глубины.

В особо жуткие минуты, когда я решался открывать под водой глаза, благодаря еле просеивающимся в глубину солнечным лучам можно было рассмотреть вьющиеся бурые водоросли и чёрные плоские раковинки на дне, а если совсем повезёт, то какую-нибудь тускло-жёлтую рыбку размером с детский кулачок. Рыбка под водой казалась совсем не такой, как если бы я поймал её на удочку: она была здесь настоящей и неуловимой. Тайной своей игры я ни с кем не делился.

Так же таинственно нащёптывая о чём-то, набегали на плотный береговой песок в моём далёком и невозвратимом детстве ласковые волны Щучьего озера. Озеро волшебным зеркальцем залегло в глухой лесной тиши, поражая воображение своей нетронутой красотой и дичью, кажущееся необъятным. Какое бы впечатление произвели на меня тогда океанские просторы?!

Но озеро из детства вполне заменяло мне ещё неведомый океан. По берегам озера, в высокой сочной траве, водилось много змей: это были ужи. Мы знали, что они безобидны, различали их по ярко-жёлтым головкам, и не боялись бегать по траве босиком. Когда же под ногу неожиданно подворачивалось что-то скользкое, то сердце на миг холодила приятная истома, которая, впрочем, тотчас забывалась.

Детство, со сладким привкусом парного молока на губах, разомлевшей на солнце земляникой и только что испечённым бабушкой хлебом, запахом душистого зноя сеновала, в кровь ободранными коленками и неожиданной, даже чем-то приятной болью от укуса пчелы в ладонку, несло с собой ощущение неограниченных возможностей. Верилось, что они непременно когда-нибудь откроются перед тобой, и принесут много радостных переживаний.

Ничто не сдерживало тогда в этом красочном круговороте первых встреч и открытий. Только восторг и неслыханные чудеса составляли твою жизнь, и сказка, таким образом, была рядом.

Познавая окружающий мир, я рисовал его красками своего безоблачного детства, наполненного чистой музыкой весёлого смеха, улыбок, солнца, и эта раскованность никого не стесняла, потому что уверенность в обладании удивительной свободой ещё не была отягощена сонмом условностей и безверием в свои силы. Множество талантов, распирая тебя и не встречая барьеров, вырывалось в эту пору наружу, неся с собой радостный свет.

Как чудесна была та естественная простота, что сопровождала нашим бесконечным играм и всей жизни! Как легко воспринималось и усваивалось то, на что в будущем уходило вчетверо больше усилий, связанных уже с неестественным надрывом себя.

Одно удивительное увлечение сменяло ещё более удивительное другое, и ты верил, что всё осуществимо. Разве мог ты хотя бы допустить, что не достигнешь когда-нибудь самой важной человеческой правды, которая обязательно всех обнимет и спасёт?!

И, конечно, ты мечтал о необыкновенных приключениях, дальних странах, но более всего притягивало к себе царство воды, к которому ты стремился даже во снах. Далёкое и невидимое море, оказывается, уже жило во мне, терпеливо ожидая, когда я его в себе угадаю, и, обнаруженное, наверное, готово было осветить своей мудростью весь предстоящий жизненный путь.

Когда я был совсем маленький, я думал, что море располагается неподалёку от бабушкиного дома, через улицу, и ещё чуть дальше – за старым парком, куда надо было подниматься по длинной деревянной лестнице с такими вытертыми от времени ступенями, что даже приходилось переходить к их краю, держась за перила. Хотелось поскорее забраться на горку, чтобы увидеть большую воду!

Там, на самом деле, находилась река Кама. Откуда мне было знать, что это - не море, и здесь, совсем неподалёку от бабушкиного дома, живёт, оказывается, иная стихия, о которой я ничего не ведал. А убеждённость в том, что море где-то совсем рядом - подкрепляло старое здание речного училища, которое не было похоже на другие дома, и всегда захватывало моё обострённое восприятие.

Окна училища, выходящие на восточную сторону, выгибались по утрам бутылочным зелёным стеклом, громко и пугающе вспархивали откуда-то сверху неустанные голуби, лепные балконы, охваченные чугуной, застывшей вязью, натужно гнездились со стороны того, что часто в разговорах взрослых упоминалось как «фасад». Вообще, лицо этого учреждения всегда было таким серьёзным и чопорным, что в величественной тени здания невозможно было позволить себе какую-либо непристойную шалость: баловство казалось здесь недопустимым и тотчас наказуемым. Строгость ещё несуществующей в моей жизни морской практики уже предполагала какие-то особые обязательства к собственной, ещё молодой жизни, и будущее столкновение с морем воспринималось неминуемым событием.

Бывало, из резко растворённых дверей на улицу высыпали фигурки молодых людей в форменных, с поблескивающими пуговицами тужурках, и, задорно стуча каблуками по разогретому асфальту, спешили туда, где было неизвестно как, но куда невыразимо тягостно тянуло. В моём разгорячённом представлении это были непременно моряки, которых я, правда, видел только в книжках, но ведь у них такие сверкающие пуговицы и чёрное колючее сукно! Как-то я ухитрился-таки до него дотронуться, что не оставалось никаких сомнений: где-то рядом - море.

Обычно, я отрешённо застывал возле здания речного училища, упиваясь сознанием близости чего-то поражающе неизведанного, невообразимого, не в силах даже фантазировать его счёт, и только угадывал неслышно звучащую в себе музыку неведомой морской жизни. Представляющееся мне море лежало где-то там, одного взмаха рукой было достаточно, чтобы определить всю его необъятность. И тотчас успокоено уяснялось: наверное, об этом ещё рано думать - просто не пришло время.

Мимо этого здания речного училища мы с бабушкой часто проходили, когда гуляли, а однажды, весной, бабушка повела меня в кинотеатр, тоже находящийся неподалёку, за углом. День выдался пасмурный, но мягкий, листья на деревьях ещё не распустились, и мы тихонько шли, держась за руки, по мокрой дорожке, и меня отчего-то переполняло непонятное волнение.

В зале было уютно, и, несмотря на постоянно хлопающие деревянные сиденья кресел, он создавал атмосферу доверительности и теплоты, какой бы фильм ты ни смотрел. И почему бабушка решила повести меня именно на этот документальный чёрно-белый фильм о четырёх героях-моряках, чей

катер оторвало в сильный шторм от пирса в заливе Касатка, на далёком острове Итуруп, и носило по морю сорок восемь суток?!

Об этом событии тогда говорила вся страна, о нём писали газеты, и бабушке, наверное, очень хотелось посмотреть фильм, а меня не с кем было оставить. Этот день запомнился ещё и потому, что собираясь дома в кино, уже в коридоре, когда бабушка надевала своё поношенное демисезонное пальто, из его рукава вдруг выскочил огромный рыжий хомяк, и скорее не напугал, а очень рассмешил нас. Дом был старый, деревянный, и, спускаясь по скрипучей лестнице, мы с бабушкой тогда решили, что хомяк, наверное, перепугался не меньше.

Несмотря на мой небольшой возраст, фильм буквально приковал всё моё внимание. Моряки в нём мужественно боролись с захватившей их стихией, не поддаваясь ей даже тогда, когда нечего было есть. Они варили в морской воде обрезки своих кожаных ремней, чтобы те стали мягче и напоминали, хотя бы отдалённо, запах живой плоти, а потом жевали, подолгу не выпуская измочаленные кусочки изо рта, и, в конце концов, проглатывали. Всё, что потребовало от них разбушевавшееся море, они с честью выполнили и не ожесточились. Каждый бесконечный день моряки доказывали ему и самим себе, казалось бы, невозможное, и море их отпустило.

Каким устрашающим и грозным выглядело море, даже в безобидной темноте притихшего зала! Серое, колючее и чужое, оно несло только разрушения и несчастья, и казалось совершенно неприступным. А что же представляет море на самом деле в этом недостижимом краю земли, куда, казалось, ни за что и никогда не попасть?!

Так думалось в своём маленьком понимании неведомого мира, очень остро переживалось за отважных людей, и ещё обдавало всего каким-то теплом, вернее даже - ощущением, будто ты сам с этими моряками противостоял бурному морю, неустрашимо боролся с ним и случившейся неудачей, чувствуя, что всё равно останешься в живых. И разве мог ты знать, как через двадцать с лишком лет попадёшь на Курилы, и будешь работать под водой именно в заливе Касатка, и зимние шторма будут угнетать своей безысходностью и тебя тоже?!

И ты, конечно, вспомнишь тогда захудалый старенький кинотеатр со скрипучими вытертыми креслами, бабушку в поношенном и выцветшем пальто, и то удивительное ощущение слитности с предстоящей жизнью, кажущейся бесконечной. Всё приключившееся в ней и бережно хранимое с раннего детства с неимоверной силой охватит тебя, понесёт над необъятным курильским ожерельем из потаённых островов, и ты позабудешь себя. Проникновенно и властно околдует тогда всё увиденное, и уже больше никогда не отпустит.

Но всё это будет потом, в необозримом и ещё неизведанном будущем, а пока, переполненный впечатлениями, ты вернёшься с бабушкой домой и, раздевшись, заглянешь в комнатку родителей. Там, на стене, в массивной золотистой рамке висела репродукция с картины Айвазовского «Девятый

вал». Замерев перед ней, ты уже по-новому взглянешь на бушующее море, которого раньше не замечал. Будешь вглядываться пристально, как это только возможно в твоём невеликом возрасте, зачарованно насторожившись перед захватившим всё твоё внимание полотном, и эта дикая безудержная стихия тоже целиком войдёт в тебя. Как, оказывается, огромен мир, и какой вместительной может быть в нём твоя маленькая душа!

Мысли о гигантских морских валах, несущих в себе непостижимую скрытую силу, долго потом не давали заснуть. Я никак не мог вообразить себе это нескончаемое морское пространство, такое сильное, величественное, и где же у него всё-таки конец? Вот бы побывать там, чтобы всё хорошенько разузнать и увидеть, и, может быть, тебе удастся открыть то, чего ещё никто не знает?!

Чуть позже мои впечатления о море подкрепились обнаруженным в комодике бабушки альбомом, принадлежащем дяде Володе, брату моей матери, погибшему на фронте. Сын бабушки Саши, у которой мы тогда жили всем семейством в деревянном доме, дядя с детства мечтал стать художником.

Альбом был старый, с пожелтевшими грубыми листами, и на каждом рисунке в нём изображался корабль, всегда почему-то надвигающийся на тебя своим носом, или - форштевнем, как я узнал позднее. Иногда корабль был нарисован с надутыми ветром парусами, но чаще - с многочисленными надстройками, красиво громоздящимися друг над другом и завершающимися дымящейся трубой.

Нос корабля был так красив и мощен, что о море, из которого корабль на тебя надвигался, ты даже на время забывал. Будучи ещё совсем маленьким, я тогда, конечно, не в силах был постигнуть того, что каждый корабль будто приветствует меня, и приглашает ступить на его невидимую палубу.

Все эти корабли, когда-то мастерски изображённые моим дядей, удивительным образом завораживали, и хотелось научиться, так же правдиво, изображать их самому. Но требовалось какое-то знание, чтобы правильно и красиво их нарисовать. Больше всего поражало в рисунках то, что корабли надвигались именно на тебя, и ты ровно сливался мысленно с ними, сам превращаясь в устремившийся по своему курсу гордый и сильный корабль.

В детском саду, во время уроков рисования, я пытался достичь сходства с дядиными кораблями, крепко держа их в памяти, но у меня ничего не получалось. Нос корабля, как я ни бился, выходил кривым, борта разъезжались далеко в стороны, и иллюминаторы будто повисали над морским пространством, которое тоже получалось каким-то неправдоподобным. Мне становилось очень горько, что у меня никак не выходит подходящий рисунок, но мечты мои неотрывно были связаны с морем, мерно укачивали на своих волнах, и я постепенно успокаивался.

Кстати, на рисунках дяди море редко выглядело спокойным, а больше - бушующим, неукротимым. Тяжёлые чёрные волны вздымались безудержно и

круто, море будто стремилось захватить корабли и повергнуть их в свою бездну.

Но корабли мужественно преодолевали разгулявшуюся стихию. Море всё чаще захватывало моё воображение и уносило в какие-то неведомые дали, которые даже не представлялись, а только угадывались. Было ли это каким-то знаком?

Потом, при переезде на новую квартиру, альбом, конечно, пропал. Никто из взрослых не позаботился о том, чтобы его сохранить. Но главное, я уже познакомился с ним, запомнил всё, что он нёс в себе, и не забывал никогда, стремясь потом всей своей морской жизнью продлить в себе мечты дяди, осуществляя и собственные. Иначе, зачем тогда я появился на свет?!

Так же, как море, и всё, связанное с ним, в детстве притягивала к себе ещё большая картонная коробка с отцовскими книжками в кладовке, куда нравилось забираться, когда никого не было дома. Усевшись на полу и рассматривая картинки, читать я тогда ещё не умел, обо всём забывалось, и существовал только восхитительный мир книг, где правили величественные фараоны, индейцы охотились за скальпелями белых людей, капитан Немо бесстрашно исследовал глубины океанов, а сколько птиц и зверей таилось под покровом первозданного девственного леса! Большинство книг были посвящены, как ни странно, морю, но более всего очаровала книга про китобоев... Зачем она была нужна отцу?!

Книга, явно, никем ни разу не читалась, листы её были склеены и в некоторых местах даже не разрезаны, но, тем не менее, она лежала в коробке, почти на самом верху, и когда я впервые раскрыл её, то почувствовал, что где-то уже это видел. На пожелтевших фотографиях плыли по морю киты, выпуская высокие белые фонтаны, и сразу становилось понятно - как им хорошо и привольно живётся в морской стихии.

Не понравились только снимки с разделанными китовыми тушами, отрешённо замершими на боку, и гарпунные пушки, зловеще направленные в море. Было жаль убитых больших китов, и захотелось увидеть их живыми, на самом деле.

В полное восхищение поверг меня огромный спрут с извивающимися вокруг корабля щупальцами, изображённый на старинной гравюре в качестве иллюстрации к подарочному изданию Жюль Верна «20 тысяч лье под водой». Его холодный глубинный взгляд, совершенно не осознающий своего случайного пребывания вне привычной среды, выражал способность в мгновение расправиться с любым возникшим препятствием.

Увлекала именно невообразимая мощь загадочного морского животного, поневоле поднятого из жутких неведомых глубин. По своей тайне, они представлялись такими же невероятными: их темнота никак не поддавалась воображению.

Но именно это неизгладимое переживание, казалось бы, не существующего подводного чудовища, с присущей только детству восприимчивостью безоговорочно принималось, как не требующая

доказательств истина. Искренне верилось: ужасные гиганты таинственного подводного мира, конечно, существуют, они живут где-то там, в чёрной недоступной глубине, поджидая бесстрашных открывателей моря, и когда я вырасту, то непременно отыщу их.

Сейчас я думаю, что и «20 тысяч лье под водой» Жюль Верна, и толстая книга о китах, оказались в нашем доме неслучайно, и были куплены родителями бессознательно, но именно для меня. Как будто они подспудно чувствовали моё будущее увлечение морем и готовились к тому, чтобы я как можно раньше вспомнил про него, погрузился в мир настоящей дикой природы, и там нашёл ответы на все вопросы. Вся обстановка в семье, с самого детства, будто подталкивала к общению с родной стихией, задавала то настроение, которое впоследствии однажды и привело меня к морю.

Порой я размышляю: как так случилось, что море однажды привлекло моё внимание, позвало к себе и возбудило до сих пор не ослабевающий интерес? А началось всё почему-то с прибой, о повадках которого мне так хотелось узнать.

Впервые прибой вошёл в мою жизнь именно в детстве, когда мне было четыре года, и так поразил воображение, что я сразу осознал: всё это безмерное, повергающее своей мощью водное пространство - родное. Когда-то я его уже видел, так же остро переживал ошеломляющую морскую безмерность и, кажется, был счастлив. Прибой в мгновение вдохнул в меня давние воспоминания о воде, из какой-то прошлой жизни, так что они не отступают до сих пор.

Тогда, в детстве, стоя босиком на мокром песке дикого пляжа под Хостой, я зачарованно взирал на бушующий послештормовой прибой и не в силах был отвести взгляд. Бурно пенящиеся зеленовато-коричневые валы пытались ухватить меня за ноги, угрожающе шипели, но почему-то не пугали. Они лишь вызвали восхищение неудержимой, всесокрушающей силой, берущейся, вроде бы, ниоткуда.

Одни валы в точности повторяли другие, на первый взгляд ничего нового не происходило, но именно это монотонное чередование размеренно надвигающейся на сушу водной толщи и завораживало. Сейчас отчего-то представляется, что тогда я вбирал в себя прибой глазами взрослого, повидавшего жизнь человека, хотя шёл мне всего лишь пятый год.

Я хорошо помню это необыкновенное впечатление, и тот первый в моей жизни прибой, наверное, пробудил на короткий миг сознание. Всё в картине прибоя воспринималось необыкновенным и, в то же время, простым. Я уже как будто жил когда-то в этой очаровывающей морской стране, не раз испытывая на себе злую волю неудержимого шторма и безволие штиля, а шум мерно набегающих на берег морских волн сливался с ударами моего беспокойного маленького сердца.

А вот столкнуться с морем по-настоящему, именно побывав в его утробе, привелось чуть позже, когда папа с мамой взяли меня с собой в

ночную прогулку по морю на маленьком пароходике. И так получилось, что единственным впечатлением от неё осталась в моей памяти ужасная морская болезнь. Родителям не с кем было меня оставить, и надо же именно в эту ночь случиться сильному волнению на море!

Прогулочный пароходик празднично посверкивал огнями, отсветы от огней весело переливались в чёрной воде, под бортом, и поначалу это маленькое путешествие показалось мне замечательным. Хотя моря и не было видно в объявшей судно темноте, я всё же неописуемо радовался приключившемуся со мной событию. Ведь совсем рядом раскинулось настоящее Чёрное море, такое необъятное, неведомое и почему-то дорогое, и родители взяли меня с собой как большого!

Вокруг плыла и томила жаркая южная ночь. Именно теплотой встречало меня море, какой-то удивительной нежностью, с которой только и можно обратиться водной стихии к ребёнку, и я это запомнил. А вспоминал часто уже потом, через много лет, когда Тихий океан обдавал меня промозглыми ночами ледяной пеной, испытывал на крепость жестокими штормами, и не было над головой тёплых сверкающих звёзд из южной ночи детства, которой одарило меня когда-то Чёрное море. Оно первым вдохнуло в мою душу страсть к его необъятности, глубине, и неодолимую тягу к удивительным путешествиям.

Но первое впечатление об удивительной и загадочной стихии омрачила разыгравшаяся на море крутая зыбь. Прогулочный пароходик раскачивало так, будто он игрушечный, и даже многим взрослым становилось не по себе, а некоторые и вовсе предпочли удалиться в каюты.

Со мной же происходило нечто непоправимое: голова кружилась, к горлу подкатывала неудержимая тошнота, и всё внутри, кажется, выворачивалось наизнанку. Хотя волнение, по правде, было не такое уж большое, я очень хорошо помню, как устал в ту ночь от моря, но не разозлился на него. Море как-то сразу околдовало, осторожно напомнив о себе, и, наверное, стало терпеливо ждать, когда я приду к нему осознанно, сам.

Было только неловко перед родителями, что я испортил им отдых. Всё своё внимание они сосредоточили на мне, на приключившейся со мной морской болезни, и от осознания произошедшего я тогда, помнится, был даже горд. Но как мне было плохо!

Правда, это впечатление от зыбкости моря и его угрожающей непредсказуемости удивительно быстро стёрлось, когда я ступил на берег, а днём, на пляже, и вовсе улетучилось. Как будто то был сон, приснившийся неслучайно, со скрытым смыслом, что всё увиденное в нём рано или поздно повторится, но уже наяву, на самом деле, и оно не будет так ужасно.

А через два года, прежде, чем пойти в первый класс, мы всем детским садом отправились на лето в Анапу, и моя вторая встреча с морем происходила уже более дружелюбно, я бы сказал - в полном согласии. Меня

даже не пугали молочно-прозрачные медузы, в огромном количестве скапливающиеся возле берега после шторма.

Когда другие ребята боялись обжечься и не решались к ним прикасаться, а девчонки вообще с ума сходили, если в них бросали скользкую, безжизненную медузу, мне ничего не стоило бродить между ними в воде, с замиранием духа чувствовать их прикосновение, и даже играть, перекидывая из ладони в ладонь. Медузы скапливались широкой полосой у самого берега, и чтобы поплавать в чистой воде, необходимо было преодолеть их студенистую массу. Без резинового круга нам не разрешали заходить в воду, и, пользуясь им, я заплывал дальше всех.

Медузы переворачивались перед самыми глазами, ритмично сжимались и разжимались, и в прозрачной воде, просвеченные солнцем, обретали рисунок. Здесь они уже не воспринимались такими безжизненными, как у берега, а представлялись очень загадочными и тонкими существами. Определённо, что когда-то я уже поддерживал связь с водной стихией, и она имела для меня положительное значение.

Мне всегда нравился запах морских водорослей, выброшенных морем на прибрежную полосу. Водоросли, подпревая, издавали немножко тошнотворный запах, но их крепкий аромат всё равно перебивал дух гниения, и необыкновенно дурманил. Ещё меня очень возбуждало ожидание моря.

Медленно тянулся тихий час, потом - полдник с ненавистным пудингом, или это было какао с печеньем, и, наконец, построение, после чего, дружно взявшись за руки, под неусыпным оком воспитателей, мы брели аллеей из грецких орехов к долгожданному морю. Орехи были ещё мелкие, зелёные, а в траве, рядом с дорожками, изредка попадались маленькие черепашки. Уж не знаю - откуда они брались, иногда нам удавалось поймать одну-две, но вскоре мы их отпускали.

Я как будто был со всеми, оживлённо переговаривался, смеялся и баловался, а внутри всё во мне будто подбиралось от волнения: скоро, через каких-нибудь десять-пятнадцать минут, я увижу море. И море всегда показывалось неожиданно, оно просто повергало своей безграничной открытостью, и уже ничего не хотелось говорить, пропадало желание дурачиться, и всего тебя заполняла жгучая и радостная потребность впитывать его звуки и запахи. Присутствие моря приводило в неопишное возбуждение, и это было, пожалуй, самое первое и сильное впечатление из детства, сильнее и лучше которого невозможно было представить.

Все дни тогда, кажется, были наполнены солнцем, его неудержимым блеском, весело отражающимся от изумрудной водной поверхности, запахом выброшенных на берег водорослей, раковин и крабов, золотого мокрого песка. К этому торжеству южного тепла и света ещё примешивался головокружительный аромат сахарной ваты. Её продавали огромными белыми кусками, напоминающими холопья морской пены, и я утопал в ней

лицом, словно в роскошном летнем зное, и голова сладостно кружилась от переживаемого счастья.

Но как сделать так, чтобы воспитательница покупала нам эту сладость каждый день? Родители, конечно, высылали иногда деньги на фрукты, но их хватало ненадолго, а сахарная вата, которую продавали по всему побережью, источала такую притягательную душистость, что невозможно было о ней не думать.

Дух и лета, и моря, и ваты растекался повсюду, и от всего этого невозможно было не чувствовать себя счастливым. Да только как овладеть завораживающей сладостью, что, кажется, не сравнится по вкусу ни с каким вареньем или пирожным? До такой степени она была необыкновенная, воздушная, созданная именно для детства!

Однажды, валяясь с мальчишками после купания на песочке, мы возводили из него диковинные замки, как вдруг один из нас обнаружил железный рубль. Затем, кто-то, целую трёшку, а мне вскоре подвернулась под ноги россыпь медных и серебряных монеток. Посетители пляжа, обычно раскладывая свою одежду на лежаках, чаще всего не замечали, как из их карманов высыпаются деньги, а поскольку к вечеру, когда мы после тихого часа приходили всей группой на море, отдыхающие покидали прибрежную полосу, ничто не мешало нам направить всю энергию на отыскание желанных монеток!

Воспитательница быстро распознала наш хитрый замысел, и поскольку она была умная девушка-студентка, проходящая с детьми педагогическую практику, то мы достаточно быстро нашли в подобном развлечении общий интерес. Она выстраивала нас перпендикулярно прибойной полосе, и вся группа медленно продвигалась по пляжу, вороша ступнями золотистый песок.

Мелочи встречалось много, иногда попадались даже пяти и десяти рублёвые купюры, а как-то раз, одному мальчику посчастливилось отыскать сиреневую двадцатипятирублёвую бумажку! Большую часть денег девушка, разумеется, забирала себе, но мы тоже не оставались в убытке, и если приходили после обеда на море, то она всегда угощала нас сахарной ватой. У этой ваты, кажется, не было вкуса: сплошной восторг и наслаждение!

Но совсем необъяснимым, может быть, даже слаще сахарной ваты, оказалось увидеть ... обнажённое женское тело. Видение это тотчас захватило и унесло неизвестно куда, рождая какие-то несказанные предчувствия и догадки. Те, что я никогда ещё не встречал, и они как будто пригвождали меня так, что я не в силах был сдвинуться или куда-либо идти.

Представлялось возможным только взлететь, отрешённо повиснув в своём незнании, что делать дальше. Тело излучало такую тонкую негу и прелесть, что не страшно было умереть.

Та женщина переодевалась в кабинке и возникла передо мной немым откровением, совершенно повергнув моё восприятие. Забылось и море, и резиновый круг в виде медузы, за которым я вернулся, и сахарная вата,

продаваемая огромными пахучими кусками на каждом шагу. Похоже, увиденное было неизмеримо лучше её, но об этом ещё, конечно, не думалось, а только угадывалось исподволь.

Больше всего поразила белая, совершенно открытая плоть. Она и вправду была как сахарная вата, и даже, наверное, вкуснее, но как её съесть?! Всё ниже пояса, до самых колен, выглядело так обворожительно, что страшно было смотреть.

И я отвёл свой смешавшийся взгляд, но через какое-то мгновение вновь поднял, а женщина по-прежнему стояла, не прикрываясь, и ничего не предпринимала. Она, кажется, даже улыбнулась одними глазами, подбодрив ими, и продолжала спокойно глядеть на меня, прижав одну руку к плечу, а другую мягко опустив. Женщина словно давала мне возможность запомнить её вот такой, и при этом ничуть не торопила.

Невозможно было разглядеть всё в отдельности. Я восторженно, с замиранием сердца, охватывая взглядом это дивное тело, и не мог его отвести. Так сладостно, даже для моего шестилетнего возраста, белели эти полные бёдра, выпуклость нежнейшего живота, пухлые колени...

Ещё непроизвольно восхитила и озадачила кошка, что умостила прямо под животом, и была мохнатая, большая и почему-то без головы. Я тогда подумал, что такое вполне может быть, если всё увиденное на самом деле существует. Ничего другого, кроме свернувшейся в клубок киски, вообразить я был не в силах.

Сколько продолжалось это наваждение - сказать сейчас трудно, но я, помнится, вдруг повернулся и побежал обратно к морю, брызжущему солнцу, по горячему песку, что приятно обжигал ступни, и вскоре обо всём позабыл, потому как более всего притягивало именно оно... В отдельные дни, когда на море случалось волнение, купаться запрещали, и над домиком спасательной станции, на высокой мачте, вывешивали флаг с изображением креста, круга или полосок. Приближаясь к пляжу, каждый из нас стремился первым разглядеть - какой флаг развевается на мачте, а я всегда пытался его угадать: можно ли будет сегодня заходить в воду или нет?

Но даже когда купаться запрещали, на море было просто приятно смотреть, подойдя к самому его урезу. Мутновато-зелёные валы с шумом накатывали на песок, подгоняя к берегу скопления голубоватых медуз, и невозможно было отвести взгляд от этой надвигающейся и непостижимой мощи моря. Я стоял у самой прибойной полосы, там, где разрешали находиться взрослые, неотрывно вглядывался в тяжело переваливающиеся морские валы, и начинало казаться, что море приветствует меня, маленького, будто знает уже давным-давно.

Это ощущение слитности с морем ещё острее проступало в душе, когда его можно было обозревать с высоты, с прибрежных обрывистых скал, где располагался тогда местный краеведческий музей. Нас однажды отвели туда, и, помнится, мы долго поднимались по лестнице или каменным ступеням, а внизу торжествующе плескалось о камни дорогое и близкое всем море. До

самого горизонта выгибалось оно зеленоватой китовой спиной, и будто радовалось с малышами возможности жить, играть и дарить свои тайны.

С самого крутого места, там, где скалы почти отвесно обрывались в море, я с замиранием духа следил за тем, как внизу, в зелёных разливах между каменистых островков, парит надо дном в ластах и маске с трубкой одинокий пловец. Кажется, он оставался недвижим, пристально разглядывая что-то под собой, и с высоты, сквозь прозрачную воду, хорошо просматривались заросли бурых водорослей, белый песок и фиолетовые камни.

Когда тень от пловца легла на песчаное дно - её тоже хорошо было видно. Но если пловец нырял, ловко взмахнув ластами, различить его уже было трудно, и я только завидовал ему, что он может так свободно парить под водой, наверное, поднимая со дна красивые раковины и выуживая из-под камней большущих крабов.

Одного из таких крабов мы однажды обнаружили на песке, выброшенного разбушевавшимся накануне штормом. Краб лежал на спине, неестественно задрал вверх гладкие кремовые клешни, и уже наполовину погрузился в струящийся под ним влажный песок.

Мы осторожно перевернули его: краб, несмотря на размеры, оказался достаточно лёгким, а панцирь у него был чёрно-коричневый, с тёмно-бордовыми лысыми буграми и вздутиями. Шарообразные, на ниточках глаза краба побелели и вытянулись, лапки были покрыты редкими волосинками, и весь он источал тошнотворный, и в тоже время - сладостный запах моря, которым, кажется, было пронизано всё побережье.

На искрящейся прибойной полосе пузырились грязновато-перламутровые пенные лужицы. Повсюду виднелись, будто вдавленные кем-то в песок, разноцветные мелкие раковинки, валялись скомканные пучки изумрудных водорослей, и надо всем этим, погружённым в знойную голубоватую дымку морским пространством, вольно простиралось нечто огромное, живое, хотя его и не было видно.

Оно очень чутко угадывалось, его было приятно ощущать, переживая какую-то удивительно умиротворяющую свободу, которая будто отрывала тебя от земли, но дальше никуда не уносила. Вероятно, то была душа моря, простирающая на всех свои волшебные чары.

Мы, дети, в первую очередь радовались нахождению рядом с морем, и никак не могли им насытиться. Мы угадывали своими маленькими сердцами его всеобъемлющую благосклонность, стараясь как можно более чутко с ним слиться.

Резиновые круги в виде обнимающего тебя осьминога или улыбающегося дельфина так волнующе отрывали от земли, а зелёные волны мягко укачивали и будто обещали нечто удивительное. Хотелось бесконечно парить в этом тёплом солнечном торжестве, называемом просто и красиво - «м-о-р-е». Ни о чём другом просто не мечталось.

И вот, мы оказались в музее, тоже проникнутым морем. Больше всего поразило серо-голубое чучело акулы: удивительно изящное, с синевато-серой, отливающей сталью шероховатой кожей, упругое на вид, оно казалось произведением искусства.

Вернее, я ещё не знал, что это такое, и акула, незаметно для посетителей музея прикреплённая к стене, воспринималась мною как живая, будто по волшебству оказавшаяся на время в этой маленькой музейной комнатке. От неё веяло силой и запахом моря, акула была вся пронизана стремительным движением, и мне оставалось непонятным - как она здесь очутилась и находится в неестественной для неё застывшей позе?

С раскрытой зубастой пастью акула словно устремилась к окну, за которым плескались в прибрежных камнях неудержимые волны. Маленькие стеклянные глаза акулы остро вцепились в вольное морское пространство, казалось, она вот-вот вырвется на свободу и шлёпнется в море.

Приподнявшись на цыпочках, я попытался дотянуться до шероховатого на вид бока акулы, но у меня ничего не получилось: акула осталась недосягаемой. И всё же, помнится, в душе родилось смутное предчувствие, почти уверенность, что когда-нибудь мне это удастся. Может, то был знак судьбы?!

Все мы одинаковы своими общими корнями, но различны подходом к жизни, к самому себе, в конечном итоге - в уровне сознания, зависящего только от нашей работы над собой, и очень важно, если именно с детства ты склонен к постижению мира. Это так естественно для начинающейся жизни!

С ранних лет мне нравилось находиться рядом с водой, нырять в тёмно-зелёную глубину деревенского пруда, и, раскрыв глаза, вглядываться в неизведанный мир, стараясь обнаружить там такое же неведомое мне существование того, о чём я даже не подозревал, но верил, что оно непременно есть.

Нужно только не бояться заглянуть в это таинственное подводное царство, что почему-то не казалось чужим, и ничего странного в подобном желании я тоже не видел, а только хотелось всматриваться в то, что неимоверно притягивало, возбуждало неподдельный интерес, и нисколько не пугало. Мне нравилось думать о чём-то неизведанном, особенно, если оно было связано с водой, и если выдавалась такая возможность, я оставался на берегу пруда или речки целый день.

В подводном царстве всё не так, как на том же берегу, вблизи пруда или озера, и тем более - в лесу. В нём чувствуешь себя невесомым, и потому можно летать, не ощущая своего тела.

Маленькие рыбки и раковинки в воде становятся большими, вместо неба там - прозрачное зелёное стекло, за которым облака превращаются в гигантских рыб, а вместо земли - разноцветные камешки и волнистый песок. Солнечные зайчики на нём такие же неуловимые, как и наверху, но

прохладные, схожие на ошупь с колыхающимися лиловыми водорослями. Ничто под водой не отбрасывает тени, всё призрачно, таинственно, и отчего-то очень близко, даже дорого, так что даже не хочется всплывать туда, где ласково припекает солнце.

Удивлённые твоим появлением рыбки останавливаются напротив, и, так и не разобрав в тебе своего, мгновенно юркают в таинственную холодную темноту. Мысленно сразу стремишься проникнуть туда за ними, а вода мягко укачивает тебя на своих невидимых волнах, постепенно упруго сжимает тело, и ты, несмотря на нехватку воздуха, восторженно понимаешь, как приятно находиться в объятиях воды.

У поверхности она тёплая, радостно поблескивает в отражающихся от неё солнечных лучах, и даже резкий запах тины у камышей тоже сладок. Таинственно и маняще водное царство, и разве минует оно внимания любознательного мальчишки?!

Когда я только первый раз нырнул и открыл глаза под водой, оказалось, что это совсем не страшно. Мне вдруг захотелось вглядываться в этот мир бесконечно, узнавать о нём всё больше и больше, запоминая каждую мелочь.

Неизвестное всегда страшит, хотя, как убеждаешься впоследствии, в нём нет ничего пугающего: человек и подводную темноту наделяет тем, чего она не содержит. На деле нас влечёт в неизведанное неразгаданная тайна, желание, чтобы мир оставался неиссякаем для интересных и захватывающих событий.

Тебе, вроде бы, уже всё знакомо на родном деревенском пруду, с его затопленными колодами, прибрежными корягами, зарослями осоки и камыша, загадочными чёрными елями, склонившимися над его покойной водой, островками изумрудных водорослей, но, всё же, что-то самое главное, чего ещё не видел, будоражит твоё воображение, и ты ожидаешь с ним встречи. Очень может быть, что именно сегодня, на этом лесном берегу, я зайду в воду, погружусь туда с головой, и тайное неожиданно откроется мне, и я не испугаюсь, а обрету какое-то важное знание. Как это просто и радостно - ничего не бояться, и стараться всё узнать!

После того, как родители подарили мне маску и дыхательную трубку, подводный мир открылся предо мной уже во всей своей красе! Стройные рыбки, со светящимися серебряными боками, словно ласточки в июльском небе кружат вокруг, близко подплывать остерегаются, но при всяком удобном случае так и норовят рассмотреть меня лучше, будто ненароком оказываются перед самой маской, а затем бросаются враспынную. Вода сильно увеличивает предметы, и сквозь толстое стекло маски они представляются совсем в ином виде: неказистые пескари вдруг превращаются в изящных и загадочных обитателей пруда, а подвернувшийся однажды у самого берега извивающийся уж так напугал меня своими размерами, что я выпрыгнул из воды!

Совсем неприметные раньше мальки через стекло маски и вовсе вырастают в гигантов, и когда они дружной стайкой устремляются навстречу, кажется, что на тебя надвигается какое-то мохнатое чудовище. Красавец-окунь в сравнении с ними - настоящий великан, нацелил свои страшные спинные иголки в подводную пустоту, и все сразу расступаются перед ним. Только зубастая щука, наверное, не боится бравого окуня, - вот бы её увидеть!

Даже обыкновенные раковинки-перловицы, в обилии устилающие озёрные и речные плёсы, здесь, под водой, становились величиной с кулачок, так что хотелось завладеть каждой, заглянув вовнутрь: а вдруг там прячется драгоценная горошинка? Полдюжины таких тусклых жемчужин уже хранились у меня на подоконнике, в спичечном коробке, и на солнечном свете они преображались, вспоминая, наверное, речную прохладу, струящийся жирный песок и ярко-зелёные водоросли. Всегда приятно было проплывать над ними, чуть прикасаясь к их покатым, бледновато-серым бокам, и они никогда не казались при этом скучными.

В солнечный день под водой даже весело! Зелёные водоросли на мелководье колышутся в такт мерно набегающей волне, будто играют в какую-то свою, понятную только им игру, пытаюсь ухватить меня за запястья и щиколотки, отчего становится щекотно. Из холодной сумрачной глубины выбираются на волнистый песок грязновато-карминные раки - принять солнечную ванну, и замирают там, пока солнышко не переместится к береговым камышам: тогда они недовольно начинают шевелить усами, не зная - куда себя деть. Рак - не рыба, ему спешить некуда, и начинает он тогда пятиться обратно в глубину, там ему, видимо, спокойнее.

А ещё под водой происходит удивительная игра света... Стоит только солнцу выглянуть из-за облаков, - розоватые, золотые и кремовые лучи, необычно преломляясь при проникновении в воду, устраивают между собой весёлую толкотню: кажется, тронь их - и они тоненько и радостно зазвучат.

Этот удивительный перезвон под водой представляется очень ласковым, он укачивает и навеивает приятные тёплые думы. Ты - и не на небе, и не на земле, а среди того, что прекрасно и неведомо, необычайно притягательно, где забываешь о самом родном, и живёшь только тем неизведанным, что таится в глубине.

Отчего-то притягивала к себе именно неясная и непонятная темень, которой бы следовало остерегаться, даже - страшиться, как это происходило со многими деревенскими жителями, искренне верящими в существование водяных и русалок. Но меня неудержимо влекло туда, в холодную таинственную глубь, и пусть её нельзя было сравнить с морской пучиной, незримая бездна обыкновенного деревенского пруда, всё же, манила меня не меньше.

В глубине души я знал, что там, на самом деле, не страшно, и всё скрытое обязательно откроется когда-нибудь необъятной радостью. «Тиха

вода в пруду, да омуты глубоки», - поучала меня бабушка, но я ничего не мог с собой поделывать: здорово было бы заглянуть и туда!

Только занимается над лесом ласковая июньская заря, а я уже с маской и трубкой бегу на пруд, где у берега, в привольной солнечной тиши, паук-бокоплав ловко скользит по глади воды на своих невидимых ходулях, тоже радуется жизни. Под растопыренной корягой бойко снуют головастики, солнце щедро распахнуло свои объятия надо всей деревней, и восторгу моему не уместиться во взбудораженном всем происходящим сердце. Мир и благодать там, где есть солнце и вода, её чудесное прохладное таинство, бросающее от счастья сопричастности с ним в дрожь, и как не принять его, не восхищаться им?!

Как вообще можно жить без радости? - думалось всегда возле воды, в зарослях камышей, на краю полянки, обрывающейся высоким берегом к тихо струящейся реке. Если есть вода, чудный берег, поросший осокой, потаённые заводи с кувшинками и краснопёрыми окунями, то это всегда так хорошо, свободно и радостно.

И эту радость могут переживать и другие люди, все, у кого при одном виде синеющей водной поверхности и туманной дымки над ней, замирает сердце. Как возможно себе представить жизнь без лесного озера, уютного пруда под деревенской мельницей, свежего ветерка с воды, поутру, что приносит только доброе настроение?! С детства был я захвачен миром воды необыкновенно, а мир этот отвечал мне своею любовью.

Рыбья кровь

Когда я был маленький, и ещё не приистрастился к лесу, отец старался привить мне любовь к рыбалке, потому как слыл за знатного рыболова. Да он, собственно, им и являлся, чуть ли ни ежедневно принося домой карасей, лещей, налимов и плотвичек, полосатых окуньков и толстогубых линей, щук величиною с полено и изящных хариусов, так что все домашние уже не знали - куда девать эту рыбу?

Но отец не переставал носить её, угощая знакомых и соседей, и при таком родителе мне сложно было не стать рыбаком, хотя бы попробовать рыбную ловлю, и, помнится, одно время я очень загорелся рыбалкой, пропадая вместе с отцом на речке или озёрах. До страха любил отец удить рыбу!

С первых классов школы я даже завёл себе тетраточку, куда тщательно записывал каждую, пойманную мной рыбку: её размер, вес, название и полное описание того, на какую снасть, где, и при каких условиях произошло это замечательное событие. Книжечку эту заветную, помнится, открывала запись про налима, длиною в десяток вершков!

Лицо у отца сияет, и он торжествующе погрозив кому-то указательным пальцем, с замиранием духа восклицает:

- Услышал меня, Господь, не обманул!

Бабушка, умиленно всплеснув руками, и будто подыгрывая отцу, с улыбкой заключает:

- Уж это, непременно, к благополучию!

Отец же не успокаивается:

- Что и говорить: обрадовал!

А с налива этого бабушка тогда сварила отменную уху. Когда вся семья собралась за столом, отец весело заключил:

- На четвертную с Павлом Ильичём побился, что сынок меня в этот раз переловит, и так оно и вышло. Знатный рыбак будет!

- У нас всё без обману, - с лукавинкой добавляет бабушка. - Посулился, значит, так тому и быть!

На Благовещение и Пасху бабушка всегда пекла рыбные пироги под рисом - с судаком и налимом печёной, накрывала их полотенцами - «отходить», и пироги источали по всему дому такой сладкий дух, что кружилась голова. Не передать этот запах, помню его и сейчас, и сразу вспоминается наш деревянный дом, весна, и руки бабушки, пахнущие стряпнёй. На ней, как всегда, фартук, платок, рукава платья засучены по локоть, и она весело восклицает:

- А как солнце-то с нами играет! Гляди на небо: всё можно, нельзя только на него влезть. Самая, что ни на есть, риза Господня!

«В нём рыба кровь», - говорили про отца, но не оттого, что у него будто бы холодное сердце, а по той причине, что не мог он, ни дня, прожить без рыбалки, отдавая ей всю душу. Рыбалка для него была Царь-Государь, всему голова!

Отец, кажется, из собственного кармана удил, и когда у других рыбаков садки пустовали, у отца - завсегда улов! Он как, вроде бы, знал какой-то рыбий секрет, никому его не выдавая, всё больше помалкивал, про себя улыбаясь, и очень любил оставаться на реке один, а если и брал с собой меня, то редко, и потому я хорошо помню все наши совместные ужения рыбы.

Честно признаться, у меня никогда не хватало терпения долго сидеть у пруда, в напряжении склонившись над удочками, как это делал отец. Он мог сидеть так хоть весь вечер или утро, и ничего, но меня вскоре тянуло побегать, рассмотреть всю лесную окрестность, а глядеть, не отрываясь, на неподвижный поплавок мне быстро надоедало. Вот если бы придумать какой-нибудь иной способ, вытягивая рыбу на берег без утомительного ожидания!

Так вот, постоянно наблюдая в своей жизни эту захватывающую страсть отца, коей он совершенно искренне отдавал львиную долю своего времени, с самого детства, я уяснил для себя неожиданно очень важную вещь: коли живёт в твоём сердце любовное пристрастие к какому-либо делу, тебе не сложно почувствовать себя счастливым человеком. Отец, по-видимому, и ощущал себя им, он не мог представить свою жизнь без рыбной

ловли, этого азарта, затмевающего собой всё остальное, и можно честно сказать - поклонялся рыбалке.

Об умении удить, он, несомненно, знал всё, часами просиживая на кухне за паянием мормышек и блёсен. Пробовал даже изобретать нечто новое, отправляя свои догадки в рыболовные журналы, и очень переживал, если ему отвечали отказом. Кажется, чего проще: взял удочку, накопал червей, и отправляйся на речку, захватив с собой кусок подсоленного хлеба, и так и было в его босоногом детстве.

Но с возрастом отец стал понимать об ужении рыбы более тонкие вещи. Например, как насадить червя, чтобы он выглядел естественным, выбрать на берегу самое верное место для ужения, приметить нрав, присущий только этой рыбе - голавлю, лещу, либо плотвичке. А ещё нужно обладать проницательностью, будто погружаясь под воду и становясь рыбой, и в этом с отцом никто не мог сравниться.

Он, действительно, умел угадывать поведение рыбы в зависимости от времени года, заря это или закат, и какова сегодня на дворе погода. Ведь удивительная жизнь обычно проходит между нами, чаще всего мимо или сквозь наше существование, между тем, присутствуя повсюду, чего бы это ни касалось, в том числе - и рыбной ловли. А уж беспокойства в жизни настоящего рыбака хватает!

Простая истина: под лежащий камень вода не течёт, как раз гласит об этом. Так вот, нужно просто углубиться в существующую жизнь, сделать её своей, относясь к ней с большим вниманием, достойно, чего она, несомненно, и стоит, и тогда вам откроется чудесный источник, и пить из него можно бесконечно. Это нескончаемое волшебство, конечно, украсит вашу жизнь, сделает вас сильнее, а всего-то следует лишь решиться жить интересно, как вы этого заслуживаете, отыскав любимое дело. Мы все с детства наполнены этой решимостью стать красивыми и счастливыми, и отец всегда ощущал себя им, когда оказывался ранним утром на берегу речки или потаённого озера, с головой погружаясь в лоно нашей дорогой сердцу, русской природы.

Отец был мастер вылавливать отборных рыб, однажды привёз целый таз первосортных красавцев-карасей, что были ещё живыми, сияя золотом на солнце. Таз стоял посреди кухни, на полу, и я замер возле него, замороженный красотой рыб.

Почему-то невозможно было представить их там, под водой, среди изумрудных водорослей и тёмно-синих перловиц, а вот здесь, на кухне, в эмалированном тазу, караси воспринимались совершенно естественно, будто освещая собой приевшуюся домашнюю обстановку. Но скоро бабушка зажарит их в сметане, и они сделаются совсем привычными, даже родными: рыбы у нас дома, благодаря отцу, было завсегда в достатке!

Отец никогда не находил слов, чтобы рассказать - как ему удаётся вылавливать такую прорву рыбы, только молчал, посмеиваясь, может быть иной раз обронит:

- Знатное дело прихватить таких шельмецов... Погляди, как играют!

Я смотрел на поблескивающих в тазу карасей, и не находил слов, чтобы выразить внутренний восторг. А караси вдруг возьмут, да как начнут переворачиваться, бьют хвостами, жадно шевелят жабрами, что поразишься силе природы и отчего-то радостно засмеёшься.

Рыбалка для отца была заведена как священнодействие. В кладовке у него покоились разные удочки, сетки, и даже - резиновая лодка, но более всего отца занимали блёсны, ради них он готов был просиживать в своей коморке или на кухне целыми вечерами, и лучше было его в такие минуты не беспокоить.

За банькой у нас в деревне как-то по-особенному отдаёт парным духом от навозной кучи, заросшей крапивой, и мы принимаемся с отцом подкапывать червей. Они лениво извиваются на лопате, но когда попадают в банку - сразу оживляются, как будто догадываясь - что им уготовлено. В голову ударяет прелым ароматом, свежей зеленью, ведь стоит июль, день движется к вечеру, и мы с отцом собираемся ловить хариуса на «кораблик».

В такой рыбалке я почти не принимаю участия, всем заправляет отец. Поначалу он заводит сколоченные из двух досок «саночки» как можно подальше от берега, насколько это возможно, и ведёт их вдоль него на толстой лесе, от леси по поверхности воды в проводку пущены поводки с «мушками», и нужно, чтобы они «играли», привлекая чуткого хариуса.

Сложность такой ловли заключается в том, что берег неровный, попадаются выбоины, заросли кустарника, и приходится умело обходить эти препятствия, не позволяя «мушкам» сильно углубляться или повисать высоко над водой. А тут ещё я, находясь постоянно рядом, прихватываю отца то за рукав, то за карман пиджака, и отец, еле сдерживая себя, воодушевлённо заверяет:

- Погоди, разом выхватим шельмеца, не посмотрим, что он - ловкий! Как он нас ни путай, а божья воля всё распутает: Господь, сынок, с нами!

Ловить хариуса на «кораблик» необыкновенно увлекательно, и эта весёлая снасть становится уловистой, когда появляются стрекозы и бабочки, что беспрестанно витают над водой. И потому на течении приманки, свисающие с леси, выглядят совершенно естественно, и рыба не замечает никакого подвоха, обычно мгновенно реагируя на плывущих «насекомых».

Сбиваясь, как и я, с шагу в скрытых травой ямках, отец заметно волнуется, наверное, желая отличиться передо мной. Но хариуса не так просто перехитрить, и он, должно быть, наблюдая за нами из-под воды, только посмеивается.

- Ух! - в возбуждении вскрикивает отец, заметив, как крупный хариус, промахнувшись, выпрыгивает высоко из воды, и, блеснув в лучах заходящего солнца пунцовым боком, с шумом плюхается обратно. - И показал Бог, да не дал!

Я тоже в восхищении подпрыгиваю, взмахнув руками, но красивой рыбки след простыл, как будто её и не было, и всё начинается заново, с надеждой, что какой-нибудь хариус прихватит нашу приманку.

А день незаметно потухает, румяное солнце лениво клонится к западу, и мы бредём с отцом по пояс в шелковистой траве, не говоря друг другу ни слова, и думаем о том, как хорошо сейчас, наверное, хариусу в его родной стихии. Мы даже немножко рады тому, что он остался на свободе, в тихо струящейся чистой реке.

- Ну, удружил денёк, - еле слышно произносит отец. – До чего всё хорошо было! А хариус пусть ещё погуляет...

И я тоже тихо радуюсь этому обыкновенному счастью нахождения у реки, в этот малиновый тёплый вечер, каждой клеточкой тела проникаясь раскинувшимся повсюду роскошным июлем, и чувствую себя необыкновенно счастливым.

Бывает, отец натаскает за утро полное ведро серебристых хариусов! Когда успел? Я ещё и не проснулся, а он уже несёт с реки драгоценный улов.

Хариусы уже издали источают тонкий огуречный аромат, кажется, даже ещё более свежий, чем когда их только вытаскиваешь на берег, до такой степени они изящны, чисты, и выглядят всегда необыкновенно, ни как другие рыбыны – подлещики или голавли.

Хариус имеет какой-то, присущий только ему свет, исходящий изнутри, нежную серебристость, и, конечно, запах. Он очаровывает этой своей тонкостью и чистотой, не хочется ни жарить рыбу, ни солить, лишь любоваться на стройные плотненькие тела, нежно прижавшиеся в ведре друг к другу.

Когда отец вываливает их в траву, под навесом, они ненадолго оживают, но, ни как окуньки, подпрыгивая и переворачиваясь с боку на бок, а с ленцой, тотчас замирая. Хариус, в отличие от других рыб, представляется почему-то более вольным, всегда нацеленным в самую стремнину реки, но оказавшись на берегу, его свобода быстро иссякает.

Присев на корточки у рыбин, я осторожно дотрагиваюсь их нежных сиреневых боков, и не могу отвести взгляд. Бабушка скоро соберёт их и нажарит к завтраку, и хариуса будут издавать уже совсем иной, не менее притягательный аромат.

Ещё мне очень нравилось удить с отцом по весне юркую рыбку уклейку, или - «щеклею», как её называли знатные рыболовы. В Чёрных озёрах, неподалёку от города, она водилась в большом количестве. В солнечную погоду всегда хорошо было видно, как эти серебристые рыбки снуют на небольшой глубине, посверкивая изящными телами, что на ощупь всегда казались шелковистыми.

Длиною в ладошку, рыбки эти были необычайно жирны. Но более всего захватывало их ужение, когда они клевали бесперебойно, одна за другой, и если вам по нраву такая добычливая рыбалка, то редко случается, чтобы она вам скоро наскучила. Уклейка не даёт крючку с наживкой

опуститься на дно, мгновенно схватывает добычу, и ... оказывается в ваших руках.

Одно удовольствие удить эту вездесущую весёлую рыбку, что охотно берёт на любую приманку, налетая на неё с разбега и, в мгновение, утаскивая поплавок под воду. Клёв её молниеносен, и нужно не зевать подсекать стремительную уклейку, с такою же быстротою извлекая рыбку на поверхность, где она вёртко извивается на крючке, посверкивая своей серебристой спинкой. Чудо, а не рыбка, что необыкновенно приятна в вяленном виде!

Запомнилась ещё ловля лещей на донку с плотов. Плоты, связанные меж собой, загнали в залив, чтобы тянуть потом длинной кишкой по реке, и рыбаки сразу облюбовали их. Заберёшься подальше от берега, перепрыгивая с одного бревна на другое, где уже большая глубина, отыщешь в них окошечко, и рыбачь.

Поначалу было страшновато, что плоты разойдутся, я провалюсь с головой под воду, и плоты надо мной сойдутся, а потому ходил по ним осторожно, стараясь не оступиться. Даже про лещей забыл. Но потом, глядя на отца, обвыкся, и вскоре, когда у лещей начался клёв, а вокруг зазвенели колокольчики, и вовсе оправился.

Обычное удилище при такой рыбалке тут ни к чему, достаточно коротенькой донки с колокольчиком. Немного повыше крючка с насаженным на него червяком, на лесе подвязывается поводок с пружинкой, в неё заминается каша для приманки, и опускается на дно. Лещ, почуяв запах каши, замечает извивающегося червяка и заглатывает его, колокольчик тотчас даёт знать об этом, и остаётся только подсечь неповоротливого обитателя речных глубин.

На плотях рыбкой пахнет, этим самым лещом: раздольно, свежо, резко ударяя в голову. Кажется, что и смола от брёвен отдаёт рыбьим вкусом, и вода, ровно уха, только холодная, не разогретая, но крепкая своей весенней ядрённостью. Нюхаешь, вдыхаешь воздух у реки, и голова идёт кругом: до того хорошо, - не знаешь, за что взяться!

Отец, знай, налаживает донки, улыбается про себя, а я сижу рядом с ним, на корточках, и наблюдаю, как он наминает кашу для прикормки леща. Свет только занимается над рекой, отец зачерпывает пригоршней холодную воду, и брызгает себе в лицо: «бры-ы-ы!» Я тоже умываюсь, сна - ни в одном глазу, сейчас начнётся рыбалка!

Дышит река, мерно покачиваются на ней плоты, хлопает под ними вода, и где-то там, в прохладной темноте, «пасутся» у дна толстобокие лещи. Светятся, наверное, тусклым серебром, ведут на самой глубине неведомую жизнь. Рыба своё знает, а отец знает рыбы повадки лучше всех!

Обычно увесистый лещ ведёт себя смирно, когда ты постепенно вытягиваешь его, будто там никого и нет. Но у самой поверхности лещ, что есть мочи, начинает изворачиваться и вилять серебристым боком, а когда оказывается наверху, принимается плясать на брёвнах, да такой широченный

- с лопату, так что его и не прихватишь. И всё норовит поближе к окошечкам в плоту подобраться, чувствует воду, вот-вот удерёт!

Жалко, конечно, упустить такого весового леща, и я прыгаю за ним по плотам как лягушка, пытаюсь прихватить за скользкие бока. Но лещ не даётся, замрёт на какое-то время, будто последних сил лишился, и как только к нему подобрёшься, опять начинает изворачиваться с боку на бок, ни за что его не ухватишь!

Да это и не мудрено, если он таким большущим вымахал: посмотреть на него, когда лещ спокойно лежит, так всё равно, что бабушкина сковорода, а встречаются, говорят, и ещё больше, чуть не с самовар! Его-то уж точно не удержишь, как ни старайся, да мне бы хоть с этим справиться!

Наконец я одолеваю леща, упав на него и прижав к брёвнам, так что ему некуда деваться. Даже подо мной он тяжело вздыхает, упираясь мне в грудь, а потом затихает, но когда я выпускаю леща в садок, то он опять начинает метаться, жадно шевеля толстыми губами. Вот какой живучий!

Широкая округлая фигура леща отличает его от других речных обитателей. Дедушка рассказывал нам с отцом, что в старину попадались лещи длиною в аршин и весом в полтора десятка фунтов. Трудно вообразить себе такого экземпляра серовато-серебристого цвета, с толстой тёмной спиной, с белёсыми глазами, имеющими чёрные зрачки, скорее, представляющего нечто уродливое, чем привлекательное, да и водятся ли сейчас подобные чудища?! Иногда, правда, попадаются лещи в три-четыре кило, но и те большая редкость, чаще - так называемые подлещики.

Охотнее всего, заверял отец, лещ берёт на навозного червя, или на распаренный горох, преимущественно в тихих и глубоких заводях и заливах, и ловля лещей с плотов наиболее удобна, чтобы их выуживать. Очень крупные берут редко, но вот рыбин средних размеров можно ловить в изобилии, за утро - несколько десятков.

Причём, лещ всегда заглатывает наживку без церемоний, но бороться долго не в силах, и в скорости утомляется, всплывает покорно, и его лишь необходимо ловко подхватить у самой поверхности сачком. Весенний клёв лещей, поутру, бывает обильным, и нередко скоро даже приедается, если рыба не сопротивляется и выходит послушно.

Но на наших лещей я не мог нарадоваться, совершенно потеряв голову от весёлого перезвона колокольчиков, запаха рыбы, выпученных глаз оказавшихся наверху горбылей, наверное, недоумевающих: чего это с ними произошло? Конечно, в сравнении с другими рыбами лещ достаточно костлявый, попадает рыба и слаще, отменным на вкус считается он только в вяленом виде, либо - в ухе, и всё же необыкновенно приятно вытягивать здоровых рыбин, восхищаясь их ошеломляющей доступностью. И таких ломовых лещей мы тогда с отцом наловили целую дюжину, еле до дому донесли, а по дороге домой даже подумалось, что я теперь уже не маленький!

Фор-те-пья-но!

Моя мама, Маргарита Борисовна, всю жизнь преподавала детям музыку, и это её музыкальное пристрастие не могло не отразиться и на моей судьбе: на семейном совете было безоговорочно решено отдать меня в музыкальную школу, по классу фортепиано. В нашем детском саду, где мама вела уроки музыки, приходилось поддерживать свою принадлежность к музыкальной семье участием во всяких театральных постановках, мне там отводилась обязательная роль. А ещё неотъемлемым правилом повелось у нас бывать в театре оперы и балета, где у мамы, в костюмерной, работала подруга, и она снабжала маму билетами и самыми причудливыми костюмами, что были задействованы в наших музыкальных спектаклях.

В четыре года, когда мы впервые отправились с мамой в театр, я, конечно, многого не понимал, но вся его обстановка меня поразила. Это был какой-то необыкновенный мир, в нём всё происходило по своим неведомым законам, и я впитывал каждую мелочь, стараясь ничего не упустить, потому как то, что меня окружало - представлялось волшебным.

Больше всего нравилось, как перед самым началом действия, пока ещё не раскрылся занавес, невидимые музыканты, где-то там, внизу, тихонечко настраивали свои диковинные инструменты. Необыкновенные звуки от них мягко растекались по всему залу, будто задерживаясь у неясно горящих ламп, затем - крались над бордовым бархатом партера и, оказавшись под расписным потолком, покойно освещённым огромной люстрой, весело переливались там неопишимо чудесным перезвоном. Люстра, величественно мерцающая, тоже завораживала своим ненавязчивым свечением, замерев волшебным шатром над самой головой, и изливала его ласково, так же волшебю.

Таинственно струясь из-под высоких лепных потолков, свет будто закрадывался в душу, нашёптывал что-то своё, сокровенное, присущее только этой неподражаемой обстановке театра, и незаметно умиротворял. Разве возможно было не поддаться его околдовывающему воздействию, и, позабыв обо всём, лететь куда-то в тихо переливающихся звуках: каких-то неземных, притягательно свободных, и почему-то - родных. Это обстоятельство не казалось странным, и вообще всё, что окружало в потаённой и обворожительной тишине театра, приносило чарующий восторг.

Тяжёлые, золотисто-вишнёвые кулисы покойно опущены, но за ними угадывается ещё невидимая сказка, а посреди рядов замер еле угадываемый интерес зрителей, сдерживаемое ожидание предстоящего великолепного таинства. Женщины шелестят в проходах вечерними яркими платьями, мужчины чинно склоняются над ними, о чём-то нашёптывают.

Повсюду слышится шорох лоснящихся и отбрасывающих неясный отблеск программ, ими торгуют при входе в зал седые миниатюрные старушки. Они - какие-то воздушные и молчаливо-неприступные, в

кружевных белых воротничках на строгих тёмно-синих платьях с недорогими и значительными в своей скромности брошами.

Наверное, это бывшие балерины, в их осанке угадываются достоинство и стать, впрочем, не бросающиеся в глаза. Милые старушки очень интеллигентны, даже - обаятельны, несмотря на свой возраст, и вызывают в моей душе восхищение, каким его можно себе представить у четырёхлетнего ребёнка.

Ещё большее очарование охватывало, когда люстра начинала гаснуть. Происходило это как-то незаметно, так что ты даже не всё сразу понимал, и только когда зал погружался в таинственный полумрак, возникало ощущение неповторимости переживаемого действия, будто ты участвовал в чём-то неописуемо прекрасном, каждый раз происходящем по-новому, необычно. Что-то ждёт тебя в этом неподражаемом, совершенно неизведанном ещё мире, называемом загадочным словом «театр»?!

За всем, что несло в себе это волшебное действие, доступное созерцанию, я был просто повержен открывающейся передо мной небывалой обстановкой, и слово «театр», можно сказать, мгновенно погрузило меня в сказочное оцепенение. А когда занавес раздвинулся, то я даже не сразу разобрал - что происходит на сцене? На самом деле артисты представляли оперу «Руслан и Людмила», и начиналась она с пира, где Владимир-солнышко выдавал свою меньшую дочь за храброго князя Руслана.

Правда, всё это торжество миновало моё робкое внимание до тех пор, пока Людмилу не похитила безвестная сила, как потом оказалось - страшный волшебник Черномор. Запомнилась схватка Руслана со злым колдуном, когда доблестный витязь ухватил его за бороду, и ... улетел вместе с ним!

Больше всего мне поразило именно это, и ещё длиннющая смоляная борода злодея, на которой страшный карлик носил Руслана над мрачными лесами и дикими горами, после чего рыцарь всё-таки отсёк ему бороду, как горсть травы, а самого Черномора засунул в котомку, освободив любимую Людмилу. Многое мне, конечно, было непонятно, но я, всё же, сидел тихо, выдержав представление до конца.

Привёл меня в себя...буфет в антракте, а точнее - бутерброды с копчёной колбасой и лимонадом. Ведь мне исполнилось всего лишь четыре года! Но я, между тем, искренне проникся торжественной атмосферой театра, она как-то незаметно влилась в моё сердце, и ласково захватила его.

Этому событию совсем не хотелось противиться, и я легко принял его, и потом часто вспоминал бархатную тишину огромного, но укромного зала, медленно потухающие огни и какие-то уютные проходы между рядами кресел, ненавязчивые звуки настраиваемых инструментов, доносящиеся из неведомой оркестровой ямы. Всё открывшееся мне однажды, вмещающееся в короткое слово «театр», вошло в мою жизнь незабываемым тихим праздником, радостно поселилось в ней, иногда напоминая о себе сокровенными красочными картинками, что приходили ко мне во снах.

Кажется, я уже не мог жить без театра, без его таинственного внутреннего мира, и позже, когда поступил в музыкальную школу, мы часто с мамой бывали на спектаклях, хотя мне и не очень нравилось учиться игре на фортепиано. Нотная грамота давалась мне с трудом, несмотря на то, что я обладал хорошим музыкальным слухом, и именно по этой причине, наверное, мне нередко и приходилось прогуливать занятия. Но особенно не полюбилось сольфеджио: ох уж эта музыкальная школа!

Моя преподавательница музыки - Бронислава Александровна, была очень строга со мной. Она желала, чтобы мои пальцы летали по клавишам, а они - еле передвигались, и тогда требовательный педагог, сердясь, что у меня никак не выходит того, чего она требует, изредка постукивала меня по пальцам тоненькой костяной палочкой. От этого на глазах выступали слёзы, скорее, не от боли, а от обиды, что обучение выходит так безрадостно.

Поначалу я даже ничего не чувствовал, но уже через минуту руки начинали гореть от нестерпимого покалывания, уши заливала краска, и я готов был сгореть от стыда, что из меня не складывается пианист, как о том мечтает мама, моя учительница Бронислава Александровна, и, наверное, даже бабушка. Уж больно тягостно мне было находиться в этой глухой, кажется, навечно отрывающей от необозримого мира радостей комнате, где только пианино, две табуретки, да такое же глухое окно в две рамы, из-за которого с улицы не доносится ни звука.

А там сейчас - любимые, горящие на солнце клёны, цветущие под ними бордовые флоксы, чуть овеванные сентябрьским ветерком, радостные возгласы мальчишек на футбольной площадке, задорно гоняющие порядком разбитый за лето кожаный мяч. И ещё - запах маслянистых пирожков, что бойко продаются толстой тёткой на углу, у самой школы, весёлое позвякивание трамваев и зазывные гудки автомобилей.

В стенах же школы слышится лишь размеренное звучание музыкальных инструментов: взвизгивающие завывания скрипок перемежаются с заунывными возгласами виолончелей, а задорно рассыпающийся своими неустанными переливами баян, оказывается, вполне соседствует с монотонным заучиванием взбирающихся куда-то, в недостижимую высоту, фортепьянных гамм. Им вторят не сдающаяся тоненькая флейта и будто взбесившаяся от всего этого музыкального гама душераздирающая балалайка. Стремящийся казаться очень серьёзным фагот, выражающий какой-то свой строгий настрой, кажется, даже пугается от проявляемой им порой смелости.

Как тут не пойти кругом голове и неокрепшим душевным порывам? И всё бы ничего, если бы не участвовал во всей этой музыкальной какофонии ты сам, в свои восемь лет!

Но более всего повергало своей околдовывающей непостижимостью сольфеджио, вокальные упражнения без слов для развития слуха и приобретения навыка читать ноты, когда произносятся их слоговые названия. Лучше бы меня колотила по пальцам Бронислава Александровна!

По-видимому, я не был предрасположен к освоению премудростям музыки, в частности - обучению игры на фортепьяно, хотя и обладал недурным слухом. Уже в старших классах, перед самым окончанием школы, я, помнится, мог на память воспроизвести все «Времена года» Петра Ильича Чайковского, не говоря уже о «Лунной сонате» Бетховена, которую привелось даже представлять на студенческой весне, учась в университете.

Но что я мог тогда, в семь-восемь лет противопоставить искреннему устремлению мамы, всю свою жизнь посвятившую преподаванию музыки детям, и, конечно, не представляющую своего сына без любимого инструмента? В своих мечтаниях она, наверное, воображала, как из соседней комнаты, из-под рук её сына, разносятся по всему дому и двору ноктюрны Шопена, может быть - даже вальсы Штрауса, которыми она была готова наслаждаться без конца, тогда как меня привлекал только футбол, и я ничего не мог с этим поделать. Два горя вместе: я и музыка!

Вероятно, беспечность моих восьми лет не давала мне возможности не думать ни о чём-то другом, кроме обучения нотной грамоте. Желая освободить себя, хотя бы на день, от выматывающих душу занятий музыкой, я приноровился прогуливать музыкальную школу. Для этого я научился подделывать в дневнике отметки, что подтверждало моё «нахождение» в музыкальной школе.

Это, естественно, вполне устраивало маму. Тем более, оценки я свои не завышал, ограничиваясь «троечками» и «четвёрочками», не позволяя себе пятёрки, ибо это вызвало бы подозрение. И вот, отправляясь, якобы, на «музыку», я засовывал папку с нотами в щель между гаражами, и с чистой совестью всецело отдавался любимой игре, или шёл в кино, если мальчишки во двор не выходили. А то отправлялся в зоопарк, забывая среди зверей обо всём, хотя бы они и находились в клетках.

Но не суждено было оставаться не раскрытым моему обману, и Бронислава Александровна, заметив частое отсутствие своего ученика, конечно, позвонила маме, после чего продолжилось моё музыкальное образование, в котором я овладевал искусством достижения стройных и согласных сочетаний звуков, наверное, незаметно для себя обретая в душе гармонию. Я по-прежнему ходил в музыкальную школу, помимо ранца за плечами таская в руках ещё и большую папку с нотами, участвовал в хоровом пении, и играл в четыре руки с сероглазой девочкой Наташей, которую не могу забыть до сих пор. А Бронислава Александровна, неизменно, в запальчивости от моего неумения или худого старания, в сердцах восклицала:

- Ты разве по нотам играешь эту музыку, написанную для тебя вот этими знаками?! - Она раздражённо тыкала пальцем в нотную грамоту, так что та съезжала на пол, и я, пыхтя, лез её поднимать, натываясь на истёртые от времени металлические педали. - Форте, значит, не только громко, но ещё и пи - а - но, мягко!

Легко людей учить, коли сам грамоту освоил, думал я, а если она мудрёная, как тогда быть? Нет, видать, права Бронислава Александровна, когда говорит, что умный человек любит учиться, а глупый только из-под палки грамоту осваивает!

И, всё же, я учился, но больше терпению, нежели музыке, так у нас с моей учительницей выходило. И теперь я благодарен её выдержке, что отданного в ученье мальчишку, не имеющего особого старания с призванием, она стойчески терпела, и кое-что он всё-таки в игре на пианино уразумел.

- Нам ученье ничего, - устало улыбаясь, сообщала Бронислава Александровна моей маме, - только очень тяжело! Пока терпим долг наш ученический, - и она снисходительно взглядывала на меня, отечески поглаживая по голове. - Да не знаю - надолго ли нас хватит?!

Я же, понурившись, смущённо тушевался при этом, а на уме одно слово – «о-хо-хо!» Но своё горе, как не крути, одним оханьем не проедешь, и лишь позже, через много лет, я понял, что ученье лучше любого богатства, тем более - на фортепьяно!

Брониславы Александровны давно нет в живых, но я всегда вспоминаю её с благодарной улыбкой, и совсем не держу обиды за то, что она иногда постукивала по моим пальцам своей волшебной палочкой. Иначе до нас разве достучишься?!

А тогда, уже не решаясь подделывать отметки, я по-прежнему посещал все уроки, включая и хоровое пение, и сольфеджио, даже если мне это было не по душе. И, наверное, моё пребывание в музыкальной школе и вовсе оказалось бы безрадостным, если бы не девочка: звали её Наташей.

Со всеми девочками в детстве у меня почему-то возникало необъяснимое чувство неуверенности, даже - смущение. В школе я старался держаться общества мальчишек, а с девочками всегда подступало какое-то томительное стеснение, будто бы они знали про меня что-то такое, чего я сам ещё не знал.

Мне было неловко чувствовать их присутствие, тем более, когда девочки находились рядом, но с Наташей всё происходило иначе. Она была ни на кого не похожей, оставаясь какой-то особенной, и в тоже время - простой, отчего я сразу проникся к ней непередаваемой нежностью. Меня переполняло совершенно неуправляемое и незнакомое переживание, оно необыкновенно будоражило мою маленькую душу, и что интересно - от всего этого становилось ужасно хорошо.

Никакого стыда это новое чувство не вызывало. Наташа была очень милой и доброй девочкой, она всегда очень ласково улыбалась своими полными губами, её пушистые ресницы чутко вздрагивали, а большие серые глаза были покойны и улыбочивы, будто она всё про всех понимала, и это обстоятельство её ничуть не беспокоило. Наташа приходилась мне в ту далёкую пору самым дорогим другом.

А сблизила нас именно музыкальная школа, когда во втором классе моя учительница обязала меня и Наташу подготовить к Новогоднему концерту

номер: мы должны были разучить какой-то сонет Бетховена в четыре руки, и представить его на суд публики в этот праздничный день. Сердце моё переполняло неизведанное до тех пор ощущение, и переживание всего, что было связано с ним, окрыляло.

Какой-либо печали или страха, что это приподнятое и радостное состояние когда-нибудь закончится, почему-то не появлялось. Не покидало желание быть с этой девочкой всегда вместе, и мы решили готовиться к предстоящему концерту поочерёдно: сначала - у Наташи, а потом - у меня.

При этом присутствовала необъяснимая уверенность в нескончаемости охватившего всё моё существо чуда, выражающегося в какой-то непередаваемой приподнятости духа, которую почему-то было стыдно выражать, и уж, конечно, никому о ней не рассказывать. Эта восхитительная приподнятость словно летала вокруг, она была во мне и не во мне, наверное, явственно виделась в каждой произносимой мною фразе или самом незначительном действии. Похоже, я был безнадежно влюблён, если подобное возможно в семь-восемь лет, и мир для меня тогда расширился до немыслимо восторженных пределов.

Помню, как я впервые появился в доме у Наташи. Её мама и бабушка, подчеркнуто торжественно и чинно встречали меня в прихожей. Обстановка в гостиной была очень простой и уютной, и мама Наташи сразу предложила нам пройти в маленькую комнату, где располагалось пианино.

Подобная праздничная сдержанность даже немного смутила, но я виду не показал, что такое обхождение для меня непривычно, также степенно раскланялся, чем, должно быть, произвёл благопристойное впечатление на бабушку и маму. Они даже в чувствах всплеснули руками, после чего опять приняли серьёзный вид, а мы с Наташей проследовали к инструменту.

В доме воцарилась благообразная тишина, нарушаемая лишь неказистыми трелями фортепиано. Сидя за пианино, рядом с Наташей, я чувствовал себя на седьмом небе, а Бетховен представлялся мне лучшим композитором в мире.

В следующий раз решено было провести занятие у меня, родителей дома не было, и мы были полностью предоставлены самим себе. Всё в тот день происходило как-то затаенно, под медленно кружащий за окном снег, и это его кружение необыкновенно завораживало. Комната незаметно наполнялась уютной тишиной и покоем, отчего мы тоже несколько притихли, и, забравшись с ногами на подоконник, следили за проплывающими поблизости снежинками.

Наблюдая их плавный полёт возле самого лица, нам начинало казаться, что снежинки между собой переговариваются. Только старинные часы в высоком деревянном шкафу, кажется, изо всех сил старались не поддаться растекающемуся по комнате покою, и размеренно отбивали свой неторопливый ход за стеклянными створками, глухо позвякивали, словно нечаянно задетые на ночном столике, поблёкшие от времени латунные

колокольчики. Их диковинные звуки тотчас таяли в ковровых дорожках и высоких шкафах с книгами, таинственно замерших вдоль стен.

Книг в доме было много. В уютном полумраке комнаты шкафы с ними высились, вроде бы, даже угрожающе, будто насупившись от того, что им не всегда уделяли должного внимания. Во всей домашней обстановке ощущалось нечто трудно передаваемое словами, некая тайна, которая воспринимается в детстве иной раз так остро, что неимоверно очаровывает.

Что-то почти невыразимое, но настоящее, овеванное приятной дымкой волшебной неизвестности, присущей только детству, вызывало в груди какую-то щемящую сладость, так что невозможно было всего этого не почувствовать. И даже тогда, в раннем детстве, понималось: никогда уже этого чудесного дня не забыть.

Трудно было объяснить то впечатление, что порождала размеренная задумчивость уютной гостиной, когда за окнами устанавливается сказочная зима, и от всего окружающего ненавязчиво исходит ощущение счастья: его излучало и старое пианино, и размеренный бой часов, и книжные полки. Присутствовавшей в доме тайне невозможно было подыскать названия: от соседства множества книг, дивных статуэток за стеклом и репродукций картин на стене, заключённых в тёмные изящные рамки, а так же теплоты, истекающей от большого ковра, устилающего пол гостиной, жизнь приобретала колдовскую лёгкость и ясность. Один за другим рождающиеся дни детства протекали, как и зима, незаметно, но с упоением.

Зимними вечерами я любил устраиваться под боком у отца, на стареньком диване, и слушать, как он читает какую-нибудь интересную книгу. Часто это был «Остров сокровищ».

Отец читал не спеша, по главе в день, когда не очень уставал на работе, так что всегда потом в нетерпении мечталось о дальнейших событиях, происходящих с героями книги, отчего снились необъяснимые и тревожные сны. Особенно, про чёрную метку, что оставляли за собой пираты. Сам я толком читать ещё не умел.

Рядом с отцом было тепло, у изголовья жарко горела настольная лампа, а за окном мела метель. Детство - нескончаемое и щемящее в груди своим неизбывным счастьем, казалось, могло тянуться вечно, и отчаянно задувающий за окном морозный ветер не пробуждал в сердце печаль, только тихую радость, и ещё - уверенную успокоенность в завтрашнем дне. Вся атмосфера зимнего вечера, в окружении домашнего уюта, каждый раз воспринималась по-новому, и никогда не утомляла: ни в какое другое время дня не ощущалась такая неторопливая ёмкость истекающей рядом чудесной жизни.

Сейчас вся обстановка зимнего дня с крупными хлопьями снега, кружащими за окном, и тёплой тишиной дома располагали к такому неторопливому истечению времени, кажется, застревающему между еловых ветвей замершей в углу комнаты ёлки. Исходящее от неё, дурманящее хвойным ароматом облако будто убеждало нас тоже обратиться к

неспешному разглядыванию картинок в книгах, и мы с Наташей в восхищении замирали над страницами, где было изображено огромное морское чудище - спрут, какое-то сказочное существо из неведомого подводного мира. Это было подарочное издание книги Жюль Верна - «Таинственный остров», что вмиг захватило наше воображение.

Такое неторопливое истечение жизни, вместе с чудесными книгами и неповторимыми узорами на окнах, обрамляло волшебную будничность всех звуков, запахов и цветовых оттенков долгожданной зимней поры, и мы отдавались ей целиком, с присущей только детям любовью, и боготворили эту радостную жизнь в своих маленьких сердцах. Казалось, что лучше таких мгновений на свете ничего быть не может. Впрочем, ценность их тогда не осознавалась, и мириады самых зачаровывающих впечатлений застилали детское восприятие, а плавно кружащиеся на дворе снежные хлопья умиротворяли и без того умиротворённое, овевшее приближающимся Новым годом праздничное настроение.

Когда меня ещё не было, дедушка подарил маме старенькое немецкое пианино, не помню - как оно называлось, с деревянными канделябрами для свечей по бокам, какими-то уж слишком витиеватыми, даже вычурными. Название пианино было выложено золотистыми латунными буквами над крышкой, сама крышка до невозможности вытерта, расшатана, и издавала ужасный скрип, когда её открывали или опускали, а педали были наполовину стёрты: когда-то - золотистые, они давно превратились в белые.

Наташе сразу очень понравилось это пианино, и она уселась за него, с грохотом раскрыв крышку. Но пианино оказалось слишком высокое, и мы подложили на стулья подушки, чтобы было удобнее дотягиваться до пожелтевших от времени клавиш.

Иногда клавиши мягко западали, увлекая с собой соседние, они напоминали истёртые моржовые зубы, а расстроенные звуки передавали шаги неведомого чудища, которое устрашающе надвигалось на нас, и вот-вот готово было навалиться, обдавая своим жарким дыханием. От возбуждения мы начали швыряться подушками, а утомившись - уселись рассматривать мамины пуговицы, фотографии родителей и отцовские марки.

Но детство всё-таки взяло верх над размеренностью наших зимних умонастроений, и мы опять принялись дурачиться, натывая кнопки в войлочные молоточки, ударяющие по струнам внутри пианино, благодаря чему оно зазвучало как клавесин, что нас несказанно обрадовало. Мы колотили по клавишам изо всей мочи, пытаясь изображать знаменитого немецкого композитора, когда он сочинял свои сонеты, так что от звуков, производимых нашими ударами, в шкафу нещадно стонал старинный бабушкин сервиз.

Сейчас, вспоминая детство, я не в силах предположить - каким образом маме удавалось на таком расстроенном пианино готовиться к своим занятиям, а мне выполнять по музыке домашние уроки! Впрочем, вскоре родители купили новенькую «Каму», и старый инструмент сдали в утиль.

Вечером, после наших занятий, я обычно провожал Наташу домой, и, взявшись за руки, мы шли через парк, где по весне мальчишки всегда ловили майских жуков. Это было невероятно увлекательное, безоговорочно захватывающее всё наше внимание развлечение, мир тогда переставал существовать, и важным представлялось лишь одно: накопить в своём спичечном коробке как можно больше пузатеньких майских жуков.

Жуки эти заключали в себе какую-то необъяснимую драгоценность, хотя ничем особенным, кажется, не отличались. Правда, они были крупные, в полёте завораживающе стрекотали, и майский воздух, наполненный их жужжанием, так радостно окутывал всех, будто приподнимая над землёй, что мы тянулись к этим жукам, стремясь любыми способами завладеть ими.

Разбежавшись по парку, мы время от времени перекликались между собой, интересуясь - кто и сколько жуков наловил, и каждый переживал, если у него этих насекомых оказывалось меньше, чем у других. Что за радость нам была с этих жуков, и, тем не менее, мы обо всём забывали, гоняясь за ними до самой темноты!

Мы с Наташей брели по самому парку, и в воздухе, вместо майских жуков, кружили мохнатые снежинки. Помнится, нам никогда не хотелось расставаться, мы всегда стремились к встрече, и мне очень нравилась эта девочка с большими серыми глазами, ради которых я готов был, кажется, на самый отчаянный поступок. Ни за что не забыть наши совместные репетиции в четыре руки, когда мы сидели рядышком, почти прижавшись друг к другу, и я чувствовал себя самым счастливым мальчишкой просто от того, что Наташа была моим другом.

А выступление наше на новогоднем концерте так и не сложилось: ведь мы больше общались, ходили на каток и в театр, и про занятия чаще всего забывали. Нам нравилось быть вместе, в своих сверстниках мы так никого не отмечали, и это первое переживание любви, случившееся со мной в детстве, я несу в себе всю свою жизнь, втайне радуясь и никому его не открывая. Моя сероглазая любовь живёт во мне до сих пор.

Радостное насыщение - вот точное чувство, которое не покидает тебя в детстве, и при этом оно не прекращается и не поглощает, а только околдовывает, проникая в твою душу тысячами разных ощущений и эмоций. Разве могло что-либо помешать нам в радостном восприятии жизни?!

Детство, как и любовь, не требует времени, в нём заключена именно безвременность. Вы просто существуете, не размышляя, как это происходит у взрослых, и ничем не озабочиваясь, каждый миг встречая в своём сердце радость и переживая его заново, как будто до него ничего не существовало. Вот именно сейчас, в вашем детстве, вы открываете некую тайну, потом ещё одну, другую, и так - бесконечно, когда живёте в любви к жизни, к самому себе и всему миру.

Это детство несёт вам постоянное переживание любви, здесь и сейчас, в этой непередаваемо прекрасной невинности, в которой вы естественным образом ощущаете - как нужны Божественному Существованию, что всё

переживаемое вами происходит не зря, и оттого и детство, и жизнь становятся для вас особенно значимые. Вы это скорее почувствуете, чем понимаете, необыкновенно чистое чувство заполняет вас до краёв, и подобное состояние возможно чаще всего именно в детстве, только оно так проникновенно и радостно пронизывает всё ваше бытие, порождая огромную потребность в любви.

Всё дело - в любви

Творческий, чувствительный человек не перестаёт всю жизнь искать ответ на вопрос: куда пропало наше детство, что переполняло наши сердца радостью? Существовали ли мы вообще? Это незнание представляется необъяснимой тайной.

Неужели память так бессильна, что мы ничего не помним о нашем младенчестве, и даже - о детстве? Но мы были, чувствовали, причём, так глубоко, как никогда больше, и всё тогда воспринималось невероятно прекрасным. Куда же всё это делось?

От детства остались лишь слабые воспоминания, что и не дают нам покоя в зрелые годы. И мы начинаем искать утраченное детство, выходит - самого себя, и поиск этот не прекращается в нашем сердце ни на секунду. Ведь сознание осталось, а значит - мы можем ощутить себя такими же невинными и чистыми, весь секрет в том - как?!

Тайна детства... Быть может, самая проникновенная и важная, больше всего, оказывается, необходимая нам. Как мучительно незнание, но ведь это было всего лишь младенчество, ранние непутёвые годы! И всё-таки, именно они не дают человеку покоя. Хоть бы одним глазком заглянуть в то неведомое и непонятное, что сопутствует и присуще раннему детству!

Ты был маленьким ребёнком - и не представляешь себе его. Потом ты немножко подрос и пошёл в садик - но и этого мальчика ты не помнишь. Не в силах ты разглядеть в своём прошлом и то, как тебя отправили в школу.

Но разве зря всё это происходило с тобой, если ты ничего не можешь из него восстановить?! Кажется, оно навсегда исчезло из мира, но ты почему-то не теряешь попыток разгадать своё детство, и с ним - всю свою жизнь.

Кто ты есть на самом деле? Многие из нас уже в детстве, подспудно, задумываются над этим вопросом. Правда, подобные раздумья не одолевают тебя так настойчиво, с неослабевающей озабоченностью и интересом, как во взрослом возрасте.

И всё же, даже будучи маленьким, ты не можешь не чувствовать в себе какую-то неведомую энергию, управляющую твоим телом, разумом и даже душой, позволяющую зачем-то жить. Ты - сама жизнь, это становится совершенно очевидно с раннего детства, точно так же, как живо дерево, море, звезда, маленькая птица или пчела на цветке, но пока она в тебе, ты, в отличие от других живых существ, имеешь возможность созидать, проявляя в себе божественные качества.

Быть живым - твоё призвание, и нужно однажды понять это, чтобы жить достойно и интересно. В противном случае - ты тленный прах, ничто, и это тоже следует понять. Так будь живым, то есть - самим собой, а значит - настоящим, не похожим ни на кого, без чувства собственной важности и с огромной любовью ко всему миру. Путь к этому начинается именно в детстве...

Почему в нас живёт такая потребность в любви? Наверное, потому, что мы не верим в собственные силы, дающие нам возможность самому созидать любовь, наполняя ей сердца людей. А нужно верить, быть творцом своей судьбы, и светом для других.

Таков смысл нашего существования, цель любой жизни, тем более - человеческой. Необходимо делиться любовью, а не отвоёвывать её у кого-либо, с радостью отдавать: именно это нужно всем, и ради этого мы живём.

Осознайте своё предназначение, иначе жизнь ваша будет пройдена впустую, без следа. Разве этого от вас ждёт Божественное Существование?! Разумеется, что нет, и тогда остаётся одно: не предавать в себе дарованную тебе Богом силу и учиться любить, отдавая свою энергию миру, потому что она божественна.

Это неизбывная потребность человека - воспитать в себе любовь и дарить, извне её просто не существует. Только в вашем сердце, иного не дано, и укрепляя в нём нашу любовь, мы становимся сильнее, вернее - божественны.

Всё дело - в любви. Это понимаешь, как только поделишься с любым человеком своим счастьем. Ты прекрасен, когда это счастье рождается и развивается в тебе. И ты радуешься возможности быть счастливым несмотря ни на что.

И счастье, и любовь приходят изнутри, и если мы научимся поддерживать их всегда, то будет к лучшему меняться вся наша жизнь. Относись почтительно к самому себе, к Богу внутри тебя, и ты всегда будешь переполнен собственной любовью.

Когда воспринимаешь всё с любовью - становишься единым с окружающим тебя миром. Благодаря любви ты можешь стать чем или кем угодно: слиться с любым деревом, камнем или облаками. Всё дело - в любви: не бойтесь выражать её, не бойтесь жить, потому как вы и есть сама жизнь, и с помощью своей любви вы способны помочь раскрыться чужому сердцу. Но прежде - распахни своё, излучая безусловную любовь, как в детстве.

В детстве я никогда не вмешивался в дела взрослых, сам любил придумывать себе игры, и, усевшись в каком-нибудь уголке, во весь день меня никто не слышал. Так бывало, когда я открывал в себе способность к увлекательной игре, обязательно - с какой-нибудь небылицей, и думаю, так проявлялась в моём детстве склонность к творчеству, а взрослые, радуясь тому, что за мной не требуется пригляд и можно посвятить себя своим делам, мне тоже особо не докучали.

Со стороны на меня поглядеть: сижу, один-одинёшенек, вроде как, затаился в своих мыслях, которые, скорее всего, покажутся кому-то невесёлыми. Но на самом деле мне было хорошо, я любил одиночество, как-то подспудно, ещё тогда понимая, что именно одному и надлежит оставаться человеку, если он желает совершить в своей жизни нечто значительное.

Был я большой охотник до разного рода игр, желая по-умному и интересно их обставить, и если кому-то из детей надоедало находиться в это время со мной, то это никак не влияло на мой собственный интерес, он никогда не иссякал во мне, и творчество игры всегда меня занимало. Откуда бралось это творчество, определённо сказать не просто, но верно, что способность что-либо придумывать никто во мне не воспитывал, всё это уже было в моей душе, и с достаточной уверенностью можно предположить, что создавалась она мной самим, когда-то, в другой жизни. Скорее всего - не в одной.

Нельзя было сказать, что меня не уймёшь, такого безудержного напору в моём поведении не замечалось, словом, из одной крайности в другую я не бросался, а скорее за мной наблюдалась середина, некое чудесное состояние равновесия, где и сам наполнен игрой, переживая неописуемую радость, и другим не мешаешь. Ничем плохим это не могло закончиться, родители и бабушки это понимали, последние - особенно любили и журили меня, и я, чувствуя их ласковое отношение, и сам был ласков и игрив, чем их, конечно, необыкновенно радовал.

Впрочем, и рохлей каким-нибудь я не был, имел твёрдый характер для веселья, и если обстановка тому располагала - представлял себя для окружающих меня людей очень живым ребёнком. Не могу не упомянуть, как нравилось мне танцевать...

В этой потребности видится мне склонность характера, стремящегося переживать свободу, выражать себя через неё и радоваться. Это было неотъемлемым правилом моей жизни изначально, в нём я находил возможность быть раскрепощённым, непременно созидая, и танец, как ничто лучше, позволял мне быть самим собой.

Грустить мне в детстве не приходилось, для этого просто не появлялось повода, но если я и был способен прогневить родителей, то, вероятно, этой самой своей расположенностью к игре. В ней я мог забыть себя и не выполнить какого-либо их требования: задержаться допоздна на улице, увлекаясь забавами с товарищами, не проявить должной рачительности в учёбе, принеся домой неудовлетворительную оценку, просто угодить под руку отцу или матери, когда они находятся не в настроении.

Какой-то особой вины в своём поведении я не видел, относя все огрехи на собственную ребяческую увлечённость жизнью и озабоченность родителей проблемами семейной жизни, в частности - воспитанием детей. В такие моменты мать частенько выходила из себя, резко повышая голос, а потом дулась долгое время, и я почему-то чувствовал себя виноватым, отчего всё чаще предпочитал общаться с бабушками, да так оно и выходило,

поскольку родители частенько отвозили меня к ним, и я ничего не имел против этого.

Я очень любил бабушек, мне нравилось находиться рядом с ними, и они всегда с нетерпением ждали нашей встречи. Обе они были одиноки, со мной же - забывали о своих бедах, и вместе нам было всегда радостно.

Но всё-таки не могу не упомянуть о наказаниях, которых мне не удалось избежать. Особой изобретательностью они не отличались, и мать использовала в них то, что, по-видимому, сразу приходило ей в голову.

Как-то мы допоздна забегались с мальчишками во дворе, и появился я дома затемно, после чего мать очень сильно рассердилась, и, выбросив на лестничную клетку подушку, заявила, что поскольку я домой не стремлюсь и наставления материнские не исполняю, то лучшее место для моего ночлега - улица, мне ведь там удобней. Помнится, такая жестокая бесцеремонность матери вмиг остудила моё душевное восприятие, просто повергла в шок, и я никак не мог поверить, что обыкновенная мальчишеская оплошность способна повлечь за собой подобную очередную несправедливость и непонимание самого дорогого и близкого мне человека!

Проплакав на лестнице до утра, уже совсем обессилив, я готов был смириться с любым обвинением, чистосердечно приняв его как должное, а когда мать сменила раздражение на милость, и, наконец, удосужилась впустить меня в дом, то и вовсе расчувствовался, забывшись в тревожном сне. Это было ещё одно неминуемое преодоление, наверное, лишшающее любого маленького человека его чудесной невинности и веры в жизнь, но в тоже время - и урок, позволяющий сильнее любить её. Его, оказывается, необходимо было прожить, чтобы однажды счастливым стал твой мир.

Кажется, ничего в детстве не могло вызвать моего недовольства, исключая, пожалуй, несправедливость по отношению к себе. Несправедливость выражалась в незаслуженном наказании, которому я часто подвергался, вероятно, просто потому, что матери недосуг было разбираться в причинах моего, якобы, непослушания. Либо она брала себе на веру, что поступает правильно, если оградит от меня на время и себя, и мою младшую сестру: так ей почему-то будет покойнее, и я на час, а то и на два-три оказывался в углу. Нередко это непонимание, скорее даже - равнодушие, доводило меня до слёз.

Как было доказать взрослым, чаще всего - маме, что я ни в чём не повинен, это сестрёнка, ни с того ни с сего, подняла шум, обвиняя меня в том, что я её обидел, хотя ничего подобного с моей стороны не происходило? Но сестра была младше меня на четыре года, и, конечно, родители верили ей, после чего она всегда подло торжествовала, а потом делала вид, будто ничего на самом деле не случилось. Я же от такой несправедливости не находил слов, вообще путался в догадках, после чего в сердце закрадывалась горькая обида.

Вдобавок, я никак не мог взять в толк - как себя после всего этого вести? Был я на деле не злобив, даже - очень добродушен и весел, и если

оставаться честным, все эти обвинения, и затем - следующие за ними наказания, представлялись мне очень глупыми. Но что было поделать?!

Что же касается сестры, то я совершенно определённо полагал, что она просто не умная девочка. Иначе, зачем ей было вести себя подобным образом, каждый раз выставляя родного брата бесчувственным сорванцом? Словом, в душе у меня воцарялась полная неразбериха, и при этом не покидало глубокое убеждение, что правда рано или поздно восторжествует.

В детстве я не чувствовал в окружающей меня жизни никакой лжи, если только она не исходила от людей, и более всех лгала именно моя младшая сестрица. Всегда было жалко и больно видеть, как она ни с того ни с сего говорит неправду, обвиняя меня перед родителями в том, чего я не совершал, да и сам я совершенно не предполагал подобного со своей стороны.

То есть, у меня и в мыслях не было врать кому-либо просто так, для неправды должна была присутствовать серьёзная причина. Ну, например, когда я прогуливал занятия в музыкальной школе, а огорчать маму мне не хотелось, и я выводил рукой учительницы отметки, и подписывался, подражая ей. Но вот когда не существовало такой причины, и человек лгал просто так, то об этом я даже не способен был помыслить, а сестрёнка могла. Я никак не мог объяснить себе: зачем она это делает?!

Сестра затрачивала для своей неправды, кажется, всю энергию, используя и хитрость, и подлог, но всё-таки не достигала до конца желаемого. Ведь она не могла не догадываться, что я не в состоянии поверить в её изобретательное лживое поведение, в то, что она действительно не понимает - что делает, и всё-таки, родители верили именно ей, а не мне, и это оскорбляло. Сестра же стояла в своей неправде точно каменный столб, и, конечно, не возбуждала во мне симпатии: эта её ложь нас отдаляла.

И вот что странно: проводя, по воле родителей, в наказание за не содеянный собой проступок бесчисленное количество часов в углу, стоя лицом к стене, я был не в силах постичь смысла совершаемого. Тем более - не понимаю этого сейчас, когда уже нет в живых родителей, а сестра, по-прежнему, даже не помышляет о своей лжи, не желая в ней признаваться. Коли бы за ложь платили деньги - быть моей сестре богачкой!

Ну, а ежели серьёзно, то за всей этой историей спрятана какая-то необъяснимая для меня тайна, и из всего происходящего я в течение жизни понял только одно: чего сам не испытываешь, про то верно никогда не скажешь. Может быть сестра, таким образом, мстила за то внимание, которое мне, а не ей оказывали бабушки, и так она, наверное, пыталась защитить своё детское счастье?

Но разве бабушки и я были в том повинны? Господи, да пребудет светлое имя Твоё с нами во все дни и часы!

Но более всего угнетало то, что меня не понимают родные взрослые люди, и мне с ними трудно. Хотелось, чтобы всё было устроено по-другому,

с доброю выдумкой, как я обычно и придумывал, когда оставался один или вдвоём с бабушкой, и из всех взрослых с мамой было сложнее всего.

Она никогда ласково не успокаивала меня, как бабушка, словно даже отталкивая от себя какой-то своей гордой красотой. Мать оставалась неприступной, когда, казалось бы, должна была больше всех являть ко мне доброту. Как-то так выходило, что я о ней почти не думал, уделяя всё внимание своей души бабушке, и мама это, по-видимому, замечала, и будто умышленно старалась чаще отвозить меня к бабушке, чему я был очень рад.

Всё в доме, по какой-то неведомой для меня причине, подчинялось матери, включая и нас, детей. Скорее всего - даже отца, которым она управляла, как ей вздумается, чему он, кажется, совершенно не препятствовал, при случае, тотчас, уезжая на рыбалку или охоту.

Мать, обычно, редко смеялась и мало говорила, исключая своих подружек. По большей части она была всегда строга, по крайней мере, пыталась таковой выглядеть, и порой я абсолютно не понимал её, при этом, невольно, и не принимая.

Улыбалась она, пожалуй, лишь с приходом гостей, и все наши знакомые говорили, что мама наша удивительно хороша. Особенно, когда играет на фортепьяно.

Но, по моему мнению, она постоянно сбивалась, неистово нажимая на педали старого немецкого инструмента, начинала в возбуждении ударять своими маленькими ручками по его истёртым клавишам, и, в конце концов, победоносно завершала этакое вычурное выступление ударным аккордом, после чего фортепьяно стонало ещё с минуту. Но зрители всё равно рукоплескали ей, а мне и вовсе становилось неловко, и я старался поскорее спрятаться в детскую.

Мать и своим поведением и игрой на пианино будто показывала всем, что не собирается менять себя к лучшему, ей и так живётся комфортно, и это поначалу пугало, но впоследствии я просто перестал об этом думать. К тому же, отец ровно не замечал ничего, и его отношение к матери тоже незаметно успокаивало: взрослые сами разберутся, думал я, у меня же есть бабушка, и она меня очень любит и понимает.

Порой с матерью случались как будто припадки, появляющиеся, вроде бы, ниоткуда, и она просто неистовствовала, обращая всякую мелочь в неразрешимое событие. Не дай бог, если ты приносил из школы худую отметку или задерживался на улице с мальчишками, - бурная реакция на подобные «недопустимые» поступки не заставляла себя ждать: она совершенно выходила из себя, вернее будет сказано - входила в свой образ.

- Мама! Не надо, - испуганно взывал я, но она только ещё более разжигала себя, будто отыскивая, по какой-то причине, недостающую ей роль. Поначалу властно взвизгивающий голос у неё вскоре оседал, звучал глухо, и она так же быстро становилась разбитой, впадая в горестное уныние.

Правда, до этого, случалось, успевала порядком исхлестать меня ремнём, не заботясь при этом, что попадает и по лицу, - до такой степени ей

становилось дурно. Вероятно, её обезоруживала моя мольба, отчего она и теряла над собой контроль, а меня охватывал страх. Неизвестно, чем всё это могло завершиться?!

Для матери же, кажется, всё происходящее было очевидно: замерев напротив меня, она с каменным лицом, почти незнакомым голосом произносила:

- Ах, до чего вы все выматываете меня. Отправляйся на два часа в угол, и чтоб не поворачивался!

Нет, всё-таки взрослые - странные люди, с горечью думал я, и больше всего, кажется, они не желают знать правду. И почему маме хочется попусту расплёскивать свою и без того хилую энергию, а папа, вроде бы, ничего этого не замечает? Отчего матери приходится говорить мне насмешливым языком обидные вещи, и она, вероятно, даже не помышляет - как мне больно?

Всё это не давало мне покоя, и я начинал потихонечку плакать, упершись лбом в угол. Неудобно было чувствовать себя несогласным с взрослыми, тем более, если они оказываются твоими родителями.

О многом приходилось думать уже в детстве, и это с каждым разом становилось всё более трудным делом. Всякий ребёнок желает, чтобы и отец, и мать были для него друзьями, а не изображали строгих родителей, даже если они стремятся добросовестно исполнять свои обязанности по воспитанию своих детей. Но фальшь, более исходящая именно от родителей, всё же, закрадывается между взрослыми и их ребёнком.

Чаще всего ребёнку не уделяется осознанное внимание взрослых, без постоянно наскучивающих напоминаний и оценок с их стороны, когда они очень внимательно выслушивают своего ребёнка, с любовью вникают в его жизнь, дороже которой для всех нас - только Божественное Существование. Но именно это Существование ненавязчиво и подсказывает взрослому человеку быть всегда самым дорогим существом для своего малыша, чему он чаще всего почему-то не следует.

Я же, устав плакать, только всхлипываю, а слёзы сохнут, и в душе незаметно наступает очищение. Ничего уже, кажется, не страшно, только горечь, затаившаяся в сердце, щемит неотступно - в чём моя вина, и отчего на меня нет-нет, да наваливается эта родительская несправедливость?

Будто записано мне было кем-то свыше непременно испытать страдания, ни за что ни про что, как бы - впрок на будущее, и вот я мучаюсь, плачет моя неведомая ещё мне самому душа, исходя слезами. А ведь я ещё совсем маленький, чем же я мог так омрачить настроение Господа, что Он допускает до меня эти наказания?

И ребёнку порой становится до отчаяния грустно, сердечком своим трогательным он уже чувствует жизненную несправедливость, не решаясь ей противостоять, потому, как не в силах пока уразуметь и принять присущее жизни неустройство. И он грустит в одиночестве, на которое его обрекают взрослые, и не у кого ему попросить совета.

Вот и я, сижу узником в детской, выходить из неё мамой не велено, а ещё вернее - стою в углу, уставившись в стену. Со мною - мечты об освобождении, о том, что будет, когда наказание, наконец, с меня снимут. И я опять, со всей радостью, побегу во двор, к мальчишкам, и обо всех наказаниях взрослых скоро позабуду.

А потом, весёлой ватагой, мы подадимся на речку, через лес и кладбище, где в родительскую субботу православные люди оставляют на могилках родственников шанежки и конфетки, святое приношение, и мы им иногда с удовольствием пробавляемся. Единственное, что нельзя отнять у меня, даже взрослым, это - мои мечтательные мысли. Чего мне ещё остаётся?!

В этих чудесных видениях, находясь в «заточении», присутствовало всё, что превращало жизнь мальчишки в праздник: воздушные змеи, ими мы состязались в небесной вышине, «чикая» за верёвочки, привязанные к гайке, так змеем было удобнее управлять; футбольные баталии, когда за гаражами, на небольшой полянке, без усталости гоняли разбитый кожаный мяч; упоительные купания, с головокружительными прыжками прямо с обрыва, в желанную водную бездонность; походы в лес, в самую чащу, где непременно сооружали шалаш и жгли костры, тайком покуривая закрученную в «козьи ножки» сладкую махорку... Табачок казался именно сладким, приятно дурманящим наши буйные головы.

Околдовывающая воля ещё не испробованного, того, чего только хотелось испытать, расстилалась перед нами, и разве можно было осилить в сознании эту безграничную свободу, а вместе с ней - душевную боль за причинённую по отношению к тебе несправедливость, когда лишали самого главного для мальчишки, и во имя чего? Ради какого-то несущественного проступка, когда ты забывал сходить в магазин, за молоком, или приносил из школы худую отметку?!

В эти скучные, какие-то обездоленные часы стояния в углу, в одиночестве, время текло мучительно долго, так что и настенные часы, кажется, тоже замедляли свой ход, маятник, как будто нарочно, застывал на мгновение, и словно тяжко вздохнув, возвращался в прежнее положение. За окном проглядывали копошащиеся на лёгком ветру свежие листочки, но и они воспринимались какими-то неживыми, подверженными, вместе со мной, неизъяснимой грусти.

Нет моих забав, их у меня незаслуженно отняли, и когда же, наконец, наступит тот волшебный час прощения, после чего необычное и радостное вернётся в мою жизнь? Опять повсюду заиграют солнечные краски, и всё вокруг станет другим, каким оно было и раньше, если бы меня не наказывали попусту взрослые, желая, таким образом, достичь для себя, якобы, недостающего им покоя!

А там, на улице, так чудесно пахнет распускающейся черёмухой и сиренью, и весь этот животворящий дух врывается в распахнутую форточку, единственную мою связь с волей. Видать, родители нарочно оставили её

раскрытой, чтобы сильнее помучить, но за что мне это наказание, ведь уж который час стою я, воззрившись на голую стену? Горько на душе, кажется, все тебя позабыли и покинули, никому нет дела до твоих мучений, ей-богу!

Но ничего, придёт время, и всё самое весёлое окажется со мной, - не без торжествующего внутреннего удовлетворения размышляю я. И время тоже обернётся не застывшим, еле тянущимся, как патока, существованием, прокрадываясь будто исподтишка, по чьему-то несправедливому разумению, а раскроется чудесным цветком, преобразившись в радость. Так будет, я знаю, и на душе отчего-то становится хорошо и покойно, сердце уже не донимает так остро обида, и слёзы незаметно высыхают.

Они обязательно запомнятся, навсегда, но не для того, чтобы с упоением нести в себе несправедливо причинённое тебе кем-то огорчение, хотя бы и самым родным человеком, а чтобы, благодаря пережитому, накопить в себе осознание: не оставляй на краю жизненной дороги своё детство, чего бы в нём не случилось. Ведь потом, благодаря этим незабываемым детским годам, если их, конечно, не упустишь, ты когда-нибудь обязательно отыщешь в жизни всё самое ценное, свою любовь... И я тихонечко, еле слышно, шепчу: «Ма-ма...»

Только бабушка была мне отрадой: жду её, бывало, и как приедет она, обнимет лёгкими и крепкими руками за плечи, прижмёт к себе, так и разревусь я вовсе, а она: «Ну, что с тобой, душа моя, люблю тебя больше всего на свете. Пойдём скорее на вольный воздух!»

И вот, мы уже на этой самой воле, бредём рука об руку: маленький человечек-внук, и его бабушка, прожившая на своём веку всю горесть жизни, и её чудесное самозабвение. Идём тихонечко по цветочному лугу, над рекой, и так счастливо на душе у нас становится, что обращаюсь я со всей душой к родимой бабушке:

- Бабушка, давай в небо смотреть!

И мы ложимся с бабушкой на спину, в траву, и, молча, вглядываемся в распростёршиеся над нами бездонные дали. Лёгкий ветерок, еле слышно, шевелит нежную листву, где-то вдалеке ненавязчиво и славно распевают птицы, и незаметно мы начинаем ощущать под собою землю, что, чуть-чуть кружа, подымает нас к небесам. А вскоре уже само небо притягивает к себе, так, что мы будто утрачиваем связь с землёй, и вместе с ней пропадает чувство притяжения ко всему, что совсем недавно составляло нашу с бабушкой жизнь.

Какая-то сила отрывает нас от земли и уносит в пустыню неизведанных небес, а мы и не противимся ей, пребывая в удивительно приподнятом созерцательном настроении. Мы желаем с бабушкой только одного: как не нарушить это радостное переживание ни единым движением, даже - мыслью, уповая лишь на беспредельный полёт к тому, что уже не кажется таким недостижимым. Наоборот, оно представляется вполне осуществимым и лёгким, чего мы с бабушкой ещё не переживали, и, может быть, именно этого нам и не доставало.

Прележав так неизвестное количество времени, мы, взявшись за руки, возвращаемся домой, ощущая во всём теле, а главное - в душе, необъяснимое обновление и свежесть, отчего бабушка тихо улыбается, поглядывая на меня, и я тоже люблю её бессловесной любовью, проникаясь неописуемо ласковым и счастливым настроением, веря, что оно будет длиться вечно.

Позвольте ребёнку быть собой

В детстве, особенно - по весне, мы часто запускали в ручейках кораблики, маленькие щепочки или обломившиеся ветки деревьев, водружая на них крохотные мачты-паруса, и бежали потом, наперегонки, по берегу, стараясь не упустить свой, конечно, очень дорогой для тебя, кораблик, который не должен был перевернуться или застрять в какой-нибудь тихой заводи. Ему, непременно, следовало плыть, хотя и по течению, но своим путём, быстро и ловко обходя любые преграды, минуя опасные водовороты, рискуя, то и дело, быть выброшенным на отмель, и если он, при этом, не поддавался никаким препятствиям, а проходил их без затруднений, - счастлив был его обладатель! Всегда верилось: твой корабль не поддастся влиянию стихии или какому-либо злему умыслу, прибудет в свою гавань целым и невредимым, и ты необыкновенно возрадуешься такой счастливой возможности быть победителем.

Главное - пройти всё самому, никогда, ни перед чем, не пасуя, и когда достигнешь желанной цели - засмеёшься от счастья, любя весь мир! Это - твой жизненный путь, это - твой кораблик, и ты знаешь, что пройдёшь свою дорогу достойно, чего бы тебе это ни стоило!

И всё-таки, ребёнок не может стать осознающим всё вокруг, он лишь несёт в себе любознательность к этому таинственному миру, вместе с чудесным состоянием переживаемой им невинности. Лишь мудрец способен достичь подобной осознанности, что уже невозможно будет утратить, постоянно развивая её в себе.

Родители, которые позволяют ребёнку быть собой - поистине мудрые люди. Мудр и тот человек, который прожил свою жизнь честно, найдя самого себя. Если он себя, действительно, обнаружил в этом мире, тогда и своему ребёнку он никогда не позволит не получать от Божественного Существования радость.

Мудрый человек понимает, что ребёнку необходимо полное раскрепощение в своём восприятии жизни, оставаясь всегда очень живым, а ему самому следует не ругать своего сына или дочь за активность и желание поиграть. Ребёнок для того и ребёнок, чтобы беспрепятственно радоваться жизни.

Трудно представить, сколько ребёнку приходится выслушать наставлений взрослых, чтобы он, не дай Бог, стал собой, а был как все! Непременно исполнял только желания родителей, по их указанию выбрал

профессию и женился, радовался только тому, чему радуются другие, и, конечно, ни в коем случае не прислушивался бы к внутреннему голосу.

Каждый шаг его жизни должен быть подчинён семье, школе, институту, в целом - всему обществу, но только чтобы ему не принадлежало стремление к свободе, а значит - к творчеству. Именно такого ребёнка, и затем - гражданина, стремится вырастить государство, совершенно не заботясь о том, чтобы и детство, и вся жизнь оставались раем, который человечество однажды утратило.

Кажется, что многим людям просто не хватило когда-то пережитого ими детства, к тому же - позабытого ими. Не достало чего-то очень существенного, но, в то же время, простого, что они бессовестно утеряли. Всё, дарованное им Божественным Существованием, люди безжалостно растратили, ничего не приобретая: даже - врождённые качества, являющиеся неотъемлемой частью их жизни, призванные помогать. Например, способность творчески мыслить и постигать этот чудесный мир.

Но люди, обладая непревзойдёнными никем из живых существ божественными свойствами, умудряются не осознавать свои привилегии, и это приносит одно разочарование за другим. Ошибочно полагая, что главное в жизни - борьба за существование, в них укореняется убеждённая уверенность в укреплении только эгоистических побуждений. В этом, будто бы, настоящая сила, и если ты не превосходишь в ней других, тебе не суждено над ними преобладать, отсюда - стремление власти подчинять себе как можно большую часть общества.

По разумению этой власти успех ждёт человека, если только он лишён чувствительности, и сохраняет твёрдость в своих самовлюблённых устремлениях как гранит, в противном случае его удел – поражение. Инакомыслящие же подлежат преследованию, поскольку их невозможно поработить, принудить к подчинению, такие склонны именно к открытому и чуткому образу жизни, в этом их сила. Тогда угрозы любой эгоистической власти для человека могут оказаться тщётны, если он не берёт на свой счёт такую общественную привычку, как поощрение, в первую очередь, присутствующих в себе демонов - гордыню и отсутствие сострадания, а отдаёт предпочтение собственному развитию.

Если каждому родителю приглядеться к своему ребёнку, то он убедится - его сына или дочь переполняет удивительная рассудительность, учитывая, что никакой особой информацией ребёнок ещё не располагает, и он будет очень признателен взрослым, когда они отнесутся с уважением к его внутренней природе. Ребёнок немедленно отреагирует на подобное внимание, ещё более воспрянет в своей способности созидать, интуитивно догадываясь, как замечательна жизнь тем, что в ней можно учиться. Причём, бесконечно, ещё более погружаясь в источник собственного сознания.

Взрослым бы оценить услугу, предоставляемую им их детьми, пример, с каким они демонстрируют своим родителям исключительную разумность и свежесть восприятия бытия, да только взрослые не замечают в детях

глубины, предпочитая не помогать им, а поучать. Дети хороши уже тем, что чисты в своих помыслах, и значит - непоколебимы в неистребимой радости и любви.

Чем отличается восприятие ребёнка и взрослого? Ребёнок угадывает жизнь такой, какая она есть, он видит её без прикрас, при этом отдавая себе отчёт в том, как эта жизнь чудесна. Взрослый же незаметно утерять все, заложенные в себе ценные качества, так и не обнаружив в этой жизни своё предназначение, и, как следствие, не развил его. Чему он может научить хоть и маленького, но чистого в своём невинном восприятии жизни человека?

Невинность ребёнка не ведает границ, она естественна и чиста, чудесна в своей невыразимой ясности: свойство души, данное ему от рождения. Как передать её непередаваемые качества, потому как само появление невинности невинно, до неё, кажется, ничего не было, только прелестная надежда на то, что жизнь обязательно сложится самым восхитительным образом. Но для этого необходим определённый уровень восприятия, как у ребёнка, и сознания, как у мудреца.

Стремимся ли мы к этому в течение всей нашей жизни, сохраняя ясность видения, как в детстве, и не забывая о нём? Вряд ли. А нужно-то всего лишь оставаться самим собой, слушая сердце, не покупаться на то, что предлагает тебе безжалостный мир, и следовать своим путём.

Идти своим путём - означает оставаться целостным, каким тебя задумало Божественное Существование, относясь к Нему с большим уважением. Существование, по неизвестным пока причинам, наделило вас чем-то неуловимым, но подлинным, вы не можете этого не замечать, оно угадывается в ваших глазах с детства, и этими глазами вы заинтересованно взираете на окружающую вас жизнь.

В этом устремлении - суть вашей природы, призванной вглядываться во всё, и открывать его. Не дающее покоя устремление вашей души - отправиться в увлекательное путешествие по жизни, ничего не боясь и не теряя ясности видения, в детстве это представляется само собой разумеющимся, и очень важно, чтобы вам никто в этом не мешал.

Остаться одному в детские годы без чьей-либо навязчивой поддержки, кажется, не простым делом, но это зависит от взрослых, которые всегда рядом. Они должны быть по близости, но при этом позволять ребёнку находиться наедине с собой, не вмешиваясь в его постижение мира.

Пусть ребёнок всё время верит в свою независимость и наслаждается ей. Вы только поддерживайте его безопасность, уважая внутреннюю гармонию вашего ребёнка и тишину его существования.

Радость без причин тогда наполняет ребёнка, и он переживает несравнимое ни с чем блаженство. От вас зависит - сохранит ли он его в себе как можно дольше, очень желательно - навсегда.

Ему ещё рано думать о том, чего он может и должен достичь, и лучше будет, если он останется пока самим собой, без каких-либо нравов учений со

стороны взрослых, сохраняя в себе собственные размышления об этой жизни. Не мешайте ребёнку, ради Бога, ведь когда смотришь внутрь себя - тебе открываются все цвета мира, и ты живёшь радостно, без тени разочарований. Позвольте ребёнку быть собой!

Слёзы очищения

Никогда не видел, чтобы бабушка плакала, как это делали иные женщины, приходящие к ней. Они утыкали лицо в уголок головного платка, отчего становилось их жалко, и принимались всхлипывать, так что опять же к груди подкатывала необъяснимая горечь. Были это, как я позднее узнал, нищенки, которых бабушка всегда привечала, даже в дом их зазывала, и, оделив чем-нибудь пустяковым, тут же выпроваживала на двор. Была она сердобольна в отношении разного рода странниц, считая их заблудшими душами, и очень жалела, меня же в такие моменты отдаляла, взяв осторожно за плечо:

- Отойди, касатик...

Но мне никогда не хотелось уходить, и я заворожено вглядывался в плачущие лица женщин, застывая на месте, как вкопанный.

- Экой ты, Господи, - досадливо замечала опять бабушка, осеняя меня коротеньким крещением. - Пойди, побегай.

- А почему ты не плачешь? - тихонечко выговаривал я.

- Не хочется, - коротко обрывала она. - Ступай на двор, да задай «генералу» овса.

«Генералом» бабушка называла нашего петуха, наверное, по яркости окраски получившего это прозвище. Помимо красочного оперения, Петька очень любил поважничать.

Сам я тоже плакал в детстве редко, ну, если только от обиды, когда, почести, приходилось терпеть от взрослых несправедливость. Но такое терпение не касалось бабушки, которая всегда была ко мне добра и участлива.

Не то, что мать: после какого-либо моего проступка, даже незначительного, она быстро выходила из себя, требуя, неизвестно зачем, беспрекословного повиновения. Точно так же, почти сразу, она теряла и спокойствие, начиная кричать на меня, обзывая какими-то странными, но очень обидными словами. А потом, будто опомнившись, застывала посреди комнаты, и, резко взмахнув рукой, визгливо восклицала:

- Прочь с глаз моих долой! Пойди прочь, говорю я тебе, мальчишка негодный. Или - не слышишь?!

- Куда «прочь», - опешив, спрашивал я у неё. - Зачем?

Но разъярённая, не в силах справиться со своим раздражением, она вновь срывалась на крик:

- Что - «куда», «зачем»? Не понимаешь ничего?!

- Не понимаю, - терялся я, ошалевший от её жестокого напора.

- Нет?!

- Не знаю, как это?

- Что не знаешь как?!

- Да, так, - смешавшись, тихо произносил я, в итоге совсем растерявшись.

- Ступай в угол. И чтоб лицом к стене!

Повернувшись, я покорно иду в угол, на глаза сами собой наворачиваются слёзы. «Как же так, - думаю я. - За что?!»

Но для матери, видимо, всё ясно - она не перестаёт тихо, но грозно распылять себя:

- Будешь стоять столько - сколько скажу.

Я мельком взглядываю ей в лицо, но она по-прежнему хмурит брови, что-то непонятное наговаривает себе под нос. И вдруг, пуще, чем прежде, вскрикивает:

- Не вздумай реветь!

Я не осмеливаюсь больше смотреть на неё. В углу стоять скучно и одиноко, слёзы катятся у меня по щекам, западают под рубашку, жгут моё маленькое сердце.

- Чего тебе надо? – еле слышно проговариваю я, полностью отчаявшись найти для себя ответ: в чём я провинился? Но матери уже нет, она ушла в другую комнату, закрылась там.

Рукой я размазываю по щекам солёные слёзы, чувствую, как горят у меня уши, и никак не могу успокоить вздрагивающие грудь и плечи. «За что мне эти наказания, - опять горестно думаю я. – Почему мать так злится? Ведь я всего лишь неправильно выполнил урок. Что в этом такого?!»

В квартире воцарялась тишина. Я не знал - чем сейчас занимается мать, но мне было больно стоять, неизвестно сколько, в углу, послушно взглядываясь перед собой в стену. Через какое-то время, понутив голову, я тяжело вздыхал, и начинал представлять о том, что когда вырасту, то никогда не буду наказывать своих детей.

После наказаний, которые с каждым разом всё более усиливались, а пребывание моё в углу увеличивалось по времени, бывало, до четырёх-пяти часов, я не мог уже ничего делать. Не было никакого желания играть, и я ложился на свою постель, лицом к ненавистной стене, и лежал так долго, вслушиваясь в тишину дома, пока не засыпал.

Если в такую пору к нам приезжала бабушка, то она тихонько присаживалась подле, клала свою тонкую ладошку мне на голову, и еле слышно произносила:

- Боже мой...

Я поворачивался к ней - и она сгребала меня в охапку, так же тихонечко приговаривая:

- Ну, что ты, голубь. Иди ко мне. Досталось тебе?

Терпение в такие минуты покидало меня, слёзы опять выступали на глазах, и я прижимался к бабушке, с удовольствием вдыхая исходящий от

неё, приятный аромат какого-то масла, напоминающий церковь, улавливая и в её сухонькой фигурке лёгкую дрожь.

Так мы и сидели в темноте, заглядывая в окно на наплывающий за ним тёмно-синий вечер, на то, как разгораются на чернеющем небе глазастые звёзды, и от этого оно становилось ещё более волшебным. Обнявшись, нам казалось тогда, что мы приближаемся к этим разноцветным светилам, чувствуя себя лёгкими, почти невесомыми, и, сливаясь с ними, обретаем какую-то чудесную, наполненную божественными звуками таинственную тишину, где всё проникнуто любовью.

- Во имя Отца и Сына и святого Духа, благословляю тебя на добрую жизнь, - вкрадчиво произносила бабушка, прижимая мою голову к своей груди. - Господь с тобой.

Горько становилось порой от глупых придилок матери, а скорее - из-за невнимания, когда она отвозила меня к бабушке, не уделяя должного отношения. С бабушкой мне было хорошо, но несправедливые домогательства матери обижали, и я не знал - как на них реагировать?!

Какая-то необъяснимая детская обида разъедала изнутри, распирала маленькую грудь, так что казалось, будто бы раздуваешься и вот-вот лопнешь от переживаний. Слезы копились, душили, и, в конце концов, всё равно вырывались наружу, но не навзрыд, а тихо, не приметно для всех.

Я уходил в чулан, чтобы не докучать бабушке, и там вволю предавался своему маленькому горю, что порой казалось очень большим, а его никто не замечал. Но бабушка, конечно, всё видела и чувствовала, находя меня там, прижимая мою голову к себе своими сухими руками, ворошила волосы и опять приговаривала: «Потерпи, сверчок мой милый. Не век тебе быть мальцом, придёт твоя благодатная пора. Разве Божия Матерь тебя оставит?!»

И тогда обида уже не так жмёт сердце, не давит его какой-то недетской усталостью. А что, если бы не было бабушки! Трудно себе такое вообразить. Должно быть, Богородица такая же добрая, как и бабушка, думал я.

Мне как-то рано открылось - как тяжело и одиноко бабушке. Бывало, проснувшись отчего-то рано поутру, я лежал, не показывая носа из-под одеяла, и тайком наблюдал за бабушкой, как она, сидя на кровати в своей длиннополой ночной рубашке, долго расчёсывает гребнем волосы, понурившись головой, и будто о чём-то нащёптывает себе под нос, но не молитву, а словно разговаривает с кем-то.

Порой, она прекращала расчёсывать свои седые пряди, руки её безвольно опускались, чуть ли не роняя гребень, взгляд казался остановившимся, неживым, и в такие минуты мне становилось жутко. Но потом она вновь принималась размеренно взмахивать гребнем, и опять сердито что-то шептала про себя, не взглядывая в мою сторону, будто меня и не было. И случалось, что я незаметно засыпал, а когда открывал глаза - бабушка уже была умыта, причёсана, и глаза её радостно блестели.

- Пресвятая богородица, - ласково произносила она. – Поддай радости на сегодняшний день, да святиться имя твое!

И, поклонившись чуть ли не до самого пола, горячо крестилась, улыбаясь мне.

- Радости тебе, цвет мой милый!

Она всегда находила поутру добрые слова, и эти слова трогали меня до глубины души.

- Матушка родная, не дай никому сердечко трепетное обидеть, защити и сохрани счастье моё золотое.

При этом порой казалось, что она даже молодела.

- Иисусе Христе, Сыне Божий, будь милостив ко всем нам.

Эти искренние и простые слова всегда необыкновенно умиляли своим простодушием, и я любил бабушку ещё больше, наблюдая, как она готовит чай. И верил, что её доброте подчинено всё живое: наши соседи, петух с курами, кошка и козёл с поросёнком, даже маленькие птицы, что прилетают к нам в сад. Ко всем она была одинаково добра, и всякое живое существо было ей одинаково дорого и близко.

Что же касается слёз, то мне не было стыдно за них: что плохого в том, что они очищают? Я чувствовал это всем своим маленьким сердцем. Нет ничего лучше, чем поплакать, когда ты - дитя, не загромождённый хламом ненужного опыта, не отягощённый всем тем, чем заполняет тебя общество, которому не выгоден твой внутренний рост, оно заинтересовано лишь в твоём порабощении. Но разве мог я догадываться об этом в детстве?

Бабушка никогда не внушала мне, что плакать нехорошо, к тому же взрослым я узнал, что слёзные железы и у мужчин и у женщин устроены одинаково, а значит, позволено лить слёзы как тем, так и другим. Это полезно, и если бы было иначе, природа бы всё это предусмотрела: ей хочется, чтобы плакали все. Слёзы помогают людям высвободить неудовлетворённость, закрадывающуюся в сердце обиду, тем более - у маленького человека. Ему так легко и просто выплакивать свои огорчения.

- Не подавляй свои переживания, - говорила мне бабушка. - Позволь им уйти со слезами, как будто их и не было. Слёзки, что слюнки: потекут, да и обсохнут.

Я так и делал, опять же, спрятавшись ото всех в чулане. Чулан был полон разного хлама, сваленным как попало, и от этого в его тихой полутемноте становилось ещё более загадочно, дремотно. Часто, загрустив от чего-либо, когда на душу прокрадывалась печаль, я заглядывал именно в чулан, и странное дело - от его неустроенной обстановки сердце скоро успокаивалось.

Так и бабушкины краткие замечания приходились мне в радость и всегда вовремя, они меня тоже успокаивали и были как будто необходимы, без них мне было иной раз не просто обойтись. Всё лишнее, ненужное, что накапливалось у меня в душе, тогда отлетало, и я был благодарен бабушке за то, как с помощью двух-трёх слов ей это удаётся. Порой начинало казаться, что в бабушке проскальзывает нечто колдовское, необъяснимое для меня, но дорогое.

Это странно, но драки, так часто случающиеся между мальчишками, со мной почему-то почти не происходили. Не могу сказать, чтобы я был трусом или остерегался каких-либо потасовок, но так выходило, что столкновений со своими сверстниками у меня не случалось.

В борьбе мы с товарищами сталкивались нередко, особенно - когда я зазывал их в гости, чтобы именно побороться, померяться силами. Мне это противоборство почему-то было необходимо, так я был физически и духовно создан, и чаще всего мальчишки соглашались, но только это нельзя было назвать драками.

Скорее всего, мы просто мерялись силою, собственными, просыпающимися в нас возможностями, и в таком соревновании я был очень ловок. Не бывало такого, чтобы в детстве я приходил домой побитым, а потому и огорчений от уличной драки переживать мне не приходилось. Вся обида выходила в связи с матерью, горести исходили из общения только с нею, и то, что это был мне самый близкий человек - расстраивало больше всего. Бабушка говорила:

- Ты не хлюпай, родненький. Возьми за обычай не обижаться на мать, пусть хоть она порой тебя и отшлёпает, и тогда сразу станет легче на сердце. Всё пройдёт, а чему быть - то останется!

Я запоминал бабушкины слова, чувствуя в них какую-то важную для себя соль. А ещё они подкупали меня своей простотой, в которой, я чувствовал, содержалась таинственная сила. Не сразу я научился жить бабушкиными советами, но они мне очень помогли.

Она всегда говорила так, будто была одних лет со мною - доверительно, открыто, и я страшно радовался такому обхождению. Обычно, мы сидели с ней в молчании, крепко обнявшись, и бабушка лишь изредка поучала:

- Когда, голубчик мой, мать начнёт обижать, ты думай о чём-нибудь хорошем, ровно тебе и дела нет до обиды.

- О нас с тобой?

- А хоть бы и так. Всякому, конечно, обида горька, но учись терпеть, если мать колотить тебя принимается: лучше самому терпеть, чем других обижать. Терпеть, милый, не беда, было б чего ждать.

- Ба, а чего надо ждать?

- Терпя - в люди выходят, а обтерпишься - и в аду ничего!

- Людьми там будем?

- Обязательно будем. За терпение даёт Бог спасение. А ещё терпение приносит умение жить.

- Счастливо?

- В обиду не будешь вдаваться, так и счастливо проживёшь.

Хоть я и не испытывал в своём детстве какого-либо отсутствия заботы, но мне хотелось быть счастливым. Обидное житьё меня не устраивало.

- Бабушка, какое оно - настоящее счастье?

- Своё, голубь, ибо в чужое счастье не заедешь. Счастье - в нас, а не вокруг да около.

- И во мне оно есть?

- Ещё какое! Ты с ним обязательно когда-нибудь на клад набредёшь, а без него и гриба не отыщешь.

После бесед с бабушкой надолго моих страданий не хватало, слёзы быстро высыхали, и мне уже хотелось оказаться на нашем дворе. Был он широкий, и в этой своей открытости - такой же родной и близкий каким-то неизъяснимым простором, которого, кажется, не было у соседей.

С улицы посмотреть - дома как дома, а дворы - полутёмные, тесные, и везде - безлюдно, вроде как, никто в этих домах не живёт. Изредка пробегут одна-две куры, и опять никого.

Не то, что у нас: привольно, ничего лишнего, и как-то незаметно двор перетекает в сад, тоже просторный, богатый на свет, не затаившийся среди деревьев, а весь раскрытый пред небом, воздушный. И во дворе, и в саду всегда легко дышалось.

Я любил побегать по этому двору, окружённому высоким серым забором, отчего ничто не смущало, как если бы кто за тобой подглядывал. В заборе, правда, случались редкие круглые дырочки от вывалившихся иссохших сучков, но через них следить за нашим двором было некому, да и располагались эти отверстия высоко - не каждый доберётся.

Я однажды попытался дотянуться до самого нижнего, располагающегося над скамеечкой, но ничего, кроме стены речного училища, не увидел. Можно спокойно играть дальше!

Бабушки, две сестры, любили, обнявшись, сидеть весенним или летним вечером на этой скамеечке, счастливо глядели перед собой, и молчали. Было приятно ощущать их присутствие, и я, с таким же счастьем, переживаемым в груди, придумывал себе какую-нибудь незамысловатую игру, чтобы и бабушки меня не теряли, и я не упускал их из виду. Всё было так замечательно устроено и в этом дворе, и в нашей жизни, что не хотелось, чтобы день завершался, а продолжался долго-долго, может быть, всё лето или весну.

Теперь этого двора не существует, не уцелел и двор с забором, и сад, но место, где они располагались, живо, и когда я изредка прихожу туда, то мне чудится, будто прошлое возвращается, и бабушки живы, а мне, счастливому, только пять лет.

Сейчас я вспоминаю ту нашу бытность, когда обе бабушки были живы, как нечто старинное и удивительное: в теперешние времена таких людей уже нет, и мне их очень не хватает. Вот бы они были живы!

Но старого не вернёшь... А порой так хочется!

Вспоминается, как мы однажды отправились с бабушкой Ниной на птичий рынок. Мне тогда было лет пять или шесть, не больше. Пришли - и глаза разбегаются: сколько здесь всего!

Со всех сторон мужики навяливают живой «товар»: снегири и чечётки, чижи со щеглами, жёлтенькие пузатые овсянки и кенари. Но хоть рынок и назывался «птичий», а продавались на нём и зайцы, и белки, и хомяки, и черепахи, неизвестно откуда тут взявшиеся. Один дядька предлагал даже ужа: чёрненький, блестящий, на голове - оранжевая косыночка. Я - к бабушке:

- Ку-у-пим!

- Во имя Отца и Сына! - крестится она.

- Ну, хоть хомячка!

- Ещё не лучше, пресвятая матушка-заступница.

- Страшно хочется какую-нибудь зверушку, бабушка. Я ухаживать за ней буду!

В конце концов, бабушка смиростивилась: в маленьком кубаре несём домой чижа со щеглом.

- А они не вылезут? - спрашиваю я.

- Уж, не сподобятся, должно быть, - отвечает бабушка. - Слава тебе, Господи! Молодость пташкой, старость черепашкой. Ох, батюшки.

По дворам же, повсюду, тёмная земля, воздух роится ароматной, режущей глаза дымкой. Всё вокруг ровно трясётся... Весна!

И у бабушки лицо будто помолодело: какая-то она другая, новая, такой я её ещё не знал. Глаза смотрят весело, морщинки на щеках разгладились.

- Хоть и не велики птички, а живые! - радостно восклицаю я.

- Птица не сеет, не жнёт, но сыта живёт, - утвердительно заключает бабушка.

- Это почему?

- У всякой пташки свои замашки! - улыбается бабушка.

И уже серьёзно:

- Красна птица пером, а человек ученьем.

Но я пока не думаю об учёбе, в школу мне только на будущий год, и больше всего я радуюсь от того, что мы идём с бабушкой вместе, взявшись за руки, и в лужах задорно посверкивают солнечные блики.

- Должно быть, птичкам невесело в такую пору сидеть в клетке, - поглядывая на чижа со щеглом, заключаю я.

- А давай, мы их выпустим, - неожиданно остановившись, задумывается бабушка. - Птичьего молока с них и в сказке не взять!

- Как же это? - опешил я.

- Несподручно божьим деткам в такой избёнке молебен петь... Отворяй клеть!

И вот, чиж со щеглом, не веря в своё счастье, стремглав выпархивают на волю!

Бабушка, склонившись надо мной, приговаривает тихо:

- Осердился на меня, милый, а?

Но нет, я очень даже рад случившемуся: кому и в самом деле охота сидеть взаперти?!

- Благослови, Отец, поднебесных деток жить без клеток! - ласково добавляет бабушка. - Господь с нами.

И то верно: куда как лучше пребывать на свободе, когда душу не раздирают одни горькие слёзы. Ну, что у меня за чудо-бабушка!

С бабушкой мне жилось хорошо, я даже временами воображал себе, что она и есть моя мать. Однажды я ей признался в этом, и бабушка, строго посмотрев на меня, заявила:

- Ты это брось, родной. Мамку не заменишь, она одна. Не серди её проказами.

- Тебя же я не сержу.

- Молчи, знай! Рано тебе об этом.

- О чём?

- Мать для детей, что Бог для людей. Она тебе Господом дана. Вот как вырастешь с мать, всё будешь знать. Разве можно на неё обижаться?

Ты её, голубь мой ненаглядный, прощай, а то Богородица наша на небесах заплачет. Чего губы надул?

- Сама знаешь - насильно мил не будешь.

- Ну-ну, поговори мне. Обида - что лёд, до тепла живёт! Вот ты и повремени дурь-то выплёскивать. Пусть она поутихнет.

Но я ничего не мог с собой поделаться: любил больше всех бабушку. Ведь детская любовь, как и Божья, безгранична, и тогда на глазах выступают только слёзы чистой радости!

Милое зверьё

Один на один с Господом Богом человек чаще всего остаётся только в детстве, когда Бог ещё заботится о крохе, не давая его никому в обиду, и именно поэтому, должно быть, ребёнку тоже приходит на ум завести себе друга, чтобы за ним можно было ухаживать. Этим другом обычно становится какое-нибудь зверьё - щенок, котёнок или хомячок, может быть, даже черепашка, на худой конец - такие неунывающие птички, как чиж и щегол, несмотря на нахождение в клетке, но вот я завёл себе однажды настоящего ежа!

Долго я до этого вымаливал у бабушки купить мне какую-либо ловкую, красивую птичку, чтобы кормить её и поить, слушать песенки, какие обычно птички распевают весь день, и так у нас в доме появилась пара волнистых попугайчиков. Вскоре они, правда, выпорхнули в распахнутое окно, а в клетке, что я позабыл запереть, от них осталось лишь одно голубенькое пёрышко.

Перо как перо, подумалось мне, всякая птица им красуется, но как-то грустно стало без этих живых существ, с гладенькими хохлатыми головками. О них приятно было заботиться, я даже успел к ним привязаться, и я вдруг решил, что было бы здорово занять теперь аквариум с рыбками, чтобы на дне в нём красовались разноцветные камешки с ракушками, росли

изумрудные водоросли, и можно было бы наблюдать за подводной жизнью каких-нибудь диковинных рыб. Я бы представлял себе, как какие-то неясные миры передвигаются передо мной, кружатся пёстрым колесом, одурманивая воцарившейся под водой тишиной, и сказочные рыбки, выплывая из своих потаённых каменных укрытий, отражают мои неясные мечты.

И действительно, как только на моём письменном столе появился аквариум, время будто замирало рядом, и я погружался в чарующий мир подводного царства, где рыбкам, кажется, было одно раздолье: такое, наверное, что они и песенку бы спели, когда бы голос был! Быть может, наиболее поразительной особенностью этого аквариума было то, что всё в нём производило впечатление необычайной лёгкости, и когда я приходил со школы, усаживаясь напротив него, то забывал обо всём.

Даже каменные украшения на дне, какими бы тяжёлыми они ни были в действительности, имели воздушный вид. Ощущение лёгкости передавалось и мне, и я начинал чувствовать себя ещё более живым, так что хотелось и самому очутиться там, среди чудесных рыб, не представляя себя без воды.

Додумался я как-то даже обзавестись белой мышью, бабушка принесла мне её из зоологического магазина в картонной коробке из-под обуви. Правда, мышь вскоре куда-то пропала, присоединившись, наверное, к своим серым собратьям. Мы всей семьёй искали её, но безуспешно: мышка нашла-таки свою щелочку и ускользнула. Худа та мышь, что только одну лазейку знает!

Была у меня и черепаха Машка, что жила в ворохе газет, в тёмной кладовке, но очень любила гулять, ела сладкий клевер с одуванчиками, и пила молоко. На зиму она забиралась в старый бабушкин валенок, так что мы и забывали о существовании черепашки, но по весне она выползала на свет божий, радуясь вместе с нами солнечному теплу и свежей травке.

Когда мне исполнилось девять лет, дедушке подвернулся на покосе юркий уж, и он решил показать его нам с бабушкой, засунув за пазуху. Ужи любят тепло, и ему, наверное, было уютно в дедушкиной поддёвке, а я от радости не знал, что с ним делать, и, полюбовавшись на симпатичную змейку, мы с бабушкой в тот же день отпустили её на болото, неподалёку от деревни.

А ещё у деда, всегда связанного с лесом, поселился в доме поползень Митя. Он стал для всех нас совершенно ручным, как мышка тихонечко шастая по столу в поисках обронённых хлебных крошек, или вниз головой ловко пробираясь по стволу дерева, отчего я, наверное, и прозвал его «поползук».

Но больше всего Митя любил сливочное масло, склёвывая его прямо с рук или даже губ, забирался в рукава и карманы одежды, подолгу разыскивая что-то в волосах на голове. У всякой птички - свои замашки!

Привязанность птички к нам стала такой привычной, что незаметно переросла в любовь, и этот поползень прожил в лесном доме деда целый год. Я любил поиграть с забавной птичкой, спрятав от неё семечки по самым

укромным местам, но смышлёный поползень всё равно отыскивал их. Невелика птица поползень, и не всегда приметна, а сколько радости приносил он в наш дом!

Отправившись однажды по грибы, дедушка мой набрел на поляну, усыпанную крепкими боровиками. Сначала он наполнял корзину, не выпуская её из рук, и только когда она стала достаточно тяжела, опустил на землю. Из всех существующих охот более всего он предпочитал отыскание грибов, и своей страсти всегда отдавался с удовольствием, не спеша. Вот и тогда, тщательно осмотрев всю опушку и нарезав целую рубаху белых, он вернулся к корзине, и, к немалому удивлению, обнаружил в ней... зайца.

Заяц был большой, серый, в светло-коричневых подпалинах, и его красный нос размеренно двигался во все стороны и изредка вздрагивал. Грибы заполняли корзину уже на добрую половину, но это не помешало зайцу забраться в неё и замереть, как будто бы он обнаружил ямку для укрытия или просто присел под ёлочкой отдохнуть.

Плотно прижав к спине уши, он продолжал сидеть так, даже когда человек остановился с ним рядом, и, кажется, совсем не собирался убегать. Пришлось перевернуть корзину и пугнуть зайца, громко хлопнув в ладоши, но зверёк и после этого остался на месте и только покосил коричневым глазом, как бы недоумевая: чем он помешал? И дед прихватил косого с собой.

Заяц жил у нас за печкой, в большой картонной коробке, и если кто приходил к нам в гости, то очень ему удивлялся. Заяц, обычно, какое-то время не хотел выходить, лишь изредка из-за печки доносилась его возня, но вскоре он покидал своё укрытие, и, поводя розоватым носом, ковылял к середине избы.

Все сидели и, молча, наблюдали, чего заяц предпримет, а он вдруг вставал на задние лапы, опершись передними о чьё-либо колено, и взглядывал человеку в лицо. Сказать, что это был забавный пушистый зверёк, каким мы знаем его из русских народных сказок, было бы неверным. Честно признаться, человеку, напротив которого замирал заяц, становилось порой просто не по себе.

Тупой, застывший взгляд зайца неожиданно обозначал в нём какую-то необъяснимую темноту, и вынуждал смотреть на него с опаской, после чего во мне уже не оставалось того безотчётного благодушия, с которым я совсем недавно воспринимал зверька. Душа зайца вдруг становилась мне непонятна, загадочна, да и сам зверь уже не вызывал того чувства восторга, что охватывал раньше.

В моём представлении заяц представал уже каким-то иным существом, дотоле неизведанным, и в один миг терял в моём воображении с малых лет укоренившиеся черты милого зайки, которого незаслуженно обижают все, кому не лень, и он приобрёл в своём образе нечто неизъяснимое, что скорее пугало, нежели веселило.

К тому же, отвратный запах тоже не шёл зверьку на пользу, поскольку в народной молве он снискал себе славу милого зайчика в уютной шубке, вычищенной снежком и морозом. Но на деле заяц оставлял после себя непереносимый дух, отчего в скором времени потерял всякую привлекательность, и от него пришлось отказаться.

Зайцу хорошо в лесу, где он обретает своё лицо, и только тогда всем понятен. Но вот рядом с людьми он начинает казаться им нечистоплотным, каким-то непривлекательным колченогим существом, и нам пришлось избавиться от зайца, отпустив его обратно, в родной лес.

А ёжика мы поймали с бабушкой по весне, когда собирали пестики, молодые побеги полевого хвоща. Мясистые и сочные «шишечки» побегов мы срезали в корзинку, и потом раскладывали в тени под навесом, чтобы они хорошенько высохли, после чего бабушка пекла из них вкусные пирожки.

К своим десяти годам я уже не раз слышал и читал с бабушкой истории про ежей, которые жили у кого-то в городской квартире или на даче, и всегда из этих рассказов узнавал что-то интересное о забавных зверьках. Но самому мне никогда не приходилось встречать их в лесу, и уж тем более - ловить.

Как это часто бывает, самое интересное и радостное приходит к тебе в жизни неожиданно, и когда мы с бабушкой оказались на светлой полянке неподалёку от деревни, собирая пестики, то вдруг услышали, как кто-то шуршит в пожухлой траве у самой опушки. Пригляделись - ёжик бежит, такой маленький, что даже непонятно: как он пережил суровую зиму?!

Носик булавочкой, иголочки серовато-белые, на вид, кажется, ещё совсем мягкие, правда, я не успел к ним притронуться. Ёжик, заметив нас, тут же юркнул под корни старой ели, зарылся с головой в сухие листья и замер, а кругленькая попка наружу торчит. Думает, мы его не видим!

Смешно нам стало, но про себя я думаю: как он перезимовал в такой маленькой норке? Бабушка объясняет, что ёж хоть и умный зверёк, а обустраивает свою жизнь очень просто: выбрав место для спячки, утепляет его осенней листвой и ложится тут же, если ему всё это понравилось. Ничто не мешает ему уснуть в наступающем на лес покое зимы.

Правда, трудно вообразить, как в таком крохотном обиталище умещаются все его запасы - грибы и яблоки, что он натывает на свои иголки? Бабушка улыбается: нет у ежа никаких запасов, и закопавшись в листья, он спит беспробудно всю зиму.

Обнаружив в лесу ежа, всегда хочется его потрогать и подержать в руках, несмотря на острые иголки, но голыми руками ежа не ухватишь! Ёжик от такого прикосновения очень мило хрюкает и закрывается с головой ещё глубже, растопырив иголки во все стороны. Больше уж после этого не станешь беспокоить зверька, а только представляешь, как он рассердился.

Но раз нам с бабушкой выпадает такая возможность подержать зверька рядом хотя бы день, и проверить - какой он на самом деле, то мы решаем

взять ежа с собой. Я, конечно, в восторге, потому как чувствую себя его обладателем!

И вот, несём ежа домой, в корзинке вместе с пестиками, и я опять думаю: этот ёжик совсем маленький, родился, по-видимому, в прошлом году, а всё равно благополучно перезимовал, остался цел и невредим. Свернулся в клубок на дне корзинки и в ус не дует, а ведь могло этого и не быть. Я смотрю на бабушку и радуюсь вместе с ней тому, что всё так удачно сложилось: мы всегда любили лес, его тайны, и он тоже ответил нам своей улыбкой.

Дома мы первым делом вынули ежа из корзинки и посадили на стол: ёж не подавал никаких признаков жизни. Он и в самом деле казался неживым, но когда я осторожно дотронулся до него, вдруг сжался и глухо, отрывисто фыркнул: «тук». Затем опять, ещё более сердито: «тук-тук, тук». Бабушка налила в тарелку молока, крошила туда хлеба, но ёжик долгое время никак не проявлял себя.

Отойдя за шкаф, в угол, мы стали наблюдать за ним, и скоро ёж пошевелился. Слегка разжавшись и высунув блестящий носик, он сначала робко принюхался, а в следующий момент уже оказался рядом с тарелкой, накинувшись на неё, точно на соперника. Тарелка прыгала по столу, как лягушка, ёж же только озабоченно фыркал, неистово подталкивая её к самому краю, и, наконец, сбросил на пол, после чего вновь сжался в колючий комок и возбуждённо засопел: весь его вид говорил о том, что он вполне здоров и полон сил.

Бабушка опять подлила ему молока, спустив на пол, и ёж, уже ничего не пугаясь, вновь подбежал к угощению и продолжил лакать так жадно, что сначала залез в тарелку передними лапками, вскоре у него очутился в ней животик, а затем он и весь там оказался, вызвав у нас неописуемый восторг. Наевшись, ёжик уснул прямо в тарелке, и не просыпался до самого вечера.

Когда в доме все улеглись, ёжик принялся обследовать каждый угол, при этом озабоченно фыркал и беспрестанно цокал по полу коготками, никому не давая сомкнуть глаз. Забрался в шкаф, побывал под диваном и кроватями, перевернул в кладовке старые газеты, а под самое утро облюбовал бабушкины тапочки, куда и наделал.

Наутро мы обнаружили по всему дому множество холмиков, причём, помёт у ежа оказался такой едкий, что мы полдня оттирали тёмно-зелёные разводы, благодаря его растительному корму, и было решено избавиться от зверька, как и от зайца. Ёж, конечно, выглядел очень мило, но соседство с ним создавало немало хлопот, и лучше было отправить его обратно в лес.

Перед тем, как отпустить ежа, мы с бабушкой посадили его на пенёк и ещё раз внимательно рассмотрели. Ёжик озорно поблескивал чёрненькими глазками, и на всё, что с ним делали, реагировал спокойно. На прощанье я взял ежа в руки, а ёжик даже не свернулся в клубочек, как он это всегда делает.

Он только туркал, вздрагивал иголочками, наверное, от возбуждения, и выглядел при этом очень забавным. Когда говорят: «Отойди, ёж, на тебе тулуп не хорош», - это, скорее, относится к колючему, неуживчивому человеку, нежели к такому замечательному зверьку, как ёжик!

Вот какое зверьё обитало у нас в доме. Я ещё не упомянул снегирей и чечёток в кубарях, мы их ловили с мальчишками прямо в бабушкином саду, нашего петуха, дедушкину корову Зорьку и телёнка Малыша, ирландского сеттера Джоя, бесчисленных котов, неизменно сменяющих в доме один другого, и даже козла Борьку, что то и дело норовил поддеть меня рогами. Со всеми из них я старался быть дружен, эти забавные существа удивительно трогали моё сердце, и я с удовольствием заботился о них, в каждом находя верного друга.

Больше той любви, что я испытывал к своим меньшим братьям, я не испытывал никогда: кажется, рад был им больше, чем самому себе. Но бывает и так: в друге родном и себя любишь, своё сердечное отношение к живому существу, потому как дружно не грузно, а врозь - хоть брось.

«В дружбе - правда, - часто говаривала бабушка, - и какую дружбу заведёшь, такую и жизнь проведёшь». А я с детства переживал большую привязанность и к зверям, и к птицам, обнаруживая в них самых близких для себя существ, и это доброе братство было для меня милее любого богатства!

Тётушка Лиза

У бабушки Саши, при её одиноком образе жизни, конечно, не могло не быть хотя бы одного преданного человека, и таким человеком оказалась тётушка Лиза. Я так и не узнал - где и когда свела их судьба, но бабушка была очень привязана к этой простой женщине, отличающейся большим трудолюбием и немногословностью. Чувствовалось, что тётя Лиза с уважением относится к бабушке, я бы даже сказал - с необыкновенной привязанностью, будто она была ей чем-то очень дорогим обязана, и, со всей добросовестной исправностью своей трудолюбивой натуры, старалась исполнить любую бабушкину просьбу.

Но на самом деле тётя Лиза была просто обязательным человеком, не гнушающимся любой, самой грязной работы, относясь к ней с большой ответственностью. О чём бы бабушка её не попросила, тётя Лиза была рада во всём ей услужить, не проявляя при этом какого-либо подобострастия. Скорее всего, она даже любила бабушку, словно их соединяла какая-то очень важная для обеих тайна.

Я никогда не видел тётю Лизу прохлаждающейся, находящуюся без работы, ну, если только она присаживалась за обеденный стол. Но, наскоро перекусив, опять принималась за работу: помогала бабушке на огороде или отправлялась на рынок, чтобы продать овощи.

Недоучившись в школе из-за тяжёлого положения в семье, она рано начала подрабатывать по домам - пилила дрова, таскала воду, обстирывала

людей и мыла полы, готовила обеды, и так - всю жизнь. Словом, ходила по семьям, и везде, где не доставало работающих рук, без конца колола, пилила, пила и поласкала, обслуживая и взрослых, и детей.

Кажется, у неё совершенно отсутствовало личное время, а между тем - она нажила от разных мужчин четверых детей, за которыми всегда имела догляд: даже при её постоянной занятости невозможно было сказать, что она за них не беспокоится. Нет, все детки её, хоть и бедно одетые, были прибраны и накормлены, словом, обустроены, всегда вежливо здоровались с незнакомыми людьми и вели себя почтительно.

Будучи уже подростком, я хорошо помню, какие они были скромные и такие же работающие, как и их мать, опрятны внешне и в своём поведении, отличаясь уважительным отношением и к старшим, и совсем маленьким. Не покидало убеждение, что дети тёти Лизы, без всяких наставлений, с молоком матери впитали порядочность и доброе отношение к жизни, внутренне понимая, что нет ничего этого ценнее.

В затрапезном платье, перехваченном на талии узеньким пояском, платок на голове всегда сбит на сторону, она, кажется, никогда не изменяла этому своему расхристанному виду: только, в запарке, смахнёт локтем пот со лба, улыбнётся беззубым ртом, и вновь принимается за работу. Хоть и измученная с виду, счастливой её назвать было сложно, тётя Лиза не вызывала чувства надломленности в себе: была она проста и в выражении своих чувств, и в труде, и несмотря на то, что временами её всё-таки хотелось пожалеть, несла в себе какую-то приподнятость духа, даже - озорство.

Унывать ей было некогда, находясь в беспрестанном прислуживании кому-либо, она воспринимала и своё, вроде бы, незавидное положение просто и с достоинством. Чему бы, казалось, тут веселиться, а тётя Лиза, между тем, всегда пребывает в приподнятом настроении: дым коромыслом стоит от её работы, но ей хоть бы что. Усердие в ней не переводится, но и кротость нрава не пропадает.

Вроде бы, и безграмотная, книжек в руках никогда не держала, а понадобится какой-либо занятой мамаше нянечка - зовут в гости не иначе, как тётю Лизу. На этом поприще она также заслужила почёт и уважение: и откуда бы в необразованной тётке взяться умению обхождения с детьми?! Да только тётю Лизу учить ничему не следует, она и сама кого хочешь, наставит, помяните моё слово. Будто век нянчилась с малыми ребятишками!

Служить она была готова кому угодно: иной раз её и со старичком каким-нибудь оставят, а она и ему сказочку расскажет. Быть кому-либо нужной оказывалось для неё за честь: не только чтобы при чугунке служить было выгодно. Кто добру служит, тот, говорят, не тужит, и тёте Лизе, кажется, было за счастье от души служить, за что её и уважали.

Когда я был маленький, она переносила запас своей любви с трудолюбием и на мою персону, убирая у нас в доме и стирая, когда мать была занята, и душой не кривила, если приходилось по напряжённому труду

своему порой отказать в помощи. Ей можно было безбоязненно давать ключи от квартиры, доверяя не только уборку, бельё и провизию, но и весь дом с детьми.

Была тётя Лиза на удивление экономна, боясь попросить лишнюю копейку, и всеми силами старалась так наладить свою работу, чтобы не было за неё ни перед кем стыдно. Все были убеждены, что она рождена именно для труда.

Без труда не было добра в её жизни, и трудом, хоть и с трудом, она была со своими детьми сыта. «Для родимого человека - и труд не в труд, - говаривала она, добавляя: - Бог труды любит!» Как её было саму не любить за нескончаемые и нелёгкие труды!

С тех пор, как я себя помню, помню я и добрые натруженные руки тёти Лизы, которые хоть и изредка, но с любовью протягивались ко мне. Кто-то и много трудится, а толку не добивается, тётя же Лиза, трудясь, о добре всегда думала, часто вспоминая в своих трудах пчелу: «Пчела трудится - для Бога свеча пригодится, да восстанут рабы трудящие!»

Что это была за трудолюбивая женщина - слов моих не находится. А то ещё, бывает, обмолвится такою загадкой: «Два труженика: пчела и муравей, а одному спасибо, другому нет!» Словом, трудовой грош и пред Богом хорош.

Сейчас только понимаю: какою чудесною была тётушка Лиза. Она редко когда что-либо говорила, думая, кажется, только о работе и возможности исполнить её самым наилучшим образом. И как будто по сей день слышу её очередное бесхитростное наставление: «Работай - сыт будешь, молись - спасёшься, терпи - Бог смилуется!» Никогда не забуду её натруженных рук и неловкой улыбки.

И ещё помню: мне и самому было неловко от того, что тётя Лиза порой у нас убиралась, будто мама не могла выполнить эту работу без её помощи, может быть - попозже, но, не привлекая к домашним делам постороннего, хотя и очень доброго человека. Казалось, я один только и задумывался над мучающим меня вопросом: довольна ли тётя Лиза жизнью, благодарна ли она судьбе за свой тяжёлый труд?! И не находил ответа.

Бывало, прибегу с улицы, и усядусь за уроки в маленькой комнатке, а дверь оставляю открытой, чтобы видеть, чем занята тётя Лиза. Но напрямую наблюдать за ней стесняюсь, лишь изредка взглядывая в отворённый дверной проём.

Она же всегда была чем-либо озабочена: то выбеливает на плите бельё, поддев его деревянными щипцами, то, подхватив повыше платье, намывает до блеска полы, а вскоре уже орудует утюгом или варит суп. Когда же переделает уйму дел - принимается штопать носки.

Тётя Лиза никогда не сидела без дела, и когда у меня не выходило какое-либо задание, она с удивительным чутьём угадывала загвоздку в моей учёбе, обращаясь почтительно, но со вздохом: «Учись, сударь милый, пока поперёк лавки ложишься!». Из этих её слов мне представлялось, будто тётя

Лиза обладает каким-то неизмеримым по глубине знанием, что позволяет ей порой так немногословно, но ёмко изъясняться. Знание это даже чем-то пугало.

Наверное, оно не давало покоя и тётё Лизе, наплывая на неё в каких-то неясных воспоминаниях. Казалось, она обречена в своей жизни только на них. А можно ли было искать в этих воспоминаниях удовлетворение, да и видела ли она его в жизни вообще?

То, о чём ей, наверное, мечталось в каких-то спутанных видениях - не сбылось, тяжкий труд заполнил собою всё, называемое жизнью. Словно исподволь навязанное кем-то истечение всех её нехитрых дел, складывающееся именно так, а не иначе, лишь обременяло, не принося никакой радости. Как можно было оценить ей своё существование на земле, и чем отмерить горе, отпущенное на её долю?

Что она видела? Нелёгкое детство, без родителей, отсутствие родного дома и семьи, предательство мужчины и гибель первого ребёнка, унижительное положение приживалки по чужим углам, откуда хотелось бежать. И, всё-таки, глотая обиду, она находила силы нести в своём сердце любовь, и терпела, терпела, терпела, помогая многим, потому как не могла не помогать.

Поддерживала, когда даже самой требовалась поддержка, надрываясь, кажется, чрезмерно, и, тем не менее, благополучно выходила из этого надрыва, не жалуясь и не перекладывая своей боли на других. Наоборот, брала сверх всякой меры испытания на себя, не роптала, забываясь только в подённой работе на чужих людей, как-то невольно воспринимая их своими, и так, опять же, всю жизнь.

Время, тяжёлые заботы и извечно безрадостное переживание того, что трудишься в поте лица не ради собственного счастья, - невообразимо закалили её, не очерствив при этом сердца. Случалось, я заставал тётю Лизу, одиноко сидящую на кухне, уже своим маленьким сердцем угадывая эту её добрую отрешённость. И прошлое, и настоящее, наверное, владело ей в такие минуты, когда она, не отрывая глаз от старой яблони за окном, задумчиво гляделась в неведомую ни для кого даль, угадывая в ней, должно быть, что-то ясное и понятное только для себя.

И тогда ничего худого в её жизни как будто не оставалось. В воображении своём всё это худое, по-видимому, преображалось в здоровое и доброе, представляющееся для неё до бесконечности дорогим, и выходило так, что у тётё Лизы, оказывается, было достаточно радостей в жизни, а она их, вроде как, и не замечала.

Пригожая болезнь

Ощущения детства оказываются крепче каких-либо остальных впечатлений, пережитых человеком в жизни, и остаются в памяти на всю жизнь. Одно из таких воспоминаний - болезнь, и, несмотря на температуру,

простуженное горло и горькие лекарства, в нём можно утопать с особенным удовольствием.

Блаженное чувство лёгкости и покоя приходило ко мне в детстве, когда я заболел. И разве возможно подобное восприятие соотнести с недомоганием в зрелом возрасте?!

Когда ты взрослый, тебе не приносят в постель чудесные подарки, означающие твоё скорое выздоровление, что предполагает, в свою очередь, такое же замечательное будущее, наполненное прелестью и смыслом, а ограничиваются лишь скудными приношениями от медсестры, представляющими собой скляночки с порошками и пилюлями.

В детстве же, ещё болея, ты уже угадываешь то, что тебе преподнесут, чего раньше не дозволялось, но теперь, после этой затянувшейся простуды, оно оказывается вполне доступным: стоит только заболеть, а затем — благополучно выздороветь, и вот дар, о котором давно мечталось, в твоих руках. Что же это за счастье такое — детство, в котором и болезнь в радость, и даже если ты немножко пострадаешь, то обязательно обретёшь, благодаря этому, ещё большее благо!

Когда болеваешь, как будто переносишься в потусторонние пределы. Что это означает?

Ты вдруг начинаешь испытывать во всём теле приятное ослабление, будто не чувствуешь его, погружаясь в обволакивающую вату. Но эта внезапная перемена в твоём состоянии приносит чудодейственное изменение в восприятии мира: в тебе открывается иное зрение на него, вкусовые и слуховые ощущения меняются, и хочется беспрестанно пить.

Пропадает даже желание двигаться, и эта неожиданная потеря потребности бегать и прыгать несколько тебя не огорчает, а наоборот — приносит с собой острую необходимость погружения во сны. В них ты целые дни и ночи летаешь, как будто не существуя, и только иногда возвращаешься к действительности, к самым родным людям.

Правда, потом неясные видения вновь захватывают тебя, по ночам в них появляются безобразные чудища, кажется, сосредоточившие в своей власти всю жизнь. Их нелепые изображения надвигаются, захватывают всё твоё внимание, они вот-вот завладеют и тобой, но в последний миг ты приходишь в себя, и удивительное отдохновение, неизвестно откуда нахлынувшее, окутывает всего тебя удивительной тишиной.

Это умирение во время болезни до такой степени приятно, что ты с радостью отдаёшься ему. После возвращения из неведомого мира, душа твоя полна какой-то неземной ясностью и покоем, ты чувствуешь себя милым младенцем, только что снизошедшим на землю для того, чтобы наслаждаться её нескончаемыми благами, а появление бабушки, её склонившееся над тобой лицо, приводит в восторг.

Но ты ещё слаб, и слабость эта невероятно приятна. Когда ты уже начинал поправляться, болезнь несла с собой это непередаваемо прекрасное ощущение того, что счастье жизни будет длиться вечно, иначе и быть не

может, и тот тёмный мир, совсем недавно обуявший было всё твоё восприятие, лишь сон, а благодное настроение, пронизывающее все ниточки твоего выздоравливающего организма, никогда не прекратится.

Болезнь укачала своим сладостным недугом, как может быть только в детстве, и, кажется, ничего не нарушила в тебе, только расширив горизонты чувств. Ты, вроде как, даже повзрослел, и что болело в тебе, то умерло, а что родилось, то пошло на новую жизнь. Упасть-то, конечно, больно, а встаёшь здоровым!

В детстве, кажется, всё благо, даже болезнь, и надо непременно почувствовать себя слабым, чтобы с малых лет научиться ценить то счастье, что имеешь. В детской болезни к ребёнку приходит не сокрушение здоровья, а умиление от трепетности жизни, которое ему приходится в полной мере созерцать, после чего на него снисходит милосердие Господне.

Болезненное состояние, как ни странно, дарило ещё большую свободу, чем когда ты был здоров, и оно было сродни полёту, а полёты эти наиболее увлекательно было совершать именно зимой, когда тебя забирала в свои объятия простуда, нередко случающаяся именно в детстве. Болеть было сладко потому, что не надо было ходить в садик или школу.

Ночью, в постели, когда болезнь уже отступает и на душе становится празднично, волшебство предновогодних дней всецело охватывает твоё маленькое сердце. Сквозь разрисованные морозом окна в комнату вливаются голубоватые блики, на дворе, освещаемом единственным фонарём, что-то укромно потрескивает, а по углам мягко укладываются роящиеся тени.

Воцарившийся сказочный полумрак таится повсюду, и не хочется высовываться из-под одеяла. В такт колышущимся под потолком огонькам, на еловых ветвях еле приметно поблескивают разноцветные шары, а в застеклённом шкафу с часами мерно покачивается латунный маятник. Новогодняя ночь размеренно вступает в свои права, приглашая совершить полёт в томительную неизвестность.

На первый взгляд, детство - это всегда, вроде бы, беспорядочная череда самых разнообразных событий и предметов, так легко, словно по волшебству, приходящих в твою жизнь, и достаются они тебе именно для переживания радости, ни для чего другого, а воспринимаются как нечто совершенно чудесное, что хочется неспешно рассматривать, и даже - оберегать. Вещи будто бы переходят к тебе по наследству от родителей и бабушек, что заботились о них как о самых дорогих, а теперь они служат твоему, ещё не избалованному ничем интересу. Одной из таких драгоценностей были старинные немецкие часы, которые папа привёз из Германии.

Часы размеренно, кажется, в созвучии с неспешно протекающей болезнью, мягко ударяли за застеклённой резной дверцей, и навевали сон, такой же праздничный, новогодний. В смятении болезненного жара, бой часов был мягок, казалось, он продвигается на цыпочках по комнате.

Утопая в ковре и тяжёлых портъерах, бой часов незаметно успокаивал, и в липком болезненном забытии мне часто почему-то виделись гигантские шахматные фигуры на клетчатой доске. Видение это появлялось на пике болезни, в самом её разгаре, после чего недуг, обычно, отступал. И тогда в гости приходили любимые книжки с увлекательными картинками, ощущение выздоровления, и ещё лёгкая приятная расслабленность в груди от переживаемого неизбывного счастья.

С затаенным духом перелистываешь, кажется, пропитанные приключениями страницы, от долгого пребывания на полках слегка слипшиеся, приятно пахнущие типографской краской. От этого рассматривать иллюстрации в книге с изображением диких птиц и животных становится ещё интереснее.

Все эти картинки тебе давно знакомы, но они всё также будоражат воображение, и пересматриваешь их каждый раз с трепетом, словно впервые. Были среди них, конечно, самые дорогие, за которыми по-особенному мечталось, они просто завораживали.

В двухтомной «Настольной книге охотника», она была особенно любима, бравый охотник, на разноцветном форзаце, держал в руках оранжевую лисицу, только что, взяв её на норе, а два преданных ему фокстерьера, не в силах ещё успокоиться от удачно загнанного зверя, устремили на него всё своё взбудораженное внимание. Нора лисицы зияла своим таинственным отверстием под пушистой елью, и хотя зверь уже был добыт, и в норе никого не могло быть, звериное логово всё равно вызывало неясное возбуждение.

Хотелось оказаться рядом с этим охотником, на краю укромной лесной опушки, держать в руках увесистую лисицу, и, проникаясь тишиной задумчивого ноябрьского денька, переживать в сердце непередаваемый восторг. Снег ещё только-только укрыл не успевшую промёрзнуть землю, следы у норы свидетельствовали о произошедшей недавно борьбе, и охотник не мог сдержать своей радости. Ещё находясь в пылу захватывающей охоты, румяный от бравого морозца, он восторженно улыбался, и всё это мне, почему-то, оказывалось близко, хотя я и был совсем маленький.

На другой картинке красовалась золотая осень, и такая она была живая, что ты будто бы переносился в это ослепительное время года, по своей сути предрасположенное к охоте. На сей раз, паратые гончие устремились за улепётывающим от них косым, а вокруг - стоит тихий осенний день, сыплот разноцветным листом берёзки и осинки, и великан-дуб будто обнял собой всё это осеннее пространство, привнося в природу какую-то основательную заботу.

Всё это мгновенно проникало в тебя, и даже не сразу можно было заприметить охотника за ёлочками, поджидающего вёрткого косоного, который уже побелел, хотя отава местами оставалась ещё ярко-зелёная, как летом. Что меня уносило в эти осенние дали - я не знал, но отчего-то уже тогда, в раннем детстве, несмотря на переживаемую болезнь, чувствовал себя необыкновенно

счастливым, просто разглядывая эти картинки. А уж когда отец приносил с охоты увесистых усатых зайцев и тетеревов с налившимися клюквой бровями, раскладывая их на полу кухни, то я и совсем забывал о болезни.

Стоя в пижаме, посреди кухни, совершенно замороженный от всего увиденного, я с затаенным сердцем тихонько подходил к тетеревам, ещё ослабленный болезнью, и осторожно прикасался рукой к тёплому велюровому перу птицы, или поглаживал густую заячью шёрстку. Заяц на мгновение будто оживал, казалось даже, что он шевельнулся - чёрные кончики ушей его чуть приметно вздрагивали, но застывший взгляд выпуклых глаз тотчас отрезвлял: заяц на самом деле мёртв.

И всё равно, сразу представлялся осенний лес, первый выпавший снег, косой, робко перемахивающий через поваленные осинки, и запах - какой-то необыкновенный, что исходил и от зайца, и от тетеревов. Им, кажется, пахнул весь лес, и отец, приехавший только что с охоты, и ты сам, осторожно прикасающийся к уже затвердевшему зверьку. Сколько же всего скрывалось за этим притягательным словом - «охота», как сладостно было мечтать обо всём, что связано с ней, и болезнь незаметно отступала, и хотелось отправиться с отцом в сказочный лес, где обитают тетерева и зайцы, лисицы и медведи, недостижимые и загадочные волки.

Однажды отец на самом деле принёс с охоты лису: мы тогда жили в деревянном доме у бабушки Саши, матери моей мамы. Послеобеденное солнце, клонящееся к западу, мягко просвечивало бока лисицы, и она становилась похожа на бабушкин абажур, когда отец держал её за задние лапы, улыбаясь, в лихо заломленной на затылок шляпе.

Мать тихо смотрела на него из растворённого окна, а потом медленно перегнулась через подоконник, и нежно поцеловала отца. В этом присутствовало ощущение счастья и незабываемой радости, ожидание только хорошего во всём последующем, что несла с собой жизнь. А ещё - томящее и загадочное чувство сопричастности к самому дорогому, тому, что его породило - к детству.

Как-то раз, когда я сильно захворал, бабушка принесла аккуратную квадратную книжечку нашего пермского писателя Льва Ивановича Давыдычева про Ивана Семёнова - второклассника и второгодника, только что появившуюся в продаже. Я тогда учился во втором классе, и, конечно, мог прочесть её сам, но мне было приятно, когда к нам приходила погостить бабушка, и с выражением читала какую-нибудь занимательную историю.

У неё это получалось лучше всех, бабушка, наверное, ничего такого о себе и не подозревала, и ей так же, как и мне, просто нравилось оставаться наедине со мной, погружаясь в увлекательную книжку, позабыв и про свои болячки. Я чувствовал, как нам хорошо быть вместе, и всегда ждал с бабушкой встречи, а когда она оказывалась рядом - всё, вроде бы, становилось на место.

Ребёнок хоть и чувствует, что ничего ещё о жизни не ведает, но искренне верит: мир этот удивительно глубок и прекрасен, и рано или поздно

он всё о нём разузнает, и станет ещё более счастливым. Про счастье в детстве, конечно, не думается, но предстоящая впереди жизнь сулит только радость, в понимании маленького человека - непременно очень увлекательное путешествие, и иного молодой, не избалованный беспокойством детский ум даже не предполагает. Ему страшно хочется изучать всё самому, и ребёнок учится открывать своё сердце, вернее, не сдерживать себя в отношении к жизни.

Хорошо всё это осуществлять, когда весь мир представляется цветущим садом, в нём всё - необыкновенно сердечно, и ребёнок играет в этом саду в своё полное удовольствие, переходя от одной красочной клумбы к другой, и не перестаёт восхищаться источаемым от них ароматом. Он чувствует, что сад - и в нём самом, и можно оставаться здесь столько, сколько захочешь.

Сад - это твоё детство, и оно, кажется, будет длиться вечно. В это искренне верится, словно весь мир создан только для тебя, и ребёнок сладостно переживает головокружительное счастье постижения этой чудесной жизни, воспринимая даже собственную болезненную беспомощность как праздник.

История про нерадивого, но очень обаятельного Ивана Семёнова необыкновенно рассмешила нас с бабушкой. Всё в этой книге казалось знакомым, ведь я тоже учился во втором классе, и даже то, что герой остался на второй год - не вызывало в нём отторжения. Наоборот, этот мальчишка очень мне нравился, и я, конечно, не мог даже предположить, что когда-нибудь познакомлюсь с автором этой чудесной детской книжки, и я буду с ним дружить!

Книжка была написана лёгким, простым языком, мы с бабушкой и не заметили, как она закончилась, так что захотелось её тотчас перечитать, а о болезни я опять и думать забыл: так было приятно находиться дома, в постели, и читать интересную книжку вместе с бабушкой, которую я очень любил. Иван Семёнов стал восприниматься мною чуть ли не другом, до такой степени тронула меня «полная невзгод и опасностей» его судьба, и мы с бабушкой постоянно смеялись надо всеми его выкрутасами, на которые он, кажется, был неиссякаем в своём безудержном воображении. Определённо, что мне нравился этот мальчишка, и я тогда вдруг подумал о том - кто написал о нём, и какой он человек, что так хорошо разбирается в детях, в их, неомрачённых ничем худым, чистых душах, призванных самым замечательным образом фантазировать.

Ум ребёнка так устроен, что все фантазии в нём воспринимаются как реальность. Ребёнок искренне верит в то, что создаваемые им образы - живы, и полностью подвластны его воле. Ребёнок убеждён, что мир распахивает свои зачаровывающие объятия именно для него, и стоит ему захотеть, как любое его желание будет исполнено. Ребёнок верит всему, что он изобретает, и воображение его при этом безгранично: особенно, когда болезнь уже почти

минула, но в школу ещё идти не разрешают, и можно предаваться своим безудержным мечтам.

Великий праздник - быть изобретательным малышом, когда всё, что задумано - наилучшим образом случается, и не остаётся места для печали, даже если что-то у тебя не выходит: ты знаешь - в следующий раз всё обязательно получится, а может быть - и сегодня, да вот - прямо сейчас! Нет ничего невозможного для создающего мальчишки, когда он охвачен жаждой постижения окружающего мира, который так прекрасен. Я всё смогу, наверное, думает он про себя, иначе и быть не может!

В отличие от незабываемых приключений находчивого, но не всегда удачливого второклассника и второгодника Ивана, сказки японских островов дохнули на меня обаянием неведомой страны. Не помню - откуда эта книжка появилась в нашем доме? И именно - не русские народные сказки, а японские!

Казалось бы, чем эти далёкие сказки могут заинтересовать ребёнка в сравнении с нашими, известными всякому русскому занимательными историями, где чудесные животные и птицы говорят на человеческом языке? В них сообразительный и неунывающий заяц обводит за нос непутёвого медведя и хитрую лису, Емеля, по щучьему велению, разъезжает по деревне на печи, а совсем не страшная баба-Яга вызывает, скорее, сожаление и улыбку?! Чем так захватили моё внимание сказки далёких японских островов, куда даже в своём безудержном детском воображении невозможно было дотянуться? Может быть, своей непредсказуемостью, несмотря на то, что герои этих сказок вели себя порой точно так же, как Иван-дурак, Алёнушка, Дед Мороз и Емеля?!

Больше всего запомнилась сказка о старике, с которым дружили все звери и птицы, потому что он их понимал и любил. Как-то раз он нашёл в лесу красный колпак, и, обрадовавшись находке, нахлобучил его на голову, после чего стал различать разумные разговоры птиц и зверей, цветов и деревьев.

Мне тоже хотелось научиться различать язык животных - о чём небывалом они могут поведать, а ещё узнавать - чего интересного на свете творится? И я представлял себя в этом волшебном колпаке, легко разбирая речь ворона и медведя, журавля и красивой ели, даже - лягушки!

В другой сказке злая мачеха отправила бедную падчерицу зимой за спелой земляникой, желая её сжить со свету, и было больно за девочку, которая, не желая послушаться мачеху, искала землянику в глубоком снегу. Моя болезнь от этого уже не представлялась уютной, и я тоже боялся замёрзнуть вместе с девочкой, погибнув в губительных сугробах. Спасал девочку хранитель гор, одарив её ягодами, сладче мёда, и тогда бабушке моей не приходилось потом долго уговаривать меня пить с этим мёдом горячее молоко, чтобы поскорее выздороветь.

Поразило, что под вечер мачеха отправила падчерицу уже по синюю землянику, которой не могло быть на свете, но в японской сказке эта ягода

могла существовать, захватывая твоё воображение, и, конечно, верилось, что девочка отыщет необычную землянику, не пропадёт в холодных снегах, и её не съедят волки. Правилось то, что в сказках всё бывает, как, наверное, и в жизни. И ещё подумалось, что от синей земляники можно язык проглотить!

Вообще, все дни в детстве были чудесными. Каждый день, несмотря на болезнь, отличало нечто особенное, но истинное счастье жизни состоит в том, чтобы обрести возможность радоваться существованию и в преклонные годы. И я хорошо сейчас представляю себя там, в детстве, где всегда, несмотря ни на что, был счастлив, и делаю всё, зависящее от себя, чтобы получать глубокое чувство удовлетворения от жизни и теперь.

Во всех моих чувствах, переживаемых в детстве, даже когда это была болезнь, присутствовала какая-то очень понятная, хотя и необъяснимая тонкая радость: радость обретения самого себя и постижения невероятного богатства жизни. Ты был уверен, что она никогда никуда не пропадёт, а будет существовать в самых разнообразных и бесконечных формах всегда, порой - еле ощутимых, но неизменно присутствующих в твоём восприятии этой неповторимой и прекрасной жизни, когда и болезнь пригожа.

Вот и поездка с матерью на минеральные воды, в укромное курортное местечко, явилась не иначе, как милостью судьбы... Там не было моря, его проникновенного чарующего духа, но присутствовала томная южная теплота, по-особенному воцаряющаяся в воздухе вечерами, когда всё это насыщенное фруктовым дыханием пространство пронизывали несокрушимые звуки цикад.

На спрятавшихся во дворах коренастых сливах лопались перезревшие плоды, сваливались через забор на асфальтированные дорожки, оставляя пахучие жирные пятна. А от опадающей шелковицы тротуары вообще окрашивались в тёмно-бордовый липковатый цвет, вызывая желание глядеться в верхушки раскидистых макушек деревьев, вбирая в себя простирающийся повсюду аромат, не имея возможности достать ягоды, напоминающие нашу крупную малину.

Тёмные ночи становились душными, наваливаясь всей грудью на бесчисленные сады, уютные домики, городской парк, и мать подолгу не могла заснуть. Несмотря на позднее время - тянуло гулять, прохаживаясь по замершим, манящим своей неизведанностью улочкам южного городка, где всё казалось укромным, каким-то только присущим югу обособленным и покойным. Повсюду тут пахло привольной мечтою, что обязательно должна была исполниться.

Днём в парке собирались отдыхающие, непременно с кружками в руках. Неспешно потягивая минеральную воду, каждый - из своего источника, они чинно рассаживались по лавочкам, почтительно переговариваясь меж собой, и вся эта успокоенная дивная обстановка вызывала в душе такую же восхищённую успокоенность от размеренной

жизни уютного курортного местечка, предполагающего только отдых и некое временное забытие от жизненных забот.

Кружки у всех были разного цвета и формы, с причудливыми рисунками, изображающими, как правило, заснеженные верхушки кавказских гор, солнце и парящего в небе орла. Все эти кружки, источники вод, различающиеся по номерам, многочисленные аллеи и беседки придавали и парку, и городку какую-то органичную содержательность и обаяние, так что никуда больше не хотелось идти, оставаясь здесь, под благодатной сенью южных деревьев, в их такой благоволящей ко всем отдыхающим трепетной тени.

Мне очень нравилось, как минеральная вода - свежая, чистая и шипучая, совсем не как в бутылках, когда бабушка покупала мне её в магазине, ударяет в нос и на глазах выступают радостные слёзы. Ведь ты - на чудесном минеральном источнике, в Ессентуках, и название этого городка говорит за себя - здесь поправляют себе здоровье люди, и волшебная вода делает их счастливыми.

Счастлив и ты, счастлив от того, что тебе всего шесть лет, и, несмотря на болезненные переживания в своём молодом организме, даже - порой мучительные боли в животе, ты полон энергии, видишь во всём только чудесные проявления, и уже в свои невысокие годы обнаруживаешь в себе радость, имя которой – гармония.

Целебной музыкой журчат из неведомых земных глубин благотворные, на разный лад, источники... Они незаметно наполняют какой-то излечивающей томностью, в них чувствуется скрытая, но простая сила, доступная здесь для всех, и её, кажется, можно выпить сколько угодно. Вместе с открытостью этого благодатного южного пространства, она вливается в тебя здоровьем и радостью, такая нужная и маленькому, и большому человеку.

Каждый источник истекает из-под земли волшебной струёй, над ним сооружена аккуратная веранда или домик, и представляется всё это как сама жизнь, что течёт, не прекращаясь, но и не повторяясь никогда, утверждая только благо. Бьёт минеральный ключик как чудодейственный родник, вынося на себе, всем на радость, скрытые богатства земной толщи, и никогда не истрачивается. А льётся эта чудесная вода так, что от человека любая беда уплывает: не иначе, она - Божья!

Пользуясь целительными источниками, никто из отдыхающих, наверное, и не помышляет о недрах, где зарождается это природное богатство, что здесь, на поверхности, воспринимается чем-то обыденным. Сама размеренность неспешной курортной обстановки настраивает на такую размеренную обыденность, и вот она-то и усыпляет, понуждая видеть во всём, что тебя окружает, только умиротворяющий покой.

Околдовывающая сопричастность происходящему и вводит, вероятно, в приятную сонливость, когда ничего не нужно делать, всё необходимое для тебя уже совершила природа, и нужно лишь с благодарностью

воспользоваться предоставленной возможностью забыть на время обо всех своих болячках во имя собственного здоровья. Этого не мог не почувствовать даже ребёнок, и я, как и взрослые, плыл по волнам дарованного Существованием удовольствия, и мне, как ни странно, не было скучно несмотря на то, что ничего особенного в этом тихом курортном городке не происходило.

Здесь не было ласкового моря, но попадая сюда, ты действительно словно оказывался в тёплом ненавязчивом сне, и его не хотелось покидать. День длился за днём, а сон не прекращался, овеивая своим неуловимым счастьем. Да его и не нужно было объяснять, просто наслаждаясь приятным и ни к чему не обязывающим истечением времени, пребывая в чудесном забытьи. Но всё-таки интересно: что будет завтра?

А назавтра, после принятия вод, хорошо было отправиться на главную площадь городка, у самого парка, где, взяв напрокат чудесный самокат с толстыми резиновыми колёсами, мягко амортизирующими на неровностях почвы, можно было кататься на нём целый час! Если же мама заводила с кем-то из отдыхающих женщин знакомство, мило беседуя с ними, сидя на лавочке, то и два...

Приятно было, посильнее оттолкнувшись, катить, насколько хватит разгону, сначала по площади, а потом - по уютным аллеям, среди скамеечек с сидящими на них посетителями парка, ощущая себя ловким ездоком, то и дело, замирая в непринуждённых позах и ловя на себе любопытные взгляды. Так мне, по крайней мере, казалось...

«Глядите, как я ловко разъезжаю по дорожкам, - думал я про себя. - Я бы помчался и не так, если бы мне дали больше пространства. А то - только докачу до ворот, и обратно. Всё равно: понесусь во весь дух!»

Благоговение к жизни

Взрослые, в силу своего нежелания смотреть правде в глаза, всегда пытаются скрыть истинное положение вещей, а нужно смело глядеться в жизнь и себя. Как это делает ребёнок.

Почему в ребёнке постоянно циркулирует радость? Потому что его переполняет энергия, которую он сам производит, и она естественно разливается по телу. Для её движения необходимо восторгаться жизнью, находя в ней только удивительное, что и происходит с ребёнком, если его не ограничивать в своих восприятиях.

Красота ребёнка - в его внутренней чистоте, что предполагает такое же чистое развитие, и для этого ему необходимо уединение и пространство, в котором ребёнка нужно просто предоставить самому себе. Такое пространство явится для ребёнка источником жизни, и он будет становиться в нём настоящим человеком.

Впрочем, ребёнок и без того необычайно целен: он от рождения склонен познавать всё неизведанное. Будучи ещё совсем маленьким, ребёнок

понимает, как драгоценна жизнь: огонёк сознания изначально заложен в нём божественным миром.

Ребёнок хорош уже тем, что как никто готов к обучению, он - семя, предназначенное для роста, чтобы распуститься в прекрасный цветок, и доверчиво относясь к миру, он и сам чист и необыкновенно прекрасен. Всё глубинное, заложенное в ребёнке Божественным Существованием, способно в любую минуту с радостью выйти наружу. Ребёнок создан ради этой гармонии, и он интуитивно жаждет раскрыться для жизни, воспринимая её не иначе как чудо.

Ребёнок ещё не ведаёт - какое ему уготовано предназначение, но искренне верит, что жизнь его не разочарует. Он заинтересован только в радости и счастье, ему необычайно нравится быть живым и подвижным. Ребёнок уверен: он сможет прожить свою жизнь по-настоящему, с любовью, и никто его в этом не разубедит.

С помощью поиска и любознательности ребёнок ответит на любой вопрос, сохранив в себе своё детство, и его путешествие к истине не имеет границ. Он не даст погибнуть в себе самому ценному - способности творить.

Не теряйте связи с вашей внутренней способностью быть невинным и чистым как ребёнок, и вы проживёте прекрасную жизнь. Способ проникновения в себя, до самых глубин, есть возможность оставаться самим собой, пребывая в безмятежном и радостном существовании. И как чудесно это переживание в детстве, и его необходимо сохранить в себе в зрелые годы.

Вернуть утраченное детство нелегко, ведь вы в нём ничем не обладали, не располагали какими-то знаниями и верой, но чувствовали себя при этом необыкновенно счастливым. Как вернуть это состояние, когда тебя переполнял восторг существования, какое-либо напряжение отсутствовало, а переживания мгновенно улетучивались, не задерживаясь в сердце? Каким образом вернуть себе невинность и чистоту детства, когда ты - уже зрелый человек, да к тому же - осознающий всё происходящее с собой?!

И тут важно понять, что ты никогда не покидал своего детства, оно всегда было с тобой, а значит - невинность скрывается в твоей душе, но при этом ты обрёл непосредственно пережитый тобою опыт. Этот опыт и позволит тебе достигнуть желанного блаженства, присущего детству.

Вы, конечно, стареете, но если умело погрузиться в свою невинность, то непременно почувствуете себя молодым, и вашу жизнь озарит радостный свет счастливого миролюбия. Станьте опять восторженным, чувствуя себя непередаваемо богатым и чутким, всегда в приподнятом настроении, по-детски безмятежным. Детство прекрасно, и если вам удалось восстановить его в своём сердце, вы переживаете непередаваемое чувство, при этом осознавая свою принадлежность к Целому.

Не пропустите свою жизнь! Подобное отношение к ней должно присутствовать в вас с детства. И ничего, что в ней придётся не раз ошибаться: совершая ошибки - на них можно учиться, и только в этом случае вы не проживёте зря. Главное, не совершать их дважды.

Наслаждайтесь жизненной свободой в полной мере, а она заключена в чудесных мелочах. Детство, кажется, предназначено именно для того, чтобы их не пропустить. И дети радуются жизни, они живут своим умом, используя собственный потенциал, и не упускают ничего, что в силах их обогатить. Любой ребёнок, предоставленный себе, чувствует удовлетворение от этой свободы, и потому не может не радоваться.

Природа детства такова, что помимо невинности, в нём присутствует неминуемый риск, когда ребёнку хочется забраться на высокое дерево, прыгнуть с обрыва в реку, схватить скрутившуюся под ногами змею, и всё это происходит потому, что он необычайно доверчив, отсюда - и отсутствие боязни. Ещё толком ничего не понимая в жизни, ребёнок уже чувствует, как глупо остерегаться её, не доверяя Божественному Существованию, которое создало и землю, и дождь, и звёзды, и небо. Иначе ты не станешь сильным и целостным, и потому ребёнку нужно дать вволю наиграться: нет никакого риска в том, чтобы предоставить детям полную свободу, ни в чём не подавляя.

Да, такой путь постижения небезопасен, каждый взрослый, не только ребёнок, может сбиться с него и потеряться, но это единственно достойный путь для человека. Чтобы расти - необходимо рисковать, и тогда вас охватывает жажда приключений, и именно так ведут себя дети.

В них ещё нет страха дороги, и полные доверия к жизни, они готовы шаг за шагом открывать неизвестное. Это желание может прийти к ним в любой момент, и тогда дети не боятся идти в неизвестное с доверяющей душой, невинные и открытые, и в этом порыве они прекрасны.

Чувствует ли ребёнок, что родители видят мир по-другому? Разумеется, он всё понимает, но не может взять в толк - почему единые и для него и для взрослых ценности воспринимаются по-разному?!

Родители вообще не понимают его заинтересованности, казалось бы, в совершенно ненужных, по их мнению, вещах: зачем их ребёнок сажает в коробочку жуков, собирает пуговицы или бутылочные стёклышки, охотится за стрекозами? Всё это, по их мнению, пустое, а для ребёнка нет ничего важнее.

Когда он увлечён любимой игрой, уверенности ему у взрослых не занимать: он - сам себе господин. Но именно поэтому родители лишают свободы своих детей, что недопустимо.

Свобода... Как она ценна для ребёнка, и как её хотят ограничить взрослые, убеждая себя, что приносят ему пользу. Но пока маленький человек будет стоять на своём, он непобедим, а человек этот очень сообразителен!

И, конечно, такому замечательному маленькому человеку просто необходима настоящая, красивая семья. Чтобы его никто не унижал в ней своим недоверием, не подгонял под какие-то свои, представляющиеся взрослым верными установки, а дарили любовь и свободу, возможность оставаться собой.

Хоть в его круг общения и входят только мать и отец, может быть ещё бабушки и дедушки, но это, несомненно, мудрые и свободные люди, заботящиеся о судьбе детей. Если ребёнок и имитирует их, то только лучшее, чем взрослые располагают. Такие отношения не разрушительны, у ребёнка всегда есть свобода выбора, и его не отлучают от иных источников информации. Главное, чтобы ребёнка не ограничивали запретами, и не вынуждали следовать только одному образу жизни.

При широте детских интересов, у ребёнка и душа должна становиться шире, а жизнь - богаче, и у него для этого всё есть. Вызывать интерес к жизни у такого ребёнка не приходится, он переполнен этим интересом, если не будет привязан только к одному или двум людям. Лучше вообще избежать какой-либо привязанности, воспринимая мир справедливо, и в этом ребёнку подскажет сердце, если ему не будут мешать его слушать.

Какое мужество необходимо родителям, чтобы не допустить лжи по отношению к своему ребёнку! Ведь жизнь - это любовь, а чтобы любить своих детей, взрослым нужно изначально понимать: дети не должны служить одной семье, пусть она и красива, им близок и весь мир.

Ребёнку хочется разгадывать тайну жизни, да будет так! Он всматривается во всё, что происходит вокруг него, проявляя любовь к жизни, потому, что видит только её. Если мать с отцом любят друг друга - это для него ещё одно свидетельство, что жизнь прекрасна. Ребёнок чувствует - любовь повсюду, и ему тоже начинает нравиться любить, жить и ощущать себя счастливым, открывая в себе всё большие возможности.

У ребёнка имеется нечто, давно утерянное взрослыми: он правдив, и немедленно угадывает любую ситуацию, чего бы она ни касалась. Это взрослый человек во всём и всегда сомневается, не в силах в точности отличить правду от лжи, но этой привычки лишён ребёнок: ему присуща чистота восприятия, то есть - интуиция.

Ребёнку не нужно изучать взрослого, пытаясь разгадать его суть - он и так всё сразу про него понимает. Ему лишь стоит только взглянуть на человека, и тот у него весь как на ладони. Бесполезно думать, что можно обмануть ребёнка - у него с рождения установлена прямая связь с Божественным Существованием.

Для того, чтобы ребёнок ещё более радовался жизни, необходимо самому быть счастливым. Ведь дети очень привязаны к своим родителям, и они всегда чувствуют, что происходит в семье на самом деле.

Если ты знаешь о том, что счастлив, то и твой ребёнок непременно почувствует это. Он будет занят своими делами, но от него не скроется ваше настроение. Даже будучи полностью поглощённым игрой, ребёнок не упустит того, как взрослый человек относится к жизни, и тогда он ещё более погрузится в своё увлекательное занятие. Счастье жизни всегда будет с ним.

А что может быть лучше того, что имеешь?! Ребёнок как никто понимает это, радуется всему и ценит. Конечно, он не осознаёт в полной мере своего богатства, но чувствует, как он счастлив.

От родителей же требуется быть естественными, слушая своё сердце, и не обманывать при этом себя. Ребёнок должен доверять и отцу и матери в том, что переживают они, оставаясь таким же открытым для существования человеком.

Удивительная возможность быть открытым в жизни - любить, и ребёнок несёт в своём сердце эту способность изначально. Он просто не в силах не выражать чувство влюблённости в окружающий его мир, опять же интуитивно понимая, что не делать этого нельзя. Как можно не любить жизнь, которая так чутко, даже с трепетом, относится к тебе?

Нет, лучше будет принять это замечательное существование таким, какое оно есть: свободным и безграничным в своих чудодейственных свойствах, безотчётно манящее только к радостному постижению и открытиям. Как всё легко и радостно происходит, когда ты любишь!

Совершенно естественно в детстве проявлять ко всему окружающему любопытство, вернее - любознательность, хотя все вопросы, которые дети задают взрослым, не имеют ответа: таким образом, малышам просто необходимо поддерживать взаимосвязь с этим миром. Вы замечали, что они, как правило, задают следующий вопрос, не дожидаясь ответа?

И так может продолжаться бесконечно, пока ребёнок не устанет, и следует только поддерживать с ним этот диалог, каким бы бессодержательным он вам ни представлялся. Дети удивительно прозорливы, они каким-то необъяснимым чутьём угадывают в жизни главное, и если их обмануть - они всё равно почувствуют неудовлетворённость, чего впоследствии вам не простят.

Рано или поздно они узнают истинную природу вещей, и вы будете посрамлены, и тогда уважения к детям уже не восстановить. Вернее всего - оставаться честным, признав, что вы и сами не разобрались в этом вопросе, и тогда ребёнок, если он действительно по натуре искатель, сам предложит вам свою помощь: возможность совершить открытие вместе. Ведь очевидно, что мир этот окутан чудесной тайной, и разгадывать её увлекательно в любом возрасте.

Ребёнок на то и ребёнок, что с радостью учится у жизни. Если бы его вовремя поддержали взрослые! Как они не могут понять, что ребёнок, появившись на свет, уже всё знает: ему только предстоит восстановить это знание в своей памяти и обратиться к душе, призванной к подвижнической работе. Он испытывает к жизни благоговение, наверное, лишь за то, что она подарила ему возможность радоваться ей, и открывать.

Зачем это маленькому человеку? Дело в том, что он совсем не маленький, в нём заключена огромная история, и ему предстоит великое удивление!

А вы, взрослые, всё ещё удивляетесь жизни? Вас беспокоит - отчего небо лазоревое, а вода в море синяя? Просто объясняйте самому себе необходимость жить интересной и достойной жизнью, задавайте себе вопросы и отвечайте на них, стремитесь к звёздам и достигайте чего-то

важного в вашей жизни. Когда же вас одолевает кручина - долго не печальтесь, потому как рано или поздно вы во всех жизненных ситуациях разберётесь, если не потеряете интереса к жизни.

И вам станет невероятно радостно жить от того, что вы есть, при условии, что не дадите хода назад, когда, казалось бы, ничего не изменить, и всё плохо. Но нет, никогда не бывает плохо, если вы того не пожелаете, и вы, конечно, не позволите себе быть слабым, непременно возьмёте свою судьбу в руки, и обязательно станете мудрым. А мудрый человек тот, кто вновь приходит однажды к своему детству, когда он уже не ищет и не размышляет, но знает.

Иной раз, глядя на какого-нибудь забавного малыша, так и хочется сказать: пусть ребёнок не перестаёт быть ребёнком, никогда не вырастет и оставаясь самим собой, потому как кто, кроме него, да и ещё мудреца, сможет с таким удовольствием разгадывать тайну жизни! Только сердце маленького человека стремится к новому, а истина в это время следует за ним.

Ребёнок способен самостоятельно искать и находить ответы, ничуть не уставая на этом пути, который он и не считает подвижничеством: просто ему нравится оставаться наедине с тайной. Он готов всю свою бесконечную жизнь любоваться миром, чувствуя себя перед ним смиренным, почти беспомощным, но необыкновенно счастливым и молодым!

Захочется и вам опять стать ребёнком, не беспокоясь ни о чём, а только играя и получая наслаждение от своего присутствия в этом удивительном мире. Как хорошо тогда стало бы жить!

Но разве сейчас и здесь вам не комфортно, вы испытываете неудовлетворённость, боль, сердце ваше, кажется, не в силах выдержать навалившейся на вас несправедливости?! Как вы пришли к этому состоянию, почему позволили себе быть слабым?!

Не переживайте, всё это ваше поведение - реакция на собственные огрехи, именуемые ленью и эгоизмом, тех демонов, которые не дают вам возможности чувствовать себя счастливым. Просто сядьте и подумайте: зачем вы живёте? Только чтобы потреблять, лишь получая?! А отдача?

Как быть с тем необыкновенно ценным запасом энергии, что даровало нам Божественное Существование? Оно надеялось на вас, предполагая, что вы потянетесь к звёздам, как чудесный ребёнок взметнётся к ним хотя бы в своих мечтах, и обретёте божественное качество: несмотря ни на что наслаждаться жизнью, неся в своём сердце любовь и радость. Как бы это было, действительно, хорошо.

Обычно, люди ведут себя так, как будто они не выбирали свою судьбу, и ни за что в своей жизни не ответственные, то есть - не отвечают, но отдавать отчёт придётся, как не крути. За всё ваше малодушие, и тем более серьёзные проступки - придётся ответить. Так решило Божественное Существование, иначе - не воспитать настоящую, стремящуюся к росту душу, в которую будет вмещаться весь мир.

Вы не замечали за собой - как вам хочется порой быть ребячливым? Что-нибудь, то и дело, менять, преобразуя в следующее, но если оно не удалось, воодушевлённо желать счастливого продолжения. Вы - как будто не вы, что-то проснулось в тайниках вашей души, и вы опять желаете попасть в детство. А может быть — в счастье, потому как в жизни всегда следует рассчитывать только на себя, ни на кого больше, и именно сейчас и здесь, каждый жизненный миг, и вот тогда, если вы того заслужите, придёт в вашу жизнь настоящая забота и любовь.

Так заслужите же их, иного вам не остаётся, рискните быть замечательным, чтобы хотя бы одна женщина с любовью обняла вашу голову, нежно прижав к своей груди, ребёнок потянулся к вашей жизненной правде, и настоящий мужчина с уважением, крепко пожал вашу руку. Как всё легко и радостно происходит, когда вы любите!

И вот, на склоне своих лет, вы вдруг обнаруживаете в себе тягу к детству. Воспринимая себя уже дедушкой или бабушкой, вам уже не хочется подавлять своего внука или внучку, когда они капризничают. Почему? Отчего в вашем сердце рождается такая расположенность к великодушному поведению?

Наверное, вы вспомнили, как запрещали своему ребёнку быть им, или - как ваши родители ограничивали вашу свободу? Так разрешите, родители, быть своим детям свободными, и тогда, прожив детство, они с благодарностью к вам возьмут его с собой в будущее, которое, обязательно, будет прекрасным. Разрешите своему ребёнку быть ребёнком, пусть он в полной мере насладится отпущенной ему свободой, чтобы не тосковать по ней в зрелом возрасте.

Просто подарите своему ребёнку детство, истинное благоговение к жизни, и он станет счастливым, а когда наступит время и ему быть отцом, то его дети так же наполнятся свободолюбивыми чувствами и счастьем. Не бойтесь довериться своему сердцу, и оно сбережёт вашему ребёнку душу.

Не бойтесь быть смелым

Жить надо так, чтобы не стремиться возвратиться в своё детство, находя в нём успокоение от не совершённого, что могло осуществиться в жизни, но по причине нашего слабости, отсутствия решимости и терпения не случилось. Учитесь проявлять это терпение и выдержку с ранних лет, не бойтесь быть смелым, порой - до отчаяния, ибо это - в ваших силах.

В каждом нашем воплощении присутствует свобода выбора, дарованная Всевышними Силами, и мы все в состоянии распорядиться этой свободой достойно. Да, свою судьбу люди слагают сами, какой бы смысл заключался в том, если бы жизнь наша была предопределена?!

Нет, настоящее и будущее человека зависит от самого человека, от его внутренних устремлений, и они должны пребывать в гармонии с божественным сознанием, заключённом в каждом. Если кто-то видит себя

счастливым и радостным - он обязательно достигнет такого состояния, а тот, кто не верит в себя - погрязнет в болезнях и страхе. Совершите же достойный выбор, укрепните благодаря собственному решительному опыту, и без боязни двигайтесь дальше.

Страх появляется тогда, когда человек отделяет себя от своей духовной силы. В согласии с этой силой мы способны противостоять слабостям нашего характера, смело взяв на себя ответственность за дарованные нам жизни, и здесь важны даже не события, с помощью которых нас проверяют, а наша реакция на них. Причём, реакция, проявляемая с самого детства.

«Крепиться» - очень хорошее слово, и я в детстве, бывало, очень часто именно «крепился», чтобы уже, будучи взрослым человеком, не растративая свои силы понапрасну, выявлять чудеса стойкости. Я как-то сразу и совершенно очевидно для себя уяснил, что терпение - суть жизни, и если ты с малых лет научился преодолевать в душе какие-то очень трогательные для себя переживания, снося при этом несправедливость взрослых, в тоже время, нуждаясь в их поддержке, то Бог тебя никогда не оставит.

Кто непонимание людей одолевает, - говорила бабушка, - тот крепок бывает, в итоге добиваясь правды, и смиряться перед какой-либо преградой, конечно, не стоит, оставаясь терпеливым к неприятию тебя и твоего поведения, пусть это даже твои родители. Лучше просто видеть в любом человеке или событии доброе начало, не позволяя себе быть обескураженным им.

Если дать себе с самого детства клятву быть превыше любой несправедливости - это удивительно закаляет, и дух твой становится не сгибаемым, независимо от возраста. Понимает человек, так понимает, а не понимает, так как знает. Молодому крепиться, впредь пригодится!

И действительно, терпение, что порой проявляет ребёнок, просто завораживает. Не упрямство обескураживает в его поведении, когда малыш не соглашается с мнением взрослых, не каприз, с каким он артачится по воле складывающейся не в его пользу ситуации, а поражает именно то, с какой выдержкой он всё претерпевает.

И вспоминается случай, когда отец решил взять меня с собой в прогулку по Каме на катере, - настоящем, большом, что представлялся для меня чуть ли не кораблём. Одно это слово - «катер», уносило меня в поднебесные выси, обещая необозримые просторы родной реки, рыбалку, связанные с ней приключения, и много ещё всего, о чём я даже не догадывался. Какое счастье!

Ребёнок на то и ребёнок, что может проявить негибкую волю в самом неожиданном случае, и подобное поведение, как раз, и отмечает выгодно его своеобразие, обнаруживая в нём удивительные свойства: уникальную чистоту и неповторимость! Отрешённо вглядываясь в раскинувшееся предо мной речное пространство, будто угадывая в нём своё морское будущее, и совершенно поверженный увиденным, я невольно ухватился правой рукой за косяк растворённой в рубке двери. В то время как

отец, двигаясь со стороны носовой части, вдоль борта, не увидел меня и с силой оттолкнул загородившую ему проход тяжеленную дверь, намертво зажав ей мой большой палец...

Поначалу я даже ничего не понял, как во сне взирая на всё произошедшее, и, вроде бы, ничего не ощущая: дверь просто захлопнулась, оставив палец внутри. Надо понимать при этом, какой она толщины на подобных речных и морских судах, и с какой плотностью встаёт на место в своём проёме, когда её закрывают!

Словом, такое дело вокруг пальца было сразу не обмотать: оставалось - терпеть, и я терпел, каким-то чудом сдерживая себя, и молчаливо, без укоризны, глядел на отца, смотря и на свою боль как будто сквозь пальцы, ибо дай ей волю, она всю руку отберёт. Отец же обмер при виде того, что совершил, не мог какое-то время постичь - как я выдерживаю эту пытку, и, спохватившись, наконец, отворил дверь.

Но я, кажется, не почувствовал никакого облегчения, палец мой ровно исчез, отсоединился от меня, хоть суй его опять в эти клещи, зажимая дверь ещё пуще! Вроде бы, мальчик всё своё терпение и боль сосредоточил в пальчик, а пальца-то нет, их на руках осталось девять! Отчего же Бог тогда не уравнил их на моих руках?!

И вот, стою я, скривив пальчик, и не ведаю – как быть? Что называется, загни для памяти палец, и я его не только загнул, но чуть не расплющил, завязал, что называется, случившееся в узелок, а развязал, получается, лишь сейчас, написав об этом воспоминании маленький рассказ. О том, как стал мальчик от боли с пальчик, но она его не сломала и сделала большим, а из всего большого, как известно, можно что угодно скроить!

Верно, значит, говорят – не клади малому пальца в рот, он его откусит, и я будто действительно прикусил этим случаем отцу рот. Он перестал с тех пор покрикивать на меня, не проявляя должного, более пристального внимания, и только однажды, в присутствии меня, рассказал об этом своим товарищам, не в силах постичь - как его маленький сын терпел происходящее, не произнося ни звука, то и дело, добавляя при этом: «Смотрю на Борьку, а у него ни одна мышца на лице не дрогнет, и только слеза стекает по щеке».

Отец был так поражён моей выдержкой, что стал относиться ко мне с нескрываемым уважением, даже - с опаской, наверное, не зная и не понимая - чего от меня ждать. Я же, кажется, только закрепил в себе с того момента веру в то, что смогу преодолеть любую боль, какой бы страшной она ни была. И ещё то, что терпение исподволь своё всё равно возьмёт, в нём проявляется сила и величие духа, и лучше самому терпеть, чем других обижать.

Что меня, помнится, поражало более всего в своём детстве, так это способность и желание бросать опасности вызов, когда рассчитывать на победу, вроде бы, и не стоит, надеяться, кажется, и вовсе не на что, а ты,

между тем, бросаешься с головой в рискованное приключение, и судьба тебя не подводит. Разве это не было каким-то важным напоминанием о своём предназначении? И разве Божественное Существование не заботилось уже тогда обо мне, подготавливая к нему?

Конечно, да, и в этом - прелесть нашей жизни, неотделимой от ритма всей Вселенной, что уготовливает нам интересное, даже - в полной мере захватывающее существование, всегда предупреждая об этом. И мы должны быть благодарны Всевышним Силам за всё, чем они нас одаривают, не оставляя на произвол судьбы.

Настоящее счастье мы обретаем, когда отправляемся на поиски того, что нам дороже всего. А что для тебя дороже всего с самого детства? Конечно, радость от переживаемых приключений, что охватывают твою душу сразу, как только ты представляешь себя моряком в дальних странствиях, или первооткрывателем неизведанных северных земель.

Во всё задуманное искренне верилось, воображение рисовало самые захватывающие картинки, все игры были нацелены на преодоление невероятных препятствий, иначе - зачем жить? Жить, не ведая душевного восторга от переживаемого счастья открытий...

И разве мог я избежать встречи с чем-то неизведанным уже в детстве, когда так хочется приключений и совершения незабываемых подвигов?! Детство, по своей счастливой природе, предполагало только бесстрашие и отвагу, это знал каждый мальчишка, в противном случае - не станешь настоящим!

А чтобы стать настоящим, думал я, нужно непременно совершить какой-нибудь отчаянный поступок. Например, перепрыгнуть с одной крыши на другую. Или, скажем, пройти, не дрогнув, перед самым носом злого соседского пса, и чтобы все мальчишки это увидели. Совершить прыжок кувырком, с гаража в сугроб, тоже не всякий решится.

Но лучше всего было бы стать всамделишным героем, то есть произвести такой подвиг, который бы все долго не могли забыть. Да только что это?

Разве что забраться на самое высокое в округе дерево, представляя себе, что это мачта корабля, раскачивающаяся посреди бушующих морских волн, вокруг не видно не зги, и ураганный ветер срывает с реи паруса, а ты неустрашимо стоишь на клотике, никакая буря тебе нипочём, и только щуришься, не мигая, от солёных брызг. И это при понимании, что я до цепенящего холода в душе боюсь высоты... Хорошо, конечно, жить ширью, да высью, а ну как рылом в землю!

Но однажды я, всё же, осуществил давнишнюю затею: представляя себя ловким неустрашимым матросом, ухитрился-таки вскарабкаться на высоченный тополь неподалёку от бабушкиного дома, и долго потом сидел у самой верхушки, обхватив ствол, не зная - как спуститься? Оказывается, для этого потребовалось ещё большее мужество, и прошёл, наверное, целый час, пока я решился ещё на один подвиг.

В груди после всего этого, кажется, не хватало воздуха... И всё-таки, я чувствовал, что даже такой отчаянный поступок не принесёт мне славы: ведь меня никто не видел!

И стал я опять думать о подвигах, вернее, о той самой храбрости, без которой в жизни, я уже точно знал, никак не обойтись. Тем более, если сам ты - маленький, а подвиг твой должен быть большой!

Храбрость - свойство смелого, решительного человека, отважно преодолевающего любую невзгоду. Быть исполненным храбрости, значит, ничего не бояться, и если даже чего-то страшишься, то всё равно преодолеваешь свой страх, каким бы пугающим он ни казался, убеждал я себя. Храброго человека не зря все уважают, и даже - боятся.

Главное, перебороть свой испуг, отучить себя от этой дурной повадки, чтобы не совершить какого-либо слабоволия, не дай бог - подлости, теряя при этом верных друзей. Но терять своих товарищей мне не хотелось. Вот бы так всё обустроить, чтобы тобою гордились, приводя в пример, называя «бесстрашным», и тогда ты уж обязательно дознаешься правды, почувствовав себя смельчаком!

Я решил, что буду постепенно приучать себя к бесстрашию, вроде как всё мне нипочём, и норовил оказываться повсюду, где хотя бы отдалённо веяло присутствием страха. Стал нарочно лазить с мальчишками по чердакам и крышам, что само по себе было захватывающим делом, ходить по бревну, стараясь не смотреть вниз, чтобы, значит, если придётся переправляться через бурную реку, не спасовать. Словом, вырабатывал в себе характер, и когда старшие играли во дворе в футбол, и позволяли нам, малышне, лишь стоять на воротах, я смело бросался в ноги, не страшась ни синяков, ни ссадин. А подвиг, между тем, подстерегал меня, как это всегда случается, в самый неподходящий момент, когда его и не ждёшь.

Помнится, меня никто не учил плавать, и, будучи семилетним мальчишкой, я увязался за старшими на речку, хотя до этого ни разу не приходилось даже пробовать проплыть самому, без посторонней помощи, исключая купание с резиновым кругом на море, в Анапе, когда мне было пять лет.

Идём с ребятами через кладбище, затем - лесом, а я, не переставая, думаю: ведь все эти мальчишки намного взрослее меня, они, наверняка, будут с разбегу плюхаться в воду и нырять! Как же я поведу себя - неужели струшу?

Сердце у меня готово было выскочить из груди, но вот уже и речка. На что опиралась моя стойкость, кто помогал мне в эти минуты?!

Вся моя короткая жизнь мигом промелькнула перед глазами: бабушка, наверное, с ума сойдёт, если со мной что-либо случится. Но, на кону - моя честь, и потому всё во мне должно быть накрепко зачинено, любой героический человек это знает, и именно этим чувством ответственности перед самим собой и была подперта моя вера в себя.

Всё, что ни произойдёт, к лучшему, лишь бы не струсить, а отступишь, я это понимал, пропадёшь! Разве тут воротишься назад? Страх, хоть и на тараканьих ножках держится, но попробуй-ка с ним совладать, вот и приходится свою удасть показывать.

Видя, как пацаны, на несколько лет старше меня, бесстрашно сигают с крутого бережка в воду, я, замешкавшись лишь на секунды, тоже разбежался и прыгнул. Прыгнул - и пошёл ко дну, а всё вокруг незнакомо, и с каждым мигом темнеет...

Но в какой-то момент я остановился, взмахнул руками и легко устремился к поверхности, где сияло солнце, слышался смех ребят, и вместе с этим смехом в меня вдруг мгновенно вошла непоколебимая уверенность, что я никогда не утону, а вода - моя родная стихия.

И я перестал думать о воде плохо, со страхом, в один вдох полюбил её, и потом уже всегда ждал с ней встречи. Вода околдовала меня, как волшебная музыка, она вошла в моё сердце непередаваемо чудесным звучанием, и я вдруг почувствовал в себе неодолимую силу этой великой стихии, что стала и мне послушна, отчего я страшно обрадовался. Порадуется и моя бабушка, когда я ей об этом расскажу!

Но иногда подвиг, а вернее - решительный поступок, ожидает тебя, казалось бы, в самой безобидной ситуации. Тебе, вроде бы, и вовсе не приходится преодолевать какого-либо препятствия, ну, если только собственную робость.

Скажем, подвигнуть себя на поступок в отношении с другим человеком - с взрослым, что оказывается совсем не простым делом. Ядро, как говорится, подвиг свой чинит дугою, а человек - силой характера!

В детстве так выходит, что если ребята кого-то из взрослых и любят, то не слишком удачливых людей, чаще всего - и вовсе не счастливых. Именно по этой причине, наверное, появился в моей жизни бывший военный лётчик, проживающий в нашем доме этажом выше.

Сказать, что этот человек был немногословен, значит, просто оговориться, он никогда и ни с кем вообще не разговаривал, по крайней мере, я этого не видел. Вёл он замкнутый образ жизни, занимая одну маленькую комнату в трёхкомнатной квартире, и, по-видимому, нигде не работал. Об этом можно было судить по тому, что он никогда и никуда не спешил.

Всегда размеренно спускался или поднимался по лестничной клетке, обычно - днём, когда жители подъезда находились на службе, и выходил на улицу, пожалуй, только за одним: лётчик, также неспешно, отправлялся в магазин, за продуктами, и вскоре возвращался. Незаметно было, чтобы кто-либо или что-либо ещё более его занимало.

Почему лётчик? Так говорили о нём родители и соседи, называя не иначе, будто бы он воевал, был даже в плену, да и после войны жизнь не благоволила ему, словом, она у него не задалась. Никто не знал, была ли у лётчика жена и дети, жил он одиноко. Не было даже известно - как его зовут.

А ещё он ходил всегда в кожаном шлеме пилота, несмотря на погоду, кажется, не снимая его даже летом. На ногах - неизменные унты, одет в короткое пальто военного образца, перехваченное широким ремнём, в руках - авоська с хлебом и консервами, иногда - молоко, и если и покидал свою комнату, выходя во двор, то оставался верным себе: то есть, сохраняя величавую неторопливость и спокойствие, можно даже сказать - выдержку. Это, кажется, давалось ему без всякого напряжения.

Весь он был - достоинство и невозмутимость, излучая при этом непоколебимую веру во что-то, чего ещё не изведали другие люди. А он - постиг, и был спокойно горд этим, но, ни капельки не заносчив. Наоборот, эта вера проявлялась в нём очень просто, как раз, не позволяя ему быть заносчивым: ему ничего не стоило быть самим собой.

Это ощущалось во всём его виде, в каких-то монолитных тяжёлых чертах лица, впрочем, он был даже красив. Широкий лоб, массивный подбородок и большие чёрные глаза выражали ни тяжесть его характера, а волю, достойно пережитые им испытания, что, конечно, огрубили его душу, но не ожесточили её.

Лётчик ни с кем никогда не здоровался, кому-то лишь чуть кивая головой, но к большинству жителей дома вообще никак не проявлял своего отношения, а вот при встречах со мной всегда чуть улыбался. Я не мог объяснить для себя - почему он это делает, хотя мне было очень приятно сознавать, что такой непоколебимый, гордый человек проявляет ко мне, мальчишке, интерес, какую-то симпатию, и я отчего-то тоже становился в душе гордым от осознания этого простого, казалось бы, обстоятельства.

Мне нравилось встречать этого человека на улице или в подъезде, робко улыбаясь ему в ответ, я очень смущался при этих встречах, порой даже становилось страшновато, и хотелось узнать о нём немножко больше, разгадав его тайну. А ещё лучше, думал я, если бы лётчик сам рассказал мне о своей необычной судьбе, пригласив к себе в гости, в свою одинокую комнату. Не скрою, я мечтал в ней оказаться, чтобы увидеть - как живёт этот загадочный человек.

Прошедший и войну, и концлагерь, и ещё что-то очень страшное, о чём родители не хотели говорить, человек этот завораживал меня своим не похожим ни на кого существованием, и его тайна не давала мне покоя. В воображении своём я даже представлял, что мы с ним подружились, и он доверяет мне все свои секреты. Но что мог противопоставить его расположению я? Горько было сознавать, что я ещё маленький, и ничего не ведаю о жизни: поскорей бы стать взрослым!

Как-то подспудно часто думалось, что, даже имея комнату, одиноким человеком ты в ней долго не проживёшь, и, засыпая вечером, я всегда жалел этого лётчика. Правда, отец уверял, что многие люди и такой маленькой комнаты не имеют, и этому лётчику ещё очень даже повезло, судьба, можно сказать, улыбнулась ему, запальчиво будто уговаривал кого-то отец. Но я всё равно не в силах был избавиться от мысли, что нашему соседу живётся не

радостно, и он несёт в своей душе глубоко скрытую печаль и горькие воспоминания.

И я решил совершить для него какое-нибудь доброе дело, и однажды, поджидая лётчика после школы у подъезда, вручил ему на раскрытой ладони кокарду офицера морской авиации, подаренную мне моим дядей, служившим на Дальнем Востоке. Небритое лицо соседа осветилось неловкой улыбкой, похоже, что он не ожидал ничего подобного, тем более - от мальчишки, осторожно взял кокарду негнущимися, но крепкими пальцами, нахмурился, и тихо проговорил: «Вот и меня нашла награда». А мне вдруг отчего-то стало совестно, и я, чувствуя, как краска заливает лоб и щёки, побежал домой.

У меня в распоряжении была моя молодость и любимая игра в футбол, поездки с отцом в лес и на рыбалку, родные бабушки и общение с ними, школа и большая библиотека деда и отца, но я, всё же, не переставал думать о лётчике. Мне почему-то нравилось воспринимать его героем книги Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке»: в то время мы с бабушкой, как раз, читали эту книгу. Она мне очень нравилась, особенно - Алексей Маресьев, лётчик, оставшийся без ног, но продолжающий летать, и когда я встречал нашего соседа, то представлял себе, что это - он: мой Маресьев.

Я невольно рисовал себе его в образе мужественного лётчика, известного на всю страну, что получил за свой подвиг золотую звезду героя, и мне казалось, что наш сосед тоже имеет замечательные заслуги, о которых просто никто не знает. Сосед выгодно отличался чем-то неуловимым ото всех взрослых, с кем мне приходилось сталкиваться в своей жизни, хотя оставался человеком безвестной судьбы. Если бы мы с ним подружились, так бы действительно получилось, и я имел возможность бывать у него в гостях, то думается, из всего этого вышло бы мне большое счастье.

Лётчика давно нет в живых, да и мне уже немало лет, а нет-нет, да вспоминается мне наш двор, подъезд и неспешно спускающийся по лестнице грузный человек в кожаном шлеме, которого никто не мог понять, совершенно не зная, но я почему-то не могу его забыть.

Ну, и разве забудешь, как в школе, в начальных её классах, ты не побоялся противостоять своей первой учительнице, когда ещё, конечно, не выработалось сознание. Но ты не мог уступить несправедливому отношению к себе, когда обвиняют в не совершаемом проступке!

Второклассник против учителя - словно против неба на земле стоит, он всегда, кажется, будет не прав, потому как против ветра не надуешься, но идти наперекор неправде, видать, была моя судьба. Только противным, бывает, лечат, а сладким - калечат!

Однажды, обучаясь в классах начальной школы, приключилась со мной история, которой я поначалу не придал значения, но она, между тем, обозначила во мне очень важную черту характера: решимость, что, в свою очередь, невозможна без присутствия известной доли смелости. Я, конечно, всего этого тогда ещё не осознавал, но действовал согласно внутреннему

голосу, какой-то неизвестно откуда взявшейся убеждённости, что просто обязан отстаивать свои права, вернее - правду, без которой в жизни никак не обойтись.

Правда представлялась для меня чем-то неотъемлемым от существования, она творила его суть, отчего повсюду, по моему мнению, должна была проистекать справедливость, и я никак не мог её нарушить. Если бы кто-нибудь, даже тогда, сказал мне: «Нет правды на свете», то я бы, не задумываясь, ответил: «Сами небеса возвещают её!»

Так мне представляется сейчас, а в те юные годы я лишь следовал своему внутреннему чутью, и если был по-настоящему увлечён каким-либо занимательным делом, без которого, опять же, себя не мыслил, то и отдавался ему в полной мере, чувствуя, как хорошо жить по правде.

Наша классная руководительница - Галина Александровна, задаёт нам на дом, вроде бы, простую работу: нарисовать птицу. Птицу любую, какая тебе нравится, а нравились мне с самого раннего детства те, что приносил с охоты отец - глухари и тетерева, вальдшнепы и рябчики.

Но рассматривая дома одну из его книг, я вдруг обратил внимание на большущего голландского петуха - белоснежного, с ярко-красным пышным гребнем и бравыми шпорами, и мне захотелось запечатлеть этого замечательного красавца. В петухе ощущалась завидная стать, что-то особенное, не присущее нашим разноцветным кочетам, какая-то достойная горделивость и сила.

Я положил перед собой лист бумаги, прислонил раскрытую книгу к стене, и стал осторожно, не отрывая карандаша, вести линию, очерчивающую птицу. Будто боялся, что нарушу в себе какое-то важное душевное состояние, соединяющее меня с изображением петуха на картинке. Образ его всецело захватил меня и уже не отпускал, пока я не вернулся к той точке, где начал свой рисунок.

Мой настрой, по-видимому, оказался невероятно удачным, скорее даже - гармоничным, когда я на мгновение пережил слитность с понравившейся мне птицей, отчего петух и получился таким же, как в книге. То, что соединило меня с возможностью безукоризненно отобразить задуманное - необыкновенно обрадовало, но и понимание того, что подобное умение может не повториться, немножко огорчило. Оставалось раскрасить красавца-петуха, и от переживаемой радости я уже воображал, какое впечатление произведёт на всех мой рисунок, почувствовав себя при этом настоящим художником.

На следующее утро староста класса собрала рисунки и отнесла их в учительскую, а ещё через день Галина Александровна объявила все оценки, продемонстрировав лучшие, по её мнению, работы, но меня почему-то не упомянула. Сначала прозвучали имена тех, кто получил пятёрки, затем - четвёрки, пожурила учительница и учеников, что не совсем справились с заданием: птицы у них, на забаву всему классу, вышли какими-то

непутёвыми, даже – смешными. Но что уж написал, как говорится, пером, того не вырубишь и топором!

Только где же моя заслуженная отметка, взволнованно думаю я, еле сдерживая своё нетерпение, отчего Галина Александровна не показывает и не обсуждает меня?! Не было сомнений в том, что рисунок мой получился замечательным, я это чувствовал, и не покидала досада от того, что его никак не признали. Что же происходит?!

Тяну руку, дыхание даже перехватило от волнения, а Галина Александровна, взглянув мельком на меня, вдруг перед всем классом заявляет:

- Я сейчас, ребята, о вашем однокласснике скажу такую правду, что хуже всякой лжи!

Краска тотчас заливает моё лицо, но я, всё же, в свою защиту произношу:

- В моём рисунке нет ни капельки лжи! Я нарисовал его сам.

- А как же объяснить такую точность линий в твоём рисунке? Ты, наверное, наложил на изображение птицы кальку - и аккуратно скопировал её. Признайся?! Разве возможно так точно нарисовать самому петуха, он у тебя - как живой!

- Не обводил я ничего, - упрямо заявляю я. - Это у меня так получилось. Мне просто очень хотелось изобразить петуха настоящим, как на картинке, и я очень старался. Честное слово!

Слёзы готовы были брызнуть из глаз, ведь я так гордился своим рисунком, ожидая от учительницы похвалы, и вот. По правде, оказывается, не выходит одна справедливость, и жить с ней не так уж легко. Как же это?!

- Ты должен себе усвоить, - вкрадчиво произносит учительница, - что люди, отличающиеся склонностью ко лжи, не могут иметь непоколебимую волю и мужественный характер.

- Ней ... пой, ней-пой-койлебимую, волю? - еле выговариваю я, чудом сдерживая предательски подступающий к горлу комок обиды.

- Именно. А уклоняясь от честного исполнения порученного тебе задания, ты даже не заслуживаешь постыдного слова! Как ты объяснишь товарищам свой проступок?

По правде сказать, я не знал - чем мне ответить на эти несправедливые слова, и, обводя взглядом всех ребят, подумал: «Правда сама себя очистит, на то она и правда, и если сделал доброе дело, то и живи смело. Чего мне бояться?»

- Как же мне доказать свою правоту? - обращаюсь я ко всему классу. - Я себя ни в чём виноватым не считаю.

А Галина Александровна, будто не слыша мои слова, торжествующе вопрошает:

- Ну, что, дети, послушаем нашего правдолюбца? Посмотрим, какой он на самом деле художник? Выходи к доске, бери мел, и нарисуй нам такого же красивого петушка!

Класс одобрительно загудел, заегозил, словно только и ждал, чтобы надо мной поиздеваться, но меня это ещё больше разбирает: разве можно быть противным истине? Нет, терпеть такое непонимание никак нельзя!

И вот, собравшись с духом, иду к доске, а сам воображаю, как же мне повторить свой художественный подвиг, нарисовать опять красавца-петуха, когда, кажется, и в первый раз с рисунком у меня случилось чудо? Конечно, я старался, был проникнут желанием воссоздать природную красоту птицы, это представлялось таким заманчивым, и всё же - нелегко быть настоящим художником, когда тебе всего лишь девять лет!

Получится ли у меня сохранить свою честь? Ведь не художник я на самом деле, но и запятнать себя неправдой тоже не желаю. Нужно настроиться и вспомнить - как я это делал совсем недавно? Лучше всего, наверное, остаться собой, и моя честность мне поможет. Но честь честью, а дело делом.

Взял я мел, примерился, и вдруг понял, что как и тогда, дома, необходимо лишь довериться себе. Класс за спиной притих, а я опять повёл свою линию жизни, вернее, вернулся к ней благодаря белоснежному голландскому петуху, и линия меня не подвела: она длилась по доске спокойно, размеренно, и не отрывая руки, я довёл-таки её тихонечко до победного конца.

На классной доске, как и на моём рисунке, красовался красавец-петух с гордо выпяченной грудью, пушистым хвостом, роскошным гребнем и заливчатскими шпорами. Ещё я пририсовал ему глаз, и петух как будто даже подмигнул им мне, а класс сразу ожил, и Галина Александровна только развела руками. Пропел мой петушок свою правдивую песенку, и все в неё поверили!

Но как, при всём желании познавать этот мир, обойтись в детстве без озорства, стремления всё попробовать и испытать? Хотя бы попытаться совершить нечто сногшибательное, без чего так скучно было бы переживать радость чудесного существования. И разве лишишь себя подобного устремления именно в детстве, когда ты одержим жаждой самых невероятных открытий?!

Порой случается так, что даже в детстве тебе становится скучно. Папа - на работе, мама гладит бельё на кухне, бабушка не приезжает, потому что болеет, а на улице - с утра зарядил дождик.

Все игры порядком надоели, и кажется, что ничего уже невозможно придумать. Пробуешь заняться рисованием, но, как не стараешься, всё-таки опрокинешь стаканчик с краскою, и вымажешь в ней все пальцы, после чего уже неинтересно продолжать начатое дело. Скучно!

Очень ловко было бы сейчас погонять по двору на самокате, но на улицу не пускают. Если только опять рассмотреть картинки в папиной книжке про животных, читаю я ещё плохо, потому что только пошёл в

первый класс, и, вытащив тяжёлую книгу из шкафа, усаживаюсь с ней на диван.

Бой настенных часов отвлекает моё внимание, и я начинаю считать им в такт, позабыв про чтение. Воображение незаметно уносит меня в прошедшее лето, когда я гостил в деревне у бабушки, и мы с папой ловили в пруду, под мельницей, юрких пескарей. Но и об этом думать уже не интересно, потому как лето не вернуть, на дворе - осень. Чем бы заняться?

Может быть, пойти к окну, и, забравшись на подоконник, посмотреть - что делается на улице? Дождик, оказывается, кончился, и крупные капли, сорвавшись с крыши, гулко расшибаются о железные карнизы. В такую сыякотную погоду и без дождика носа из дому не высунешь.

Минуту я стою на коленях, прижав лоб к холодному стеклу, и разглядываю, как наш сосед дядя Костя, что живёт этажом ниже, возится на балконе с цветочными горшками. Дядя Костя очень строгий, он - военный, и я встречал его всегда в форме со звёздами и в начищенных до блеска сапогах, а тут он - в полосатой пижаме, на голове у него, оказывается, лысина, сверху всё очень хорошо видно, и мне вдруг становится весело. И вот, я замечаю на нашем балконе трёхлитровую банку с чернилами...

Отношения с этими чернилами у меня как-то сразу не заладились... То на уроке правописания, как бы я не старался, заведу в тетрадке обидную до слёз кляксу, то сосед по парте, известный в классе задира, на перемене запустит в меня тряпкой, предназначенной стирать с доски написанное мелом, и она, вырвавшись у него из рук, угодит прямиком на мою чернильницу, чего я впопыхах не замечаю, и швыряю обратно, угодив в стену, а потом в течение двух оставшихся уроков отмываю её от огромного чернильного пятна. Да ещё родителей вызывают в школу, и они очень сердиты за это на меня.

Но заметив на балконе банку с чернилами, всё худое, что было связано у меня с ними, куда-то улетучивается, и я вдруг представляю, как будет здорово опрокинуть их ... на лысину своего соседа! Чего только не придёт в голову восьмилетнему сорванцу, не терпящему скуки, а то, что может случиться после - пустяки, главное - захватывающее дух действие!

Ведь дети не смотрят на то, что подумают о них взрослые, и учиняют всё на собственный, по их разумению, неповторимый лад. Я даже почувствовал в себе гордость от задуманного, и мне стало смешно: скуки как не бывало!

Смех смехом, а дело делом, хоть оно и чёрное, да разве в детстве без задора обойтись? Тихонько отворив скрипучие двери, чтобы не слышала мама, я оказываюсь на балконе, и взглядываю через перила. Лысина дяди Кости светится прямо у меня под носом так притягательно, что сразу захотелось сотворить с ней что-нибудь этакое, и банка с чернилами, которую припасли мне родители на весь учебный год, самое подходящее для потехи средство.

В молодую голову даже не приходит, что может последовать за тем, как окрещу я своего соседа чернильной жидкостью, да только сорвиголова не живёт спустя рукава: никому спуска не даёт! Ведь не мог я, неугомонный мальчишка, поддаваться скуке, когда душа игры требует, а она у меня тогда на самом деле пошла. Но бывает, что не только чернила пишут, пишет и горячая слеза.

И вот, обхватив банку обеими руками, как ни как - три литра!/, нацеливаюсь я на злополучную лысину дяди Кости, и опрокидываю на неё всю эту черноту, так что самого жуть берёт: и смех и горе! «Парень растёт озорником, ну, да молод ещё, - заверяла всех потом моя бабушка. - Лучше слыть озорником, чем непроходимым дурнем!» Внизу же на какое-то время воцаряется тишина, но вскоре весь подъезд приходит в движение: исчернил-таки, оголец, соседа перед людьми! Что-то будет?!

Как потом оказалось, очень не просто жить так, чтобы не выходило чепухи. Это, быть может, и не трудно, если всё у тебя в жизни складывается хорошо и правдиво, ты - послушный мальчик.

Ну, а если ты - удалец, что отчего-то с самого детства никому и ничему не даёт спуска? На всё готовый сорвиголова, что живёт спустя рукава, и какой-либо страх ему - копейка? Когда в тебе столько задору, что ты ещё не в силах отказаться от неудовлетворённости происходящим в своей ребяческой жизни, ты, конечно, не думаешь, что твои поступки могут плохо отразиться на окружающих людях: ведь озорничать в детстве, ты убеждён, не беда.

Вот тогда, чаще всего, и приключается какая-нибудь несообразность, словом, ерунда, если ретивость в тебе берёт верх, а мочи ещё нет. Но задор в молодые годы у силы разрешения не спрашивает, и нужно, как раз, научиться принимать любой поворот событий и радоваться простым, самым обыденным вещам, получая от их существования удовольствие. И никак иначе, потому как простое Бог любит, а худое уже не исправишь никакими словами, и оно на всю жизнь остаётся с тобой. Помните об этом!

Самая чудесная в жизни игра

В детстве я никогда не задумывался над тем, кем хочу стать, а просто предавался разным играм, используя в качестве друзей по игре цветы, пчёл, бабушкины яблони, реку с осокой и камышом, рыб, проживающих там, солнце и дождь, жуков и заросли крапивы, печку, полати и дровяник, таинственный лес за околицей. Всё, что могло насытить меня сказочностью своего существования - находилось рядом, и я был счастлив, когда это происходило.

Ничто не мешало в детстве моему общению и с предметами, которые взрослым представлялись неодушевлёнными, но для меня очень легко открывали свою скрытую сущность, и я вообще не задумывался о том, что может быть иначе. Даже не подозревая об этом, я, видимо, владел способностью понимать окружающую жизнь, чего бы это ни касалось, и

жизнь тут же откликалась на моё понимание собственной расположенностью, будто только и ждала подходящего момента. Всё, что оборачивалось для меня хотя бы малейшим интересом - становилось необыкновенно родным и близким, мне не приходилось прикладывать при этом каких-либо усилий, и всё вокруг доставляло немало удовольствия.

Ребёнок, общаясь с тем, что его окружает, постепенно вспоминает собственный внутренний мир, он как бы нащупывает его, узнаёт, и это хорошо видно по малышам, сосредоточенным на своей игре. Ребёнок и здесь, и где-то ещё, хотя ему всего лишь два - три годика, и пока он не удовлетворит своего глубинного интереса к жизни, он не успокоится. Постоянно что-то познавая и открывая, нащупывая, таким образом, какую-то скрытую от него истину, малыш учится проявлять себя, между тем - утверждая, и до чего радостно ему всё это проделывать!

В игре он возвращается к своим прежним жизненным шагам, совершённым в других жизнях, для того, чтобы идти дальше, развиваясь и внимательно принимая все, происходящие с ним, изменения: ведь из неуклюжего медвежонка он должен превратиться в прекрасное создание, что отражает жизнеутверждающую задумку Божественного Существования - способность и желание постоянно созидать. Ребёнок учится доверять себе и миру, чтобы отправиться в дальнюю дорогу, с пониманием собственной цели в жизни, преодолевая любые препятствия.

Я в детстве был просто одержим игрой, не представляя без неё жизни. Игра для меня была сама жизнь - увлекательная, захватывающая, составляющая суть всего сущего, я это чувствовал, и оттого не переставал наслаждаться возможностями, что предоставляла мне жизнь. Я выпивал это удовольствие до дна, каждый день, не чувствуя насыщения, но и голода не испытывал, просто играл, в удовлетворении впитывая всё происходящее вокруг, и эта распростёршаяся повсюду жизнь вливалась в меня с великой благостью, будто тоже приветствуя моё присутствие в мире. И так, вместе, мы были с Божественным Существованием друзьями, легко понимая друг друга, и радуясь этому невидимому единению: я был очень счастлив от того, что жизнь расположена ко мне, так же, как и я к ней.

Детство, несомненно, самая чудесная в жизни игра! Ведь игра, тем более - совместная, приносит чувство единства, то, чего всегда не доставало человечеству, а в ребёнке это переживание единства со всем, что его окружает, уже присутствует. Ему это единство лишь надлежит сохранить, и, играя, ребёнок поддерживает в себе состояние великой радости от сопричастности этому удивительному миру. Так бы и взрослому человеку, пройдя тысячи дорог и препятствий, не потерять при этом переживание в себе духовного блаженства, как в детстве, только погружаясь в собственное внутреннее существо.

Весь мир, что окружает ребёнка - дуновения ветерка, пение птиц, шёпот колокольчиков и их аромат выражает природу души маленького человека, ему стоит лишь обратить на него внимание, тотчас вовлекаясь в

круговорот головокружительных открытий, гармонично переживая и с птицами, и с солнцем, и с цветами любовь и радость. Наши совместные с природой энергии вращаются в божественном единении, в едином ритме, и это есть проявление глубины взаимоотношений всех живых существ, порождённых Богом.

Каждый из нас приходит в этот мир почувствовать в своём появлении здесь и сейчас подтверждение этой божественной связи, призванной к созиданию и достижению мудрости. А начинается эта чудесная, самая захватывающая игра именно в детстве...

В детстве хорошо помню то время, когда я любил играть в солдатики. Очень хотелось иметь именно оловянных солдатиков, облачённых в разноцветную форму, с оружием в руках. Они действительно выглядели бравыми и стойкими, как в сказке Андерсена.

Когда бабушка прочитала мне сказку о стойком оловянном солдатике, я невольно позавидовал маленькому мальчику, которому подарили на день рождения двадцать пять таких чудесных оловянных солдатиков. Но более всего мне сразу понравился последний солдатик, что стоял на одной своей ноге также твёрдо, как и другие солдатики на двух. Он и вправду оказался самым замечательным.

Сказка была коротенькая, но мы с бабушкой долго её обсуждали: и про то, как солдатик влюбился в прелестную танцовщицу из картонного дворца, и как ночью все игрушки принялись играть в гости, войну и бал, и как солдатик, не трогаясь с места, любовался танцовщицей, не сводя с неё глаз. Попросту – влюбился в неё.

А когда на часах пробило двенадцать, табакерка щёлкнула, и оттуда появился злой тролль, по милости которого солдатик утром выпал из раскрытого окна на мостовую, его нашли уличные мальчишки, посадили в бумажную лодочку, и пустили в канаву, откуда вода вынесла его в большой канал, а потом его проглотила рыба. Но рыбу поймали, свезли на рынок, и она попала на кухню, где кухарка распоролла ей брюхо ножом и принесла солдатика в тот самый дом, так что он опять оказался в комнате с чудесным дворцом и прелестной маленькой танцовщицей!

Правда, какой-то глупый мальчик, наверное, по воле злого тролля, схватил солдатика – и швырнул его прямо в печку. Такая же незавидная участь ждала и бумажную танцовщицу, после чего она мгновенно сгорела, а солдатик расплавился, превратившись в маленькое оловянное сердечко.

Очень жаль было и солдатика, и его возлюбленную подружку, и я потом долго воображал себе, что этот оловянный солдатик не погиб, а поселился в бабушкиной комнате, и охраняет нас с ней. Стоит внизу, у ворот, даже под дождём, такой стойкий безропотный страж, потому как иным быть не может. Эта стойкость более всего поражала в солдатике, и мне хотелось быть похожим на него, поражая всех своим несломленным упорством, которое не так-то легко сбить.

В оловянных солдатиках меня всегда привлекал внешний вид, вернее – стать. Вроде бы, маленькая фигурка, с таким же маленьким ружьём, а выглядит по-боевому, так что и самому хочется быть подтянутым, крепким и выносливым.

Стойкость – черта именно оловянного солдатика, так я сразу подумал, когда впервые его увидел. В нём было и упорство, и бесстрашие: кажется, ничто не могло его нарушить. Солдатик воспринимался, как что-то очень надёжное, хотя был неживым, но всё-таки вызывал уважение. Им непременно хотелось обладать, а ещё больше – походить на такого чудесного удалого человечка, совсем маленького, но представляющегося большим.

Правда, таких оловянных солдатиков сложно было достать, и я использовал шахматные фигуры: слоны с ладьями олицетворяли собой офицеров, кони – боевых лошадок, а пешки – обыкновенных солдатиков. Ферзи в моей игре являлись главнокомандующими, и, соответственно, короли – верховными правителями. Сам же я в этом занимательном занятии представлял нечто ещё более высшее – кто всем правит.

И вот что интересно: мне необычайно нравилось именно верховодить всей игрой, ощущая себя при этом чуть ли не богом. Правда, я не называл себя им, даже не помышлял серьёзно о существовании какой-то великой силы, но, тем не менее, с глубоким удовлетворением двигал фигурками, как мне хотелось, кого-то круша, других же – возводя на олимп.

Приятно было это осознавать, применяя собственное всемогущество на деле, и в подобном стремлении, скорее всего, проявлялось переживание некоей значимости своей персоны, твоего внутреннего, глубоко скрытого от тебя «я», что незаметно уводило от совсем ещё глупого детства. Наверное, тебе хотелось самому участвовать в жизни, даже – руководить ей, и это, конечно, проявлялось в игре.

Почему это было так важно? Вероятно, по причине неожиданного взросления, когда в один миг вчерашние игры уже не доставляют былого удовольствия.

Тебе вдруг, хоть ты и был ещё мальчишка, хотелось ощущать себя более зрелым. Может быть, ответственным за чужие жизни, вернее даже – за свою судьбу, и часто, устав от этой игры, я не мог не чувствовать, что ищу нечто, ещё не обрётённое, его очень хотелось в себе отгадать, а помогал мне в этом стойкий оловянный солдатик.

А разноцветные камешки?

В раннем детстве я, конечно, не имел понятия, что на свете существуют чудесные морские сердолики, агаты и халцедоны, и когда однажды, оказавшись на юге, мать повела меня к морю их набирать, был в полном восторге! Мать, отчего-то, всегда боялась воды, чего нельзя было сказать обо мне, и я смело устремлялся к бурлящим волнам, где, почему-то, располагались самые красивые.

Солёная прозрачная водичка весело набегала на берег, стараясь забраться как можно дальше, а потом с шипением, будто недовольная чем-то, утекала, оставляя пенистые разноцветные пузырьки, и как раз на этом месте открывались глазу яркие обкатанные водой камешки, что сразу представлялись живыми. Вот к ним, в первую очередь, и хотелось подбежать, схватить в руки и любоваться, что вызывало у матери раздражение.

Мать сердилась, когда я позволял себе забираться чуть ли не в самую воду, кричала что-то сбивчивое, пытаясь даже обидеть неловким словом, но я ничего не мог с собой поделать. Собрать прекрасные морские камешки стало моим любимым делом!

Как можно было не приходиться в восхищение, когда на свете существовали такие прекрасные и гладкие, весело поблескивающие в воде разноцветные камешки! Из них можно было складывать морские гербарии, и о страхе тут, конечно, не думалось: только бы оказаться поближе к ним, завладеть самыми красивыми и сложить в коробочку, чтобы затем изредка вынимать на свет и любоваться.

Мальчишки обычно забавляются такой игрой: разыскав камешки на берегу, подкидывают их в воздух и ловят на лету, а потом – бросают в воду, чтобы камешек блинчиком ловко запрыгал по зеркальной поверхности, оставляя за собой разбегающиеся в сторону круги. Но я стремился именно обладать чудесными камешками, и бросать их обратно в воду мне не хотелось. Море как будто дарило мне свои камешки, и на душе от этого становилось легко и приятно.

Некоторые из них имели очень затейливую форму, и представляли настоящее искусство природы: такие воспринимались как любимые. В самом деле: где ещё отыщешь такое разнообразие форм и цветов, казалось бы, обыкновенной морской гальки, впрочем, совершенно необыкновенной?!

Хоть камешки и родились именно на этом берегу, но, кажется, радуются распростёршемуся повсюду морскому простору, и будто оживают. Они не лежат на одном месте: набегающие волны, то и дело, колышут их тихонечко, и камешки незаметно переворачиваются с боку на бок.

Волна нахлынет на берег – и камешки будто волнуются, когда же сходит – они вздыхают раздосадовано. Им, наверное, хочется смущать своей неведомой тайной людей, вынуждая их невольно задумываться о чём-либо простом и глубоком, о чём бы они без них ни за что не помыслили, а детей очаровывать своей красотой.

Камешки не могут обойтись без моря, они к нему тяготеют, как и ребёнок не в силах представить себя без игры. Ребёнку радостно внимать обыкновенному камешку, обнаруженному у самого уреза воды. Из всех камней он отличит почему-то только один, затем, подняв, ощутит его приятную тяжесть, полюбуется, как камешек безукоризненно выточен морем, и, поднеся к глазам, различит в нём сиреневые, красные и жёлтые крапинки, а когда море накатывает на него, он становится фиолетовым. Как не взять его с собой?!

Матери нравилось собирать камешки подальше от моря, выбеленные на солнце, сухие, но тоже красивые. И всё же, самые редкостные попадались у краешка воды. Чуть глубже - какие-то серые, невзрачные, выше - совсем обыденные, примелькавшиеся, но вот у черты прибоя, особенно, когда море спокойно и волны не набегают, а лишь размеренно накатывают на берег, камешки, казалось, будто сами старались попасть на глаза. Освежённые водой, они тихо и радостно поигрывали цветастыми боками, были по-настоящему чудесны, и я никогда не забуду, как щедро море отдавало мне их, кажется, радовалось при этом вместе со мной, и разрешало забрать с собой.

Карманы мои были набиты ими, я никому не рассказывал о найденных мною драгоценностях, и показал лишь бабушке. Бабушке камешки очень понравились, она похвалила меня за наблюдательность, и некоторые из них я ей подарил на день рождения.

И сразу вспоминается поездка с папой и мамой на юг, в четыре года, тоже связанная с морем. В детстве удивительно радостно и просто переживать счастье пути, как бы короток он ни был, хотя бы ты всего лишь отправляешься к бабушке в гости, на другой конец города. Но разве сравнишь его с путешествием на юг, с родителями, взбираясь на автобусе по серпантину горной дороги на самый верх, откуда открывается вид на раскинувшееся внизу лазурное море?

О таком путешествии можно только мечтать! Но как приятно переживать, что ты сжимаешь обруч спинки расположенного перед тобой сидения, представляя его рулём, он так чудесно послушен тебе, ловко вращается тобой в воображении, и ты чувствуешь себя бывалым водителем: вечно бы катить на этом маленьком экскурсионном автобусе, усевшись у самого окна!

Дух замирает от преодолеваемых головокружительных высот и бездонных провалов, когда, кажется, не миновать ужасной пропасти, прямо под боком, внизу. Но мотор машины упрямо урчит, ты нажимаешь на невидимые кнопки, представляя, что сам управляешь неповоротливым автобусом, и он, конечно, удачно выворачивает по самому краю опасной горной дороги, и все пассажиры благодарят тебя за необыкновенное умение.

Тебя переполняет неопишуемая гордость от того, что ты – настоящий «водитель»! От этого ощущения блаженство пути ещё с большей радостью захватывает твоё воображение, а дорога круто забирается в горы всё дальше и дальше, быть может - к самой вершине, и тут уж не зевай «водитель»: «Ур-ур-ур, ур-ур-ур, м-м-м-м!».

Мама же только улыбается, глядя на меня, но расслабляться не время, впереди - неблизкий путь. Несмотря на то, что начинает чуточку подташнивать, и в ушах появляется шум, ты, сжав зубы, стараешься не

подавать виду, и тогда папа, похлопывая тебя по плечу, мирно приговаривает: «Ничего, ничего! Скоро пройдёт, всё будет хорошо!»

И вот мы уже мчимся куда-то вниз... Как славно ощущать на себе ветерок, врывающийся в распахнутое окно, и ты радуешься, что тебя не укачало, ты сидишь у окна, лицом к движению, мысленно управляя этой разогретой от солнца машиной!

Мама с папой гордятся мной, тайно горжусь собой и я: хоть я и маленький, а не поддался подступающему к горлу неприятному комку, меня и вовсе, оказывается, не тошнит в отличие от многих взрослых в нашем автобусе, да и мама, чувствуется, устала. Отец ласково говорит ей что-то на ухо, наверное, старается отвлечь или рассмешить, и мама улыбается ему через силу, а мне не нужна ничья помощь: я ничего не боюсь!

Какое это счастье - отдаться непередаваемо прекрасному переживанию, когда ты – в пути, прокладываешь его сам, и ничего тебя, кажется, не может утратить. О таком человеке, наверное, говорят: «Из этого смельчака выйдет прок: счастья ему в пути!»

«Ур-ур-ур, ур-ур-ур, ур-ур-ур, м-м-м-м...»

Но разве сравнить езду на автобусе, хотя бы и по горному серпантину, высоко над морем, с ездой на настоящей легковой машине?!

Однажды, я тогда ещё был совсем маленький, лет четырёх-пяти, мне необыкновенно повезло: папу пригласил на рыбалку его приятель, Сергей Иванович. Сергей Иванович слыл большим затейником, он постоянно что-нибудь придумывал, по-доброму подшучивая надо всеми, и особенно ему нравилось оставаться наедине с детьми: невозможно было предугадать - чего ожидать от него в следующий миг?

Сергей Иванович ловко умел прятать в ладони монетку, доставая её у меня из-за шивороты, а потом она у него опять пропадала, и обнаруживал он пропажу в кармане моей рубашки. Но главное, и самое замечательное, чем он обладал: автомобиль!

Когда к нашему дому почти бесшумно подкатила бежевая «Победа» с округлыми формами, полированными ручками на мягко захлопывающихся дверцах и упругими чёрными шинами, кажется, будто просевшими от радости, только машина остановилась, то я был повержен от всего увиденного. Осторожно прикоснувшись к крылу автомобиля, даже отдёргнул руку: таким оно показалось горячим от таящейся внутри него силы, и ещё - от припекающего с утра солнышка. В это трудно было поверить!

Обыкновенно я наблюдал машины только на прогулках с бабушкой, издали, замирая и подолгу вглядываясь им вслед. Но сейчас автомобиль находился рядом, до него можно было дотронуться, открыть дверцу и усесться на тёплые кожаные сиденья.

И стёкла в дверцах, и песочного цвета внутренняя обивка, и резиновые коврики, - всё внутри автомобиля пахло каким-то особенным уютом, такого

запах я ещё никогда не слышал, и было сладостно притаиться в тиши этого укромного, не похожего ни на какое другое пространства. На улице сверкало солнце, а здесь, между сидений, таились такие же нагретые, как обшивка машины, золотые пылинки, и я, глубоко вздохнув, счастливо откинулся на мягкую спинку заднего сидения, откуда вдруг увидел ... руль!

До сих пор, играя дома в водителя автобуса, перевозящего пассажиров, я выстраивал в ряд несколько табуреток, а сам усаживался верхом на венский стул, представляя, будто его изогнутая спинка - и есть то место, где я могу управлять своей жизнью, и ехать туда, куда захочу. И так оно и было, и я безо всяких рычагов уносил себя к своей мечте, то с одной скоростью, то с другой, взлетая и падая, где-то зависая на неопределённое время, но, тем не менее, устремляясь только вперёд. Машинка моя всегда слушалась руля, и особенно мне нравились воображаемые крутые повороты, что я с лихостью преодолеваю.

И вот, я увидел настоящий руль, белого цвета, с плавными выпуклостями и углублениями, чтобы легче было обхватывать его ладонями, крепко сжимая пальцы. Захотелось оказаться рядом с ним, сжав своими маленькими ручками, и ехать по-настоящему, но разве такое возможно? Скорей бы уже отправиться в дорогу, чтобы колесить вдоль пшеничных полей, по лесам, к речке. Ведь это целое событие: нас сегодня повезёт «Победа»!

А потом мы, действительно, ехали среди высоких деревьев, по мягкой травяной дорожке, и я представлял, будто на нашей «Победе» каучуковые колёса: до такой степени они были воздушными, мягко отзываясь на любой бугорок и ямку. И так мы ехали, чуть покачиваясь из стороны в сторону, до самой речки, пока автомобиль устало не фыркнул, выпустив из-под колёс душистые облачка пыли, с облегчением вздохнул, и замер.

На такой чудесной машине и дальняя дорога в радость: садись да катись, даже выходить из неё не хотелось, и дядя Серёжа разрешил мне немножко посидеть на своём водительском месте, отчего я опять почувствовал себя необыкновенно счастливым.

Через нагретое лобовое стекло в салон автомобиля вливался, вместе с радостью, ласковый солнечный свет. Внизу, под горкой, лазоревым зеркальцем таинственно поблескивала речка, конечно, полная усатых пескарей. И меня вдруг охватило какое-то непривычное доселе благостное смирение перед открывающейся жизнью, прелесть переживания её раздольного аромата, этого незабываемого жизненного вкуса, когда хочется впитывать его до капли.

А случилось всё это благодаря папиному другу и его чудесному автомобилю, на котором бы ехал и ехал по нескончаемой дороге познания. Только позже я понял, что знания, приобретённые собственными усилиями и выбором, самые ценные, хоть и не всегда располагающие к уюту. Но плодотворнее их ничего не отыщешь.

Всего в жизни можно добиться, было бы желание самому управлять собственной жизнью и быть увлечённым человеком, имея достойную цель и волю. И всё же, как приятно было катить на новенькой машине, кажется, только и приспособленной для уютного переноса тебя от одного захватывающего увлечения к другому, когда можно, по своему желанию, увеличить скорость движения, и остановиться там, где пожелаешь. А если ещё автомобиль имеет такое чудесное название – «победа», и вовсе необыкновенно обрадуешься случившемуся с тобой счастьем, думая только об убегающей из-под колёс дороге, устремляясь навстречу чему-то неизведанному, но такому манящему.

Слово «машина» - какое-то тяжёлое, услышав его, скорее подумаешь о грузовике, нагруженном зерном или арбузами, от этого низко приседающего к земле, а вот автомобиль «Победа» сразу вызывает в душе улыбку: им непременно хочется обладать. Гладкая обтекаемая форма только придаёт «Победе» ещё большее очарование, отчего и воспринимаешь её легко, воздушно. Вот и название - «победа», порождает в душе только восторженные чувства: ты почему-то веришь, что она тебя не подведёт и подарит много удивительных впечатлений. Победа, конечно, будет за тобой!

А случался ли в вашем детстве хотя бы один шалаш, в котором страстно хотелось пожить, непременно убежав перед этим из дому? Причём, конечно, навсегда, даже не вспоминая о нём, а наслаждаясь захватывающим дух одиночеством, посреди девственного леса, где всё таинственно и занято? Когда воображению твоему нет предела, и в тебе вдруг открывается сознание, что ты - настоящий путешественник.

Не просто какой-то человек, что совершает пустяковую прогулку, но именно чувствует жизнь во всех её проявлениях, и готов на самые невероятные подвиги. Порой, может быть, даже какие-то страшные события, что необыкновенно пленяют своей суровой неизбывностью, и, всё же, вы принимаете их. Не случилось?!

Переживали ли вы когда-нибудь такое завораживающее дух устремление, поглощающее все ваши мысли? Так, чтобы в глубине души сразу понималось: вы испытываете кровное родство с тем неизведанным, что вам предстоит разгадать, и это есть всё то, среди чего вы, должно быть, уже долгое время когда-то находились?!

При этом вас переполняет страстное желание пережить его вновь, убедившись в том, что оно никуда не уходило, а лишь притаилось в какой-то скрытой ото всех обители, и ждёт вашего равнодушного прикосновения. Нужно всего лишь решиться отправиться в путешествие!

А в шалаше сладко пахнет сухими травами и пихтой. Солнечные лучи, слабо пробивающиеся сквозь поредевшие ветви, тоже, кажется, издают какой-то пряный аромат, так что его очень приятно вдыхать, уносясь в

мечтах куда-то вперёд, где жарко сияют потаённые земляничные поляны, за ними трепещут листвой могучие дубы и сосны.

И вдруг твоему внутреннему зору открывается одинокий лесной пруд, берега которого посещают только дикие птицы и звери, и ты представляешь, как, присев на корточки, жадно пьёшь горстями холодную лесную воду, с удовольствием отдуваясь и вытирая рукавом губы. В светлой бездонности этой воды отображается спокойное летнее небо, верхушки деревьев лениво склоняются над ней, словно вглядываясь в неведомую глубину, и за этими думами ты невольно закрываешь глаза и задрёмываешь.

Только в таком шалаше, сооружённом деревенскими мужиками в пору сенокоса, тебя убаюкивает лёгкий сон, уносящий куда-то, за желтеющий полевой простор, откуда веет удивительным теплом и светом, и счастье уходящих летних дней сладостно охватывает сердце. Верхушки солнечных деревьев запляшут в вышине, закружат над твоей головой, и ты неожиданно вознесёшься в небо маленьким пушистым облачком, что мягко поплывёт над землёй, покрытой радостными бликами, и вскоре исчезнет.

А с ним, наверное, унесутся куда-то и твои неясные думы о своём неуловимом счастье, что так приятно было переживать в укромном лесном шалаше, на исходе лета, которое тоже вскоре неприметной тенью заструится в воздухе, в груди затаится еле уловимая печаль, и сердце затрепещет от необъяснимой радости. Где-то там, за далёкими лесами и полями, лежит твоё непонятное счастье, что, верится, тебе не миновать!

Не миновать в своём детстве и чудесную зиму, что приносит детям столько радости и света!

Забавно поутру, за чаем, смотреться в вычищенный до блеска самовар, наблюдая, как щёки с ушами расплываются в стороны, нос становится расплюснутый, как картошка, а губы с подбородком утекают куда-то вниз, в блюдце, из которого над столом поднимается пар...

Окна в комнате постепенно запотевают, и только слышно, как на улице перелетают, изредка переговариваясь, птицы, а из растапливаемой бабушкой печки кто-то будто прогудит басом: «Одевайся теплее, да ступай на двор!»

На дворе мороз тотчас вцепляется в уши и щёки, отчего на глазах выступают слёзы, и мысли растерянно прыгают в голове, так что не знаешь - к чему приступить. Начнёшь, было, перепрыгивать на одной ноге со ступеньки на ступеньку, но скоро бросишь, и, прижмурившись, уставишься на красноватое солнце, будто застрявшее в слоистых облаках.

Заиндевевшие веточки вишни тоже отливают красноватым матовым блеском, розоватые расплывчатые тени растекаются возле крыльца по пушистому искрящемуся снегу, и он из белого превращается в жёлтый, оранжевый, и даже - зелёный. И птицы куда-то исчезли, вокруг стало необыкновенно тихо, слышно только, как скрипя валенками, прошёл мимо ворот прохожий.

- Чем же заняться? - невольно спрашиваю я у себя, взглядывая на взъерошенную ворону, что уселась напротив меня, на заборе. Видно, что ей тоже некуда приютить себя. Становится немножко грустно.

Может, лучше вернуться в гостиную и рассмотреть большую книгу про животных, оставленную со вчерашнего вечера на столе? Или пройтись по саду, под укутанными в снежный пух деревьями, отряхивая его с замороженных ветвей?

На днях мы с бабушкой обкидывали снегом молодые яблоньки, утепляя их до весны, и бабушка вручила мне для этого аккуратную деревянную лопаточку, как раз под мой рост. Нагрести под деревца морозный сухой снежок - одно удовольствие, но сегодня почему-то перекидывать его совсем не хочется, и я только похлопываю одним валеночком о другой.

- Что же всё-таки придумать?

Подняв застывшую яблоневую палочку, я иду вдоль забора, издавая ею непрекращающийся гулкий звук, отчего ворона ещё более нахохлилась, поджалась, и, недовольно каркнув, улетела.

Солнце, между тем, из красного незаметно превратилось в малиновое, а снег по всему двору приобрёл синий, даже - фиолетовый оттенок... Вот и окна в доме зажглись розовато-оранжевым теплом, и мне почему-то становится весело. Нужно взять ледянку и идти, скорее, кататься с горки, расположенной на соседской улице!

Ледяная горка делается просто... Сначала посреди двора кем-то из взрослых водружается огромная снеговая куча! На неё с вечера льют воду, пока лёд не сделается толстым. И уже поутру, все желающие покататься, могут забраться наверх - и скатиться вниз.

Движение при этом чудесном скольжении так стремительно, что даже не успеваешь обрадоваться и испугаться. Стремительный спуск со снежной горки, действительно, захватывает дух, и это дарит переживание невероятной бодрости и силы, после чего волшебное скольжение безотлагательно требует своего повторения. Поскорей бы ещё раз!

Именно завораживающий дух полёт дарит радость, и хвалить горку можно, наверное, только слетев с неё, сломя голову. Ну, а если у неё ещё и раскат долгий, и расчищен от снега, да в самом конце кем-то воткнута ёлочка с разноцветными флажками, под Новый год, то хоть вокруг и ледок, то на душе - медок.

Сядешь - едешь, ляжешь - катишься, и если с разбегу бесстрашно ухаешь с горы - разгон такой, что можешь лететь по ледяной дорожке, как птица. Невинная потеха, а будит в теле неизбывные живительные токи.

Кажется, что где-то в глубине тебя пробуждается нечто новое, неизведанное. Может быть, весна?!

И оттого ещё больше хочется, во весь дух, опять понестись на своей ледянке к чему-то дорогому, порой, кажется, к такому далёкому и недостижимому, особенно - когда тебе пять-шесть лет. И ты знаешь, что его

достигнешь, и оно станет для тебя дорогим, самым близким. Если бы только набраться духу...

Лететь с горки, в сиреневых морозных сумерках, чудо, как хорошо, и ты уже не думаешь ни о чём грустном. Желаете лишь поскорее забраться по скользким ступенькам на самую её вершинку снежной горы, чтобы, собравшись с духом, нестись с разбегу по накатанной дорожке навстречу колючему ветру, замирая от охватившего всё твоё тело головокружительного восторга.

На ледянке, конечно, далеко не уедешь, но зато как чудесно это скольжение, как оно воздушно, как может быть только в детстве. Да и зачем улетать далеко, если и здесь хорошо!

Ледяная дорожка такая гладкая, что летишь по ней кубарем, не успевая испугаться: знай, держись за ледянку, да катись во весь дух!

А то, бывает, уже одетый в шубку, перевязанную шарфом, я сижу в коридоре, на маленьком стульчаке, и жду, когда папа закрепит на моих валенках «снегурки». Мне ужасно жарко, на лбу, из-под шапки, выступает пот, но я терпеливо перемагаю эту непростую процедуру. Ведь совсем скоро я выйду из подъезда, и покачу во весь дух по искрящемуся снегу: ничто мне не помешает!

Но прежде, чем оказаться на улице, нужно ещё спуститься с третьего этажа, преодолев лестничную клетку. Коньки безумно гремят по ступенькам, отчего в подъезде – неимоверный шум, и волнение моё ещё больше возрастает.

Шапка сползает мне на глаза, а варежки, что болтаются на резинках из рукавов, кажется, совсем ненужные, только заплетаются в ногах. Скорей бы на свежий воздух, где сверкает солнце, а дыхание перехватывает от мороза. И вот – желанный хруст снега и льда, сбивчивое от волнения дыхание, и режущий звук настоящих коньков: какое счастье!

Тает морозный январский день, над разлётшимися пухлыми снегами повисла мягкая сиреневая дымка, а я выхожу во двор на прикрученных к валенкам снегурках. Иметь снегурки – несравнимая ни с чем радость, я давно мечтал о них, и вот, такие маленькие аккуратные коньки красуются на моих ногах!

На какой-то миг даже становится жалко, что я не могу полюбоваться на себя со стороны, чтобы увидеть, как они ловко прилажены к валеночкам. Валеночки у меня серенькие, а снегурки – серебристые, отчего на душе опять становится радостно.

И я – радуюсь! Снегурки – это чудесные, сверкающие хромом коньки для малышей, с изящно закруглёнными вверх носочками, отчего они не цепляются за лёд. Чтобы снегурки крепко держались на валенках, их не только привязывают к ним верёвочками, но для лучшей затяжки ещё используют специально выструганные маленькие палочки. Само слово

«снегурки» произносить очень приятно, от этого даже поднимается настроение.

Для верности, чтобы крепление не ослабевало, папа, конечно, тоже приспособил мне к верёвочкам коротенькие палочки, притягивающие эти самые верёвочки к валенкам плотно-плотно, так что ноги поначалу немеют и начинают быстро затекать. Но возвращаться домой – нет никакого резона, иначе и вовсе не успеешь опробовать новые коньки. Скоро стемнеет, и я, сжав зубы, режу острыми снегурками стылый глянцевоый снег: мне впервые выпало счастье покататься на коньках, подаренных на день рождения!

А вокруг – будто все обрадовались этому замечательному событию. Вороны с угольными головами, то и дело, подлетают, чуть ли не вплотную, словно пытаюсь рассмотреть – что это у меня на ногах? Вездесущие сороки тоже не оставляют без внимания мои неверные передвижения, но держатся чуть поодаль от ворон, остерегаясь, кажется, более их, чем меня. Юркие же воробьи, никого не боясь, порхают рядом и возбуждённо чирикают.

Очевидно, что для всех птиц я заключаю в себе какую-то тайну, и они пытаются её разгадать. Для чего-то им это нужно!

Но как тут можно что-то скрывать, если снегурки сами за себя всё говорят? Это худое дело всегда таится, доброе же – сразу правду рассказывает: оно для всего света открыто! И снегурки – такое дивное изобретение, что показать себя поскорее норовят, а главное – обрадовать! Весело им: всю весну, лето и осень они провисели в старом чулане, а теперь – их – пора!

Бабушка рассказала мне, что «снегурками» детские коньки прозвали так потому, что они скользят не только по льду застывших речек и прудов, но и по утрамбованному снегу. Даже гусь скользит по гладкому льду, а ты на коньках – тем более, авось не расшибёшься. И коньки мчат меня вперёд, словно два конька-горбунка!

Ресницы – в пушистом инее, руки заледенели, а ног я вообще не чувствую – так их крепёжные верёвочки перетянули, но на сердце – отрада. И хоть я временами спотыкаюсь и падаю, но чувству восхищения от происходящего нет предела.

Даже хищных тигров в цирке укрощают, неужели мне с обычными коньками не сладить, пусть они меня порой и не слушаются? И я пытаюсь укротить непослушные снегурки, что, неожиданно, то подворачиваются под ногами и устремляются раньше меня вперёд, то запинаются на ровном месте, хотя у них носки загнуты кверху, и я бухаюсь носом в снег, больно отбивая себе ещё и колени. Снегурки, пока, не даются мне, но я не намерен сдаваться!

Будто не набегавшись за весь морозный декабрьский день, прильнёшь, бывало, к разрисованному перламутровыми ветвями папоротника окну, и смотришь, как синий полусумрак превращается в фиолетовую густую пелену, мягко обнимающую дома, деревья и воздух. И захочется опять

покататься на своих чудесных снегурках, с визгом режущих глазуревую наледь. Или, прихватив гулко побрякивающие палки и лыжи, отправиться с ними в серебряный от инея парк, по соседству с домом, чтобы резкий морозный воздух вновь охватил тебя с головы до ног, и, окутанный вырывающимися изо рта весёлыми клубами пара, ты бы поспешил утонуть лыжнёй в глубоких пушистых снегах.

Вот что, оказывается, более всего необходимо твоей душе, а именно - окунуться в долгожданную зиму, сбивать палкой со старых кленовых ветвей густой, искрящийся иней, ощущая его холодное прикосновение на лбу и щеках! А ещё с восторгом наблюдать, как отрешённо играют в морозной вышине беззаботные сороки, изредка отливая в лучах заходящего солнца своим зеленовато-синим сумрачным пером.

Но не на шутку разыгравшийся короткий декабрьский день всё-таки клонится к вечеру, хотя тебе совсем не хочется уходить со двора, потому как всё в нём необыкновенно радует. Вот и копошащиеся в кустах акации воробьи никак не могут уняться, шумной стайкой снимаются с заснеженных ветвей, и, тут же, усаживаются прямо в сугробы, возятся, возбуждённо щебечут, тоже, по-видимому, радуясь и чистому рассыпчатому снегу, и своему уютному убежищу под крышей.

Хорошо зимой, несмотря на стужу, пропадать на улице целый день, когда тебя ожидает дома тепло и свет огоньков на новогодней ёлке, и ты знаешь, что праздник этот будет длиться долго, а зима ещё не раз очарует своими серебряными грёзами и солнечными днями. Как тут не забудешь и про далёкое лето, и про школьные уроки, и всё сидишь в полумраке гостиной, у выстуженного окна, и с чувством неизбывной радости глядишь на заснеженный тихий двор и синие тени под деревьями. Век бы длилась дорогая сердцу зимушка-зима, морозное солнце и волшебный сиреневый вечер!

Чем-то неведомым раскидывается перед тобой в детстве и зима, и вся жизнь, и будущее, что огромно и необозримо, как весь мир. Сердце от этой его неведомой необозримости заходит в сладостном помутнении: как там всё будет, никто тебя в этом неизведанном будущем не обидит?

Нет, ты не боишься ничего, конечно, даже не представляешь пока эту его необозримость, обходясь в достатке уже тем, что имеешь, и только порой в тебе вдруг всплывает нечто неизведанное, называемое взрослыми «будущим», тотчас приобретающее образ бескрайнего неба, и ещё моря с его нескончаемыми далями, и тем, что лежит за ним.

Иногда очень трудно доискаться в жизни чего-то дорогого и правдивого, о чём даже неловко пока думать. Но вот неясно представляющееся в жизненном пространстве «будущее» оказывалось в детстве прекрасным только потому, что ты не мог воображать его иным, и по

этой причине оно струилось над землёй, вместе с солнечными лучами, нескончаемым жизнеутверждающим потоком.

Ты почему-то знал, что это чудесное будущее, обязательно наполненное замечательной жизненной правдой, тебя не минует, оно непременно озарит твою судьбу несравнимой ни с чем добротой и вниманием, с любовью заключив в свои многообещающие объятия. Разве мог ты допустить, что не насладишься им в полной мере?

Нет, это неведомое будущее исподволь чутко отзывалось в сердце на все твои душевные устремления, пока ты был занят своими неотложными ребячьими играми, и терпеливо ожидало твоего появления.

- Что такое будущее? – спросил я однажды у бабушки, и она, не задумываясь, ответила:

- Всё, что ждёт тебя впереди, только - твоё, каким ты его пожелаешь видеть.

Божье деревце

Всякой вещи - время. Те, что пришли к тебе из детства, и с ними были связаны какие-то события, наверное, незабываемы. Может быть, они даже во многом определяли твоё существование, ибо восприятие предметов невозможно без переживания определённых чувств. Правда, значение их постигаешь не сразу, скорее всего - с возрастом, когда обретаешь способность осознавать свои действия и окружающую тебя жизнь.

Детство всегда всплывает из памяти с ненасытным ощущением безраздельного обладания всем, что тебя окружало. В нём не существовало мелочей, и всё было очень важно, включая и засыпающую темноту детской, и замершие на столе, до утра, цветные карандаши, и покачивающийся фонарь за окном, похожий на луну.

А ещё - грудной голос бабушки, что, усыпляя каждый вечер волшебной сказкой, уносил тебя в звёздное небо, под которым днём можно было потеряться. В закоулках детского сознания не могло быть ничего несущественного, но и понимать всё, происходящее с тобой, приходилось самому, и в этом проявлялась, быть может, самая захватывающая тайна детства.

Детство отличается от жизни взрослых одним очень важным обстоятельством: в его объятиях ты делаешь то, что хочешь. Досыта, помню, обременял я себя разного рода играми, выпивая испытываемое при этом удовольствие до капли. Никогда мне не было с собой скучно.

Оставаясь дома один, я полностью погружал себя в какую-либо игру, разговаривая с её героями откровенно и просто, как если бы они, действительно, находились рядом. Я так правдоподобно умел сам себе обо всём происходящем рассказывать, что мне было очень весело. И так - целыми часами.

Глядя на меня, могло создаться впечатление, что я в своей жизни много повидал, немало вытерпел, и вся эта придумываемая мной действительность представлялась любопытнее книжек. Даже самые любимые из книжек, по описываемому в них сюжету, не шли в сравнение с моей способностью увлекаться придуманной игрою, и мне с большим сожалением приходилось оставлять её, все, полюбившиеся в ней предметы, когда бабушка или мама приглашали меня к столу.

Не хотелось ни на секунду отказываться от придуманного мира, оставлять его, но я вынужден был повиноваться. За обедом же с нетерпением ожидал возможности вновь обратить весь свой интерес к затеянному увлечению, до такой степени оно меня захватывало. Мечталось всё на свете узнать, самому увидеть, и научиться делать. Моё восхищение окружающей жизнью росло с каждым днём.

Особенно возбуждало моё любопытство подводное царство. Совершенно неизведанное, о существовании его, казалось бы, я и понятия не мог иметь. Но оно, тем не менее, всплывало во мне из каких-то неизбывных таинственных глубин, я был уверен - они существуют, и что самое любопытное - эти неведомые глубины уже были известны мне!

Наполнив таз водою, и установив его посреди кухни, я усаживался подле него на пол, и принимался лепить из пластилина рыб и всяких морских обитателей, наделяя их способностью к человеческой речи. Это позволяло им легко общаться как со мной, так и между собой, и я воображал себя рыбой или дельфином, а то - и китом, по-своему постигая неведомый для меня мир.

Мысленно погружаясь в неотступно притягивающую подводную неизведанность, невозможно было не ощутить и того, что она мне очень близкая, даже - дорогая. Если сейчас задуматься, то я играл тогда, в своём семилетнем возрасте в то, о чём и не ведал!

Как такое могло произойти? Ответ однозначен: подобное уже случалось со мной когда-то, то есть - причащение к подводной стихии. Правда, в ином измерении, в другой моей жизни, скорее всего - в предыдущем воплощении: оно во многом, по-видимому, определяло прошлое существование, и, вероятно, не могло не проявить себя в моём настоящем.

Это царство затмевало собой все остальные увлечения детства. Что там увеличительное стёклышко для разведения костров, воздушный змей или подаренная бабушкой машинка с настоящими резиновыми колёсиками и открывающейся дверцей?! Подводное таинство притягивало сильнее всего, его загадка просто повелевала всеми моими устремлениями, словом, царствовало надо мной! У него, наверное, есть свой таинственный правитель, думал я, без которого этому царству не быть: ведь кто-то создал этот удивительный мир, наполнил его непередаваемыми по красоте красками и обитателями, совершенно занявшими всё моё воображение?!

Тазик, конечно, был неглубокий, в нём бабушка обычно стирала бельё или под осень давила нарезанную капусту. Но для меня в семь лет было и

такого водного пространства в достатке, и я представлял его себе не иначе, как морем: со своей бездонной пучиной, неведомыми чудищами и непостижимой тайной, что непременно хотелось постичь. Воображаемая мною глубина была почему-то любима, и не покидало желание погружаться в неё всё глубже и глубже.

Вылепленные из пластилина стены полуразрушенного старинного города, укромные пещеры и затонувшие корабли оживляли дно моего воображаемого моря. Вот уж где было разойтись безудержным мальчишеским фантазиям! Я как будто не замечал, что берега у моря - железные, вода в таз - не синяя, а прозрачная, да ещё - и не солёная, но так хотелось проникнуть в подводные тайны, оказаться там своим, всё понимающим и неустрашимым!

И вот что ещё любопытно: многое из того, что занимало моё воображение, впоследствии осталось со мною на всю жизнь. Мои пластилиновые человечки опускались на дно, и словно растворялись там, проникаясь охватившей их стихией. Для меня они были исследователями того, что непременно следовало постичь, и я мысленно погружался вместе с ними, пытаюсь раскрыть чудесные морские загадки.

Представляя, как это может быть на самом деле, я верил, что когда-нибудь море обнимет меня, и я позабуду себя в его могучих объятиях, и стану тем, кем и должен быть. Так оно и произошло. Но как возможно было в семь-восемь лет, когда никто и ничто тебя к этому ещё не подвигло, отгадать своё предназначение?

Несомненно, в этом было повинно прозорливое детство, не терпящее ничего заурядного, неувлекательного, добивающееся только правды, уже тогда тонко угадывая свою последующую жизнь. Известное дело, что до семи лет ребёнок поддерживает свою взаимосвязь с предыдущими воплощениями, даже - с самим Божественным Существованием, и для него не составляет труда увидеть предначёртанное именно ему, что приводит ребёнка в неописуемый восторг.

И так, постепенно и незаметно, росло моё древо неиссякаемого интереса к жизни, преисполненное любви и радости. Хотелось поскорее отгадать в себе неискоренимое ничем знание, что и ты всегда можешь прикоснуться к этой очаровывающей мощи Вселенной, и она находится в тебе!

Её маленький, пока неприметный никому огонёк сознания присущ каждому человеку, и каждый способен почувствовать чудесную божественность мира, возвращая своё «божье деревце». Деревце любви и самозабвенного преклонения перед этим волшебным миром, способное вырасти когда-нибудь в чудесного великана, от которого родится добрый плод. Так восстаньте, во всей своей полноте, дремучие добрые силы, пребывайте в веках, и да поможет вам на этом пути Божественное Существование!

Помнится, в детстве мне ничуть не страшно было выхватывать из травы за яркие головки вёртких ужей, также безбоязненно помещать их за пазуху, и весь день носить так в рваной майке, время от времени вытаскивая их извивающиеся блестящие тела и пугать ими девчонок. Разглядев же однажды в зрелом возрасте безобидно свернувшуюся на пеньке змейку, во время охоты, я мгновенно пережил липковато-отталкивающее, неприятное чувство, которое ещё долгое время возбуждало в душе суеверный ужас.

Почему? Да просто я утеряти волшебство собственного существования, которым обладал в детстве, и это утерянное ощущение легко дающейся когда-то проницательности и доверия ко всему миру - не давало мне покоя в течение всей последующей жизни.

Золотой сон детства - это огромное солнце над родным домом, что ненавязчиво и ласково заглядывает в распахнутое окошко, неслышно разговаривает с тобой, а ты уверен, что когда-то уже видел его, слышал и чувствовал, как оно заботится о тебе, и какое это солнце родное. Родным представлялось всё, что окружало тебя в природе, и я до сих пор помню душистое тепло нагретой солнцем земляники, жгучую боль от укуса пчелы в ладошку, аромат опавших яблок, и совершенно забылись все обиды, какими бы несправедливыми они тогда не казались.

В последнее время я недаром всё чаще устремляюсь в мыслях в свои ранние годы, и мне опять хочется стать ребёнком. Конечно, я не мечтаю ощутить себя им в полной мере, потеряв с трудом обретённый опыт и зрелость, а желаю только восстановить присущую детству невинность и чистоту. Когда это, временами, у меня получается, то я ощущаю себя необыкновенно счастливым, убеждаясь в истинности утверждения, что счастье - в нас, а не вокруг да около.

И так, в детстве передо мной не возникал вопрос, почему-то так занимающий многих детей: кем им хочется быть? Да и взрослые всегда были большими любителями озадачивать детей подобными головоломками вместо того, чтобы самим, наконец, определиться в жизни, честно ответив себе на вопрос: удовлетворён ли ты выбранным для себя делом, познал ты собственную сущность, счастливо твоё сердце?!

Но, тем не менее, родители продолжают донимать своих детей совершенно никчёмными вопросами относительно их счастливого будущего, тогда как дети сами способны очень умно выбрать для себя верный жизненный путь, если им в этом не мешать. Дети хорошо понимают - что им необходимо для жизни, безошибочно отдавая предпочтение наиболее близкому для себя занятию, и обязательно обратят к нему своё внимание, когда почувствуют в нём потребность.

Это, действительно, может показаться странным, но я никогда не задумывался над тем - что из меня выйдет? Разумеется, я любил представлять себя объездчиком лошадей, воздухоплавателем, фокусником, футболистом, охотником на диких зверей и путешественником, золотоискателем, - кем угодно, но всё это были мимолётные устремления молодого, не

отягощённого какими-либо ограничениями ума, способного с удовольствием фантазировать, и только! Мне нравилось довольствоваться обыкновенной действительностью, не удовлетворяясь одной глупой выдумкой, никак не преобразуя её во что-то более примечательное, а лишь принимая как единственно достойную внимания реальность, которая была, по моему глубокому убеждению, волшебной.

Хотелось ли мне выйти каким-то чудесным способом за собственные, невеликие пределы? Пожалуй, что нет, поскольку вполне хватало невинных детских увлечений. И всё же, таинственное безотчётно приманивало к себе, но не за тем, чтобы оно открывалось с помощью какого-либо волшебства, которым я должен научиться владеть, а только благодаря моим собственным усилиям, по правде, чтобы тебе никто не помогал. Такое управление своими силами представлялось наиболее ценным, и было особенно желанно.

Тем более, что для этого находились вполне оправданные основания: каким-то образом мне удавалось видеть в окружающих меня предметах жизнь, а значит - и сознание. Ведь любой предмет, даже самый маленький, служит нам для постижения жизни. Иначе, с какой целью его породило Существование?

Вот и воспитание человека начинается с любого предмета или явления: это ясно понимаешь уже в детстве. Достаточно только быть внимательным ко всему, что тебя окружает.

Недаром одна из самых важных мыслей о детстве, что приходят в зрелом возрасте, - ничего не должно быть забыто, всё в детстве необыкновенно целостно. Важна каждая мелочь, ибо она способна преобразовать жизнь, всё, что присутствовало в ней, с чем ты взаимодействовал. Касалось ли это плывущих по небу облаков или морских камешков, затёртых монеток или свисающих с крыши сосулек, - благодаря всему этому ты входил в себя самого, в тоже время, оказывается, преобразуя и мир, и так, незаметно и с удовольствием, становился для него незримым мудрецом, не устающим познавать непознанное.

И всё это, несравнимое ни с чем богатство с раннего детства составляло мою природную суть, я радовался возможности жить, и Существование не могло ничего не заметить. Оно как будто подбрасывало мне всё новые и новые драгоценности, отмечая в моей душе неодолимую тягу к жизненному торжеству.

Будучи уже взрослым, я вознамерился однажды определить: а был ли у меня в детстве предмет, затмевающий собой, по значимости, все остальные, пусть бы даже они тоже были очень дорогие? Разве забыть старый дедушкин компас, стоптанные кожаные башмачки, одеваемые на лапы гончим, что сшила для них ещё моя прабабушка, и загадочный китайский божок, с мерно покачивающейся головкой, что покоился на старинном бабушкином комод? А истёртые деревянные пуговицы, представляющиеся старинными монетами, пузатый, начищенный до блеска самовар, маленький латунный колокольчик

над входными дверьми, загадочное бабушкино зеркало, испещрённое изящными морщинками, и многое-многое другое?

Но вот такое, чтобы вещь служила для постижения жизни и себя, не сразу и упомнишь. Чтобы она открывала для тебя окно в твоё будущее, которое непременно представлялось увлекательным и прекрасным. Что же это могло быть?!

И тут, меня осенило: ведь это - кортик, настоящий, морской, подаренный мне моим дядей, прослужившим всю жизнь в морской авиации! Кортик сразу произвёл на меня неизгладимое впечатление, потому что заключал в себе несомненную тайну. Дядя носил его на поясном ремне, на поскрипывающих кожаных ремешках, и само слово - «кортик», подразумевало нечто необычное, чего невозможно было выразить словами.

Но взрослые пояснили: это - короткий кинжал, применяемый моряком в рукопашном бою, когда один корабль брал другой на abordаж. Слово «abordаж» тоже понравилось, но всё внимание затмевал собой кортик/!/, ведь это было так замечательно - бесстрашно сражаться с врагами, и помогал тебе в бою кортик, неизменный друг смелого морского офицера, вступающего в отчаянное сражение. Кортик, кажется, прибавлял своему хозяину силы и решимости, он был незаменим именно в коротком, самом решающем бою, опережающим в своём мгновенном устремлении даже молитву - «Господи, помилуй!», и, как и молитва, несомненно, спасал своего обладателя.

Мой кортик был просто чудесный, я не мог наглядеться на него часами, представляя для себя коротенькой шпагой. Весь в золоте и никеле, инкрустированный рубином и топазами, он, конечно, вызывал восхищение не этим, а скрываемой в своей глубине огромной силой, уместающейся в маленьких ножнах.

Сила эта хранилась в глубине кортика спокойно, вроде бы, никак не выдавая своего присутствия, но, тем не менее, сразу угадывалась, и от её присутствия становилось также хорошо и спокойно. Стоило только взять кортик в руки, как по телу пробегала дрожь непередаваемо чудесного возбуждения, что было даже выше радости, будто предугадывая предстоящую жизнь интересной, живой, наполненной путешествиями и приключениями.

Я бережно прижимал мой драгоценный кортик к сердцу, и был уверен, что так и проживу свою жизнь: достойно, интересно, наполнено. Кортик был самым дорогим моим предметом детства, и я был благодарен судьбе, что она подарила мне такого замечательного друга.

К слову сказать, так оно и вышло: я прожил достойную и интересную жизнь, в которой бы ничего не желал изменить. Что же касается детства, то уже с ранних лет я ощущал себя очень живым, хотя, внутренне, и спокойным ребёнком.

Меня, к примеру, никогда особо не радовал калейдоскоп, в котором, если его постоянно поворачивать, как солдатики, по щелчку, выскакивали разнообразные узоры, и очень скоро они надоедали. Разве сравниться им

было с игрой теней поутру на бабушкиной веранде, когда солнечные лучи весело проскальзывали сквозь занавески, в блаженстве растекались по полу, и прятались за старым сундуком, будто тихо переговариваясь там и что-то затевая?

Ощущение сказочности мира переполняло моё маленькое сердце, и я с радостью переживал этот восторг, не прося ничего взамен. Достаточно было и того, что было, а было так много: в детстве, как и в любви, не думаешь о себе, а как раз - забываешь, желая счастья всему миру, будучи им переполнен.

Это переживаемое ощущение любви не было знанием, скорее - чувствованием, для которого священо всё - тишина, деревья, вода и небо. Главное же - твоё единение с божественностью мира, и понимание, что любовь - и в тебе.

Для открытия в себе этого божественного чувства, оказывалось, совсем необязательно ходить с бабушкой в церковь, нужно просто быть собой, и если заглянуть внутрь себя, зажав глаза, и устремиться туда нацеленной стрелой, то обязательно почувствуешь свою вечную реальность, отчего становится ещё радостнее жить.

Иной раз думалось: разве возможно подобное переживать в детстве? Оказывается - да...

Быть живым, с радостью принимая всё, что ниспосылает тебе небо: может ли быть что-нибудь лучше? И я был живым, увлечённо забываясь в игре с цветами и морским песком, повсюду чувствуя себя как дома. В бабушкином саду, среди трав и деревьев, в связи с которыми я переживал необычайную приподнятость и силу, я радовался этим силам и открывающимся в себе способностям.

Всё это одаривало меня таким невероятным счастьем, как может быть счастлив только маленький мальчик, когда он обнимает своей любовью этот многоцветный чудесный мир, и мир отвечает ему тем же. Порой сердце сжималось от переживаемого счастья так крепко, что сам, того не ведая, я, кажется, становился...волшебником.

Вот и общение с близкими людьми превращалось в сплошной праздник: снискать любовь бабушек, матери и отца, не прикладывая никаких усилий, оказывалось делом лёгким и приятным, без какого-либо влияния на взрослых в силу своего малого возраста, а только с помощью самой жизни, которая была волшебна. Притягательная тайна жизни носилась в воздухе, бабушки, вместе со мной, верили в её магическую силу, и за это я был им необыкновенно признателен.

Именно благодаря самым близким родственникам моё детское сновидение длилось долго-долго, так что и детство и мир принадлежали мне в полной мере, всё было великодушно предоставлено жизнью для прекрасной игры, и даже если порой моё настроение омрачала нежданно надвинувшаяся тень, во мне не пробуждалось долгого недовольства. Ведь в любой миг я

мог опять беспрепятственно обратиться к миру любви и фантазий, к тому, что переполняло и меня, и маму, и бабушек, и было разлито повсюду.

Как чудесна была каждодневная радость, как блаженны были эти бесконечные дни и часы, проводимые в довольстве и сказке! Аромат жизни пронизывал каждую клеточку моего тела, и каждый её миг воспринимался, как самый неповторимый, божественный.

Даже когда красавец-петух, с превосходством полноправного хозяина двора, важно расхаживал по нему, время от времени приподнимая когтистую лапу и застывая так на какое-то время, а сердитый глаз его источал царственную немилость, я был переполнен этим проистекающим повсюду довольством. Птица, кажется, готова была вот-вот ринуться на кого угодно, лишь бы подтвердить собственную исключительность, против которой только бабушка знала противоядие. Куры же безропотно были заняты тем, что беспрестанно склёвывали рассыпанные зёрна, ни на что, кажется, больше не претендуя, а я опять переживал в сердце восхищение от этой простой и удивительной жизни.

Сидя за зарослями крапивы, в самом дальнем углу сада, я строил всевозможные планы по овладению такой силой, что позволила бы мне совершить небывалые подвиги и странствия. А ещё - научиться понимать язык и звёзд, и моря, и всех птиц и животных, населяющих землю, и даже - нашего петуха, несмотря на его глупую заносчивость, будто бы избавляющую двор от неожиданных врагов.

Так сладко верилось в вечную и радостную справедливость этого мира, в его блаженную предрасположенность к одной радости и любви, незаметно взращивая в своём сердце «божье деревце», будущего чудесного великана, от которого родится добрый плод.

Книжный дедушка

Когда я приходил к деду, он совершенно по-иному относился ко мне, нежели бабушки. С ними я был предоставлен самому себе, они не мешали моему волеизъявлению, между тем, заботливо следя, чтобы я не свалился куда-нибудь, словом, чтобы со мной ничего не случилось.

Но дед не допускал во мне подобной свободы, и очень цепко брал надо мной руководство, которое, впрочем, не угнетало: оно лишь настраивало на какой-то своеобразный лад в поведении, призванный к ненавязчивому порядку. Дед, по характеру, был очень основателен, что, кстати, в полной мере передалось моему отцу, и, как это ни странно, мне.

В его небольшой комнатке, что служила ему кабинетом, казалось, не было ничего существенного, чего могло бы заинтересовать мальчишку. Но очутившись в гостях у деда, я попадал в мир какого-то необъяснимо вдумчивого и покойного равновесия, и это равновесие расширяло границы комнаты до бесконечности, а глубина познаваемого в ней представлялась неисчерпаемой. Комната была как книжка, что раскрывалась на любой

странице диковинными картинками, эти картинки ненавязчиво завлекали, и невозможно было не поддаться их чарам.

«Книгу» эту мы читали с дедом вместе, очень вдумчиво и с расстановкой, как он, обычно, относился к любому делу, и всегда нам удавалось отыскать что-то необычное, и тогда время замирало, будто «книга» предоставляла нам возможность насладиться очередной прекрасной историей. При «чтении» её мой удивительно добрый дед становился ещё более сердечным, отчего обыкновенная история тоже преображалась, целиком захватывая всё моё восприятие. Хотелось всегда прижаться к деду, впитывая всем телом его обаятельную неспешность, и чтобы история длилась долго, вернее даже - нескончаемо.

Дед слыл знатным книгочеем и рассказчиком, сдабривая свою размеренную речь разными причудливыми словечками, наподобие - «некто», «имея пристрастие», «держась подобного поведения», «проявляя естественное любопытство», «относительно замечания», «неожиданный дифферанс», «почитая за нечто неперменное», «соблаговолил ретироваться», «не желая объясниться», и - «затрудняясь умозаключить». Подобного рода выражения сыпались из деда ровно диковинные вещицы из бабушкиного сундука.

Не перечесть историй, которые он пересказал мне за всё моё детство, а особенно - про свою бабу, которая, когда дедушка, будучи маленьким, жаловался ей на больное ухо, отвечала: «Насерю я тебе на ухо, Мишка, худая книжка!» И верно, дедушка проявил большую тягу к учению, с малых лет тянулся к книгам, и в течение всей своей жизни собирал библиотеку, что умещалась в одном большом шкафу, в самом тёмном углу комнаты, так что не сразу и разберёшь - книги в нём или какие иные вещи. Книжным был мой дедушка, а кто много знает, тому и книги в руки!

Была у деда одна занятная книжка про древних египетских богов, в которой рассказывалось о том, какие они великие, и эта книга сразу показалась мне знакомой. Почему-то именно она, прежде других, привлекла моё внимание, картинки её как будто только ждали, чтобы я их рассмотрел, но больше всего попадались на глаза пирамиды. Ярко-жёлтые, на синеньком египетском небе, какие-то приободрившиеся, несмотря на свою седую древность, словно только что возведённые, они вызывали желание смотреть на них, не отрываясь, впитывать заключённую в их недрах тайну, и во всём этом своём притягательном волшебстве пирамиды открывали какую-то иную действительность, которая, как я чувствовал, была мне близка.

Вдобавок, на полке, рядом с этой книгой, притаился каменный жук-скарабей - один из самых почитаемых символов Древнего Египта, рождённый из песков пустыни. Скарабей, перекатывающий свой шарик навоза с востока на запад, напоминал египтянам путешествие солнца по небу, излучающего свет и тепло, и считался священным, оберегающим от бед.

Уж не знаю - где этого скарабея раздобыл дед, но жук поразил меня тем, что тоже пробудил в памяти неясное воспоминание, легко умещался

даже в детской ладошке, и был приятным на ощупь. Маленький скарабей воспринимался сокровищем в дедовском шкафу, и что удивительно, когда бы я ни появился в доме у деда, всякий раз менял свой цвет.

То он серый, с нежно-песочным оттенком, то незаметно превращается в коричневого или жёлтого жука, иногда даже обнаруживая в себе еле приметные серебристые блёстки, а в тихие пасмурные дни вдруг становился синим. Невозможно было объяснить это его перевоплощение, но то, что скарабей заключал в себе какое-то волшебство, не вызывало у меня никаких сомнений.

Приходя к деду, затаенно думалось: какой цвет жук приобретёт сегодня? Помнится, я даже пытался это угадать, но у меня ничего не получалось. Скарабей жил своей, непонятной мне жизнью, он, наверное, не зря появился в шкафу деда, и я, почему-то, всегда ждал с ним встречи.

Больше всего мне нравилось, раскрыв книгу, обращать свой взор к пирамидам: чем-то неизъяснимым, но очень знакомым веяло от этих стражей древнего мира, к которым, несомненно, я когда-то имел отношение. Мало того, не покидало ощущение, что я был внутри одной из них, в самой большой - пирамиде Хеопса, и когда это происходило, вероятно, в иной жизни, она называлась по-другому.

Маленькая комнатка в ней, где я тогда находился, не вызывала ощущения сдавленности, наоборот, всё моё восприятие отличалось воздушностью, покоем и умудрённостью собственного положения. При этом от меня не могла утаиться значимость происходящего: сознавая себя молодым человеком, юношей, я видел рядом трёх бритых наголо жрецов в белых одеждах, а прямо передо мной, на жёлтой песчаной стене, висела аккуратная чёрная доска, где цветными мелками были начерчены разнообразные геометрические фигуры...

Сразу, почему-то, становилось понятно, что жрецы преподают мне какую-то сакральную геометрию, и формулами в ней оказывались самые важные законы Вселенной, такие простые и ясные, что невозможно было их не запомнить. Перед тем, как сознание вернулось ко мне, я ещё подумал, что легко запомню их, и обязательно перескажу ближним. Видение этого события открылось мне уже гораздо позже, в зрелые годы, но тогда, в детстве, знакомство с ним поразило своей правдоподобностью.

Видение всплыло в моём сознании только однажды, и я был уверен, что всё услышанное от жрецов - уже живёт во мне, только требует выхода. Главное - сохранить это знание, не дать ему бесследно раствориться, как часто это всё-таки происходит, когда мы обнаруживаем в себе какую-то дельную мысль, представляющуюся такой простой и доступной, что кажется - её уже не утратить, но проходит мгновение, другое, и мысль бесследно исчезает. Какая жалость! Ведь знание, казалось, так доступно, оно уже было в тебе, и вот...

То же самое произошло и со мной: очнувшись от посетившего меня неясного воспоминания, к сердцу тогда вдруг ненадолго подкатило лёгкое

разочарование. Но ведь это было детство, уже через мгновение дарящее новое чудное ощущение или открытие, а потому промелькнувшее знание о себе только озарило радостью постижения этого удивительного мира, ничуть не расстроив, и я принялся рассматривать картинки дальше. Правда, уже ничто так не занимало моё воображение, как величественные пирамиды - Хеопса, Хефрина и Микерина, в чьих именах угадывался сыпучий песок тысячелетий, благодатные воды Нила, мудрость всевышних богов и тайные знания жрецов.

Чего только не воображалось, перелистывая страницы этой толстой книги, и я забывал наш солнечный двор, красавца-петуха, и пузатую бочку с водой под кустом сирени, пахнущую резиновым шлангом и речной прохладой. Что-то ожидает меня впереди, какие тайны суждено ещё разгадать, и принесут ли они радость от обладания чудесными знаниями? Эти знания, я так чувствовал, непременно должны были наделить меня способностью видеть то, что обычно сокрыто, понимать язык животных, птиц и трав, не пользуясь никакими магическими амулетами и ритуалами, а только собственной энергией, исходящей из центра моей природной сути.

Помимо книжного шкафа, лимонного куста на подоконнике и узенькой софы - в комнате ничего не было. Крохотный секретер у окна даже не сразу бросался в глаза, потому как, наверное, выглядел очень аскетически: малахитовая чернильница и лампа с миниатюрным зелёным абажуром, больше ничего. Какая-либо домашняя утварь, и прочие безделушки - тоже отсутствовали. Софу покрывала шёлковая, украшенная восточными вышивками накидка. Вот и всё комнатное убранство.

Правда, если быть внимательнее, задрав голову к потолку, то можно было разглядеть в темноте большую розоватую раковину, что покоилась на шкафу. Её привёз дедушке с Тихого океана его сын, и мой дядя, служивший в морской авиации. Раковина, по-видимому, не особо занимала деда, и он засунул её подальше от глаз, скорее всего, позабыв о её существовании.

Когда я впервые увидел эту морскую диковину, то на меня сразу пахнуло далью, морем и какими-то пряностями, благоухающими, вероятно, только в моём воображении. И вдруг почудилась ещё неведомая мне тропическая влага, жаркое солнце и дикие песчаные берега, овеянные тенью девственных лесов. Раковине, явно, не доставало внимания, и, почувствовав его во мне, она, должно быть, с радостью пробудилась.

Хотя раковина и принадлежала дедушке, она всё же оставалась свободной, желая, наверное, этой свободой с кем-то поделиться. Тем более, что деду до неё не было никакого дела: им овладевало кое-что поважнее - древняя история и бухгалтерия!

Был он человеком основательным и очень дисциплинированным: сама природа деда, кажется, предопределила ему посвятить себя практике счетоводства и учёта. Предприняв не менее ответственные шаги по пути своего профессионального роста, дедушка очень скоро добился должности главного бухгалтера в одном из крупных городских ведомств. Склонность

же к соприкосновению с древней историей пробудилась в нём ещё в гимназии, и с тех пор он только углублял посвящённые тайнам Востока знания, изучая религии буддистов, иудеев и мусульман, становясь в этой области истинным мудрецом, хотя сам был христианином.

Никто не знал лучше него годы правления всех египетских фараонов, божественное лукавство искущённых в знаниях жрецов, историю возведения величественных храмов и тайную жизнь их служителей. Дед и сам порой представлялся мне непостижимым правителем какой-то древней страны, когда на лице его появлялась сокровенная улыбка довольства, если в руках у него оказывалась книга по истории, или какая-нибудь потёртая карта. В такие моменты дедушка становился другим.

Другим ощущал себя и я, когда просил деда достать мне эту раковину, и осторожно брал её в руки. Тогда я, наверное, преображался, принадлежа уже иному миру - миру приключений и морских стихий, поиску истинных путей постижения, скрывающих за собой нечто божественное, ещё не открытое, но невероятно привлекательное. Раковина сама выглядела как сгусток чего-то неизведанного, что непременно хотелось разгадать: всем своим видом она привлекала и покоряла, временами повергая в совершенное забытие.

Там, в глубине её закручивающегося к центру природного совершенства содержалось нечто превосходное, и это не был только таинственный гул морского чрева, а не поддающаяся воображению мощь, глубже которой ничего уже нет, только - непознаваемое. Но именно оно и притягивало больше всего.

Обычно, я отрешённо застывал, прижав раковину к уху, которая была больше моей головы, напряжённо вслушивался в отдалённое неведомое эхо, и оно завораживало меня своей музыкой. Не убаюкивало, не повергало непостижимой силой, а делало почему-то счастливым, хотя я эту музыку и не понимал, но она меня трогала. Её стихия наполняла тело энергией, энергия эта рвалась себя реализовать, и становилось понятно, что без неё мне не прожить, исподволь она уже воспитывает моё сердце, и я, невольно подражая ей, с наслаждением погружался в нечто таинственное, вторя в себе музыке неизведанного моря.

И книжка про египетских богов, и пирамиды, и загадочная фигурка скарабея, и забытая дедом раковина, тоже, негласно, воспитывали меня, и всё это я почитал для себя за родное, что принадлежало только мне. Но в тоже время оно напоминало о более широком глубинном мире, о взаимодействии в нём разных вещей, и это было так радостно переживать.

Будто ты явился в этот мир из неведомого далека именно для того, чтобы зачем-то очутиться в маленькой дедушкиной квартире, или - на дворе бабушкиного дома, вместе с курами и петухом, старыми яблонями и раскидистой сиренью... И ещё ты знал, вернее, чувствовал, что пути твоего следования по Вселенной неслучайны, и есть в ней уголки, где ты уже побывал, но предстоят и новые незабываемые путешествия.

А пока тебе надлежит пребывать здесь, на Земле, в лице маленького мальчика, постигающего диковинную музыку ещё неведомых морей, ощущая прекрасное дуновение детства, где быль встречается со сказкой, необыкновенно этим пленяя. Многообразной и всегда понятной представлялась жизнь и с дедом, и с бабушкой, и с самим собой, она была переполнена богатством красок и многоголосым звучанием окружающего мира, и становилось так хорошо, что прекраснее этого мира, казалось, не отыскать. Реальность моего существования была сравнима с настоящим волшебством.

Волшебство повсюду

Волшебству в моём детстве находилось место повсюду, и это хорошо проявлялось в окружающих предметах, что неожиданно меняли свой облик. Так, входная дверь в дом бабушки, с колокольчиком над ней, на следующий день отчего-то начинала выглядеть иначе: колокольчик, вроде бы, тот же самый, а звучит уже по-другому. Да и сама дверь будто охорашивалась, приобретая какую-то, не присущую ей раньше, гладкость, тогда как вчера производила не совсем приятное впечатление, вызывая неудовлетворённость своей шероховатостью от облупившейся краски, некую, не сразу приметную, надтреснутость. Что могло с ней произойти?

Вот и фаянсовый бульдог на комодѣ, что до сих пор сидел с остановившимся взглядом, насупленный, мог неожиданно осклабиться и показывать зубы, и потом, в течение всего дня, внимательно наблюдал за тобой, чем бы ты ни занимался. И даже вечером, когда мы с бабушкой укладывались спать, продолжал пристально смотреть на тебя, ни на секунду не отрываясь, так что становилось немножко жутко, и я прижимался всем телом к бабушке, слушая её очередную сказку, а бульдог неотрывно вглядывался в темноту, не ослабевая своего затаенного внимания.

Как мог ребёнок объяснить всё это себе, не подпав под влияние изменяющейся вещи? Не иначе - тут было опять замешано волшебство.

Улица, по которой мы с бабушкой каждый день гуляли, ещё вчера - грустная, замкнувшаяся в себе, сегодня становилась весёлой, она будто расступалась вширь, желая обнять всех прохожих, но как ей это удавалось? Всё, что происходило со мной и вокруг - даже не озадачивало, а воспринималось как нечто обычное, присущее этой удивительной и многообразной жизни, которая удивляет не зря, будто играя, превращая знакомое в неизвестное, и - наоборот.

От этого хотелось играть и мне, и я приноровился наделять вещи значениями, вроде бы, им не свойственными, и вещи тотчас откликались на мою изобретательность, будто радуясь за приключившееся со мной прозрение. Вот и скрипучий венский стул порой отчего-то приободрялся и становился красивым, с изящно изогнутой спинкой и стройными ножками, целыми днями до этого оставаясь заурядным. Как мало, оказывается, в жизни

неизменного, и до чего всё живо, готовое в мгновение совершенно преобразиться?!

И всё же, самым чудесным в этом необыкновенном мире представлялся себе...ты сам. Вернее, тот невидимый «кто-то», какое-то существо, несомненно, принадлежащее моему внутреннему миру, которое возникало в моей жизни в самые неожиданные моменты.

Невозможно было предугадать его появление, и когда этот «кто-то» обнаруживал себя, нельзя было не почувствовать его присутствие, тем более, что он оказывал мне поддержку. Но всё-таки, может быть, этим «некто» являлся я сам, мой внутренний голос, та природная суть, что отличала только меня, и не в силах поверить в его существование - я и воображал какого-то неведомого «человечка»?!

Иначе, как можно было объяснить, что этот «кто-то» предупреждал меня - стоит ли что-либо делать, или это совершать неразумно? Такой «кто-то» однажды бросил меня с обрыва в реку, вслед за старшими мальчишками, когда они с разбегу весело попрыгали в воду. Причём, плавать я не умел, никогда ещё в своей жизни с водой не соприкасался, так, чтобы остаться с ней наедине, а тут - бесстрашно прыгнул с высоты, и - поплыл! Что вынудило меня к такому необдуманному поступку, или это был я сам?!

Не скажу, что мне приходилось слушаться этого сидящего в себе «некто», но нельзя не признать, что в каких-то ситуациях «он» повелевал мной, частенько направляя совсем не туда, куда бы следовало, и тогда будто чёрт вселялся в мою душу, вместо того, чтобы как раз избавить от опрометчивого шага. Я вынужден был следовать за «ним», совершая сущие несуразности, и бывали случаи, когда я просто не в силах был с этим «существом» сладить.

Так, однажды, мне взбрело в голову вылить трёхлитровую банку чернил на лысину нашего почтенного соседа, живущего этажом ниже. Наблюдая, с каким подобострастием дядечка поливает цветы у себя на балконе, я не нашёл ничего лучше, чем опрокинуть ему чернила за шиворот, после чего в доме началась невообразимая кутерьма. Отец, конечно, изрядно мне всыпал, вернее - выпорол, после чего «человечек» долго не давал о себе знать. Куда подевался этот «некто»?!

Или был такой случай... По весне, когда ещё не сошёл снег, мы с приятелями отправились в лесной парк, неподалёку от нашего дома, а учился я тогда во втором классе, и когда углубились в чащу, то обнаружили среди небольшой полянки озерцо. По краям его поблескивал ледок, да и снег местами укрывал землю, но, несмотря на это, мне вдруг приходит в голову идея...искупаться, так притягательно отсвечивала на солнце тёмная поверхность озера, а благодаря пробивающимся сквозь ветви солнечным лучам - на дне хорошо были видны чёрные корни деревьев и тёмно-синяя прошлогодняя трава.

Откуда, казалось бы, было взяться этому вездесущему и неутомному «человечку», и, тем не менее, «он» появился. В мгновение перевернул что-то

у меня в душе, и велел раздеться до трусиков, чтобы, не раздумывая, ухнуть голышом в ледяную воду, что я и сделал. Приятели мои опешили!

Глубина в озере была в рост мальчишки моего возраста, не больше, и поначалу я даже не ощутил - как обожгла только что растаявшая снежная мягкость, охватившая всё моё хрупкое тело. Через мгновение сердце уже готово было выскочить наружу, и всё же «человечек» шаловливо извернулся во мне, подарив возможность проявить себя очень проворно и смело, и, окунувшись с головой в ледяную воду, я как пробка выскочил на берег!

Ноги не слушались, я их почти не чувствовал, зато настроение было на удивление приподнятым, и я ощущал в себе весёлые молоточки, радостно вырывающиеся наружу. Мальчишки же теперь смотрели на меня с явным восхищением, и я даже, помнится, пожалел, что «человечек» появляется в моей жизни не так часто.

Признаюсь, мне нравился этот чудесный союз, что негласно образовался между нами, подтверждая своим существованием убеждение, что волшебство, действительно, повсюду. И я был очень признателен неведомому «существу» за то, что «оно» меня не покидает. Но кто это, всё-таки, мог быть?!

Как-то раз мне удалось повстречаться с тем, кто жил в моём теле, а объявлял он себя лишь изредка, когда я этого совсем не ожидал. И вот, мне тогда было лет девять-десять, я решил один пойти на Каму: мне взбрело в голову, что неплохо было бы поплавать и, за одно, испробовать свои силы. Мальчишки постарше часто бегали на речку, соревнуясь в нырянии, кто дальше проплывёт под водой, и мне не хотелось перед ними оконфузиться, тем более, что они всё равно, рано или поздно, опять взяли бы меня с собой.

Прямо за портом река совершала излучину, образуя затон, в нём обычно отстаивались плоты, и эти плоты облюбовала местная ребятня, загорая на них и ловя рыбу. Вблизи воды, на штабелях брёвен, несколько мужчин распивали спиртное, не обращая на меня никакого внимания. Выбрав мелкое место, я зашёл в воду по пояс и нырнул, а когда воздух закончился, и я решил встать на ноги, дна не оказалось. Тут же меня подхватило течение и быстро понесло от берега, так что я и сообразить ничего не успел.

Изрядно хватанув воды, первой мыслью было закричать, но почему-то просить помощи я постеснялся. Сначала пробовал плыть, как умел, во всю работая руками, а как только пытался встать - дно под ногами отсутствовало. Набрав в лёгкие воздуха, я надеялся достать дна и идти к берегу, но течение с каждой минутой набирало силу и меня сносило.

Вконец вымотавшись, я уже было подумал, что погибаю, как вдруг мне под бок толкнулось скользкое бревно, а на его краю, вы не поверите, восседал этот самый «человечек», почти бестелесный, наподобие серого облачка. Я почему-то сразу понял, что «он» никуда от меня и не уходил, всегда оставаясь со мной и лишь изредка появляясь.

Я даже бояться перестал, будто у меня открылось второе дыхание, и ведь показывался этот человечек, вернее - объявлял себя, именно в какой-то ответственный для меня момент, не просто так. Скажете – не волшебство?!

«Человечек» сидел от меня на расстоянии вытянутой руки, и как-то отрешённо улыбался. Я вдруг почувствовал в себе уверенность, опять принялся молотить по воде руками, и вскоре ноги мои коснулись дна, а глубина оказалась по пояс.

Я был спасён, но «человечек» тотчас исчез, и мне даже на мгновение почудилось, будто его и не было. Дрожа от холода и порядком намучившись, пришёл я домой бледный, и только на следующий день признался бабушке о случившемся. Бабушка меня не ругала.

Но о «человечке» я никому не рассказывал, словно «он» и не существовал. «Он» был моей тайной, исподволь влияя на совершаемые мною поступки, только когда в этом возникала потребность, на всё остальное - его влияние не распространялось, он лишь незаметно присутствовал во мне, и я имел возможность поступать по собственному разумению. «Человечек» никак не ограничивал мою свободу, не лишая меня самостоятельности, так что я порой даже задумывался: зачем я ему нужен?

То обстоятельство, что в нём иногда нуждаюсь я сам, меня, кажется, ничуть не занимало. Мне представлялось это «содружество» совершенно естественным, и со временем я стал думать, что это просто мой ангел-хранитель, чувствуя себя при этом очень счастливым.

Необычный гость

С дедушкой Мишей, по отцу, я был очень дружен, мы часто проводили время вместе, когда родители отправляли меня к нему с бабушкой на пару дней. Но я совершенно не помню в детстве своего деда по матери - дедушку Борю, в честь кого меня, видимо, и назвали.

Он рано, я ещё тогда был совсем маленький, ушёл из дому к другой женщине, подавшись куда-то на юг, как говорила впоследствии мама, и долгое время о нём ничего не было известно. Вероятно, родители всё-таки каким-то образом поддерживали с ним связь, по крайней мере, подозревали - где он обитает, хотя дед и не давал о себе знать, и я совсем перестал о нём думать, будто его и вовсе никогда не было.

Но вот, однажды, мы тогда проживали уже отдельно от бабушки, папа получил к тому времени квартиру, я, помнится, остался дома один, когда в прихожей раздался стук. Отворив дверь, я опешил: на пороге стоял старик с длинной седой бородой, в долгополом суконном пальто, какие, наверное, носили только в старину, в одной руке - котомка, в другой он сжимал кривой деревянный посох, и на голове - ничего. Старик стоял, не шелохнувшись, и сверлил меня своими маленькими серыми глазками, не произнося ни слова, а потом всё же слабо улыбнулся и тихо проговорил: «Боренька...»

Что-то знакомое ворохнулось у меня в душе, пока я рассматривал этого необычного странника, его нависшие над глазами косматые брови и волосы, чуть ли не до пояса свисающую бороду, и уже о чём-то про себя догадываясь, предложил старику пройти в дом. Старик при этом грозно нахмурил лоб, и неожиданно бойко перешагнул порог, так что на мгновение стали видны его большущие стоптанные сапоги, какие-то кургузые, неухоженные, а затем он, что было сил, брякнул посохом об пол и громко захохотал, отчего мне стало жутко. Я и глазом моргнуть не успел, как дед сгрёб меня в охапку, то и дело, отстраняясь и дико вглядываясь мне в глаза.

Обучаясь к тому времени в начальных классах, был я ещё мал и не знал, как мне вести себя с этим странным стариком. Тем более, что восковое лицо его приобрело откровенно печальное выражение, и это тоже вызвало во мне отголоски какой-то неизъяснимой грусти. Так мы и стояли, неловко обнявшись, и до меня как-то подспудно стало доходить, что это и есть мой потерявшийся дедушка Боря, которого я совершенно не помнил.

Откуда он взялся, где обитал и какую жизнь вёл до сих пор, - было непонятно. Это, по-видимому, не было известно и родителям. Как-то я слышал от бабушки, да и то, мельком, будто бы дедушка был очень богат, успешен в торговых делах, но однажды погорел на чём-то, новая жена его тотчас бросила, и остался он один, ведя бродяжническую жизнь, посещая церкви и монастыри, ни с кем из мирских людей не общаясь.

У бабушки он так за все годы и не появлялся, вероятно, стыдясь своего положения. Но, вроде как, прославился неожиданно открывшимся в нём даром ясновидения. Правда ли это, опять же, никому об этом не было ведомо, хотя говорили, что дедушка последние годы очень стремился очиститься духовно.

Наконец, появилась дома мама, не говоря ни слова, указала дедушке на кухню, и они просидели там до самого вечера, пока не пришёл с работы папа. Мне не было слышно, о чём говорят взрослые, и я вскоре заснул у себя, в маленькой комнатке, а когда ночью проснулся, то увидел на кухне свет. Дедушка сидел там один, пальто его лежало подле, на табурете, посох же был прислонён к стене, возле окна.

Когда я показался в проёме двери, ведущей на кухню, он строго взглянул на меня, тут же отвернувшись, и лицо его приняло такое выражение, по которому можно было заключить, что на душе у него тяжело. По глазам деда было заметно, что он хочет передать мне важную мысль как можно более простыми словами, но я не решался к нему подойти. Что-то не позволяло вступить нам в разговор, и причиной этому, по всей видимости, был мой возраст.

Неловко было находиться рядом с этим одиноким, и, вероятно, очень несчастным стариком, и всё же я пробормотал, смущаясь своего завидного, по сравнению с ним, положения:

- Почему вы, дедушка, не спите?
- Не предлагают, Боренька, - с горечью заключил он.

- А вы не голодны? - опять смущаясь, спросил я.
- Не беспокойся, родной мой. Вчера я обедал, - и он, не поднимая глаз от стола, устало улыбнулся.
- Мама вчера почему-то была расстроена, - осторожно проговорил я.
- Да, милый... Причиной тому, вероятно, моя персона.
- Что же такое? - тоже огорчился я.
- Каков гость, Боренька, таково ему и угощение: не пришёлся ко двору. Так бывает.

- Я ничего не понимаю.
- Дни такие идут по земле, но Бог всех прощает.
- Что это означает?
- Виноват я перед твоей бабушкой и мамой... Чёрт попустил.
- Кто он такой, этот чёрт?
- Ах, не говори об этом, мой друг, - прервал меня дедушка, будто испугавшись чего-то. - Имел возможность изучить эту бесовскую породу. Все - на один расклад. Одно и то же.

Видно было, что дедушка не хочет ни о чём говорить.

Мне трудно было поверить, что дедушка в таком возрасте бродит один по земле, и нет у него ничего кроме пальто, сапог и посоха, и никто ему не предлагает жить спокойно в тепле и под крышей. Даже мама с папой, и бабушка. Как же так?!

С неясной тревогой погружался я в сон, оставив дедушку одного на кухне, а когда поутру собирался в школу - его уже там не было. Весь день этот старик не выходил у меня из головы, и было почему-то стыдно от того, что я не смог ему ничем помочь.

И ещё я очень жалел этого старого человека: он был мне, оказывается, родным... Мой родной дедушка бродяжит где-то сейчас, и я никак не мог избавиться от переполняющей душу горечи, которая, впрочем, скоро рассеялась. Ведь мне тогда шёл лишь девятый год!

Моё трепещущее крылышками сердце

В детстве я был уверен, что проживу свою жизнь интересно. Уж не знаю - откуда бралась эта уверенность, но я никогда не расспрашивал взрослых о том, что меня по-настоящему занимало.

Ощущая на себе любовь бабушек и деда, я был почти самостоятельным, и как-то ясно в глубине души понимал, что всё самое достойное в жизни не минует моего внимания. Мало того - она благоволит ко мне, а когда кто-нибудь из старших начинал потчевать советами - я тотчас охладевал к этому человеку, уже не особо доверяя ему, и давал понять, что справлюсь со всем сам.

Такое поведение вызывало у взрослых естественное недовольство, но я ничего не мог с собой поделать: жажда к свободе с раннего детства

окончательно завладела моим сердцем. Я недоумевал: как взрослые люди не в силах догадаться, что нужно просто мне не мешать, ведь это так очевидно.

Ступать по жизни самому - как это прекрасно! Ведь истина ждёт любого, кто желает её найти, и тот, кто хочет света, способен достичь его сам. Один из способов выбрать своё будущее, чтобы оно было достойным, - верить в то, что оно предопределено в настоящем, и это настоящее окружало меня в детстве во всей своей красе.

И ещё очень важно было вот что: с раннего детства, когда я уже начинал многое чувствовать и воспринимать, первое, что я понял: мне совершенно не хочется делать в своей жизни неинтересное. Я искренне верил, что буду заниматься только тем, чем захвачен бесповоротно, именно это мне радостно переживать, и я иной раз просто зажимурился от счастья, так мне было хорошо. Не хотелось отвлекаться от завораживающих душу тайн, растрачивать время на что-то несущественное, и я всегда был заточен на движение вглубь себя, стараясь, в то же время, с жадностью постигать окружающий мир.

Вспомните своё детство: разве вам нравилось что-либо делать по принуждению? Нет, вам непременно хотелось стать кем-то другим. Не вопреки чему-либо, наперекор старшим, а оставаясь верным своей мечте, доказывая, в первую очередь, себе свою силу, в глубине души угадывая, что в жизни важна именно она.

Я чувствовал, что тот, кто силён духом - мудр, он уважаем людьми, и судьба его складывается хоть и нелегко, но по собственному желанию, с пользой для мира. Важно было понять - для чего ты рождён.

В детстве всего этого ты, конечно, не осознаёшь, зато в тебе теплится нечто необъяснимое, но такое дорогое, неустрашимое, и оно не даёт покоя. Всё в детстве предполагает отсутствие какой-либо боязни перед жизнью, она будто призывает тебя раскрыться, ничего не остерегаясь, и если ты открыл ей своё сердце - удовлетворение, знание и радость всегда будут на твоей стороне. Основы такого верного отношения к жизни закладываются именно в детстве.

Любить жизнь по-настоящему можно только в детстве. Важно, чтобы взрослые не испортили тебя. У взрослого человека очень часто отсутствует воля к жизни, и это неминуемо отражается на его здоровье и делах - он начинает терять энергию, не в силах противостоять возникающим препятствиям, и постепенно угасает, чего никак не скажешь о ребёнке, в котором эта воля укоренена изначально.

Взрослым бы набраться честности и признать своё бессилие перед жизнью, в которой они очень часто лгут детям, внушая им веру, как правило, в пустые знания. Сознаться в собственном невежестве - вот справедливый путь, и именно им необходимо следовать по жизни, относясь с большим уважением к детской невинности и искренности. Но прежде взрослые должны сами стать невинными, а значит - настоящими.

У ребёнка одно желание - созидать, а это невозможно без энергии, что бьёт в нём ключом. Если взрослому повторить хотя бы часть движений, совершаемым пятилетним ребёнком за день, то у него просто не выдержат мышцы. Жажда жизни в маленьком человеке, что ещё не изведаль всех её перипетий, неодолима, и он уверен, что она будет переполнена прекрасными возможностями и событиями.

В отличие от бабушек, родители, как ни странно, не уделяли мне особого внимания, что было хорошо, поскольку именно этой свободы мне и не доставало. Причём, я достаточно ясно, даже для своего возраста, понимал, что свобода - это не есть поведение, предполагающее вседозволенность, а скорее - поступки, когда ты сам отвечаешь за себя.

Старшие же при этом доверяют всем твоим увлечениям, не переставая заботиться о тебе, и только такое взаимодействие взрослых и ребёнка сплачивает их, и все вместе они становятся сильнее. И тут я просто обязан упомянуть своего отца, огромная заслуга которого заключалась в том, что ему очень легко удалось привить мне любовь к миру природы, хотя он, казалось бы, ничего особенного и не делал.

Где-то в самой глубине памяти осталось у меня отрывочное воспоминание о том, как я ещё лет в семь напросился к отцу на утиную охоту, в конце лета. А запомнилось из всего этого дня на всю жизнь только одно: моё до крайности худое самочувствие из-за ужасной боли в животе, я даже, кажется, потерял тогда сознание.

По-видимому, оставить меня было не с кем, и отцу, как ему этого и не хотелось, пришлось-таки взять на себя присмотр за мной. Обузу эту он взвалил на свои плечи в полной мере, ибо вместо стрельбы по уткам, был вынужден ухаживать за непутёвым сыном, напившимся из болота воды.

Августовский день, надо сказать, выдался жарким, солнце с самого утра пекло как в июле, и я изо всех сил пытался бороться с жаждой, не решаясь своей просьбой побеспокоить отца, дабы, не дай Бог, не расстроить его, отвлекая от выслеживания дичи. Вся вода осталась на стане, в машине, мы не рассчитывали, что день так разгорится, и вместо того, чтобы наслаждаться происходящим, находясь в ожидании прилёта уток в шалаше, ещё загодя сооружённом отцом из камышей, я терпел, думая лишь об одном: как бы поскорее напиться!

Чувствуя, что со мной что-то происходит, отец, нахмутив брови, строго посматривал на меня, затем опять устремляя всё своё внимание к небу. По всему видно, ему очень хотелось поохотиться на уток, а моё надоедливое присутствие вовсе не входило в его планы. Я чувствовал, что отцу от этого очень досадно, и он ничего не может поделать: не бросать же всё, отправляясь назад, к стану!

Припоминаю с трудом, как я всё-таки решился потихоньку покинуть шалаш, пока отец прицеливался в очередную утку. Когда мы шли утром по

пружинящему под ногами моховому ковру, и от его зыбкости замирало сердце, я всё-таки заметил, что тут и там нет-нет да появляются окна, словно накрытые чёрным стеклом, и я подумал вернуться к одному из них.

Подойти к краю такого «окна» было страшно: а вдруг моховой ковёр закачается, прогнётся под ногами, и ты сорвёшься в эту тёмную болотную бездну? Оступишься в какой-то миг, и всё будет кончено.

Но пить так хотелось, что я, осторожно подобравшись к такой дыре, лёг на живот, широко растопырил руки и ноги, и пополз, а когда подобрался к самому краю и заглянул в эту черноту, то даже голова закружилась, и день сразу померк. Что-то там, внизу?!

Быстро, как козлёночек, я прильнул к вяжущей пахучей воде, и стал жадно глотать эту тёплую неведомую жидкость, после чего, поначалу, вроде бы почувствовал себя легче. В какой-то миг мне вдруг показалось, что чёрное водяное окно становится всё уже, оно на глазах сжимается, ладони у самого края вдруг свободно провалились в воду, и я отпрянул от околдовывающего трясинного окошка, через мгновение опять почувствовав жажду.

В желудке что-то забулькало, словно вода переливается, заклокотало, и потянуло поскорее возвратиться в шалаш, к отцу. Ещё, помнится, пронзила мысль: а если отец узнает - куда и зачем я ходил? Будет тогда дело...

И, между тем, где-то в глубине души, не давал покоя чёрный мир таинственного болота. Кто обитает там, на его дне, и есть ли оно вообще?! Эта неведомая глубина болота так завораживала, что воображение ничего не рисовало, кроме густой темноты.

В шалаше нестерпимо парило, летали мухи, и уже через полчаса живот схватило так, что выступили слёзы, пот ручьём лился со лба, а тела я не чувствовал. Резь пронзила его с макушки до пят, к горлу подкатилась тошнота и солнечный радостный свет затмила неизвестно откуда взявшаяся немочь: одна голова на плечах, да и та на ниточке!

Отец склонился надо мной, потрогал лоб, и нахмурился:

- Было бы болото, а черти будут, - еле слышно произнёс он. – Обколотят они нам с тобой, сынок, уши.

В таком отрешённом беспамятстве оказался я в этот жаркий августовский день, что поначалу намечался в воображении только радостным, непременно приносящим открытия, а вот как всё обернулось. И это в детстве, в семь лет, когда слово «забывчивость» не существует, потому, как каждый миг воспринимается с восторгом.

И всё же до сих пор вертятся в голове неясные воспоминания, отчего-то не дают тебе покою даже сейчас, в зрелом возрасте, и ты понимаешь, что правды, пронизывающей всю нашу жизнь, позабыть невозможно. А правда была заключена в том, как любил меня, несмотря ни на что, отец, заботился, и в этой заботе забывал, конечно, самого себя, свои маленькие радости, что были для него, наверное, очень важны, а он отдавал себя мне. Но плохо жить без забот, хуже - без доброго слова.

До сих пор неловко мне перед отцом за испорченную для него охоту, и хотя отца уже давно нет в живых, это ощущение вины никак не проходит. Я словно вновь оказываюсь в том августовском дне, сидя под палящими лучами солнца в камышах, с пересохшим ртом преодолевая жажду, и чувствую, как мешаю ему.

А ещё мне видится, как отец несёт меня на руках, уже совсем ослонившего, с жаром во всём теле, и я почти ничего не чувствую и не слышу. Угадываются лишь его крепкие руки, к моему лицу прикасаются тёплые листья какой-то неведомой травы, в голову ударяет тяжёлый болотный дух, и уже почти потерявшего сознание, отец бережно укладывает меня на заднее сиденье газика.

- Ну, и влетит тебе, Михалыч, от Маргариты Борисовны, - с доброй усмешкой замечает Сергей Иванович.

Отец же только горько улыбается, а я про себя, как в тумане, всё же сгораю от стыда. Прости меня, мой дорогой отец, за принесённую тебе неудачу!

Помню ещё, как отец впервые взял меня в лес, постоять на тяге вечернюю зорьку... Отцу отчего-то вздумалось показать мне, как тянет по весне над лесом вальдшнеп - птица с длинным носом, и ещё как токует высоко в небе маленький куличок-бекас. Токует как-то необычно, рассказывал он, подобно тому, как блеет барашек, и мне очень хотелось увидеть этого неведомого «барашка», и услышать, как он «блеет». Ни о чём ином я уже и думать не мог.

Поначалу отец только обещал мне, что возьмёт с собой в весенний лес, весна в ту пору во всю силу размахнулась по земле, и я с нетерпением ожидал это событие, каждый раз спрашивая отца:

- Сегодня поедem в лес?

Когда я думал о том дне, что мы с отцом отправимся в лес, мысли о нём затмевали всё остальное, и становилось так, будто мне совершенно нечем жить, кроме этого самого леса. Только бы быстрее настал час встречи с природой, где, мне казалось, никогда не может быть ничего худого или скучного, а всегда пребывает глубокий смысл и интерес к жизни, отсутствует глупость и непонимание, как это происходит между людей.

Я верил, что увижу маленькую птичку бекаса, и отгадаю, почему он «блеет барашком», как рассказывал отец. Думы о лесе почему-то очень обогащали меня. Думая о нём, мечтая чаще там бывать, я запасался добрым настроением на всю жизнь.

Весна... Каждый день её несёт нечто неповторимое, чего ещё не было, тем она и прекрасна. Всё удивительно радостно в её нетронутой девственной природе, куда нестерпимо влечёт и свежая зелень берёз, сотканная из тоненьких клейких листочков, и тепло открывающейся земли, ударяющее со всего маху прямо в лицо, и оглушительные запахи молодых трав, а приходится отправляться в школу. Затем - учить уроки и возиться дома с

всякими неинтересными и ненужными делами. Вот бы стать свободным, как молодой весенний ветер!

Мысли о лесе вызвали во мне какое-то душевное успокоение, было очень приятно представлять своё лесное уединение, даже - лесной уют, хотя я ещё ни разу и не бывал толком в лесу. Но, всё же, обладал необъяснимым для себя внутренним знанием о нём.

В этом восприятии леса куда-то улетучивались все мои мальчишеские огорчения, забывалось нечто неприятное, то, что беспокоило, а благодаря растекающейся повсюду весне все чувства и запахи обострялись, они как никогда будоражили воображение: одно яркое видение сменяло другое, да и ощущения, кажется, становились ещё глубже. Как это было заманчиво: ожидать поездки в весенний лес, на охоту, впервые в жизни!

И вот, наконец, у нашего дома притормаживает газик, затянутый в выцветший брезент, сладко пахнувший бензином и пылью, именно - лесная машина! У отца уже собрано ружьё и ягдташ, он стоит передо мной в болотных сапогах, шляпа лихо заломлена на затылке. А все мои мысли уже давно в лесу, где синевато-мглистая дымка мягко стелется над дышащей сыростью землёй, весне в лесу тепло и уютно, и повсюду возникает какой-то неведомый жизнеутверждающий шум.

Я почти слышу его, до такой степени возбуждают меня мечты об охоте, о загадочном куличке бекасе, о его ещё не слышимой мной песенке в небесах, а не на земле. Скоро мы приедем в лес, остановимся на какой-нибудь укромной полянке, и весь прозрачный, насыщенный влагой воздух над ней будут пронизывать трели дроздов, зябликов, пеночек и синиц. Разве задумаешься тут о чём-либо ином, чем о пробуждении природы, где невероятно много всего, и хочется видеть ещё больше, отправляясь за знаниями о лесе всё дальше и дальше.

И действительно, между пушистых ёлочек выплывают какие-то прозрачные видения, мох под ногами цветастый и мягкий, словно бабушкино одеяло, он расшит бордовыми огоньками прошлогодней клюквы и брусники, а сырые пни кружат голову ароматом только что освободившейся от снега древесины. Ясен весенний свет, поднимающийся над расправившей плечи землёй!

Течёт весеннее тепло по лесу, а я его впитываю полной грудью, и отчего-то за всё благодарю. Радостно сердцу видеть и чувствовать происходящее вокруг, и ничего при этом, что я маленький: ничто не скроется в лесу от моего внимания, всюду я увижу ум природы и её силу!

Всё в лесу кажется чудесным, даже - игрушечным, как на новогодней ёлке! Капельки на ветвях деревьев представляются светящимися фонариками, а влажные корни и пни издают такой аромат, что дурманит голову слаще мандаринов. Перелетающие же повсюду птички - словно праздничные украшения. До чего же хорошо в весеннем лесу: весной обязательно увидишь в нём что-нибудь новое!

Вокруг меня, уже на самом деле, призывно пощёлкивают дрозды, любопытные гаички забавно надувают щёки, неумолчно насвистывают, снуют с ветки на ветку, так что не сразу их и разглядишь, бойкие малиновки не в силах сдержать своего растревоженного весной сердца и восторженно заливаются на вершинках ёлочек, задорно запрокинув головки. Обо всём забываешь, увлечшись безудержным порханием чудесных птах... Вот бы и мне так попробовать, живя в диком лесу и наслаждаясь весной!

Отец стал рассказывать мне про всех этих птиц. Вот горихвостки, они называются так потому, что вспархивая и подёргивая в полёте хвостиком, обозначают под ним огненные перышки, алыми шапочками красуются вездесущие и шумливые щеглы, кругленькие желтовато-пегие овсянки, будто обсыпанные спелыми зёрнышками, тоненько посвистывают в свои невидимые дудочки, ловко перелетая по обочинам раскисших дорог...

Красота! Про многоголосых весёлых жаворонков я и не говорю: задрав головы, мы с отцом вглядываемся в их головокружительное парение в вышине, не в силах оторвать взгляд. Чем выше солнце, тем больше птиц в весеннем лесу, веселее и восторженнее вокруг, и восхищённые жаворонки, кажется, поддерживают на ниточках своих трелей всю расцветающую землю.

Но вечером, когда затаившийся поблизости овраг наполняется ещё большей тайной, и птичья музыка потихоньку замолкает, на небо, неведомо откуда, взбирается крохотный куличок - бекас. Его не сразу и заметишь там, в подёрнутой радостной дымкой вышине, и не услышишь за ещё задорными возгласами дроздов и утробным постаныванием вальдшнепа, обозначившего своим появлением начало знаменитой тяги. Но невидимый бекас уже нашёптывает лесу какие-то свои, особенные слова восторга от всего происходящего, и постепенно эти его еле улавливаемые слова складываются в своеобразную песню.

Откуда-то сверху, действительно, как будто кричит неведомый «барашек»: какой он? Я пытаюсь рассмотреть в бездонном весеннем небе хоть что-то, но тщётно.

Отец склоняется ко мне, обнимая за плечи, и увлечённо шепчет на ухо, другой рукой указывая туда, в вышину:

- Видишь?!

Поначалу я ничего не могу разглядеть, от роящейся над землёй пахучей дымки слезятся глаза, а песенка невидимой птички с каждой минутой становится всё сильнее, чаще. Отец только улыбается, присаживаясь на пенёк на краю оврага.

Я же ничего не слышу и не вижу, весь подавшись туда, в небо, угадывая сердцем мелодию всеобщей любви. Маленький, в свои семь-восемь лет, я уже понимал красоту жизни, чувствуя и воспринимая её, как и собственную, словно это был нескончаемый праздник.

Праздник совершался и вокруг, весенний лес пленил моё детское сердце, что билось в груди так же трепетно, как и махонький куличок-бекас в

бездонном апрельском небе. До него не дотянуться, я это понимал, но и отказать себе в возможности вознестись туда душой - я был не в силах.

Какое-то безграничное счастье охватило всего меня, будто я уже жил однажды весенним лесом, наслаждаясь его многообразием и желанием, никого не удивляя, просто быть. И я восхитился всем происходящим, чего ещё, вроде бы, не видел в своей короткой жизни, но почувствовал и принял мгновенно.

Оказавшись в весеннем лесу, сердце твоё непременно встрепенётся, как птица, всего тебя обдаст весёлая свежесть, и ещё более любо станет жить. Будто от тебя давно скрывали эту чудесную жизнь, сберегая как подарок, а однажды взяли и подарили: какое счастье!

Погода - славная, всё тебе с радушием в лесу открыто, лесные обитатели, кажется, только и ждали твоего приезда, готовились, и теперь во всеуслышание превозносят торжество жизни, разливая его повсюду и делясь с тобой своим восторгом. Вольно, не как в городе, дышит грудь, бодро чувствует себя всё тело, и ты крепнешь вместе с живительным дыханием весны!

Воздух напоён ароматом только что оттаявшей земли, медовым запахом распустившихся барашков на вербе, свежей горечью коры и мокрых лозин. Мириады алмазных капелек блестят и алеют на солнце, что восторженно осматривает напоследок свои владения, радуется всему, что происходит вокруг.

Голова кружится от избытка благоуханий, чувствуется близость какого-то удивительного праздника, и ему, ты об этом откуда-то уже знаешь, не будет конца. Боже, как весело сверкает всё вокруг, как чудесен чистый апрельский вечер!

Ничто не мешает человеку быть в нём счастливым, сливаясь душою со всякой трогательной былинкой, и сегодня я узнаю - кто такой вальдшнеп, и что это за бесстрашный куличок, реющий в небесной вышине и разносящий повсюду волшебные звуки, напоминающие блеяние барашка. Несмотря на вечер, ясным становится воздух, он будто торжествует, прежде чем вскоре потухнуть и скатиться в глухие лога, тогда как вальдшнеп только намечает свой завораживающий полёт, а куличок-бекас взбирается на ещё сияющую небесную вершинку, провозглашая свою быстротечную весеннюю любовь. Весной невозможно не быть счастливым, тем более, если тебе семь лет!

Чудесен и незабываем вечер в весеннем лесу. Радостно струятся по нему говорливые ручейки. Дороги оттаяли, но стоят ещё сырые, не отошедшие от недавней снежной мяготи, резко ударяющей в нос.

Почки на деревьях надулись и вот-вот полопаются, наполняя воздух неясным шёпотом. На славу потрудившееся за день солнце, тем не менее, норовит заглянуть в самые укромные уголки леса. Безудержно растекается по всей земле весна, ширится её жизнеутверждающее начало.

Утомившись от ходьбы, мы присаживаемся на пенёк. Всё в освободившейся от снега природе просто, кажется, что и все тайны сейчас

точно также легко и просто откроются перед нами, и лес примет нас как своих давних знакомых.

- Сейчас отыщем место где-нибудь подле опушки, чтобы, непременно, была полянка с мелким березняком и ёлочками, и осмотримся, - с затаенным духом произносит отец. - Будем ждать, пока вальдшнеп не потянет. Для нас, охотников, особенную прелесть имеет этот незабываемый час заката, когда самец устремляется за самкой. Летит неслышно над самыми берёзками, только по голосу его и угадаешь.

- Какому?

- Хор-хор, цвиг-цвиг, хор-хор, цвиг-цвиг, - отец попытался изобразить песню неведомого для меня вальдшнепа.

Облюбовав небольшую полянку на краю укромного ложка, отец неспешно обошёл её и остановился у опушки. Место показалось ему удобным, и он, восторженно оглядев лес, в удовлетворении произнёс:

- Хорошо?!

Неугомонные дрозды с утробным квохтаньем перелетали с дерева на дерево. Они словно купались в напитанном душистой прохладой воздухе, не в силах утолить своей жажды к жизни. Где-то далеко за лесом прокатился отдалённый гром, воздух чуть тронулся, всколыхнулся, и будто окончательно пробудился.

Задрав голову к небу, отец что-то долго разглядывал в нём, и затем, вдруг с какой-то сдержанной радостью, тихо промолвил:

- Вот и Венера объявилась. Видишь - самая яркая звёздочка?!

Венера, теперь я это знал, красивым белым зёрнышком ещё ярче вспыхнула где-то в вышине, и вокруг стало как-то уютнее, теплее. Дрозды по-прежнему посвистывали в свои невидимые дудочки, глухо постанывали в заболоченной низине лягушки, и небо будто поднялось и выгнулось над лесом, так, что от земли потянуло промозглой прохладой.

Истомившись в ожидании, когда появятся вальдшнепы, я всё не решался спросить об этом у отца. А он только улыбался чему-то про себя, меня же знобило от нетерпения: когда же, наконец, появятся эти чудесные длинноносые птицы, или покажется в небе ещё неизвестный мне маленький бекас?!

Не в силах усидеть, я подымаюсь, весь напрягшись, и вслушиваюсь во внутреннюю тишину леса. Впрочем, она наполнена нескончаемым лепетом птиц, он сливается со струящимся влажным воздухом, а румяное небо подёрнуто синеватой дымкой. Тёплая сырость, исходящая от корней и земли, незаметно забирается в рукава моего старенького пальто, но мне не холодно.

Берёзки с ёлочками, кажется, засыпают, и их верхушки быстро тускнеют на фоне зеленеющего неба. Но в лесу ещё много жизни, хотя птицы тоже незаметно примолкают, посвистывая уже как бы для порядка, сонливо. У меня сна - ни в одном глазу, ведь отец впервые взял меня на тягу, и сердце моё томится ожиданием.

Когда же появится над опушкой длинноносый вальдшнеп, ловко выпорхнет из-за тёмного леса на своих проворных крылах, и отец ударит по нему хлёстким выстрелом из ружья? Мне очень хочется увидеть подбитого отцом вальдшнепа, поддержать его в руках, и, может быть, если повезёт, услышать маленького бекаса, бесстрашно забирающегося высоко в небо. Весна, будто отпущенная кем-то на волю, обнаруживает особое видение жизни, доселе мне неизвестное.

- Вальдшнеп летит, обычно, как бы с потяжкой, - вкрадчиво объясняет отец. - Словно ему что-то мешает набрать в полёте полную силу, и этим пользуется наш брат-охотник: смотри, не медли!

И я смотрю, с трепетом вслушиваюсь в пение неугомонных дроздов, чьё возбуждённое квохтанье разносится повсюду. Где-то поблизости слышится чьё-то монотонное постанывание, и околдованный этими звуками, я вопрошающе взглядываю на отца.

- Дикий голубь, витютень, воркует! - пока чем-то неизведанным для меня восторгается отец. Но мне и самому отчего-то становится радостно.

- Чуфы-ы, чуфы-ы, чуфы-ы, - уже из-за леса доносится до нас приглушённое бормотание, и я опять в удивлении вскидываю брови.

- Тетерев-косач вечернюю зорьку провожает, - улыбается отец.

«Сколько же неизведанного кроется в лесу!» - в восхищении думаю я, и с замиранием сердца вслушиваюсь и всматриваюсь в проистекающую вокруг жизнь. Что-то шуршит, попискивает под ногами, и я вдруг замечаю под корнями пенька робко высунувшуюся лесную мышь. Не объять всего, что происходит в весеннем лесу, но всё более сгущается подступающая тишина.

Незаметно подступает вечер - тихо и прохладно становится под деревьями, а от земли в лицо ударяет пряная сырость. И вот, нарушая наступившую тишину и утробно хоркая, облаканный последними лучами закатного солнца, появляется над нашими головами первый вальдшнеп.

Он и вправду, на секунду как будто приостанавливается в воздухе, а затем медленно тянет над сиреневыми верхушками берёз. Отец, не стреляя, даёт мне посмотреть на его полёт: ещё никогда мне не доводилось видеть такую необычную птицу!

Длинноносые вальдшнепы один за другим непрерывно тянут над лесом, страстно хоркают и цвиркают, некоторые из них неожиданно сваливаются на землю, но их уже не видно, потому как снизу, из оврагов, поднимается синий туман, скрывая любовную игру загадочных птиц. Про любовь мне ещё ничего неизвестно, но страсть, с какой птицы бросаются друг к другу, и во мне вызывает необъяснимое чувство восторга от происходящего вокруг, того, что представляется важнее всего: неудержимое стремление жить.

Тяга же всё более разгорается, хотя лес уже тёмен, и только небо по-прежнему светлеет багряным выпуклым стеклом, отчего ещё хорошо заметны на нём хоркающие и цвиркающие птицы, сначала вводящие, а потом выводящие из сладостного оцепенения. Очередной вальдшнеп неожиданно

налетел на нас так близко, что отец мгновенно ударил по нему, и птица бухнулась прямо нам под ноги, уткнувшись длинным носом в пожухлую траву. Я держал в руках его пепельно-рыжую тушку, ещё тёплую, трепетную, не в силах сдержать гулкого сердцебиения...

И тут же мы увидели, как мелко подрагивая крыльями, вдоль опушки, где мы стояли, совсем низко летит другой вальдшнеп, затем - ещё один, третий, и почти над ухом полыхнул сноп огня во тьме, а вальдшнеп резко вывернул в сторону, и в следующее мгновение скрылся за лесом. Отец радостно рассмеялся, в волнении переломил ружьё, и из ствола потянулся сизый дымок, приятно щекочущий ноздри стреляным порохом, отчего всё моё существо охватывает дикий восторг. Наконец-то и ко мне пришла настоящая охотничья весна!

- Слышишь, играет? - вдруг опять встрепнулся отец.

Я в оцепенении вслушивался в неясные звуки, пронизывающие настоящий на травах и корнях воздух, но от волнения песенку бекаса разобрать не мог. Мы слышали звучание ручьёв, голоса просыпающейся земли, безудержные переливы птиц, и весь этот восхитительный мир, впервые открывшийся передо мной, совершенно меня пленил. Жизнь великодушно одаривала нас невообразимым счастьем!

- Заметить бекаса не просто, - говорит отец. — Он - мал: даже самая мелкая дробь при охоте на него прозвана меж охотников не иначе, как «бекасиная». Бекаса выделяют только длинные ножки и нос, и это позволяет куличку быть неуязвимым.

Зато, не отличаясь ярким окрасом и внушительными размерами, он очень живой: маленький, почти не видимый с земли, бекас в полёте храбро распушает свой крохотный хвост и перья, так что им невозможно не залюбоваться. Все весной, даже самые маленькие, хотят петь и быть неотразимыми!

Отец восторженно вглядывался в небо, придерживая рукой шляпу.

- Бекас чуток, наверное, потому, что именно маленький, а малого, как известно, всяк может обидеть. Вот он и забирается повыше в небеса. Видишь его?

И тут я разглядел, как бекас с трепетом проваливается в небесной вышине, и по всей пробуждающейся от зимнего сна округе рассыпается тонюсенькое звучание от его взбудораженного весной полёта, так ощутимо угадываемое обострённым слухом. Весь я был - воплощённое внимание, ни один звук не мог миновать моего вкрадчивого интереса.

А лес был налит какой-то неимоверной силой, предвечерний свет в нём показался мне особенным, он не был похож на тот, что зарождается утром. Сквозь вечерний воздух в природе проглядывало что-то, присущее именно весне.

- Заметил, что летает он как бы зигзагом?

- Почему?

- Бекас по весне не отъевшийся, как осенью, и потому - лёгкий, и так же легко он бросается то в одну, то в другую сторону. Его часто можно увидеть в наклонённом положении, когда он несётся вниз, повёртываясь с боку на бок: так он, по-видимому, играет, то есть - токует, и подстрелить его охотнику бывает очень не просто. Бекаса не назовёшь смирным: его, как раз, отличает неуловимость, даже, скорее, непредсказуемость в поведении, и это поведение хорошо выражается в чудном полёте проворной птицы.

- Если бы не песенка, его и не заметишь, - замечаю я.

- Этот бекас - самый крохотный из куличков, и об этой птице мало кто знает. Только охотники, да и то не все.

Обычно бекас играет невысоко, но вот завидев охотника или зверя - тотчас устремляется ввысь. Эта способность возноситься в недостижимую для многих птиц высоту - заметно отличает бекаса от них, подчёркивая в нём какое-то свободолобие, чуть ли не отчаянную игривость. В этом - своеобразии бекаса.

- И что он делает потом?

- Наигравшись в вышине, под облаками, бекас обыкновенно спускается на землю, присаживается на кочку или какое-нибудь отдельно стоящее деревце, и продолжает свой ток криком: «таку-таку, такую-таку, такую-таку-у!» Разглядеть бекаса, даже на земле, можно лишь заслышав его песню, что чаще всего напоминает бляение барашка.

Бывало, бредёшь ночной порой на глухариный ток, запинаясь о невидимые кочки, окружающая парная темень жарко дышит в лицо, и в этой липкой темноте задумаешься о чём-нибудь, а крик вот такого бекаса над самой головой вдруг выведет из охватившего забытья, заставит остановиться и неожиданно отвлечёт от разных дум.

- А почему бекас кричит как барашек?

- Куличок стремительно падает в необозримой вышине, невидимые перышки на его крыльях вибрируют о воздух, и кажется, будто совсем рядом блеет барашек. Но своё «бляение» бекас производит не только перьями на крыльях, но и хвостом.

Подобные звуки издают ягнята - молодые барашки, когда по весне крестьяне выводили их в поле на выгон. Кто-то из них, наверное, однажды услышал, что издаваемые животными звуки напоминают порхание бекаса в небе, и с тех пор повелось такое поверье, что бекас «блеет» как барашек.

А ещё бекас не любит дождик и ветер, ему по душе покойный закат и тихий вечер, когда солнце скатывается за чернеющий лес, и бекас, кажется, ещё более страстно принимается превозносить весну и свою любовь.

Мне всегда нравилось солнце, особенно - в детстве. И тогда, весной, когда мы отправились с отцом на вечернюю охоту, солнце как-то ласково касалось и травы, и ветвей, и потом - верхушек деревьев.

Быстро опускаясь всё ниже, оно, тем не менее, было радостным, как будто благословляя землю, а земля в ответ дышала сладкими запахами, хотя ещё казалась оголённой. Прозрачный воздух, благодаря солнцу, преображал и землю, и лес, словно расширяя их, и от этого хотелось исследовать жизнь, каждый раз открывая для себя что-то новое.

Вот и лес: налился сотнями птичьих голосов, тысячи живых существ в нём просыпаются от спячки, и я вглядываюсь в раскрывшееся от этой проснувшейся жизни небо, пытаюсь увидеть в нём маленького, казалось бы, никому не нужного куличка-бекаса. Но впитывая всё, что происходит вокруг, мне представляется, что я вырастаю, становлюсь сильнее, хотя - всё такой же, маленький. И, тем не менее, я начинаю ощущать в себе силу, ранее неведомую, и, замечая это в себе, становлюсь взрослее.

Пристально всматриваясь в призрачное небо, какое-то время я стою в приятной растерянности, вслушиваясь в весеннее многоголосье, и ощущаю только удары разгорячённого от всего происходящего сердца. Такой же крохотной птичкой, как и бекас, бьётся оно в груди, будто трепещет невидимыми крылышками, а я ещё и не ведаю, что незаметно, благодаря этому маленькому бекасу, во мне пробуждается и радость, и неиссякаемый интерес к жизни, и любовь.

В этот весенний вечер во мне что-то ровно открылось, занялось новым существованием, так что я потом несколько дней пребывал в неопишуемой радости, вспоминая и прозрачный лес, и оттаивающую землю, и многоголосье птиц, и крохотного куличка в высоком небе. Я всё-таки увидел его, почувствовал сердцем в этой бескрайней весенней необъятности, а куличок пел так самозабвенно, что казалось - может истратить на песню всю свою маленькую душу, и упасть замертво, но песня бы его всё равно не кончалась.

В детстве всегда думается о возможности достижения чего-либо лучшего, чем то, что существует, и этого предполагаемого лучшего так много, что оно нескончаемо возникает перед тобой каждый день. Я чувствовал себя у порога раскрытия каких-то важных тайн, и жил с ещё большим наслаждением. Я был благодарен весеннему дню, что улыбнулся мне таким крохотным, но замечательным счастьем: я увидел и услышал небесного «барашка», и до сих пор не могу успокоить моё трепещущее крылышками маленькое сердце!

Не бык, бугай!

Однажды мы всей семьёй проводили лето у бабушки в деревне. Как-то поутру я вышел из калитки на лужайку, к колодцу, и, прислонившись к нему, стал наблюдать, как из отворённых ворот соседних домов хозяева выводят на выпас коров.

По самой серёдке улицы, в заплатанных штанах, гордо вышагивал пастушок, и весело пощёлкивая кнутом, то и дело покрикивал:

- Поберегись... По-о-шла, Пеструха! А-ну!

Коровы, опустив головы и лениво ударяя себя по выпуклым бокам грязными хвостами, неспешно брели вдоль забора, поднимая облачка душистой пыли и гулко побрякивая медными колокольчиками. Изредка раздавалось их отрывистое, но пронзительное мычание - «му-у-у-у, му-у!».

Из-за леска напротив, также неторопливо, выкатилось над деревней разомлевшее июльское солнце. Пастушок опять принялся подгонять неповоротливую Пеструшку:

- Пошла-а! А то-о!

Без пастушка - коровы не стадо.

А Пеструшка замотала вихрастой головой, проехавшись короткими рогами по высохшим доскам забора, и вновь недовольно замычала - «му-у-у-у!». Долог у коровы язык, да не велят говорить!

«Бодастая» - с опаской думаю я. Бабушка уверяет, что бодливой корове Бог рога не даёт, но бывает, коровка дуется, если не обходилась в стаде, и может даже, ни с того ни с сего, боднуть в бок. Корова в деревенском дворе не гостя, на повети сено видит, и бабушка всегда угощала нашу Зорьку сенцом и хлебом с солью.

И тут я вдруг увидел здорового быка с широким кудрявым лбом, один рог у него был обломан. Мотая тяжёлой, вихрастой головой, бык неспешно ступал по двору, ненадолго замирая на самом неожиданном месте.

Стекловидные слюни свисали с его сизых губ мутноватыми тягучими нитями, и он неожиданно поворачивался в какую-нибудь сторону, будто почуяв угрозу, а потом вставал на дыбы, уставившись перед собой своими кровавыми глазами, так что сердце заходило от страха перед неуправляемой силой могучего животного. Бык – не корова, ему лохань подавай, и преграда для него – что корове седло: он её не видит. Ин так и быть!

Поражало это его надменное могущество, то, что оно в любой момент могло обрушиться и на тебя. Не бык, бугай: если сшибёт с ног - и не заметишь! Остановился прямо напротив, и смотрит недружелюбно налившимися кровью глазами, а я не знаю - как быть: то ли поклониться ему, то ли - бежать.

Бык же вдруг заревел и медленно тронулся в мою сторону, да потом как ринется! Оглянулся я - никого из взрослых не видать, значит, на чью-либо помощь надеяться нечего. И тогда я, что было сил, закричал.

А бык уже в нескольких шагах от меня: слышно его горячее дыхание, и запах. Злобно трясая могучей головой, он брызжет липкой слюной, чёрный глаз косит исподлобья, вот-вот накроет меня грозная туча, даже солнце, кажется, скрыл под собою. И я - побежал!

Бегу, земля ровно горит под ногами, но бык оказывается резвее моего, куры же - врассыпную от нас по всему двору! Да только разве от такого бугая убежишь: беги - не беги, лучше – падай. Ко всему прочему под мою

ногу подворачивается бугорок, и вот я уже лечу носом в песок - добрая слава лежит, а худая бежит!

Пока же я бежал без оглядки, бабушка в окно усмотрела приключившуюся со мной катавасию, схватила грабли - и во всю свою старушечью мочь к внуку на выручку: бей быка, что не даёт молока! Так огрела ими по спине взбесившееся животное, что бык отбежал и, оторопев от неожиданности, встал как вкопанный. Масло коровье – кушай на здоровье!

Вскоре подросл папа, и вместе с бабушкой они отворотили от меня разъярённое животное, чем прекратили моё позорное бегство. Но как меня напугал этот бугай, а испуганному козлёнку, как говорится, одна дорога: беги, пока цел, не страшны никакие рубежи!

Бабушка сказывала, что бык этот окаянный никому проходу не даёт, и ни одному пастушку над ним не удалось взять власть. Соседского мальчишку, недавно, чуть не измолол своими жуткими рогами, нет на него никакой управы! – негодовала бабушка. Ясно, что сумасшедший, разве его образумишь? Не посмотрел бы даже на тёсанные ворота!

Так ему и надо, думаю, что один рог-то у него сломлен, а то бы он и меня во всю душеньку отутюжил! Не посмотрел бы, что твоё дело правое, и что поделаешь, если у быка за обычай – бодать, да драть, и как с ним сладить – сам чёрт, наверное, не разберёт. Но, как известно, обычай бычий, а ум – телячий.

С тех пор я всегда стороной обходил грозно нахмуренного быка, на котором бы только воду возить, не приближаясь даже к коровам, и лишь телята не вызывали никакого опасения. Мне нравились их озорные, с длинными ресницами глаза, кудрявые взлобки, что хотелось погладить, и симпатичные ножки с аккуратными копытцами, когда телята широко расставляли их в разные стороны, будто боялись упасть. Они были очень милые, и если что-либо выкидывали, то это вызывало одну улыбку.

Про горох, Чёртово болото и юрких змеек

Помню, как мы с деревенскими мальчишками драли колхозный горох целыми охапками, засовывая его за пазуху, а бегали в ту пору в одних трусиках и майках. Тугие стручки скрипели друг о друга, протыкая острыми хвостиками тоненькую, изношенную за лето материю, отчего горох высовывался отовсюду наружу.

Даже молодой горох, поскольку мы не давали ему возможности достаточно вызреть, казался нам очень сладким и вкусным. Лихие налёты на гороховые поля вызывали в нас удивительно приподнятое настроение, поскольку осуществлялись всегда без подготовки, единым наскоком, и колхозный сторож, уже совсем старенький дедушка, бывало, даже палил по нам из ружья, что само по себе уже возбуждало в молодых душах необыкновенно залихватский настрой!

Предстоящая вылазка за горохом всегда волновала нас своей невиданной рискованностью, побуждая таиться, что занимало пуще сладкого гороха, до которого мы были большие охотники. Мальчишки позволяли себе эти дружные набеги только потому, что они полностью захватывали наши души, ибо приходилось идти против запрета взрослых, а что может быть этого слаще?!

Зелёное гороховое поле заполняло моё воображение, хотя саму охалку упругих стручков я держал в руках довольно равнодушно. Занимало именно сочное, салатного цвета раздольное пространство, что воспринималось, как море. Густое, через него невозможно было прорваться, легко увязая в переплетении хрустящих стеблей. Хотелось окунуться с головой в эту зелёную, раскинувшуюся повсюду равнину, одурев от её душистого запаха, и то, что гороховое поле незаметно перетекало на горизонте в изумрудную еловую хвою, ещё более опьяняло.

И ничего, если подпрыгнешь – и ухнешься в самую гущу спелого гороха, так что эта поскрипывающая тугая перина удерживает тебя у самой земли. Кажется, любую кручину заспишь на таком привольном покрывале, но о какой кручине речь, если тебе шесть-семь лет? Душа в гороховой куще, как в бабушкиных варениках лежит!

А поле – дивное, гороховое, молодое, разлеглось во всю свою благодатную ширь, как его не любить? Отдавшись на волю природного лона, лущишь сочные стручки – и горя тебе мало. В детстве всё сладко и гладко, так сладко, что того и гляди, язык проглотишь, а уплетать горох можно бесконечно!

Да только разве сладким досыта наешься? Зато, сладость эта чище совести... У деда – поле, а у нас, мальчишек, воля, мы за него биться не хотим, но ни за что не отдадим! В поле, известное дело, две воли: чья моложе да проворнее, та и возьмёт.

Бабушка говорила, что горох не жнут и не косят, а крючат, и мы, не зная, что это слово означает, «крючили» его вовсю, сколько успевали ухватить, потому как завиден горох в поле, и кто мимо ни пройдёт – всяк ущипнёт. И разве его от такой босоногой ватаги убережешь: ей об этом говорить, что горох в стену лепить! В чистом поле, пусть оно и гороховое, для мальчишки полное раздолье: смотри хоть туда, хоть сюда, – одинаково.

Возвращаясь вечером домой, мы всегда заходили на Чёртово болото. Что «чёрт» за зверь – никто из нас не ведал, но кому не охота поглядеть – какие есть черти на свете? И хоть говорили на деревне: не ходи при болоте – чёрт уши обколотит, а всё равно забредали туда, чтобы полюбоваться на змеек, про что бабушка замечала мне – такая затея до добра не доведёт.

Сама она, по её рассказам, однажды чуть не пострадала от гадюки, что переползла через ногу бабушки, когда она, ещё будучи девочкой, изрядно утомилась на покосе и уснула прямо на траве. Змея не укусила бабушку, благополучно миновала спящего человека, но папа бабушки увидел гадюку и зарубил её косой.

Так вот, на Чёртовом болоте, помимо чертей, в большом количестве водились ужи и гадюки. Болото, заросшее осотом и камышом, по заберегам было так плотно, что по нему можно было ступать, не боясь провалиться. И вот как раз на такие островки переплётшейся болотной травы и выползали змейки, чтобы погреться на солнышке, где мы их и заставляли, свернувшись в клубок.

Почему-то они не вызывали у нас страха, выглядели как диковинные детские игрушки, и порой я даже позволял себе схватить какого-нибудь зазевавшегося ужа, носил его, вместе со стручками гороха, за пазухой, изредка доставая и пугая ими девчонок, после чего, конечно, отпускал красивую чёрную змейку в оранжевой косыночке.

В душе после всего этого воцарялось удовлетворение от собственной лихости и соединённости с природой. Солнце быстро опускалось, мой запазушный уж уползал под свою уютную колоду, а я, словно заговорённый и невероятно счастливый, едва успевал засветло добраться до дому, и сразу засыпал, приткнувшись под боком у бабушки, чтобы поутру вновь бежать с мальчишками на гороховое поле или за окунями на деревенский пруд. А как было обойтись в детстве без Чёртового болота, что просто завораживало наше воображение?!

Заросшие багульником моховые кочки и потаённые озёрки в камышах не могли быть для нас неприятными, если там обитали такие загадочные существа, как змеи. На болоте, конечно, рожь не молотят, но если завидишь однажды, как, ловко извиваясь, плывёт в болотной тряске юркая змейка, сразу понятно, что ей тёплое болото – за благо, и для нас это была, конечно, не беда, а веселье... С чего бы казалось?!

Но как может не заинтересовать безногое животное, обитающее под таинственной колодой, где-нибудь на болоте, что притягивало своими потаёнными запахами и мраком? Пришедший к нам ещё с детства, из сказок, старинный образ змея, который под землёй ходит, олицетворял собой завораживающую тайну, и она несла в себе какую-то лукавую силу: из-под куста шипуля, за ногу тяпуля! Как можно было не поддаться желанию ухватить это изворотливое существо, и почему-то не боялось своё маленькое сердце змеино-го развилстого жала, хотя змея кусает зубами. Верилось, что и змеиные зубы, и устрашающее жало тебя минуют, а откроешь ты в этом неуловимом и липком скольжении змейки какую-то сокровенную загадку, что была для тебя очень важна.

Вряд ли кого-то слово «болото» радует – что-то чавкающее, мокрое и грязное: не хочется в него лезть. Но для мальчишки – это кладёз открытий: вдруг что-нибудь там, да увидишь?

Ступаешь босиком по покачивающемуся плотному мху, а из-под ног, то там, то тут всплывают болотные пузыри, надуваются, как лягушки, и – уо-ок, уо-ок! Вокруг всё время что-то шевелится, всхлипывает, и неожиданно из камышей как ухнет, прямо над головой, что-то большое, белое: это – цапля! Разве не восхитительно?!

Рядом с тобой взлетает огромная птица, спешно бьёт мохнатыми крылами, стремясь как можно скорее подальше убежать, а ты не можешь забыть её испуганный глаз, косящий прямо на тебя. И вот тут скользнёт по ноге что-то неуловимое, холодное, и ты застываешь от удивления, не успев отдёрнуть ногу: шелестя травой, бросается в болотную жижу юркий водяной уж. У горохового поля или на лесной опушке такого чуда не застанешь!

Жить вёртко, значит, по-змеиному. Змейка кажется, действительно, неуловимой, её просто так не поймешь: юркнет под корягу – и была такова. Правда, иногда мне удавалось схватить зазевавшееся бойкое существо, не зная – что из этого будет.

Главное, было овладеть им, да только ухватив изворачивающееся скользкое тело, его ещё нужно было удержать! Не успеешь спохватиться – змейки и след простыл: уловки у ужа или медянки будь здоров!

А бывает и так: на сухой колоде, возле самой воды с белыми кувшинками, завидишь свернувшуюся тугими кольцами серовато-бурую гадюку. Змея застыла, будто её не существует, но колючие глазки вспыхивают таинственными искорками, всё замечают. Натолкнувшись на такую большую змею – всё позабудешь, даже покажется, что время остановилось.

А тело змеи, между тем, незаметно приходит в движение, пульсирует, то расширяясь, то опадая, и эта её змеиная способность оставаться на месте, и как будто ползти, завораживает. Гадюка как будто гипнотизирует тебя, усыпляя, но спать не время, ещё столько интересного за день нужно разузнать!

Как-то я даже натолкнулся у озерца с чёрной болотной водою на чьи-то обглоданные кости, и тотчас подумал, что, наверное, где-то неподалёку гнездятся волки. На берегу два пня, и оба сильно обгрызены зверями, а запах такой, что дух перехватывает. Захотелось поскорее миновать это место, но и тогда я сначала всё осмотрел, даже заглянул в чёрную воду, откуда время от времени вырывались большие коричневые пузыри, отчего длинноногие паучки разбегались во все стороны.

А то, бывает, завидишь ящерок. Они поначалу замрут, будто проверяют – видишь ли ты их, и, выдержав паузу, давай, играть! Любят прятаться под камешками, у самой воды, и когда солнышко припекает – выбирают погреться, опять надолго замерев.

Не сразу и разглядишь, и все – будто разного цвета. Есть коричневые, в крапинку, рыженькие – те особенно вёрткие, а больше – зелёные, что норуют друг дружку обогнать: они всегда на самом виду. И целый день то появляются, то исчезают, когда солнышко за тучками укроется: везде им дом.

Но в руки их брать отчего-то не хочется. Кажется, будто они сторожат на болоте что-то, и если ты, не дай Бог, одну из них за хвостик ухватишь, всё волшебство исчезает. И это – тоже диво!

Скоро я научился различать всех змеек, что обитали на Чёртовом болоте, легко угадывая в них обыкновенного ужа с жёлтыми ушками,

водяного, имеющего бежевый окрас, или яркую медянку, что, свернувшись клубком на листике кувшинки, напоминала неведомый болотный цветок. Если попадалась змейка, что сильно блестит на солнце, значит, она уже полиняла, поменяв свою шкурку, тусклая же, с пёстрым узором вдоль всего тела, в возрасте, с ней надо быть осторожным.

Однажды я увидел, как одна такая гадюка, правда, она была вся рыжая, выползла к самой воде и стала пить, поднимая маленькую головку кверху, как это делают птицы. Не в силах отвести от неё взгляд, я даже сначала подумал, что это – не змея. Но гадюка, напившись, опять превратилась в себя, и быстро уползла в тень.

Захотелось тотчас подсмотреть – что она там делает, и я погнался за ней, и заглянул за куст... То, что я увидел – поразило: там было несколько змей, и все они будто перетекали с места на место, вздымаясь надутыми клубками, кажется, готовые вот-вот напасть. И вдруг, посреди этого копошащегося змеино переплетения, взмывается откуда-то изнутри одна приплюснутая голова с трепещущим жалом, чуть отклонившись и пронзив меня острым взглядом, отчего я отшатнулся и замер. Змея закачалась из стороны в сторону, не переставая бочком незаметно перемещаться всё ближе и ближе ко мне, а я не мог пошевелиться.

И тут опять туловище змеи выгнулось – и прямо на меня вот-вот норовит наскочить, а через секунду уже снова по земле вытянулось, но голова также наострена, чуть раскачивается. Я, вроде, ни жив ни мёртв, а страху не испытываю, как будто во сне, и всё больше меня берёт интерес.

Вот и бабушка как-то, причитая, что мы на Чёртово болото всё бегаем, заметила, как бы по секрету:

- Ежели страх однажды к тебе подкрадётся, и поджилки задрожат, ты его не гони: он испуга-то в людях не уважает, и как увидит – кто на тараканьих ножках бегаёт, тотчас его за пояс. Всяк страх для человека хорош, коли тот его примет и не пожелает ему поддаваться.

- В глаза ему посмотрит?

- На трусливого – и уж змея! Может испуг от тебя и отбежит, коли бояться забудешь. Чёрт, что на болоте нашем обитает, конечно, страшает, а Бог – милует.

Я ещё долго вспоминал, как гадюка лакала воду, язык-то у неё длинный, раздвоенный, и потом пристально смотрела мне в глаза, и рассказал об этом бабушке:

- До того, бабушка, хотелось поглядеть на неё, что и страх не держал!

- Болота без чертей не бывает! Но где ж это видано, чтобы с ядовитым аспидом в горелки играть? У такой забавы – больно затейливый ум, далёкого в нём мало. С ним бы только в горохе вашем сидеть, успевай защипывать!

- Бабушка, я ведь аспида этого не забоялся!

- В болоте тихо, да жить там лихо. На все стороны оглядывайся! Тебе это надобно?

- У меня, бабушка, грехов не накоплено.

- Это верно, каяться тебе не из-за чего: твоё дело молодое. Но ты, всё же, обходи это Чёртово болото стороною: чего тебе глядеть в его затянутое тряской окошко?

- Страсть, как интересно что-нибудь открывать. Особенно, как змейки живут! И все такие гладенькие, ловкие: одно загляденье!

- Ох, Борюшка... Экой ты у меня чертознай!

- Мне, бабушка, всё в лесу нравится, а у болота всегда можно увидеть ежей... Цапля там водится: она змеек этих клювом вверх подбрасывает и глотает.

- Господи, Иисусе Христе! И не жалко тебе их?

- Так, видно, всё в жизни устроено.

- Разумник ты мой!

- А змейки, бабушка, такие красивые, переливаются на солнышке. Ровно, как указывают тебе что-то...

- В старину сказывали, будто змеи таятся там, где спрятан клад. Даже сквозь камень проходят, оставляя, будто бы, крупички золота. Жизнь змей связана с подземельем, и оттого они ведают, где лежат самоцветы.

- А ты их видела?

- Куда уж мне!

- Вот бы мне, бабушка, туда?! Я люблю разноцветные камешки...

Верилось, что можно без чьей-либо помощи, самому, познавать окружающий мир: в нём всё для этого имеется, и нужно только жить по-настоящему, как это возможно в детстве, когда тебе всего лишь шесть-семь лет. Замечательно то, что я никогда не был сосредоточен на своей маленькой жизни, а всегда только на той, что меня окружала, и через эту большую, необъятную жизнь постепенно начинал постигать и свою, внутреннюю, оказывается, наиболее ценную для себя.

Отсюда, наверное, и потребность уединиться, играя в какой-то свой внутренний мир, чтобы в нём было и Чёртово болото с цаплями и змеями, и необъятное гороховое поле, скрывающее в себе такую притягательную сладость, и черти – куда же без них! И всё это было чистым и естественным желанием прикоснуться к тому Божественному Источнику, из которого ты совсем недавно вышел.

А где, как ни в детстве, легче всего заглянуть внутрь себя? И как тут не порадуешься своему прямому счастью! Не теряйте времени, с самого детства становитесь собой.

Чудеса в решете

Казалось бы, ребёнок мал, не защищён, ничего ещё не знает об окружающем его мире, а это обезоруживающее неведение как раз больше всего в нём и пленяет. Веря всему, дети с затаенным интересом внимают тому, что с ними или вокруг них происходит, и обнаруживают в себе удивительное понимание.

Детское воображение при этом до такой степени богато, а интуиция так обострена, что ребёнок каким-то невероятным образом угадывает природу вещей, преодолевая незнание и страхи. Причём, страхи эти незаметно преобразовываются в увлекательную тайну, что непременно хочется разгадать.

Дедушка как-то рассказал мне, что маленькие лесные зверьки ласки приходят по ночам в конюшню, забираются на крупы лошадей, и заплетают их гривы в тонкие косички, отчего животные сильно беспокоятся и теряют силу. Ласки же всю ночь бегают по ним, а лошади совершенно теряют голову, и на них нападает бешенство.

Я брал такие рассказы на веру, ясно представляя себе, как ласки ездят по ночам на лошадях, вернее - тревожат их, и эти зверьки казались мне почему-то не злыми, а очень забавными и, конечно, таинственными.

Лишь позже, уже в зрелом возрасте, я узнал, что всё это - не деревенские вымыслы, и ласки действительно могут заскочить коню на спину, слизывая недостающую для себя соль. Красивая дедушкина небылица оказалась на деле правдой, только немножко приукрашенной, но разве менее интересна от этого становилась жизнь?

Нет, я был признателен деду за его чудесную «правду». И, конечно, верил в тёмных духов, что будто бы живут у нас в бане, дровянике и за печкой. Я был убеждён, что бабушка примечает их, и даже разговаривает с ними.

Эти бестелесные существа воображались мною на разные лады. То это были еле уловимые клубы дыма, очень подвижные, живые, постоянно меняющие свою форму, и от приближения их - перехватывало дыхание, а то они объявлялись маленькими несуразными человечками, бесконечно кривляющимися, с острыми глазками и взлохмаченными на головах волосами, наподобие сухого мха, которым дедушка затыкал щели между брёвен.

Порой я со страхом заглядывал в баню, надеясь усмотреть кого-нибудь из духов, и мне становилось немножко жутко, но отчего меня одолевал этот страх - я не знал. Больше подкупал интерес, и с бьющимся сердцем я отворял скрипучую дверь, неверно ступая по вымытым половицам, и уже мой дух замирал от охватывающего всё моё существо волнения, что представлялся почему-то сладостным.

А ну, как и на самом деле из-под лавки выскочит лохматое существо, да истошно завопит?! Век потом в баню не заглянешь, даже с бабушкой.

Бабушка называла всех этих неведомых духов «бесовским племенем», а столкнувшись с ними, заверяла она, следовало через левое плечо себя освистать. Перелаывая свой страх, я всё же надеялся, что беса этого, какой он ни есть, мне повстречать не придётся, но с опаскою заглядывал за печку: вдруг там затаилось какое-нибудь чудное существо, что будто на смех народилось, и только от одного его скорченного вида растеряешься и в землю вращёшь!

Бабушка про все эти чудные дела, по её убеждению творящиеся в доме, говаривала так: «Коли чудится, так перекрестись!» Хлопнув банной дверью, я с оторопью потом бежал домой, стараясь позабыть и тёмную пахучую баню, и все чудные видения, которые она порождала. Казалось бы, их не с чего ожидать, а они всё-таки появлялись.

Все чудеса в детстве оказывались как будто в решете: дыр много, да выскочить некуда. Сами собою живут, и не только ребёнка, но и взрослого человека околдовывают. Да только чудное - это не просто страшное, а ещё и редкое, удивительное и необычное.

Казалось бы, верить во все эти чудеса – что решетом ветер ловить, однако, в детстве они представлялись тем, что, несомненно, существует, в восприятии мальчишки иного не могло и быть, и жизнь без них виделась скучной и неинтересной. Накрыть своё счастье этим самым решетом, вопреки известной в народе поговорке, воображалось вполне возможным делом именно в детстве. В ту пору чудеса в решете оказывались необычайно живыми и увлекательными, в них верилось и хотелось разгадать, без чудесных явлений жизнь теряла свою прелесть, а решето для них, без всяких сомнений, было самым надёжным местом!

Дедушка же с бабушкой были те чудотворцы, что и Богу молились, и всякое необъяснимое явление, кое по известным законам природы объяснить не умели, всё же, признавали. Особенно чтили они святого Николая-угодника, который первым лихо от человека отведёт и о нём позаботится.

Даже обыкновенная стеариновая свеча в доме стариков представлялась чем-то необыкновенным, без чего совершенно невозможно обойтись. Частенько бабушка пользовалась и лучиной.

Мало того, что и свеча и лучина освещали самые тёмные вечера осенью и зимой, так они ещё и создавали необходимый уют, которого без них, казалось, не достичь. Когда отключали электричество, могли, конечно, выручить керосиновая лампа или даже фонарь, но обаяние укромного стариковского жилища от этого почему-то исчезало.

Только свеча привносила в маленький дом стариков то ощущение чудесной сказки, без которого он никогда бы не стал таким, каким был на самом деле. Загадочный, родной и тёплый, словом, такой, что его совсем не хотелось покидать, а милые старики только добавляли в него уюта.

Хорошо тому жить, у кого бабушка ворожит, и если дедушка кого любит, тому и косточки в руки. Дедушка-свечка, а бабушка - лучинушка с печки!

Как не достаёт мне этих стариков сейчас, хотя они и не были родными. Папа отвозил меня к этим одиноким старикам в зимние каникулы, он останавливался у них обычно на ночлег, приезжая на охоту и рыбалку летом или осенью.

Старики до такой степени стали для нас дорогими, что мы и воспринимали их, совершенно искренне, за самых близких людей, которые

были милы и друг другу, и нам. Ведь давно известно, что счастье только Бог, да добрые люди дают, а старики эти были добры, кажется, ко всему свету.

И вот, помню, пламя свечи чуть вздрагивает, изредка потрескивает, а вокруг - играющие на стенах блики и тени. Огонёк свечи, если приглядеться, тоже особенный, он как будто всевидящее, но ненавязчивое око, взирающее исподволь, откуда-то изнутри.

Приглянешься ему - и оно горит ровно, не вызывая доверия - вспыхивает, шипит, а то затаивается и словно поджидает: на чём бы тебя поймать, хоть ты и маленький. Держи тогда с ним ухо остро!

Без свечи зимним вечером не вяжется задушевный разговор. Нет её - и всё как-то не так и ни этак, а если мерцает на столе у маленького окна ласковый огонёк, хочется говорить обо всём на свете, слушая бабушкины сказки. Свеча будто тоже участвует в беседе, ненавязчиво подсказывает что-то, удивляется, даже порой негодует.

Она - неотъемлемый свидетель всех задушевных посиделок, и её часто, между тем, не замечают. Но свеча рядом, она всегда полна жизни и света, и я не могу вспомнить случая, чтобы свеча потухла раньше того, как бабушка прекратила свои рассказы.

Свечной дух сладок, как воспоминания детства, и необыкновенно приятен. Даже потушенная в деревенском доме свеча всё равно невидимо присутствует.

Она легко угадывается по источаемому запаху в темноте, и пока дедушка ворочается с боку на бок, ты думаешь о разных замечательных вещах, что произошли с тобой за день, который был полон увлекательных событий. В доме тепло, дрова неспешно потрескивают в печи, и ты с удовольствием представляешь, как назавтра доброе утро опять примет тебя в свои распростёртые объятия.

Но пока за окном тоскливо кружатся метели, наметают вороха заячьих шкур, и в падающем снеге ты будто поднимаешься к недостижаемому небу. В деревне между домами тишина и холод, и только окна в скорых сиреневых сумерках горят живым теплом.

Хорошо в такую пору сидеть подле бабушки и с замиранием духа слушать, как давным-давно, в тридевятом царстве-государстве, жил-был... Голос у бабушки тихий, печальный, но ты знаешь, что всё это - родное, своё, как старая сказка, которая льётся зачарованно рядом, а возникающие из неё волшебные образы не перестают волновать твоё воображение.

Когда выпадает первый снег, всё погружается в приятные думы. В этот день почему-то не светит солнце, и небо кажется таким высоким, безбрежным. Затянутое туманной дымкой, оно всё же безоблачно, но всегда хмуро, и лес вдали стоит присмиревший, глухой. Как бы долго ты ни желал снега, он всегда приходит неожиданно, как всё, что очаровывает тебя в детстве.

Открываешь глаза поутру - и сразу ощущаешь всё вокруг изменившимся, новым. Вот чего, оказывается, так долго не хватало тебе:

этого большого чистого света, с которым удивительно хорошо и радостно становится жить.

Можно отдыхать, молча, ото всех ненужных слов, что наговорил бабушке и деду вчера, позавчера, и ещё когда-то давно. И от тех игр, в которые успел переиграть или только намеревался это сделать. Все они выражали какую-то свою обаятельную правду детства, так что ей даже не хотелось ни с кем делиться.

И всё же, и эти слова, и дела не стоили ничего в сравнении с тем ощущением чистоты, что приходило с первым снегом. С ним незаметно наступало время осуществления самых сокровенных желаний. Всё остальное оказывалось ни к чему негодным.

Подойдя к окну, с замиранием духа убеждаешься: там всё бело и красиво. Чистыми кажутся оконные стёкла, воздух за ними, тишина. Радость и свет исходят от только народившейся белизны, ещё никем не тронутой, чудесной.

Не одеваясь, в одной ночной рубашке, стоишь и смотришь на это волшебство, и не можешь отвести взгляд. Сонная теплота комнаты уступает место приятному ознобу. Спрятав ладони под мышками, восторженно и тихо говоришь неслышно подошедшей сзади бабушке: «Снег... Сколько же его навали-и-ло-о!»

Иной раз снег падает так, будто две женские руки, полные и белые, видимые только тебе одному, протягиваются откуда-то сверху, обнимают, и не бывает от этого объятия плохо. Просто ты знаешь, что так должно происходить, так тебе суждено жить и чувствовать только в детстве.

Небо, всею своею необъятностью, кажется, спускается вместе со снегом на землю, проявляя только нежность и внимание. Как хорошо было отдаться этой неведомой зимней природе и завораживающей зависимости от неё, перестав бояться неведомых тёмных духов. Материнские снежные руки зимы расточали восхитительную милостыню и счастье, и я верил, что детство никогда не кончится.

Лёгкая дрожь в теле скоро унималась, и снежная умиротворённость заполняла тебя до краёв. И хотелось поскорее выйти в сад, чтобы попасть в самый снег. Бродить по нему под старыми яблонями, оставляя за собой непрерывные следы, словно стараясь слиться с охватившей мир ослепительной белизной.

Белые, почти не видимые гряды воздушно нарастали выше колен, и сопротивление это было приятно. Когда же оно становилось непреодолимым, я начинал изо всех сил пробиваться, орудуя ногами и руками, так что шапка слезала на глаза. Время от времени поправляя её мокрыми варежками, меня всё более охватывал сладковато-стылый запах снега и новизны, который с каждым шагом будил в памяти что-то полузабытое, но приятное, родное.

Снег лежал повсюду так ровно, что казался не ощутимым и каким-то восторженным, очень живым. Как будто он появлялся только ради меня, чтобы я смог преодолеть в своей последующей жизни любые преграды, и

научился при этом оставаться таким же лёгким и нежным. Снег повторял собой все деревья, кусты и горки, но это было не так интересно: необыкновенным представлялось утопать в нём, в этом сладком зимнем сновидении.

Вот эта не боязнь бескрайних снежных просторов была ни с чем несравнима. Прямо на твоих глазах зима становилась тебе дорогим другом, и с тобой случалось что-то очень важное, то, чему не могли научить ни осень, ни лето, ни весна.

Глубокое и тихое счастье от переживания зимнего пейзажа оказывалось каким-то не осязаемым, словно ты действительно воспарял куда-то вверх, становясь одинаковым со снегом, и, испытывая к нему необъяснимую нежность, совсем не боялся оставаться с ним наедине.

Зима не могла заглушить пламя детского сердца, а оно не в силах было выражать своё отношение к ней ледяными словами. Тогда и приходил черёд сказке, что вела за собой через всю зиму, убаюкивая и воскрешая маленькую детскую душу. Хорошо было внимать её речам, сладко.

Сладко и сонно становилось жить под незапятнанным небом, всегда с горячими воскресными пирогами и бабушкиными историями про размеренную деревенскую жизнь. Сама жизнь тогда превращалась в сказку, без конца и края, и не было предела затаенной радости, которая могла преодолеть любую неуютную действительность, связанную в святые вечера с тёмными силами. Впрочем, таковая отсутствовала, потому что всё вокруг было переполнено искрящимся зимним восторгом.

Вера в сверхъестественные существа, с которыми я в любой момент мог столкнуться в бабушкином доме, можно сказать, даже подбодряла мой дух, и мне начинало казаться, что так оно и должно быть. Мои фантазии, связанные и с банником, и с домовым, только добавляли масла в огонь. Я даже гордился тем, что проживаю сейчас у бабушки с дедушкой в их деревенском доме, мысленно обращаюсь ко всякой нечистой силе, и желаю с ней непременно встречи.

- Бабушка, расскажи про нечистую силу!

- Лучшее время для неё - глубокая полночь, - рассказывает бабушка, - а перекрёстки дорог - излюбленное место для сборищ всяких непутных бесов. Но верное дело - встретить нежить на деревне в бане-паруше, где к ней приставлен особый дух - банник.

- Где же он, бабушка, тут прячется? – обычно никого в пустой бане не обнаружив, спрашиваю я.

- Во всякой бане - за каменкой, а чаще всего - под полком, на котором прячутся.

Я осторожно заглядываю и за каменку, и под полку - никого там нет.

Бабушка только улыбается:

- Его, вроде бы, и нет, а он - здесь.

- И сейчас тут?

- Нет его хитрее. Банник обычно сокрыт от человека, не разглядеть его простыми очами. Невидимкою пройдёт - никто его и не приметит. Что рукавицы мои: когда ни хватись, всё их нет!

- Как же с ним, бабушка, сладить?

- Против него хорошо истопить печь осиновыми дровами, отчего нежить сразу покажется вверх тормашками, да как заголосит: «Отпусти ты меня - не губи, сделай милость!» А я ему - свои отворотные слова: «Не держу - ступай с Богом!» И банник этот в сей же миг в печуру с головой залазит, а потом - и с ногами, да через трубу и вылетит вон!

- Пока банник не вылетит, он тоже тут моется?

- На то у нас очередь: сначала - мы с тобой идём, затем - дед, а уж последним - невидим этот, исчадьё окаянное. Но если нарушить порядок, можно и угореть, не заметишь, как задушит, и чтобы задобрить банного жильца, надобно поднести ему кусочек ржаного хлебца, круто посыпанного солью. А ещё, при выходе из бани, нужно оставить в кадushке немного воды и хоть маленький кусочек мыла. Шутки с ним плохи.

- Бабушка, а этот банник молодой или старый?

- Старик, как и все сродные ему духи: недаром же столько лет прожил на белом свете. А вернее - особый разряд нежити, что и не живёт и не умирает.

- Как же это?!

- А вот - непокорный, как еловый пенёк. Одним словом, крапивное отродье!

- Значит, он здесь всегда обитает?

- Желает, шельма, владеть баней безраздельно! Может ещё под крышу забраться. Закопается в стружки с чердачной пылью, и сидит целыми днями: это для него привычное дело. А то возьмётся углы тёмные обшаривать, на предмет мух и пауков: шу-шу-шу, шу-шу-шу.

Мыши да крысы для него родня, самая верная компания, он их привечает, и своими объедками подкармливает. Оттого все тараканы у нас из бани и сгинули. Одна радостная от него оказия, а сам, знай, своё выкомаривает. Кислая, словом, физиономия, не приведи Господи, коли его в полночь завидишь: свой интерес он всегда во тьме имеет.

- Какой интерес, ба?

- Бесы любят в эту пору хвосты свои раздувать, тогда, как при дневном свете, ни одного не увидишь, кочергу им под ребро. Накеросинить кому - милое дело, а спать только с первыми петухами ложатся.

- Бабушка, а какой банник с виду?

- Мурло у него, сразу скажу, не выдающееся, а спросонья - и вовсе незадачливое: его бы рылом - мышей ловить! То негромко кошкою заурчит себе под нос, как будто ворчит невнятно, а бывает - недовольно зафыркает, да как крикнет! Этому охальнику - всё в угоду, нечто ему укажешь!

- Никого не боится?

- От такой чертовщины жить страшнее, чем умереть! Но впечатление на себя напускает отчаянное, хоть ликом и кривой, а в кривом глазу и прямое криво.

Одним словом, урод: голова по маковку, а ноги по самые пятки! Да и умственности особой за ними не наблюдается, но по части зловредности - у них дела туго завинчены.

- Не управиться с ним никак?

- Бесу хрена в квас не клади, чужими делами, как и всякая нечисть, подпирается. Но не в пример домовому жителю, что кашкой по ночам пробавляется, банник только портянками деда утирается. Житьё его - незавидное. Ну, если только шайкой с мыльцем попользуется.

- Бедный он!

- Никто того не ведаёт, как бедный обедает. Беда его никому не горька, - тихонько вздыхая, произносит бабушка. - Беднее всех бед наш бес: беда бедой беду у него затыкает.

- Почему так?

- Страха божия в нём нет. Вот он по чужому и тужит. Завидует, значит.

- А у нас с тобой - Царица Небесная, с ней нам ничего не страшно!

- Матерь Божия - заступница, она всегда рядом. Мы же хоть и не богато живём, зато - по-божески.

- А бес, правда, бедный, или прибедняется, чтобы всех разжалобить?

- Ещё тот лизун, но есть веники и про него!

- Бабушка, а разве бес парится?

- Так бы платице мылось, как бы вовсе не носилось! Поди, и после бани, негожая рожа, чешется! Но коли душа чёрная, так и мылом не смоешь.

- А как он в бане хозяйничает?

- Известное дело - как у всякой нежити заведено: наводит порядки там, где не просят!

- Вот бы на него посмотреть?!

- К знанию, миленький мой, тянись, только с бесом не водись.

- Бабушка, а тебе в бане не страшно?

- Подобру-поздорову этому баннику прибавить бы парку, да отходить хорошенько веником по бокам!

Нам с бабушкой вдруг становится весело, и банник уже не представляется страшным и хитрым проказником, отчего я доверчиво обращаюсь к бабушке:

- Поди-ка, он тоже может напугаться?

- Ничего, Бог поймёт, что мы понарошку, без злого умысла, - успокаивает меня бабушка. - В общем-то, банник этот для людей безобидный, если к нему с почтением, Господи, помилуй.

Бабушка задумалась, аккуратно сложив натруженные руки на коленях, а потом и говорит:

- Мы, Боренька, православные люди, ибо Господь посетил нас своею милостью, и ко всякой прочей сущности должны относиться так же

милостиво, по-доброму. Но всё ждём, что может выйти чудесное, чего и не ожидаешь.

Так и я думал, ожидая от жизни чего-то интересного и важного, что никак не может надоесть. Вот и этот «банник»: ещё неизвестно - чего можно ожидать от него, коли заглянешь в баню под вечер или за полночь?!

- Бабушка, а как этот бес возникнет передо мной?

- А ничего страшного в этом, чижик, нет. Печалиться тут не зачем. Как появится михрютка, так вскоре и уйдёт. Ты, главное, не пугайся его, и долго об этом не думай. Но всегда помни: бес - страшает, а Бог - милует. Не допускай страха до своего сердца, он постепенно и растает.

Порой приходится диву даваться - какая же бабушка наша отчаянная... И я с ней тоже ничего не боюсь.

Не пугала меня и бабушкина соседка - повитуха Авдотья, что слыла на деревне за колдунью. Вот уж кому, видать, нравилось вынимать из людей душу!

Известное дело: такие колдуны - завзятые помощники нечистой силы, что только и норовят проследовать в ад. Завидев на дворе какого-либо шаловливого мальчугана, бабка Авдотья тотчас прыскала в него сквозь сжатые губы:

- Пошлют тебя колдуны на ёлке хвою считать! Дорога тебе - на лес, к стоеросовым чертям!

Не дай Бог этого никому на свете, думаю я, и при случае донимаю деда:

- Дедушка, а ты чёрта видел?

- Как не видать!

- Страшный?!

- Чёрт как чёрт, но всё ж едва ли хитрей нашей повитухи, бабки Авдотьи.

- А на ногах у него копыта?

- У чёртова копытца - нечего напиться: как есть - без сапог! Только дюже лохматый, даже в чём-то симпатичен, а всё равно - бес.

- Как же ты его не забоялся?

- Завидев такого басурманина, я и ахнуть не успел.

- А он?!

- Захихикал тихонько, ударил в ладоши, да и прыг за пенёк. Лепечет что-то себе под нос.

- По-звериному?

- Этого уж я не могу сказать. У чертовщины свои привычки, и этот чёрт тоже, вижу, свою силу знает. Под ногами у меня не вертится, сидит смирно, а не то бы я его за уши-то прихватил!

- Чего же ему надобно было?

- А кто ж его, горемыку, разберёт? Мыкается, должно быть, плут окаянный, нет ему нигде приюта. Вот и льнёт к православному люду.

- Почему «окаянный», дедушка?

- «Окаянный», лебедь, значит, отчуждённый от рода человеческого, преданный поруганию.

- Ты же говоришь, он - симпатичный!

- Жалок по природе своей, вот его и честят среди людей почём зря. Но и то верно, что только человек за порог - чёрт ему уже поперёк: мыслями его качает.

- Как это?!

- Все черти завсегда над душой у человека стоят, когда он об этом даже не подозревает. Да только все черти - одной шерсти, и остерегаются они не кочерги, а доброго отношения к себе человека.

- Значит, черти водятся, и если я пойду за порог, тогда чёрт и мне выскочит поперёк?

- Было бы болото, родной мой, и черти будут. Но нечего бояться чертей, коли держишься добрых людей!

- Как ты с бабушкой?

- К кому ж ещё тянуться душой? А человеческая душа для чёрта - ботало, что он нашёл, да и сам ему не рад!

- Ловко у тебя всё это выходит.

- Вот и чёрт, что появился прямо передо мной, тоже был не из простых бродяг. Но с толку меня сбивать не стал, только захихикал. Выскочил неожиданно из-под боку, будто вот-вот меня увидел, и скалится, овечья морда.

- А какое у него, дедушка, личико?

- Рыльце его я толком разглядеть не успел, до того быстро он, лешак, возле меня очутился, прятался всё время, но хорошо запомнилось, что это именно неведомая лесная особь со сморщенной мордочкой и востренькими глазками, а головка - с небольшой горшочек.

- Махонький?!

- Росточком мне под лопатку, а на плечах будто бы грязное тряпье. Рожица ни на что не похожа, не описать, словом, как ни старайся, да только к чему этому существу пригожее изображение: не в собор же к обедне ходить!

- На зверька походит?

- Рыло, прямо сказать, отвратное, никак у животных, только что им хрен копать. На то чёрту, видимо, рыло и дано, чтобы оно было: одним рылом он и глядит!

- Всякая бесовская харя сама себя хвалит, - вступает в разговор бабушка, - чёртику она, по всему видать, сподручна. Живёт, не умываючись, и в ус не дует: по твари и харя.

- И чёрт ладана остерегается, Христос с тобой! - вдруг встаёт на защиту «врага» человеческого дедушка. - Не говори ему худого слова, и у него добрая душа проглянет.

- Ну, да! То и плутает вокруг да около, а до дела никак не доберётся. Не были никогда эти бесы своими, нечего к ним и захаживать!

- Господи, воззвал к Тебе, услышь мя! - не унимается дедушка. - Не бесов страшишь, Бога!

Из рассказа дедушки чёртик показался мне милым маленьким существом, что хоть одним рыльцем на мир и глядит, но особого страха не вызывает. Скрюченная фигурка и дикая мордочка невиданного обитателя лесной чащи ещё долго будоражит моё воображение, и мне почему-то приятно думать, что чёртик, каким его описал дедушка, существует.

Вчера дедушка принёс из лесу ёлочку, поставил её в сенцах, и в голову мгновенно ударило запахом морозной хвои.

- Праздничек завтра, поглаживая заиндевелую бороду, улыбаясь, произнёс он. - Боженька нам ёлку послал.

- Боженька - добрый! - весело восклицаю я.

- Пускай пока в холодке постоит. Всю делянку старую за логом обошёл, никак не попадалось ладное деревце. И тут вижу - отметина на снегу: кумушка, значит, дневала, обернувшись хвостом. По приметам, известное дело, и до вора доходят, тут я её и обнаружил, а чуть поодаль - эта самая красавица! Аккурат, возле неё лисонька и притаилась.

- Лисичкино дерево?

- Оно самое! Лисонька неслучайно его выбрала.

- Отчего так, дедушка?

- А хорошо было ёлочке расти в своём зелёном уголке, в лесном затишье, и стала она стройная и пушистая, любо-дорого посмотреть. Кроме лесного зверя, да птицы некому было такое чудесное деревце приметить!

- А ты разглядел!

- Неподалёку от ёлочки вырос большущий муравейник, весь покрыт сухой хвоей и снегом, через него красавицу и распознал. Летом ёлочку со всех сторон обступают цветы и ягоды, а под разлапистыми ветвями поднимаются крепкие боровики. И все в лесу радуются общей радостью, веселятся.

- Дедушка, мне страсть, как хочется тоже радоваться!

- Вот управлюсь по хозяйству с делами, и отправимся мы с тобою в лес, на дальний покос, за сеном.

Я тихонько подхожу к замершей в углу ёлке, и с опаской дотрагиваюсь до её колких веточек. Но нет, только с виду она кажется такой холодной и равнодушной. На самом деле, несмотря на то, что её срубили, она тоже, наверное, радуется предстоящему новогоднему веселью.

И я представляю, как всё это будет, и что мы скоро с дедушкой поедем за дальнюю делянку, на лошадке, и я увижу много чудес: и розоватую морозную зорьку, и сказочный еловый лес, и много-много сверкающего снега!

В сенцах, под потолком, у бабушки развешаны пучки высушенных трав. Взглядываю на них - и сразу начинает пахнуть летом, травяным зноем и сеновалом, и тогда холодные сенцы наполняются порханием бабочек и солнечным светом. И вспоминается, как мы с деревенскими мальчишками повадились на поля драть горох целыми охапками, насовывая его за пазуху...

Но теперь зима, и мы опять сидим с бабушкой, обнявшись, возле потрескивающей печки, а за окном - шум и великое оживление. Повсюду слышны весёлые выкрики, призывающие кого-то подавать лепёшку в заднее окошко. Одно слово - Коляда, что рождается накануне Рождества!

- По улице ряженные идут - на коне не объедешь, - бормочет дедушка, заходя в избу. - По деревне потеха, все звезду славят! Снегу намело горы, никого за этими сугробами не видать. Федька Сапожников верховодит, ему завсегда звезда картонная достается.

- Христос рождается, - еле слышно замечает бабушка. - Слава в вышине Богу и на земле в человеках благоволение.

- Божественное славословие, - вздыхает дедушка.

- Рождественская радость, - вторит ему тихо бабушка.

А я протираю пальчиком намёрзший на стёклах снежок, взглядываю на небо, и сразу примечаю голубенькую звёздочку, а вон, там, зелёная, и ещё жёлтенькая: сколько же их на небе высыпало? Рождественский вечер сияет и в моей душе!

- Начавши Коляду - не оглядывайся, что бы тебе ни казалось, как бы тебя не кликали, - наставляет, между тем, дедушка.

- Полно тебе, дед, коляду томить! - говорит бабушка.

- Со звездою колядовщики идут - не пропусти меж ними лукавого, - не успокаивается дед.

Бабушка на его слова только машет рукой, прижимая меня к себе.

- Как чёрта ни крести, он всё равно кричит - пусти. А у нашего Бореньки на груди божье благословение. Нам ничего не страшно, правда, милый?

- Крестик маленький, - тихонечко отвечаю я.

Крестик и, правда, со мной.

- С нами крёстная сила! - наговаривает бабушка.

- На Коляду дня прибыло на куриную ступню, - вздыхает за печкой дедушка.

Я взглядываю на бабушку.

- На полчаса, значит, - поясняет она. - Течёт времечко ино скоком, ино боком, а ино и ползком. У Бога его много.

- Каким «скоком», ба?

- Как воробушек - прыг-скок. Вот денька на минутку в декабре и выросло, а в январе - на куриный шаг.

- А ты, бабушка, не боишься колдунов и чертей?

- Самое время сейчас, когда рыщут они по всей земле, проклятые, ни одна собака на них не залает. Да только на счастье все косяки избы у нас святой водой окроплены, нечистая сила не сунется! - убеждает бабушка. - Но не чертей надобно бояться, а людей.

- Наше место свято! - чуть слышно произносит дедушка, засыпая.

- Наш дедушка обо всем знает и говорит, - подшучивает тихонько бабушка. - Он тебя любит, и всему научит.

И это была правда. Дедушка, если когда и сердился на какие-либо беспорядки и шалости, происходящие в доме, никогда меня не обижал. Держался всегда на одном добром слове, и будто, действительно, знал что-то такое, без чего никак нельзя было в эту пору обойтись. Он мне, городскому мальчику, открывал полный таинственной прелести мир, о котором я и не ведал, нередко поглаживая по голове своей широкой мозолистой ладонью.

- Ты вот что, - ласково говорил он мне. - Завсегда больше всего почитай не говорить, а наблюдать и слушать. И если вдруг увидишь нечто забавное - не всем сказывай, а то оно пропадёт. Главное же: ничего и никого не бойся, это - пустое дело!

- А коли этот самый чёрт мне объявится?

- Тут ты и прояви свою удаль: он, враз, подавится!

- Я деда ничего не боюсь.

- А чего бояться? Меж людей, в крещёном мире живём, а нечистая сила пусть свою свадьбу справляет. Ты же не будь равнодушен к жизни.

И с тех пор, чего бы я интересного не узнал о проистекающей вокруг жизни, стал нести его в себе. Банные и домовые мерещились мне повсюду, но страх не одолевал мною, я всегда надеялся на заботу дедушки и бабушки, и только ещё более желал раскрытия любой тайны.

Все те дни, что я проживал зимою в их доме, в деревне, я находился во власти её волшебного очарования, искренне веря, что дедушка обладает каким-то особенным знанием, подтверждая его и делом. И это дело, кажется, было укоренено в нём, и он его просто исполнял, никогда не нарушая своего слова.

- Деда, а мы покатаемся завтра на Бурке, можно?

- Конечно, можно. Всё можно.

- По самой, самой красивой дорожке. Помнишь, ты мне летом её показывал? Где цвело много анютиных глазок...

- Помню, дорогой.

И верно, видится мне всё время, что дедушка сдержал своё обещание, и мы едем с ним на лошадке на его дальние покосы, к загадочной Чёрной речке, где посреди старинного елового леса замерли в потаённой тишине вольные цветочные поляны. Я верю, что дедушка исполнит все мои желания так же охотно, как они всегда исполняются для детей на новогодний праздник, и счастье жизни не оставит нас, и все светлые надежды и радости сбудутся, и мы все вместе весело встретим Рождество. Дух захватывает!

- Ну, вот. Спи себе, милёнок, спи. Всю ночь будем хранить святой огонёк, - ласково увещевает бабушка, и чудится мне, будто это зелёные ели так же тихо переговариваются между собой: шу-шу, шу-шу, шу-шу-шу...

А за замёрзшими стёклами как будто мелькает чьё-то лицо, вглядывается пристально во всё, что происходит в доме. Январская темень, как сказочная сова, накрывает мохнатыми крыльями и нашу деревню, и дом, и сразу становится дремотно и сладко, и сон незаметно окутывает сознание.

Окна в домах тихо поблескивают оранжевым теплом и уютом, а где-то там, в уголке комнаты, затаенно темнеет отогретая с мороза ёлка. Расправила густые лапы, дышит жарко, будто зазывая в морозную хвойную чашу.

Пунцовые шары слабо прокручиваются на нитках, отсвечивая на стенах замысловатыми узорами, притягивают к себе волшебной сказкой, так что воображение всё-таки уносит тебя в ночной лес, где среди нескончаемых сугробов и ущербных теней сейчас сбиваются в стаи волки, плывёт над заснеженной землёй их пугающий, но чем-то неизъяснимо притягивающий вой.

Бредёт зима по земле в медвежьей шкуре. Звездистое небо - загадка на урожай гороха и ягод: будто свод в храме выгнулось над деревней волшебным пологом. И чудится, будто звенит от мороза воздух.

Снега за окошком тоже радостно сверкают, переговариваются со звёздочками. Всякий зверок в лесу - в своей норке, как и я под боком у бабушки. Хорошо!

В такой вечер всех тянет из дома на мороз, под звёзды, а с мороза - к ёлке, где яблоки всегда пахнут снегом. Мороз за окнами крепчает, всё небо в выстуженном инее: кажется, уже не видно и звёзд, а под ногами прохожих только хрустят ломкие, вспыхивающие живым огнём, ледышки.

Дома же тепло: потрескивает изредка печка, скачут по стенам загадочные тени. Как тут не простить зиме её метели, глухоту и мрак, которые в детстве только в радость?!

Все сказки, должно быть, родились в эту волшебную пору. Сказки создают жизнь, и тогда обыкновенная быль тоже представляется таинственной, всплывая в детских снах ещё не сбывшимися, но чарующими надеждами. Там, во снах, они становятся самой жизнью, никогда не умирающей мечтой, а сказки выются, переплетаясь в твоём воображении волшебными откровениями, туманятся притягивающими к себе лесными тропинками, и ты веришь в то, что счастливое детство будет длиться вечно.

А поутру выпавший за ночь снег опять приносит с собой живое тепло зимы, и это сразу улавливают деревенские ребяташки. Они оживляются, радостно утопая в навалившихся, как снег, чудесных заботах. Словно маленькими солнышками становятся под вечер их разгорячённые лица, излучающие восторг и свежесть.

Одна за другой возникают по дворам ледяные горки, весело голубеют закованные в панцирь склоны логов. Весь день слышится по ним залиvistый смех, то и дело вспугивающий любознательных сорок, и кажется, что ни в ком не осталось безделья и скуки. Даже старики в эту пору отмякают душой и, оставляя полаты и печи, подсаживаются поближе к светлеющим окошкам. Хорошо и покойно становится у них на душе.

Вот уже появились первые снежные завалы, и потянулись сквозь них заботливо расчищенные дорожки. Неугомонная ребятня, не прекращая свои утехи, целый день в сугробах проваляется, снег повсюду разметет, а под утро

дорожки опять ухоженные. Детвора же, знай, резвится, наслаждаясь снегом и привольем, которое он принёс.

Юркие снегурки разрисовали замороженные речки и пруды, повсюду незаметно поднялись неловко улыбающиеся снежные бабы. А как зазывно повизгивают старенькие салазки, целый год провисевшие в каком-нибудь тёмном чулане! В их голосе слышится давно скрываемое нетерпение и необузданная радость.

За окнами - веселье, а у нас в доме - тишина. Дедушка ушёл в пекарню за хлебом для Бурки, а бабушка - по хозяйству у соседей. Часы размеренно, как будто даже нехотя, отбивают свой неторопливый шаг. Чем бы заняться?

Я выхожу в сени - и замечаю маленькую дверцу, ведущую в чулан. В чулане у дедушки с бабушкой чего только нет, а на подоконнике - огромный коровий рог! Тщательно отскобленный и высушенный, он представляется мне в полутёмном глухом чулане совсем ненужным: зачем он здесь? Всякому пальчику - по своему чуланчику.

Бабушка говорит, что это - оберег, в доме от него - крепость и достаток, он достигается упорством своих хозяев. Так, будто бы, повелось с давних времён, когда богатство слыло с рогами, а бедность - с ногами.

Дедушка добавляет: «Мужик год проживёт - рог наживёт, два проживёт - два наживёт, а три - кого угодно забодает. Чешись тем рогом, что сам добудешь!»

Я с опаской посматриваю на этот рог, и в памяти моей опять всплывает лето и наш грозный деревенский бык. Встанет посреди дороги как штык, и не знаешь - как быть: если Бог рога к голове прикуёт - будешь носить, хоть с ними в тесные ворота и не влезешь. Бык - известное своим упрямством домашнее животное: это у него за обычай!

Сейчас стоит зима, и она занимает моё воображение больше, чем всякие нелепые духи и неведомые тёмные силы, которые с её началом принимаются за свои проделки. Они будто бы насылают на людей худой приворот, чтобы всё нажитое до зимы счастье и достаток человек позабыл, и только бы зиму одну студёную теперь желал, забывая о своей весенней и летней радости. После Нового года, по народным поверьям, разного рода нечисть вылезала из-под лесных коряг, желая учинить свои потехи.

А снежные вихри неистово наседали на застуженную землю, норвя изо всех сил затмить красное солнце, чтобы всю зиму оно почивало в неведомых чертогах, не заботясь о людском роде. Голодная стужа рьяно наваливалась на всё живое, вызывая за собой превратившихся в злобных волков оборотней. Остервенелые оборотни вместе с вьюгой по занесённым дорогам и деревням метались, поджидая редких путников и безжалостно расправляясь с ними. Всё им было нипочём в это проклятое время, когда, по заверению стариков, и птица на лету замерзала.

Дедушка рассказывал, что в самую непроглядную ночную тьму выбирается такой ведун в лес, перекидывается через старый осиновый пенёк и превращается в волка. Всю ночь он потешается своим наглою

неуязвимостью, кровожадно выедаёт людям сердца, а под утро оборачивается вновь в человека и ведёт жизнь праведную, незаметную.

Ни за что не распознать изворотливое обличье этакого злыдня, уверял дедушка, коли только не решишься в полночь проследить за ним, да воткнуть в тот осиновый пенёк булатный нож. Оборотень до скончания своего века останется зверем, рыскающим по лесу, но только тогда не переходи ему дорогу, не искушай злую судьбу.

Дедушка при этом сердито хмурил брови, грозя неизвестно кому своим заскорузлым пальцем, устремлённым к потолку, и, понизив голос, заворожено, наверное, и для себя самого, тихо произносил: «Это не тот волк, коего люди пророчили вместе с медведем и девкой с полными вёдрами к доброй встрече. Не дай Бог помянешь его про себя, а он уже тут. - Дед ещё пуще сдвигал брови, смешно складывая губы в трубочку, и, бережно касаясь своей жилистой пятернёй моего худенького коленка, с заговорщицким видом продолжал. - Вот когда придётся быть тебе по-звериному за свой недогляд и простоту, понимая поговорку: верь волчьим слезам. Оборотню же можно доверять только убитому!»

Бабушка тоже во всё эти чудеса верила и даже чтила. Верила, что ворожба сбывается, и коли прорубь на реке поутру прорубить - услышишь свою радость или печаль. И что, набрав в вёдра воды, надобно её успокоить, прежде чем в дом нести, чтобы с этой водой порчи в него не вошли. «Для всякого спасения заговорное слово знать надобно, которому Пресвятая Матерь Богородица учила!» - говорила она.

«Во всякую оставленную на столе плоску может вселиться нечистая сила, - рассказывала бабушка. - И как только хлебнёшь из неё водицы, начнёт тебя гнестить неизлечимая немощь». Никак нельзя было в эту пору оставлять на столе посуду неприкрытой. Если же по забывчивости закрутишься и не побережешься, следовало слова стародавние заговорные произнести, чтобы без оглядки выпроводить из дому всякую нежить и мороки.

Хуже всего, по её словам, было ввечеру нож без присмотра оставить. Тёмная сила тотчас в него вселялась и так начинала бесноваться, что у малого дитяти живот болеть не унимался, пока нож не убрали, заговаривая его от порчи, рези и невольных стенаний. «Когда-то сказочный страх перед этими чудесами занимал воображение всех: от мала - до велика!» - поучала бабушка.

А нечисть в эту пору будто ещё пуще выходила из себя. По уверениям бабушки, она так и норовила поближе к жилью человека пробраться, спрятаться под крыльцом или в сенцах, а то и в печную трубу завалиться. Только на любой жизненный час имелось меж людей против неё ответное слово, которое прибавляло белый свет, обещая долгий век.

Не было, наверное, такой деревни, чтобы не жила в ней бабка-ворожея, к которой в святки тайком шли погадать на добрую судьбу парни и девки. В обыденные дни её как будто не примечали, старались стороной обойти, в глаза не смотреть, но после новогодних праздников каждый стремился своё

грядущее узнать. Тут уж про всякий страх забывали, с болью и горем отдаваясь в её магическую ворожбу. Велика была в эту тёмную пору тайная власть бабки-ворожеи.

Людям легко воображать всякие несусветные вещи – чудеса в решете, им это, кажется, даже нравится, и они не могут без них жить. Нелепые вымыслы сладки для человека именно своей несуразностью, и чем страшнее, уродливее вымысел, тем лучше. Отчего людям необходимы подобного рода фантазии - они и сами не знают, но дотошно чтят их и преумножают.

Им, видимо, скучно жить без страхов, и они их охотно выдумывают, но правда, что в природе нечто непонятное всё-таки есть: иначе - зачем существовали все эти домовые, лешие, кикиморы и прочая нечисть?! И, тем не менее, вымыслы отдалают понимание, а мне хотелось именно разобраться в окружающих меня вещах, во всех этих таинственных чудесах, что будто бы и живут в решете, а между тем – не дают покоя.

Как-то незаметно, стараясь не особо вмешиваться в моё воспитание своим бесхитростным деревенским бытом и неспешными стариковскими разговорами, дедушка с бабушкой, между тем, оказывали на меня неизгладимое впечатление. Но как оказалось, не только бабушка, дедушка и зима со снегом прививали мне какие-то жизненные навыки: необыкновенным образом формировали моё сознание и эти самые тёмные силы! Как это происходило?

Отчего-то не по плечу им было околдовать меня своим притворным коварством, когда я верил в их существование, но не боялся, хотя и был маленький. Солнце, особенно под Рождество, так чудесно играло в небе, что необыкновенно радовало меня, и, наверное, гнало всю лохматую нечисть в глубокие щели, отчего и тёмная сила, как мне казалось, тоже становилась махонькой, неприметной.

Незаметно перемётываясь с улицы в дом, она, конечно, норовила схорониться в дальних углах или под печкой, но бабушка на этот случай ещё загодя приготавливала веники, а со святых вечеров начинала её выметать, оттого я и не мог, наверное, её обнаружить, когда поутру осторожно заглядывал за печь. Хоть бы одним глазком увидеть этого неведомого домового, думал я, для которого бабушка на загнётке всегда оставляла чугунок с кашей!

И как только хватало сил добрым людям управляться в течение зимы со всей этой порченной немощью, что ухитрялась сглазить их жизнь?! К самой середине зимы, она будто бы по избам пробегала, бабам стряпню наводить мешала: на хлеб гнёт наложит, из печи тепло вытравит, да жжёт сердце своей горечью. Или возьмёт и напустит по всей деревне куриную слепоту, так что куры потом три года нестись не могут. Сохнет после неё всё молодое и здоровое, безвозвратно хиреет.

Тогда наша сердобольная бабушка торопилась эту хитроумную силу угольями запугать. Ещё пышущие жаром головёшки она собирала из печи в ведро и несла на двор, чтобы добавить туда для дыма навозу, после чего

окуривала птичник, изводя всю нечистую гниль, а мелкие угольки вываливала в снег, так, что они потом долго шипели в зимней утробе, будто на кого-то негодуя.

Мне всегда казалось, что зима благодушно наблюдает за каждодневными заботами бабушки, и, наверное, любит её с отпущенной ей природой силой. Любил бабушку и я, но силу эту невидимую мне хотелось узнать ещё больше.

Да и как было не любить бабушку, если в своей неутомимости она свою добрую душу сберегала. Всей радости она видела вперемешку с горечью, да и то ненароком, в редкие праздники, но, увидев однажды, запоминала надолго, и несла с собой через всю жизнь. Великие устремления мысли её не одолевали, поскольку сама она была велика в простоте и незаметности изо дня в день совершаемого, тогда как тёмная сила, по её словам, всю зиму мытарствовалась, добро со злом мешая, да любовь с души скатывая.

То она шелудивой собакой к дому прикатится и чёрным вороном на крыльце обернётся, то непутёвым чёртом объявится, да стонет так, что сердце той тоской разрывает. Рассказывая обо всём этом «бесовском племени», бабушка избавляла меня добрым отношением к жизни от тягостных сомнений, уверяя, что я сам свою судьбу должен пытаться, не обращая внимания на всякую несусветную немощь.

А придёт со стариковских посиделок дедушка, стащит полушубок - и на печку, очередные деревенские новости нам с бабушкой рассказывать. Что собираются, будто, мужики ввечеру с топорами да кольями гнать набедокурившего чёрта из деревни. Тулупы наизнанку наденут, чтобы чёрта того распознать в чужом обличье, и с зажжёнными огнями по дворам идут, нечисть вызывая. На том месте, где чёрта застигнут, разведут кострище и прыгают через него, оберегая тем самым своё здоровье. То-то начнётся потеха и веселье, а за ними незаметно отходит мужик душой от бесконечных забот и работы!

Так, проводя зиму со стариками и веря во все эти деревенские истории, незаметно выходил срок праздничным святкам, и завершало их Крещение. Вместе с Рождеством оно приобретало в глубине зимы красивый, и даже какой-то зачарованный смысл. Сами эти слова - «рождество» и «крещение», таили в себе что-то особенное, необыкновенно сказочное и родное.

Но вполне обыкновенными воспринимались уверения бабушки, будто в полночь на Крещение чаша с водой сама колыхнуться может, если Господа своего узришь, а перед заутреней небо открывается, и о чём ему помолишься, то сбудется. И люди про себя уже молились солнцу, которое обожествляли и любили.

Всю зиму они противились тяжёлым и худым следам, что оставляла за собой тьма, но не ожесточались при этом, и не иссякали душой. Силы неведомые были изгнаны от родного порога, выпровожены из деревни, а

вместо солнышка обогревала жизнь русская печка, дарящая необходимый уют.

Печь для деревенских людей всегда была мать родная. Конечно, с печным теплом в дорогу не ездили, но и одно воспоминание о печи грело душу так, словно у самой печи погрелся. И по летам, и по годам в зиму было одно место - печь, на которой сладко было лежать-зимовать!

Меж добрых людей известно было, что не печь кормит, а работающие бабушкины руки, от которых она угарной не бывает. У них и ковши не дремлют, и квашня не пустует, а если уж начнут печь топить, то знают, как избу нагреть и жару из неё не упустить. Хлеб из бабушкиных рук выходил под стать самому солнышку - запеченный и пахучий, хранящий в себе здоровый земной дух.

Мороз за окном, кошка на печи клубком свилась, а мы с дедом за столом бабушку с нетерпением дожидаемся: что она нам сегодня испекла? Бабушка же даёт хлебу остыть, и разламывает его так, чтобы каждому досталось от солнечного карая: только что ангелы с неба не просят этого хлеба! Кажется, все земные силы тогда в доме сходятся, и благополучия ему желают. Благословен был наш дом с хлебом и печью, с добрым дедом и любимой бабушкой!

К середине января на снегу появлялись санные дорожки от дальних стоговищ, и дедушка тоже снаряжал свои сани, вспоминая добрым словом знойное лето, словно стряхивая с себя зимний сон. Чудились ему, должно быть, летние благодать и раздолье, и вмещающая в себя все дни работа, и сладкие думы о своём простом деревенском житье. В такое зимнее утро, собирая в дорогу лошадку, ему дышалось свободно и легко, а воздух был переполнен зарождающейся радостью и надеждой.

Всё в его руках тогда делалось ловко, с каким-то весёлым и добрым лицом, и дедушка легко соглашался взять меня с собой, отчего хотелось ехать между лесных сугробов и елей долго, не боясь зимы. И чтобы лошадка знала дорогу и понимала нас с дедом, как и мы с ним понимаем и любим свою ладно обустроенную простую жизнь. Казалось, что все мечты твои непременно осуществляются, стоит лишь совершить небольшое усилие, подумав о чём-то хорошем.

Ото всех этих дум на душе становилось легко и радостно, а мороз забирал ещё крепче, ядрёнее. И тогда лёгкое смятение, охватившее тебя, поджималось махоньким угольком где-то вверху груди, не давая дышать, и на глазах выступали слёзы. Но слёзы одновременно и успокаивали, как будто не было у нас с дедом иной заботы, чем накидать в сани доброе душистое сено. Зима незаметно вдыхала в нас пробудившиеся в ней к тому времени запахи и звуки, нашёптывая что-то сокровенное, родное.

Впереди клубится розоватая дымка, изо рта кобылки выбивается душистый парок, и всё лицо зацеловывает стужа, так что выступившие на глазах слёзы тотчас сохнут. Зима ровно пытается доказать свою силу и молодость, между тем, уже порядком растраченную. Но озноб невидимым

зверьком пробегает под шубкой, ластится, играет, и дух захватывает от его неукротимого задора!

В одном месте на прогалинку выскочил ослепительно белый заяц, его хорошо было видно на голубеньком снегу. Заяц уселся на задние лапки, повёл длинными ушами с чёрными отметинами на концах, и стал умываться, словно догадываясь, что мы ему ничем не угрожаем. Как будто заяц давно знал и дедушку, и меня, оттого и вёл себя по-деловому, ничего не боясь. Он, кажется, даже улыбнулся мне!

Дедушка, приложив пальцы ко рту, свистнул изо всех сил, так что заяц замер на мгновение, присел, и вдруг - задал стрекача, кося себе в след чёрненькими маслинами глаз. От всего этого на душе стало опять очень весело, и я, не удержавшись, захлопал в ладоши, а заяц и был таков!

Потом я ещё долго думал об этом зайце, представляя, что думает он о нас с дедушкой, и мне всё казалось, будто он никуда не убежал, а сидит где-то рядом, весь на слуху!

Сосны и ели стояли тихие и смиренные, вытягивая над нами свои мохнатые лапы. В воздухе тихонько струились лучистые снежинки, на душе было хорошо и празднично, и думалось только о том, что тебя окружает. Какие ещё чудеса и подарки принесёт сегодняшний день?!

Тут я вспоминаю про ёлочку, что дожидается нас в сенях, и про то, что когда мы вернёмся домой, то примемся её украшать. И на душе опять становится радостно.

Что за чудо наша ёлочка! Дедушка не зря её в сенцах оставил, чтобы она до времени лапы свои не расправила, а как мы её в дом занесём - она тотчас ободрится, отогреется и польёт по всей избе свой чарующий аромат, заблагоухает.

Дедушка водрузит на её верхушке серебряную звезду, и скажет: «Вот и к нам праздник пришёл! РождествоТвоё, Боже наш». Утопая на снях в снегу, думать обо всём этом было очень приятно.

- Ай, да мороз, ай, да затейник старый! - весело приговаривает дедушка, и бьёт себя мужицкими рукавицами по заолодевшему полушубку. - Угодил нам сегодня, нечего сказать.

И правда, день выдался на славу, какой только и может случиться под Рождество, накануне чудесных радостных дней. А снегу-то сколько навалило! Лошадка всхрапывает, снег под полозьями тихонечко шуршит, убаюкивает. Глухо зимой в лесу, далеко разносится по нему барабанная трель дятла...

В тайне про себя приятно сознавать, что зима скоро перевалит свою половину, и порча с нечистой силой отступит от людей, а все чудеса, вместе с волшебным решетом, останутся с тобой. К нашему возвращению бабушка настряпает ароматных колобков, и мы с дедом ввалимся в избу весёлые и возбуждённые, переполненные мягкими искрящимися сугробами, задорным морозцем и чистыми помыслами.

Вечером, перед сном, бабушка опять будет рассказывать сказки о том, какой волшебной бывает жизнь русской зимой. А может быть - о грядущей весне, что принесёт на землю желанное тепло и радость!

Этот огромный таинственный мир

Ребёнок ни на минуту не сомневается, он просто уверен, что жизнь влюблена в него, и разве возможно не поверить в это? Ему кажется, что он может делать всё, что захочет, и всюду его ждёт успех. Разве застанешь ребёнка за бездельем, или придёт ему в голову ничего не делать, когда некуда себя девать?

Разумеется, такое невозможно, потому как ему всегда есть забота: ребёнок добр до самых славных занятий, он не любит и не принимает нищету духа, когда кто-то не ищет для себя интересную забаву, не стремится заглянуть в притягивающие тайны. А сколько их вокруг? Как же тут не распорядиться жизнью с настроением, так, чтобы на душе всегда было очень весело?!

Нет, ребёнку до всего имеется незатухающий интерес, хочется ему обустроить в этом и без того чудесном мире всё ещё более восторженно, по-своему, чтобы стало даже лучше! Любить он готов весь свет, не подозревая, что этот самый свет любит его не меньше, ласково примечая все детские забавы и неприметно оберегая.

Ребёнок же только светит, излучая желанную до всего живого доброту, и всегда улыбается: сладостно ему нахождение на этой сказочной земле, играет он во что-то своё, и ничего ему, кажется, больше не надо. А чудная улыбка малыша так хороша, будто лучи солнышка играют в хрустальной чистоте ручья, весело переливаются, как и его небесные глаза, так что заглядишься невольно на светлое детское личико, и возрадуешься, словно пред тобой предстал образ Божий.

Вот и чтение под одеялом, с фонариком, отчего-то выходило в детстве, особенно - в начальных классах, наиболее занимательным занятием, чем бы ты осуществлял это при дневном свете, сидя в удобном кресле или за письменным столом. Родители не запрещали мне подобной забавы, наверное, просто потому, что не заставляли за ней, а то бы отец непременно сделал выговор, либо каким-нибудь образом наказал, скорее всего - выпорол. Но, к счастью своему, я не был застигнут за своим излюбленным развлечением, что и позволяло мне благополучно и с удовольствием всё это проделывать.

Я был точно как помешанный: подобное потаённое чтение совершенно захватывало меня, и я ничего не мог с собой поделать, в нетерпении ожидая - когда же, наконец, наступит вечер, и можно будет пораньше улечься спать, чтобы насладиться очередной страшной историей, ловко раскручиваемой неведомым мне писателем Конан Дойлем. Интереснее всего было читать именно его жуткие рассказы, что с наступлением темноты, в моём сокровенном укрытии, воспринимались ещё более захватывающими.

Только отняв у меня книжку, возможно, наверное, было прекратить это помешательство, положив конец моему исступлённому чтению. Но каким сладостным представлялось такое завораживающее забвение, оно оказывалось одним из самых ярких в детстве переживаний, и кажется, я незаметно для себя самого одолел, вот таким сокровенным способом, чуть ли не всё собрание сочинений этого замечательного английского писателя!

Все книжки при этом я прочёл с диким восторгом, в детском уме моём произошёл совершенный переворот, и для меня ровно открылся иной, абсолютно новый мир, откуда я узнал о неизведанном ранее свойстве предметов, душевных устремлениях людей и их способностях. Многие явления в окружающей жизни, на которые я смотрел бессмысленно, хотя и не без любопытства, обрели для меня смысл, и стали ещё занимательнее. Человеческие характеры, с их превращениями, самым необыкновенным образом овладели всем моим вниманием, я искренне сочувствовал каждому персонажу, получая небывалое ранее удовлетворение.

Теперь обо всём этом думается так: а испытывал бы я такое же наслаждение и эффект, проделывая подобное при дневном свете, не под одеялом, да ещё без фонаря?!

Разве могла без этих выдумок стать краше жизнь, только с ними, как раз, обнаруживая себя совершенно по-иному, гораздо увлекательнее? Нет, именно благодаря бесхитростной детской причуде, мир вокруг приобретал ещё более впечатляющий колорит, ты начинал заглядывать в него глубже, внимательнее и с неослабным интересом.

Что, казалось бы, могло принести обыкновенное просиживание под одеялом с книжкой?! Хотя бы даже со Стивенсоном или Штильмарком? Но фантазия маленького человека, именно при этом забавном условии, становилась безграничной. Ты сам, ограничивая своё нахождение в привычных для себя домашних условиях, в тоже время - расширял его, причём, необыкновенно и просто.

А всего-то - скрытое ото всех чтение любимой книги, и от этой потаённости оно воспринималось как какое-то чудесное священнодействие. Без таких приключений жизнь, ты уже понимал, оказывается скучна, и в силах ли перенести подобную скуку хоть и маленькое, но пытлиное сердце? Нет, никак ему было не обойтись без тайны, пусть и незатейливой, зато обязательно счастливо захватывающей своей притягательной загадочностью.

Ведь кто ничего не знает, то тайна для него одним своим существованием хороша, а уж в детстве без неё и вовсе не прожить! Ну, а если хочешь больше знать – тогда тебе и книги в руки, и ты, затаив дыхание, оказываешься с ними под одеялом, при свете фонарика раскрывая загадки этого чудесного существования. Ведь сердце без завораживающей тайны – пустая грамота, тем более, когда тебе всего лишь девять-десять лет!

Постижение тайны и жажда неизведанного просто переполняют мальчишку, и оттого всё в детстве кажется ему хоть и перевозданным, но не

раз и навсегда устоявшимся. И окружающие тебя дома, улицы и парки, лес за околицей, любимые книги, даже - люди, всё это как будто существовало испокон веков, а вот теперь ты имеешь возможность созерцать это укоренившееся, кажется, ещё с незапамятных времён замечательное жизнеустройство по-новому, так, как ты того пожелаешь.

Постепенно познавая его, оно представляется твоему воображению загадочным, но удивительно разумным, каким оно, наверное, и должно быть, и ты не спешишь озадачивать взрослых бесчисленными вопросами, желая достичь понимания того, что тебя окружает, самому. Этот мир так богат, что каждый день он с неимоверной быстротой ширится, разрастается, и вскоре оказывается, что у него нет границ, вразумительного ответа о бесконечности его ты для себя не находишь, но от этого интерес к нему не иссякает.

В начале жизни хочется до всего дойти своим путём. Взрослые при этом не то, что не помогают, а даже мешают, их понимание мира часто выходит несогласным с твоим взглядом на него, да и знают они об этом свете, как ты сразу убеждаешься, далеко не всё, и тебе приходится действовать на свой страх и риск.

Утоляя собственную жажду в ответах, ты не страшишься на этом пути преград, и с нетерпением ждёшь: когда же ты уже повзрослеешь, чтобы охватить весь этот огромный таинственный мир, сделав его по-настоящему своим? Ты готов наполнить себя несметным разнообразием чудесных впечатлений и загадок, устремляясь к тому, что пока заслоняет от тебя первоначальная пора твоей жизни - неповторимое детство, хотя и побуждающее к напряжённой работе над изучением мира, но и просто радостной от предвкушения незабываемых открытий.

Ведь ребёнок жаждет знать о себе и мире как можно больше, его не удовлетворяет безропотное принятие жизни такой, какая она есть, а влекут её тайны, они приковывают к себе всё его внутреннее существо, которое именно в детстве побуждает нас относиться более внимательно к другим, чем к себе. Разлад в жизни человека возникает, когда он отделяет себя от этого устремления, не веря в свою внутреннюю силу, тогда как ему изначально дана свобода выбора, позволяющая использовать свободную волю для выявления причин своего пребывания на земле.

Задумайтесь: как легко ребёнок принимает на себя ответственность за все свои решения и действия, кажущиеся взрослым незначительными, не пытаясь при этом обвинять других людей за свои неудачи и разочарования?! Он обладает всем для того, чтобы принимать именно активное участие в жизни, а не быть в ней рядовым участником, ни к чему не стремящимся наблюдателем.

Ребёнок, может быть, ещё и не понимает, но непременно чувствует - зачем он здесь находится, и нахождение это значительно. Он не зря с ранних лет обнаруживает в себе чудесные божественные черты, даже не помышляя создавать какие-либо ограничения на пути самопознания, а наоборот - делает всё для собственного развития, желая быть тем, кто он есть, и если

обнаруживает в себе какую-то, только свою истину, то необыкновенно радуется ей.

Находясь один на один с собой, ребёнок не испытывает одиночества, а постоянно разговаривает со своей душой, с тем божественным началом, что находит в глубине себя, и при этом, конечно, очень любит жизнь. Душа заигрывает с ребёнком, словно поощряя его непременно двигаться дальше, ненавязчиво подсказывая ему, как это интересно, и ребёнок, конечно, принимает эту увлекательную игру, узнавая сердцем своего самого большого друга - самого себя.

В жизни так выходит, что себя никак нельзя подвести, тем более - предать, и ребёнок с удовольствием проявляет собственную свободную волю, невозможную без развития, призванного познавать и открывать, не испытывая никакого разочарования. Расширять своё сознание - вот что самое главное, и угадывая в себе это стремление, маленький человек устремляется к постижению огромного мира, радостно играя с ним и любя, чего бы это ни касалось.

В детстве я был наделён тонким чутьём ко всему, даже к тому, что, казалось бы, не представляло для меня какого-либо явного интереса. В начальных классах я совершенно не уделял времени домашним занятиям, потому как в точности улавливал всё, сказанное в школе учителем. Легче всего давалось правильно расставлять в словах ударение, говорить по-английски и красиво писать. Никто меня этому не учил, не подводило только чутьё, дарованное, по-видимому, от природы.

Был я очень восприимчив к музыке, обладая идеальным слухом: повторить, напевая или свистом любую мелодию - не составляло для меня никакого труда. Будто эта мелодия уже жила во мне, стоило только услышать её, как она тотчас просыпалась в моей душе. Мама быстро разглядела мою склонность чувствовать музыку, и вскоре отдала меня в музыкальную школу.

Играя с мальчишками в футбол, я заметил, что легко предугадываю уловки любого, даже самого изощрённого игрока, проявляя себя как удивительно надёжный защитник, и ни одному нападающему из команды соперников никогда не удавалось обыграть меня, то есть - прорваться к нашим воротам. Благодаря подобной способности мальчишки прозвали меня «железным» защитником, тем более, что бросаясь под ноги, и набивая тем самым неисчислимое количество ссадин и шишек, я не чувствовал боли, вернее - не боялся её, и даже если травмы оказывались серьёзными, - просто не обращал на них внимания.

Ко всему прочему, обладал я, оказывается, и отменной зрительной памятью. Отец однажды взял меня с собой на охоту, и как-то, незаметно, мы заблудились с ним в лесу. Это очень расстроило его, он даже растерялся, и я вызвался показать дорогу к нашему стану, прекрасно держа в памяти весь, проделанный за день путь, что совершенно поразило отца.

Никто из взрослых никогда не демонстрировал мне азы плавания. Но, тем не менее, увязавшись как-то за старшими мальчишками на реку, мне пришлось, стыдясь проявить свою трусость, прыгнуть вслед за ними с высокого обрыва в воду, после чего я, к своему удивлению, поплыл, почувствовав с того мига искреннюю привязанность и любовь к водной стихии.

По каким-то необъяснимым признакам, я абсолютно верно отличал для себя очень достойных и интересных мальчиков, у которых стоило чему-либо поучиться, от тех, кто оказывался непутёвым и хитрым. И так, чутко улавливая в своих сверстниках добрые качества, приобрёл в детстве немало надёжных друзей, со многими из которых поддерживал отношения уже во взрослом возрасте.

Бывало, заведём мы с приятелями какую-нибудь увлекательную игру, где окажется в победителях тот, кто наперёд знает, как ему поступить, и в этом устремлении не было мне равных. Проще простого представлялось угадать верное поведение, проявляя себя находчивым, если того требовала игровая ситуация, либо - терпеливым, когда необходимо было затаиться и ждать. Игра приносила мне радость именно своей непредсказуемостью, и доставляла огромное удовлетворение, возможность предвидеть события до того, как они случились.

Больше всего мне нравилось бороться, проявляя при этом чудеса изворотливости: в борцовских схватках я словно вытеснял из себя какую-то излишнюю энергию, чему, кажется, невозможно было противиться. Приглашаю в гости какого-нибудь приятеля, заманивая его предложением посмотреть книжки или марки, и как только оказываемся у нас дома, тотчас предлагаю: «Давай бороться, кто кого сильнее?!» Не было случая, чтобы я проиграл, животным чутьём угадывая, какую надлежит избрать тактику против того или иного соперника.

В этой борьбе я как будто даже стремился, скорее, не победить, а проверить что-то именно в самом себе - на что я способен, и после того, как укладывал противника на лопатки, мне уже требовалось одержать верх над кем-нибудь ещё. В моих действиях не присутствовало насилия: только желание честно одолеть другого. Так, незаметно, переборол я целый класс своих сверстников, и ещё - двор!

То же самое обстояло с гимнастикой, только в ней, в отличие от борьбы, я ни с кем не вступал в единоборство, получая удовольствие от того, как послушно мне своё тело. В средних классах, на уроках физкультуры, преподаватель проводит с нами занятия на спортивных снарядах «конь» и «брусья», показывая исполнение элементарных упражнений.

И вдруг я, когда до меня доходит очередь, заняв опорное положение на «брусьях», неожиданно для самого себя делаю мах ногами и встаю в вертикальную стойку, головой вниз, фиксируя тело так, что оно не шелохнётся, и на очередном махе ногами вперёд – возвращаюсь в прежнее положение, продолжая стоять на руках. В зале - тишина, но чувствуя, как

легко, без каких-либо особых усилий далось мне только что содеянное, проделываю подобный трюк ещё раз, и ещё.

Девочки - в шоке, смотрят на меня восхищёнными глазами, мне же на душу - улада, и я, заняв вертикальную стойку, уже отправляюсь по брускам на руках, вниз головой, и, дойдя до самого конца, лихо спрыгиваю на маты. Учитель после урока подходит ко мне, и, уважительно беря за руку, вопрошает: «Ты, парень, наверное, в секции спортивной занят?» Я же только в возбуждении от произошедшего, мотаю своей вихрастой головой, не в силах промолвить ни слова, потому как проделывал подобное впервые в жизни. Что это было?!

Или вот, учительница по русскому языку задаёт классу написать сочинение на свободную тему, и тут среди всех учеников мне не находится равных. Замечаю это без тени малейшего самодовольства, ей-богу!

Наоборот, рисуя в своём воображении незаметно промелькнувшее лето, у бабушки в деревне, из-под пера моего выходит увлекательный рассказ, написанный почти без ошибок. Учительница отмечает его необычное изложение и язык, зачитывая перед учениками, как бы даже ставя в пример, я же обнаруживаю в происходящем только естественное истечение вещей, иного и не предполагая, и так - во всём.

Может быть, кому-то покажется нескромным перечисление всех этих достоинств, неожиданно объявивших себя во мне в достаточно юные годы? Причём, какие-то из них оказались мною вообще не упомянуты, но ведь рассказывая о себе, я должен оставаться искренним до конца!

Скажем, меня невозможно было обмануть, поскольку я видел человека насквозь, уже при одном взгляде на него ясно осознавая - какое качество определяет его природу, или о чём он сейчас думает. Словом, для меня совершенно очевидным представлялись все внутренние мотивы его поведения, что побуждали человека поступить именно так, а не иначе.

Не скрою - чувствовал я себя при этом даже неловко. Ведь дело нередко касалось взрослых людей, и они имели за плечами несравнимый со мной, большой жизненный опыт. Но, всё-таки, мне не составляло труда угадывать душевные устремления любого человека, то, что у него на уме.

А взрослые, по-видимому, чувствовали это, и подобная проницательность мальчишки по отношению к себе их, конечно, неприятно задевала. Но я ничего не мог с собой поделать, иногда очень умело пользуясь таким положением вещей, особенно - в школе. Чего, как говорится, не знаешь, на то разве укажешь?!

Да только откуда взялось во мне всё это? То есть - проявление самых разнообразных качеств и способностей, для достижения которых требуются годы, и даже - целые жизни?! Конечно, приятно переживать в себе источник такого обилия талантов, что переполняют тебя в течение всего детства, но возникнуть из ничего они тоже не могли. Тогда каким образом все эти достоинства появились?

Об этом не сразу догадается и взрослый человек. Разве возможно осилить подобное ребёнку? И мне, помнится, лишь изредка открывалось понимание, что сердце моё бьётся не просто так, а в унисон с чем-то очень важным в самом себе, чего я пока не изведаль, но иногда угадываю его существование.

Кто тот Всемогуший, что породил во мне и душу, и все дарования, приносящие порой неопиcуемое удовлетворение? А может быть, это я сам незаметно копил в себе и интуицию, и ловкость с храбростью, и чуткое видение мира?!

Как оказалось позже, в одной из жизней, мне это теперь доподлинно известно благодаря длительной работе над собой, я обучался в Школе Мистерий у мудрых древнеегипетских жрецов. Они преподавали мне сакральную геометрию, в цвете, открывая таинственные законы Вселенной, что усваивались на удивление легко и быстро, а потом испытывали на умение преодолевать свои страхи, оставляя в бассейне с крокодилами, в священном храме Ком Омбо, из которого нужно было найти выход, под водой, на длительной задержке дыхания.

В другом воплощении, оказавшись в облике одинокого норвежского рыбака, мне приходилось надолго уходить в море, обретая в нём бесстрашие и волю в достижении задуманного. Однажды привелось быть даже женщиной-сиделкой, длительно ухаживая за неизлечимо больными людьми, по крупицам воспитывая в себе терпение.

Ещё большая выдержка накапливалась в измученном пытками теле воина, находящегося в плену, вдали от родины, и это было, пожалуй, самое жестокое испытание для моей души, но и его необходимо было преодолеть. Будучи же индийским мальчиком-служкой при храме какой-то богини, я учился незаметно развивать себя духовно, несмотря на своё хрупкое восприятие жизни.

Были, конечно, и другие существования, через которые я постепенно воспитывал своё сознание. Постепенно оно всё более разгоралось, мужало, и, наконец, воплотилось в мою теперешнюю жизнь, где я очутился перед необходимостью подытожить пройденный путь в лице писателя, чтобы отправиться ещё дальше, в этот огромный таинственный мир, обладая недостающим ранее знанием и чутьём.

Чутьё - моё истинное добро, это добро, я уверен, должно принести мне в дальнейшей жизни ещё много радости, и оно, я знаю, никогда меня не обманет. Ведь если счастье своё видишь - смелее идёшь. Идёшь сам, уже без чьей-либо помощи, упоая только на Всевышние Силы: не отними, Господи, моего чуткого видения!

Страна чудес

Почти каждый человек убеждён, что детство - это страна чудес! И каждый при этом стремится проникнуть в своих воспоминаниях как можно глубже, в самые ранние годы, будто надеясь отыскать там ответ на какой-то очень важный для себя вопрос, который почему-то не был найден им в течение всей жизни. Из раннего детства мы, действительно, помним не так уж много: причём, возраст до трёх-четырёх лет и вовсе как будто исчезает из памяти.

Человек, обычно, силится вспомнить хоть что-нибудь, расспрашивает об этом своих родных, которые могли бы подсказать ему что-то недостающее для раскрытия тайны его далёкого, безвозвратно ушедшего детства, но все усилия остаются тщётны. Если близкие и рассказывают ему какие-то забавные случаи, даже - очень подробные мелочи, человек, тем не менее, ничего, толком, вспомнить не в состоянии. Может быть, именно поэтому, то есть, от охватившего человека отчаяния, он часто и начинает...придумывать для себя и окружающих свои забытые ранние годы.

Порой можно услышать совсем невероятные истории, и, как правило, человек рассказывает всем о каком-то единственном, будто бы самым чудесным образом всплывающем из его памяти удивительном факте. А иной раз случается услышать от такого досужливого человека о том, что он помнит, как его забирали из роддома, или перед его глазами неизгладимым воспоминанием всплывает грудь матери, к которой он с младенческой страстью прильнул, а сам при этом всё видит и слышит!

Но что происходит с человеком на самом деле? Почему он ничего не помнит именно до трёх-четырёх лет?!

Пробыв в чреве у матери девять месяцев и прожив три года, мы, несомненно, что-то переживали, с нами происходили самые обыкновенные, но приятные мелочи, в нашей маленькой жизни всякое случалось/!/, и всё же - оно куда-то будто пропадает. Скорее всего, это вызвано тем, что мы были чисты и не обременены знанием жизни, приносящим в погоне за выгодой умение всё тщательным образом учитывать, не теряя над собой контроля и памяти.

Приобретая с годами ничего не упускающий эгоизм, желание первенствовать и быть в курсе всех дел, которые, непременно, следует контролировать, а значит - не забывать, мы упускаем, что в младенчестве ничего этого у нас не было, и потому сама жизнь как будто растворилась. Она была необыкновенно невинна, чтобы её непременно следовало бы запоминать, и потому мы, вроде, как и не существовали.

У нас, к счастью, не было этой взрослой, обременённой именно ненужными знаниями жизни, зато мы переживали то, чего с нами уже никогда не случится: чудесную пору до четырёх-пяти лет, наполненную искренней любовью ко всему миру.

Каждое мгновение в эти первые четыре года заключало в себе удивительное событие, всё было ярко и ново, и на самом-то деле, нам бы полагалось всё это уникальное переживание действительности помнить и нести в своём сердце всю жизнь. Но мы эту чудесную пору, до того она хороша!/, тем не менее, забываем, так как чувствуем себя в ней едиными с окружающим миром, к которому испытываем только любовь! И эту дисгармонию человечеству необходимо непременно преодолеть.

Людям следует перенести чистоту детства в зрелую жизнь, иного пути просто не существует, а воспринимая себя не похожим на других, то есть - обособленно от всего мира, и значит - не любя его, мы ни к чему достойному не придём. Детство не может прекращаться, оно должно быть перемещено во всю оставшуюся жизнь, превратив её во всеобщий праздник. И даже познавая жизнь через все её препятствия, и всё равно - радуясь и танцуя, человеку ничего не остаётся, как становиться лучше, воспринимая всех людей как своих родных, имеющих единые корни, и оставаясь благодарным своему незабываемому детству.

Влюблённый в детство человек - это не тот, кто в преклонном возрасте испытывает по нему неизбывную ностальгию, донимая родственников незабываемыми воспоминаниями, а не перестающий нести его в себе, как неотъемлемую часть своей жизни! В нём родилась осознанность, и вместе с ней - особая невинность, благодаря которой он и начинает опять переживать детство, но - по-новому, в полной мере сознавая свою неразделимую причастность этому прекрасному миру, в котором нам непременно надлежит оставаться детьми, воспринимающими его как необыкновенную и радостную игру.

«Хочу любить и быть любимым!» - так часто, в сердцах, заявляют во всеуслышание взрослые, но разве подумаешь об этом в детстве, когда любишь весь мир, и совершенно уверен, что он, так же, любит тебя? Для подобного восприятия жизни всё должно быть напоено божественной благодатью, и где ещё, как ни в детстве, пребывать этому чудесному состоянию? А вы когда-нибудь переживали его в себе, хотя бы однажды, исключая детство?!

Правда в том, что когда - то, мы были ангелами, а потом некоторые из нас стали бойцами, иного пути для мужчины не существует, но пройдя его, однажды ты понимаешь, что тебе вновь хочется окунуться в детство. Правда, уже не невинным ребёнком, ещё не прошедшим суровую школу жизни, а настоящим мудрецом, чистым в своём восприятии существования, спокойным и благостным, преодолевшим единственно смущающий всех нас грех - не стать самим собой.

Если смертельное оружие бойца - это его воспитанная им самим отвага, то мудрец светел именно своей невинностью, вернувшейся к нему в результате непосредственно пережитого опыта, вместившего в себя только любовь и осознанность, вкрадчивое взглядывание в тайны Вселенной, полную отдачу своих душевных устремлений другим и всему миру. Только после

этого ты обретаешь способность видеть окружающую жизнь такой, какой она и является на самом деле, и разве не с этим божественным благословением появляется на свет ребёнок?!

Ребёнок всегда рождается в естественном состоянии умиротворённости, счастья и невинного переживания окружающей радостной действительности, а уходит из жизни, как правило, уставшим человеком, в скорби, горюя об утраченных годах. Почему?!

Скорее всего, он упускал возможность чувствовать нерасторжимую взаимосвязь с жизнью, своё единение с ней, стремясь проникнуть в Божественное Существование как можно глубже, не воспринимая себя при этом особняком. Ребёнок же - открыт этому Существованию абсолютно, усваивая жизнь как удивительную возможность познать подлинную суть себя и всей Вселенной.

И всё-таки: что же происходит с человеком, когда он, будучи замечательным, вдумчивым малышом, способным только к чуткому восприятию жизни, во взрослом возрасте вдруг утрачивает свою чудесную невинность и доброту, достаточно легко поддаваясь каверзам социального существования, и предаёт даже самых близких людей, не устающих дарить ему только любовь и теплоту? Куда пропадает глубокое и проникновенное чувство мира, трогательное отношение к любой былинке, искреннее желание заботиться о ней? Неужели этот мир потерял свою прелесть?!

Нет, восхитительное отношение к жизни утеряно именно вами, ибо однажды вы не поверили в свою красоту, и потому она исчезла. Каждый день из вас незаметно уходила чистота, и вы не очень сопротивлялись происходящему. Вас, скорее, интересовало мнение окружающих о собственных возможностях, нежели своя внутренняя природа, которая неповторима. Как же вы допустили подобную слабость?!

Вы просто не пожелали трудиться над той уникальностью, которой обладали, а она требует непрямого роста. В какой-то миг вы предали себя, продолжая в дальнейшем предавать и любящих вас людей. А ведь они, отдавая вам сердце, угадывали вашу неповторимость, тогда как вы сами однажды отказались от неё.

Зачем же вы нарушили эту красоту, совершенно позабыв, что в вас живёт Бог? Ваша внутренняя красота - это именно Бог, и для того, чтобы войти в самую сердцевину своего существа, вам достаточно поверить в неё, уже никогда не отступая от истинного себя. Это простое понимание становится таким очевидным.

Бог не приходит, когда вы стоите на коленях. Он даже не присутствует в церкви. Его следует искать в честном отношении к жизни, в постоянном расширении своей осознанности, начиная это движение к Богу с детства.

В детстве вы не знаете - кто вы, и это состояние означает невинность. Вы ничего не ведаете о себе и окружающем вас мире, но Существование есть, оно - чудесно, и всем вашим маленьким сердцем вы угадываете растекающуюся повсюду красоту. Вы с радостью переживаете её, и при этом

- в вас нет никаких знаний, а красота присутствует в каждом мгновении, вы - чисты и невинны.

Разве можете вы во всех этих ощущениях что-либо разрушить? Нет, между вами и окружающими вас предметами не существует барьеров, вы едины со всем миром, и от этого естественного отношения к жизни рождается только любовь и понимание, что иного миру ничего не нужно, достаточно лишь поддерживать эту гармонию, переживая её не умом, а сердцем. Тогда и непосредственность в восприятии существования не утрачивается, вы не распадаетесь со временем на части, сохраняя целостность.

Смотря на мир широко раскрытыми глазами, вы не утрачиваете невинность, а преумножаете её, вы как будто рождаетесь каждый день заново. И при этом - абсолютно не старитесь, обретая мудрость. Бытие входит в вас чудесным переживанием действительности, вы не перестаёте удивляться, и всё вокруг с каждым шагом вновь становится удивительным.

Подаст голос птица - и вас переполняет радость, задует в верхушках деревьев ветер - и вы уже взволнованы, пробежит по поверхности озера рябь - и сердце ваше тронуту восхитительной сопричастностью происходящему, в считанные мгновения скатилось за дальним лесом яркое солнце, а вы погружаетесь в безумную восторженность. Как близко вам всё происходящее в этом огромном мире, и если по листку скатывается капля росы или дождя - вас охватывает непередаваемое восхищение.

Вы - в полёте вместе с облаками, в ночном небе - светите со звёздами, ваше сердце - в ладонях Господа, а потому переживает только божественную благодать. Повсюду в природе - невинность и чистота, и от этого ещё более устойчиво и крепко укореняется жизнь, хрупкая на вид невинность оказывается её непревзойдённой по силе основой, и всё живое только ждёт невинного к себе прикосновения, чтобы пробудиться для нескончаемого роста!

А всего-то - невинное отношение к существованию, трогательная соразмерность со всем сущим и чуткость. Как прекрасна жизнь в своём невинном детском восприятии, как она тонка и трепетна в этой невинной мощи!

Ребёнок не привержен какой-либо идеологии, он далёк от философии, и именно поэтому он чист и невинен, душа его отражает мир таким, какой он есть. Он, конечно, не понимает многих вещей, но зато чувствует и видит. Ребёнок не хочет казаться особенным, он такой, каким окружает его этот божественный мир: он - счастливый!

А настоящая жизнь человека начинается уже с того, когда его душа входит во чрево матери, в пространство, предполагающее удивительно спокойное и радостное предощущение ещё более чудесной возможности расти, не теряя своей невинности. Но невероятно сложно встретить в жизни взрослого человека, который бы не утратил в себе невинные черты детства, хотя бы изредка напоминал ребёнка, и ему было бы радостно жить,

воспринимая и себя, и окружающий мир как нечто невообразимо увлекательное, не имеющее в этом переживаемом торжестве красок, звуков и запахов неминуемого конца. Обычно взрослому человеку уже трудно вообразить, что чистая детская невинность может явиться источником необычайно гармоничного творения, каких-то немыслимо восторженных переживаний, но чудо это совершенно естественно, и так оно и есть.

К сожалению, среди людей не укоренено убеждение, что быть «ребёнком», даже хотя бы в кругу своих близких, не означает просто ребячиться, быть таким милым глупышом. Наоборот, это есть умение сохранять в себе чистоту и незамутнённый взгляд на вещи, не затухающую способность творить, как в детстве, когда не знаешь никаких преград, и веришь, чего бы ты не наметил - всё обязательно сбудется.

И всё это детское, замечательное, живое необходимо максимально уберечь и пронести через всю жизнь. Кому это удаётся - тот проявляет необыкновенную жизнестойкость и счастлив, даже когда Божественное Существование подвергает его нелёгким испытаниям.

Такому человеку никогда не скучно жить, он всегда радуется происходящему с ним и старается заразить подобным отношением к жизни окружающих его людей. Вот что значит нести в себе «ребёнка» - мудрого, чистого ангела, способного осуществить любую мечту и воплотить в жизнь самое сокровенное желание.

«Ребёнок» в 50, 60 и 70 - это человек, не устающий воспринимать существование как чудо. Оно давно уже не присутствует в жизни многих людей, но, тем не менее, втайне будоражит их воображение, так что им становится завидно при виде того, кто не смотрит на то, что подумают о нём другие, когда он сохраняет чистый взгляд на вещи, которые давно уже стали для многих непреодолимыми.

Сберегите в себе молодость восприятия этого мира, не переставая ему удивляться, ибо великое счастье, если во взрослом возрасте человек почувствовал, как к нему возвращается нечто утраченное ещё в детстве. Вернее, то очень индивидуальное, именно - твоё, что только ждало пробуждения и преобразовалось со временем в такое состояние, когда ты радуешься жизни, как в детстве, ни о чём худом не думая, никого не виня и ни на кого ничего не перекладывая.

Будьте тем, кем вы по-настоящему желаете быть, то есть - совершенно невинным, потому как ничто несравнимо с детским изумлением от окружающего, неизвестного ребёнку мира. Эта таинственность жизненного существования, наверное, самое чудесное, что есть в жизни, тем более, когда вы двигаетесь в эту тайну даже на склоне лет, и она становится ещё более околдовывающей.

Вы когда-нибудь задумывались - почему так быстро проходит детство? Быстротечное, оно настраивает человека только на радостное отношение к жизни, а если в ней должно присутствовать терпение, то неспешное и вдумчивое, впрочем, не теряющее своего очарования. Проведённое в радости

самых разнообразных восприятий, детство направлено к укреплению в человеке этой радости!

Проникнутое вниманием старших и солнечным светом, оно и отвечает им в дальнейшем той же заботой. В долгих счастливых переживаниях детство готовит в душе такое же чистое отношение к окружающему миру. Но как коротка эта прекрасная и незабываемая пора!

Благодаря переживаемой в детстве радости всегда угадывалось, что есть в окружающем мире какая-то справедливая и самая важная тайна, которую рано или поздно постигнешь, и ради которой живёшь. И ещё представлялось, что вся эта жизнь - бесконечна. Сколько уж лет прошло, а всё хочется, как в детстве, спрятаться в траве, затаиться в ней и, слушая звенящую тишину летнего полдня, мечтать о том замечательном, что тебя обязательно ждёт и никогда не минует.

Детство так замечательно устроено, что интересное, которое, на деле, всегда коротко, становится в нём продолжительной, совершенно увлекательной историей. В детстве верится только в рай, в котором заключена прекрасная правда, а неправды в детстве просто не существует. В нём всегда побеждает сила доброй души, о которой ты ещё толком ничего не ведаешь, но веришь, что счастье её нахождения - вопрос недалёкого времени.

За ним только необходимо идти, не так уж и далеко, и если приложишь необходимые усилия, то обязательно достигнешь того, чего желал. А чего желает ребёнок, кроме того, чтобы петь об этой душевной жизни, чистой и открытой, находя радость во всём: в небе, деревьях, цветах и ласковых солнечных бликах?! О детстве можно сказать очень кратко: ребёнку жить хочется!

Именно благодаря «детской наивности» совершаются в жизни самые милые и чудесные поступки, какие никогда невозможно было бы осуществить, наберись вы «здорового ума». Это утверждение имеет под собой основательное подтверждение в лице той самой «невинности», коей, скорее, называют нечто несуразное, чем достойное, присущее детству. Только «невинность» порождает сонм невообразимо прекрасных мыслей и поступков, способных возбудить в вашей душе такой же непередаваемо восхитительный переполох, сродни какому-нибудь празднику, особенно любимому детьми.

Например, Новый год, с неизменно пахнущей снегом ёлочкой, крутящимися на её ветках мандаринами и душистым бабушкиным печеньем. Вы уже улыбнулись? Если «да», то в вас ещё живо чудо безоблачного детства, для многих навсегда и безвозвратно утерянное.

Для детей же всё ново, каждый день радует их именно потому, что они ещё не потеряли свежесть первого невинного взгляда на то, что их окружает. Всего лишь шмель раскачивается на цветке, а восторженному восхищению нет предела! Всё ребёнку в радость, самая заурядная для взрослого мелочь - ребёнка действительно приводит в неописуемый восторг, ибо мир детства находится в ином измерении.

В детстве мы ничем не платим за своё существование. Вернее, не осознаём: переполненные радостью, мы уже делимся чем-то с этим миром, живя как бы в долг. Платим пока только незаметным для нас взрослением, самому по себе совершенно неминуемым, но, к нашему удовольствию, всё же, неосознаваемым.

В детстве невинный возраст ещё не обязывает нас думать о нём серьёзно, подразумевая только радость, чистоту красок, пение птиц и сияние солнца. А между тем, эта чудесная маленькая жизнь негласно предполагает для каждого ребёнка ответственную подготовку к содержательному будущему, которое, конечно, тоже представляется удивительно радостным и солнечным, наполненным самыми восхитительными событиями, и именно от нас зависит - как мы его пройдем.

Но разве стоит невинному малышу заботиться об этом?! Всё, что ему нужно, - не забывать восхищаться происходящим вокруг торжеством! В его возрасте просто необходимо, чтобы каждый день сияло солнце, и переживание этого счастья не прерывалось. Ближе всего ему делать то, чего он хочет, быть по-настоящему живым и неутомимым. Всё остальное придёт в своё время!

А время течёт незаметно, скорее - его в детстве и вовсе не существует, и маленький человек сливается со всем, что его в этой жизни окружает. Ему радостно обмениваться с цветами, небом и близкими людьми своей нерастраченной энергией, то есть - невинностью восприятия мира, искренней открытостью перед ним, и тогда это чудесное безвременье иногда будто бы замирает, предоставляя маленькому человеку возможность оставаться самим собой, существуя в согласии с окружающей жизнью. Вроде бы, и было время, а осталось одно безвременье.

О чудесной невинности ребёнка знает каждый... Она, как и детство, волшебна, и нет ничего в мире прекраснее этого маленького человека, с невинности которого начинается процесс творения. Он ничего ещё не знает, но именно с него, в очередной и бесчисленный раз, Существование совершает попытку пробуждения и утверждения в человеке Божественного, именно - через невинность маленького человека, и потому эта невинность, несомненно, хранит в себе какую-то загадку, защищённую Вселенной, отдавая ей все преимущества на пути человека к росту.

Что в этой невинности?! Скорее всего, Бытие оберегает ребёнка потому, что он не в силах предпринять что-либо в свою защиту сам, а главное - он очередная надежда Всевышнего: может быть, хотя бы этот младенец вступит в согласие с Господом, ведь будущее его пока ещё не наступило?!

Неизвестно - как этот маленький человек распорядится своей жизнью, что предпримет, будет ли его путь полон замечательных приключений и открытий? Пока у него в запасе лишь настоящий момент - детство в чистом виде, и Всевышние Силы находятся в ожидании: что из всего этого получится?!

Душа ребёнка - чистый лист. Его ждёт превращение в нечто неведомое, и разве может быть что-либо, такое же прекрасное, чем возможность начертать на этой невинной чистоте интереснейшую историю, не допуская ничего ненужного, а добиваясь лишь проникновения во что-то непознанное, но удивительно свежее, наполненное небывалой энергией?! Начало же этому пути - невинность, то незамутнённое состояние, в котором так благостно существовать, предвкушая какую-то неповторимую по своей насыщенности дорогу.

Время незаметно течёт своим чередом, а ты удивительным образом невинен и смел, повсюду ты ощущаешь только одобрение - расположение испытывают к тебе луна и звёзды, птицы в небе, море и цветы. Весь мир благоволит маленькой чистой душе, чтобы она максимально раскрылась, и тогда акт творения произойдёт сам собой, и младенец незаметно превратится в божество.

Он, конечно, когда-нибудь вырастет, превратится в сильного юношу, затем - в зрелого, преисполненного опытом мужчину, не миновать ему в своей жизни и согбенного старца, может быть, даже просветлённого/!/, но душой он не постареет, сознание его тоже не состарится, навсегда оставаясь чистым, как у новорождённого младенца. То будет свершившаяся молодость сознания, заронённая в ребёнка ещё с детства, и продлённая им в непрекращающейся работе души в течение всей жизни.

Так уж выходит, что Сущее одаривает своим блаженством тех, кто относится к миру с доверием, можно даже сказать - с невинным простодушием, и кто это, как ни дети, чья доверчивость и невинное простодушие - святы. Ребёнок испытывает к миру такое искреннее расположение, что даже не подразумевает каких-либо сомнений: это его естественное состояние. Он то, что полно жизни, и его новизна неподражаема, потому что она никогда не постареет: ребёнок - молодость жизни, которая всегда бессмертна.

Какой поистине завораживающий момент происходит с тобой, когда Неизвестное Божественное Пространство выпускает тебя из своих объятий, и ты оказываешься на Земле, но ничего об этом не помнишь! Мало того, даже нахождение в утробе матери не оставляет в твоей памяти следа, и это не просто так. Видимо, ты ещё совсем маленький по понятиям Вселенной, и тебя не желают травмировать, по-матерински оберегая, но для чего?!

Наверное, ты важен для Великого Существования, и от тебя ждут таких же великих свершений: именно по этой причине мудрое Существование заботится о твоей невредимости. Но ты должен быть к ним готов.

Поскорей бы уже вырасти, и стать сильным, думается тебе, чтобы помнить обо всём, что ты пережил, никогда ничего не забывая, и желать для себя ещё больше прекрасного в постижении этого незнакомого, но такого чудесного мира. Ты – свободен, живи полной жизнью, и тогда ты достигнешь самых высоких вершин, и действительно полетишь ещё дальше, не боясь никаких расстояний. Ты просто исполняешь предназначённую тебе роль,

совершая то дело, для которого рождён: прийти однажды к своему Отцу, а значит — и к самому себе, истинному, существующему только по божественным законам.

Ведь одно из самых важных открытий в жизни, которое должен совершить человек: узнать правду о самом себе, увидеть себя таким, какой ты есть на самом деле. Но для этого необходима кропотливая внутренняя работа над собой, и где, как не в детстве, лучше всего начинать этот удивительно захватывающий путь, а Бог оказывается к тебе близко только тогда, когда ты сам к себе пришёл, и узнал, что Господь — в твоей душе.

В детстве происходит много счастливых событий, казалось бы, незаметных, по мнению взрослых, но для ребёнка приобретающих ощущение неопишуемой радости, и эту взаимосвязь счастья с детством уже невозможно забыть. Может быть, именно поэтому всякий раз, когда человек счастлив, он вспоминает о детстве: приятно вспоминать то, что было для тебя благостно, ибо так устроен наш ум.

Даже, казалось бы, неприметная радость необыкновенно преувеличивается, а пережитое несчастье со временем и вовсе забывается. В детстве мы вообще, кажется, не испытываем неприятности, по крайней мере, они представляются нам несущественными. Природа, явно не зря, позаботилась об этом.

Ребёнок просто пребывает здесь и сейчас, и какие бы действия он ни совершал, он делает это только для удовольствия, без всякой цели. Ребёнок наслаждается игрой, ни к чему не стремясь, потому как игра для него — единственное и самое прекрасное дело, когда он не подчинён никакой зависимости. Каждое действие ребёнка приносит ему огромное удовлетворение, и чем больше он предан своей игре, тем больше в нём радости и свободы.

Но завидую ли я сейчас малышам, увлечённо копающимся в песочнице: этим милым, чудесным существам? Почувствую ли я себя таким же счастливым, каким я воспринимаю жизнь, будучи уже взрослым, имея за спиной достаточно богатый опыт, если обращусь в маленького человека — в трёх, четырёх или пятилетнего ребёнка? Решусь ли я, не задумываясь, на подобное перевоплощение, будь мне предоставлена такая возможность?

Именно — не задумываясь, сразу, ни секунды не сомневаясь, чтобы оказаться во времени, когда ты был счастлив наперекор всему, и какие-либо серьёзные разочарования не касались твоего сердца? Вряд ли...

Сейчас, несмотря на мой возраст, я переживаю не меньшую радость, нежели в детстве, и воздух, какой я вдыхаю, представляется таким же прекрасным. Я всё так же верю в сказки, не считая себя умнее ребёнка, но и ценю те преимущества, что мне удалось приобрести в течение всей моей жизни, которую я выстраивал по собственному усмотрению.

К своему глубокому удовлетворению, я раскрыл многие тайны, и они сделали меня намного сильнее. При этом, повторяюсь, я не испытываю какого-либо превосходства перед другими людьми, тем более - перед детьми.

Мне удивительно радостно обладать властью над своей жизнью, не завидуя детям. Я сам чувствую себя в хорошем смысле ребёнком, так же открыто воспринимая окружающий мир, и без страха раскрывая его тайны.

То, чего не доставало мне, будучи маленьким - я обрёл, но и невинного отношения к жизни - не растратил. Свобода и уверенность заполнили моё сердце, и я по-прежнему не устаю видеть мир волшебным, несмотря на то, что на свете существует немало такого, что я охотно бы изменил, будь на то моя воля.

Я понял, что свой земной путь человек совершает только для радости, и, конечно, не во имя того, чтобы выдерживать суровые испытания, даже - страдания, с надеждою очутиться когда-нибудь в долгожданном раю. Нет, человек рождён быть прекрасным и смелым, великодушным и сострадательным, любящим и терпеливым именно здесь и сейчас, на чудесной Земле, не добиваясь достигнуть прибежища Бога, а определив божественные свойства в самом себе. И тогда блаженное упоение жизненной тайной окажется твоим каждодневным переживанием, и тысячи людей вокруг тебя проникнутся предчувствием собственного счастья. Это тоже станет очевидно.

Человек, который честно прожил детство, юность и зрелые годы, пройдя через многие препятствия, познав свою внутреннюю природу, никогда в старости не испытает разочарования. Он ни мало повидал в своей жизни, но этот опыт не сделал его слабее: человек, несомненно, себя реализовал, иначе и быть не может.

Теперь он - мудрый, и если подобное с ним происходит, то человек обязательно обретает такое важное качество, как истинная невинность. Ему, конечно, уже не быть ребёнком, зато невинность его становится зрелой. Он достиг вершины своего жизненного путешествия, всё задуманное им с честью исполнено, и человек со спокойной душой, радостно, отдаётся тому, чему когда-то не успел уделить внимания, а может быть - становится для кого-то уважаемым учителем.

Человеку в этом возрасте вновь совершенно естественно хочется побыть «ребёнком», обрётшим глубину и ясность, прежде чем отправиться в непознанное существование. И он, обязательно, перенесётся на время в своё безвозвратно ушедшее, но не пропавшее детство, когда только мечтал всё узнать о себе и окружающем его мире.

Да будут благословенны эта чудесная пора и сама жизнь, в которой ты всему научился, и теперь тебе нужно уходить. Но восприми свой уход с улыбкой, радостно, иначе - зачем ты жил, и когда перед твоим внутренним взором, в последний раз, побегут события и люди, то ты непременно обратишься и к своему детству, в котором начинался твой необыкновенный жизненный путь - благодать Божья!

Вторая часть. Ещё не много про детство, или о том, как можно просто и радостно жить

Порой выдастся посреди зимы такой тягостный, охваченный печальным сумраком день, как это бывает обычно весной, что лучше ничего не делать, а проще всего сидеть у горячей печки, изредка взглядывая в оттаявшее окошко, и слушать завывания бесприютного ветра. Шум метели убаюкивает, так что сквозь него начинаешь невольно вспоминать всю свою жизнь, и эти воспоминания большими белыми хлопьями льнут к душе, ненавязчиво будоража в ней твои самые первые шаги, милое лицо бабушки, её мягкие ресницы, сине-серые глаза и пуховый платок, благодаря которому она выглядела ещё милее.

Как быстротечно расправилось со всем, что приключилось когда-то с тобой, время, не пожалев и детские годы. Взял ты - и дожил до своих нешуточных лет! Как ни как - седьмой десяток давно разменял, подкатывает и восьмой, а ты, по-прежнему, держишься за жизнь, тянешься к тому, чего ещё не изведаль, и всё на что-то надеешься, будто самого главного в своём существовании так и не разгадал. Веришь, что оно непременно откроется, стоит только немножко потерпеть, и помогают в этом воспоминания о детстве.

Чудится за такими воспоминаниями, что проживёшь ещё немало добрых годков, ведь недаром ты прочувствовал на себе необоримую океанскую силу, неизведанную тьму лесной чащи и нескончаемые тяготы дальней дороги. Спросите: зачем человеку смерти не поддаваться, не теряя интереса к жизни? Может быть только за тем, чтобы силу свою жизненную распознать до конца, не утратив интереса к жизни, и восхититься ей уже окончательно, ни в чём не разочаровываясь.

Вспомнишь тут с радостью про то, каким молодцом ты раньше был, пожалуй, не хуже многих, таких же молодых удалцов, и сколько всего смог выдержать, что не напугало, и не свернул ты со своей дороги, а двигался неустрашимо вперёд, несмотря ни на что. Детство тогда не вспоминалось, не задумывался ты о нём, пока ноги тебя верно по жизни несли, и обратил ты свои взоры к милой младенческой поре лишь на склоне лет.

Ты вдруг увидел в себе, в том пятилетнем мальчугане, каким ты когда-то был, огромные задатки к прекрасной жизни, твёрдо веруя, что пройдёшь её увлечённо, никогда не теряя к ней вкуса, и так оно и случилось. А раз так, значит, ты исполнил свою жизненную задачу, и истинную правду однажды отыскал. И уж не упускал её из рук, никакую гордость не выказывая, словом, обжился, настроившись на самый добрый жизненный лад, и детскую мечту о настоящем счастье осуществил.

И вдруг радостно тебе станет под эти думы тяжёлый сумрак зимы переживать, улыбнёшься ты довольно своим нехитрым воспоминаниям, и шум ветра за стенами уже не покажется таким зловещим и отрешённым, а послышится в нём пока неведомое, но уже угадываемое замечательное новое. Без него, ты уже твёрдо знаешь, ни за что не сложить свою праведную судьбу, и понимание этого простого откровения тоже вмиг обернётся каким-то очень привычным и радостным делом. Весь ты тогда встрепенёшься, стряхнёшь с себя невесёлые мысли, и возрадуешься приключившейся с тобой бесценной жизни!

X X X

Меня необыкновенно пленяет чистота ребёнка, его незащищённость, так что его хочется оберегать, но не лелеять, предоставляя возможность самому идти по дороге жизни, расти, тогда, как от тебя только требуется заботиться о нём, помогая миновать препятствия, и любить при этом трогательную невинность малыша, тянувшегося к жизни с улыбкой.

Что может быть лучше, когда на свет родится новая и чистая душа, неведомая никому, и являясь в своей невинной основе миру, она будто невидимо насыщает всё жизненное пространство светлой надеждой на то, что ей удастся восстать над всеобщим хаосом и обожествить его своим трогательным отношением к существованию. Хотя бы - на какое-то время, стремясь урезонить не верящих в себя взрослых людей.

X X X

Бывает, волна тёплой, согретой детством жизни неудержимо пахнёт на тебя, охватит всей своей добротой, и дрогнет неожиданно ещё не уставшее любить сердце, отчего слёзы выступят на глазах. А когда успокоишься, и мысленно взглянешь на всю свою жизнь, то будто отворится дверца в иное, неведомое существование.

С ясным осознанием вдруг обнаружишь нерасторжимую взаимосвязь между тем мальчишкой, оставшимся где-то там, в невозвратной дали, и собой теперь, когда ты ещё полон планов и чудесных надежд. И вот, уже не представляя себя без детских лет, что были осенены божественным огнём постижения и любви, отчего-то еле слышно прошепчешь: благословляю всю свою оставшуюся жизнь на неотвратимый подвиг во имя познания и себя, и Вселенной, ради всех живущих.

X X X

Если человеку и возможно приблизиться к своему истинному «я», то, наверное, только в абсолютной тишине, наедине с Богом. Детство -

наилучшее время, чтобы ощутить в себе источник внутренней силы, и иметь к ней доступ.

Сила эта, ещё не понятая в ранние годы, тем не менее, необычайно притягивает, вызывая в душе неясные, но приятные надежды на какое-то необыкновенное открытие, что обязательно случится в твоей жизни, и важно поверить в неё и не растратить.

X X X

«Не стремись выделиться перед другими, - наставляла меня бабушка, - чтобы они как-то отметили тебя... Важнее всего - научиться видеть, слушать и самому говорить на языке всех живущих, принимая в душе каждого - будь это растение или человек. Выбор всегда за тобой.

Полюби через себя весь мир, прими его, и стань тем, кем тебе хочется быть. Не ленись отыскивать правду, она - повсюду, и если ты проявишь к ней внимание, Существование не оставит без внимания и тебя самого. Будь настоящим!»

X X X

Всё в мире детства существует для счастья, в этом у меня никогда не было никаких сомнений, и мысли о бесцельности существования, что приходят на ум многим людям в зрелом возрасте, я также не приемлю. Во мне всегда жила уверенность: то, что присутствует в этом мире, необыкновенно хорошо, должно быть только для этого оно и существует, и с этим щемящим чувством радости хотелось жить, хоть и непонятно иногда - зачем?

И всё-таки, какая-то скрытая тайна пленяла моё сердце, отчего я испытывал особенно сладостное переживание, скорее даже - искреннее преклонение перед жизнью.

X X X

Почему-то все родители говорят своим детям, что те должны стать в жизни очень хорошими. Но вот я не помню, чтобы со мной в детстве происходило подобное, и, наверное, именно по этой причине никогда не воспринимал себя мальчиком, которому непременно нужно стать очень хорошим. Я и так знал, что ничего плохого во мне не существует, и только был всегда весел и радовался жизни.

X X X

В детстве я жил, как и все дети, легко и просто. В юности у меня появилась потребность понять смысл существования. В зрелые годы я

стремился найти ответы на все вопросы, и только в преклонном возрасте, наконец, осознал, что на жизненном пути необходимо обрести твёрдость в понимании цельности мира, отбросив все ненужные выдумки, что мешают жить опять легко и просто, как это и было когда-то в детстве.

X X X

В детстве как-то подспудно, скорее - сердцем, даже при отсутствии жизненного опыта, понимаешь, что всё в жизни проходит. И каждую минуту утекающие за горизонт облака, и весёлые, полные солнца и радости дни, и жизнь близких людей, что незаметно стареют, умирая, и, наверное, и ты когда-нибудь из молодого, пышущего здоровьем мальчишки, превратишься в равнодушного и никому не нужного скучного старика.

И только любовь в твоём сердце неизменна, она одна по-настоящему чего-то стоит, так что весь век бы любил своих родных, радостное солнце, весну и молодость, будто ничего этого в твоей жизни ещё не было, но вот ты всё это любишь, и тем счастлив необыкновенно, как ребёнок, и никогда не забываешь.

X X X

Ребёнок не стремится к совершенству, он радуется своему несовершенному, ещё неумелому восприятию жизни, и разве разубедишь его в этом?

Дорогие, взрослые, осознайте, наконец, что несовершенство вашей жизни является её совершенством, поддерживаемое Господом ради вашего счастья! Наслаждайтесь им в полной мере, как ребёнок, призывая своё истинное «я», всегда связанное с Богом. Живите радостно и счастливо, познавая себя и этот чудесный мир бесконечно, чтобы вам никогда не становилось скучно, и да будет так!

X X X

Вспомните свою жизнь: сколько вещей в ней вы никогда не считали важными? Осуществили ли вы при этом какую-либо достойную жизненную цель? Вряд ли...

Но ведь в детстве каждый проживаемый вами миг казался благотворным: куда же это благо могло запропаститься? Уж не разбазарили ли вы это богатство сами?! Так и есть, но чему вы тогда научились в своей жизни?

Ну, хотя бы тому, чтобы быть терпеливым... В большей мере укротить свой эгоизм и гордыню, избавляясь от высокомерия, и ещё - от зависти, от

желания владеть тем, чем владеют другие. Печально, если бы вам пришлось преодолевать только это.

А вот воплотить в жизнь нечто радостное, жизнеутверждающее и достойное? Как в детстве, когда вам казалось, что это возможно, да так оно и было на самом деле, но вы отчего-то в себя не поверили и отказались от этого интересного и достойного пути. Какого чёрта?!

Если у вас осталось ещё немного времени - наберитесь мужества и измените свою жизнь к лучшему, и на этом пути важна каждая мелочь. Поймите, что вам не только желательно подобным образом отнестись к самому себе, а просто необходимо это сделать.

За вами всегда остаётся выбор, и его ещё возможно осуществить, иначе, зачем вам дана свободная воля?! Как ребёнок составляет из кубиков пирамидку, так и вы складываете из каждой своей жизни ступеньку к Богу.

X X X

Воспоминания детства, да и оно само прекрасно нам показывают, как важно, в течение всей своей жизни, делать то, что представляется вам единственно правильным, не обращая внимания на чью-либо критику и непонимание.

X X X

Именно присутствие всех предметов в детстве вызывало ощущение счастья, их хотелось покупать и продавать, и в эту игру мы, маленькие, с особой тщательностью играли... Откуда это?

Вероятно, из перенасыщенности жизненными впечатлениями, требующими неременного переживания от сиюминутного обладания ими и такого же завораживающего восторга от неминуемой отдачи в качестве дара такому же доброму малышу, с выплеском самых непередаваемых чувств!

X X X

Когда вы найдёте для себя дело, осуществляя которое к вам придёт понимание, что вы - единственный, кто может это делать, тогда и обретёте своё истинное «я». Подобные поиски самого себя я начал осуществлять ещё в детстве.

X X X

Ценность жизни заключена в ней самой, это - аксиома. Важно только - как ты ей распорядишься, и если все твои поиски были сопряжены с познанием себя и окружающей жизни, то жизнь оказывается действительно ценной. Когда же вы не задумываетесь о раскрытии своего внутреннего

мира, его взаимосвязи с Божественным Существованием, она не стоит и гроша.

Конечно, вас совершенно резонно попросят подтвердить ценность жизни, если вы имеете твёрдое намерение идти по пути проникновения в собственную внутреннюю природу, доказывая её ценность для всего мира. И тогда вам ничего не останется, как стать счастливым, чтобы подтвердить целостность и красоту жизни, её зачаровывающую глубину, в противном случае - вы неудачник, не воспользовавшийся скрытыми в себе возможностями, заложенными Богом.

Вы уже догадываетесь, почему жизнь по-настоящему ценна? Да, она несёт в себе чудесные прикосновения Господа, а потому уже не может быть неинтересной, недостойной вашего внимания, и если вы проявили к ней заслуженный интерес, жизнь эта озарит ваше присутствие в ней незабываемыми впечатлениями, она наполнит вас божественной энергией, которую вы должны будете умножить. Это - в ваших силах, и в этом ещё одно свидетельство того, что жизнь необыкновенно ценна и интересна, если вы однажды не спасовали перед ней. Тогда возможности её поражают воображение, они - безграничны, также как и ваше счастье, и радость, и нескончаемая любовь.

Любовь, в первую очередь, к Богу, и, конечно, к самому себе, потому что в основе своей вы божественно волшебны, и как же важно разглядеть это волшебство, несомненно, приумножив его. Так разглядите в себе эту божественную жизнь, даровав ей достойное продолжение и развитие, и она щедро рассыплет перед вами свои бесконечные алмазы. И тогда вы не зададитесь бесполезным вопросом - в чём её ценность, ибо жизнь ценна своим божественным существованием, с возможностью самому становиться богом: разве это не достойно, и не интересно?!

Так не утрачивайте самого себя, собственную, присущую только вам ценность, чтобы и Вселенная, в вашем лице, не переживала сознание безвозвратной утери. Привнесите в жизнь свою неповторимую красоту, и жизнь станет, поверьте, ещё прекраснее.

А начинается эта интересная, захватывающая дух жизнь именно с детства, и ребёнок не может этого не чувствовать, и потому не потеряйте в себе драгоценную возможность быть настоящим, не разочаровывая нашего Создателя. Ведь жизнь имеет цену не только для вас, хотя вы и определяете её меру, но и для всего Существования!

Х

Х

Х

Если ребёнок, ещё в чреве матери, чувствует глубокое удовлетворение и покой, а после появления на свет переживает только добрые и весёлые чувства, значит, его душа соединилась с его телом в полном согласии. Он заслужил это блаженное состояние для того, чтобы прожить данное воплощение богато, в постоянном контакте с божественным миром. Ребёнок

этот будет тронут счастьем жизни, он в полной мере заслужил это счастье в предыдущих существованиях, и он непременно придёт к бесценному знанию, которое позволит ему принести много радости миру.

С благословенным наставлением отправленный Существованием, может быть, в своё последнее воплощение, такой ребёнок обретёт сакральное знание, важное для всего человечества. Он теперь будет заботиться о равновесии божественного духа во всей Вселенной, принося в своё воплощение на Земле только гармонию, открывая сердце для любви ради всех, находясь в единстве с Целым. Сила души этого чудесного малыша сфокусирована только на любви и помощи другим людям!

X X X

Детство всегда всплывает из памяти с ненасытным ощущением безраздельного обладания всем, что тебя окружало. В нём не существовало мелочей, и всё было очень важно, включая и засыпающую темноту детской, и замершие на столе, до утра, цветные карандаши, и покачивающийся фонарь за окном, похожий на луну... И даже - грудной голос бабушки, усыпляющий каждый вечер волшебной сказкой, что уносила тебя в звёздное небо, где можно было, с замиранием духа, потеряться.

В закоулках детского сознания не могло быть ничего несущественного, но и понимать всё, происходящее с тобой, приходилось самому, и в этом проявлялась, быть может, самая главная и захватывающая тайна детства.

X X X

Весёлая беззаботность детской жизни никогда не обременяет благодаря беспрестанному приливу восхитительной энергии, что источают и травы, и солнце, и небо, и ты сам.

X X X

Никогда и никому в детстве не завидовал, давая зависти возможность пролететь мимо, рядом со мной не присаживаясь. И не потому, что обладал всем, чего только можно было пожелать ребёнку, а лишь по причине собственной необозримой щедрости, уже обладая, с самого рождения, и землёй, и небом, и возможностью дарить свою радость каждому, даже если он не будет в ней нуждаться.

Приятно было чутко, с замиранием духа, угадывать в себе это самое чудесное в жизни богатство: неистребимое желание именно дарить. Безвозмездно отдавая любую, даже самую бесценную для тебя драгоценность, уповать при этом только на то, чтобы её приняли и обрадовались, переживая неопишемое счастье единения со всем миром, непередаваемый восторг оттого, что можешь счастливо делиться, одаривая

всякого лишь по велению своего огромного сердечного чувства, дарованного всем нам Богом.

X

X

X

Учитель Александра Македонского - философ Аристотель, однажды заметил, что люди делятся на три типа - мёртвые, живые, и те, кто уходят в море.

Последнее - очень многомерное состояние, оно необыкновенно живительно, даже - жизнеутверждающе, хотя и располагается между существованием и смертью, но именно благодаря этому неопределённому положению, когда, наслаждаясь миром, ты ежедневно рискуешь быть поверженным безжалостной стихией, в тебе и зарождается единственно ценное качество, достижение коего и оказывается наиважнейшей обязанностью каждого человека: божественность! Неужели вы даже не попытаетесь достичь её?!

Уже в детстве я знал, вернее, чувствовал, что свяжу свою жизнь с морем, я мечтал о нём, и был уверен, что со мной там ничего не случится. Так оно и вышло.

X

X

X

Синяя небесная бездна детства принимает тебя в свои объятия, не даёт ни секунды передохнуть, и всё кружит, кружит и кружит над светлой землёй, обещая что-то прояснить, но так и не проясняет. Ровно ждёт какого-то удобного момента, когда в тебе самом раскроются внутренние небеса, и ты полностью отдашь себя на волю этой непередаваемо чудесной и неповторяющейся жизни. Поскорей бы!

X

X

X

Первое умение, которому с удовольствием привелось обучиться в детстве, это, несомненно, желание улыбаться, заливаясь рассыпчатым чудесным смехом, но никак не уныние и не плачь, к чему, должно быть, склоняется большинство людей. Почувать удивительную тонкость бытия возможно только с улыбкой на устах, что стало для меня совершенно очевидным с самых ранних лет.

X

X

X

При всём обилии чудес в детстве, я был свободен от каких-либо привязанностей, и даже сейчас, когда всплывают в памяти самые ранние, и потому - необыкновенные впечатления, я всё же не испытываю зависимости

от них, а с радостью благодарю эти зрительные, чуть ли не осязаемые младенческие откровения.

X

X

X

Разве ищешь в детские годы свой жизненный путь, рассчитывая на максимально высокий результат?! Кое-кто, конечно, ищет, но только не ты, потому как безоговорочно доверяешь своему сердцу.

А сердце твоё полнится мощью и энергией, способной преобразовать жалкий мир стяжательства и жажды власти - в миролюбивый и радостный. Чтобы он наполнился только жаждой постижения и чудесных открытий, был посвящён развитию собственного сознания, огонёк которого присутствует в каждом.

Ведь в детстве не знаешь - чего ожидать от будущих событий, да об этом и не задумываешься, а только не перестаёшь быть честным по отношению к самому себе, радуясь всему, что происходит в твоей жизни.

X

X

X

Счастлирое бремя всех богатств, переполняющих детство, представлялось безмерным. Отправляясь однажды в купейном вагоне с родителями на юг, к морю, одним из наслаждений оказывалось подсматривать в щёлочку, из-за занавески, за пролетающими мимо огоньками неведомых селений и станций, лесами, реками и холмами, неисчислимыми дорогами, убегающими в неведомую даль. Восприимчивость от всего увиденного тогда становилась необыкновенно завораживающей, и душа незаметно наполнялась какими-то удивительными впечатлениями, что можно было обрести, наверное, только в детстве.

Чего уж говорить о том, когда днём поезд миновал бескрайние поля с пузатыми арбузами и медовыми дынями, облитыми щедрым южным солнцем, и тогда переживание совершенного счастья захватывало душу беспрдельно, так что блаженство это не покидает тебя и сейчас. Сколько же счастья причиталось нам в те далёкие, невозвратимые годы, какая восхитительная тайна пребывает в них до сих пор!

X

X

X

В детстве не покидало убеждение, что живя на земле, я в то же время существую в каком-то ином мире. В нём обо мне знают гораздо больше, чем здесь, и никто там о моей жизни и судьбе не горюет, а только радуется безмерно, не проявляя при этом ни крупинки навязчивости, то есть - мнимую

заботу. Наоборот, меня в том мире как будто не замечали, но я чувствовал его присутствие необычайно трогательно и тонко.

Все эти ощущения не были каким-либо наваждением, а именно - непрекращающейся радостью от того, что кто-то неизведанный и очень могущественный наблюдает за мной, охраняет, и даже, кажется, любит меня не меньше, чем бабушка. Вот какое неизведанное чудо, и думы о нём, нередко посещали меня в детстве!

Х

Х

Х

Ёлка... Не раз уж я рассказывал об этом новогоднем чуде, и как оно близко именно детству, и вот когда вспоминаю о нём, об этом самом чуде, то всегда думаю о детстве, а уже потом о новогодней ёлке, что растёт себе спокойно в лесу, усыпанная серебристым воздушным снегом, и даже не помышляет, как через каких-нибудь пять или шесть часов окажется в городской квартире, наполнив её скрытой от людей тайной. В чём она?

Дети хорошо представляют себе эту тайну. Для них она - не только в конфетах и мандаринах, подвешенных на веточках загадочного дерева, не в подарках, разложенных взрослыми у его подножия, и не в разноцветных лампочках, попеременно подмигивающих им зелёными, синими и жёлтыми огоньками, что кажутся на ёлочке какими-то особенными. Тайна заключена в том, что чудесное дерево, совсем недавно растущее в лесу, вокруг которого, быть может, зайцы водили под луной хороводы, вот прямо сейчас находится у них дома!

Ёлка необыкновенно радуется своим хвойным ароматом, напоминая детям таинственный ночной лес, и тогда уже их живое воображение переносит зайцев под украшенную ёлку, в уютную городскую квартиру. И они, конечно, искренне верят в происходящие с ними перемены, ещё больше любят зиму, и с нетерпением заглядывают в замороженные окна, ожидая прихода Деда Мороза.

Казалось бы, всем давно известное и потому совсем неприметное в обычное время, даже наскучившее, к тому же, с такими колючими иголками дерево, под Новый год вдруг обретало в своём лице скрытое до сего мига обаяние, начиная излучать его повсюду. И тогда гостиная наполнялась чудесами, превращая самые обыденные предметы в неподражаемо прекрасные, и даже старый потёртый шкаф с бабушкиным фарфоровым сервизом начинал, как будто, приплясывать, залихватски подбоченившись, исподтишка подмигивал тебе, а часы в углу вторили ему более оживлённым, не наскучившим, как обычно, звучанием.

Да и вся комната принималась от радости ходить ходуном, люстра на потолке чуть покачивалась, отбрасывая на стены весёлые отблески, тяжёлые бордовые портьеры на окнах старались не отставать от всеобщего праздничного оживления, и принимались еле заметно колыхаться, будто форточка от морозного дыхания зимы отворилась, и они от этого сразу

воспрянули, пробудившись. Во всей домашней обстановке, действительно, воцарялся настоящий праздник, и всё это - из-за присутствия маленькой пахучей ёлочки. Не чудо ли?!

Кажется, каждый год ожидают дети новогоднюю ёлку, хорошо известную им и любимую, но потом надолго забывают. А как придёт зима, и они увидят её, занесённую в комнату с мороза, колкую и холодную, вроде бы, совсем неживую, то вновь вдруг открывают для себя - как она им желанна!

К необыкновенной радости дети узнали свою старую знакомую, что целый год росла где-то в потаённой лесной чаще. Пока они пускали в весеннем ручейке свои хрупкие кораблики, летом гостили в деревне у бабушки и ловили в пруду юрких пескарей, ходили в лес за грибами и ягодами, а осенью собирали в парке золотые букеты красивых кленовых листьев, ёлочка, наверное, ждала с ними встречи. И вот она опять заглянула к детям в гости, и они застыли в зачарованном оцепенении: как можно было забыть про эту лесную красавицу, что так же, как и в прошлом году, вмиг захватила их сердце?

Драгоценное дерево вновь с ними, готово спокойно и щедро дарить свою лесную душу, не прося ничего взамен, и это несмотря на то, что вскоре оно окажется уже никому ненужным, почти осыпавшимся, очутившись в сугробе, под дворовым забором. Но пока этого не произошло, ёлка любима детьми, они понимают её сокровенную тайну, и лелеют каждый день нахождения возле неё.

Жизнь так устроена, что всё в ней нужно научиться понимать, в том числе - и разукрашенное под Новый год лесное дерево! Оно, вы не поверите, ждёт этого, иначе, зачем вы привезли его в свой дом? Но, к сожалению, только детям суждено разгадать его хвойную ароматную суть.

Весёлый новогодний праздник без ёлки, без этого замечательного пахучего торжества, не праздник, и кому это лучше знать, как не детям, которые принимают ёлку всей душой сразу после того, как её переносят через порог дома. Они внимательно наблюдают, как папа устанавливает её в углу, на заранее приготовленную деревянную крестовину, и потом, вместе с родителями, наряжают её, развешивая на пахучих ветках разноцветные бусы, золотые орехи и фонарики. Ёлка все эти украшения великодушно принимает, будто берёт себе на память, неся в себе и тихонько переживая, а дети каждый праздничный день радуются её присутствию, ощущая даже ночью, когда волшебное дерево неслышно обнимает их своим душистым облаком, будто убаюкивая, и они, улыбаясь, счастливо засыпают в его чудесном еловом раю.

Х

Х

Х

В детстве, даже осенью, никогда не подумаешь, что солнце может стать старым, и ему не будет дела до земли. Не повесишь нос, когда заметишь однажды поутру, что пожухла трава, тронутая инеем. А будешь со сладким

томлением вспоминать, как слюдяные стрекозы, тревожа сердце, совсем недавно носились над деревенским прудом, разлётшееся повсюду роскошное лето, кажется, не имело границ, и душа пела, бежала, летела от счастья в выцветшее от жары небо, готовая наслаждаться этой жизнью вечно.

И даже когда мороз скуёт землю, в домах начнут топить печи и кошку Бусю невозможно будет согнать с полатей, и тогда буйное воображение перенесёт тебя в раздольное пшеничное поле, со зрелыми золотыми колосьями, к воображаемой тобой чудесной жар-птице. Именно о ней почему-то были твои думы, и втайне хотелось застать её там, и подсмотреть – что она будет делать, когда прилетит звёздной ночью на землю?

Много ли таких дней запомнишь из детства, когда тебе семь-восемь лет, а ты сидишь на дребезжащем возу, с дедом, и подкошенная вместе с цветами высохшая трава свисает с телеги, пахнет мёдом, и лошадка всхрапывает невпопад, отчего под сердцем струится неисповедимое счастье... И вот тогда, на возу, почувствовал я всю красоту и прелесть этого вечернего звёздного неба, какое-то глубокое удовлетворение от того, что дедушка взял меня с собой за сеном, и я, как будто большой, помогал ему весь день, а теперь мы вдвоём едем под сияющими звёздами, и я с тайным восторгом чувствую, какая чудесная жизнь ожидает меня...

Что за дивный лунный вечер всплывает из моей памяти, неизъяснимо прекрасный и тёплый, и весь этот выгнувшийся над нами небосвод, кажется, обнимает нас с дедом, он ласков и заботлив, отчего начинает казаться, что неведомые звёздные миры приглашают нас в гости, и мы, вероятно, будем там когда-нибудь. Уж так, непременно, всё сложится, и хорошо бы было, думалось тогда, заснуть на ворохе душистого сена, прямо под этими звёздами, очень счастливо спать так всю ночь, чувствуя сквозь сон трепетный лунный свет и сладко переживая в сердце красоту деревенской летней ночи.

И ты радостно улыбнёшься тому, как хорошо было жить под усыпанным созвездиями широким июльским небосклоном, привольно простирающимся над твоей головой в бесконечность сказочного детства, и опять почувствуешь в сердце благодарность кому-то, кто всё это волшебство так чудесно устроил. Тогда, возвращаясь вечером с дедом с сенокоса, и сидя на поскрипывающем и покачивающемся возу, я представлял себя, своё маленькое существование, в звёздной колыбели, с восторгом вглядываясь в недостигаемые миры, куда уносили меня невидимые крылья, и не противился этому трепетному, еле ощутимому устремлению...

X

X

X

Счастье в детстве так заразительно, что этим счастьем невозможно не заболеть, оделяя им всех, кого оно миновало.

X

X

X

Взрослые люди постоянно думают о престиже, власти и деньгах, это - привычное для них стремление заполнить ими свою внутреннюю пустоту, чего никогда не встретишь у ребёнка. Он живёт мгновением, как будто следующего уже не будет, и от такого непринуждённого восприятия жизни это мгновение полнится непередаваемой радостью, и вновь наступивший миг опять представляется ребёнку как последний и неповторимый, и поэтому прекрасная жизнь для него никогда не прекращается.

Тот, кто любит, не заинтересован в том, что произойдёт завтра, он празднует жизнь сегодня!

X

X

X

В детстве я не любил бросать плоские камешки в воду и подсчитывать, сколько раз камень подскочит. А всё больше, усевшись на бережку, мысленно стремился проникнуть в самую её глубину, где стоят, не шелохнувшись, изумрудные травы, на песчаном дне покоятся пузатые раковинки и над ними плавно шевелят красными плавниками полосатые окуни. Но пуще всего мне хотелось заглянуть ещё дальше, в самую темноту, куда неудержимо устремлялось моё воображение.

Так, с затаенным удивлением, разглядывал я обычно в детстве воду, ожидая от неё, по-видимому, какого-то чародейства. В её глубине была заключена моя мечта. Что же на самом деле меня там привлекало?!

X

X

X

Блаженное чувство лёгкости и покоя приходило ко мне в детстве, когда я заболел. И разве возможно подобное восприятие соотнести с недомоганием в более зрелом возрасте?

Когда ты взрослый, тебе не приносят в постель чудесные подарки, означающие твоё скорое выздоровление, что предполагает, в свою очередь, такое же замечательное будущее, наполненное прелестью и смыслом, а ограничиваются лишь скудными приношениями от медсестры, представляющими собой скляночки с порошками и пилюлями...

В детстве же, ещё болея, ты уже угадываешь то, что тебе преподнесут, чего раньше не дозволялось, но теперь, после этой затянувшейся простуды, оно оказывается вполне доступным: стоит только заболеть, а затем - благополучно выздороветь, и вот дар, о котором давно мечталось, в твоих руках. Что же это за счастье такое - детство, в котором и болезнь в радость, и даже если ты немножко пострадаешь, то обязательно обретёшь благодаря этому ещё большее благо!

X

X

X

Нет в детстве более чудесного чувства, чем восхищение тем, что просто прекрасно, и в этой своей прекрасной простоте - необъяснимо! Как прекрасны были в детстве книги, что уводили мысли в неизведанную даль, ты жил ими, и они захватывали так, что невозможно было уснуть. Вроде бы, не раз уже слышанная история всё равно вынуждала волноваться, и ты забывал, что она не нова, но, тем не менее, опять оказывается для тебя неотразимо увлекательной.

«Не уходи, - говоришь ты бабушке, - почитай ещё...», и бабушка остаётся, пока сладкий сон не уносит тебя к твоим героям, в те самые неизведанные дали, а бабушка не перестаёт с таким же интересом рассказывать увлекательную историю, убаюкивая своим голосом и теплом. Так в детстве побывал я, благодаря обыкновенной книге, во многих дальних краях, не покидая родного бабушкиного дома, милее которого не отыскать.

X X X

Большая роскошь - иметь любимых бабушек. Благодаря бабушкам детство моё напоминало чудную горку из разноцветных пасхальных яиц, превращая и всю жизнь в сплошной праздник. Неописуемо счастливое время, созданное Богом, и бабушки его оберегали, а я с радостью проживал, потому как ребёнку - что ни день, то праздник, и если замечаешь в нём красоту, то счастье само придёт.

Но вот что странно: никто лучше ребёнка не ведает, что счастье - в нас, а не вокруг, да около, и выходило всегда так, будто только бабушки это понимают.

X X X

Известные всем уровни сознания и подсознания - очень условные. Скорее всего, этих уровней множество, у каждого человека - собственное количество, существующее в зависимости от того, работает ли над собой человек или нет.

Уровни сознания - это своеобразные ступени, по которым движется, развивая себя, душа, обретая знание, и подобное движение бесконечно, а начинается оно в детстве. Только в детстве, и только ребёнок понимает: всё, что ему дано - необычайно хорошо, оно неслучайно и предназначено именно для него. Для того, чтобы становиться более содержательным и цельным, как и этот чудесный мир.

X X X

В детстве и юности я, помнится, не следил за каждым шагом весны, как это делаю сейчас, а сам весело шагал вместе с ней, не успевая замечать, как обтаивают косогоры с первыми цветочками мать-и-мачехи, пускаются в пляс

безудержные ручьи и разливается повсюду полая вода. Не запоминал даже, как прилетают с юга птицы, запевают скворцы с жаворонками и одевается в зелёные одежды лес, а только радовался тому, что происходит в природе.

И от этого жизнь западала мне глубоко в душу, задевая в ней донные неведомые струны, и они пробуждали томительное переживание счастья, порождённое и весной, и детством, и самим собой. Сколько шумной услады было в природе, сколько волнений в душе, когда в ней жило нескончаемое и желанное чувство любви к жизни!

X

X

X

Ребёнок и помыслить не в силах, что прожитый без праздника день для него - потерян: он этот праздник создаёт своим отношением к жизни ежеминутно.

А вот взрослый человек, как бы глубоко он не задумывался о причинах отсутствия в себе радости и стремления к развитию, ничего с печалью своей поделать не может, живёт неосознанно, бездушно, не принося никому никакого блага.

X

X

X

Несмотря на то, что наша жизнь в детстве ограничивается родным домом и близкими людьми, мы рождаемся с бесконечно прекрасным и глубоким знанием о себе. Оттого, наверное, и само детство воспринимается ещё более богатым, и ты с удовольствием угадываешь при помощи собственного внутреннего знания всё окружающее тебя существование, и даже свою дальнейшую жизнь.

Например, то, чем она особенна в отличие от других жизней, и это угадывание удивительно чарующе, наподобие того, как если бы ты попал в родную твоему сердцу, волшебную сказку, где всё хорошее непременно сбывается, а плохого и вовсе не существует. А ещё говорят, что у нас нет чувства своего начала и конца!

X

X

X

Вера в то, что мы можем быть лучше, чем есть, приходит к нам, в первую очередь, из детства. Именно в детстве, когда мы увлечённо играем в эту чудесную жизнь, в нас уже присутствует уверенность, что мы способны совершить нечто большое и значительное. Сомнения в этом просто отсутствуют в ребёнке.

Ведь игра, тем более - совместная, приносит чувство единства, то, чего всегда не хватало человечеству, а в ребёнке это переживание единства со всем, что его окружает, уже присутствует, ему это единство лишь надлежит

сохранить, и, играя, ребёнок поддерживает в себе состояние великой радости от сопричастности этому удивительному миру.

X

X

X

Приятно было, когда бабушка держала меня за руку, ведя по дорожке моего детства. Но теперь я знаю - куда иду, и я очень хочу туда попасть: безо всякой поспешности, спокойно наслаждаясь самой дорогой, какой бы неустроенной она не была.

Да только невозможно пройти этот путь без переживания чудесной отрешённости детской поры, ибо прелесть детства заключена в том, что ребёнок не ждёт и не просит, чтобы желаемое для него непременно случилось, он не приходит в напряжение от этого ожидания, и именно поэтому оно случается. Случается благодаря безмерной открытости маленького человечка, его абсолютной самоотдачи, если она потребуется. при отсутствии какой-либо боязни отправиться в нескончаемое путешествие по жизни, и ты, несомненно, учишься, благодаря детству, быть таким же открытым, свободным и готовым к преодолению любых препятствий.

X

X

X

Ребёнок, в отличие от взрослого, более восприимчив, потому как не ограничивает себя сомнениями, и не противится приходу в свою жизнь чего-то сверхъестественного, принимая его как нечто естественное. Даже то, что случается неожиданно, не пугает ребёнка: он не перестаёт глубоко чувствовать, оставаясь открытым, а поскольку до пяти-шести лет ребёнок больше предоставлен себе, то именно поэтому, наверное, он не теряет связи с Высшим Источником и своим ангелом-хранителем. Это в его жизни оказывается самым ценным, хотя в поле внимания ребёнка - всё Существование!

Верховные Существа с особенной заботливостью присматривают за маленькими детьми, поскольку имеют целью поддержать и подтвердить идею присутствия благожелательных духов в нашей жизни, а саму жизнь научиться воспринимать как восхитительное благо.

X

X

X

В детстве я был одержим игрой, не представляя без неё жизни. Игра была для меня сама жизнь - увлекательная, захватывающая, составляющая суть всего существования. Я это очень остро чувствовал, и оттого не переставал наслаждаться даруемыми жизнью возможностями, что предоставляла жизнь, выпивал это удовольствие до дна, каждый день, не чувствуя насыщения.

Но и голода не испытывал, просто играл, в удовлетворении впитывая всё происходящее вокруг, и эта распростёршаяся повсюду чудесная жизнь вливалась в меня благостно, будто тоже приветствуя моё присутствие в мире. И так, вместе, мы были с Существованием друзьями, легко понимая друг друга и радуясь этому невидимому единению, и я был очень счастлив от того, что жизнь расположена ко мне, так же, как и я к ней.

Х

Х

Х

В детстве не приходит в голову, что когда-либо умрёшь и не увидишь больше цветочные поляны, чудесных птиц горихвосток, посверкивающих своим огненным подхвостьем, бездонного синего неба с бегущими по нему белыми облаками, всего того, что, кажется, навсегда вошло в твою душу, с чем так сроднился и без чего уже не представляешь своей жизни... Наоборот, ты всё больше предаёшься мечтам улететь вместе с этими облаками куда-нибудь далеко-далеко, в детстве тебя необыкновенно привлекают неизведанные дали, те места, где можно проявить скрытую в себе энергию, преодолевая самые отчаянные трудности, постигая глубину и непредсказуемость жизни, всю её завораживающую ширь.

Отчего нам довелось переживать такую сладкую долю? Думается, только оттого, что Богом так устроено - познать в жизни ещё много необычайного, к чему невольно устремляется душа, и если бы этого не было, существование наше не воспринималось бы таким пленительным.

Х

Х

Х

Жизнь даёт нам то, что мы ищем только тогда, когда мы честны перед самими собой, и учимся управлять своей судьбой, слушая сердце. Не этим ли мы были заняты в детстве, более чутко улавливая свою взаимосвязь с породившим нас Источником?!

Х

Х

Х

Взрослым бы следовало поспешить научиться у малышей искренней кротости в своих душевных побуждениях, когда невольно обидев кого-то неосторожным словом, мы порой не разговариваем с ним весь день, а то и неделю. Тогда как ребёнок, несмотря на то, что произошло, и коротко переболев в себе неустроенность такого замкнутого, отрешённого от жизни состояния, всё-таки вскоре подойдёт к старшему человеку, и осторожно промолвит: «Прости меня, мамочка... Я больше не буду».

И разве не перевернётся после этих слов у взрослого человека что-либо в душе, не позабудет он свою обиду и ущемлённое самолюбие, в волнении не обнимет маленького человека и не воскликнет: «Прости и меня, милый. Пожалуйста, не держи в своём сердце худа!»

X

X

X

На первый взгляд может показаться, что ни за что не определить, когда ты в детстве почувствовал и заметил себя самого. Но погрузившись достаточно глубоко в воспоминания - неожиданно открываешь: и чувствовал, и замечал ты себя всегда, просто это наблюдение своей жизни происходило ненавязчиво для тебя самого.

Тебя восхищала нераздельная любовь к жизни, и эта любовь наполняла всё твоё существование, отчего ты и не осознавал поначалу своё нахождение на земле, а только любил то, что окружало тебя, и оно тоже было проникнуто ко всему любовью. И так, постепенно, в таком незамутнённом счастье незаметно миновало твоё младенчество, в то время, как ты уже переживал в глубине души несказанно сладкое соединение с чем-то Великим, от которого всё и произошло на свете, и от этой соединённости приходило чуткое понимание: ты не один в мире, какие-то неземные силы вливаются в твою жизнь свободно, никак её не нарушая, и она становится от этого ещё богаче.

X

X

X

Все мы имеем одну индивидуальную сущность, присущую только нашей душе, несмотря на множество образов из разных воплощений, пережитых в них, и эту сущность мы ощущаем, наверное, только оказавшись в Мире Душ. И ещё - в детстве, когда безмятежность нашего бытия ещё не столкнулась с суровыми условиями взрослой жизни, обычно избегающей достойно справляться с ними, отчего наша уникальность неприметно отступает на задний план, почти не давая о себе знать.

X

X

X

Безмятежность, терпение и умение справляться с трудностями жизни, самообладание, доброта и понимание сути вещей, проникновенность и интуиция, отсутствие корысти и цельность, позволяющая быть честным по отношению к себе и другим на пути осознания своего Источника, постижение и расширение своего истинного «я», - вот что присуще продвинутой душе. Душам необходимо расти во имя того, чтобы божественная энергия в них становилась более возвышенной, ибо истинная красота требует проявления.

Безграничная радость ощущать себя ребёнком, что рождается чудесным весенним цветком на восхитительном поле жизни, раскрываясь навстречу Богу.

X

X

X

В чём заключена причина страха? Конечно, в неосознанном отношении к настоящему моменту, только он по-настоящему прекрасен, это ощущаешь именно в детстве, когда всё внимание сосредотачиваешь на том, что происходит с тобой сейчас, не имея никакой потребности заглядывать в будущее, как это делают взрослые, надеясь именно в нём избавить себя от проблем и обрести благо.

А для ребёнка истинная ценность - реальность, которую он переживает здесь и сейчас, ничего не боясь и ни о чём не беспокоясь.

X

X

X

Уметь отпустить прошлое - кажется, что может быть проще, и, тем не менее, у души уходит на усвоение этого урока не одна жизнь. А всё только потому, что мы не желаем учиться, и направляем все наши внутренние устремления к чему-то несущественному, к тому, что не делает нас лучше.

Душе необходимо решиться быть более ответственной и чистой перед своим Источником, как это происходит у детей, когда они, несмотря ни на что, совершенно естественно и просто проявляют свою истинную сущность.

X

X

X

Великое и самое жизнеутверждающее желание Господа, однажды возникшее в Нём, - это желание творить, созидание красоты из всего, чем Он располагает, распространяя её во всех мирах. Но на проявление этой красоты способна чистая душа, присущая пока только художникам и детям.

X

X

X

В детстве рано было разгадывать мудрёные жизненные загадки, а всё более - наслаждаться красотой мира, преподнося его себе за нескончаемую и несравнимую ни с чем благодать.

X

X

X

Знаете, в чём заключена сила мужчины? В нежности и теплоте, которую он дарит людям. Но эту нежность он обретает в течение всей жизни благодаря негибкой отваге, решительности и терпению, начиная движение к своей нежной силе с незабываемой детской поры.

X

X

X

Пройдя леса, моря и океаны, все препятствия и расхождения с другими людьми в понимании бытия, вдруг со всей очевидностью постигаешь, что чаще всего люди выдумывают жизнь, вместо того, чтобы познавать себя и окружающий мир. Ведь выдумывать оказывается куда как легче, и это не есть единственно достойный и верный путь к собственному внутреннему «я», а ведь оно - божественно, и я чувствовал это с самого детства, и всегда верил, что всё у меня будет хорошо.

Х

Х

Х

Каждый день в детстве, уже с самого утра, неудержимо разыгрывалось воображение, и на всё ты начинал смотреть с ожиданием чего-нибудь необыкновенного, того, что ещё не случилось в твоей жизни, но непременно приключится. Нечто диковинное, я это знал твёрдо, ожидает меня тотчас после пробуждения, нужно только умыться, наскоро позавтракать, и выйти в сад, чтобы перед тобой распахнулось окно в удивительный мир, в котором ты, кажется, ничего ещё не видывал, до того он был хорош.

Солнечный восход, ещё со вчерашнего раннего утра подробно подсмотренный тобою, вроде бы, в точности повторяет все восходы, что случались прежде. Но сегодня он уже производит совершенно иное впечатление, и воспринимается как нечто необычайное, тотчас вызывая вопрос: отчего солнышко так быстро перебирается за день по небу с одной стороны земли на другую, кто ему в этом помогает?

А запах?! Он в это утро какой-то по-особенному свежий, с чудесной душистой сыростью, приятно дурманивший голову, так что на глазах выступают счастливые слёзы. Такой запах рождается только в бабушкином саду, его не спутаешь ни с каким другим. Невозможно равнодушно смотреть на открывающуюся взору картину летнего утра, что с каждым мигом всё более расцветает, становится краше.

Листья на деревьях и цветы беспрестанно меняют свой цвет: то темнеют от подступившей вдруг мягкой тени, то светлеют, переливаясь, будто играют. Или пробежит по травам неизвестно откуда взявшийся ветерок, пригнёт их на миг к пахучей земле, и эта лёгкая, еле уловимая рябь неожиданно породит в душе какую-то радостную проворность и приподнятость, желание бегать, прыгать и летать.

Не устремляться в детстве куда-то, в неведомые восторженные дали, невозможно, и надеешься ты в этом устремлении только на себя. Что-то принесёт этот волшебный летний день – окно в невиданный мир, и куда в нём не взглянешь – всё становится видно!

Х

Х

Х

Я очень любил в детстве запах сосновой и еловой смолы. Мне нравилось находить на стволах деревьев мягкие вздутыя, с удовольствием

нажимая на них пальчиком, отчего наполненные смолой сгустки лопались, изливая вокруг душистый аромат, что, казалось, скрывает ото всех загадку дерева.

Этот смоляной таинственный дух вмиг уносил меня в какие-то неведомые дремучие дали. В них угадывалось нечто очень знакомое, отчего я часто бывал в лесу и играл прозрачными душистыми каплями, несмотря на то, что ладони от этого становились липкими, и тотчас склеивались между собой. Но переживание какой-то необъяснимой и чудесной тайны не покидало...

X

X

X

Детство - это вечность, и ты переживаешь её с нескончаемой радостью. Вот бы и во взрослом возрасте сохранить это ощущение!

Чтобы достичь этого, нужно прожить жизнь с таким же интересом к ней, как в ранние годы, и тогда всё получится. Вечность, как и детство, - возможность постоянно изменяться к лучшему, обретая всё большие знания и способности для того, чтобы никогда не угасать душой.

X

X

X

Лёжа в своей кроватке, будучи ещё ребёнком, я спокойно изучал светлыми глазами огромное небо, уже тогда чувствуя родство с ним. Был, кажется, серьёзен, никогда не капризничал, подспудно понимая, что осваивать мир можно уже с раннего детства. И мир, несомненно, откликался настолько, насколько его можно было почувствовать в год с небольшим.

Оказывается, это получалось и в таком возрасте, и общение с небом выходило как-то непринуждённо, привычно. Я почти ничего не помню из того, что происходило со мной в год-полтора, но вот эта привычная тяга к небесам чётко запечатлелась, нисколько не удивляя. И ещё меня ничто не тревожило в этом распостёршемся в вышине небе, только тихонько завораживало, дарило благостное успокоение. Как-то довольно просто открывалось, что мне хочется туда...

И в тоже время я чувствовал, что и здесь, на ещё неведомой мне пока в этой жизни земле, существует своя внутренняя тишина и красота, когда ты, вглядываясь в небеса, ощущаешь и собственное присутствие в ней. Оно где-то глубоко в тебе, но если ты пожелаешь, то это присутствие выйдет наружу, ты его непременно почувствуешь.

Чувствовать своё присутствие в этом мире тоже было очень приятно, ты понимал, что какая-то внутренняя истина существует, и она полезна и здесь, на земле. Важно её в себе увидеть.

Хорошо вглядываться в свою внутреннюю тишину именно в детстве, потому что всё к этому в нём располагает: тебе комфортно оставаться наедине с собой, не чувствуя одиночества, потому как твоё сознание близко

всему божественному, ты переживаешь ощущение живого умиротворения и благополучия.

Сладость Бытия в детстве ни с чем несравнима, и когда вы чувствуете его в себе, лёжа в кроватке, у распахнутого в сад окна, оно всё более углубляется, а ваш внутренний простор расширяется. Вы ничего не делаете, просто впитываете жизнь, и всё самое тихое и незаметное, но очень значительное, до краёв заполняет вас.

Это - радостная сладость Бытия, и в детстве ваше сердце к нему необыкновенно чутко. Вы лежите, смотрите в небо, и с удовольствием впитываете жизнь, а всё Сущее радуется вместе с вами.

Х

Х

Х

Помню натруженные бабушкины руки, они всё время пахли ягодами, каким-то чудесным вареньем, какого она даже не готовила, запах этот не прекращался никогда, какую бы грязную работу бабушка не выполняла. От всего её тела, не только от рук, исходило ласковое благовоние, которого я ни от кого не чувствовал, и эта благодать изливалась из бабушки как милосердие, содержащее сладкий ягодный дух, особую душистость, что обычно в изобилии присутствовала в доме по праздникам. Бабушка же пребывала в нём всегда.

Х

Х

Х

Просто так ничего не добьёшься: это, как-то подспудно, родилось в моём сердце ещё в детстве. Меня увлекал мир вокруг, я чувствовал себя в нём свободным, и мне всегда хотелось жить интересно. И жизнь в полной мере откликалась на мою признательность ей, а я был очень признателен жизни, переживая в ней одну радость. Кажется, меня ничто не могло ограничить в своей любви к ней, к детству, которое, верилось, будет длиться вечно.

И так оно и случилось, детство до сих пор продолжается во мне, никуда не исчезнув. А раз так, значит, я счастлив. Чаще всего детство просто не хочет умирать, в этом устремлении - его чудесное назначение. И отчего не поддержать трепет такой неизбывной любви? Ведь ничего лучше быть не может...

Х

Х

Х

В детстве моём было полно цветов, целый сад, но я, помнится, не любовался цветами, тщательно разглядывая каждый цветок в отдельности, они сами собой входили в меня, даже не спрашивая моего разрешения, а я просто наслаждался этой цветной солнечной жизнью, утопая в её ароматах.

Бывало, с затаенным духом разглядываешь старую яблоню, бабушкину накидку, покоящуюся на кресле-качалке или яркого петуха, гордо

расхаживающего по двору, и долго не можешь на всё это наглядеться. С таким же интересом потом переводишь своё внимание на кошку Бусю, огромного налима, выловленного папой на неведомую для меня жерлицу или потаённую гладь пруда, где деревенские мальчишки выуживают юрких пескарей, и душа твоя полнится восхищением от всего увиденного.

И вот, ты всё смотришь и смотришь, не в силах насладиться тем, что раскрывает перед тобой этот неизведанный мир. Даже когда наступает ласковый вечер, с высыпавшими по небу зёрнышками звёзд, ты с блаженным умилением предвкушаешь следующий, не менее яркий солнечный день, и не оставляешь попыток открыть для себя что-то такое, чего ещё не случилось в твоей жизни.

Разве забудешь, как в детстве, каждый день, неудержимо врывается в твою жизнь солнечное счастье, оно – во всех вещах, что окружают тебя, и в них будто находишься ты сам - маленький вихрастый мальчишка шести лет, очень счастливый и солнечный, как никто ощущающий единение со всем Сущим.

X

X

X

В детстве, случается, набедокуришь, и весь дрожишь, ожидая, когда к тебе кто-нибудь из взрослых подходит, наверняка желая наказать. Более всего остерегался я отца.

И вот - он остановится рядом, такой грозный, будто уж весь мир завоевал, и всё про всех знает, смотрит серьёзно, нахмурившись, так, что ты готов сквозь землю от страха провалиться, словно это Бог пришёл тебя покарать.

И тебе обидно становится, отчего тотчас пронзает простая мысль: да ведь ты - ребёнок, шалить и быть непослушным - милое для тебя дело. Взрослые просто не понимают всей твоей справедливой правды, и, переживая эти чувства, ты вдруг неожиданно отыскиваешь в себе смелость, уже не боишься отца, и смотришь в его насупленные глаза ясно, открыто.

X

X

X

При всей заботе ко мне бабушки, я, тем не менее, отвожу значительную долю неусыпного внимания к себе движущемуся вокруг ... воздушному пространству. Будто только для меня оно таинственно роится, очаровывает, словно это даже и не воздух вовсе, а какое-то еле угадываемое существо, почему-то ненавязчиво и искренне оказывая мне своё неослабевающее попечение.

Существо это давало о себе знать лишь изредка, на короткий миг, коего, впрочем, было достаточно для того, чтобы его усмотреть. При этом, оно никак не тревожило, не выглядело надоедливым или пугающим, представляя себя мне как нечто родное, что именно призвано заботиться и

оберегать, ничего более в своих действиях не выказывая. И мне становилось так, будто я его давно знаю, даже - люблю, и когда оно появлялось – я начинал улыбаться ему, пытаюсь дотянуться ручками, и это трогательное «что-то» тоже как будто улыбалось, так, что я чувствовал его ровное дыхание, понимая, как оно бережно меня околдовывает, обнимая.

Чудное действие этого обворожительного воздушного существа не мешало, а помогало мне жить, отчего я всегда был покоен, зная: заботливое воздушное пространство питает моё маленькое сердце своей безбрежной любовью.

X X X

Если правильно прожил свою жизнь, тебе обязательно открывается твоё детство, несомненно, насыщенное событиями. Порой тебе удаётся узнать даже то, что было до него, в твоих предыдущих воплощениях. Главное, правильно выстраивать своё существование, отчего сознание постепенно крепнет, а детство, как пуповина между мирами, должно быть обязательно осознано, после чего и происходит просветление. Каждый миг нашей жизни очень важен, начиная с самого детства: не упускайте ничего.

X X X

В детстве ты просто не можешь помыслить о том, что не выйдешь в жизни хорошим, честным человеком. Это обстоятельство представляется таким очевидным, что ты не в силах воспринимать себя иным.

Поэтому и вся жизнь открывается для тебя именно честной и доброй, и все люди в ней такие же добрые и милосердные. Ты переживаешь лишь один восторг от всего происходящего, и любишь весь мир, охваченный своею заботою к каждому.

X X X

Под тёплым дыханием бабушки, как под дыханием мягкой летней ночи, засыпалось также тепло и мягко, приятно думая и о прошедшем дне, и о грядущем, с неременной верою, что всё всегда будет радостно и хорошо.

X X X

В детстве, несмотря на его необъятность, я не глядел далеко, не видел какой-то одному мне ведомый мир, а жил только настоящим, с присущей своему маленькому, но полному любви сердцу пытливостью.

X X X

Хорошо в детстве ходить босиком по такой доступной, родной земле, то и дело, заглядываясь на недостижимое синее небо.

X X X

Чем-то волшебным воображалось обыкновенное бабушкино одеяло, сшитое из разных кусочков ткани, будто многоцветное облачко задержалось в нашей маленькой комнатке, представляющейся уже целым миром...

X X X

С самого детства я никогда не ощущал, что во мне живёт какой-то другой, совершенно чужой и незнакомый мне человек, какого обычно обнаруживают в себе многие люди, думая, будто бы он следит за каждой твоей мыслью, и ты даже побаиваешься его. Наоборот, я находил только наблюдательного и любознательного себя, не подверженного чьему-либо влиянию и не обременённого непониманием со стороны взрослых. Ну, если только немножко со стороны матери, и так, пребывая в согласии со своей внутренней природой, и принимал жизнь с радостью, кажется, ничего не боясь.

Я не чувствовал себя слабым и ничтожным, хотя и был мал, переживая к жизни жадный интерес. Ничто не мешало мне жить, постепенно и незаметно приближаясь к самому себе, и уже с детства я хорошо осознавал, что на самом деле в жизни никаких проблем нет.

X X X

Как я был счастлив, впервые увидав цветущую медуницу!

X X X

Что, по-вашему, есть счастье? Если хотя бы немножко подумать, то можно понять, что в нём нет ничего сложного. Счастье - это когда вас что-то пронзает, и вокруг становится светло. Вы сами светлеете, расправляются ваши плечи, у вас появляется завидная осанка, проясняется взгляд и лицо. Вы начинаете видеть то, чего раньше не замечали.

Люди, которые для вас ничего не значили, вдруг обретают в ваших глазах себя и открываются с самой выгодной стороны, вы уже не можете этого не замечать, так же как и они не могут не заметить случившейся с вами перемены, вашего счастливого состояния. Счастье, оказывается, очень простое дело, и оно легко и незаметно наполняет вас собой. Люди не понимают, что совсем не обязательно, если во всём будет присутствовать смысл: порой достаточно одного счастья.

Счастье есть для всех и всегда: ты либо принимаешь его, либо нет. Обычно, люди находят оправдание для себя, им, по какой-то неизведанной причине, что-то постоянно мешает переживать радость. Препятствие находится легко: ведь несчастным быть так удобно.

Но и желание стать счастливым не так уж недостижимо. Человеку не хочется проявлять решимость, а казалось бы - что может быть проще того, чтобы испытывать в душе чувство полного удовлетворения? Сделай шаг, соверши бросок к самому себе, решившись быть счастливым, только и всего. И всё же человек пасует, проявляя нерешительность, но всё зависит от него.

А как легко быть счастливым ребёнку! Вы думали: почему? Дети ничего не боятся: они могут остерегаться темноты или набросившейся из подворотни собаки, но никогда не проявят страха перед жизнью: она им необыкновенно интересна. Они не видят в ней никаких рисков, потому что уверены: жизнь не подведёт их, она их не обманет.

А дело всё в том, что дети сами не обманывают её. Они просто любят жизнь.

X

X

X

Когда только-только начинаешь осознавать себя в жизни - как прекрасно её начало! Уже одно то, что видишь, слышишь и обоняешь совершающийся повсюду красочный круговорот - великий праздник. Об унынии и не помышляешь, даже если приходится наблюдать какое-либо неразумное дитё, захлёбывающееся в безудержном плаче уже при одном виде человека в белом халате.

Наоборот, только жадно впитываешь радость бытия, вглядываешься во всякую мелочь, и лишь угадывая вкус богатого на события существования, уже обещаешь своей душе жить так же празднично, ни в чём не находя для себя даже сиюминутной печали.

X

X

X

Лето в детстве, казалось, будет длиться вечно. Оно сулило осуществление самых чудесных и невероятных желаний, даже не предполагая какой-либо отчуждённости и печали, обещая только благодное пребывание во всём, что тебя окружало. И ты, и душа твоя, и мир вокруг были одним живым существом, призванным к гармонии. Лето, как никакое другое время года, подразумевало именно повсеместно растёкшееся тепло и свет, умиротворение и радость.

Хотелось безотчётно плыть в этом летнем изобилии, не предвосхищая каких-либо изменений, пусть даже незначительных, и чтобы восхитительное лето длилось и длилось, не прекращаясь, как, кажется, не прекратится и чудесная младенческая пора, что полнится неопикуемой радостью, и это

будет происходить всегда. Благословенно лето, время зарождения будущих живительных плодов, преисполненных божественной энергии!

X

X

X

Как живут миллионы взрослых людей? Им постоянно чего-то не хватает, не достаёт, кажется, самого малого в достижении полного счастья. А вокруг, между тем, случаются чудеса, но они не в состоянии их увидеть: чудеса доступны только детям.

Любой взрослый знает, что чем дороже мечта, тем менее надежд на её осуществление. С ребёнком же всё обстоит иначе: ему не может не вериться, что всё самое пленительное - осуществимо, в этом нет никакого сомнения, и счастье - всегда рядом, стоит только открыть поутру глаза, чувствуя, как ты переполнен радостной жизнью, и всё замечательное с тобой обязательно случится.

В детстве, неминуемо, всегда скрывается радость жизни, в каждой мелочи присутствует ощущение пусть мимолётного, но счастья, и мы тоскуем по нему, как бы удачно не складывалась наша судьба. Счастье и радость жизни в детстве устроены так, что возникают в нас пронзительным чувством любви к жизни навечно, и из этого чувства можно так же бесконечно черпать вдохновение. Не забывайте в себе ребёнка, становитесь опять в душе детьми!

X

X

X

Каждому даёт Бог детство, совершенно чудесное, неповторимое время, из которого помнится только хорошее. Может быть, даже самое дивное из всего, что суждено пережить человеку. И всё только для того, чтобы он не пренебрёг своей дальнейшей долгой жизнью, и прожил её ещё более особенно и необыкновенно, чем детство, научившись ценить отпущенную возможность приумножить все дарованные ему способности, тем самым отблагодарив Господа за отпущенное благо.

А у Бога много всякой благодати, и наиболее трогательная - детская пора, коей Он благословляет всякого в силу Своего Милосердия. Никто так не благостен, как наш Господь, и благоволит Он, в первую очередь, к детям.

X

X

X

Разве прислушается взрослый, замерев ненадолго, как переливчато чирикают за окнами только что проснувшиеся воробьи? Нет, он тотчас переведёт своё внимание на тёплые лучи восходящего солнца, медленно переползающие по стенке, вытянув руку из-под одеяла, нащупает будильник и взглянет на время. Затем - зевнёт, потягиваясь до хруста в суставах, и, взъерошив волосы, в каком-то отрешённом забытии, наверное, пожелает

только того, чтобы эта нега продолжалась и продолжалась, ни к чему его не обязывая.

Чтобы не нужно было увлечённо стремиться к чему-то существенному, зачем-то гореть им: ему хочется просто забыться, получая максимум наслаждения, почти не затрачивая при этом никаких усилий. Взрослый человек, всё-таки, всегда предпочтёт бодрой зарядке сладкие сны о кладах, позволяющие ему забыть свою привычную, достаточно скучную и до сих пор неведомую для него жизнь.

Но вот поведёт ли себя подобным образом ребёнок, жаждущий вслушиваться и всматриваться в окружающий мир и себя бесконечно, каждую секунду?! Нет, конечно, потому как воображение его удивительно чутко, и оно с самого утра, с восторгом, раздвигает зарождающуюся жизнь.

Ведь ребёнок ещё не ведаёт, что где-то есть моря и заморские страны, но разглядывая из окна раскинувшуюся перед ним улицу с домами, утопающими в зелени садов, и дальние дали за ними, мир для него необыкновенно разрастается, становясь всё заманчивее. Ребёнок угадывает в нём не надоедающее каждый день однообразие, а именно обилие богатых на существование событий, представляющих из себя увлекательную жизнь, и он уверен, что эти захватывающие душу события не минуют и дождутся его.

X

X

X

Ах, какой чудный был бабушкин сад! Весь он отливал какой-то волшебной зеленью, что даже светилась на солнце, и утопая в ней взглядом, сердце тихо и счастливо билось в груди ласковой птицей. Её страшно не хотелось испугнуть, отчего я пробирался сквозь густую зелень осторожно, ступая как можно тише, и птица эта, тоже не решаясь испугнуть чудесную тишину, в какие-то мгновения радостно замирала, боясь даже ворохнуть.

Какою сказочной воспринималась эта пора, возможность быть в ней и чувствовать себя счастливым. Ясно было одно: Господь не побрезговал ради бабушки волшебным садом, и одарил её им, а за одно - и меня!

X

X

X

В детстве я не обладал беспокойным нравом, желая всё разузнать и как можно скорее, а принимал каждый день как великую радость, предпочитая полностью отдавать себя только ему. Наблюдая, как золотой шмель, деловито присаживаясь в чашу цветка, в каком-то сладостном оцепенении замирает в нём на время, я не задавался вопросом - зачем он это делает, а лишь наслаждался совершающимся на моих глазах таинством, не привязываясь к нему.

X

X

X

В детстве я думал, что человека обидеть легко, особенно - маленького, правда, он быстро про свою обиду забывает, а пройдя жизнь, понял: если в человеке жива душа, то обидеть её невозможно, потому что она ничего худого не принимает, как бы её не изводили. Душа - дыхание Господа,местилище самого прекрасного, что только можно себе вообразить, и у малышей она удивительно чуткая.

Прикасаясь в бабушкином саду к какому-либо растению, даже - к самой пустяковой былинке, я сразу ощущал, что и в ней заключена её душа, и дотрагиваясь травинки - мне казалось, будто эта душа тихонечко приоткрывается мне, и таинственно начинает со мной неторопливый разговор.

Х

Х

Х

С ранней юности стал я частенько задумываться - как мне жить? Видел, что и все взрослые люди про это ничего не знают, живут, как придётся, или - кто к чему привык, а мне так жить не хотелось, и я не отступал от своих мыслей о жизненном смысле, не переставая, думал о нём, веря, что добьюсь не дающей покоя разгадки, и, действительно, однажды добился... А вы как думаете: где тут собака зарыта?

Всё дело - в правде, в желании жить только по ней, чего бы с тобой не случилось, и если не свернёшь с этой дороги - достигнешь в себе Бога, чего Он терпеливо ждёт, отпуская каждому только те испытания, что человек способен вынести.

Ну, а коли не выдержишь, лишишься в сердце терпения, то уж не добиться тебе той самой правды, способной принести истинное счастье. Пеняй теперь только на себя, никого не виня, ибо, правда со счастьем рука об руку ходят, судьба свою радость никак не может миновать, и жизнь должна продолжаться не по тяжкой необходимости, а по великому, жизнеутверждающему благу, с любовью.

Х

Х

Х

Как, в сущности, бедна человеческая жизнь, если в ней не было настоящего детства! Тогда человек лишь обманывает себя надеждами на счастье, и целомудренные звёзды не дарят ему своего радостного блеска.

«Куда же всё подевалось, - в растерянности думает он. - Да и было ли что-то на самом деле? Неужели в моей жизни так ничего и не случится?! Будет, по-прежнему, вставать и садиться над землёй солнце, весной опять прилетят с юга птицы и начнут сооружать гнёзда, зацветут подснежники и медуница, но всё это будет происходить без моего участия, словно я совсем не нужен!»

В течение всей жизни верилось, что вот, на будущий год, обязательно свершится нечто значительное, и оно повернёт существование в единственно

допустимое русло, которое окажется по-настоящему достойным и счастливым, так что радость не минует тебя. Но проходит и этот год, и следующий, а ничего не меняется: также вспыхивают на вечернем небе манящие к себе звёзды, прилетают и улетают птицы, время утекает куда-то бесследно, и тебе вдруг захочется вернуться в детство, чтобы начать всё сначала, уже ничего и никого в своей жизни не упуская.

И ты улыбнёшься этой простой возможности хотя бы мысленно перенести себя в далёкое былое, всё-таки почувствовав связь с дорогой Вселенной, где есть место и звёздам, и солнцу, и птицам с цветами, и тебе, не перестающему никогда переживать это чудесное единство, ощущая полную свободу в выборе своего благословенного жизненного пути.

Х

Х

Х

С детства усвоил я, что безрассудно сердиться на непогоду, все неудобства, преподносимые природой, не зависят от человеческой воли, и что грешно проявлять недовольство и роптать на слякоть во дворе, дождь, снег или пронизывающий ветер, поскольку все эти напасти посылает нам Бог. И оттого люди должны принимать всё происходящее с ними спокойно, в полном радушии к природе, какие бы сюрпризы она не уготовила.

Доброе расположение к погодной неурядице, взятое за обычай с малых лет, впредь уже никогда не позволяло ей испытывать моё терпение. Какое бы неустройство не уготавливали мне мороз и холод, ливень и зной, ураганный ветер и шторм, я всегда сохранял в душе уравновешенность и покой, а судьба хранила меня на каждом шагу.

Да и способно ли пасмурное небо или лютая метелица нарушить настроение не испорченной неверием в собственные силы молодой и неустрашимой душе? Ведь в детстве за счастье - даже дождь и ненастье!

Х

Х

Х

Не забыть пухлый чистый снег детства, мягко устилающий крыши дворовых сараев... Залезешь на такую крышу, утопая по колено в наметённой за ночь снеговой шапке, и ровно станет легче дышать: воздух тонкий, звонкий, и слова в нём разносятся так же звонко и весело.

Прежде, чем сигануть в сугроб, осторожно подберёшься поближе к краю, откуда свисают белыми застывшими языками снежные надувы, и если не рассчитаешь и оступишься, то тотчас ухнешь вместе с грудой пушистого снега вниз, в облаке искрящихся на солнце снежных хлопьев...

А нужно остановиться у самой кромки, подчистить валенком площадку для прыжка, и, собравшись с духом, лететь с замершим сердцем в необъятный сугроб, представляя его таким же необъятным морем, где не страшно и утонуть. И пока летишь в морозном воздухе какие-то чудесные и головокружительные мгновенья, то и подумать ни о чём не успеешь.

Только бы бухнуться в снежное воздушное море, не боясь, что невидимые морозные иголочки вопьются в лоб и щёки, на глазах тотчас выступят стеклянные слёзы, и всё твоё существо, ещё переживая отчаянный полёт, будто вращёт в снег...

Как это восхитительно - лететь с крыши в жгучий сугроб, ничего не страшась, и чувствовать себя самым счастливым человеком!

X

X

X

В детстве, общаясь с растениями и птицами, насекомыми и домашними животными, мне всё казалось, что все они, преподнося себя человеку такими, какие они есть, в тоже время не выказывают о себе всей правды, которую сами знают, но почему-то скрывают. Есть в них что-то такое, в чём они не желают до конца себя раскрывать, и нужно очень постараться, чтобы тайну эту разузнать.

Я даже поклялся себе, что непременно разгадаю её: ведь далеко не сразу зацепится мысль человека за всякое живое существо, что кому-либо да служит. И вот, до сих пор разузнаю, не потеряв интереса разглядывать и разбирать скрытую ото всех суть, так как точно знаю: в том, что нас окружает - заложено нечто особенное, и оно прекрасно.

X

X

X

В детстве мы полны надежд, потому что наша сущность не может не расширяться, как это происходит с Вселенной. Но Вселенная при этом ещё постоянно изменяется, становясь более совершенной, чего никак не может усвоить взрослый человек, когда он достиг определённого достатка и не понимает - как ему реализовать желание развиваться дальше.

Он, вроде бы, всё перепробовал, и ему, пожалуй, стоит обратить своё внимание на детей, у которых каждый день случается счастье, непременно происходит что-то новое только потому, что они жаждут изменений. Их желания при этом чисты, и дети постоянно сменяют свой интерес к чему-либо иному, более загадочному, отчего энергия их не иссякает и не загрязняется, как у взрослых.

Выберите что-нибудь достойное - и двигайтесь к нему, как это происходит у детей, и вам не наскучит жить, когда у вас всё уже, казалось бы, есть, но удовлетворение от жизни пропало. Так наполняйте свою жизнь неким замечательным содержанием посредством собственного незабываемого опыта, подобно детям, и всякий день вашей жизни будет приносить вам счастье. Наполните своё существование желанием просто жить, свободным от иных желаний, и всё обычное обернётся для вас чем-то необычным.

Вспомните, что где бы ни появился в вашей жизни ребёнок - всё вокруг него расцветает, это случается само собой, без желания чего-либо, а лишь с

потребностью пребывать в собственной невинности и чистоте, и если вы отстранитесь от устремления чем-либо непременно обладать, то почувствуете в себе потребность просто быть. Да пребудет в вас, как и в ребёнке, божественное начало, и тогда вы ощутите бесконечность существования, и возродитесь к чистой жизни, с любовью!

X

X

X

В детстве, когда меня очень часто ставили в угол, по большей части - незаслуженно, я ещё не понимал, как это благотворно для моей души. И лишь позже, через много лет, осознал: люди всегда будут осуждать тебя за то, чего ты не совершал, даже в детстве, больно рана твоё восприятие, но ты должен научиться преодолевать эту боль и отвержение, никого не рана в ответ и становясь сильнее. Так, ещё с ранних лет, Существование готовит нас к нашей главной цели: к росту сознания и достижению в себе Бога.

X

X

X

Была ли у меня в детстве мечта? Пожалуй, что и нет. Жил я всем довольный, пребывая в радости каждый божий день, и каждый день, находя для себя какое-либо важное занятие, с добрым усердием, непременно весело, исполнял его. С ранних лет в моей душе как-то сразу усвоилось: в жизни надобно иметь дело, вызывающее неподдельный интерес, отдаваясь ему полностью. И такой интерес я легко изобретал, никогда не тяготясь незнанием - как бы его обнаружить и воплотить в жизнь, ведь он рождался во мне всякий раз легко и непринуждённо, так что даже не приходилось прикладывать каких-либо особых усилий.

С самого утра, обычно, день уже предполагал неминуемое счастье, им только с радостью нужно было воспользоваться, и я с удовольствием принимал эту увлекательную игру, и жизнь представлялась мне не иначе как чудесным воплощением чьей-то высшей воли. Такое восприятие действительности усваивалось мною совершенно естественно, будто я изначально был уверен в непогрешимости существования, дарованного мне этой неизведанной силой. Сила эта повергала меня в дивный восторг, пронизывая душу до самых глубин, и вот её как раз хотелось понять больше всего, и я с радостью посвятил этому постижению всю оставшуюся жизнь.

X

X

X

Спросят, бывало, у человека: что самое лучшее случилось в вашей жизни? И он, особо не задумываясь, тотчас отвечает - детство, как будто не было у него жизни иной, взрослой, полной ярких встреч и событий, незабываемых приключений. Но, тем не менее, человек признаётся в том, что

именно детство явилось самой удивительной порой, не упомянуть о которой с восторгом просто невозможно.

И ведь вспоминают детство ласково, даже с некоей приятной сердцу печалью, так что понимаешь: да, пожалуй, это было самое лучшее время в жизни человека. У многих людей, кажется, только это и было хорошо. Отчего так выходит?

Выходит так оттого, что прелесть детства выражает собой чудесные возможности, дарованные человеку Богом. Они - напоминание ему о том, как важно их использовать на благо Божественного Существования, чтобы в конце жизненного пути человек был доволен самим собой, до краёв наполненный ветрами пройденных им дорог. А на вопрос о том, что самого дорогого случилось в его жизни, он бы, не задумываясь, ответил: каждая минута этого божественного бытия, проживаемого с радостью!

Х

Х

Х

Только в детстве заметишь в небе ослепительно лазоревое облачко, что летит навстречу твоей судьбе неслучайно, и на душе становится ещё более взволнованно, весело, как будто двинулись внешние воды. Хорошо бы поплыть по ним далеко-далеко, мимо лесных берегов, оврагов и деревень, и плыть так долго-долго, пока не пристанешь к самому чудесному и таинственному в своём существовании - к самому себе, где только ты определяешь - как тебе жить и кем быть.

Х

Х

Х

Вы встречали когда-нибудь малыша, обладающего мудростью, не свойственной его возрасту? Малыша, который чувствовал бы настроение окружающих его людей и мог с улыбкой ответить на любой вопрос, проникаясь самой обыкновенной жизненной мелочью, принимая её как часть себя?

Глаза такого малыша буквально завораживают вас своей теплотой и обаянием, ему, кажется, уже ни чему не стоит учиться в этой жизни, до такой степени он глубок, чтобы понимать её красоту. Этот малыш с большим желанием готов применить в жизни своё знание, накопленное, по-видимому, за множество существований, и передать его другим людям. Вы были знакомы в своей жизни с подобным ребёнком?!

Если «да», то вы заслужили это, такая встреча не может оказаться случайной, и вы должны быть очень внимательны к окружающему миру и себе, ведь Существование подсказывает вам, как важно для вас любое воплощение, в нём нельзя пропустить ни единой мелочи ради того, чтобы обрести в себе красоту и стать мудрецом. Как этот чудесный ребёнок, что

пришёл к вам из таинственных глубин Вселенной только за тем, чтобы показать вашу собственную красоту, силу и неустрашимость.

X

X

X

В играх детей неминуемо сталкиваются проявления их уже существующих характеров, когда, не поделив что-либо, один - щипается, другой одаривает соперника шлепком ладошки, третий же - царапается. Встречаются и такие, что принимаются кусаться, и всякий норовит показать себя, вернее, не может не быть другим, а кто-то тихонько сидит в сторонке, даже не помышляя демонстрировать, таким образом, свои умения: он, если уж на то пошло, может ловко шевелить ушами!

X

X

X

Свой вклад в космическое сознание можно вносить ещё в детстве, более сосредоточенно относясь к уже определившимся в душе навыкам, произошедшим в предыдущих воплощениях. Создаётся впечатление, что поведение такого ребёнка уже осознанно, он в игре способен расширять свои возможности, полностью погружаясь в понравившееся ему занятие, а цель в нём - всепоглощающее постижение.

Вы наверняка когда-либо отмечали для себя такого малыша, в каком восторге он пребывает от того, что способен делать, как светится его лицо и глаза? Всегда хочется, не отрываясь, наблюдать за ним, радуясь и собственному устремлению постоянно открывать и развиваться. Это тот случай, когда учителя могут учиться у учеников, совершенно искренне желая этого, и как было бы прекрасно, если бы жизнь для каждого человека оказывалась успешной с самого начала.

X

X

X

Только весной, в детстве, лужи по дорогам представляются бездонными, и хочется лететь с небесной вышины прямо в их глубину, наполняясь до краёв солнечным, синевато-прохладным светом.

X

X

X

Взрослый человек очень внимателен в отношении обрушивающихся на него несчастий, он будто бы даже смакует порой случающиеся с ним жизненные передряги, и совершенно бездумно относится к ниспосланному на него с самого рождения божественному благословению.

Но разве отмечаем мы подобное у малышей, восторженно принимающих дарованное им жизнью благо?! Они с радостью питаются

исходящим свыше источником силы, и верят, что непременно осуществят всё задуманное.

X

X

X

Безудержно отдаваясь на волю своих первых в жизни впечатлений, воспринимая мир с присущей только ребёнку непосредственностью, увлечённо, человек потому и не запечатлевает в сознании всё пережитое надолго, вспоминая в зрелые годы лишь отдельные эпизоды, кажется, случайно выхваченные из чудесных младенческих лет.

X

X

X

Детство... Оно сравнимо с посещением, впервые, театра, с загадочным настраиванием музыкантами инструментов в оркестровой яме, восхищением от торжественной обстановки театрального зала с потухающей люстрой, шелестом программ, первыми звуками завораживающей музыки, сменяемыми восторгом от раскрывающегося занавеса... В этой музыке, представляющейся волшебной, всегда присутствовала неминуемая победа добра, утверждение счастливой и радостной воли!

Сердце сжималось от пребывания в этой сказочной атмосфере, наполнилось предстоящими необыкновенными событиями, самыми восторженными откровениями, и жизнь воспринималась не иначе, как чудо. Счастье для меня было неотделимо от детства, а детство - от удивительной значимости этой незабываемой чудесной поры.

X

X

X

В детстве, конечно, не овладеть искусством жизни, подразумевающим обретение счастья, и, тем не менее, ты им переполнен.

X

X

X

Зная детское сердце, больше сказки любящее и понимающее прекрасную быль, непременно вспомнишь, как и сам увлечённо создавал из того, что было своё, не похожее ни на какое другое счастье. В чём оно заключалось?!

Конечно, в правде жизни, а правда состояла в том, что душа бессмертна, она способна бесстрашно устремляться в прекрасную бесконечность, познавая мир и себя, как это возможно только в детстве, когда счастлив просто от того, что живёшь в радость.

X

X

X

Просто понаблюдайте, как внимательно относится к жизни ребёнок, как он строг, в оценках, прежде всего к себе самому. В этом устремлении проявляется здравость мысли, и, соответственно, поведения. Но откуда бы, казалось, взяться этому здоровому поведению у пятилетнего малыша?

Самообман совершенно отсутствует в его действиях. Наоборот, он со всей тщательностью своего крохотного опыта старается быть честным, чистота восприятия мира оказывается в нём самой здоровой основой, и он искренне намеревается разобраться в том, что его окружает.

Даже если ребёнок играет, он играет и весело и серьёзно, будто понимая, что игру в себе необходимо поддерживать, и, благодаря этому, расти. В такой игре в нём рождается вдохновение, желание самому образовывать себя, становясь мудрее. Так-то!

Х

Х

Х

По-видимому, Божественному Существованию присуща не только неопиcуемая по своим возможностям Сила, но и ... Нежность, какую мать проявляет по отношению к своему ребёнку.

Х

Х

Х

Хорошо, ласково шумит за окном апрельская капель, и вспоминается вдруг, как ты, маленький, с восторгом берёшься с самого утра жить бесконечно счастливо, запуская в струящийся ручеёк бумажный кораблик, с непреклонной верой - он доплывёт до своего счастья, до той страны, где очень хочется побывать, и ты знаешь, что обязательно там будешь.

Х

Х

Х

Ребёнок с самых ранних лет уже понимает, что в нём есть что-то большее, с чем можно чудесно взаимодействовать, и это знание даётся ему легко. Очень легко и радостно оказывается выходить за пределы себя, ощущая вокруг удивительно тёплый свет и любовь, что он не переживал даже в утробе матери, и ребёнок очень часто именно по этой причине улыбается, завораживая своей улыбкой близких.

Он словно говорит: »Я чувствую себя таким полным и счастливым, что уверен - моё внутреннее чувство счастья меня никогда не подведёт, всё будет хорошо».

Х

Х

Х

Именно в детстве мы постигаем, что счастье можно черпать в чудесной простоте жизни, следуя зову своего безмятежного и искреннего сердца без оглядки.

Х

Х

Х

В маленьком ребёнке сразу чувствуется большой человек, когда он сострадателен и нежен, чувствителен к чужой боли, но сохраняет выдержку и спокойствие. Он, вроде бы, не нуждается ни в чьих советах, действуя в каждом случае по-своему, будто оттачивая собственное терпение, смирение и полновластное бескорыстие, что, кажется, только ещё более утончается у него в своём проявлении. И это - в пять, шесть или семь лет, когда полагается, вроде бы, лишь наслаждаться ничегонеделанием, отдаваясь на волю бесшабашного восприятия мира и себя в нём!

Но нет, этот ребёнок необычайно вынослив и смел, он желает всё узнать, быть и там и здесь, безукоризненно точно угадывая любое, хотя бы - малейшее отклонение от уже намеченного пути. Он презирует любые препятствия, веруя только собственному непоколебимому устремлению к правде и красоте, понимая: только там живёт то, ради чего стоит лишаться чего угодно, быть даже изгоем, не поддаваясь преступным умозаключениям сдаться или устать, не прекращая своего пути к божественному началу, ради него отдавая необъятную любовь своего маленького сердца.

Х

Х

Х

В детстве всё, что втекало в душу, не обременяло её, и ты не задумывался - почему так происходит, а только радовался, узнавая больше и больше об окружающем мире. И даже сейчас, когда многое уже узнал, тоже радуешься, и не спрашиваешь - для чего это тебе дано, и всё благодаря не обременяющему душу детству, которое ты не предал, продолжая, к своему удовольствию, оставаться в душе ребёнком.

Х

Х

Х

То, что мы извлекаем из нашего детства и хорошо запоминаем - трудное ли оно было или радостное, мы приобретаем на вечные времена. Скорее даже, это - подтверждение уже усвоенных нами ранее уроков, теперь закономерно отображающихся в начинающейся новой жизни. Ребёнок, со всем его восприятием мира, есть результат собственного, непосредственно пережитого им самим опыта, укладываемого во множество предыдущих жизней, что не может не проявить себя с самых ранних лет.

Х

Х

Х

Ребёнок в игре выражает самого себя, своё внутреннее существо, она для него сокровенна. Но в этой игре он полон доверия и к окружающим его детям, благодаря своей искренности ребёнок получает возможность узнать и

о их личной судьбе, расширяя свои познания о мире. Игра воспитывает ребёнка и повышает энергию его души, когда он в процессе её обменивается с другими малышами информацией, в последующем обретая неискоренимую потребность отдавать, с удовольствием со всеми делиться.

X

X

X

У многих из нас уходит почти вся жизнь на то, чтобы найти в себе нужный внутренний настрой, а в ребёнке он уже есть, важно его лишь сохранить до самого конца жизни, проживая каждый миг сознательно.

X

X

X

Казалось бы, что сложного в том, чтобы позволить своей душе делать то, что ей представляется единственно правильным? Ведь это так естественно - постоянно ощущать своё растущее осознание духа, да и все первые годы нашей жизни подсказывают, как это верно.

Но нет, нам непременно нужно сначала потерять себя, позабыв своё детское чистое восприятие жизни, и уж потом, с невероятным трудом, обрести его. Уважайте в себе, с самого детства, ваш захватывающий духовный путь и жажду к жизни!

X

X

X

Ребёнок, общаясь с тем, что его окружает, постепенно вспоминает собственный внутренний мир, он как бы нащупывает его, узнаёт, и это хорошо видно по малышам, сосредоточенным на своей игре. Ребёнок и здесь, и где-то ещё, хотя ему всего лишь два или три годика, и пока он не удовлетворит своего глубинного интереса к жизни, он не успокоится. И так, познавая её и открывая, нащупывая какую-то скрытую от него истину, малыш учится проявлять себя, между тем - утверждая, и до чего радостно ему всё это проделывать!

В игре он возвращается к своим прежним жизненным шагам для того, чтобы идти дальше, развиваясь и внимательно принимая все происходящие с ним изменения: ведь из неуклюжего медвежонка он должен превратиться в прекрасное создание, что отражает жизнеутверждающую задумку Божественного Существования - способность и желание созидать. Ребёнок учится доверять себе, чтобы отправиться в дальнюю дорогу, с пониманием собственной цели в жизни, преодолевая любые препятствия.

X

X

X

Самая чудесная в жизни игра - это, несомненно, детство! Ведь игра, тем более - совместная, приносит чувство единства, то, чего всегда не

доставало человечеству, а в ребёнке это переживание единства со всем, что его окружает, уже присутствует, ему это единство лишь надлежит сохранить, и, играя, ребёнок поддерживает в себе состояние великой радости от сопричастности этому удивительному миру. Так бы и взрослому человеку, пройдя тысячи дорог и препятствий, не потерять при этом переживание в себе духовного блаженства, как в детстве, только погружаясь в собственное внутреннее существо.

Весь мир, что окружает ребёнка - дуновения ветерка, пение птиц, шёпот колокольчиков и их аромат выражает природу души маленького человека, ему стоит лишь обратить на него внимание, тотчас вовлекаясь в круговорот головокружительных открытий, гармонично переживая и с птицами, и с солнцем, и с цветами любовь и радость. Наши совместные с природой энергии вращаются в божественном единении, в едином ритме, и это есть проявление глубины взаимоотношений всех живых существ, порождённых Богом.

Каждый из нас приходит в этот мир почувствовать в своём появлении здесь и сейчас подтверждение этой божественной связи, призванной к созиданию и достижению мудрости. А начинается эта чудесная, самая захватывающая игра именно в детстве.

X

X

X

Ребёнок оттого и задаёт так много вопросов, потому как изначально уже несёт в себе ответы на них, они его будоражат, стремясь вырваться наружу, но поскольку он пока не в силах разрешить их, а ему этого очень хочется, он ими переполнен, ребёнок и обращается за помощью к взрослым. Задумайтесь, взрослые, как вы ответственны перед собой и вашими детьми за то, чтобы пройти свой жизненный путь достойно: ведь ответ на тайну своей жизни лежит в каждом из нас!

X

X

X

Потребность ребёнка уединиться, играя, в свой внутренний мир, есть чистое желание прикоснуться к Источнику, из которого он совсем недавно вышел.

X

X

X

Спокойствие и умиротворённость в восприятии жизни ребёнком - есть залог сохранения в себе человеком хладнокровия посреди моря ожидающих его в жизни невзгод. Детство - божественное напоминание каждому человеку о том, как он, в своей основе, силён, а жизнь - это пространство, созданное Существованием для духовного развития.

X

X

X

Созидание - есть основной строительный материал для наших душ, и это устремление проявляется в чистом виде именно в малышах. Если мы не теряем, а развиваем эту склонность к творчеству в течение всей жизни, она переносит нас на новый духовный уровень.

X

X

X

Замечательно то, что ребёнок никогда не сосредоточен на своей маленькой жизни, а всегда только на той, что его окружает, и через эту большую, необъятную жизнь он постепенно начинает постигать и свою, внутреннюю, оказывается, наиболее ценную для него.

X

X

X

За всё в жизни нужно платить, иначе оно ничего не стоит. Может быть и хорошо, что веру в эту непреложную истину тебе не привили с самого детства.

X

X

X

Взрослые не в силах найти равновесие между собой и Бытием, они позабыли о том, как это делается в детстве, и человеческий мир запутал их до такой степени, что они перестали проявлять внимание к своей истинной природе. Человеческое измерение заполонило их сознание ненужными мыслями и действиями, так что они совершенно утратили связь с божественным началом, но для роста души одного человеческого отношения к миру недостаточно. Есть ещё и Всевышнее Существование, и ваше сознание с Ним неразделимо, а ваш ребёнок - это напоминание о равенстве всех перед Богом, о том, что для всех необходимо присутствие любви безусловной, когда вы равны со всем живым и на земле, и во Вселенной. Но ребёнок это чувствует, а вы подобное ощущение утратили.

Так узнаете ли вы себя в своём ребёнке, любите ли вы его по-настоящему? А главное - понимаете ли вы себя, чтобы ребёнок мог узнавать себя и в вас? Это понимание жизненно важно, без него полноценной жизни не состояться, и только от ваших душевных усилий зависит - признает ли вас Божественное Существование, станете ли вы со всем едины?!

X

X

X

Проживите свою жизнь во всей полноте, как мечтали об этом в детстве! Принимайте то, что происходит, и с радостью позволяйте этому случаться. Воспринимайте жизнь такой, какой она есть, и отпускайте вместе с

неприятностями, не копя их в себе. Не контролируйте жизнь и не манипулируйте людьми, а просто наблюдайте за тем, что происходит. Будьте с теми, с кем хотите быть, и делайте то, чего по-настоящему хочется.

Поймите, что вы в полной мере обладаете свободой, и вольны располагать ей по собственному разумению. Возрадуйтесь этой свободе в самом себе, примите её как возможность быть здоровым и счастливым, и станьте тем, кем и должны быть, раскройте себя до конца в этом непревзойдённом мире возможностей. Детство, как никакая другая пора в жизни, призывает вас к этому!

X

X

X

В жизни очень важно войти в собственный внутренний мир, оказавшись полностью в настоящем моменте, и где, как ни в детстве легче всего заглянуть внутрь себя? Так не теряйте время, станьте самим собой!

X

X

X

Душа наша имеет музыкальное звучание, ребёнок это сразу в себе различает, и важно сложить из собственной жизни по-настоящему гармоничное произведение, целую симфонию, что зазвучала бы во всю свою мощь по всей Вселенной!

X

X

X

Оттого, как счастлив ребёнок, совершающий первые шаги в жизни, в отличие от взрослого человека, к завершению её чаще всего переживающего печаль и усталость, можно судить о возможностях того духовного мира, из которого ребёнок приходит на землю, то есть - появляется на свет. Как этот духовный мир богат своими необозримыми перспективами, как он удивительно бесконечен в захватывающем душу развитии!

Если, конечно, ты обогащаешься внутренне, становясь необыкновенно сильным и прекрасным, и, пребывая в чистоте и невинности собственного духа, присущего тебе с детства, с радостью управляешь своей свободной волей.

X

X

X

Наша беда - вина, которой, на деле, нет, и не было... Мы лишь хотим казаться себе лучше, чем есть на самом деле, кокетничаем с самими собой, с собственным эго, и никак не желаем понять, что иначе поступить в какой-то ситуации не могли, и поступили так только потому, что просто не имели возможности повести себя по-другому.

Мы были готовы пережить именно эти события, на том энергетическом уровне своей души, на каком находились, и нам бы не вешать себе на шею несуществующую гирю, а с радостью осознать: вина вине рознь. Если уж на то пошло, то человеку не винить себя следует за якобы допущенный грех, из которого шубы не сшить, а пожалеть свою глубоко скрытую внутреннюю сущность.

Ведь она - божественна, и потому её надобно полюбить, да чтобы уж без виновных признаний, ибо пустая вина - не прощённая. Её и нет, а она, вроде бы, как и есть, обязывает обратить внимание к себе своей непонятно почему затягивающей уплатою. Но кому она нужна?

Сбрось с себя несуществующее, человек, воззрись в самую свою глубь, и ты увидишь там чистые небеса, как в детстве, где никогда не было, нет, и не будет виноватых.

X

X

X

Нет более одинокого человека, чем боксёр на ринге во время боя, никто ему не поможет, кроме него самого, и именно за это мне нравится бокс, сама жизнь, когда ты предоставлен только самому себе, проявляя силу и величие собственного духа. Это неверно, когда взрослые говорят нам в детстве, что один - в поле не воин: как раз один ты и стоишь очень многого, если, конечно, не опускаешь руки, причём, с самых ранних лет.

На деле, только тот господин, утверждают мудрецы, кто всё может один, и тогда терпеть - не беда, было бы чего ждать, а проявляя выдержку и волю - выходят в настоящие люди. За терпение даёт Бог спасение!

X

X

X

Во всей последующей жизни, как и в детстве, я не утрачивал в себе потребность жить интересно, имея полное право быть счастливым, и был им. Должно быть, вы не раз задумывались над тем - как обрести счастье? И к какому выводу вы пришли?

Позвольте добрый совет: если в ваше сердце проникнет желание, как в детстве, творить - создайте что-нибудь настоящее, не поленитесь, и вы почувствуете себя на вершине блаженства!

X

X

X

Вспомнишь ли из детства свой первый бой? И то, устоял ли ты в нём, или был повергнут, пока не выдержав испытания, потому что огонь веры ещё не успел разгореться в твоём сердце?

Скорее всего, был потерян для себя самого, проникнут стыдом перед собственной слабостью, но всё-таки просил Господа послать тебе силы ничего не бояться, по крупице обретая в душе будущую нестигаемую отвагу!

X

X

X

Трагедия человека в том, что он всё чувствует, имея в себе огонёк божественного сознания, но постигать ничего не желает, а потому пути своего не знает. А ведь в детстве желал, верил непоколебимо в безоблачное счастье по всей земле, в том числе - и в своё собственное, и тем был прекрасен, чувствуя, что Вселенная - живая.

Ребёнок не перестаёт тонко ощущать жизнь, частью которой является, и стремится заполнить её не вещами, как взрослые, а неизгладимыми впечатлениями. Детство ежесекундно подсказывает нам: учитесь брать в дорогу лучшее из того, что у вас есть, и будьте счастливы.

X

X

X

Из детства я чаще всего вспоминаю только солнце. Вероятно, виною тому - огромная жажда жизни, что заложена с рождения в каждом из нас, и яркое солнце воспринимается самым главным, затмевающим своим светом малейшую серость.

Оттого, наверное, хочется светить и тебе, ничего кроме радостного солнечного существа не видеть, и всё пить его сияние, пить, нисколько не уставая. С любовью всматриваешься в дорогое, очень близкое твоей душе солнце, и именно поэтому толпятся в голове только солнечные мысли. Что же может быть его лучше?!

X

X

X

Из детства в памяти всегда поначалу всплывает красное лето, затем - дружная весна, и во всю свою сказочную силу захватывает дух зимушка-зима, но вовсе не могу вспомнить осень, будто этого времени года и не бывало. Куда же оно делось?

Когда приходил час уступить раздольной летней поре, всё моё существо, наверное, просто не готово было принять осень, даже если она выдавалась тёплая и золотая, без надоедливых дождей. И я сразу начинал представлять себе новогоднюю ёлку с крутящимися на ней мандаринами, краснощёкого Деда Мороза с его выюгами и метелями, да весёлый скрип салазок под окнами. Всё это необыкновенно будоражило мою молодую душу задорными мечтами, которым хотелось отдаться целиком, радостно щурясь от ярко сияющего солнца, что каждый день притягивает к себе таким же здоровым весельем, с непременным желанием лететь туда, в выстуженное морозом небо, позабыв о благостном летнем довольстве и умиротворённой осенней поре.

X

X

X

Разве передать матовый блеск битых кусочков сосуллек, сорвавшихся по весне с крыши, что сияли, на солнце, всеми переливами радуги, рассыпаясь по ледяной дорожке? Их вид, как ничто, радовал сердце в детстве, сосульки представлялись тебе волшебными камнями, и всеми ими ты мысленно владел, никому об этом не рассказывая. Даже - бабушке.

Х

Х

Х

Всё мне в детстве невероятно нравилось, и было так живо, что я мечтал каждую вечернюю и ночную минутку только о том, чтобы поскорее наступило утро, и можно было бы опять играть с жуками, бутылочными стёклышками и разноцветными льдинками, надеясь на то, что день этот никогда не кончится.

Х

Х

Х

Я люблю малышей, люблю наблюдать за их светлыми лицами и глазами, когда они увлечённо заняты своей игрой, кажется, ничего не замечая вокруг. И вот тогда, неожиданно для себя, вдруг открываю, что и неведомое пока для них Божественное Существование тоже внимательно приглядывается к этим чудным маленьким людям, ласково окружая их своей невидимой заботой. Разве вы этого не замечали?!

Существованием позволено нам всё, что заблагорассудится, с самого детства, но при этом сознание когда-нибудь должно достигнуть достаточно высокого уровня, и только поэтому, постоянно развивая его, мы здесь и находимся: повышать степень своего сознания, обретая при этом опыт Космоса, всей Вселенной, Самого Бога, создавшего Вселенную. Свобода волеизъявления очень важна, без неё невозможно развитие, и эта свобода заложена в нас изначально, с детства.

Сначала - только как потенциал, который, затем, непременно должен быть разбужен, востребован каждым человеком для его же пользы, чтобы жизнь стала ещё более прекрасной, и в ней открылось всё самое потаённое, созданное когда-то именно во имя человека, всей Божественной Вселенной.

Х

Х

Х

В детстве, иногда такое случается, хочется наполнить не совсем весёлую и не всегда интересную жизнь своим богатым воображением, и сердце при этом заходится от счастья, непременно подсказывая какое-нибудь замечательное решение, отчего жизнь опять становится интересной и захватывающей, и ты уже не веришь в то, что она может быть иной.

Х

Х

Х

Таинственный волшебный мир, что таится в ребёнке, непременно должен стать его прекрасной явью. Взрослые обязаны помочь в этом маленькому человеку, помните об этом, родители. Это - ваш долг, не допустите, чтобы ребенок почувствовал себя однажды в этом мире одиноким и никому не нужным.

Существование внимательно наблюдает за вами, за тем, чтобы радостные надежды вашего малыша, благодаря вашим усилиям, обязательно сбылись, отчего и вы, как в детстве, с младенческой ясностью переживёте восторженное слияние с бесконечной Вселенной, и ваше сердце будет биться в такт её божественного ритма. Молитесь на своего ребёнка, и верьте в него!

Х

Х

Х

Неслышно, как лебеди, плывут по небу моего детства большие перистые облака, а я смотрю на них, сидя в бабушкином саду, на лавочке, и, обхватив колени, ни о чём не думаю. Просто смотрю, и душа моя просится лететь вместе с ними, в дальние дали, неизвестно зачем, с каким-то сладостным томлением предвкушая прекрасную встречу с чем-то неизведанным, но таким манящим, что я ничего не могу с собой поделаться, совершенно отдавшись своим мечтам, тоже, как белые лебеди, уплывающие в далёкую неизвестность.

Что-то ожидает меня там? Хорошо бы - огромные неизведанные силы: они непременно ждут меня, я знаю, чтобы, верно, наполнить настоящей красивой жизнью!

Х

Х

Х

Вам, конечно, приходилось наблюдать, как беспечно улыбается в своей кроватке младенец, ему от роду шесть-семь месяцев, он ещё ничего не ведает о жизни, об её непростом устройстве, но, тем не менее, счастливо улыбается. Благодаря чему в себе он это делает? Почему так счастливо и радостно расположен ко всему, что его окружает? Что вынуждает ничего не ведающего о существовании маленького человека воспринимать этот мир в гармонии с ним, благостно?!

Всё прекрасно и волшебно на свете для него потому, что в ребёнке тлеет божественный огонёк, связывающий его с бесконечной Вселенной. Ему в ней всё удивительным образом нравится, и так он должен относиться к божественному Существованию до конца своих дней, до самого последнего мига, воспринимая окружающую его действительность как в детстве, с улыбкой, несмотря ни на какие перипетии жизни, чего бы в ней у него не случилось. В этом - его наиважнейший долг и смысл, незаменимое ничем

божественное присутствие, когда ты сохраняешь своё чистое детство не тронутым, незамутнённым, именно - божественным.

Вы спросите: как этого достигнуть? Как научиться ожидать от жизни только милых неожиданностей и сюрпризов? А вы просто попробуйте быть счастливым, вернее, станьте им, только и всего! И тогда, вот что удивительно, уверяю вас: жизнь по какому-то чудесному мановению волшебной палочки непременно в изобилии рассыплет перед вами все блага и радости.

А то ещё лучше - влюбитесь... Да, именно полюбите какого-либо хорошего человека, посвятив ему все наилучшие устремления своей души. Почувствовав привязанность к избранному вами человеку, вы вскоре обязательно переживёте и благодарность к нему за возникшие в вас ощущения, в корне изменившие ваше восприятие жизни: оно, несомненно, претерпит самые неожиданные перемены.

Каждое утро вы будете встречать с радостью, это станет вашей привычной чертой, а все прохожие на улице начнут казаться вам чудесными людьми, - как вы этого не замечали раньше? Признайтесь, вы ведь даже не представляли, что подобное возможно?! То есть - постоянное переживание неопишуемого счастья, когда решительно всё в вашей жизни обстоит на удивление хорошо.

Чувство влюблённости принесёт вам непередаваемое ощущение смысла, так что вы позабудете о том, что совсем недавно доставляло какую-либо неудовлетворённость. Словом, вы превратитесь в иного, несомненно, счастливого человека. Как же вы могли ранее обходиться без любви, без заботы о любимом человеке, и разве не счастливчик вы, что именно так обернулась ваша жизнь? И всё благодаря любви, любви к другому человеку, о существовании которого, совсем недавно, вы даже не подозревали.

Что и говорить: любовь - великое чувство, вы на него решились, и вот, теперь, счастливы, и радость переполняет каждый ваш день. И вас, конечно, нет-нет да посещает недоумение: отчего вы не влюблялись раньше, не понесли в сердце ответственность за любимого, отдавая ему себя полностью, как в детстве, с неизменным чувством преданности и любви?!

Х

Х

Х

В детстве я мечтал прочесть все книги, какие имеются на свете, а когда прочёл очень многое, правда, будучи взрослым человеком, то стало немножко грустно, что всё это интересное чтение закончилось, и больше уже никогда не повторится. Но я не унываю, как в детстве, потому что не все книги прочитал, и на мой век ещё, слава богу, хватит!

Х

Х

Х

Необыкновенно тепло становится на душе, когда думаю о милой бабушке, и тогда милыми становятся все времена года, наша улица, где мы с ней гуляли, утро и вечер, каждый божий день, и даже неизъяснимо далёкие и загадочные светила в ночном небе, что я верю, когда-нибудь достигну...

Х

Х

Х

Далеко не всякий человек знает, что в нём горит святой божественный огонёк, и хорошо почувствовать его с самого детства, бережно неся в себе всю жизнь, и разжигая большой, настоящий огонь.

Х

Х

Х

Люди, читая мои книги, получают радость, а я не могу ей с ними не делиться. И я не согласен с тем, что книги ничему не учат.

Благодаря настоящим книгам, что хочется перечитывать, люди обретают уверенность в себе, такие книги пробуждают в них решимость жить по-настоящему, становясь самими собой, постоянно повышая своё сознание, - единственное, что действительно связывает нас с Богом, и как хорошо, когда начинаешь эту работу над собой с раннего детства!

Х

Х

Х

Я - смелый человек, до отчаяния смелый, и понял я это ещё в детстве, когда маленьким мальчишкой бросился с обрыва в реку, следуя за старшими ребятами. Бросился - и пошёл ко дну, даже не помышляя при этом, что они могли бы издеваться потом надо мной из-за проявленного неумения, и уж тем более о том, что могу утонуть, а скорее переживая в душе желание, ничего не страшась, познавать открывающийся повсюду мир, к которому испытывал неописуемую любовь и радость.

Но погружение в жизнь, как я понял позже, ещё круче, чем погружение на глубину, потому что Вселенная бездонна в своём бесконечном, никогда не повторяющемся развитии. Я совершал и совершаю это погружение всегда, каждый день, твёрдо зная: не прекращающееся обновление, дарованное Существованием, ведёт всех нас к неизвестной, но благословенной возможности постигать и себя, и прекрасный мир, и нашего невидимого, но глубоко чувствуемого Господа.

Х

Х

Х

Люди с самого детства имеют склонность к созиданию, наверное, только оттого, что неся в своём сердце божественный огонёк сознания, пытаются воспроизвести творческий процесс Бога, надеясь приблизиться к Господу максимально. Кому удаётся это осуществить - переживает

неизбывную радость, его даже называют великим и приносят ему почести, тогда как он стремился, хотя бы отчасти, всего лишь отобразить божественную красоту мира. Но как неискоренимо прекрасно это неуёмное желание...

Х

Х

Х

Люблю состояние свежести поутру, когда хочется работать. Эту свежесть не заменит никакое поднятие духа, совершаемое через усилие. Только лёгкость и доступность во взаимоотношении с Существованием, переполняющая тебя радость от слияния с Ним позволяют быть энергетически независимым, с открытым сердцем, не спеша, управляя собственной жизнью.

Вот как это было в детстве, когда ты не был обуян гордыней или жадностью, а чувствовал себя свободным от каких-либо земных уз. Ты был чист и счастлив в утро своего пребывания на этом божественном свете.

Х

Х

Х

Ребёнок ни на минуту не сомневается, он просто уверен, что жизнь влюблена в него, и разве возможно не поверить в это? Ему кажется, что он может делать всё, что захочет, и всюду его ждёт успех. Разве застанешь ребёнка за бездельем, или придёт ему в голову ничего не делать, когда некуда себя девать?

Разумеется, такое невозможно, потому как ему всегда есть забота: ребёнок добр до самых славных занятий, он не любит и не принимает нищету духа, когда кто-то не ищет для себя интересную забаву, не стремится заглянуть в притягивающие тайны. А сколько их вокруг? Как же тут не распорядиться жизнью с настроением, так, чтобы на душе всегда было очень весело?!

Нет, ребёнку до всего имеется нестигаемый интерес, хочется ему обустроить в этом и без того чудесном мире всё ещё более восторженно, по-своему, чтобы стало даже лучше! Любить он готов весь свет, не подозревая, что этот самый свет любит его не меньше, ласково примечая все малышковые забавы и неприметно оберегая. Ребёнок же только светит, излучая желанную до всего живого доброту, и улыбается: сладостно ему нахождение на этой сказочной земле, играет он во что-то своё, и ничего ему, кажется, больше не надо...

А чудная улыбка малыша так хороша, будто лучи солнышка играют в хрустальной чистоте ручья, весело переливаются, как и его небесные глаза, так что заглядишься невольно на светлое детское личико, и возрадуешься, словно пред тобой предстал образ Божий.

Х

Х

Х

Помните, как радостно и ярко светит в детстве летнее солнце, благодостный свет его приятно слепит глаза, и ты прикладываешь кулачок к глазам, будто это подзорная труба. От удовольствия щуришься, пытаешься рассмотреть все укромные уголки сада, лес за околицей и речку, и эта раскрывающаяся пред тобой воля заполняет твоё маленькое сердце, и оно становится ещё более живым и восприимчивым.

Всем на счастье посылает Господь и волю, и солнце, и зеленеющий сад, и поющих птиц с лесными дарами, - послал и мне!

Х

Х

Х

В детстве по-особенному воспринимаешь связь с родными: окажешься вдали от них - у бабушки в деревне или в пионерлагере, и будто и нет тебя, так сильна эта связь. И первое время всегда неутешно тоскуешь, словно и не живёшь вовсе, а так - неизвестно зачем существуешь, всё время, переживая: как там твои мать, отец и сестра, что с ними, и как ты теперь без них? Что, если сердце твоё с ними осталось, и ещё что-то необъяснимое, но очень важное, чего и не выразишь?

И вот, наверное, это самое важное и необъяснимое больше всего и беспокоит, вынуждая переживать неотступно, и пока разберёшь через всё детство и юность, что это - твоя неразрывная связь со всем Существованием, никогда нерушимое единение с Ним, то и тогда всё же не успокаиваешься, а всё мучаешься. Бывает, это переживание происходит с тобой долгие годы, пока не отойдёшь душой и не примешь такое простое обустройство Вселенной, где все мы душами слитны. И если, хотя бы на время, и теряем какую-то частичку этой связи, то непременно беспокоимся и переживаем в её отсутствие, как в детстве, не понимая, что она - с нами, неотделима от нашего восприятия жизни, и нужно непременно осознать эту неразрывность, потому как она – божественна.

И даже когда ближние уходят из твоей жизни, никого из них рядом с тобой не остаётся, необходимо и тогда помнить, как един этот мир, и все мы складываем в нём общую песню, начиная своё жизненное творчество ещё в детстве. Да пребудет радость, что целиком вбирает в себя собой любое временное забвение и неверие в свою божественную суть!

Х

Х

Х

Разве задумаешься в детстве - что такое душа? Но, тем не менее, люди в эту чудесную пору отличаются тобой, ребёнком, именно по характеру, а он, видимо, и есть отражение человеческого существа. Есть души неприметные, тихие, смекаешь ты, наподобие робкого утреннего ветерка, чуть тронувшего ещё не пробудившуюся листву; встречаются души невзрачные, плоские, как будто бы они и не существуют; а то представляются благообразные, до того

почтительные, что не сразу и разберёшь - кто за ней прячется; ну, и восторженные попадают, большие, как воздушный шар или облако, и всё норовят охватить собой весь мир и лететь куда-либо, чтобы не было скучно; но случаются и такие, что не уловишь умом, - уж больно мудрёные...

У моей бабушки душа была как звёздочка, что ласково сверкает в бархатном небе, трепетно дрожа, и будто бы тихонечко напевает задушевную мелодию, ласково переливаясь серебряным колокольчиком, незаметно возносясь ещё выше, в неведомую вселенскую глубину. Туда всегда хотелось вознестись и мне, насладившись там вместе с бабушкой одной, всеохватной для всех радостью.

X

X

X

Людей всегда привлекали храбрые сердца, но они никогда не решались стать ими. В этом - великое упущение человечества, погрязшего в неверии в собственные силы, в неприятии в себе Господа.

А ведь в детстве мы все грезили о подвигах, и мечтали быть настоящими... Так почему же вы не осуществили свои мечты?!

X

X

X

Главное, что должен уяснить каждый родитель: детское в его ребёнке никогда не должно умирать.

X

X

X

Ошибка многих людей в том, что они стремятся сделать отношения целью, а не средством развития любви, и неминуемо терпят разочарование, когда жаждут новых отношений, вновь переживая затем очередную потерю. И всё выпрашивают у Бога подарить им ещё одного человека, надеясь с ним-то, наконец, обрести любовь. Но любовь должна вынашиваться в собственном сердце, также как и терпение, и мужество, и милосердие.

Нет на земле ничего, что можно поставить превыше чувства любви, и это так очевидно проявляется в детстве, когда не любить, кажется, невозможно, и любовь эта необыкновенно чиста, она совершенно безусловна. Если вы будете преисполнены желанием любить, отдавая своё чувство Мирозданию безвозмездно, ответная любовь не заставит себя ждать.

X

X

X

Разве взрослый человек посмотрит на всё так, как ребёнок? Нет, он этого не сумеет. Сможет ли взрослый, умудрённый жизнью человек, быть в чудесной дружбе с самим собою? Тоже, как правило, нет. А ласково улыбаться, чтобы можно было любоваться этой чистой улыбкой? Вряд ли.

Всё в зрелом человеке давно переросло волшебную детскую наивность и чистоту, словом, пропало, так что уж и не найти.

Этого человека, кажется, ничто не забавляет, он стал неинтересен самому себе, а значит - и миру. Да и вообще, - способны ли вы вести себя порой как мальчишка? Что?! Даже не помышляли об этом? Печальная история, не находите?!

А вот я частенько обнаруживаю в себе потребность побыть беззаботным малышом, и с удовольствием это осуществляю. Меня, конечно, чаще всего не понимают, и что особенно досадно – близкие люди, но вскоре у меня опять появляется желание превратиться в неведомого мне самому мальчугана. Вы знаете, я испытываю незабываемые переживания, и словно преображаюсь.

И ещё я заметил, что мне хочется побыть малышом, когда какое-либо дело не ладится, или просто тебя перестало посещать везение, и, представляя себя мальчишкой, ты как будто попадаешь в детство, и все проблемы незаметно улечиваются. Тебе легко и радостно становится жить, ты не обременён эгоистическим восприятием действительности, присущего взрослым, и ощущение присутствия Бога в своём сердце, давно, оказывается, утерянное, вновь возвращается.

Чего же ты наделал, человек, со своим мировосприятием, что совершенно позабыл о нахождении в себе божественного? Ведь с ним так интересно и счастливо жить, а быть счастливым в этом мире означает с радостью отдавать всю любовь своего маленького сердца, как это незамысловато и просто делает ребёнок.

X

X

X

Существование ребёнка схоже с человеком, поглощённым своим трудом: свободного времени ни у того, ни у другого быть просто не может!

X

X

X

Когда поёшь хорошую песню, уже допеваешь её, не хочется расставаться с ней, с этой чудесной трогательной мелодией. Точно так же я не хочу расставаться со своим пронизанным добром и солнцем детством, в котором был вихрастым чистым малышом, бескрайне радостным и счастливым, посвящая каждый свой день только необыкновенной преданности жизни. Я глубоко верил, что проживу все свои дни достойно, как и поклялся себе однажды, ещё ничего не понимая, но, уже угадывая, что жизнь прекрасна и удивительна, и она никогда не прекратится.

X

X

X

Есть лишь одна абсолютная истина: этот мир имеет божественные качества, и ваше существование неотделимо от него. А значит - вы и есть эта истина, пусть - маленькая её доля, но всё равно истина, то есть - само Бытие, частью которого мы являемся.

Вы - жизнь, неотделимая от Бога, потому что Бог - во всём, и это есть любовь, а потому - люби и делай то, что ближе всего твоему сердцу, как это было в детстве.

X

X

X

Сплетник, то есть - болтун, это неудовлетворённый собой эгоист, желающий показать всем, что он знает больше, стремится в этом желании подчеркнуть своё превосходство над другими, поднимая тем самым самоощущение, собственную значимость, и это свидетельствует о неосознанности человека, о его нежелании быть настоящим, в итоге - самим собой. Разве таким он появился на свет, и об этом мечтал всё своё детство?!

X

X

X

Глаза ребёнка никогда не выражают каких-либо претензий, как это, чаще всего, выходит у взрослых, в них отражена великая необозримость бесчисленных вселенских миров.

X

X

X

«Незачем жить...» К такому печальному итогу приходят многие люди, когда к ним подступает старость, и чем веселее, привлекательнее и умнее проявляли они себя в жизни, тем более ущербно для них воспринимается утрата былых сил. И вот - «незачем жить»: какое, кажется, жуткое ощущение посещает разочаровавшегося в своей судьбе человека!

А ведь испытывал он когда-то приподнятые чувства, связанные с грандиозными планами и самыми смелыми надеждами, но минули все эти захватывающие душу устремления, и человек, вроде бы, не может вспомнить ничего доброго, всё как-то спуталось в его душе, стёрлось, как будто ничего и не было. Не в силах он даже воссоздать своего детства, где так чудесно жилось ему и мечталось, да только что-то случилось с ним, и он никак не может обрести память.

Это естественно, что нити, соединяющие тебя с детством, однажды рвутся. Ведь так бы и был ты, кажется, зацеплен за него, жил свободно от обязанностей перед самим собой и Богом. Но надобно расти, и потому выстраивай свою жизнь правильно, ни к чему не привязываясь, даже к детству, а люби только Господа Бога своего, и это единственное, что всегда верно.

Обустрой в своей жизни всё так, чтобы Всевышний приметил в необозримой Вселенной и твой крохотный огонёк сердца, и порадовался за него, произнося для тебя певучие, не сказанные никем слова. Тогда и ты обрадуешься душой, и станет тебе понятно, чем стоит и нужно жить до глубокой старости, уповая лишь на свои силы, но любя, в первую голову, Господа нашего, Отца Всемогущего, дарующего всем Божественную Любовь и Радость.

Х

Х

Х

Поутру солнце касается земли, будто по ней проводит ладонью Господь. Следя за этими сокровенными прикосновениями, невольно и тебе хочется прикоснуться взглядом к трепещущей на ветерке листве, даже не пытаясь дотянуться до неё рукой. Что может быть лучше, если ценишь в необозримо прекрасной жизни даже самое малое, и это присуще именно детству.

Оттого, наверное, полевые цветы склоняются перед детьми в поклоне, когда ступни играющих на полянке малышей, утопая в травах, кружат над ней, присаживаясь на нежные лепестки невесомыми бабочками, и это босоное детство, не смотря на свою хрупкую воздушность, твёрдо в этом непреклонном устремлении непременно лететь. Это восторженное намерение - во что бы ни стало вознестись, схоже с тем состоянием, когда ребёнок не помышляет - как и почему он дышит, но дыхание с восторгом переполняет всё его существо. Ребёнок никогда ни о чём не молит небо: ведь оно для него всегда необыкновенно доверчиво и открыто, и потому трогательность малышей не беззащитна, её хранит сам Господь.

Х

Х

Х

Только в детстве и заметишь, что у нашей вороны чёрная головушка словно маслом намазана, её серое брюшко - гладенькое, и сама она совсем не дерзкая, и не важная, а смешная.

Х

Х

Х

Порой записывать появившиеся в тебе слова становится скучно, и хочется, как в детстве, ни о чём не думать, а только радоваться.

Х

Х

Х

В детстве и небо, и солнце, и облака пахнут яблоками, их неизбывной свежестью, что первозданна, как земля и воздух, сама вечность.

Ребёнок трепетно несёт в себе это чуткое восприятие жизни, но всегда готов им делиться.

Такую несказанную силу имеет детство, пора нестигаемой веры в жизнь и почитание ещё неведомого, но сильно ощущаемого Бога.

И от Бога, и от ребёнка веет в детстве несравнимой ни с чем внутренней чистотой.

Хорошо, радостно быть чистым. Какое счастье!

Х

Х

Х

Бога я недолго искал, Господь сам сразу меня нашёл, как только я отправился в дальнюю дорогу. И вот уже, почитай, не один десяток лет по ней иду, а конца-края не видно, что и хорошо, ибо неподвижность - бессилие. Следует же, не уставая, движение духовное провозглашать: сегодняшний день дан - и это отрадно, а что будет завтра, от тебя зависит.

Не стой на месте, растворяй чудеса своей души миру, и в этом будет заключено твоё счастье, и ты ещё более поднимешь в людях веру в божественное начало, заключённое в наших сердцах. Это ли не единственно верный путь следования по жизни, когда не предаёшь её, а только превозносишь?! И главное - себя блюдёшь, о Боге не забывая.

Вот и самая быстрая птица на свете - молитва крылатая, устремлённая с благодарностью к нашему Господу, всегда Его небесного трона достигнет, в единый миг, не сомневайтесь, если в ней ничего не просить, а лишь благодарить Бога за подаренную возможность познавать себя и окружающий мир. И потому не тратьте времени зря, и, поклоняясь Богу, возноситесь вместе с молитвой к Божьему престолу, вас там с радушием встретят, непременно возрадовавшись.

Но ещё проще понимать Бога как необъятную божественную энергию, присутствующую повсюду, и обрести душой крепкую силу можно и там, где ты находишься, никуда не убегая: знай, неси в душе небесную любовь, не расстраивайся сердцем, и обязательно покой в нём обретёшь. Господь - это заложенная во всём божественная энергия, что тебя всегда выслушает, умиление на душу положит, и станет всё вокруг опять красиво, как в детстве, ты этого просто не замечал!

Х

Х

Х

Жалость к себе и боязнь одиночества, с которыми так любят носиться взрослые, привычны для них, но они абсолютно не присущи детям, сопереживающим всему живому. Оказываясь в одиночестве, дети не тяготеют им, а наслаждаются, чутко дотягиваясь в этом состоянии того понимания, что обладают чудесными глубинными возможностями стать самими собой, не нарушая своей многогранности, и это возможно, лишь оставаясь одному.

Взрослым необходимо понять, что быть одиноким в своём одиночестве, значит, принять в себе Бога, то есть - любовь, как не боится

принимать и переживать её ребёнок. Для него дороже жизни - именно радостная отдача себя миру, и он искренне являет всем своим отношением к существованию то, что невозможно жить на земле без любви, и стоит отдать за неё всего себя. В этом заключена суть истинной человечности, когда не думаешь о себе, и воспринимаешь мир только благостным, как это было в детстве, когда будучи чистым ребёнком, ты любил его совершенно бескорыстно, и был уверен, что и он, этот волшебный мир, точно также любит тебя.

Если ты един с миром, то это твоё восприятие реальности не останется для него незамеченным, ничто в нём не будет сопротивляться твоим желаниям, и он обратит всю свою красоту и мощь на благо тебе. Чутко откликаясь сердцем на ежесекундное пребывание рядом Божественного Существования, как это происходит у ребёнка, ты повышаешь его любовь к себе, сопротивляясь же душой происходящему - оказываешься в его власти, обрекая себя лишь на несчастья.

Когда находишься в согласии с настоящим, ты неотделим от жизни, что только ждёт верного к ней отношения, желая помогать тебе во всём, складываясь благоприятно. Не воображая себе заоблачные счастливые дали, а живя здесь и сейчас, с тем, что уже есть, ты пребываешь в согласии с этим волшебным миром, как в детстве, когда не держишь в уме - что ждёт тебя впереди, а живёшь настоящим мигом, который всегда чудесен и неповторим. Настоящее - всё, что у тебя есть, отнесись к нему с любовью, как ребёнок, с радостью отдавая всего себя миру.

Х

Х

Х

Ребёнок растёт незаметно, как деревце летом, когда роскошною порой сердце увлечено лишь всеобщим цветением и радостью появления чудесных плодов, зимой оно робко замирает, переживая во снах своё трепетное восприятие жизни, а потом, по весне, глядишь - и распахнуло свои объятия для всех!

Х

Х

Х

Дыхание неба... Во всём чувствуется его присутствие: и днём, и ночью, и зимой, и летом, и осенью, и весной, - всегда. И так было и так будет, для утверждения во всём, а главное - в человеке, божественного духа, духа истинной жизни. Нет ничего священнее этой высокой формы, и когда человек её достигнет, он коснётся неба - невидимого вместилища Божественного Сущего.

А пока он - дивный ребёнок, только вознамерившийся заглянуть в неведомую тайну. Он ещё очень мал, но всё-таки уже очарован этим неведомым вместилищем Существования, его нескончаемой, он уверен, и прекрасной глубиной. Крохотная душа ребёнка - это Душа Космоса, и он

чутко ощущает свою неразрывную взаимосвязь с Чудесным Небесным Миром.

Х

Х

Х

Для ребёнка нет вопроса, как бы отыскать в жизни то, что стоит в ней незыблемо, превыше всего. Он лишь восхищается всяким, встреченным им предметом жизни, оставаясь необыкновенно довольным проистекающим повсюду благом. Будто достал со дна неведомых морей своё заветное волшебное колечко, и ему сразу хочется подарить его своей маме.

Х

Х

Х

Не помню, чтобы в детстве весна накрывала с головой, как лето... Но вот однажды, поутру, сердце будто заново проснулось, перевернулось в груди, и застучало в такт барабанившей за окном капли, словно боялось куда-то не успеть, не ухватить своего счастья.

И захотелось выскочить на улицу, навстречу солнцу, в одной рубашонке, чтобы всей душой обнять это весёлое светило, как любимую бабушку, прижать его к груди, и уж не отпускать более до самого лета, когда спадёт это необыкновенное волнение, после чего не знаешь - куда деваться, и уж, кажется, не будешь никогда таким восторженным и счастливым... Ах, весна, должно быть я взрослою!

Х

Х

Х

Смирение - не покорность, а умение принимать неприятную для тебя ситуацию, никого не осуждая и не переставая проявлять любовь, в первую очередь, к Богу. Всё происходящее в жизни нужно принимать как данное Богом, каким бы неприятным, на первый взгляд, оно не выглядело, и тогда вас допустят дальше в понимании себя и Вселенной.

Как тут не вспомнить ребёнка, трогательно, без осуждения, принимающего наказание от взрослых, даже если оно было несправедливо?! Ребёнок как будто чувствует, что любовь хотя и рождается на небе, но разлита повсюду, и она никогда не оставит его, чтобы ни случилось, и он ещё не раз ощутит себя поистине счастливым. Особенно в детстве мы понимаем, что родник радости неиссякаем.

Х

Х

Х

В детстве ты принимаешь всё существующее, не стремясь непременно выделить в нём нечто особенное, в нём всё тебя удивительным образом привлекает, и уже только от этого в душе рождается ощущение чуда. Всё

оказывается прекрасным в чудесном мире, и это чудо мгновенно передаётся тебе, тотчас отражая и твою чудесную суть, и восприятие мира от этого обостряется, легко открывая его завесы, и ты начинаешь видеть предметы такими, какие они есть, на что способны среди людей, наверное, лишь мудрецы и дети.

И действительно, только ребёнок, да мудрец могут знать - кем они на самом деле являются, пребывая в этом мире, и их истинная суть проявляется сама собой, становясь ясной для всех. В этом - счастье детства, и привилегия мудрости. Но как их соединить?

Сделать себя счастливым, а значит - сохраняющим невинность при достижении осознания себя и высших духовных истин, человек сможет только сам, в результате постоянной работы над собой, и уже тогда, переполненный любовью к жизни, он будет способен дарить всем радость. Радость, возможно, разожжёт в чьих-то сердцах огонёк сознания, а разгоревшееся сознание обратит душу к любви, чтобы от этой любви кому-нибудь тоже стало радостно.

Ведь перед тем, как получить счастье, необходимо доказать свою готовность к нему, и отдавая, ты рано или поздно обретаешь благо, переживая настоящее чудо. Ну, как в детстве, когда стремление отдавать пребывало в тебе совершенно естественно, этому не нужно было долгое время учиться, и между тобой и Существованием не существовало никаких преград.

X

X

X

Разве забудешь, как в детстве, каждый день, неудержимо врывается в твою жизнь солнечное счастье, оно – во всех вещах, что окружают тебя, и в них будто находишься ты сам – маленький вихрастый мальчишка шести лет, очень счастливый и солнечный, как никогда ощущающий единение со всем Сущим.

X

X

X

Религия нацелена на понимание человеком себя и мира, она призвана формировать его душу, имеющую неразрывную связь с Богом, и кто как не ребёнок более всего религиозен, с рождения радостно устремляясь к постижению? Ну, как им не восхищаться и не любить, так что и самому захочется оставить нелюбимое занятие, всю оставшуюся силу своей души, наконец, направив к настоящему, чего тебе всегда втайне не доставало, переживая при этом непередаваемое счастье!

X

X

X

Хочешь проверить – кто ты есть на самом деле? Вступи в жизнь с открытым сердцем, как в детстве, ничего не боясь, и она ответит тебе тем же, так что все сомнения на свой счёт сразу пропадут: ты есть тот, кто хранит в себе возможность идти единственной, неповторимой и нескончаемо прекрасной дорогой к самому себе.

Не позволяй себе кого-либо бояться, хорошо усвоить эту истину именно с детства. Ведь ты – часть бесконечно могущественной Вселенной, и если есть в твоей душе тайна, то эта тайна – твоя уникальная связь с Богом.

В детстве ты не то, чтобы отмечен какой-то особой печатью, но порой обладаешь такой большой проникновенностью, что сердце замирает от счастья, а почувствовать в себе огонёк сознания, заложенный Богом, ты должен сам. Никто тебе этого не объяснит, и если услышал в душе божественный зов – несмотря ни на что устремляйся к нему, с самого детства, а поверив в божественное присутствие в своей жизни, ты непременно достигнешь когда-нибудь понимания – кто ты есть.

Х

Х

Х

Разве в детстве наваливалась на тебя тяжёлая, тёмная скука, обнимала твою душу мохнатыми лапами, терзала её и неделю, и месяц, и всю зиму? Нет? Тогда откуда она взялась, милый человек?!

Ответ прост: в детстве ты восхищался миром, а значит – Богом, создавшим его, когда же в последующем незаметно отрёкся от Господа, поставив в главу угла только земное, ведущее, в итоге, к жадности и гордыне, в сердце закралась тоска, нежелание жить. Почувствуй в себе, человек, как в детстве, Бога, и возлюби Его так, чтобы судьба твоя стала дорогой и Ему, тогда и обретёшь в душе вечную радость.

Х

Х

Х

В детстве тебя всегда посещает искреннее желание совершить в жизни нечто своё, никем ещё не созданное, чтобы это новое удивило и обрадовало людей, принесло в их жизни успокоение и силу. Когда такие добрые дела находятся, на сердце к тебе приходит радость от сотворённого таинства, глубокое удовлетворение и счастливый покой.

Тогда становится не страшно оставаться наедине с самим собой, и ты стремишься прикоснуться этим своим пониманием жизни к людям, пусть даже незнакомым, чтобы и они порадовались вместе с тобой открывшемуся в тебе знанию, и поблагодарили Господа за возможность познавать и себя, и мир, осваивая новые, неведомые ранее горизонты. Человек должен знать, чего он хочет, иначе, зачем жить?

А сколько людей исполняют возложенные на них обязанности, не находя в них никакого смысла, не веря в то, что этот смысл вообще присутствует в жизни! Какими несчастными сразу представляются для тебя

эти люди, и, конечно, захочется, чтобы всякий человек понимал свою жизнь, осознавая все происходящие в ней события, и умел легко принимать любой расклад вещей, не возводя их в ранг мучительных неразрешимостей. Был способен, в конце концов, управлять собственным существованием, всегда имея перед собой достойную цель, приносящую энтузиазм и радость.

И уж никак не должен человек оставлять после себя печаль, а только ощущение своего внутреннего богатства, выражающегося в проявлении ко всему мудрой простоты и ничем не замутнённого счастья. И тогда всё обстоит так, как и должно быть, ровно ты опять в детстве, но уже подлинный. До чего же хорошо становится от переживания этого чудесного душевного состояния в самой глубине себя – ощущения своей подлинности, когда ничего не остаётся, как радостно лететь, охватывая душой всё вокруг, беспрепятственно проникая в каждую частицу Вселенной, в самую её суть.

Всё теперь тебе нравится, всё приемлемо, потому что оно - настоящее, и ты его любишь, и не надо объясняться с самим собою, и что-либо кому-то объяснять. Знай только лети навстречу неизведанному и интересному, непременно - достойному, к чему никогда не иссякнет желание стремиться.

Да и нет уже каких-либо желаний, а есть уверенность в собственном внутреннем устремлении к любви в окружающем тебя божественном мире, и оттого, ничего не подвергая сомнению, ты лишь принимаешь его. Это детство научило тебя быть настоящим, созидая нечто необычайное и очень радостное. Детство – короткое время счастья, ниспосланное Господом.

Всё в нём божественно и родственно душе: и цветы со звёздами, и птицы небесные, и поля с лесами, и вся наша чудесная жизнь. Хочется жить в этой тихой и простой благодати, чтобы ничего тебе не было надобно, лишь добрые волнения о нашей прекрасной земле и Боге умиротворяли бы твою душу, и чтобы красота Господняя сливалась с красотой человеческой.

Всё божественное - и красота, и любовь, и радость, - в нас, в этом наше богатство, а начинается это счастье с младенческой чистоты, когда двухмесячный ребёнок, ничего ещё о жизни не ведающий, лёжа в кроватке ... счастливо улыбается. Живи, человек, по своей воле, ищи радостное разрешение собственной жизни!

Третья часть. Дети солнца

Бог - Солнце для всего живого, и Его дети - это прекрасные цветы человечества, призванные принести красоту на всю Землю, они – солнечны по своей сути. Каждый из них, рождаясь, призван лишить источник земного горя своей силы, а предоставить всю волю росту человеческого духа. Для этого детям необходимо дать время расти свободно, и тогда солнечные цветы озарят всех прекрасным огнём созидания. Они - необыкновенно живые цветы, с непрерывным цветением и утверждением красоты: надо понимать и ценить их силу, и то, что каждый цветок - по-своему мудрец.

Дети - цветы Бога, излучающие на Земле лучи радости. Радостно сознавать, что каждый день Существование дарит Земле всё новые и новые солнечные цветы - чудесных детей, и становится на ней так красиво, что не описать словами. Хочется только любоваться ими, понимая, что все цветы несут в себе что-то дорогое и хорошее, они дают душевный свет, и становится так счастливо, что повсюду чувствуется некое благостное настроение, порождающее в душе желание постигать, обнимать всю эту солнечную щедрость, никак ею не насыщаясь.

Эти солнечные цветы необыкновенно хороши на прекрасной Земле, сотворённой Богом, и призваны украсить её, сообщая всем важную истину, а истина такова: Бог - представитель истины и блага, Он - правда, а цветочные дети Его - радостная надежда на продление божественного сияния по всей Земле, чтобы эта страна света жила вечно.

Вот и цветы в полях, ублажающие взгляд, под стать солнечным детям, несущим радость и надежду, что вот эти-то солнечные лучики, наконец, принесут гармонию на Землю, напитают её благостным светом, наполнят сердца людей нежностью и добротой. Души будут вырастать здоровыми и сильными, не привязываясь к земным благам и не забывая о породившем их Боге, а понимая, как устроен мир и как к нему следует относиться, чтобы войти в завтрашний день здоровыми и мудрыми.

Дети-цветы прекрасны в своей невинности и чистоте, они внушают уверенность, что другого пути, кроме, как созидание, у них быть не может. Кажется, вся природа этих детей выкована для счастья, иного просто не предполагается, и всё Божественное радостно льёт свои волшебные лучи на Землю для всеобщего торжества духа, утверждения на ней только божественных качеств, призванных к всеобщей гармонии, что должна быть неизменна и вечна.

Любить Бога больше всего могут лишь солнечные дети, не подверженные внутреннему разрушению, и только они способны сделать этот мир по-настоящему красивым. Почувствовать разумность происходящего и не испортить её своим неверным отношением к себе и миру способны именно солнечные дети, цветы Божества, искренне отдающие свою красоту и радость во благо всей Вселенной.

Невозможно не отмечать в этих детях солнечное торжество, праздник солнечного света, и весь мир приветствует его и радуется, а это означает, что быть земным дням ясными, как глаза солнечных малышей, и так Бог, с помощью своих весёлых и чистых детей, освещает настоящую и грядущую жизнь.

Бог в своих детях многообразен и непредсказуем, Его возможностям, разлитых в этих цветах жизни, хочется внимать бесконечно. Как трогательны они и чутки, бесконечно прекрасны в своей способности и желании расти, хотя первый луч Солнца ещё дня не делает, и потому ребёнку-цветку надлежит без устали развиваться и цвести. Не зря взрослые, любуясь на солнечных малышей, что пришли на Землю, обожествляют их точно так же, как и пресветлое Солнце, нашего Господа.

Бог, принося на Землю своих солнечных детей, тем самым заботится о земном мире, Он многомилостив и праведен, ниспосылая людям благодный свет: всем одинаково раздаёт свои дары. Светит даже за тучами, а случающееся вдруг ненастье - не бесконечно. Дети Его - солнечные лучи, вмиг через любую хмарь проглянут и обрадуют сердце, всякий, живущий на Земле, может эту радость обнаружить, и живительным светом божественного цветка восхититься. Знай, только привечай золотого ребёнка, не оставляй его без внимания.

Не оставленный без внимания, цветок жизни предполагает только счастливую жизнь, каждому даруя силы в благом стремлении к ликующему свету. Божественный цветок, попавший в добрые руки, может творить на Земле чудеса, радостно освещая всех своим внутренним светом, словно обнимая. Как это бывает удивительно хорошо, и у любого человека от присутствия солнечного ребёнка, открываются глаза и вырастают крылья!

Даже невозможно вообразить эту бескорыстную силу Отца-Солнца, способную только к возрождению! Самоотвержен его бесконечный путь во имя всеобщего света и будущей жизни, потому что Бог желает Земле добра, и надеется, что это добро обретёт желание жить в Его цветах - солнечных детях, что искренне чувствуя и переживая, станут честно созидать свои жизни, не забывая об Отце. И так будет продолжаться вечно.

Прекрасные цветы Бога-Солнца, ещё не успевшие расцвести по-настоящему, тем не менее, в глубине своей уже необыкновенно сильны, и взирая на ленивое равнодушие и печальное недоверие к собственным силам у отчаявшихся в жизни взрослых, незаметно, всё же, проникают в тайные глубины их души, привнося зёрна света, необходимые для её роста. Что же будет с этими цветами дальше, если они не потеряют связи с Первоисточником?

Непреложный закон Божественного Солнца гласит: чувство любви и чистоты неприкосновенно, и отказываться от него недопустимо, а потому дети изначально несут в себе любовь, превыше которой ничего не существует, и она есть лекарство ото всех болезней, возвышающее душу. И ведь это возвышающее чувство присутствует в нас уже с детства!

Посмотрите на малышей, загляните в глаза этих солнечных детей, и вы обнаружите там только трогательную чистоту, не подверженную никакой грязи. Грязь прилипает к душам людей, когда они отрекаются от породившего их Солнечного Источника, а солнечные дети - это новое человечество, призванное привести всех землян к осознанному существованию, воспринимая себя единым целым с Бытием, обретающем в своём неутомимом духовном труде так не достающее всем нам божественное равновесие.

Х

Х

Х

Солнечные дети... Ангелы Вселенной, по теперешним временам - уже высокие духовные существа, когда-то посланные на Землю, чтобы помочь людям повысить уровень своего сознания для перехода в высшие миры. Находятся они здесь для нашего блага, чудесные продолжатели божественного промысла, призванные оказать помощь каждой душе, а тем, кто ещё не обзавёлся ей, - помочь душу обрести. Высокое предназначение, красивая судьба, достойное и радостное истечение жизни.

Невинность и любовь солнечного ребёнка - источник гармонии и творчества. Присмотритесь внимательно к своим детям, и вы поймёте, что Господь осенил вас бесконечной благостью, Он думает обо всех нас, ежесекундно созидая чудеса, но мы не желаем меняться, оставляя свою жизнь неизменной. Этим детям предначёртано вдохнуть в наши сердца божественное оживление, а потому - просыпайтесь, перестаньте прятаться от неминуемых изменений, что должны предполагать только развитие!

Но первое, что надлежит осуществить человеку, это - научиться жить в мире, не нарушая окружающую действительность, которая, сама по себе, прекрасна. Приходящие сейчас на Землю дети помогут нам в этом. Ведь повсюду царит радость - вы забыли об этом?

Внимание к жизни солнечных детей, несомненно, согреет ваше сердце, и вы не сможете не пожелать в своей жизни перемен. Для чего? Для того, чтобы навсегда изменить опыт жизни здесь, на Земле, только в сторону роста!

Именно в течение одной жизни человек обязан значительно изменить уровень своего сознания, добившись перехода в иное, более высокое измерение, не затрачивая для этого нескончаемое количество воплощений. Существование заинтересовано в этом, поскольку заточено на развитие божественных качеств у человека, который может и должен иметь сверхмощную энергию, открывая в себе всё более широкие возможности. А главное, изменяя кардинально себя, такой человек может повлиять на изменение мира: думая только о прекрасном, не иначе, он и получает, в итоге, прекрасное.

О чём бы вы ни подумали, то и происходит: вы руководите и своей, и окружающей вас жизнью, становясь в полной мере её творцом. Жизнь - чудесна, а мы в ней - восторженные дети, созданные для захватывающей дух игры, проникнутой любовью. Бог выражает в ней Себя через каждого из нас, говоря и помышляя только о созидании.

Мы все, с детства, содержим в себе огромный энергетический потенциал, и если осознать его и выразить, то мир ещё раз воссияет радостью и любовью. Благодаря каждому из нас, представляете?!! И при этом, он всё-таки не сможет передать то божественное величие, которое присуще Божественному Существованию.

И Господь, и Вселенная останутся в нашем восприятии великолепной загадкой, наблюдаемой в ясных глазах ребёнка, убеждённого в том, что он её разгадает. Вы можете после этого продолжать обычное, ни чем не примечательное существование, стремясь только к материальному благу? Если подобное представляется вам уже невозможным, то осознайте свой новый путь, который может быть только чудесным, когда вы именно осознали, что окружающий мир - это дар Бога, и у вас есть всё, чтобы проявить любовь к жизни.

Вы и Вселенная - едины, одно восхитительное Целое, а потому - полной грудью вбирайте в себя божественную энергию, наслаждаясь её сияющей чистотой, и пусть все ваши прекрасные мечты станут осуществимы, а сердце переполнится жаждой познавать неизведанное, взирая на мир глазами солнечного ребёнка: ведь он постигает его с божественной проникновенностью. Дерзайте, каждое мгновение Бог с вами!

Х

Х

Х

Каждый день всходит над Землёй Солнце, и зажигает ярким огнём своих цветов солнечную надежду: посмотрите, люди, на моих детей, они невинны и чисты, и приносят вам праздник, так будьте и вы такими же чистыми, встречая новый день не похожим на все прожитые. Решитесь, наконец, на подвиг во имя Божественной Вселенной, привлечите к себе Её драгоценное внимание и силу. Не прозябайте во сне, ведь вам светит Божественное Солнце!

И действительно, во всём, что источает божественное светило - нежность, оно всем по сердцу, и дети его тоже необыкновенно хороши и ласковы: излучают всем своим существом свет, они - как маленькие солнышки. Смотрят на тебя ясными глазами и будто спрашивают: тебе чего от жизни хочется? Задумается тогда человек - чего ему от жизни ждать сейчас, какой такой необыкновенной радости?

А солнечное дитя не торопит, ласково улыбается, с ненавязчивой охотой заглядывая в глаза, и почувствуешь вдруг на душе какое-то тихое облегчение, заметишь вокруг себя то, чего раньше не замечал: это ребёночек, рождённый от Солнца, тебя на путь праведный надоумил, отчего

тоже хочется быть вдумчивым и хорошим. Такое оно - ослепительно любвеобильное солнечное существо: до всего ему есть дело, но более - до своих детей, цветов солнечных, неповторимых божественных созданий.

Свободно и радостно волнуется сердце у солнечного ребёнка, оно преисполнено божественной волей, и стремится только восхищаться пред красотой Земли. Божественному Солнцу если и грустно порой смотреть на людей, то только не на своих малышей: оно трудится для них без устали, с неохватной радостью, в надежде, что за эти цветы ему не придётся стыдиться. Превосходная доля - быть на Земле цветком Солнца!

Казалось бы, всё в твоей воле, с тобой и солнечный ребёнок, и Божественное Солнце, - о чём ещё мечтать? Бери жизнь в свои руки - и будь счастливым, всё у тебя есть для того, чтобы стать настоящим человеком. А Солнце светит, радуется и всё ярче улыбается той дороге, что открывается перед тобой: будто в сердце поют какие-то славные птицы. Как хорошо!

Да, есть такие чудные дети, что рождаются солнечными, ибо шли к этому состоянию долгие жизни. Воплощаясь в разных мирах, в том числе - и на Земле, они, сохраняя в сердце невинность и чистоту, преумножали в себе и мудрость, однажды становясь солнечными, а именно - наделёнными божественными качествами причастия всему живому, то есть - любовью. Они не могли предать в себе эту чистоту, оставаясь верными ей несмотря ни на что, и пусть подсознательно, но не теряли связи со своим истинным «я». Это «я» никогда не давало им покоя, и вот они-то, как раз - эти самые солнечные дети, и появляются на свет только для того, чтобы светить, а Божественное Солнце им улыбается.

От Бога-Солнца исходит энергия счастья, и если мы хотим получать её, то должны жить как цветы Солнца, его дети, усиливающие божественное влияние на Землю. Солнечный ребёнок всегда всё делает с радостью, потому как хочет приносить пользу, а радоваться, созидая, значит, дарить энергию Бога. Его дети искренне проникнуты этим желанием, и постоянно стремятся отдавать, быть бескорыстными и бескрайними на счастье. Счастье для них - быть частью Солнца, то есть - Бога.

Эти дети - последняя надежда Бога на то, что именно им суждено принести на Землю свет очищения. Принадлежать Солнцу, значит, быть изначально жизнеутверждающим, ясным, открытым, и так оно и есть: каждый солнечный ребёнок - цветочный лепесток, призванный зачаровывать и настоящую и будущую жизнь разноцветной усладой, цвести душевным здоровьем, что зарабатывал стремлением светить на протяжении множества жизней, он - благодать Божья.

Являя собой образ самого Солнца, а значит - Бога, так сладостно жить, постоянно ощущая на себе Его ласковые прикосновения. Лучи солнечной любви пронизывают тебя неопишуемой нежностью, распространяя её повсюду. И ты будто летишь вместе с этими провозвестниками нежности и любви, ощущая себя и божественным цветком, и лёгким солнечным

ветерком, и самим собой. Как хорошо и ласково жить, когда ты осознал себя и своё пребывание во Вселенной, ты - сын Солнца!

Х

Х

Х

Есть в каждом человеке, хоть и осознавшем себя, что-то детское, но не беспомощное, а необыкновенно чистое и сильное в своей обрётённой свободе, как если бы ему захотелось, как в детстве, тотчас осуществить захватившую его мечту, и она самым неожиданным образом осуществилась. А мечта, оказывается, заключала в себе следующее: просто быть, плыть в этом удивительном мире как на лодочке, ничего, вроде бы, не привнося в него и не меняя, лишь наслаждаясь покоем нахождения в нём.

Имея в своём арсенале возможностей два всем хорошо известных инстинкта - продолжение рода и утоление голода, человек также обладает и третьим - тягой в божественные небеса, устремление к родному дому, но это устремление должно быть осознанным. Эта, третья сила, оказывается для человека определяющей, в её присутствии заключён весь смысл его существования, если только он следует этим, единственно достойным путём.

Так отправляйся, человек, по этому пути с самого детства, и пусть он приведёт тебя, через Бога, к самому себе, к переживанию нахождения в этом безбрежном мире чудес. В мире не жестоком, а лишь наполненном мощной правдой, призванной к созиданию чего-то нового и неповторимого, по-настоящему волшебного. Ты в нём - солнечный ребёнок, дитя Господа!

Солнечный ребёнок заметно отличается от своих сверстников. Будучи ещё совсем маленьким, в нём, очевидно, проявляется некая, не присущая другим малышам способность светить. Ему не нравится, например, то, что приходится по вкусу большинству, но при этом он очень выгодно отмечает самое простое в жизни, будто понимая, что оно - суть целого, которое составляют именно обычные мелочи.

Любой ребёнок любит мечтать о себе, ни у кого лучше, чем у него, это не получается, но вот солнечный ребёнок смотрит на мир ясно, ему не требуется создавать пусть и прекрасные иллюзии, и он будто знает заранее - что ему надлежит делать в жизни. И он делает это просто, без каких-либо мечтательных затей, надёжно, так что и взрослый бы позавидовал этому его умению с младых лет быть настоящим в своей чистоте принимаемых решений. Задуманное тотчас осуществляется маленьким человеком, он не видит препятствий для скорейшего воплощения в жизнь своих светлых устремлений: солнечного малыша переполняет божественная энергия.

Душе взрослого человека от прикосновения солнечного ребёнка становится тепло, она будто отмякает и оживает, ей хочется прожить и этот, и следующий день со смыслом. Солнечный ребёнок дарит ему добрый настрой, отчего на сердце делается хорошо: солнечный ребёнок обогрел его своим теплом, тепло это незаметно перетекло в душу человека, пробудило в ней солнечное восхождение, и всё, вокруг, наполнилось каким-то

замечательным и ласковым светом, отчего почувствуешь к Солнцу благодарность.

Солнце – это радость, что входит в душу каждого человека, а его дети - напоминание человеку о том, как всё вокруг живо. Ты только впитывай эту жизнь, и сам свети, не в силах этого не делать.

Ещё солнечный ребёнок всегда необыкновенно добр, трогательно ухаживая за любым животным или каким-нибудь ничем непримечательным цветком, никогда вскоре не оставляя к нему своего заботливого отношения, как это бывает присуще многим обычным детям, когда они быстро теряют интерес к тому, что совсем недавно их занимало. Он вполне может оказывать самые искренние знаки внимания не детям своего круга, а людям, гораздо старше себя: с ними ему, по-видимому, интересней.

При всём том, такой ребёнок не замечает за собой какие-либо отличия от других детей, не чувствует в себе некоей исключительности, и ему искренне нравится делиться игрушками, пусть и самыми дорогими для него, но, как правило, совершенно обыденными - старые охотничьи гильзы, пустые пузырьки или незатейливые бутылочные стёклышки, обкатанные водой. Он не хвастается перед кем-либо своей способностью замечать малейшие перемены в окружающей обстановке, и уж точно не объявит взрослым о том, как легко предугадывает их действия, выгодно используя это в собственных интересах. К тому же, у солнечного ребёнка - отменная память, он ничего не забывает, как это частенько случается с его матерью и даже отцом. Ко всему прочему - он мастер придумывать занимательные истории, словом, в нём много необыкновенного!

Спросите: откуда у него все эти способности? И я отвечу: от Бога, он Его, хотя бы в последних жизнях, почитал. Солнечный ребёнок всегда чувствовал, что его жизнь неотделима от Всевышнего Отца, потому как Бог - повсюду, и ребёнок любит Его, и делает в жизни то, что ближе всего божественному сердцу: он играет и светит.

Светит всё детство, не прерывая это богоугодное дело и в юности, а потом – в зрелом возрасте, к старости становясь настоящим мудрецом. И в каждом воплощении, неизменно, такой человек излучает любовь, как бы ни складывалась его судьба: по сути, он несёт в себе божественные качества, как и Вселенная, и во всех его поступках отражается его единство со всей жизнью, с Божественным Бытием.

Х

Х

Х

В последнее время я часто задаю себе вопрос: а кто я на самом деле? Принадлежу ли я к детям Солнца, что проживают каждую свою жизнь не зря? Сумел ли я насытить окружающее себя пространство любовью? Ведь дети Солнца призваны, насыщая Землю светом и радостью, наполнять сердца людей желанием жить и творить.

Ласково раскрашивая лепестки своих цветов на разный лад, Солнце наделяет их способностью к разнообразному житнетворчеству. Для чего?! Чтобы каждый цветок проживал неповторимую и замечательную судьбу, и жизнь на Земле превращалась бы в чудесную сказку, как в детстве, что подобно божественному светилу озаряет всех радостным светом, вызывая во всяком живом существе восторг и великолепие, нескончаемую жажду созидания.

Чего не отыщешь в солнечном ребёнке, независимо от его возраста, так это рабского отношения к миру, как это часто бывает у взрослых, и при этом всегда присутствует ясное осознание своей огромной заинтересованности окружающей жизнью, великая любознательность ко всему, что находится рядом, желание его исследовать. В этом общении с миром ребёнок, несомненно, беседует и с Богом, не поклоняясь Ему, но уважая сердцем безмерно, чувствуя Его каждой клеточкой тела.

Так я и относился к жизни с малого детства, необыкновенно заглядывался на неё, восхищаясь красками и звуками, с радостью обдумывая всякую чудесную мелочь, всматривался и вслушивался, постоянно наслаждаясь её волшебным многообразием, с великим томлением в сердце не находя слов восторга от происходящего. Наверное, я всё-таки принадлежу к детям Солнца, что вознамерились просто и счастливо прожить на этом свете, ещё более украсив его.

Из своего детства я чаще всего вспоминаю только солнце. Вероятно, виною тому – огромная жажда жизни, что заложена с рождения в каждом из нас, и яркое солнце воспринимается самым главным, затмевающим своим светом малейшую серость.

Оттого, наверное, хочется светить и тебе, ничего кроме радостного солнечного существа не видеть, и всё пить его сияние, пить, нисколько не уставая. С любовью всматриваешься в дорогое, очень близкое твоей душе солнце, и именно поэтому толпятся в голове только солнечные мысли. Что может быть лучше?!

Но кто я в действительности? - неизвестно. Истинная моя суть прикрыта именем, что, на деле, мне не принадлежит, телом, что не раз менялось за неизвестное количество воплощений, различными судьбами, делами и людьми, так или иначе связанными со мной хотя бы в одной жизни: моя истинная природа сокрыта от меня непостижимой космической глубиной. Всё, что я из себя на данный момент представляю - какой-то очень поверхностный слой реальности, что через мгновение уже изменяется.

Как ухватить хотя бы его, как проникнуть в глубины именно моего истинного «я» с присущим только мне характером и свойствами, неповторимыми чертами? В чём заключена моя связь с Источником всей жизни, из которого всё возникло, а ведь она существует? Как определить мне свой путь к Богу, прежде обнаружив самого себя? С помощью каких усилий ощутить в душе первородный трепет своего появления на свет, по сути - переживание чуда, того торжества духа, что открыто для нашего восприятия,

но мы им не умеем пользоваться, и уж тем более - не желаем обнаружить и передать?!

Если всё, что я воспринимаю, переживаю, думаю и чувствую - не есть моё истинное «я», то тогда что оно? Отвергая все данные о себе, записанные в свидетельстве о рождении, своё имя и накопленный опыт, - как человеку прийти к себе, к тому, что ты на самом деле из себя представляешь?

Получается, что всё перечисленное - иллюзия? Как же различить свет истинного сознания, если мысли и переживания появляются и исчезают, и всё происходящее, как не крути, составляет твою жизнь именно в этом мире?

Как не потеряться в собственных мыслях, как понять - кто ты есть истинный, по сути, вот в этот самый момент? Где моё «сознание», а где «мысль» о нём? Каким же образом человеку познать глубокую радость связи с Бытием, то есть - с Богом?!

В силу чего можно обрести свободу от постоянных отождествлений себя с чем-то, что в конечном итоге не приносит удовлетворения, порождая лишь страх оказаться в жизни не у дел, быть никем? Как отыскать то, что непреходяще, а живо всегда?!

Присутствие в нас чего-то по-настоящему живого и неувядающего не перестаёт напоминать о себе в течение всей жизни. Это какой-то неведомый нам внутренний голос, что не позволяет заикнуться на наших мыслях о собственном теле, поле, его восприятии и нами, и другими людьми. Эта скрытая энергия, живя в нас, ненавязчиво напоминает, как мы внутренне сильны, если будем уделять ей достойное внимание.

Нужно лишь осознать эту силу, и потом почувствовать внутреннюю жизнь в глуби себя, что благодаря вашему вниманию усилится, и вас охватит необъятное ощущение жажды к жизни. Не отождествляя себя с физической формой, вы начнёте осознавать внутри себя огромную энергию, само Бытие, и это осознание глубоко скрытой жизни необыкновенно усилит ваши возможности, вы ощутите способность к исцелению и проникновению в тайны жизни.

Ведь бытие существования - в нас и повсюду, и если мы не прикрываемся ненужными вещами, мыслями и словами, то жизненная свежесть возвращается к нам: нужно просто сосредоточиться на ней, и освобождение от всего ненужного наступит! Не стоит попадать в плен даже красоты и мудрости, просто осознайте своё пребывание в себе самом, но не приравнивайте к собственной внутренней природе данное вам при рождении имя, мысли, служащие для обозначения вещей, ваш пол, расу, выбранное вами ремесло. А есть ещё окружающие вас люди, знания, любимые занятия, наделённые вашим самоощущением.

Но где то, самое глубокое, чем обладаете только вы? Как добраться до восприятия истинного себя, почувствовав живую реальность? Возможно ли вообще достижение того состояния, когда вы, наконец, осознаете - кто вы есть?! Вероятно, это главная проблема человеческого бытия.

Так как же, всё-таки, отделить мысленные формы, которые мы постоянно создаём, от истинной реальности? Как просочиться сознанию в свою настоящую природу? А может быть, и не стоит пытаться, лишь частично развивая историю именно своего неповторимого существования, как единственную и неподражаемую, уже оказавшись однажды в этом божественном мире и отбрасывая всё ненужное? Но разве это не тот самый драгоценный опыт, пережитый именно тобой?!

Лучше, наверное, выстроить жизнь именно таким образом, чтобы всё внешнее отпадало, а ты, непременно развиваясь, приближался бы к своему истинному «я». Ведь оно, это истинное «я», всегда было с тобой и остаётся, лишь скрыто под беспокойным умом. Истинное непременно должно быть узнано, и при этом человеку необходимо осознать, что ему совершенно необязательно поддерживать в себе стремление «иметь своё лицо». Достаточно обрести осознание, в этом - ценность и полнота самоощущения, и если вы не ищите себя в окружающих вас вещах, а пытаетесь разглядеть собственное «я», то это уже шаг к божественной истине.

А истина означает, в первую очередь, осознание именно себя. Осознание - это установление нерушимого единства вашей внутренней природы со всей Вселенной, когда ваш ум перестаёт беспокоиться, вы не теряетесь в нескончаемых мыслях, и ваша способность к размышлениям становится отточенным инструментом. Осознавая, вы каждую секунду находитесь в согласии с Бытием, это - ваш неотъемлемый опыт, и лучше его ничего быть не может. Осознавать - означает идти рука об руку с Богом, самому с радостью созидая.

Х

Х

Х

Так кто я? Как ответить на этот вопрос правильно? Сказать, что я – писатель, было бы не верно, поскольку подобным образом я применяю в обществе с вои способности, «писательство» - это всего лишь функция, а не что-то в полной мере выражающее меня, мою внутреннюю природу.

Ещё я был подводником и моряком, какое-то время занимался преподавательской деятельностью. Но это тоже не моё истинное существо, а лишь то, что я осуществлял в жизни, используя свои таланты, именно в такой рабочей форме служил людям. Так как же мне охарактеризовать себя, чтобы это было наиболее близко моей собственной сути? В чём заключена моя личная уникальность, и как её выразить, чтобы проявилась именно твоя истинная тайна?!

Хочешь проверить – кто ты есть на самом деле? Вступи в жизнь с открытым сердцем, как в детстве, ничего не боясь, и она ответит тебе тем же, так что все сомнения на свой счёт сразу пропадут: ты есть тот, кто хранит в себе возможность идти единственной, неповторимой и нескончаемо прекрасной дорогой к самому себе.

Не позволяй себе кого-либо бояться, хорошо усвоить эту истину именно с детства. Ведь ты – часть бесконечно могущественной Вселенной, и если есть в твоей душе тайна, то эта тайна – твоя уникальная связь с Богом.

В детстве ты не то, чтобы отмечен какой-то особой печатью, но порой обладаешь такой большой проникновенностью, что сердце замирает от счастья, а почувствовать в себе огонёк сознания, заложенный Богом, ты должен сам. Никто тебе этого не объяснит, и если услышал в душе божественный зов – несмотря ни на что устремляйся к нему, с самого детства, а поверив в божественное присутствие в своей жизни, ты непременно достигнешь когда-нибудь понимания – кто ты есть.

Не зря в детстве тебя всегда посещает искреннее желание совершить в жизни нечто своё, никем ещё не созданное, чтобы это новое удивило и порадовало людей, принесло в их жизни успокоение и силу. Когда такие добрые дела находятся, на сердце к тебе приходит радость от сотворённого таинства, глубокое удовлетворение и счастливый покой.

Тогда становится не страшно оставаться наедине с самим собой, и ты стремишься прикоснуться этим своим пониманием жизни к людям, пусть даже незнакомым, чтобы и они порадовались вместе с тобой открывшемуся в тебе знанию, и поблагодарили Господа за возможность познавать и себя, и мир, осваивая новые, неведомые ранее горизонты. Человек должен знать, чего он хочет, иначе, зачем жить?

А сколько людей исполняют возложенные на них обязанности, не находя в них никакого смысла, не веря в то, что этот смысл вообще присутствует в жизни! Какими несчастными сразу представляются для тебя эти люди, и, конечно, захочется, чтобы всякий человек понимал свою жизнь, осознавая все происходящие в ней события, и умел легко принимать любой расклад вещей, не возводя их в ранг мучительных неразрешимостей. Был способен, в конце концов, управлять собственным существованием, всегда имея перед собой достойную цель, приносящую энтузиазм и радость.

И уж никак не должен человек оставлять после себя печаль, а только ощущение своего внутреннего богатства, выражающегося в проявлении ко всему мудрой простоты и ничем незамутнённого счастья. И тогда всё обстоит так, как и должно быть, ровно ты опять в детстве, но уже подлинный. До чего же хорошо становится от переживания этого чудесного душевного состояния в самой глубине себя – ощущения своей подлинности, когда ничего не остаётся, как радостно лететь, охватывая душой всё вокруг, беспрепятственно проникая в каждую частицу Вселенной, в самую её суть.

Всё теперь тебе нравится, всё приемлемо, потому что оно – настоящее, и ты его любишь, и не надо объясняться с самим собою, и что-либо кому-то объяснять. Знай только лети навстречу неизведанному и интересному, непременно – достойному, к чему никогда не иссякнет желание стремиться.

Да и нет уже каких-либо желаний, а есть уверенность в собственном внутреннем устремлении к любви в окружающем тебя божественном мире, и оттого, ничего не подвергая сомнению, ты лишь принимаешь его. Это

солнечное детство научило тебя быть настоящим, созидая нечто необычайное и очень радостное. Детство – короткое время счастья, ниспосланное Господом.

Всё в нём божественно и родственно душе: и цветы со звёздами, и птицы небесные, и поля с лесами, и вся наша чудесная жизнь. Хочется жить в этой тихой и простой благодати, чтобы ничего тебе не было надобно, лишь добрые волнения о нашей прекрасной земле и Боге умиротворяли бы твою душу, и чтобы красота Господня сливалась с красотой человеческой.

Всё божественное – и красота, и любовь, и радость, в нас, в этом наше богатство, а начинается это счастье с младенческой чистоты, когда двухмесячный ребёнок, ничего ещё о жизни не ведающий, лёжа в кроватке...счастливо улыбается. Живи, человек, по своей воле, ищи радостное разрешение собственной жизни!

Именно поэтому, наверное, и я, как цветок, должен обладать своей красотой и ароматом, чтобы цвести и для себя, и дарить радость другим. В этом – смысл моего глубинного существования, и если я должен быть цветком, то непохожим ни на кого, вносящим в общий жизненный поток своё неповторимое цветение.

Я – ценный дар Вселенной всем живым существам, его не спутаешь ни с каким другим, и поскольку уж я цвету, то с полной отдачей. Оставаясь собой, я источаю божественное благоухание: не бойтесь использовать меня!

Это естественное состояние каждого человека - нести свет в душе, чувствовать единство с Богом, и, конечно, не быть подверженным каким-либо ненужным страданиям, осознавая настоящий момент как радостный, что дарован Существованием только для созидания. В мире внутреннего покоя, вне бесконечных мысленных метаний, вы слитны с окружающим вас божественным пространством, являясь частицей безбрежного океана Вселенского Разума. Эта степень внутреннего божественного состояния постепенно увеличивает свет вашего сознания.

Но разве достаточно того, чтобы всегда чувствовать внутри себя покой? Нет, мне по нраву набирать высоту, и, сложив крылья, бросаться вниз, к бушующим волнам, а затем вновь стремиться забраться ещё выше, чтобы ринуться оттуда в захватывающую дух бездну. В этом я вижу настоящее проявление жизни, а не в покое, пусть и несущем в себе внутреннее пространство Бытия. Вольное парение, а не покой придаёт мне силу, и радость жизни от переживания его только крепче.

Когда оказываешься внизу, у самой грани бездны, ты, кажется, несчастлив, теряя ощущение броска и полёта, а когда набираешь высоту и отдаёшь себя свободному парению - ты счастлив. И вот эта переменчивость в настроении и есть, наверное, истинная жизнь, в которой ты и обретаешь великое счастье, но в тоже время понимаешь, что нельзя быть до такой степени счастливым, поскольку состояние это воцаряется ненадолго.

Достаточно того, что переживаешь со всем Сущим единство, ни к чему не привязываясь.

Принимая жизнь такой, какая она есть, не судя в ней никого и ничего, и оставаясь свободным от каких-либо привязанностей, ты переживаешь в душе свет, и одновременно несёшь его миру. И счастье, и несчастье скоротечны, и нужно принять эту премудрость жизни как данность, понимая в ней неизбежность перемен как неотъемлемое условие переживания радостей мира: они есть - и вы наслаждаетесь ими, но и не тревожитесь о будущем, когда их может не стать.

Вы постигли внутреннее пространство Бытия, ощущая с ним собственную внутреннюю слитность, вы - вне времени, и суть вашей природы - никем и ничем не обременяющая вечность, которую невозможно выразить, только с радостью переживая. Всё проходит в этом мире, но если мы едины с Бытием, оно приобретает для нас абсолютную ценность.

Так вот, понимание того - кто ты есть, появляется с осознания, что все формы непостоянны, и ты воспринимаешь эту бесформенность внутри себя как единственно жизнеспособное состояние, неподвластное исчезновению, то измерение, что подразумевает вечную жизнь, и значит – вечную радость и любовь. Не привязывайся ни к чему, а будь свободен от обладания чем-либо, пусть это даже любимое дело или посаженные тобой деревья. Просто люби Божественное Существование, и делай то, что считаешь нужным, и оно обязательно приведёт тебя и к ответу на все вопросы, и к самому себе.

Ты только люби окружающий тебя мир, ни с чем себя в нём не отождествляя, может быть - лишь с любовью, и тогда почувствуешь, как всё в этом мире дорого твоему сердцу. Ты - сама любовь, вечное рождение истинного, когда не чувствуешь себя выше или ниже кого-то, а проявляешь чуткое, открытое внимание ко всему живому, и именно такое отношение являет всему Существованию поистине божественное чувство.

А ещё вы становитесь самим собой, в полной мере ощущая своё истинное «я», когда в вас начинает сиять безусловная любовь, и сияет она после этого вечно, без всякого хотения, лишь отдавая себя и радуясь при этом. Радуюсь потому, что в вас уже присутствует понимание, где ваше место, какова ваша жизненная цель, и именно по этой причине вы абсолютно ясно представляете себе - кто вы. Вы не знаете этого, но чувствуете, отчего и входите в состояние ясности и покоя, которое очень близко к тому, кто вы есть. Это начало свободы от надуманного, и верный путь к полному осознанию: дверца к самому себе оказывается приоткрытой, а, следовательно, и к истинным отношениям, имеющим божественную природу бытия.

Обычно неуловимое счастье становится всё-таки реальным, когда вы перестаёте быть своими мыслями и эмоциями, и поворачиваетесь лицом к тому, что есть, вместо того, чтобы сочинять для себя какие-либо роли. Нужно понять, а это возможно лишь при обретении своего истинного «я», что в основе счастья лежит естественное состояние благополучия, а не уход от

него с помощью беспокойного ума. Осознанность - единственный инструмент, приводящий вас к самому себе, когда вы ощущаете присутствие в вашей жизни Бога, и сами живёте по божественным законам, спокойно предоставляя для себя свободное пространство, в котором просто можете быть.

Открывающееся в вас чистое сознание, без навязчивых мысленных форм, есть отражение того, что вы есть на самом деле: оно проявляется, когда вы избавляетесь от всяких отождествлений. Вы начинаете ощущать в себе мир, который оказывается превыше ума, и, переживая этот неопиcуемый вселенский покой, ваше сознание соприкасается с Божественным Сознанием.

Вы осознаёте своё сознание теперь в чистом виде, без примесей материального, чувствуя, что вы - сущий, без каких-либо ярлыков, и вы - часть божественного мира. Это и есть пробуждение, появление на свет солнечного ребёнка, когда перед вами открываются небывалые возможности, и вы сами - открыты жизни. Существование теперь с удовольствием помогает вам, у вас всё получается, и Бог на вашей стороне, если вы привносите в мир силу своей осознанности.

Х

Х

Х

Все беды человека - от бессилия жить по-настоящему, вернее - от нежелания быть собой, когда он не примечает в себе Бога, а значит - не ведает своей истинной сути. Ему бы пробудиться ото сна, выйти из материнской утробы с жадью охватить весь мир своей неистощимой любовью, и любить его, не прекращая, бесконечно переживая в себе только радость. Но и не оставаться при этом восхищённым жизнью ребёнком, а становиться сильным и мудрым существом, сыном Господа, воспринимая каждый миг как возможность сотворения чего-то чудесного, ранее невиданного...

Все мы - дети Бога, призванные Им пробудиться, стать на ноги и расти. Бережно растить своё сознание, заложенное в нас Отцом, неутомимо разжигать его, не давая ему померкнуть, радовать нашего Прародителя устремлением в небеса, к божественной жизни, не забывая верно выстраивать её и на Земле.

Как хороша жизнь, когда, будучи ещё божественным ребёнком, человек уже чувствует и знает себя, пусть он совсем маленький в масштабах Вселенной, но рвущийся в захватывающую дух бесконечность. И как же она невыносима, когда ты не осознаёшь своей глубинной сути, не стремишься познать себя и окружающий мир, не принимаешь жизнь такой, какая она есть! Сделайте Божественное Существование своим другом, угадывая его доброе расположение к себе ещё с детства, и оно преобразит вашу жизнь.

В тоске по другой, более содержательной жизни люди даже не подозревают, что эта жизнь заключена в них самих. Нужно только послушать себя, свою тишину, и сразу станет ясно, что в глубине каждого человека

заложено нечто удивительное, и если прислушиваться к нему чаще, то обязательно откроешь в себе неведомое и чудесное пространство, где с каждым разом хочется находиться всё дольше и дольше. Неужели не пробовали?! Так вот, непременно следует окунуться в эту необыкновенную глубину, чтобы и самому стать глубже, и жить так, как единственно достойно: по божественным законам, как велит тебе твоя внутренняя природа, а не окружающая действительность.

И, тем не менее, тебе хочется чувствовать себя нужным на этой Земле. А чтобы быть нужным, ты обязан познать себя, свою внутреннюю цель, тогда и другим поможешь пробудиться, и лучше всего это делать, вглядываясь в свою внутреннюю суть, обращаясь к созиданию, нацеленному на всеобщее благо. Если уж осознанности и пробуждаться, так во всех!

Лишь Бог, вместе с созданным Им сознанием, полностью осознан и вечен, всем остальным эту осознанность следует обретать постепенно, улавливая в себе счастливые моменты просветления. К этому Бог готовил Вселенную бесконечно, желая выразить Себя в проявленных формах, а сознание оказывается в них, в каждом из нас, не проявленным, но глубоко взаимосвязанным с Богом. Задача человека - стать осознающим, максимально раскрыв в мире форм своё непроявившееся сознание: в этом - его предназначение, и потому будьте честны с самим собой!

Тогда, рано или поздно, вы узнаете всё об этой жизни, и полетите ещё дальше, в неведомые миры, где жизнь продолжается, только в иных формах, но вы познаете и их, вам ничего не страшно. А главное - вам страшно хочется жить, жить интересно, не жалея сил, что, впрочем, не иссякают, а лишь прибавляются. Ведь жизнь есть нечто большее, чем обычно думают о ней люди.

Искусство жизни заключено в том, чтобы делая в ней то, что нужно, не привязаться ни к чему, и оставаясь самим собой, настраивать все свои устремления согласно с намерениями Целого. Тут не обойтись без солнечных детей, преображающих каждого, с кем они соприкасаются, потому как следуют достойным путём постижения и себя, и мира.

И всё же, приходит понимание, что живя на Земле, тебе всё равно не постичь до конца абсолютной истины - кто есть ты, даже если ты солнечный по своей сути. Но если ты не испытываешь при этом какого-либо ограничения и неудобства, и находишься в гармонии с собой и окружающим миром, то эта остающаяся для тебя тайна - и есть ты, твоё существование в этом божественном мире, твоё истинное «я».

Оно есть всегда, за гранью непознанного человеком собственного бытия, которое, конечно, преодолимо, когда ты честен с самим собой. Ты тот, кто ты есть, ты уже един с Божественным Бытием, и потому смиренно принимаешь его чистую природу. Быть счастливым - значит, жить в согласии с реальностью, со всем, что есть сейчас, и если вы освободитесь от отождествления себя с беспокойным умом, то самое истинное в вас проявится само собой.

Да, трудно, кажется, совсем не осуществимо докопаться до того, кто ты есть на самом деле, именно до своего огонька сознания, у которого нет формы. Но есть его восприятие, и, угадывая его в себе, ощущая какой-то неведомой внутренней энергией это сокровенное, самое родное тебе измерение, ты и попадаешь в него, оказываясь полностью осознанным. Сознание - ты сам, а войдя в состояние осознанности - ты дома.

Не важно, где ты при этом находишься. Главное, не быть поглощённым своими бесконечными мысленными формами, отвлекающими тебя от себя самого, от своей божественной сути. Позволь своему беспокойному уму затихнуть, и ты услышишь течение неповторимой жизни, что, оказывается, происходила и в тебе.

Мир полон прекрасными моментами, не замечаемыми нами, но если ты придёшь к самому себе, то переживёшь всё заново, как в детстве. И ты можешь вернуться к нему в любой момент. Не утрей в себе это состояние чистоты, когда ты нежен, чуток и открыт тому, что есть.

А ещё очень трудно понимать людей, если не понял самого себя, и когда поймёшь - кто ты есть, то и мир открывается тебе легко, просторно, будто ты давно знал всё его восхитительное обустройство, но на время просто забыл. Вспомнить о нём помогает именно внимательное отношение к собственной внутренней природе, отчего в душе начинается праздник.

Помни: это ты выражаешь жизнь, ты её удивительное продолжение, и в любой момент можешь отправиться в это увлекательное путешествие, в необозримую бесконечность, вот здесь и сейчас, иначе, зачем ты живёшь?

Почувствуй суть дальней дороги, будь частью её, и крылья твои обретут неустанность, а сердце наполнится любовью к тем, кто даже не решается на полёт, или только готовится к нему. Отдавая, ты преодолеваешь огромные пространства, оставаясь верным себе и тем, кто ещё не осознал своего предназначения.

Помоги им, ты в силах это совершить, ибо божественные небеса готовы принять все очарованные дорогой сердца, они ждут своих прекрасных смельчаков, наслаждающихся полётом. Осознанная свобода - твоя жизнь, не ведающая преград, ты способен быть самим собой, и это есть путь любви. Любви во имя самой жизни, призванной парить, несмотря ни на что, созидая собственное внутреннее небо.

Человеку, в первую очередь, следует научиться жить настоящим, не давая эмоциям захлестнуть своё восприятие, а также внутренне отпускать ситуации, уже давно на деле завершившиеся. Зачем носить в себе бесполезный груз прошлого, привязываясь к чужим действиям и мыслям?!

Ещё человеку надлежит поддерживать это ощущение настоящего, присутствие в нём, постоянно, благодаря чему он постепенно обретёт возможность пребывать в себе, истинном, как можно чаще, что, несомненно, сделает его гораздо счастливее и сильнее.

Следя за пребыванием в настоящем, невозможно не научиться осознанности, а именно она избавит человека от душевной боли. Ни одна

негативная эмоция, если вы повстречали её лицом к лицу, не сможет вам навредить в будущем, и уже никогда не принесёт разочарований. Не питайте своё тело и мозг ненужными переживаниями, просто отбросьте их, и это умение тоже необходимо воспитывать в себе, исключив из своей жизни неосознанность. Присутствуйте как можно чаще в самом себе, и это принесёт вам истинную силу.

Если в вашем сердце присутствует какая-либо неудовлетворённость, то просто позвольте ей быть, не имейте ничего против неё, создайте вокруг этой неудовлетворённости осознанное пространство, поживите какое-то время с подобным ощущением, и вскоре вы обязательно почувствуете, что всё ваше внутреннее неустройство теряет свою власть. В вашем сердце укореняется чистое сознание, а неудовлетворённости приходит конец: вы совершили ещё один шаг навстречу своему истинному «я».

Никогда не отрицайте то, что происходит сейчас, и если вы будете признавать, что настоящее всегда такое, какое оно есть, и от него не нужно отказываться, а стоит просто принять, энергия не оставит вас. По крайней мере, она не убавится, если не реагировать на какое-либо болевое ощущение, не подпитывать его тревожными мыслями, словом, не мешать ему течь. Спокойное переживание своего единства с Бытием - есть истинная взаимосвязь с Ним, твоё радостное присутствие в Боге, и если ты, действительно, присутствуешь, то рано или поздно будешь знать всё об этой жизни.

В глубине себя вы уже знаете собственную суть, просто это знание существует в не проявленном виде, и его следует проявить. Причём, привносить его необходимо уже в это, земное измерение, помогая и другим ощутить в себе никогда не затухающий огонёк сознания. Отвлекать их от беспорядочных мысленных метаний ни о чём, приводя к самим себе, к своему внутреннему благостному пространству, слитому воедино с божественным началом. Вдыхайте его, оно повсюду, и наблюдайте, как радуется ваш внутренний Бог: вы, наконец, обратили на Него своё внимание!

Невидимая жизнь внутри вас - это и есть Бог, то, что и составляет вас, во всей своей полноте, и, проникая в себя, вы сливаетесь со всей Божественной Вселенной, вы с Ней неразъединимы. Важно чувствовать в себе это не проявленное присутствие, как можно чаще обращаясь к нему в повседневной жизни, что бы вы ни делали, и тогда вы не потеряетесь в собственных мыслях, не сойдёте с жизненного пути, воспринимая и свою жизнь и истекающую вокруг в истинном свете. Вы не заметите, как обретёте мудрый покой души, здоровое тело и чуткое осознание равновесия со всем, что вас окружает.

Х

Х

Х

И так: кто я?!

Мне не приятны люди, проявляющие ко мне агрессию, но я тотчас же прощаю их, принимая право человека вести себя так, как он того пожелает. Так же неприятны мне люди, что выкапывают у меня в саду яблони, уже начавшие цвести и плодоносить, но я не обращаю к ним всё своё внимание, не переживаю неизбывную горечь по утерянными деревьям, а сажу новые.

Отдавая всю свою энергию любимому делу - литературному труду, я далеко не всегда получаю признание, чаще всего этого вообще не происходит, но я осознаю, что всё-таки исполняю своё предназначение, и уже лишь от этого переживаю радость. Случаются в моей жизни ситуации, когда всё в них не просто, удача, кажется, отвернулась от меня, но я понимаю, что ничего не остаётся неизменным, на завтра тебе, быть может, откроются новые возможности, и судьба станет к тебе более благосклонной.

Так кто я во всех этих случаях, и как мне определить именно по этим, совершаемым мною действиям, собственную сущность? Ведь именно моя реакция на людей и жизненные ситуации, в особенности, когда всё, кажется, складывается не в мою пользу, и показывает, в действительности, то, чего я стою и как глубоко себя знаю. А вижу я себя во всех этих ситуациях, не как жертву, а как осознающего себя человека, стремящегося заглянуть в собственную внутреннюю природу, совершая это спокойно, с уважением и любовью к Божественному Существованию.

Никто, даже само Существование, не может сказать тебе - кто ты есть, это собственное признание самого себя ты должен просто осознать, почувствовав свою нерасторжимую взаимосвязь со всем, что тебя окружает. Ведь одно из самых важных открытий в жизни, которое должен совершить человек, - узнать правду о самом себе, увидеть себя таким, какой ты есть на самом деле.

Это очень важное дело – узнать: кто ты есть, но для этого необходима кропотливая внутренняя работа над собой. А Бог оказывается к тебе близко только тогда, когда ты сам к себе пришёл и узнал, что Господь – в твоей душе.

Стоит поблагодарить Существование только за то, что у тебя уже есть, за естественную слитность с ним, и тогда ты понимаешь, что в твоей жизни нет того, чего не достаёт, а, наоборот, в полной мере присутствует богатство, которым хочется делиться. Ведь ты радостен, и значит - счастлив, что, само по себе, и предполагает отдачу: стоит только начать изливать свои душевные сокровища на других, как мир тотчас обернётся к тебе своим вниманием.

Получается, что источник всего изобилия - ты сам, и, следовательно, ты есть божественная частица, переживающая полноту жизни во всём, что тебя окружает, в том числе - и в себе. Позволь излиться этому добру в мир, не сдерживай его, оно нескончаемо. Такова божественная реальность, а она создана Богом для радости.

Жизнь бессмысленна, если не разжечь в ней свой огонёк сознания, и она становится интересной и достойной только после того, когда это сделано. Я - хозяин огонька божественной силы, заложенной в меня Божественным

Бытием, с намерением, чтобы я его разжёл как можно ярче, чем я и занимаюсь всю свою жизнь.

Х

Х

Х

Когда мы осознаём себя - кто мы, и оказались в том самом, родном для нас божественном пространстве, способные к созиданию в себе новых миров, мы переживаем божественную радость, что несравнима ни с какими удовольствиями на Земле. Мы приняли этот божественный мир, развили в себе сознание, и теперь получаем наслаждение от всего происходящего, переполненные неописуемо огромным, просто безбрежным стремлением созидать. Эта переполняющая нас радость от созидания позволяет ощущать в себе, в свою очередь, удивительный покой, глубокое удовлетворение от своего гармоничного слияния с Вселенной.

Ибо невозможно жить, созидая, и не радоваться, без радости существование не имеет смысла, и когда вы действительно получаете наслаждение от того, что делаете, жизнь превращается в праздник. Вы подключены к Вселенскому Источнику невероятной силы, и уже сами способны производить её, ни на секунду не теряя ощущение этого праздника, когда уже не надо ожидать доброго результата от хорошо проделанной работы: божественное благо протекает сквозь вас нескончаемо живительным потоком, беря начало в глубине и вашего существа. Ваше существо и сущность всей Вселенной едины, и переживая собственную радость - вы радуетесь вместе с благостным торжеством самого Существования.

Вы - полностью осознанны, а потому неотделимы от Всеобщей Божественной Радости, и постепенно начинаете замечать, что вас будто стало больше, в необозримом вселенском пространстве и ваше собственное пространство увеличилось, оно стало целым миром, ранее вами не ощущаемым. Такова творческая сила и суть божественного отношения к жизни, и эта сила имеет в своей основе непомерную мощь, направляемую на благо всего живого, и вы - заслуженный участник этого созидательного процесса.

Вы осознали себя в божественном пространстве, вы, в хорошем смысле, одержимы Богом, и Он с радостью наделяет вас творческой энергией и неизбывными возможностями. Вы - сама сила творения, к вам, наконец, приходит понимание, что самое важное - вдохновлять своей осознанной работой души многих людей, тем самым - обогащая их жизнь. Вы живёте на благо людей и Вселенной, это неотъемлемая черта вашей божественной души.

Если вы достигли такого осознанного отношения к себе и окружающей жизни - вы истинный ребёнок своего Божественного Отца, солнечное дитё, призванное Существованием только светить. Ваше предназначение - распространять на Земле божественное сознание, повсюду утверждая его благостную чистоту. Всё, что вы делаете - приносит в мир божественное

присутствие, и чего бы ваше внимание ни касалось, его отличает необычайно высокое качество божественности и святость.

Дети Бога, своим существованием, будто ненавязчиво всех призывают: «Пробудитесь ото сна, от бесконечных, ничего не приносящих мечтаний о счастливом будущем, пребывающем только в вашем беспокойном уме! Не находитесь в плену привязанностей, отнимающих у вас свободу, а будьте преданны вашей собственной внутренней глубине, неотделимой от воли Бога, присутствующего во всём, и потому не теряющего с вами связи никогда, каким бы недостижимым Он вам ни казался.

Царствие Божие - в вас, оно никогда не оставляло вашей души, а только терпеливо предоставляло право собственного выбора, ненавязчиво подсказывая обратить на него внимание. Оно охраняло вас на всём вашем жизненном пути, иногда гордилось, но не порицало за допущенные ошибки, являющиеся, на деле, вашим богатством.

Царствие Божие всегда любило вас лишь Ему присущей любовью, потому что верило: вы, несомненно, заслуживаете её, ведь вы - способный осознать себя человек, и когда-нибудь обязательно взлетите в божественные небеса, оставив после себя на Земле неизгладимый светоносный след. Царствие Божие радуется, когда люди угадывают Его Божественный свет, и ждёт, чтобы свет этот объял всех своим жизнеутверждающим благом, и открыл окно в иной мир, наследующий неистребимое стремление к торжеству творческого духа, к полной отдаче себя и Богу, и людям, и всем живущим существам. Восславьте же в себе единство с Великим Целым во благо Бесконечного Праздника Вселенского Существования! Аминь».

Х

Х

Х

Услышав в себе эти божественные слова, в твоём мозгу проносятся самые разнообразные видения, вернее, плавно проплывают в воображении все эти версии самого себя, кажется, не связанные меж собой, и ты понимаешь, что все они - не ты. Хотя в каждом воображаемом образе присутствует что-то необъяснимое и от тебя, то, чего ты на самом деле из себя представляешь. Но что это, объединяющее все эти версии?

Почему-то я склоняюсь к тому, что пережил много лет назад, работая в море, и воспринял как очень близкое своей душе, без чего она не в силах существовать: без полёта. Там, над океаном, парил маленький буревестник, называемый моряками «глупышом», и я понял, что он - это я.

Поначалу плохо различимая птица показалась мне тогда неотъемлемой частицей того отрешённого затишья, что опустилось над океанским простором. Кувыркаясь в серых облаках, она с неожиданной решимостью вдруг взмывала в беспредельное, чуть светлеющее над облаками пространство, и, сложив крылья, плавно устремлялась вниз. У самого уреза воды птица невероятным образом изворачивалась - и вновь взлетала в небеса. Делала она это так неподражаемо красиво и просто, что захватывало дух, и я

забыл на миг обо всём, и, не отрываясь, следил, как птица в который раз повторяет свои удивительные взлёты и падения.

Постепенно я разглядел в ней нестигаемого маленького буревестника-глупыша, которого моряки прозвали так за его поразительные воздушные броски, кажущиеся им глупыми. Пребывая длительное время в отрыве от земли, среди бескрайних морских вод, когда за целый месяц, порой, не встретишь ни одного проходящего мимо судна, невольно начинаешь более внимательно относиться ко всему, что тебя окружает и может приносить хоть какое-то разнообразие. Одно из достаточно распространённых развлечений моряков - наблюдение за птицами, что само по себе даже полезно.

Но чем маленький буревестник мог напомнить мне себя самого, и мало того - почему я понял, что он - это я? Внешне глупыш не блистает красотой, и в отличие от ярких белоснежных чаек выглядит достаточно скромно: серовато-белое оперение с грязновато-серым брюшком и сероватыми шейными перьями оттеняют только чёрные маховые. Глаза карие, клюв - опять же серовато-зелёный, а спинка - слегка жёлтая. В одежке своей глупышу похвастаться особо нечем!

К тому же, все буревестники, в том числе - и малые, к которым принадлежат и глупыши, почти не умеют ходить, а плавают, хотя и легко, без напряжения, но редко. Да и ныряют, в отличие от остальных морских птиц, достаточно непутёво, пусть даже и умеют погружать в воду, на небольшую глубину, своё густо оперённое тело. Но чего у них не отнять, так это способности неустанно парить над бескрайними морскими просторами.

Наблюдая за глупышами с судна, легко отличить их от других морских птиц, так как глупыши в продолжение целого дня находятся в непрерывном движении, носясь между волн и высоко над ними, лишь изредка опускаясь к самой воде, чтобы схватить добычу. Так и я, наверное, стремлюсь познать неизведанное, решаясь в своей жизни на решительные броски, без которых невозможно искреннее отношение к себе и миру, чтобы также честно познавать и его.

Глупыш свободно скользит над бушующими волнами с распростёртыми, почти недвижимыми крыльями, держась по возможности на значительном расстоянии от воды, и всегда неутомимо борется со штормом, будто получая от этого наслаждение. Кажется, глупышу совершенно не нужен отдых. Возникает даже ощущение, что глупыш возбуждён круглый год, будто постоянно находясь в переживании любовного порыва.

Он всегда взбирается как можно выше, чтобы, бросаясь в головокружительное пике, ощутить себя единым с окружающим его океанским простором. Кажется, что ему постоянно хочется быть радостным и отчаянно смелым. Вот и я, слушая свой внутренний голос, вдруг понимаю, что принадлежу не земле, а небу, это оно ненавязчиво зовёт меня к себе, и я не в силах этому зову противиться.

На первый взгляд, трудно объяснить склонность этой маленькой морской птицы к отрешённому высокому парению, предполагающему

головокружительное падение в волны. Кстати, поэтическое название «буревестник», птицы получили, наверное, потому, что заранее предупреждают корабль о близящейся буре своим появлением возле него. Если есть в ком-то из морских птиц поэтичность, так это, конечно, в глупыше - малом буревестнике морей, над которыми он витает под самыми небесами, а потом, стремглав, устремляется вниз, к водной поверхности, достигнув которую, вновь взбирается к заоблачным далям. Он словно бросает всем вызов, редкими возгласами сея вокруг необъяснимую и восхитительную тревогу.

Глупыш - таинственный маленький романтик океанских просторов, и его безумный окрик и неизъяснимая надежда на что-то несбыточное, на что способен замахнуться именно он, бесстрашный и очаровательный храбрец, кажутся просто восхитительными! Будь его оперение ярче, он мог бы сравниться с прекрасной морской бабочкой, совершенно очаровательной в своей недостижимости. Пустынный скиталец морских поднебесий, глупыш чем-то сродни самозабвенному отшельнику, который целыми днями благочестиво и очень усердно несёт свою непонятную никому службу, не желая иной доли.

Трудно не засмотреться на него, позабыв обо всём, но и не просто постигнуть, когда он, таким образом, кажется, просто развлекает себя, играет, не причиняя никому никакого вреда. А ведь ему, неутомимо витая весь день над морем, чаще, чем другим морским птицам, ещё приходится преодолевать сильные ветровые потоки!

Птица эта всегда нравилась мне, и я не видел в её действиях ничего глупого. В стремительном полёте глупыша была заключена только радость от переполняющей его крохотное сердце жизни. И ещё - неистребимое желание забраться как можно выше, чтобы в прекрасном парении пронестись над вольной морской стихией.

Ведь по-настоящему птица познаётся только в полёте и, глядя на свободно парящего над поверхностью моря малого буревестника-глупыша, вдруг сложившего крылья и отважно устремившегося вниз, в бушующие волны, лично я проникаюсь к нему уважением. В этом воздушном броске облик маленького буревестника разительно отличается от птицы, спокойно сидящей на земле, и, вообще, всю жизнь связанной с сушей, пусть даже это берег моря. Кажется, что это два совершенно разных создания, потому что только в воздухе, над морем, проявляется индивидуальность птицы, а она у глупыша - особенная.

Вы, конечно, можете наблюдать за какой-нибудь золотистой ржанкой, озабоченно перебегающей по земле и что-то постоянно склёвывающей, какое-то время любоваться её оперением и повадками, но способны ли вы наслаждаться её видом бесконечно, боясь вспугнуть? На глупыша же можно действительно засмотреться, позабыв обо всём на свете, так как он обращает на себя внимание даже среди беспрестанно перелетающих вокруг чаек, кайр, гагарок и чистиков с тупиками.

Именно глупыша ты отмечаешь в многоголосом птичьем круговороте, в котором каждая птица хранит свои легковесные тайны, но малый буревестник, прозванный моряками глупышом, волнует больше всех. Он словно специально создан природой для головокружительных полётов, с короткими крепкими крыльями, маленьким сильным тельцем и какой-то очень возвышенной мечтой, которую глупыш стремится, несмотря ни на что, осуществить, бесстрашно забираясь всё выше и выше в небеса, а затем срываясь в кипящую под ним бездну. Непроизвольно оказываешься захваченным его умопомрачительным парением, и начинаешь вдруг завидовать маленькой отважной птице за её нестигаемость и волю.

Работая в море, в минуты отдыха я всегда любил наблюдать за неутомимым глупышом. Его легко было отличить от других морских птиц, поскольку он - небольшой, плотненький, с короткими крыльями, и тогда как взбалмошные чайки устраивают невообразимый гвалт около добывающих рыбу судов, глупыш безудержно взмывает в небеса, без усталости поднимаясь всё выше и выше, так что порой его совсем уже становится не видно.

Думая о том, зачем он это делает, я прихожу к выводу, что глупышу просто нравится так делать. Забираться в высоту и нестись оттуда во весь дух до самого моря, а потом всё повторять сначала. Как будто это самое лучшее, что он нашёл для себя в жизни, и, обнаружив подобную потребность, уже не в состоянии ей изменить. Что-то вынуждает глупыша вновь и вновь повторять эти умопомрачительные взлёты и падения, и они, кажется, будят в сердце птицы нечто неизведанное.

Мне и самому хочется точно так же, как птице, рваться ввысь, удаляясь от моря, а потом нестись с высоты вниз, выходя из пике у самой поверхности воды. В этом, кажется, совершенно ненужном действии, не несущем в себе никакого смысла, между тем, заключалось нечто притягивающее и завораживающее. Приятно было даже просто смотреть на парящего над морем глупыша, восхищаясь его ловкими манёврами и неустрашимостью, и за долгие годы работы в море я искренне полюбил эту маленькую птицу, заключающую в себе какую-то неизъяснимую, нестигаемую силу.

Глядя на глупыша, я, конечно, понимаю, что ни какой он не глупыш, но имя его мне всё-таки нравится. Глупыш как будто восклицает своим полётом: думайте обо мне - что хотите, но я счастлив, что имею возможность наслаждаться парением над морской пустыней, и если вам нравится называть меня «глупышом», то пусть так оно и будет, и это никак не сможет повлиять на ту радость, которую я переживаю.

В общем, глупыш стал мне дорог, он ещё более оживил моё восприятие моря, и в экспедициях я действительно постоянно ищу его глазами, а найдя - будто успокаиваюсь, и обретаю среди морской стихии себя. Своим присутствием птица помогает мне справляться со многими трудностями, как это ни странно звучит - я учусь у неё жизни, и очень ей признателен.

Так же я признателен Господу Богу, Божественному обустройству Вселенной, где мы можем беспрепятственно летать в самых разнообразных

мирах, создавать новые, и во всём этом Божественном жизнеустройстве видеть что-то неповторимое, отдавая энергию своей души на благо всех живых существ. Сущее будет тебе только благодарно за твоё честное отношение к божественной жизни.

И вот, точно так же, как свободной птице, мне хочется рваться ввысь, удаляясь и от моря, и от Земли, становясь счастливым от соразмерности всего происходящего. И именно маленький буревестник-глупыш, как никто лучше, напоминает мне себя самого, отправляющегося в свободное космическое пространство, созидая в нём своим полётом что-то ещё не существующее во Вселенной, желая открывать в ней новые сокровища, не стремясь при этом овладевать ими. Только жить и радоваться, а если приходится преодолевать препятствия, то проходя через них, оставаться таким же чутким и сильным, как мой любимый буревестник, угадывая повсюду присутствие Бога.

Х

Х

Х

Когда я, пребывая между двух жизней, ощущал себя в космическом пространстве парящей душой-буревестником, так мне было удобнее всего воспринимать себя в нём, я всё же ясно осознавал, что всё моё существо - нечто большее. И оно хоть и является частью простирающегося вокруг Бытия, но и несёт Его в себе, то есть - заключает в своей природе весь этот бесконечный мир, представляя его маленькую копию.

Подобным образом в этом божественном пространстве измеряется его глубинное качество, такова и его и моя суть, непередаваемо безбрежное всеохватное сознание, что ты - вся Вселенная, а Она - ты. Примечательно было то, что я совершенно не чувствовал границ самого себя!

И вот, что ещё подумалось: всё то, чем я жил предыдущие воплощения, включая и последнюю жизнь, а я был убеждён, что это именно так, что я узнал, увидел и пережил в них, порой преодолевая значительные испытания, сейчас вдруг куда-то ушло. Может быть, оно даже преобразовалось в совсем иное представление о себе, уже абсолютно чистое, процеженное через опыт своей познающей души.

Теперь, как раньше, не нужно было разматывать клубок пережитого, чтобы понять - куда и как двигаться дальше. Само пребывание в состоянии беспредельного полёта воспринималось как единственно достойное и верное, оно заполнило собой ранее присутствующую неосознанную пустоту, и осталось лишь сильное и красивое ощущение того, что ты можешь достигнуть всего, чего бы ты ни пожелал.

И как только я взглянул на себя совершенно иными глазами, оказавшись в этом необыкновенном космическом пространстве, без каких-либо земных мыслей, и сосредоточился на Вселенском Бытии, то мне тотчас открылась какая-то очень близкая и дорогая реальность, и она не была похожа на то, что я видел и знал о себе прежде. Мало того, оказалось, что я

ждал её, вернее, того, что было мне как будто незнакомо, но догадывался, что увидев - непременно узнаю, и так оно и случилось.

Сначала всё кажется неизведанным, пугающим своей неизвестностью, но когда залетишь подальше - уже не страшно, даже - наоборот: неведомый мир открывает тебе свои объятия. Если быть честным, ты и ожидал чего-то в этом роде, только не был уверен, что всё выйдет в точности так, как ты и предвидел. Но пока не попробуешь, вернее - не решишься, не откроешь себя, как и этот необозримый мир, а когда подобное случается - сразу обретаешь крылья.

Мелочи, когда-то составляющие все твои воплощения, сейчас превращаются в нечто великое, и ты понимаешь, как они были важны в накоплении осознанности. Осознание этого оказалось таким простым, что принесло в твоё существование величайшую силу. Вернее, эта сила присутствовала в тебе, только ты её не чувствовал, осознав же - ощутил в полной мере. Да её, кажется, и нет, нет этой меры, порождающей ограничения и страдание, а есть слияние с силой жизни, живое восприятие Бога.

Разве можно не доверять ей в себе, отдаваясь безраздельно? И при этом понимать: ты есть, каждый миг, - и успешный, и здоровый, и счастливый. Чем бы ты ни занимался, тебя переполняет ощущение глубокого удовлетворения от выполняемого действия, ты осознаёшь, как качественно исполняешь своё божественное дело: сосредотачивай всё внимание только на нём. Оно для тебя главное сейчас, и от того, как плодотворно ты его осуществишь, зависит вся твоя последующая душевная жизнь.

Вокруг тебя, и главным образом - в тебе, образуется какая-то новая энергия, и эта энергия делает тебя безбрежно радостным и счастливым. Наиважнейшее счастье - находиться в осознанном единстве с Целым, привнося эту осознанность в окружающую жизнь.

Я лечу сквозь звёздные миры, душою присутствуя в них, но зная, что какая-то Сила влечёт меня дальше, целенаправленно и также покойно, отчего в душе и трепет, и полная уверенность, что за тобой следят, следят за тем, как ты преодолеваешь этот путь. Я чувствую, что по мере приближения к чему-то трогательному и самому дорогому, я с каждым мигom переживаю ещё большую убеждённость и непоколебимость в верности этого устремления, в его необходимости, где на тебя снизойдёт ответственность за все прожитые жизни, и одновременно радость от сопереживания их вместе с невидимым пока Божеством.

Ты ощущаешь Его проникновенное Присутствие во всём, главное, в самом себе, и только переживаешь тихое и мощное восхищение от происходящего. Всё становится на свои заслуженные места в этом мире, который ты всегда ощущал в собственной душе, знал, что он существует, и как-то подспудно, втайне, тянулся к нему, и вот ты здесь.

Словно ты - тот самый маленький буревестник, что летишь сквозь свои многочисленные воплощения к родному дому, и все они спокойно

укладываются ни в слова или образы, а в удивительно восторженную убеждённость, что делал ты всё правильно. Ты направлял свои душевные устремления в общий вселенский поток созидания, и теперь ощущаешь себя в этом потоке вполне полноправной и заслуженной частицей. Ты чувствуешь, как этот поток наполняет и захватывает тебя с собой, и ты счастливо отдаёшься на его волю, волю Божества, к которому ты стремился всегда.

Вокруг неожиданно возникает какое-то сокровенное плато, так что все звёзды куда-то отходят, и прямо перед тобой образуется безбрежное, но очень живое светлое место, хотя повсюду стоит темнота, и из этого светлого места в душу начинает вливаться невероятно трогательное, несравнимое даже с материнским теплом благо, пронизывая малейшую клеточку всего твоего существа. Это состояние ни на что не похоже за время прожитых тобой жизней, и его можно сравнить с неописуемо благостным падением в божественную бездонность, мимо своих обычных земных мыслей, навстречу какой-то новой, по-настоящему родной для тебя действительности, где ты, наконец, превратишься в истинное дитя Бога, в маленькое восторженное божество, насыщенное неиссякаемо благостным солнечным светом...

И тогда тебе вновь захочется ощутить себя маленьким счастливым буревестником, радостно взмывающим над бескрайним океанским простором, несмотря на то, что ты уже божество. А разве не божественен этот крохотный морской глупыш, что намеревается противоборствовать безудержной стихии? Но только ты сейчас не противостоишь безбрежному и таинственному звёздному миру, лишь счастливо сливаясь с ним.

И словно в унисон твоему вдохновляющему настрою по всему божественному пространству разносится проникновенный верховный глас - ненавязчивый, необыкновенно родной, обращённый только к тебе: «Танцуй со Мной, возлюби этот нескончаемый полёт как Меня, нет ничего его прекрасней. Ты вознёсся к самым своим Истокам, но не прекращай свой полёт дальше, танцуй вместе с Бытием, кружись в свете разноцветных миров, всегда обращённых к тебе, погружайся в глубину, простирающуюся за ними, и наслаждайся её проникновенной темнотой. На самом деле, темнота эта тоже светла, ты только лети, ничего не страшась, - разве ты не чувствуешь, как в тебя вливается невидимая мощь Вселенной?!

Насыщаясь ей, ты, конечно, не обзираешь всех её пределов, но эта бескрайность немыслимой силы не угнетает, а раскрывает тебя. Ты начинаешь и сам переживать божественное настроение от происходящего вокруг, и мощь Божественного Присутствия пронизывает всё твоё существо. Пребывать в божественном пространстве и не быть его частицей невозможно, а потому наслаждайся обрётённой силою, летай в удовольствие, и ни о чём не заботься. Ведь Бытие бескрайне на впечатления, и за очередным открытием встанёт сонм ещё более увлекательных откровений, что никогда не прекратятся.

Ты достиг своего дома, и дом этот прекрасен, он - вся Вселенная, из него теперь никуда не уйдёшь, так пребывай в нём в радость. Радость - твоё истонное, самое родное состояние, потому как Моя Радость - в тебе, а твоя - во Мне. Нет лучшей душевной радости, чем растворять свою радость в других живых существах, любя весь Божественный Мир».

Но даже теперь, воспринимая себя в этой бесконечной Вселенной осознающей частицей, ты понимаешь, что никогда не сможешь постичь Высший Разум, тот порядок, по которому жизнь разворачивается для какой-то своей высшей цели, и, всё же, достигнутые проблески сознания доставляют тебе неопиуемую радость. Это завораживающее безмолвие внутри себя и вокруг позволяют почувствовать во всём скрытую гармонию, когда ненужное уходит, и восприимчивость невероятно обостряется: в этом божественном пространстве не нужно никому ничего объяснять, самому что-либо понимать, а можно лишь осознавать своё единение с ним, не ощущая какой-либо обособленности.

Ты уже не оцениваешь, как в предыдущих воплощениях, происходящие с тобой события, и только принимаешь простирающуюся действительность, настраивая себя на единение с окружающим вселенским порядком. Повсюду гармоничное истечение жизни и не прекращающееся ни на секунду творение, и эта божественная непостижимость - самое лучшее, что тебе удалось познать с момента своего существования. Ты не можешь быть против того, что происходит, потому что окружающая Божественная Жизнь усиливает твоё желание быть. Когда ты принимаешь происходящее - ты един с ним, и уже оно награждает тебя своим принятием.

Я стал прислушиваться, как сквозь меня течёт это огромное, неизведанное существование, и не чувствовал себя опустошённым, а наоборот - ровно преображался в неизбывной Космической Силе. От присутствия этой Силы становилось понятно, что ничего прекрасней её нет, ты там, где тебе и надлежит быть, и всё окружающее пространство расположено к любым манованиям твоей души, чутко и ненавязчиво улавливая их, и ты с неизъяснимой радостью переживаешь только необходимость видеть то, что творится вокруг. Ты - как будто пустой, воздушный, но в тоже время переполнен чистейшим вселенским разумом.

«Вот и наступил твой час проникновения в это Абсолютное, Божественное, и Он, Отец мой, находится где-то рядом, - легко и свободно думаю я уже о своём пребывании здесь. - Моя душа - сродни Ему, только очень маленькая. И, всё-таки, кажется, что она вмещает огромный мир».

Х

Х

Х

И напоследок задумаемся: зачем Вселенной появляться и утруждать себя своим развитием? Создавая из своей не проявленной природы материальные формы, она, таким образом, наверное, предполагает их возможное взаимодействие между собой, затеяв своеобразную игру. Для

чего? Нам это, вероятно, покажется навсегда неразрешимым стремлением объяснить Бесконечное.

Но вот, формы созданы и взаимодействуют, и теперь важно, чтобы заложенное в них сознание сначала пробудилось, а затем - росло, с целью преобразования этого материального мира в божественное пространство. Разве не достойная цель, к тому же - интересная?!

И всё же, не лучше ли было Вселенной, неведомому нам Божеству, оставить своё Божественное состояние в не проявленном виде? Нет, Богу удобно было привнести божественное сознание и на Землю, именно в мир материи, и тем самым обожествить его.

Но человечество так распорядилось своим существованием, что каждое последующее воплощение души на Земле оказывается менее возвышенным, чем предыдущее, соответственно уменьшаясь в красоте и чистоте. Понимание божественной задумки остаётся для нас загадкой, и скорее всего эта загадка выходит за рамки постижения её человеком, но так увлекательно жить на чудесной планете, в бесконечно божественной Вселенной, стремясь угадать божий замысел, определив и для себя в этом удивительном мире достойное место!

Для человека очень важно его отношение к своей внутренней природе, отображающей природу самой Вселенной, где ты всегда и настоящий, и тот, кем можешь когда-нибудь стать. Какие соображения наводят на подобную мысль?

Пожалуй, устройство самой Вселенной, что включает в себя бесконечное количество подобных ей необозримых пространств, и при этом она постоянно возникает, развивается, но не остаётся одинаковой. А происходит всё это развитие вечно.

Вселенной, таким образом, не скучно существовать, она обновляется, как будто играя. И так – без конца, всё время – по-новому. Стрела времени, уносящая нас в будущее, рано или поздно возвращается, и всё опять начинается. Вернее – продолжается, но уже по-другому. Зачем?!

Наверное, только за тем, чтобы не надоесть самой себе: так Вселенной интереснее продлить бесконечное существование, извлекая из своей нескончаемой глубины ... небывалое. Вселенная очаровывает нас своей неповторимой сутью, и разве неинтересно становится жить, когда мы можем проживать бесконечное количество не похожих друг на друга жизней, в каждой из них открывая в себе то, чего ещё не существовало?

Таков смысл происходящего и во Вселенной, и в нас, и все эти нескончаемые повторения только за тем и существуют, чтобы вечная жизнь нам не надоедала, а учила созидать новые неповторимые миры.

И всё-таки, истинный смысл Существования известен только Великому Целому, и Его познание ограниченному человеку неподвластно. Его невозможно осмыслить, и тогда, чтобы оказаться вне времени, и, следовательно, постигнуть происходящее, человеку необходимо каждую

секунду быть в настоящем моменте, то есть - осознавать себя в божественном пространстве, пронизанном такой же божественной благодатью и тишиной.

По затеянной Вселенной Игре нам всем следует воплотиться, и не раз, в форме, может быть, не только на Земле, но и на разных планетах. Для чего? Может быть, только для того, чтобы, отгадать в себе божественное сознание и развить его, распространив это сознание повсюду. То есть – вернуть его в бесформенное состояние, не проявленное, но уже максимально осознанное, ни чем неограниченное.

Вы когда-то, давно, родились в своём доме, долго странствовали по свету, и, наконец, вернулись в родные пенаты. Но уже умудрённые пережитым опытом, подняв уровень собственного сознания до божественных высот, когда вам уже не требуется форма, и вы возвращаетесь в объятия своих Прародителей, чтобы порадовать их своим ростом: ведь они переживали в вас Себя!

Так вот, это перерождение должен пережить каждый, наделённый божественным огоньком сознания, и только тогда Бог возрадуется, открывая для нас новые, неведомые рубежи, что, несомненно, будут ещё увлекательней и прекрасней, и вы заслужили заглянуть за их горизонт, познавая ещё более глубокий смысл. Вам было позволено достигнуть этой глубины, и вы, действительно, познали её новое измерение, потому что ничего в Существовании не происходит такого, чему не суждено быть.

По таким законам устроено Божественное Целое: если вы, вырастая, проходили многие препятствия, то значит, вы становитесь более зрелыми. Ваша внутренняя суть крепнет, и вы на собственном опыте убеждаетесь в ограниченности проявленного пребывания, уже не привязываясь к форме.

Ваше сознание всецело устремлено к Богу, вы использовали свои жизни как благоприятную возможность для роста вашего сознания, и врата в Царствие Божие для вас открыты. Из маленького несмышлёного ребёнка, пусть и с заложенным в него огоньком божественного сознания, вы стали истинным мудрецом, сыном Господа!

Х

Х

Х

Жизнь моя не проиграна, я знаю это точно. Все существования слились в ней воедино, чтобы вскоре предстать пред Богом. Наступил момент, к нему я шёл многие воплощения, нет, кажется, ничего этого важнее, но напряжения не чувствуется: остаётся вопрос - что дальше?

Пребывание в этом благодатном состоянии полёта, когда доступны любые расстояния, без каких-либо ограничений? Созидание? Чем я займусь сейчас, когда обрёл в себе духовную целостность? Какому творению отдам все силы своей души?

Может быть, буду обучать другие, менее развитые души, чтобы и они когда-нибудь предстали пред своим Отцом, и насладились полётом в разных мирах, не зная пределов? Именно это так прекрасно и увлекательно, чтобы

уже ни к чему более не стремиться? Ведь должно существовать что-то ещё, более высокое, к чему с таким же интересом, как раньше, хотелось бы лететь, вновь с радостью открывая?

Прекрасная божественная необозримость... Как хорошо и свободно в ней лететь, ни в чём себя, действительно, не ограничивая, только постоянно дополняя чем-либо увиденным. В жизнях на Земле ты слишком много сил растрачивал на отдачу себя другим, а здесь, в Царствии Божиим, легко посвящаешь всю силу своей души этому божественному миру. Причём, не уставая, а испытывая только чудесное переживание удовольствия, не обременённое ничем.

Бытие так радостно, так приятно, что невозможно передать впечатления от Него. Ты, кажется, даже не нуждаешься в Боге, потому, как и сам божественен, преисполнен любовью. Только лети и твори, наслаждайся этой божественной свободой и сокровенным устремлением всё-таки заглянуть туда, где, может быть, никто до тебя не бывал. И если есть у тебя что-либо отдать - делись безусловно, в этом - вся суть жизни, когда она захватывает тебя целиком, без какого-либо уныния, и ты чувствуешь себя одарённым Богом.

Вероятно, в этом и заключён смысл существования, предназначенный для увлекательного постижения, и в подобном поиске ты принимаешь Игру, затеянную Господом. Игру под названием «Жизнь», где главной составляющей оказывается развитие себя, твой внутренний рост.

Радостно жить, просто стремясь понять в себе божественное начало. А когда многое поймёшь, то в душе твоей вспыхнет ещё более яростный огонёк незатухающего к ней интереса, отчего и захочется парить вольным буревестником в безбрежном космическом просторе, наслаждаясь красотой мира и собственной свободой, без конца удовлетворяя свою неиссякаемую любознательность и потребность любить.

Х

Х

Х

Непонятное чувство испытываешь, завершая последнюю в своей жизни книгу. Оно ни с чем несравнимо, ибо далеко не каждому его суждено пережить. Это всё равно, как если бы ты всю жизнь ждал свою единственную и неповторимую любовь, а она так и не приходит. Но ты, несмотря на возраст, всё-таки в глубине души надеешься, что неповторимое чувство тебя непременно посетит, нужно только ещё немножко набраться терпения, и любовь озарит твоё сердце неизбывным чарующим светом.

Вот и ты, завершая эту последнюю в своей жизни книгу, не можешь никак поверить, что ничего уже больше не напишешь. В глубине души тебе трудно подобное представить, и в тайниках собственного сознания ты тешишь мысль о том, что может быть это ещё не конец.

Что-то такое, неожиданное, о чём и подумать невозможно, вдруг придёт однажды в твою жизнь, и в тебе будто откроется и второе, и третье, и

десятое дыхание, что, конечно, позволит загореться новой прекрасной мечтой. Ради неё ты готов идти сквозь любые испытания, как в молодости, не боясь никого и ничего, и эта светлая мечта, несомненно, будет осуществлена, и на пути следования к ней, ты опять повстречаешь немало замечательных людей, и многие из них станут твоими друзьями. Сколько энергии в нас порождает достойная цель, какую силу переживаем мы в себе, отправляясь в новое путешествие!

Но нет, дорогой читатель, всему своё время, и ты не имеешь права его упустить. А потому помни, что самое ценное, что есть у тебя, - вот этот настоящий миг, и его нужно прожить честно, то есть - достойно, работая только на созидание, поскольку ты - частица волшебного Целого.

Жизнь, созданная Божественной Вселенной, прекрасна, проживаемая же людьми - как плохое, бездарное кино, наполненное случайными всплесками и падениями, и если тебе удалось, хотя бы иногда, прочувствовать доступность божественного замысла, его красоту, то прожил ты свою жизнь не зря.

И не важно, что существование на Земле коротко, и когда-нибудь придёт час и тебе попрощаться со всем, что было мило твоему сердцу, но этого, отпущенного тебе времени, вполне достаточно для того, чтобы ответить на все вопросы. Ты, главное, цени каждое мгновение, не давай ему незаметно исчезнуть и полюби его, а Божественная Вселенная встретит тебя с распростёртыми объятиями, потому как она изобильна, и всегда во всём помогает тому, кто не предаёт в себе Бога.

Так думаю я сейчас, с малых лет мечтая о путешествиях и подвиге. Мне всё-таки удалось ухватить, казалось бы, недоступную живопись и письма Бога, как и невысказанную таинственность морей, холодное изящество льдов и завораживающую тишину девственных лесов, отчего я до сих пор переживаю незабываемые чувства. Я необычайно радостен и счастлив, что сердце моё не оказалось бесплодным, и я принёс и своё солнечное тепло в красоту этого неподражаемо прекрасного божественного мира.

Да, время утекает сквозь пальцы, ничего с грустными событиями не поделаешь, но Божественное Присутствие остаётся, чтобы никогда не прекращаться. И так будет всегда, пока светит солнце, растут деревья, птицы распевают песни, ветры гонят облака по небу, океан продолжает нести к земле величественные воды, а я - изливаю своё тепло. Ведь я – сын солнечного божества, и очень признателен ему за то, что оно не оставило меня без внимания и подарило эту чудесную возможность дарить свет.

Создание чего-то нового, только твоего, необыкновенно озаряет изнутри. Свет этот постепенно переполняет душу, а затем – вытекает наружу, и тогда его уже невозможно удержать. Нужно только вовремя высвободить этот свет, придав ему душевное тепло, тепло твоего внутреннего солнца, и пока есть возможность, нужно светить.

Оглавление

Пролог	4
Первая часть. Благодать Божья.....	8
Невиданный мир.....	8
Радостная сладость бытия	20
Привилегия детства.....	28
Собственное существо	37
Нет ничего дороже настоящего!	43
Солнечное счастье.....	46
Покупайте поридонки!.....	50
Чечевица.....	52
Рай земной.....	55
Внутреннее небо.....	58
Старый бабушкин дом	63
Свет любви.....	68
Большая радость - иметь любимых бабушек!	71
Шапито	79
Царствие небесное	82
Парение во сне и наяву	90
Без игры - не было бы жизни	94
Благодать божья	104
Истинная чистота	115
Волшебный сад.....	119
Под сенью нашего детства	132
Прекрасные книжки детства	150
Всевышнее благословение	163
Зоосад	168
Правда жизни.....	175
Божественный зов	179
Самая любимая и родная	182
Не дай боли волю!	192
Мы идём с бабушкой в баню!	198
В первый класс!	204
Таинство воды	206
Рыбья кровь.....	222
Фор-те-пья-но!	229
Всё дело - в любви.....	238
Позвольте ребёнку быть собой	247
Слёзы очищения	250
Милое зверьё.....	257
Тётушка лиза.....	262
Пригожая болезнь	265
Благоговение к жизни	274
Не бойтесь быть смелым	280

Самая чудесная в жизни игра.....	292
Божье деревце	306
Книжный дедушка.....	313
Волшебство повсюду	318
Необычный гость.....	321
Моё трепещущее крылышками сердце.....	323
Не бык, бугай!.....	335
Про горох, Чёртово болото и юрких змеек.....	337
Чудеса в решете	342
Этот огромный таинственный мир.....	362
Страна чудес	369
Вторая часть. Еще не много про детство, или о том, как можно просто и радостно жить	379
Третья часть. Дети солнца	438